шестидесятники / sixtiers

проект
байкал /
project
baikal

2014 / 39-40

Зодчество
Детские студии
Архитектор Владимир Бух
Иркутские шестидесятники
Воспоминания

МЫ НАЧИНАЕМ СТРОИТЕЛЬСТВО

ИНГЕО

20 ЛЕТ
УСПЕШНОЙ РАБОТЫ

ИНЖЕНЕРНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ ДЛЯ СТРОИТЕЛЬСТВА

– *инженерно-геодезические изыскания*
– *топографические съемки, специальные инженерно-геодезические и топографические работы*
– *инженерно-геологические изыскания*
– *инженерные изыскания грунтовых строительных материалов*
– *инженерные изыскания источников водоснабжения*
– *исследование грунтов оснований зданий и сооружений*
– *контроль качества работ*
– *инжиниринговые и консультативные услуги*

ООО «ИНГЕО»
Тел.: 200-001,
211-327, 211-329
E-mail: ingeo@list.ru

Я все нежней и осознанней
это люблю поколение.
Жестокое это каление.
Светлое это горение...

Юрий Левитанский

Эти строки поэт-шестидесятник написал о другом поколении – родившихся во времена великих русских революций, – кажется, так теперь будет называться этот период в новых учебниках истории. Двадцатые и шестидесятые перекликаются и в архитектуре: время надежд, романтики и авангарда. Смелые идеи, интернационализм и социальность, попытка свободы.

Возникали новые жанры и субкультуры. Туристы и походы (214), авторская песня (98), вынужденно – самиздат. Другое кино зафиксировало другую архитектуру (64). Кстати, кинематограф, не очень щедрый к архитекторам, в фильмах «Любить человека» Герасимова и «Верой и правдой» Смирнова рассказал о коллизиях и трагедиях именно периода 60-х.

Шестидесятники – особое явление в советской культуре вообще и в архитектуре в частности. Как некогда в 20-е, снова возникали творческие объединения вокруг ярких новаторских идей и личностей. Стоит согласиться с Т. Умновой в том, что без шестидесятников XX век потерял бы половину своего очарования.

Интересно, что «эмоционально перекликающиеся феномены с общим названием» возникли в это время в разных системах – в СССР и Европе («шестидесятниками» часто называют The Beatles, хиппи, участников студенческих волнений 1968-го).

Приходят времена осознания ценности вклада шестидесятников в градостроительство и архитектуру, в теорию и практику. Модернизм вдруг стал актуален в эпоху кризиса, в стремлении к бережному отношению к ресурсам (44). В первом блоке главной темы номера подборка статей о модернизме и времени.

Второй блок посвящен одному из самых ярких представителей этого поколения. В минувшем сентябре мы простились с Владимиром Бухом, архитектором, градостроителем, первым главным редактором нашего журнала.

В третьем блоке главной темы – антология иркутских архитекторов середины XX века и их объектов. Как удалось двум десяткам выпускников столичных вузов и Сибстрина оставить такой глубокий след? Что это было за явление – шестидесятники? В одноименном главной теме нашего номера стихотворении «сибирской породы» Евгений Евтушенко дал свою версию ответа:

Кто были мы,
шестидесятники?
На гребне вала пенного
в двадцатом веке
как десантники
из двадцать первого.

Елена Григорьева

проект байкал/
project baikal
ISSN 2307-4485

39-40

шестидесятники / sixtiers

I love it more consciously,
I love it more dearly -
This bright generation
Hardened severely...
Yuri Levitansky

These words said by a sixtier poet were addressed to another generation, that was born in the time of the Great Russian revolutions, as the new history textbooks begin to call it. The 20s and the 60s also correlate in architecture: the time of hope, romance and avant-garde. Brave ideas, internationalism and sociality, and attempt at freedom.

New genres and subcultures appeared: tourists and hiking (214), bard songs (98), and under the necessity – underground press. The other cinema captured the other architecture (64). By the way, the cinematograph, which was not very generous towards architects, showed the collisions and tragedies of the 1960s in the films “To Love a Man” by Gerasimov and “With Good Faith and Fidelity” by Smirnov.

The sixtiers are a significant phenomenon in the Soviet culture in general and in architecture in particular. Like in the 1920s, creative associations were formed around innovative ideas and personalities. As T. Umnova said, if it were not for the sixtiers, the XX century would have lost half of its charm.

Now it is time to recognize the value of the contribution made by the sixtiers to urban planning and architecture, to theory and practice. Modernism has become of interest in times of crisis and aspiration for careful attitude towards resources (44). In the first section of the main topic there is a selection of articles on modernism and the time.

The second section is devoted to one of the brightest representatives of that generation. We said farewell to him last September. Architect Vladimir Bukh.

In the third section of the main topic there is an anthology of Irkutsk architects of the Mid-20th century and their works. How did a score of graduates from high schools of the capitals and Sibstrin manage to leave such a big imprint? What kind of phenomenon were the sixtiers? A Siberian poet Yevtushenko in his poem “Sixtiers” gave the following version of the answer:

Who were we, the sixtiers?
Atop a breaking wave,
Like twenty-first century troops
Parachuted into the twentieth.

Elena Grigoryeva

Издательская группа выражает благодарность за помощь и поддержку в создании журнала главному редактору журнала **проект россия** Алексею Муратову и издателю Барту Голдхоорну, **издательству А-Фонд**, а также Франку ван дер Хувену за поддержку и создание сайта

Журнал зарегистрирован Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ №ФС13-0180 от 16.11.2007.

учредитель, главный редактор
Елена Григорьева
664025 Иркутск, пер. Черемховский, 1а

корректор
Ольга Александрова

литературный редактор
Марина Ткачева

верстка
Татьяна Анненкова

переводчик,
редактор разделов
«Новости МСА», «Дайджест»
Анна Григорьева

печать
«Репроцентр А1»,
Иркутск,
ул. Александра Невского, 99/2,
Тираж 500 экз.

Подписано в печать 27.01.14
Использование текстовых и фотоматериалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции. За содержание рекламной информации редакция ответственности не несет. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов. Периодичность 4 раза в год

адрес издателя, редакции
664025 г. Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
тел.: 3952 33-28-39
3952 33-28-40
e-mail: sar@irk.ru
www.projectbaikal.com

В журнале использованы материалы архивов Иркутскгражданпроекта, службы дизайна Сибэкспоцентра, Л. Антипина, В. Аптекман, В. Буха, С. Григорьева, Е. Григорьевой, И. Дагдановой, С. Нечволодова, В. Нечитайло, Е. Пхора

Редакция будет благодарна за предоставление новых или уточняющих материалов по иркутским шестидесятникам и их произведениям

фото с натуры
К. Александровой,
Л. Антипина,
А. Григорьевой,
Е. Григорьевой

проект байкал/
project baikal
ISSN 2307-4485

39-40 шестидесятники / sixtiers

новости	Анна Григорьева с использованием материалов http://www.uia-architectes.org	Новости Международного союза архитекторов . . . 5
образование	Александр Клевакин	Предпрофессиональная подготовка: от рукоделия к научному исследованию и проектному творчеству . . . 8
	Александр Раппапорт	Вневузовское архитектурное образование . . . 12
	Александр Раппапорт	Детское видение и детские архитектурные школы . . . 14
	Ольга Железняк	Фестиваль архитектуры и дизайна в Санкт-Петербурге . . . 16
события	По материалам пресс-центра Союза архитекторов России	24 декабря 2013 года фестиваль «Зодчество-2013» подвел итоги . . . 21
	Эдуард Товмасьян	Дети XXI Зодчества XXI века . . . 24
монитор	Анастасия Куртиш	Научно-образовательный центр в Иркутске . . . 26
доступная среда	Елена Григорьева с использованием материалов пресс-службы	Доступная история . . . 28
события	Ирина Афанасьева, Евгения Ямова	Летняя мастерская «Деревянное наследие Иркутска» . . . 31
	Елена Григорьева	Борис Сергеевич Нелюбин (9 декабря 1932 – 18 октября 2013) . . . 34
	Юрий Гнедовский	Ю.П. Гнедовский – о совместной работе с Борисом Сергеевичем Нелюбиным . . . 36
тема номера шестидесятники		. . . 37
	Константин Лидин	Завтра началось вчера . . . 38
	Анна Григорьева с использованием материалов http://www.uia-architectes.org	Дайджест . . . 43
	Владимир Белоголовский	От общего к знаковому и обратно, или Модернисты всех стран, соединяйтесь! . . . 44
	Юрий Волчок	«Современники современности». 1920-е и сорок лет спустя: максимы шестидесятых в архитектуре. Слушать слово и слышать время . . . 52
	Ольга Казакова	Советский модернизм: второе пришествие . . . 60
	Дмитрий Михейкин	Архитектура в кино СССР 60-х . . . 64
	Андрей Иванов	Серая жемчужина Еревана . . . 72
	Елена Багина	Им имя полдорожье... . . . 77
	Барбара Энгель	Послевоенный модернизм Дрездена: перспективы градостроительства . . . 82
	Кристиан Хорн	Уникальный деловой район Дефанс . . . 90
	Анатолий Якобсон	Трое из эпохи надежды (Грустное предисловие к неизданному сборнику) . . . 98
	Эдуард Товмасьян	Когда мы были молодыми... . . . 101
	Константин Лидин	«Кохинор и Рейсшинка» . . . 106
	Алла Корзун	Гласность по-иркутски. Исторический город и экология культуры . . . 110
	Алла Корзун	Архитектура шестидесятых в контексте общественного сознания . . . 114
	Эдуард Кубенский	Книги серии «Архитектура советского модернизма» . . . 117

Special thanks to the editor-in-chief of project russia magazine Alexei Muratov, the publisher Bart Goldhoorn and to A-Fond publishing house for their help and support in creating the journal; and to Frank van der Hoeven for his support and website development

The journal is registered by the East-Siberian Office of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and the Protection of Cultural Heritage. Certificate ПИ №ФС13-0180 as of November 16, 2007

publisher and editorial director
Elena Grigoryeva
664025 Cheremkhovsky Pereulok 1a, Irkutsk, Russia
proofreader
Olga Alexandrova
literary editor
Marina Tkacheva
upmaking
Tatyana Annenkova
translator, editor of the "UIA News" and "Digest" sections
Anna Grigorieva

printed by
"Reprocenter A1", Alexandra Nevskogo Street 99/2
print run 500

passed for printing:
27.01.14
Reproduction of all texts or illustrations of the issue without written permission from the editors is prohibited.
The editorial stuff is not responsible for the contents of advertising information. The editorial opinion may not always accord with the views of the authors
quarterly publication

address of the editorial board
664025 Cheremkhovsky Pereulok 1a
Irkutsk, Russia
tel. +7 3952 332839
+7 3952 332840
email: sar@irk.ru
www.projectbaikal.com

Archival materials were retrieved from
Irkutskgrazhdanproject, design service of Sibexpocenter,
L. Antipin,
V. Aptekman,
V. Bukh,
S. Grigoryev,
E. Grigoryeva,
I. Dagdanova,
S. Nechvolodov,
V. Nechitailo,
E. Pkhor.

photos on location
K. Aleksandrova,
L. Antipin,
A. Grigorieva,
E. Grigoryeva

Золотая медаль Международной академии архитектуры «Интерарх-2009» в номинации «Периодические издания»

Golden medal of the International Academy of Architecture "Interarch-2009" in "Periodicals" category

портрет архитектора

Владимир Бух (1935 – 2013) . . . 119
Марк Меерович — БУХ Владимир Федорович. . . . 121
Юрий Меляницкий — Воспоминания однокурсника . . . 129
Марина Ткачева — В.Ф. Бух в СибЭкспоЦентре . . . 130
Мария Степанова — Должны сойтись место, звезды и люди . . . 132
Проекты и постройки . . . 134
Константин Лидин — Времена мушкетеров . . . 164
Марина Ткачева — Изначальный образ. Пейзажная графика В. Буха . . . 166

Иркутские шестидесятники . . . 171

АНТИПИН Люциан Федорович . . . 172
АПТЕКМАН (Воронежская) Валерия Марковна . . . 174
АФАНАСЬЕВ Валерий З. . . . 175
АШИХМИНА Мира Яковлевна (1930–2004). . . . 176
БУХ Нина Владимировна (1941–2003) . . . 177
ВОРОНЕЖСКИЙ Вячеслав Степанович (1937–1999) . . . 178
ВЫРАЖЕЙКИН Владимир Дмитриевич . . . 180
ГОЛЬЦОВА Людмила . . . 181
ГРИГОРЬЕВ Станислав Михайлович. . . . 182
ДАГДАНОВА Ирина (Цыредарь) Баторовна . . . 184
КРУПСКАЯ Лариса Григорьевна . . . 186
КОЛПИКОВ Владимир Игоревич (1938–2004) . . . 187
НЕМИШЕВ Виктор Иванович. . . . 188
НЕЧВОЛОДОВ Станислав Дмитриевич. . . . 189
НЕЧИТАЙЛО Владимир Константинович. . . . 190
ПАВЛОВ Владимир Азариевич (1938–2010). . . . 192
ПОТАПОВА Тамара Георгиевна . . . 194
ПХОР Евгений Борисович . . . 195
СУХАНОВ Виктор Ефимович (1935–1991). . . . 196
ХАДЕЕВ Борис Алексеевич . . . 197
ХАЛДЕЕВ Борис . . . 198
ЧЕМЕРИС Виктор Александрович . . . 200
ШИЛОВ Владимир Сергеевич . . . 201
ШМАТКОВ Виктор Петрович (1930–1997). . . . 202

Евгений Пхор — Наш Иркутск, предыстория. . . . 204
Владимир Нечитайло — Байкальская «кругосветка» . . . 214
Виктория Астраханцева — Перспектива в прошлое . . . 218
Павел Дорофеев — Микрорайонные структуры 1960–1970-х годов в Иркутске . . . 230

авторы . . . 232

news	Anna Grigorieva using source material from the website http://www.uia-architectes.org	UIA News 5
education	Alexander Klevakin	Preprofessional Studies: from Handicraft to Scientific Research and Design Work. 8
	Alexander Rappaport	Nonacademic Architectural Education 12
	Alexander Rappaport	Infantile Imagination and Infant Architectural Schools 14
	Olga Zheleznyak	Architecture and Design Festival in St Petersburg 16
events	From the materials of the Union of Architects of Russia press-center	On 24 December 2013 the Festival "Zodchestvo 2013" Reviewed the Results 21
	Eduard Tovmasyan	The Children of the XXI Zodchestvo of the XXI Century. 24
monitor	Anastasia Kurtish	Research and Education Center in Irkutsk 26
accessible environment	Elena Grigoryeva with inputs from the press office	An Accessible Story 28
events	Irina Afanasieva, Evgenia Yamova	Summer Workshop "The Wooden Heritage of Irkutsk". 31
	Elena Grigoryeva	Boris Sergeevich Nelyubin (9 December 1932 - 18 October 2013). 34
	Yuri Gnedovsky	About Collaboration with Boris Sergeevich Nelyubin 36
sixtiers		 37
	Konstantin Lidin	Tomorrow Began Yesterday 38
	Anna Grigorieva using source material from the website http://www.uia-architectes.org	Digest 43
	Vladimir Belogolovsky	From Generic to the Iconic and Backwards, or Modernists of the World, Unite! 44
	Yuri Volchok	"Contemporaries of the Contemporaneity". The 1920s and Forty Years Later: Maxims of the Sixties in Architecture. To Listen to the Word and to Hear the Time. 52
	Olga Kazakova	The Soviet Modernism. The Second Coming 60
	Dmitry Mikheikin	Architecture in the USSR Cinema of the 1960s 64
	Andrei Ivanov	A Grey Pearl of Yerevan 72
	Elena Bagina	Their Name is Half-Way... 77
	Barbara Engel	Post-war Modernism in Dresden – Perspectives of Urban Development 82
	Christian Horn	La Défense, a Unique Business District. 90
	Anatoly Yakobson	Three from the Epoch of Hope (a sad foreword to an unpublished collection). 98
	Eduard Tovmasyan	When We Were Young.... 101
	Konstantin Lidin	Kohinoor and Reisshinka 106
	Alla Korzun	Publicity in the Irkutsk Style. A Historic City and Ecology of Culture 110
	Alla Korzun	Architecture of the Sixties in the Context of Public Conscience 114
	Eduard Kubensky	The Books from the Series "Architecture of the Soviet Modernism". 117
portrait of the architect		Vladimir Bukh (1935-2013) 119
	Mark Meerovich	BUKH Vladimir Fedorovich (1935-2013). 121
	Yuri Melyanitsky	A Fellow Student's Recollections 129
	Marina Tkacheva	V.F. Bukh in SibExpoCenter 130
	Maria Stepanova	The Place, the Stars and the People Should Converge 132
		Projects and Realizations. 134
	Konstantin Lidin	The Time of Musketeers 164
	Marina Tkacheva	The Initial Image. V. Bukh's Landscape Graphic Works 166
the Irkutsk sixtiers		 171
		ANTIPIN Lyutsian Fedorovich 172
		APTEKMAN (Voronezhskaya) Valeria Markovna 174
		AFANASYEV Valery Z. 175
		ASHIKHMINA Mira Yakovlevna (1930-2004) 176
		BUKH Nina Vladimirovna (1941 - 2003) 177
		VORONEZHSKY Vyacheslav Stepanovich 178
		VYRAZHEIKIN Vladimir Dmitrievich 180
		GOLTSOVA Lyudmila. 181
		GRIGORYEV Stanislav Mikhailovich. 182
		DAGDANOVA Irina (Tsyredar) Batorovna. 184
		KRUPSKAYA Larisa Grigorievna. 186
		KOLPIKOV Vladimir Igorevich (1938-2004). 187
		NEMISHEV Victor Ivanovich 188
		NECHVOLODOV Stanislav Dmitrievich 189
		NECHITAILO Vladimir Konstantinovich. 190
		PAVLOV Vladimir Azarievich (1938-2010). 192
		POTAPOVA Tamara Georgievna 194
		PKHOR Eugeny Borisovich 195
		SUKHANOV Victor Efimovich (1935-1991) 196
		KHADEEV Boris Alexeevich. 197
		KHALDEEV Boris 198
		CHEMERIS Victor Alexandrovich 200
		SHILOV Vladimir Sergeevich. 201
		SHMATKOV Victor Petrovich (1930-1997). 202
	Eugeny Pkhor	Our Irkutsk, the Background 204
	Vladimir Nechitailo	The Baikal Circumnavigation 214
	Victoria Astrakhantseva	Perspective Towards the Past. 218
	Pavel Dorofeev	Neighborhood structures of the 1960s-1970s in Irkutsk. 230
authors		 232

UIA2014 DURBAN: PARTICIPATE
Discover the Keynote Speakers and Register
The scientific committee revealed the names of seven keynote speakers that will address critical issues related to architecture, the environment, and urban or territory planning in Africa and around the world. They are: Burkinan architect Francis Kйrй, Ghanian architect Joe Osae-Addo, South African architect and president of SAIA Sindile Ngonyama, Indian architect, professor and Chair of the Department of Urban Planning and Design at the Harvard Graduate School of Design, Rahul Mehrotra, Architecture for Humanity founder Cameron Sinclair, American urban planner Susannah Drake, and Mexican architect Gerardo Salinas.
PREFERENTIAL PRICES FOR EARLY REGISTRATION
Registrations are now open for the congress.
Fees for professionals:
– Until 31 December 2013: 3 500 ZAR = 266 € = 355 US$
– From 1st January to 30 April 2014: 4 500 ZAR = 340 € = 457 US$
– From 1st May to 30 June 2014: 5 500 ZAR = 418 € = 560 US$
– From 1st July 2014: 6 500 ZAR = 494 € = 660 US$
Students: 750 ZAR = 57 € = 76 US$ -
Accompanying persons: 2 500 ZAR = 190 € =260 US$

Learn more
http://www.uia2014durban.org/

UIA ANNOUNCES THE 2014 CREATION OF .archi INTERNET DOMAIN NAMES RESERVED FOR ARCHITECTS AND THEIR ORGANISATIONS
The UIA has been supporting the project for .archi Internet extension, which will be available beginning in spring 2014. UIA will ensure that these domain extensions are available only to architects and the UIA member sections. Qualified applicants will be easily identifiable on the Internet as members of a professional community. The .archi extension will provide more clarity and transparency for architects, better Internet visibility for professional organisations and their members, and a quality guarantee for clients.

Learn more about .archi
http://www.uia-architectes.org/en/s-informer/nouvelles/8100#.UtLYzSQQzVc

THE INTERNATIONAL VELUX AWARD CELEBRATES ITS TENTH ANNIVERSARY AND LAUNCHES THE 2014 EDITION
VELUX group is launching the 2014 edition of

Новости Международного союза архитекторов / UIA News

Участие в Конгрессе МСА-2014 в Дурбане
Список основных докладчиков и регистрация
Научный комитет объявил имена семи основных докладчиков, которые будут выступать на Конгрессе, затрагивая важнейшие вопросы в области архитектуры, окружающей среды, а также городского и территориального планирования в Африке и в мире.
Названы имена выступающих: Франсис Кере (Буркина-Фасо), Джо Осе-Аддо (Гана), президент ЮАИА Синдиль Нгоньяма (Южная Африка), профессор, заведующий кафедрой градостроительного проектирования Гарвардской высшей школы проектирования Рауль Мехротра (Индия), основатель организации «Архитектура для человечества» Кэмерон Синклер, Сюзанна Дрейк (США), Жерардо Салинас (Мексика).

Предварительная регистрация на льготных условиях:

Открыта регистрация на конгресс. Специалисты оплачивают:

– до 31 декабря 2013: 3 500 ZAR = 266 € = 355 US$,
– с 1 января до 30 апреля 2014: 4 500 ZAR = 340 € = 457 US$,
– с 1 мая до 30 июня 2014: 5 500 ZAR = 418 € = 560 US$,
– с 1 июля 2014: 6 500 ZAR = 494 € = 660 US$,
– студенты: 750 ZAR = 57 € = 76 US$,
– сопровождающие лица: 2 500 ZAR = 190 € = 260 US$.

Дополнительная информация:
http://www.uia2014durban.org/

МСА объявляет о создании в 2014 году интернет-домена .archi, зарезервированного для архитекторов и архитектурных организаций
Международный союз архитекторов осуществляет поддержку разработки домена .archi, который будет доступен с весны 2014 года. Данную доменную зону смогут использовать только архитекторы и секции – члены МСА. Домен дает возможность идентифицировать зарегистрированных лиц или организаций как членов профессионального сообщества. Расширение .archi обеспечит простоту использования для архитекторов, визуальную доступность для профессиональных организаций и их членов, а также гарантию качества для клиентов.

Дополнительная информация:
http://www.uia-architectes.org/en/s-informer/ nouvelles/ 8100#.UtLYzSQQzVc

Международная награда VELUX празднует свое десятилетие и объявляет об открытии конкурса-2014
Группа компаний VELUX объявляет о начале бьеннале-2014, призывая студентов архитектурных школ к всестороннему исследованию темы «Свет завтрашнего дня» и достижению более глубокого понимания этого богатого и всегда актуального источника энергии и освещения. Организаторы конкурса стремятся привлечь новые идеи, экспериментальные методы использования дневного света в строительстве, расширяя границы его применения в архитектуре с точки зрения эстетики, функциональности, устойчивого развития и взаимодействия зданий с окружающей средой. МСА оказывает поддержку международной награде VELUX с момента ее основания в 2004 году. Конечный срок регистрации для участия в новом конкурсе – 3 марта 2014 года. Проекты в электронном виде необходимо представить до 2 мая 2014 года.

Дополнительная информация и регистрация:
http://iva.velux.com

v Комплекс социального жилья A2M в Рагузе (Сицилия). Фото предоставлено Фондом Барбары Каппокин / The A2M social housing complex in Ragusa, Sicily. Photo provided by the Barbara Cappochin Foundation

v На международной архитектурной бьеннале, организованной Фондом Барбары Каппокин. Фото предоставлено Фондом Барбары Каппокин / The International Biennial of Architecture held by the Barbara Cappochin Foundation. Photo provided by the Barbara Cappochin Foundation

its biennial prize to encourage and challenge students of architecture to explore the theme "Light of Tomorrow" in its widest sense, and create a deeper understanding of this rich and ever-relevant source of energy and illumination. The award seeks to encourage and expand how daylight is utilised in the built environment through an open-minded and experimental approach, to stretch the boundaries of daylight in architecture in relation to aesthetics, functionality, sustainability, and the interaction between buildings and their environment. The UIA has supported IVA since its creation in 2004. The deadline for registration in the 2014 edition is 3 March 2014, and projects must be submitted electronically before 2 May 2014.

Learn more and register http://iva.velux.com

TWO YOUNG STUDIOS WIN THE 2013 BARBARA CAPPOCHIN PRIZE

The A2M social housing complex in Ragusa, Sicily, won the 2013 Barbara Cappochin prize for Gabriele Sciveres. The project was unanimously selected by the jury who saw not only a beautiful piece of architecture overlooking the Mediterranean, but also an aesthetic, social and cultural decision that confirms architecture's capacity to provide solutions to the fundamental problems of modern life.

The Venetian team from Studio Tamassociati, led by architects Massimo Lepore, Raul Pantaleo and Simone Sfriso won the Giancarlo Ius Gold Medal, which recognizes innovation, sustainability, and high performance in the use of energies. The winning project is the Pediatric Emergency Centre in Port Sudan that utilises simple construction techniques to meet all the program requirements: comfort for both patients and hospital staff, thermal regulation, energy and water management.

Learn more about the 2013 Barbara Cappochin http://www.barbaracappochinfoundation.net/

Grigorieva, A. (2013) The "Barbara Cappochin" International Prize for Architecture 2013. Project Baikal. vol. 37-38, pp.10-15.

DOUBLE HONOURS

Studio Tamassociati Recognised with the 2013 Giancarlo Ius

Prize and Aga Khan Award for Architecture

It was a good week for the Venetian architects at Studio Tamassociati, who were honoured with the 2013 Giancarlo Ius prize and one of the five Aga Khan Awards for Architecture 2013, at just a few days interval. This young studio defines its approach with the motto "Taking care in architecture". They offer alternatives to the blind

Премия Фонда Барбары Каппокин за 2013 год была присуждена двум молодым архитектурным студиям

Комплекс социального жилья A2M в Рагузе (Сицилия) архитектора Габриэля Скивереса завоевал премию фонда Барбары Каппокин за 2013 год. Данный комплекс был единогласно признан жюри проектом, который является не только прекрасным архитектурным сооружением с видом на Средиземное море, но также и проектом, социальные, культурные и эстетические решения которого подтверждают возможность архитектуры обеспечивать решение фундаментальных проблем современной жизни.

Команда венецианских архитекторов из Studio Tamassociati под руководством Массимо Лепоре, Рауля Панталео и Симона Сфрисо получила Золотую медаль Джанкарло Иуса, присуждаемую за использование инноваций, рациональное использование ресурсов окружающей среды и эффективные решения в области энергосбережения. Проектом-победителем стал педиатрический центр в Порт-Судане, где была использована простая технология строительства, позволяющая выполнить все требования программы: создать комфорт для пациентов и работников центра, соблюдать температурный контроль и эффективно использовать энергию и водные ресурсы.

Подробнее о Премии Барбары Каппокин - 2013: http://www.barbaracappochinfoundation.net/

Григорьева А. С. Международная премия в области архитектуры имени Барбары Каппокин – 2013 // Проект Байкал / Project Baikal. – 2013. – № 37–38. – С. 10–15

Studio Tamassociati получила премию имени Джанкарло Иуса за 2013 год и Награду Ага Хана в области архитектуры

Эта неделя была успешной для венецианских архитекторов из Studio Tamassociati, которым с интервалом в несколько дней была присуждена премия 2013 года имени Джанкарло Иуса и одна из пяти наград Ага Хана 2013 года за достижения в области архитектуры. Свой подход молодая студия определяет как «заботливое отношение к архитектуре». Предлагая альтернативу бездумному использованию ресурсов, архитекторы студии создают проекты, учитывающие инте-

exploitation of resource by creating architectural solutions that respect both people and the environment. Studio Tamassociati received these prizes for their Pediatric Emergency Centre in Port Sudan and the Cardiac Surgery Centre in Khartoum, Sudan. The Giancarlo Ius prize is organised by the Barbara Cappochin Foundation, and dedicated to the memory of this former UIA Vice-President who passed away in 2008.

http://www.tamassociati.org/
http://www.akdn.org/architecture/project.asp?id=4438

RENZO PIANO NAMED SENATOR FOR LIFE

Architect Renzo Piano was named Senator for Life by the President of the Republic, Giorgio Napolitano, on 30 August 2013. The Italian government also awarded this title to orchestra conductor Claudio Abbado, neurobiologist Elena Cattaneo, and physician Carlo Rubbia. Renzo Piano was the 2002 recipient of the UIA Gold Medal.

GREECE IN AND AROUND THE AKROTIRI ARCHAEOLOGICAL SITE

The Greek Society for the Environment and Cultural Heritage and the Greek Society of Architects, both chaired by Yannis Michael, in conjunction with the UIA Hellenic Section, chaired by Ms. Fani Vavili, sponsored an event in Athens to commemorate World Architecture Day. Under the auspices of the Technical Chamber of Greece, the event's theme focused on society in and around the Akrotiri archaeological site on Santorini island.

The main conference was given by Christos Doumas, archaeologist and head curator at the site, and Nikos Fintikakis, UIA Council member and architect responsible for the bioclimatic structure that protects the dig site.

Contact: Nikos Fintikakis, UIA Council member
syntres@ath.forthnet.gr JOSEPH RYKWERT RECEIVED THE ROYAL GOLD MEDAL 2014

One of the 20th century's most prominent architectural critics, Joseph Rykwert, was selected for the 2014 RIBA Gold Medal to recognise his life's work. His first book, The Idea of a Town: The Anthropology of Urban Form in Rome, Italy and the Ancient World, published in 1963, definitively changed the classic understanding of the history of architecture and urban planning, at that time based on archaeological works, by laying the foundations for a new style of research where the human sciences play a predominant role.

His works and teaching have influenced several generations of architects, and many of the most talented among them. The former gold medalists who supported his nomination include David Chipperfield, Frank Gehry and Renzo Piano. Upon hearing of his award, Joseph Rykwert stated, "What makes this gift twice as precious is that it comes not from my writer and critic colleagues, but from architects and builders".

Learn more
http://www.architecture.com/
The essential monument - Joseph Rykwert - Bartlett International Lecture
http://vimeo.com/52220865

Learn more
http://www.uia-architectes.org/

< Педиатрический центр в Порт-Судане по проекту Studio Tamassociati. Фото: Массимо Гримальди / Pediatric Emergency Centre in Port Sudan by Studio Tamassociati. Photo: Massimo Grimaldi

< Биоклиматическая конструкция Никоса Финтикакиса, сохраняющая участок археологических раскопок Акротири на острове Санторини (Греция). Фото: Клерхос Капутсис / The bioclimatic structure by Nikos Fintikakis that protects the Akrotiri archaeological site on Santorini island. Photo: Klearchos Kapoutsis

ресы людей и проблемы окружающей среды. Команда получила награды за проект педиатрического центра в Порт-Судане и Центра кардиологии в Хартуме (Судан). Премия Джанкарло Иуса была организована Фондом Барбары Каппокин и посвящена памяти бывшего Вице-Президента UIA, умершего в 2008г.

http://www.tamassociati.org/
http://www.akdn.org/architecture/project.asp?id=4438

Ренцо Пиано был назван пожизненным сенатором

30 августа 2013 года президент Итальянской республики Джорджио Наполитано объявил архитектора Ренцо Пиано пожизненным сенатором. Итальянские власти также присудили данный титул дирижеру Клаудио Аббадо, нейробиологу Елене Каттанео и врачу Карло Руббиа. В 2002 году Ренцо Пиано получил Золотую медаль МСА.

Археологические раскопки Акротири в Греции

Греческое общество охраны окружающей среды и культурного наследия, а также Союз архитекторов Греции, возглавляемые Яннисом Михаэлем, совместно с отделом Греции МСА, председателем которого является Фани Вавили, стали спонсорами мероприятия, посвященного Всемирному дню архитектуры в Афинах. При поддержке Технической палаты Греции организаторы мероприятия обозначили главную тему: общественные проблемы в местах археологических раскопок Акротири на острове Санторини.

Главную конференцию провели Кристос Доумас, археолог и главный куратор раскопок, и Никос Финтикакис, член Совета МСА и архитектор, ответственный за биоклиматическую конструкцию, сохраняющую место раскопок.

Контактное лицо: Никос Финтикакис, член Совета МСА
syntres@ath.forthnet.gr

Джозеф Рикверт получил Королевскую Золотую медаль 2014 года

За выдающиеся заслуги в работе Джозеф Рикверт, один из известнейших архитектурных критиков XX столетия, получил Золотую медаль 2014 года, присуждаемую Королевским институтом британских архитекторов. Первая книга Рикверта «Идея города: антропология городских форм в Риме и Древнем мире», опубликованная в 1963 году, значительным образом изменила классическое представление об истории архитектуры и городского планирования, базировавшееся в то время лишь на работах археологов. Книга Джозефа Рикверта положила начало новому методу исследования, в котором доминирующая роль отводится гуманитарным наукам.

Труды и преподавательская деятельность Джозефа Рикверта оказала влияние на несколько поколений архитекторов, в том числе на известных мастеров. Так, предыдущие лауреаты Золотой медали Дэвид Чипперфильд, Фрэнк Гэри и Ренцо Пиано поддержали выдвижение кандидатуры Рикверта на получение королевской награды. Узнав о награде, Джозеф Рикверт заявил: «Эта награда стала для меня вдвойне ценной, так как она исходит не от моих коллег-критиков и писателей, а от строителей и архитекторов».

Подробности:
http://www.architecture.com/
«Важный памятник» – Барлеттская международная лекция Джозефа Рикверта:
http://vimeo.com/52220865

Дополнительная информация:
http://www.uia-architectes.org/

Предпрофессиональная подготовка: от рукоделия к научному исследованию и проектному творчеству

^ ...Все художественные дисциплины: архитектура, дизайн, графика, видео – имеют общие точки. Учащийся должен понимать, что в новом мире границ и барьеров не существует. Мир и пространство мира целостны. П. Болмант, В. Мартынов, А. Клевакин. Манифест «Современная визуальная культура».

^ Наряду с проектным эскизированием среди каналов профессиональной коммуникации архитектора-дизайнера ключевое место занимает слово.

Предложен подход в преподавании, при котором делается акцент не на пассивном изображении объектов, а на приобретении школьниками знаний, умений, навыков, которые обеспечивают соединения научного и проектного творчества. Проведена серия экспериментальных занятий на базе художественной школы Краснообска. Согласование программ и координация методических подходов довузовского и вузовского уровней обучения осуществлялась по следующим направлениям. Первое – использование единой системы теоретических и методологических понятий. Второе – апробация системы упражнений и заданий, принятых в новосибирской архитектурно-художественной академии на первом уровне обучения в учебном процессе художественной школы. Третье – проведение экскурсий учащихся художественной школы на кафедры и специализированные выставки. Разработана система упражнений, направленная на знакомство с основами научного исследования и развитие способности к проектному творчеству. Уделено внимание согласованию использования ручных и машинных способов эскизирования.

Постановка проблемы

Повышение конкурентноспособности предпрофессиональной подготовки художественного образования определяется необходимостью развития проектного направления, опирающегося на научный подход и мировой опыт.

В настоящее время художественная подготовка в общеобразовательной школе построена на модели пассивного отображения окружающей действительности. Сложившийся подход в преподавании в высшей архитектурной школе делает акцент на изображении объектов. Отсутствует согласование в программах. Необходимо разработать сквозную модель, увязывающую между собой довузовскую и послевузовскую подготовки.

Программа дисциплины «Архитектурно-дизайнерское исследование и проектирование» (Дизайн) разработана нами на инициативной основе с учетом федеральных государственных требований к дополнительной предпрофессиональной общеобразовательной программе в области изобразительного искусства. Дисциплина нацелена на приобретение обучающимися знаний, умений, навыков соединения художественного, научного и проектного творчества с техническими средствами и материалами. Изучение пространственного окружения и предвидение будущего как характерная черта сознания полагается в качестве базовой основы построения пятилетнего периода обучения.

Непрерывность как качественная характеристика программы проявляется в согласовании целей и задач предпрофессионального этапа обучения с целями и задачами профессиональной подготовки в высшей школе. В течение продолжительного периода времени ДХШ п. Краснообска координирует свою работу с Новосибирской государственной архитектурно-художественной академией.

Срок реализации программы «Дизайн» для детей, поступивших в школу в возрасте с десяти до двенадцати лет, составляет 5 лет, 33 недели ежегодно.

Цель и задачи учебного предмета «Дизайн»

Конечной целью обучения по программе учебного предмета «Дизайн» является формирование ответственного отношения личности обучающегося к пространственной среде город. Этот процесс обеспечивается за счет освоения теоретических знаний, практических умений, навыков.

В соответствии с поставленной целью определяются следующие задачи учебного предмета:

– развитие интереса к изобразительному искусству, современным технологиям и материалам;

– знакомство с основами научного исследования;

– формирование устойчивых навыков и умений излагать собственные мысли в устной и письменной форме;

– обучение искусству согласованного использования ручных и машинных способов эскизирования и отображения пространственного окружения;

– развитие способностей к проектному творчеству.

Методы обучения

Для достижения поставленной цели и реализации задач предмета «Дизайн» используются метод прохождения трех уровней. Освоение каждой темы начинается с аналитического представления объекта проектирования. Составной частью этапа эскизирования и поиска является процедура изучения и анализа. На заключительном этапе внимание и усилия обучаю-

< Булатов Семен Егорович – известный во времена СССР художник и дизайнер. С 1964 по 1975 гг. С.Е. Булатов являлся организатором и руководителем секции художественного проектирования при Новосибирском Союзе художников. В последний период своей жизни С.В. Булатов преподавал в новосибирском художественном училище и на кафедре дизайна архитектурной среды в НГАХА.

< Лисицкий Лазарь Маркович – художник, дизайнер, фотограф, архитектор, оформитель первых советских выставок за рубежом. При жизни Лисицкий никогда не был ни в Сибири, ни в Новосибирске, однако на протяжении всей современной истории его идеи удерживают в напряжении местное художественное сообщество.
Фото из архива семьи Сергея Лисицкого.

щихся концентрируются на работе по представлению объекта.

В качестве базовой ценности, на формирование которой направляется учебный процесс, положены ценности пространственного окружения человека, которую застает каждое поколение горожан. Эти ценности едины для всех возрастных этапов личности, социальных слоев и групп, для всех этнических общностей, для всех конфессий.

Программа включает «работу» обучающихся с существующими природными материалами, создание новых объектов с использованием компьютерных программ, разработку проектов.

Содержание учебного предмета «дизайн»

Содержание учебного предмета «Дизайн» построено с учетом возрастных особенностей обучающихся, а также с учетом особенностей их пространственного мышления; включает теоретическую и практическую части.

Теоретическая часть предполагает изучение обучающимися ключевых понятий, включает в себя беседы и обсуждения тем и проблематики. Практическая часть основана на экспериментальной проверке теоретических знаний в опыте индивидуальной самостоятельной работе.

Содержание программы по учебному предмету «Дизайн» вводит в контекст анализа истоков профессии «дизайн», выявляет основы преподавания творческих дисциплин в общеобразовательной школе, предлагает методику воспитания научной и проектной работы школьника.

Программа преподавания проектного творчества опирается на научном методе, который предполагает согласование моделей обучения творчеству в общеобразовательной и высшей школе.

Создание изображения в плане.

Обмер предмета и составление кроков.

Обмер комнаты и составление кроков.

Разбивка плана комнаты.

Последовательность построения плана малоэтажного жилого дома.

Написание текстов по теме.

Постановка эксперимента.

Монтаж фигур людей в интерьер.

Набросок архитектурного сооружения по воображению.

Пространственное моделирование объекта на основе эскиза.

Методическое обеспечение учебного процесса

В рамках разрабатываемой нами с начала 90-х годов концепции миссия предпрофессионального образования определяется созидающей ролью, определяемой не только отображением, но и преобразованием окружающей действительности.

Древнейшая традиция социализации ребенка – инновации, включающие в себя элементы проектно-образного мышления, – должна быть основой повышения конкурентноспособности школьного образования в регионе и стране.

Возрастает роль методик, специальных упражнений, ориентирующих детей на использование имеющихся навыков рисования и моделирования в качестве способов анализа и исследования, непосредственно связанных с проектной деятельностью, а не достижение чисто художественного эффекта.

Преодоление разрыва и культивирование согласия ручных и современных технологий. Обеспечение преемственности через использование интуиции и современных передовых технологий.

Выполнение заданий и упражнений предполагает параллельное использование эскизирования и применение современных компьютерных технологий.

Векторный редактор является базовым инструментом для отработки на начальных этапах обучения навыков масштабного черчения.

Программа объемного моделирования позволяет визуализировать созданные по памяти объекты.

Совмещение проектного эскиза с текстовым пояснением автора является основой для создания пространственных концепций.

Изучение наследия мастеров прошлого осуществляется через знакомстве с творчеством Леонардо Да Винчи, Эль Лисицкого, Томаса Мальдонадо и освоением выработанных способов представления будущего (концепт, проун, научная модель).

Работа над сюжетной композицией ведется в пределах учебных аудиторных занятий и включает в себя объявление темы, постановка конкретных задач, просмотр аналогов, формулировка проблемы, построение гипотезы, поиск решения, обсуждение результатов.

Итогом каждой четверти является создание законченной работы, объ-

> Освоение традиционных видов ручной графики - карандаш, отмывка тушью, перо. Фото 2013 года.

> Прочтение рассказа на тему «Событие лета» учащимся детской художественной школы Краснообска. Фото 2012 г.

> Учащиеся детской художественной школы Краснообска знакомятся с экспозицией выставки «Гений Да Винчи». Новосибирск. Фото 2012 г.

v Представление пространственного окружения в знаковой форме.

единяющей результаты выполнения упражнений. Жанром этой работы является «альбом».

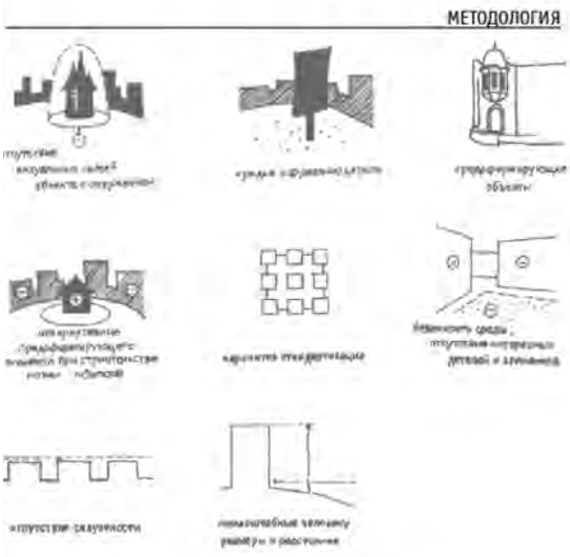
Важное значение имеют:

– опережающее выполнение упражнения;

– выполнение дополнительных заданий по индивидуальному плану;

– самостоятельный выбор темы, формата, средств выразительности;

– выставки учебных и домашних работ обучающихся;



Представление среды в знаковой форме. После проведения аналитической работы по обобщению собранного эмпирического материала участок изображается в образной или схематической форме. 1 — отсутствие связи объекта с окружением, 2 — чуждые окружению детали, 3 — средоформирующие объекты, 4 — игнорирование средоформирующего элемента при устройстве новых объектов. 5 — нарочитая стандартизация, 6 — безликость среды, отсутствие интересных деталей и элементов, 7 — отсутствие силуэтности, 8 — немасштабные человеку размеры сооружения.

– участие в областных, региональных, всероссийских и международных выставках и конкурсах;

– участие в выездных пленэрах;

– создание цифровых файлов с фотографиями выставочных работ обучающихся;

– формирование персонального портфолио одаренных детей.

Изучение

Рисунок есть продолжение и дополнение текста словесного. В рисунке, связанном с анализом ситуации, фиксируется то, на что обращает внимание глаз эксперта-наблюдателя. Это позитивные и негативные элементы среды. Постройки, природные образования, люди... При этом немаловажными деталями могут быть звуки, атмосфера, состояние, в котором находится эксперт.

Метод фотонаблюдения

Третья форма фиксации окружения – фотосъемка. С помощью технических средств возможно детально запечатлеть изобразительные качества участка проектирования: силуэт, фрагменты застройки, материал, цвет. В данном случае фотоаппарат или видеокамера могут являться средствами изучения ситуации, средством препарирования объекта.

Метод написания картины

Четвертая форма изучения окружения – прорисовка ситуации. Прорисовка – это не набросок, а более сложная самостоятельная работа, которую можно сравнить с работой по анализу ситуации.

Метод графического обобщения и схематизации

Пятая форма изучения и анализа ситуации – представление среды в знаковой форме. После проведения аналитической работы по обобщению собранного эмпирического материала участок изображается в образной или символической форме.

Метод исторического прочтения

Шестая форма изучения – знакомство с историческим материалом. При работе с историческими материалами осуществляется прочтение сюжетов прошлого.

В ходе проводимой работы архитектор анализирует планировочную структуру, выявляет прямоугольную сетку улиц, выделяет следы средневекового города, вскрывает сюжеты архитектуры или планировочной структуры XIX века.

Данная работа была выполнена в рамках дипломного проектирования на кафедре дизайна архитектурной среды в 1996 году. При определении участков изучения сознательно были выделены два полярных района города. Первый участок изучения был представлен районом сложившейся застройки в центре города. Второй участок был представлен районом массовой типовой застройки, возникшей на территории, непосредственно прилегающей к общегородскому центру.

Результаты исследования представлены в графической форме, в которой обобщен эмпирический материал по двум участкам. Представлена схема района изучения. На ней нанесена опорная застройка, путь движения

Список литературы

1. Аронов В.Р. Начальный этап дизайнерского образования// Дизайн в высшей школе. – М.: ВНИИТЭ, 1994.

2. Белозерова В.Г. Эстетические принципы каллиграфической традиции Китая // Философские науки, 2005. – № 4.

3. Воронкова О.В. Метод «малых групп» в преподавании литературы в средней школе // Итоги двух лет. Пространство гуманитарного поиска. Выпуск второй / Под ред. Н.А. Хохлова. – Новосибирск: Издательство НИИ математико-информационных основ обучения НГУ, 1999.

4. Выгоский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. – Спб., 1997.

5. Выготский Л.С. Психология искусства. – Ростов-на-Дону, 1998.

6. А.Н. Клевакин. Программа по учебному предмету «дизайн». Детская художественная школа. – р.п. Краснообск, Новосибирский район Новосибирской области. – 2013 г. – 29 с.

7. Клевакин А.Н. Теория и методология архитектурно-дизайнерского проектирования: конспект лекций // А.Н. Клевакин, Новосиб. Гос. Архит.-худ. Акад. – Новосибирск, 2012. – 108 с.

8. Сидоренко В.Ф. Дизайн как общеобразовательная дисциплина (По следам поисковой программы Королевского колледжа искусств) // Дизайн в общеобразовательной системе. – М.: ВНИИТЭ, 1984.

исследовательской группы. Точками выделены места проведения анализа среды. В ходе движения по участку на опорном плане были отфиксированы наиболее значимые элементы среды. Параллельно с нанесением условных обозначений на опорном плане осуществлялось словесное описание воспринимаемого окружения. Речь записывалась на диктофон, и после выполнения стенограммы (в аудитории) проводилось обсуждение собранного материала.

Среди ключевых понятий, задействованных в лекционной, исследовательской и проектной работе с обучающимися выделим два понятия.

Вещи

Вещи – все то, что позволяет человеку обживать пустоту, превращая ее в пространства и места и определяя себя относительно того и другого. В число вещей в некотором смысле попадают и здания, в том смысле, что они оказываются телами, ограничивающими и упорядочивающими городское пространство (Г.З. Каганов).

Каллиграфия

Каллиграфия представляет собой уникальное явление в истории человечества – как по своим масштабам, так и по уровню художественных достижений и особенностям эстетики. Каллиграфическая пластика имеет свойства реальной живой плоти. Развивая себя эстетически, человек совершенствовал и весь мир. Продумывание внутреннего сценария действий всегда предшествует процессу письма. Чем выше скорость письма, тем длительнее и обстоятельнее предварительное обдумывание. Если западный художник-авангардист может не иметь готового замысла до начала работы, то «китайский каллиграф заранее продумывает скорость движения кисти в каждой черте, так как когда кисть будет в работе, нет места для колебаний и неуверенности». Если Запад был ориентирован на идеальный образ сверхчеловека, духовным устремлением которого служит трансцендентная вертикаль божественного, то китайская каллиграфическая эстетика ориентирована на расширение личности по горизонтали реального исторического опыта. Каллиграфический образ создается из его коммуникативной интерпретационно-диалоговой природы. В этом диалоге рождается содвижение совместных энергий, что многократно усиливает отдельную личность как в духовном смысле, так и в психосоматическом плане. Вместе с тем происходит сплачивание разобщенных в пространстве и времени индивидов в несокрушимую духовную общность, именуемую каллиграфической традицией Китая.

***

Первоначальный замысел статьи охватывал исключительно раздел проектного творчества. В процессе работы над материалом стало очевидным, что учить проектированию по модели, при которой от ученика требуется создавать новое с чистого листа – дело безуспешное.

Александр Клевакин

v Использование средств устной, письменной речи, ручной и компьютерной графики в разработке фирменного стиля.

Рыба похожа на маленький шар,
Больше не стоит её обижать.
Рыбы бывают разные:
Синие, жёлтые, красные
И все одинаково плещутся
На радость своим конечностям.

В статье рассматривается взаимосвязь массовой – довузовской и профессиональной – систем образования в области архитектуры. Подчеркивается, что без единой политики в этих сферах не удастся преодолеть деградацию архитектуры и ее гуманизирующего влияния.

Ключевые слова: профессиональное обучение архитекторов, детские школы, архитектурная критика, СМИ, гуманизация культуры и архитектуры, перманентное образование.

Important ties between institutional and ordinary schools education system architectural criticism and popular books as necessary for providing humanistic values and creative potential in contemporary architecture

Keywords:
Architectural culture, professional education, mass media, permanent cultural education.

Вневузовское архитектурное образование

> Александр Раппапорт

Проблема архитектурного образования в наши дни выходит за границы вуховского образования, то есть за границы высших учебных заведений, архитектурных институтов и факультетов в академиях художеств, университетах и политехнических институтах.

Л. Кольстет в Ростове-на-Дону защитила в 2007 году диссертацию на звание кандидата педагогических наук, посвященную архитектурному образованию. Это симптом. Архитектурное образование выходит за узкие рамки профессии и начинает интересовать педагогическую науку как особый тип образования, предполагающий целый комплекс специфически новых вопросов нового конструктивного, тотального и гуманитарного образования.

Архитектурное образование, ставшее в новое время одним из первых типов нового профессионального обучения, вышедшего за рамки ремесленной подготовки в цехах, в силу ряда причин осталось одной из самых допотопных систем образования, отстав от научного и инженерно-технического образования политехникумов.

Одной из причин такого парадоксального отставания оказалось то, что самый предмет обучения – архитектура – не укладывается ни в схемы научного, ни в схемы инженерного знания и остается своего рода уникальным рудиментом синтетической культуры, преодоленной систематикой знаний нового времени.

Многочисленные попытки «подогнать» архитектуру к схемам науки потерпели на сегодня бесславный крах, а вот архитектурное образование продолжает жить в системе современной педагогики как своего рода чудом выживший динозавр.

И этот удивительный факт игнорируется современной философией и всей интеллектуальной практикой вопреки тому, что все, в большей или меньшей степени отчетливости понимают, что неудержимый рост городов, удушающий схематизм индустриального строительства и неспособность решить в архитектуре вопросы собственно человеческого смысла становятся уже угрожающими самой природе человека.

Теория архитектуры, которая могла бы взяться за решение этой задачи, обнаружила удивительное бесплодие и за отсутствием собственных идей питается крохами с барского стола философии, физики, психологии и прочих наук, в том числе социологии, незначительные успехи которой тормозятся во многом как раз тем, что в социологии так и не был освоен пласт конструктивно-телесного бытия общественных систем, столь наглядно манифестируемый архитектурой.

Но если говорить об архитектурном образовании, то здесь феномен неадекватности его форм современным потребностям и требованием еще более очевиден.

Неспособность органически связать новые научные, философские и технические идеи с духом и смыслом архитектуры и проектной деятельности приводит к вырождению этой системы в бессмысленный набор всего, что только можно себе представить, как воплощение в карикатурном виде средневековой Суммы знаний и опыта.

Среди тем, которые должны были бы критически обсуждаться и исследоваться в сфере архитектурного образования, однако помимо вопросов собственной системы педагогического процесса в институтах остается малопонятым и тот факт, что архитектурное образование не может быть замкнуто стенами институтов, что оно само должно стать своего рода универсальным институтам культуры, то есть пронизывать все сферы культуры как особая тема и особая система ценностей человеческого бытия.

В диссертации Л. Кольстет делается один из важных выводов из этого факта, а именно потребность расширения архитектурного образования в низших его ступенях, которые автор называет «довузовским» архитектурным образованием. В качестве примеров такого образования она упоминает некоторые ставшие знаменитыми детские архитектурные студии, в том числе школу ЭДАС В. Кирпичева.

Однако в диссертации этот вопрос ставится и более широко – как необходимость введения архитектурного образования в курсы начальной и средней школы и дошкольного образования. Педагогика дошкольного воспитания давно уже освоила необходимость игровых методов, а среди этих детских игр как раз архитектурные игры (кубики, строительство песочных домиков) испокон века были и остаются важнейшими. Значимость детских архитектурных школ объясняется необходимостью с самого раннего возраста развивать способности детей к пространственному воображению и конструированию, существенные уже не только для архитектуры как таковой, но и как условие полноценного мышления и восприятия мира. В этих школах человек получает навыки пространственного воображения на самом важном уровне тактильно вещественного манипулирования пятнами, объемами, пластическими материалами, фигурами и цветом. Имеющиеся в программах детских школ уроки рисования охватывают только небольшую часть необходимых для развития этих способностей сфер практической работы детей с материалом и навязывая детям идею изобразительности в ее самом простом (хотя и существенном) для воображения виде – как стремление к фактичности или нарративности.

К числу институциально освоенных форм довузовского обучения некогда относились архитектурные техникумы. В наши дни в связи с распространением компьютерной графики эти техникумы, видимо, резко изменят свои программы, так как рисунок и черчение становятся в архитектуре чем-то рудиментарным. Сам по себе факт вытеснения архитектурного рисунка и черчения (их имеет смысл дополнить более широким понятием о моделировании) заслуживает тщательного теоретического анализа, так как с прогрессом компьютерных методов получения изображений теряется огромный пласт интуитивных навыков, смыслов и способностей профессии. К сожалению, как раз эти утраты не становятся предметом теоретических интересов тех, кто выступает за компьютеризацию архитектурного проектирования.

Все это говорит о том, что формы архитектурного образования неразрывно связаны с кругом вопросов о языке архитектурного проектирования и мышления, в частности, соотношения языков графических (построенных на основе визуальности) и вербальных, то есть словесных, а в равной мере и те, и другие языки вступают в наше время в новые связи с языком математики, вернее множеством математических языков.

Проблема языка как такового всегда была и, вероятно, всегда останется хребтом всякой системы образования, в том числе и архитектурно-проектного. Классическая архитектура казалась таким языком до авангарда начала XX века. Затем на это место были поставлены остатки того, что не сгорело в пожаре авангардистской революции – а именно курс объемно пространственной композиции (ОПК). Но беда в том, что ОПК – не язык архитектуры, а язык построения некоторых видов бумажно-макетного моделирования и составляет в общем объеме архитектурной действительности лишь часть, – насколько велика эта часть мы еще до сих пор не понимаем, но ясно уже, что едва ли она достигает даже 30% всех языковых средств и существенных смыслов зодчества.

Попытки дополнить ее пропорциональным анализом или архитектурной колористикой напоминают попытки воскресить скелет, пришивая к нему кусочки хвоста и раскрашивая косточки в разные цвета.

Иные направления восстановления языка архитектуры идут по пути собственно поэтики – в них архитектура становится предметом структурного или фактурного исследования. Я упоминаю их сейчас только потому, что принося некоторую пользу в выработке некоторых (явно недостаточных) навыков профессиональной практики и культуры, они проникают и во вневузовское сознание, производят в нем мифологизацию (в дурном смысле слова) самой архитектуры и градостроительства как редукцию целостного понимания архитектуры к частностям. Получается нечто подобное тому, когда человека определяли как «двуногое без перьев».

Менее подвержена такого рода опасности та часть вневузовского архитектурного образования, которое постигает архитектуру как чисто культурно-исторический феномен. Парадокс этой ветви в современной культуре состоит в том, что профессионально она часто превышает уровень подготовки самих архитекторов. Любители истории архитектуры, не имеющие архитектурного образования, порой знают об архитектуре больше и понимают ее глубже, чем выпускники архитектурного вуза. Они лучше чувствуют стиль, эпоху, образ и смысл архитектуры, не владея при этом ни знанием технологии стройпроизводства, ни особенностями систем отопления и вентиляции, не говоря уже о проблемах сортамента стройматериалов или норм проектирования.

На это стоит обратить внимание и тем, кто занят самим архитектурным образования в вузах, и тем, кто мог бы содействовать развитию этого рода дилетантского образования любителей, хотя сегодня оно почти что ни на какую помощь официальных институтов не опирается и живет только самой своей заинтересованностью в культуре.

Тем самым я подхожу к одной из основных проблем вневузовского архитектурного образования, а именно – к исторической профессиональной критике. Эта критика сейчас имеет все права только в рамках туристического и собственно историко-археологического обеспечения культуры. При этом популярные туристические и специальные научно исторические исследования очень часто выступают в столь размытых формах, что их уже не отделить друг от друга.

На самом деле эта проблема касается общекультурных стандартов. Качество туристических пособий по архитектуре определяется тем, на какой уровень общей культурной подготовки рассчитаны те или иные тексты. Они могут быть разделены на два больших класса – на догматические и проблемные тексты. В догматических излагаются вперемежку исторические факты, образные описания и оценки. В проблемных на первый план выносятся спорные вопросы интерпретации смыслов тех или иных исторических и архитектурно-художественных явлений и соответствующая аргументация. Рыночная конъюнктура периодических изданий постепенно сводит даже сугубо профессиональные издания к языку дешевых туристических буклетов. Мне встречались критические тексты, написанные признанными именами в области архитектурной публицистики на языке туристских буклетов, в которых всякая попытка усложнить эти тексты трактуется как умничанье. Все это напоминает мне сетование Германа Гессе на засилье «фельетонной культуры», превращающей отрывной календарь в единственный источник культурного образования.

Разумеется, это уже не узкая проблема архитектуры, это общая стратегическая проблема культурной политики, поэтому мы здесь не будем обсуждать ее внутренние механизмы, подчеркнув лишь, что профессиональная и общая культуры органически связаны и не могут быть строго разделены, что не означает различия тури-

стического буклета от серьезного историко-теоретического исследования.

Но нельзя не сказать, что такие институты, как радио, телевидение, газеты и пр., как и организующие их работу министерства и ведомства, практически ничего не делают для артикуляции этих масштабов и различий, способствуя бесконечному смешению мух и котлет в культуре.

Это в особенности относится к отечественной сфере СМИ. В наших газетах обычно отсутствует постоянная колонка, посвященная архитектуре, радио и телевидение практически не отводят архитектуре никакого места, если не считать рекламы какого-нибудь рассчитанного на массовый вкус Донстроя, или странной телевизионной затеи под названием «Квартирный вопрос».

Архитектурная культура страдает от самой разделенности сфер разных уровней – когда дошкольное, школьное, кружковое, любительское и институтское, массовое и профессиональное образование существуют, не видя друг друга, когда люди, занятые в одном из ее горизонтов никогда не погружаются в действительность иных горизонтов.

На мой взгляд, важнейшим условием оздоровления профессиональной культуры в архитектуре было бы обязательное (то есть нормируемое культурой, но не законами) взаимодействие этих слоев и непрерывная ротация профессионалов в разных ее слоях.

Чтобы не быть обвиненным в односторонности, придется сказать, что исключения порой встречаются – в музейной работе, лекториях и деятельности обществ типа «Знание» в некоторых периодических изданиях.

В свое время – в дни создания журнала «Проект-Россия» – я предлагал его инициаторам начать журнал типа «Архитектура и жизнь» по образцу журналов, пропагандирующих науку и технику («Знание-сила», «Техника – молодежи», «Наука и жизнь»). Такую синтезирующую роль в свое время играла «Литературная газета» и журнал «Иностранная литература».

Мое предложение не было услышано, но и сегодня я вижу в создании такого рода изданий (или передач в системе СМИ) немаловажный шанс для преодоления деградации вузовского, вневузовского и общекультурного образования.

Александр Раппапорт

Детское видение и детские архитектурные школы

Детское художественное и архитектурное творчество до сих пор строилось на стимулировании детской фантазии и способностях к построению реалистических изображений окружающего мира. Наибольшего успеха при этом достигали школы, предлагавшие детям формальные паттерны орнаментального типа, в чем можно видеть авангардистское искусство и гештальт психологии. При этом исторический опыт изобразительного и архитектурного творчества оставался неосвоенным. Современная архитектура на этом пути уже вошла в орнаментально-геометрический тупик и игровую безответственность постмодерна, к инфантилизации архитектуры. Новый век открывает возможность развития детского творчества на основе сочетания фантазии с критикой внешнего мира.

Ключевые слова: Детская архитектурная школа, фантазия, орнамент, история, критика, рефлексия, инфантилизация архитектуры.

Infant architectural education was built at last century on the fantasy and ornamental patterns. These methods produced attractive results, but were at the same time inducing some kind of modernistic art values in scholar training and infantile thinking. Nowadays afterpostmodern art and architecture are more distanced from playfulness and striving for critical and genetic-historical approach and thus are able to widen the scope of infantile imagination toward critical attitudes.

Keywords: Infant architectural teaching. Fantasy. Criticism. Realistic attitudes. Afterpostmodern and humanistic values.

Детское художественное и архитектурное образование – специфическое поле проблематизации, требующее кропотливого анализа, который еще впереди. С одной стороны, почти все детские художественные и архитектурные школы демонстрируют весьма эффектные результаты. Интерес к детским архитектурным проектам в какой-то мере повторяет интерес к детскому рисунку, весьма сильно влиявшему на живописный авангард 30-х годов, особенно во Франции, где тяга к новым языкам в живописи была наиболее артикулированной.

Известный историк современного искусства Герберт Рид широко использовал детский рисунок в попытке обосновать логику изобразительной деятельности человека. И представители гештальтпсихологии интересовались детским графическим искусством. Рудольф Арнхейм приводит детские рисунки как материал, обнаруживающий графические паттерны детского сознания.

Но я вижу в этих результатах не только свидетельство особой одаренности детей и не только корни творческого воспитания мышления, но и плоды искусственной модернизации детского творчества.

Суть дела в том, что «видение» как смысловое восприятие мира, хоть и связано со способностями графической деятельности, но не тождественно этой способности. Рисунки детей в равной мере обнаруживают особенности «видения» и их неспособность к изобразительной репрезентации этого видения, так как графическая работа в детских руках превращается в совершено иной вид творческого производства знаков и схем.

Было бы наивным полагать, что младенец изображает на бумаге то, что «видит». Даже взрослый человек может изобразить то, что он видит с большими трудностями, и художественное образование нового времени строилось как раз на том, чтобы привить способности и дать технику графической и живописной репрезентации того, что видит глаз. Тем, кто проходил такую школу, удается создавать образы, имеющие реалистическое сходство с оригиналом в виде портрета или пейзажа, но это вопрос специального технического освоения живописного и графического искусства в исторических особых условиях понимания самой «реальности» изображения.

Византийская живопись не соответствует этим критериям, и ее поначалу отвергли как неадекватную

зрительному восприятию. Впоследствии многие ученые, в том числе и наш великий соотечественник Борис Викторович Раушенбах пытались научно обосновать способы византийского письма особыми способами умозрения, которые в совокупности создавали интегративный образ видимого предмета.

Если в рисунке и живописи еще можно говорить о реалистичности изображения или той или иной мере его схематической деформации, то в архитектурном проектировании ничего подобного «сходству» и реализму нет, и эти критерии остаются посторонними. Тем не менее сам по себе вопрос о реалистических основах творческого воображения никуда не исчезает и сохраняется в иллюзорном предположении, что дети, так или иначе, сами видят и воспринимают пространство, линии или цвет в формах естественных образов среды.

На мой взгляд, детские школы не ставят перед собой задачу адекватного воспроизведения детьми своего внешнего мира, они пытаются использовать фантазию детей, которая обеспечивается той или иной графической или моделирующей техникой. Именно эта техника организует само творческое воображение ребенка, который наслаждается своей способностью к созданию фантастических или орнаментальных фигур с заданными учителем критериями их совершенства (сложности, красоты, ритмичности и пр.), но никак не критериями соответствия их видению или паттернам восприятия сознанием средовой действительности.

В частности, в студии ЭДАС В. Кирпичев изобрел особый род орнаментального макетного творчества, в котором линии и пространства создавали достаточно причудливые и изящные конфигурации, и дети играли с этой конструктивной способностью орнаментального творчества с большим энтузиазмом. В других школах во главу угла ставилась не орнаментальная, а театрально-декоративная техника конструктивного воображения, опирающаяся на иные графические и модельные средства.

Во всех случаях вопрос о развитии способностей ребенка ограничивался техническим вариантом конструктивной деятельности, способности к которой дети демонстрировали, но расширение этой техники и применение их к другим условиям оказывалось всякий раз под вопросом.

Эти школы в какой-то мере использовали опыт модернистского и авангардного искусства, в которых так называемое «видение» и способность к конструктивному производству артефакта соединялись авторской рефлексией. Дети к такой рефлексии, основанной на критике исторического опыта искусства, были не способны, и потому при вхождении во «взрослую» стадию оказывались перед ситуацией, к которой они не были готовы. Орнаментальная фантазия и здесь оставалась важной, но в чистом виде не могла выступать в качестве единственной способности, а способностей к критическому программированию своей конструктивной деятельности на стыке художественного «видения», и исторически адекватных условий социальной и культурной коммуникации эти детские школы не давали.

В итоге многие ученики детских школ, выходя в сферу творчества и архитектурного образования, оказывались в положении, затрудняющим дальнейший творческий и мыслительный прогресс. И менее подготовленные к орнаментальной фантазии оказывались даже в преимущественном положении.

Иными словами с детьми происходило на практике то, что в теоретическом аспекте я называю «модернизацией» – им вменялась работа воображения, построенная не в соответствии с их естественным видением (последнее остается скрытым до сего дня), а работа по паттернам авангардистского орнаментально-схематического конструирования, то есть дети реально воспроизводили отчасти современную технику изобразительной деятельности, отчасти – архаическую технику первобытной орнаментации.

Их отличие от авангардных художников состояло как раз в том, что программу такого подхода они формировали не самостоятельно, а брали ее из рук учителей.

Так что индивидуальное своеобразие их проектов и рисунков не соответствовало уровню индивидуации их творческого мышления, а скорее, напротив, находилось в резкой диспропорции с самой идеей индивидуации.

Современные задачи архитектурного проектирования, напротив, предполагают высокую способность к индивидуальному творчеству, использующему возможные конструктивные паттерны формотворчества на основе достаточно разносторонней рефлексии и самостоятельно. Они предполагают не столько следование школьным нормам, сколько открытую коммуникацию с разными позициями, вкусами и способами восприятия реальности, приводящей к проблематике, требующей индивидуального разрешения уникальных требований и условий.

Вот в этих новых условиях, на мой взгляд, и становится ведущей проблема возрастной идентификации видения, которая не может следовать условной орнаментальной схематике воображения, а предполагает выбор самих типов орнаментальной, изобразительной или иной смыслообразующей схематики.

Творческое мышление и воображение архитектора не может (в отличие от прошлых веков) следовать нормативным стандартам стиля (классике, готике, конструктивизму и т.п.), а ориентируется на условность и относительность стилевых программ при сохранении стилевой ориентации как фундаментальной для критической рефлексии любых орнаментальных схем.

Эта задача сегодня еще кажется практически неразрешимой, и в большинстве случаев практические архитекторы действуют в рамках той или иной стандартной орнаментальной схематики. Но мы вступаем в новое тысячелетие – когда многое, казавшееся недавно совершенно невозможным, становится реальным (прежде всего фантастические успехи искусственной памяти и коммуникации с помощью интернета). В этих условиях формирование творческого мышления и рефлексии, вовлекая в сферу внимания структуры сознания, ранее рефлексией не освещавшиеся (в данном случае возрастные паттерны, унаследованные генетически), могли бы создать предпосылки для нового мышления и нового профессионального сознания, открывающего как смыслы, сформированные предшествующей историей, так и наследуемые самой структурой сознания.

Александр Раппапорт

v Работа из класса В. Кирпичева, детская архитектрная студия ЭДАС

Фестиваль архитектуры и дизайна в Санкт-Петербурге

^ «Музей арктических конвоев Второй мировой войны в г. Архангельске (музей северной конвойной эпопеи)»
автор Истомина Надежда
рук. Стегнова Е.В., Тищенко Н.Ф. (инженер)
выполнена на кафедре дизайна архитектурной среды МАРХИ

В сентябре Санкт-Петербург на неделю превратился в столицу архитектуры и дизайна, став местом проведения Международного смотра-конкурса дипломных работ по архитектуре и дизайну, который организаторы замыслили как настоящий фестиваль художественно-проектного искусства. Помимо традиционной выставки/смотра-конкурса дипломных работ, конференции и круглого стола, в программу фестиваля были включены выставка «Архитектурный факультет ИЖСА XXI в.» в залах ГАИЖСА имени И.Е. Репина и конференция-симпозиум, также посвященная архитектурной школе Репинской Академии; выставка Архитектурной графики в Доме Архитектора; студенческая выставка курсовых работ «Архитектурные сезоны в СПбГАСУ»; выставка Архитектурного супрематизма работ Л. Хидекеля; выставка Архитектурной графики архитекторов Ю.Д. Брусникина и А.В. Михалычева; многочисленные путешествия по историческому городу; знакомство с современной архитектурой, запланированное как встречи-экскурсии с представителями ведущих проектных фирм города.

Не все сложилось так, как задумали организаторы, но магия места, органика средового окружения и вполне приемлемая для Питера погода сыграли свою немаловажную роль. Достойным завершением фестиваля послужили путешествие из раззолоченного Петергофа и сияющих осенним багрянцем парков через брутальную дамбу в недавно отреставрированный кронштатский Морской собор и прогулки по набережным города. Собрав воедино многообразие ликов-обликов города, путешествие сформировало еще одну очень цельную картину этого уникального пространства жизни истории в современном мире.

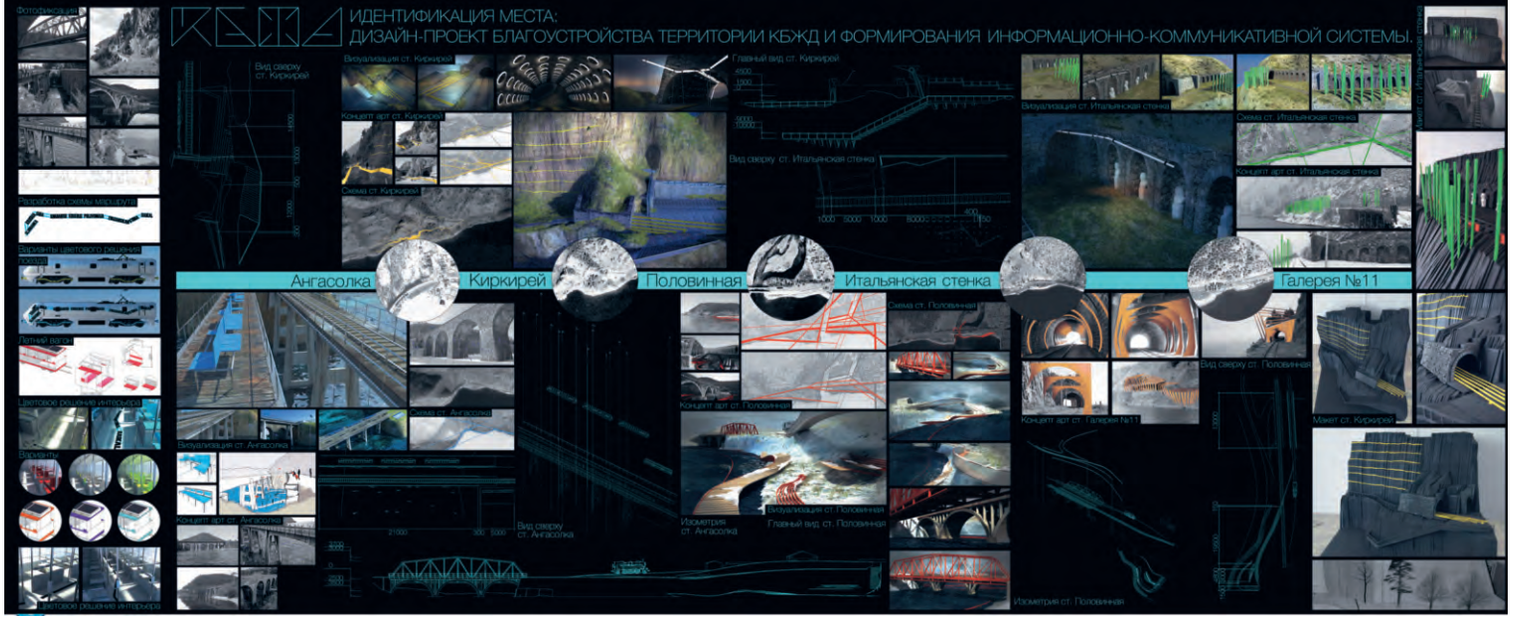
В самом смотре-конкурсе приняли участие 65 различных архитектурных, дизайнерских и художественных школ России, стран СНГ и др. зарубежных государств, которые выставили более 600 дипломных работ специалистов, магистров и бакалавров. Специалитет по дизайну был представлен 124 работами из 45 художественно-проектных школ в пяти основных номинациях: дизайн городской среды, дизайн интерьера, предметный дизайн и ДПИ, дизайн костюма, графический дизайн и теория дизайна. Приоритетным направлением стала городская среда, различным аспектам создания которой было посвящено более 50 работ. Дизайн интерьеров – следующая по количеству участвующих в конкурсе дипломов номинация.

Лидером не только по количеству представленных работ (64 диплома), но и по общим итогам конкурса стал Московский архитектурный институт, который получил 49 дипломов I степени МООСАО, 14 дипломов II степени МООСАО, 11 дипломов и грамот СА России, грамот МАСА и СМА, один диплом СД России, а также значимые архитектурные награды и знаки отличия (два диплома РААСН и медаль РААСН) в десяти номинациях конкурса. По дизайну общее внимание привлекла работа «Музей арктических конвоев Второй мировой войны в г. Архангельске (музей северной конвойной эпопеи)» Истоминой Надежды (руководители Стегнова Е.В., Тищенко Н.Ф. (инженер)), выполненная на кафедре дизайна архитектурной среды МАРХИ, зав. кафедрой А.В. Ефимов.

Проектируемый музей – это точка притяжения всех, кого коснулась северная конвойная эпопея – своеобразный материальный эквивалент народной памяти. Обращаясь в прошлое, музей создает почву для будущего культурного развития места, для чего предусматривается два уровня восприятия и освоения музейной экспозиции. Первый уровень раскрывается через представление документальных свидетельств истории – фото, видео, архивных документов, исторических экспонатов. Второй предназначен передавать атмосферу события, дух времени, и будет влиять, по мнению автора, на чувственное восприятие посетителя.

Музей планируется разместить в пригородной части города Архангельска на острове Краснофлотский, который находится в дельте Северной Двины. Остров расположен между поселками Бакарица, Левый берег и Фактория. Согласно Генеральному плану развития города на территории всего острова предусмотрена организация парка.

Музей арктических конвоев составляет часть этого парка. В поиске пластической формы автор вдохновляется образами природы и фрагментами истории Северных конвоев. Формы музейного комплекса соотносятся с природными ландшафтами, с пейзажами северной природы и Белого моря, которые отличаются «абсолютной незамкнутостью»: горизонталь-



ностью, отсутствием останавливающих взгляд вертикалей, безграничностью ландшафта. В соответствии с концепцией автора ландшафтно-музейный комплекс «рассеивается» в природе, являясь ее естественным продолжением. Образы песчаных следов Белого моря служат не только основой для формирования «тела» музея, но и распространяются по всему острову, превращаясь в ландшафт. При этом «тело» музея по замыслу автора «вырастает» из ландшафта, «каменея и превращаясь в «бетонные следы»».

В составе комплекса предусмотрены основные помещения для музейных экспозиций, административная часть, залы для конференций, форумов и других научных и культурных мероприятий, архив и библиотека, обслуживающие помещения и хранилища, надземный паркинг для посетителей и сотрудников. Базовые пространства комплекса располагаются под землей, эксплуатируемая кровля музея, напоминающая «волны», запланирована как продолжение парка. В выступающих над землей частях применяется витражное остекление. Комплекс заканчивается несколькими причалами с выходом к воде, выполняющими функцию «ледорезов». На территории всего музея для беспрепятственного передвижения маломобильных групп граждан предусмотрены пандусы.

Работа отмечена дипломом I степени МООСАО, дипломом СА России и дипломом СД России.

Кафедра дизайна НИ ИРГТУ традиционно приняла участие в четырех номинациях смотра-конкурса: дизайн городской среды, интерьер, предметный дизайн и ДПИ, графический дизайн.

Дипломный проект «Идентификация места: дизайн-проект благоустройства территории КБЖД и формирования информационно-коммуникативной системы» (автор: Байбородина Екатерина В., руководители: Железняк О.Е., Мурашова С.В.), представленный в номинации «Дизайн городской среды» заслужил одну из высших оценок смотра-конкурса – диплом I степени МООСАО и диплом СД России, руководители награждены Дипломами Лауреатов.

Достаточно подробно эта работа представлена в журнале «Проект Байкал», № 37 , поэтому мы приводим здесь лишь ключевые позиции проекта.

Говоря о теме диплома, следует отметить его актуальность, которая задана современными тенденциями развития территорий и повышением роли туристического бизнеса в Иркутском регионе. Постепенно трансформируясь в рекреационно-туристический центр, Иркутск и прилегающие территории (в т.ч. Байкал, Листвянка, КБЖД и др.) не обладают индивидуальной системой имиджевых элементов и необходимым уровнем благоустройства среды. В работе Е. Байбородиной концепция идентификации выстроена на игре искусственно-созданных акцентов с естественным природным контекстом, формирующей своеобразные сценические площадки и экспозиционные пространства, где персонажами и экспонатами являются элементы средового окружения.

Дизайн-проект призван проявить особенности места и представить их зрителю/путешественнику как своеобразный спектакль – систему знаковых мест-образов, используя при этом природные свойства территории и характеристики конкретного места. На каждой станции автором рассказывается своя уникальная история, идентифицирующая место. Несмотря на разные визуальные методы организации остановочных пунктов, общая имиджевая концепция формирует цельный образ КБЖД.

Все формообразующие элементы проекта взяты из окружающей природы – это линии продолжающие тему гор, земли, леса, тоннелей, рельс и даже потоков ветра. Помимо линейной темы, в проект вводится еще один идентифицирующий и объединяющий мотив – использование аналогичных материалов, разнообразных светоотражающих элементов и солнечных батарей, ветроэнергетических установок и пр. Кроме того, автором предлагаются разработки нового имиджа курсирующего по КБЖД туристического поезда, его внешнего вида и интерьеров, а также версия летнего вагона с открытыми площадками, что крайне актуально для «путешествия» по Байкалу и его окрестностям. Все это в целом способствует созданию цельного образа КБЖД как части информационно-коммуникативной системы.

Для выполнения работы дипломницей проведен обстоятельный предпроектный анализ и собран обширный материал, демонстрирующий склонность автора к серьезной и глубокой исследовательской работе.

^ «Идентификация места: дизайн-проект благоустройства территории КБЖД и формирования информационно-коммуникативной системы»
автор
Байбородина Екатерина,
рук. Железняк О.Е.,
Мурашова С.В.

^ «Композиция из декоративных светильников «Маки»
автор Моргачева Светлана
рук. Дагданова М.Б., Лукьянова А.В.

Весь дипломный проект представлен несколькими планшетами графики, двумя макетами, пояснительной запиской со всеми необходимыми разделами и рефератом по теме диплома.

Дипломный проект «Формирование среды многофункционального гостиничного комплекса в городе Иркутске» (автор: Степанова Мария, руководители: Железняк О.Е., Корелина М.В.) выполнен для Корпорации «Иркут», занимающей лидирующие позиции среди российских авиастроительных предприятий. Деятельность ОАК «Иркут» направлена на проектирование, производство, реализацию и послепродажное обслуживание авиационной техники военного и гражданского назначения. Для осуществления этой деятельности предприятию необходима гостиница, предназначенная не только для размещения коллег и гостей, но и для того, чтобы проводить совещания и конференции, а также отдыхать после работы.

В процессе проектирования автор значительно расширяет традиционные функции гостиницы и по сути своей формирует целостную концепцию развития территории, предлагая создать выставочный комплекс на отведенной площадке для организации выставок и презентаций авиационной техники, в т.ч. и на акватории реки Ангара. В соответствии с этим многофункциональный гостиничный комплекс включает номера, конференц-залы, выставочные зоны (открытые и закрытые площадки), кафе и рестораны, зимний сад, административные помещения и помещения обслуживающего персонала. Художественная концепция всего проекта отражает образы полета, безграничности воздушного пространства и строгой рафинированности форм и конструкций в самолетостроении.

Интерьеры здания поддерживают выбранную тематику, идея летящего самолета отражается в образе белой полосы, оставляемой самолетом в небе. Этот образ проходит лейтмотивом через все интерьеры, приобретая различные интерпретации. Зеркальные отражающие поверхности расширяют интерьеры, создавая иллюзию бесконечности. Каждый этаж номерного фонда выполнен в своей стилистике. На первом этаже интерьеры номеров поддерживают образы входной группы и коридора. Второй этаж отличается холодными мятными оттенками и пластичностью форм изголовья кровати, плавно перетекающих в потолок, где они трансформируются в ритм светильников. Номера третьего этажа созданы из отражающих поверхностей. Геометрия плоскостей мягко переходит со стены на потолок и на другую стену, образуя иллюзию прозрачного неба.

Входная зона начинает систему общественных пространств, развивающих тему воздуха и полета. Глянцевые и матовые поверхности, белые световые полосы, тонкие линии светильников, спускающиеся с потолка, расширяют пространство, поддерживая идею бесконечных небесных просторов. Для основных функциональных зон автор предлагает индивидуальное оборудование.

Мини-бар расположен в центре первого этажа и включает авторскую барную стойку, отдельно стоящие столики, барные стулья, раздвижные конструкции над столиками и целую систему светильников. Ключевым материалом является стекло.

Для того, чтобы ввести природу в интерьер здания, дипломница предлагает зимний сад с высокими потолками и конструкциями для растений. Основой интерьера служит лестница-пандус с длинными площадками вдоль стеклянной стены, на которых располагаются конструкции–помосты различной высоты для растений. Прямоугольные светильники задают ритм всей композиции интерьера, а отражающая поверхность стены создает иллюзию большого количества растений.

В зале для проведения совещаний акцентом интерьера служит стол, одна часть которого состоит из искусственного белого камня, вторая – из стекла, форма стола напоминает составной треугольник.

Коридор с отражающими поверхностями, прямыми линиями и узкими полосами светильников на потолке собирает в общую концепцию интерьерные пространства гостиничного комплекса.

Выставочная зона расположена как в здании, так и на площадках под открытым небом и является сквозным помещением, через которое можно попасть на берег Ангары и на пирс. В интерьере выставочного павильона предусмотрено экспозиционное пространство для презентации макетов самолетов компании ОАК «Иркут» и выставочных образцов других фирм-производителей. Здесь также имеется взлетная полоса для посадки

демонстрационных моделей и корпоративного транспорта, а наличие водной акватории дает возможность посадки различных типов аквапланов на воду.

Дипломный проект выполнен на восьми планшетах графики с макетом здания комплекса. Проект сопровождается пояснительной запиской со всеми обязательными разделами и рефератом по теме проекта с обстоятельным анализом аналогов. На смотре-конкурсе работа награждена Дипломом II степени МООСАО.

В номинации «Предметный дизайн и ДПИ» от кафедры дизайна представлена дипломная работа Моргачевой Светланы «Композиция из декоративных светильников «Маки»», выполненная под руководством Дагдановой М.Б., Лукьяновой А.В.

При изготовлении светильников автором используются глина, медные трубы и глазури. Керамические чаши-цветы и подставка-трава гармонично сочетаются с медью труб-стеблей. Медные оттенки маков достигаются с помощью технологически сложного процесса восстановления. Для придания прочности изделию в процессе создания светильников автором проведено три обжига: утильный обжиг (от лат. utilis – «полезный, необходимый»); политой – второй обжиг керамических изделий с глазурованным черепком; последний – восстановительный обжиг, который и придает элементам композиции декоративный медный эффект. Маки в композиции как бы колышутся на ветру: крупные, сложно декорированные чаши раскрывшихся цветов и бутоны парят в воздухе на тонких стеблях, медные трубы-стебли плавно изгибаются на ветру, а подставка переливается теплыми и холодными оттенками. Теплый струящийся свет усиливает состояние невесомости и легкости. Свет направлен в потолок и немного рассеивается в стороны, создавая мягкое освещение, что подчеркивается и колористическим решением маков и подставки. Композиция может размещаться в разных интерьерах для их освещения, а также выполнять чисто декоративную роль.

Комиссией отмечен высокий художественный уровень работы, качество технологического исполнения и графической подачи, за что проект награжден Дипломом I степени МООСАО.

Диплом «Графическое сопровождение образовательных программ по дизайну и ДПИ (с проработкой отдельных разделов)» (автор Нефедьева Алина, руководитель Железняк О.Е., консультант Дейкун В.В.) представлен в номинации «Графический дизайн» и удостоен диплома I степени МООСАО.

Творческая атмосфера и особая организация учебного пространства играют значимую роль в обучении студента на специальностях Дизайн и ДПИ, влияет на развитие творческих способностей. Одним из средств организации такого пространства является стиль учебного заведения в целом, и фирменная графика, в частности. Графическое сопровождение образовательных программ по дизайну и ДПИ не только формирует визуальное представление о содержании образовательного процесса, но создает образ учебного заведения, формирует общее впечатление.

Творческая атмосфера и особая организация учебного пространства играют значимую роль в обучении студента на специальностях Дизайн и ДПИ, влияет на развитие творческих способностей. Одним из средств организации такого пространства является стиль учебного заведения в целом, и фирменная графика, в частности. Графическое сопровождение образовательных программ по дизайну и ДПИ не только формирует визуальное представление о содержании образовательного процесса, но создает образ учебного заведения, формирует общее впечатление.

Дипломный проект посвящен этой актуальной для каждой художественно-проектной школы теме. Перед дипломницей стояла колоссально сложная задача, обусловленная необходимостью работы с огромным массивом разнородного материала, требующего художественного осмысления и систематизации, с одной стороны, и отсутствием аналогов и образцов выполнения подобных работ – с другой. В связи с этим довольно много времени было уделено сбору, фотофиксации и анализу материала, выработке концепции и выделению объектов и систем идентификации.

Систематизация обширного материала, его профессиональная интерпретация позволили автору через различные формы визуальной презентации образовательных программ подчеркнуть уникальность, предлагаемого содержания. В частности, для визуализации того огромного объема

^ «Графическое сопровождение образовательных программ по дизайну и ДПИ (с проработкой отдельных разделов)» автор Нефедьева Алина рук. Железняк О.Е., консультант Дейкун В.В.

информации, который сопровождает процесс подготовки будущих специалистов по дизайну и ДПИ, автором был выбран ключевой документ, организующий образовательную деятельность, – учебные планы специальностей «Дизайн» и «ДПИ». Полученные в итоге работы методические таблицы позволяют не только наглядно представить результаты, методики и общий процесс подготовки для педагогов, но и разработать своеобразные шпаргалки для студентов, фиксирующие набор заданий по отдельной дисциплине либо весь объем работы в течение семестра.

Следующий блок состоит из учебно-методического издания (дизайн макета и компьютерная верстка на примере пособия по комплексу цветовых дисциплин) и предложений по дизайну обложек для серии методических разработок по разным циклам дисциплин.

И еще один продукт – это имиджевый рекламно-информационный буклет-книга про кафедру «Дизайн», ведущую профессиональную подготовку по образовательным программам «Дизайн» и «ДПИ и народные промыслы». Структура издания разработана автором на основе анализа собранного материала. Кроме того, автором предлагается макет сайта кафедры и рекламный стенд для презентации образовательной деятельности кафедры, научных и творческих достижений.

Проект выполнен на шести планшетах графики, сопровождается пакетом полиграфической продукции (в виде макета иллюстрированного издания, схем-таблиц учебных планов и методического пособия, рекламно-информационной и сувенирной продукции), пояснительной запиской, а также рефератом по теме диплома.

В целом, смотр-конкурс дипломных работ в Санкт-Петербурге в очередной раз продемонстрировал разнообразие авторских программ и высокое качество подготовки в российских школах, соответствие уровня отечественного образования международным стандартам. Целесообразность таких встреч профессионалов подтверждается непрерывным ростом количества участников и высоким статусом мероприятия, а также широким спектром актуальных профессиональных проблем, обсуждаемых в рамках конференций, круглых столов, заседаний УМО, приватных дискуссий и пр.

Кроме того, в процессе подобных форумов происходит формирование целостного профессионального пространства, становление идеологии, формулирование актуальных тенденций развития профессии. Важную роль в этом играет место проведения смотров, постоянная смена которого позволяет вносить региональный колорит в тематику конференций и круглых столов, в концепцию проведения мероприятий (например, идея Фестиваля архитектуры и дизайна в Санкт-Петербурге).

Ольга Железняк

24 декабря 2013 года фестиваль «Зодчество-2013» подвел итоги

22-24 декабря в Москве прошел XXI Международный фестиваль «Зодчество-2013». «Союз архитекторов России сделал это, несмотря на все трудности и преграды, возникшие в этом году на пути фестиваля», — сказал президент Союза Андрей Владимирович Боков. За два дня работы фестиваля выставку посетило 4 500 человек.

С приветствием к участникам и гостям фестиваля обратились президент Союза архитекторов России А.В. Боков, заместитель мэра Москвы в правительстве Москвы по вопросам градостроительной политики и строительства М.Ш. Хуснуллин, главный архитектор Москвы С.О. Кузнецов, директор Департамента культурного наследия Москвы А.В. Кибовский, глава ГУП НИиПИ Генплана К.Р. Нигматулина, ректор МАРХИ Д.О. Швидковский, вице-президент Союза архитекторов Сербии Петр Арсич, президент Союза архитекторов Польши Мариуш Щисло и многие другие.

Тема фестиваля «Национальный ландшафт» была определена куратором — директором Государственного музея архитектуры имени А.В. Щусева Ириной Коробьиной. Выбор темы не случаен. Архитектура служит опорой культурной и политической идентичности народов, республик и наций, зеркалом общественного самосознания. Национальный ландшафт страны формируется в первую очередь ее архитектурой. Сейчас наблюдается стремительная утрата объектов, играющих ключевую роль в преемственности национальной культуры. Причина тому — отношение к земле как к набору коммерческих

^ Вице-президент по Западной Сибири Петр Анисифоров

^ Вице-президилент по Дальнему Востоку Владимир Васильев

^ Мастер-класс Александра Скокана

v Эдуард Кубенский на экспозиции Екатеринбурга

v Мастер-класс Михаила Хазанова

лотов, выставленных на торги. Для сохранения национального ландшафта страны необходимо создать новую систему координации коллективных усилий, которая позволит осуществлять развитие территорий с бережным сохранением их природных и архитектурно-исторических особенностей.

Тема фестиваля нашла свое воплощение в экспозиции, представленной работами молодых архитекторов: бюро «Архигрупп», «Керимов и партнеры», «Мегабудка», «Ruetemple» и Антона Иванова. На время фестиваля Гостиный Двор превратился в лужайку, на которой молодые архитекторы представили свое видение национального ландшафта. Архитекторы приняли вызов «Зодчества» воплотить идею национального ландшафта в объеме 2x2x2,5 м. Первый куб представляет собой герметичное сооружение с интерактивными отверстиями, через которые зрители могут увидеть бесконечный лес. Такой эффект достигается с помощью зеркальной стены внутри куба. Второй проект — куб «Конфликта» — раскрывает тему национального ландшафта в драматической коллизии. Внутри шестигранника с потолка на зрителя свисают черные давящие призмы, на земле под каждой призмой прячутся маленькие белые объемы. Гостям предлагается оказаться в некомфортной среде, поблуждать между призмами и поразмышлять над судьбой наследия. Третья инсталляция — шар из войло-

ка «Валеный глобус» — модель нашей планеты в традиционном русском материале, на которой звездочкой обозначена Москва, столица России.

«Появилось очень интересное, яркое молодое поколение профессионалов и то, что отличает их от наших коллег старшего возраста, это, с одной стороны, свобода, а с другой — познание международного зодчества, так они вырабатывают свой собственный архитектурный язык и свою идеологию, они адекватно воспринимают окружающую действительность и действительно решают проблемы», — поделилась впечатлениями Ирина Коробьина.

Посетителям и участникам фестиваля была предложена насыщенная деловая программа, проходившая одновременно на 3 площадках: основной сцене, лекционой зоне конференц-зала и камерном пространстве пресс-клуба «СА». Во время фестиваля состоялись мастер-классы Андрея Асадова, Никиты Явейна, Андрея Гнездилова, Сергея Орешкина, Михаила Хазанова, Петра Арсича, Бориса Левянта различные презентации, круглые столы и дискуссии. Вечером 23 декабря прошел III пленум Союза архитекторов России. В рамках фестиваля «Зодчество-2013» состоялось награждение лауреатов «IV российской национальной премии по ландшафтной архитектуре» и конкурсной программы фестиваля.

В этом году в рамках фестиваля «Зодчество-2013» впервые прошли смотры-конкурсы «Новое градостроительство» и «Архитектура для жизни», призванные обратить внимание профессионального сообщества и широкого круга общественности на тенденции и находки в области территориального планирования и удобства объектов для человека.

Гран-при фестиваля — Российскую национальную премию в области архитектуры «Хрустальный Дедал» — в номинации «Объект социального и культурного назначения» получило архитектурное бюро «Земцов, Кондиайн и партнеры» (г. Санкт-Петербург) за работу «Театрально-культурный комплекс «Новая сцена Александринского театра» г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, дом 2»

По материалам пресс-центра Союза архитекторов России фото Е. Григорьевой

^ Экспозиция Уфы

v В центре – автор экспозиции Иркутской области Мария Степанова

1

2

3

Дети XXI Зодчества XXI века

4

5

Номера Международного Фестиваля мелькают как станции промчавшегося экспрессом «Зодчество» времени. Неизменяем вместе с рядом основных стабильных номинаций Смотр-конкурс «Детское архитектурно-художественное творчество». Это всегда яркое зрелище, вселяющее позитивную надежду на интересное будущее. Основы культуры, которыми беззаветно преданные выбранному ими самими творческому долгу педагоги обогащают души своих учеников, всегда помогут будущим гражданам страны в их профессиональной деятельности независимо от выбранной специальности.

В жюри смотра-конкурса детского творчества преимущественно профессура: А.В. Ефимов, С.А. Садовский, М.Д. Хазанов, А.А. Чернихов, а также автор этой статьи. В прошлые годы перед жюри стояли задачи определения из большинства интереснейших работ, представленных 40-45 студиями, школами, классами и даже детскими садами, три (по числу тщательно подобранных номинаций) счастливых обладателя золотых дипломов Фестиваля, шесть – серебряных и девять – бронзовых дипломов Фестиваля. В последние годы организаторы «Зодчества» решили «поднять» значимость наград. В результате смотр-конкурс «Детское архитектурно-художественное творчество» был ограничен единственной наградой, приравненной к высшей, – серебряным знаком Фестиваля.

Жюри определило троих претендентов: Набережно-Челнинскую Школу архитектуры и дизайна № 6 «ДА-ДА!», Детскую архитектурно-дизайнерскую школу «ДАШКА» Казанского государственного архитектурно-строительного университета и Лицей архитектуры и дизайна № 3 из г. Пензы.

А где же неизменный российский лидер – московская Детская школа искусств «СТАРТ», не сдал ли он свои позиции? Нет, не сдал. В связи с 30-летием Школы 28 ноября 2013 г. накануне открытия Фестиваля «Зодчество-2013», в павильоне Музейно-выставочного центра «Рабочий и колхозница» в Москве открылась и функционировала до 12 января 2014 г. интереснейшая выставка «СТАРТ-АВАНГАРД» (1).

Руководство СА России достойно отметило юбилейную дату Школы. Президент-заместитель директора Школы И.М. Абаева награждена Медалью имени И.В. Жолтовского «За выдающийся вклад в архитектурное образование»; директор Школы Н.С. Азнавурян – Медалью «За преданность содружеству зодчих»; 10 преподавателей – Дипломами Президента СА России «За выдающийся вклад в развитие детского архитектурно-художественного образования»; 12 преподавателей – Почетными грамотами СА России и 10 – Грамотами.

Помимо этой большой выставки ДШИ «СТАРТ» представила на «Зодчестве» интересные дипломные проекты учеников И.М. Абаевой по теме «Творческий портрет Мастера и его последователей» (от С.М. Бархина до П. Кардена – 2,3). На Фестивале «Зодчество» ДШИ «СТАРТ» (директор Н.С. Азнавурян) награждена дипломом СА России «За стабильное методическое творческое лидерство в детском архитектурно-художественном творчестве России».

Итак, из 3 претендентов жюри остановилось, в конце концов, на Детской архитектурно-дизайнерской школе «ДАШКА» Казанского государственного архитектурно-строительного университета Республики Татарстан (директор М.Ю. Забрускова), т.к. коллективная работа «Скульптурная композиция “Крылья”» (4) была реализована. Членам жюри было хорошо известно, что и набережно-челнинцы, и пензенцы имели в своих арсеналах реализованные работы, которые, к сожалению, здесь не были представлены.

Дипломом СА России «За высокий профессионализм и ярко выраженную методическую направленность» заслуженно награждена Школа архитектуры и дизайна «ДА-ДА!», г. Набережные Челны, Республика Татарстан (5). Главное отличие школы: остро выраженный художественно-проектный вектор (директор Т.А. Хайман).

7

8

9

Заслуженную награду – Диплом СА России «За стабильное участие, высокие результаты и верность преподавательскому долгу в смотрах детского архитектурно-художественного творчества на всех двадцати фестивалях “Зодчество”» получил Лицей архитектуры и дизайна № 3 г. Пензы (директор Т.В. Вукович). Прекрасны работы, связанные с историко-культурным прошлым окрестностей г. Пензы, – «Усадьбы прошлого. Их судьбы...» (авторы: Дятлова Софья, Долбнина Евгения, Соколова Виктория – руководитель Е.Ю. Малкина). Одна из этих работ «Тарханы» здесь приведена (6).

Безусловным открытием Смотра-конкурса стал дебют Центра детского творчества архитектуры и дизайна «Пирамида» Иркутского государственного технического университета (руководитель прекрасного педагогического коллектива Н.В. Ремизова). С 1992 г. «Пирамида» живет насыщенной творческой жизнью (7). Заслуживает внимания участие педагогов и воспитанников «Пирамиды» в благотворительных акциях в пользу больных детей. Авторская идея руководителя Центра Натальи Ремизовой и преподавателя Ульяны Кручининой – книга «Путешествие окна по архитектурным стилям», экспонируемой на смотре-конкурсе Фестиваля, была признана еще в 2012 г. лучшей на Межрегиональном фестивале «Зодчество Восточной Сибири». Можно поздравить иркутян с таким замечательным Центром детского творчества!

Международный архитектурный благотворительный фонд имени Якова Чернихова никогда не оставляет без внимания (огромная благодарность Президенту Фонда А.А. Чернихову!) смотр-конкурс детского архитектурно-художественного творчества. На этот раз дипломы Фонда и памятные подарки были вручены четырем работам:

1. Фирменный стиль спортивного движения Набережные Челны. Автор – Мишагина Ирина. Руководитель – выпускница ДШИ № 6 «ДА-ДА» А. Кузнецова – Детская школа искусств №6 «ДА-ДА», г. Набережные Челны, Республика Татарстан (директор Т.А. Хайман).

2. Архитектура космического пространства. Автор – Софья Дятлова. Руководитель Е.Ю. Малкина – МБОУ Лицей архитектуры и дизайна №3, г. Пенза (директор Т.В. Вукович - 8).

3. Геометрия города. Творческий коллектив. Руководитель Р.Х. Ахтямова – Детская архитектурно-дизайнерская школа «ДАШКА», Казанский Государственный архитектурно-строительный университет, Республика Татарстан (директор школы М.Ю. Забрускова –9).

4. «Давайте жить в традиционном доме!». Творческий коллектив. Студия «Рождение вещи» РОО Дом детского творчества «Материнская школа», г. Москва. Руководитель Н.В. Семеновская.

Дети XXI века вступают в новый этап XXII Международного фестиваля «Зодчество». Счастливый путь им и их беззаветно преданным своему делу педагогам!!!

Эдуард Товмасьян

6

Научно-образовательный центр в Иркутске

дипломный проект

автор проекта
Анастасия Куртиш

руководитель проекта
И.Е. Дружинина

Научно-образовательный центр расположен в Свердловском округе г. Иркутска. Место проектирования выбрано в соответствии со схемой использования территории муниципального образования с отображением границ земель различных категорий, существующей транспортной инфраструктуры. Вблизи объекта находятся научные учреждения Иркутского научного Центра СО РАН. На перспективу застройки данной территории в соответствии с проектом планировки Академгородка предполагается дальнейшее развитие научной, образовательной и общественной зоны.

Главной задачей проекта стала работа в контексте, как в градостроительном, так и объемно-планировочном ритме застройки советского периода, принимающая во внимание масштаб объектов, характер ландшафта, силуэт застройки. Задачей было вписать новый объект в окружение, не нарушив структуру существующей застройки. Объект разместился на месте старого недостроенного здания, сохраняя его градостроительный масштаб и силуэт.

Немаловажным фактором при проектировании объекта послужили выполненные на смежных территориях проекты иркутских архитекторов. Так, здание научно-образовательного центра в перспективе должно граничить с соседствующей жилой малоэтажной застройкой «Шведская деревня», и потому использован принцип понижения этажности.

Еще одним аргументом в пользу выбора именного этой площадки для проектирования послужило соседство с рекреационной зоной, где возможно расположение дендропарка для изучения роста растений.

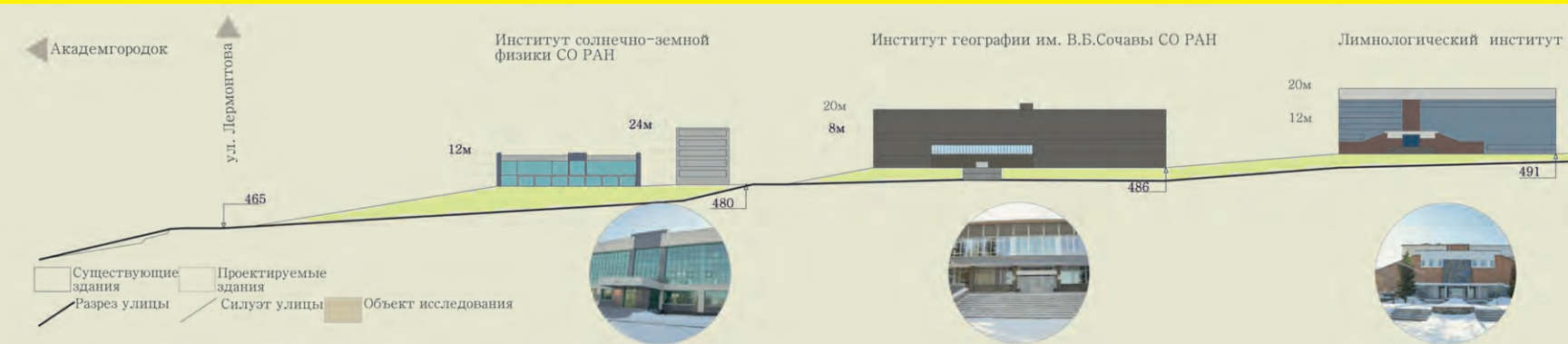
Исходя из существующей градостроительной ситуации и учитывая перспективы развития данной территории сложился образ здания. Его внешний облик отражает современные тенденции оформления фасадов с применением новых технических и технологических достижений.

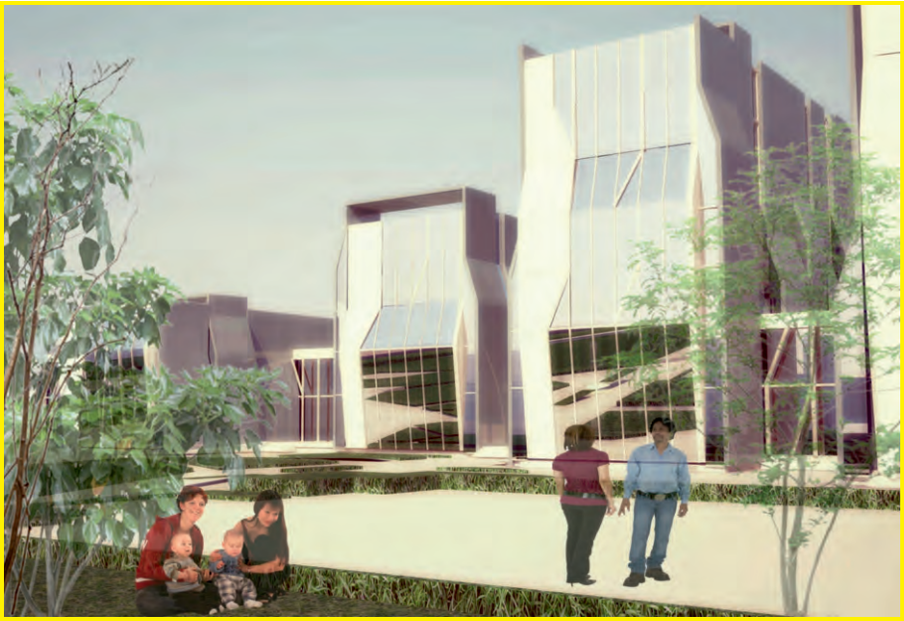
По функциональному зонированию здание состоит из нескольких вертикальных объемов – двух образовательных, научного и детского научного центра. Этажность варьируется от пяти до семи этажей. Планировочная структура организована общественным пространством, пульсирующим внутри здания. В него входят зал Байкальской природы, архив, конференц-зал, открытые лекционные и выставочное пространство.

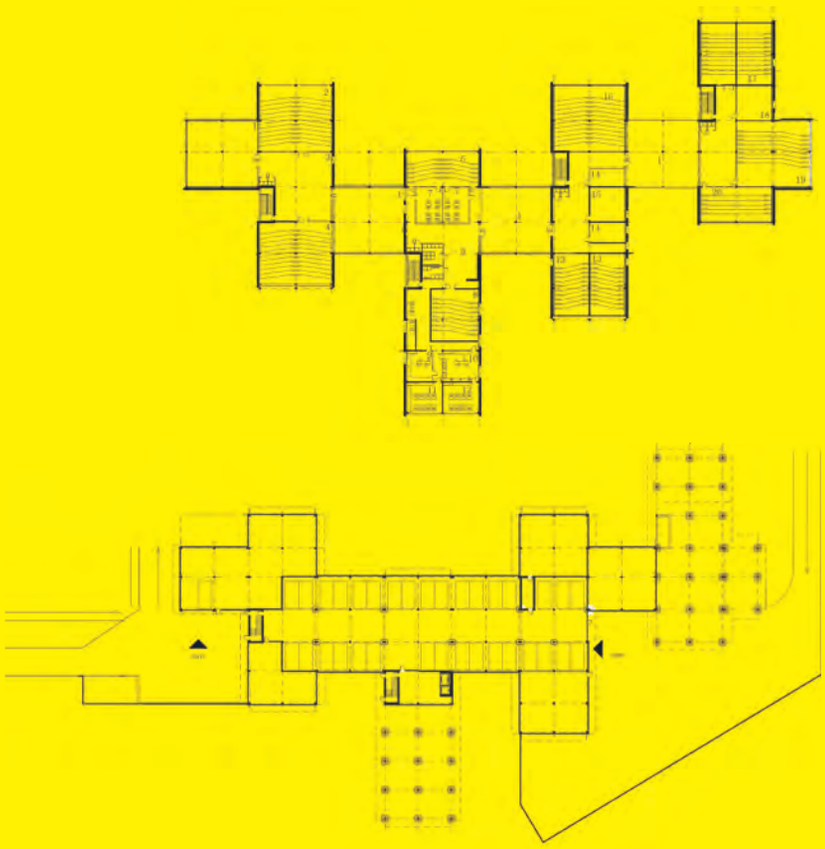
Партерная зелень перед зданиями университетов представлена как система затекающих пространств, предлагающих посетить это здание, формирующая восприятие здания. Эту же идею мы переносим на наш объект, делаем террасированную зелень, представленную научным парком с системой выставочных площадок для открытых экспозиций. Озеленение объединяет систему благоустройства институтов, переходит внутрь здания в зал байкальской природы и выходит в дендропарк.

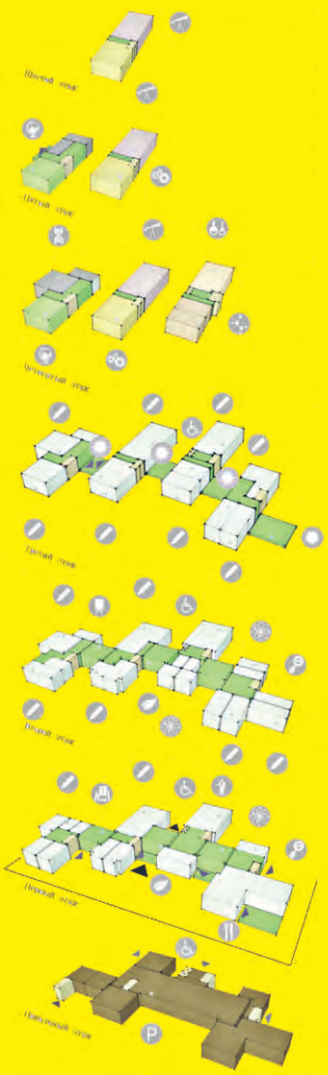
Внутреннее содержание здания отражает современную идеологию профессионального сообщества, структура центра поможет создать слаженную команду специалистов для достижения научного прогресса, дает возможность испытания разработок в режиме реального времени, знакомства людей с техническими новинками, ускорит процесс внедрения технологии в производственный процесс. В проекте предпринята попытка создать здание, сохраняющее модуль застройки XX века с одной стороны, с другой – объект современной технологичной архитектуры.

Анастасия Куртиш









Планетарий
Блок географических наук
Блок механической физики
Блок биологических наук
Блок химических наук
Блок молекулярной биологии
Учебные аудитории
Летние учебные аудитории
Доступно для маломобильных групп населения
Зал бай кальской природы
Детский научный центр
Архив
Конференц-зал
Обеденный зал
Выставочное пространство

СО РАН
Недостроенный объект СО РАН
Шведская деревня
28м
12м
493
495
494
496

Доступная история

Доступная среда и универсальный дизайн в историческом городе и памятниках архитектуры – эта тема была в центре пленеров, дискуссии и конференции в маленьком латвийском городе Кулдиге в октябре 2013 года. Всемирный День Архитектуры объединил вокруг этой темы широкий круг экспертов, муниципальных и федеральных чиновников, представителей обществ инвалидов по слуху, зрению и движению. Кулдига для места проведения конференции была выбрана неслучайно. Город имеет особое отношение к наследию, о чем свидетельствует получение знака Европейского наследия в 2008 году и внесение долины реки Вента старого города Кулдиги в список Всемирного наследия ЮНЕСКО в 2011.

Цикл тематических мероприятий стартовал в Риге, где вечером встретились мэр г. Кулдига Инга Берзиня, главный архитектор города Яна Якобсоне, председатель Латвийской организации людей с ограниченными возможностями SUSTENTO Гунта Анче, член правления общественной организации «Я вижу» Айвия Барда, председатель Латвийской ассоциации архитекторов Мартиньш Кибилдс, вице-президент Союза архитекторов России по Восточной Сибири, главный редактор журнала «Проект Байкал» Елена Григорьева, вице-президент Болгарского Союза архитекторов, глава думы Пловдива Илко Николов и представитель организаций «Белая Трость» из России Олег Колпащиков.

^ Экскурсию ведет Яна Янсоне, главный архитектор города

Руководитель строительного отдела самоуправления Кулдиги Яна Якобсоне высказалась о том, что проблемы доступности окружающей среды по-прежнему нуждаются в обсуждении: «Нам нужен международный опыт. Накопление знаний и опыта будут служить основой для внедрения конкретных решений. Во-первых, мы хотим услышать мнение об уже сделанной работе. Много отреставрированных зданий, приведены в порядок улицы и площади. Во-вторых, мы хотим услышать, что и как предстоит усовершенствовать. В-третьих, мы будем действовать по многим аспектам среды, доступной как для людей с ограниченными возможностями, так и для мам с колясками и пожилых людей».

Утро следующего дня началось в мэрии, откуда стартовала экспертная экспедиция для исследования доступности исторических кварталов Кулдиги (фото 1). В экспедиции и последующей дискуссии участвовали представители мэрии, архитектурного сообщества, различных обществ инвалидов и международные эксперты. Были высказаны конкретные замечания и предложения.

Во время международного пленэра по дизайну и архитектуре латвийские и российские студенты сформулировали предложения о том, как сделать среду города Кулдига более доступной. После того, как лучшие работы получили награды, главный архитектор города Яна Якобсоне пообещала,

^ Представитель общества «Ты можешь» Игорь Сердюков из Кулдиги, перемещающийся в коляске, указывает на проблему передвижения человека с ограниченной мобильностью: «Важно, чтобы тротуар был не выше 2 см, чтобы можно было свободно передвигаться по городу. Если это не соблюдается, то человек в коляске должен ехать до выезда или до конца улицы где нет этого перепада». Алдис Коциньш, руководитель хозяйства «Zāģeri», тоже передвигающийся на коляске, согласен с этим: «Руки должны быть очень сильные, чтобы перемещаться вверх и вниз. А что делать, если ты недостаточно силен?»

< Основываясь на увиденном за пределами родины, председатель общества Латвии для людей с особыми потребностями организации SUSTENTO Гунта Анча во время дискуссий признала, что «Кулдига должна серьезно обдумать как пройти в Европу со своим примером, так как хорошую практику из Кулдиги можно везти в Европу, а не наоборот».

^ Мэр города Кулдига

^ Илко Николов (Пловдив) и Айвия Барда (Рига)

^ Марис Цейрулис, председатель Общества незрячих г. Лиепая, сделал позитивные выводы: «если объект доступен людям с инвалидностью, то он доступен всем людям, в том числе туристам». Кулдига может стать образцом того, как культурно-историческое наследие сделать по-настоящему доступным всем. Не ограничить доступ под предлогом сохранения подлинности, а открыть Кулдигу, ее исторические здания и улицы для всего общества.

что парковки для велосипедов будут реализованы в следующем году, а второй проект по развитию системы навигации доступности по возможности будет реализован в ближайшее время. Таким образом, Кулдига сможет похвастаться новыми решениями по доступной среде уже следующим летом.

К работе научно-практической конференции всемирного дня архитектуры «Общественно доступная среда для исторических центров городов», состоявшейся 11 октября, подключились многочисленные латвийские архитекторы и студенты вузов Латвии и Росии, приехал известный архитектурный критик и философ Александр Раппапорт.

Программа действий на ближайшие годы была сформулирована по итогам исследования, дискуссии и конференции с учетом общеевропейских документов, в том числе Конвенции ООН «О правах инвалидов » 9-й статьи стратегии Европейской по инвалидности (2010-2020) и общей конвенции Европейского Совета о значении культурного наследия общества 12 пункт, часть б, Закона Латвийской Республики «О защите памятников культуры», а также Программы развития г. Кулдига.

Кулдига готова ломать стереотипы, отказываться от формальных решений и искать новые, чтобы каждый в древнем городе чувствовал себя как дома.

По материалам пресс-службы организаторов.
Фото предоставлены пресс-службой и Еленой Григорьевой

Летняя мастерская «Деревянное наследие Иркутска»

Успех исторического 130-го квартала, который стал излюбленным местом отдыха иркутян и гостей города, поставил больше вопросов о судьбе деревянного Иркутска, нежели дал конкретных ответов. Какую стратегическую политику должны осуществлять городские власти в решении проблем сохранения исторической среды города? Восстанавливать ли историческую застройку, наделяя ее функциями новомодных развлекательных центров, или в результате кропотливой реставрации постараться сберечь подлинную скромную красоту уцелевших деревянных зданий? Быть может, малоэтажную деревянную застройку и вовсе стоит ликвидировать, как нечто архаичное, препятствующее прогрессу, а на ее месте возвести современные многоэтажные здания? Пока никто не берется дать окончательного ответа.

Всего сто лет назад Иркутск называли сибирским Парижем. За это время город не утратил своего обаяния. Он и сегодня поражает присутствием архитектуры различных стилей: классицизм, модерн, сибирское барокко. Однако самой редкой «приправой» этого блюда можно с уверенностью назвать уникальные деревянные дома. Эти здания пропитаны душой своих создателей. Неслучайно иностранные туристы изучают и фотографируют не новые архитектурные объекты, а старые, ветхие «деревяшки», которые, наверное, и хранят в себе суть той самой загадочной русской души. Чего стоят богатые деревянные резные наличники! По причудливым завитушкам и узорам оконных оправ можно проследить, как развивалась культура народов, населявших Сибирь, их представления о прекрасном и веру в существование добрых и злых сил природы.

Для городской администрации и жителей столицы Приангарья вопрос определения места деревянной застройки в современной градостроительной ситуации сегодня встает особенно остро. Статистика рисует неутешительный прогноз: ежегодно пожары уничтожают 10 – 30 деревянных зданий. За последние пятьдесят лет Россия потеряла почти половину таких объектов. Возможно, откладывая ответ, надоедливая проблема разрешится сама собой, потому что сохранять будет нечего...

СПРАВКА: В 2010 году Министерство культуры РФ утвердило список исторических поселений России, в который вошел 41 населенный пункт. Иркутск не только включен в этот список, но и вправе называться столицей деревянного зодчества Восточной Сибири. Он входит в тройку сибирских городов, обладающих значительным историко-архитектурным потенциалом, наравне с Кяхтой (Республика Бурятия) и Нерчинском (Забайкальский край).

В Иркутске более 1100 памятников истории и культуры различной категории охраны, из них около 700, т.е. две трети – деревянные дома, хозяйственные постройки XIX – начала XX веков. Сохранились не только отдельно стоящие здания, но и целые массивы с ценной усадебной застройкой.

В 2013 году международная научно-исследовательская лаборатория НИ ИрГТУ по проектированию и изучению городской среды «Градостроительная школа» совместно с ОАО «Агентство развития памятников Иркутска» и администрацией города Иркутска провели совместный проект – Летнюю мастерскую «Деревянное наследие Иркутска». Задача, поставленная организаторами – обратить внимание общественности на будущее деревянного зодчества. Они собрали профессиональных архитекторов и реставраторов, молодых специалистов и талантливых студентов, чтобы проанализировать ситуацию вокруг деревянных объектов и предложить собственные концептуальные предложения по реконструкции исторических кварталов. Пилотом мастерской, или научным руководителем, стал Алексей Чертилов, доцент кафедры истории архитектуры и основ проектирования ИАиС (институт архитектуры и строительства) ИрГТУ; научный руководитель научно-исследовательской лаборатория архитектурного наследия ИрГТУ; руководитель сектора культурного наследия ОАО «Иркутский Промстройпроект».

Старт полугодовому марафону Летней мастерской был дан в мае на конференции «Иркутск – столица деревянного зодчества». Участники конференции представили проблемы и перспективы развития исторического центра города, проект границ территорий исторического поселения. Обсуждение подходов и требований к содержанию градостроительных регламентов исторического поселения, определение приоритетов развития города Иркутска как исторического поселения позволили в режиме круглого стола выйти в диалог между администрацией, проектировщиками и

жителями. По информации главного архитектора города Инны Кондратьевой, Иркутск – первый город России, который приступил к определению границ территории исторического поселения.

В ходе мероприятия были определены место и роль исторической деревянной застройки в концепции развития Иркутска, намечен подход к историко-культурному и архитектурному анализу средовой застройки и памятников деревянного зодчества. Главное внимание было уделено сопоставлению российского и мирового опыта сохранения историко-культурного и архитектурного наследия.

СПРАВКА: В соответствии с федеральным законом №73 ФЗ, предмет охраны исторического поселения должен включать в себя: исторически ценные градоформирующие объекты (здания и сооружения, формирующие историческую застройку); планировочную структуру (и ее элементы), объемно-пространственную структуру, композицию и силуэт застройки, соотношения между различными городскими пространствами (свободными, застроенными, озелененными), композиционно-видовые связи (панорамы), соотношение природного и созданного человеком окружения.

Второй этап проекта, состоявшийся в июне в формате воркшопа, предлагал участникам Летней мастерской внести концептуальные проектные предложения по реконструкции исторических кварталов, учитывая требования и нормы, предъявляемые к памятникам деревянного зодчества. Три команды молодых специалистов проектных организаций города и студентов ИрГТУ во главе с местными и приглашенными экспертами за несколько дней мозгового штурма постарались доказать, что Иркутску необходимы перемены, а точнее – особая программа сохранения деревянного наследия.

Удивительно, как проектировщикам за столь сжатые сроки работы удалось предложить множество оригинальных, а главное – реализуемых решений. Ярким примером тому служит увлекательный туристический маршрут, захватывающий наиболее ценные памятники архитектуры. По замыслу авторов, начальной точкой маршрута должен стать дом-усадьба купца Шастина, более известный как «Дом Европы». Туристы смогут передвигаться как на транспорте, так и пешком, начав свое путешествие с любой из десяти экспозиционных остановок. Каждую из потенциальных точек притяжения туристов участники воркшопа рассмотрели отдельно.

Немного пофантазируем: «Наш экскурсионный автобус приближается к Ланинскому кварталу. Эта территория захватывает улицы Декабрьских Событий, Бабушкина, Карла Либкнехта и Володарского». Было предложено внутри кварталов оставить жилую функцию построек. Непосредственная близость объектов притяжения творческих людей – музейные комплексы, галерея Революция и др. – позволяет сформировать по улице Бабушкина так называемый «креативный бульвар» с новыми мастерскими и местами проведения ярмарок.

«Солдатская слобода» в границах улиц Лапина, Дзержинского, Богдана Хмельницкого и Тимирязева также должна стать частью маршрута. Данный квартал может стать музейным с жилой функцией в комплексе музея. Предприятия общепита планируется расположить вдоль улицы Киевской, новый гостиничный комплекс «Солдатская слобода» появляется на проектной карте по улицам Киевской и Карла Маркса. На углу улиц Грязнова и Тимирязева предполагается воссоздание Преображенской церкви, которая станет исторической доминантой района. Также участники заметили, что на пересечении улиц Дзержинского и Лапина отсутствует угловое здание. У команды возникла идея создать там школу плотницкого мастерства, новое здание для которой и займет свободное место.

Архитекторы адаптируют для Иркутска европейскую технологию организации уличного пространства. Так по улице Тимирязева в границах улиц Седова и Декабрьских Событий появляется shared space. Это популярный прием для многих исторических городов, когда приоритет движения отдается пешеходам, за ними следуют велосипедисты и трамвай. Такой метод призван повысить для людей уровень комфортности передвижения по центру города.

Одна из команд настаивает связать отдельной пешеходной осью Желябовский комплекс и набережную. Маршрут проходит по улице Бабушкина, сейчас это «тихий» центр, фактически бульвар, заканчивающийся небольшой площадью между кинотеатром «Пионер» и бывшим Домом офицеров, а в скором будущем – Дворцом молодежи. Далее через арку можно выйти на территорию Желябовского комплекса, а здесь всего две тихие улицы – Ударника и Пугачева, которые также становятся частью главной пешеходной оси. Команда предлагает выйти к перекрестку улиц Рабочая и Декабрьских Событий небольшим сквером, а затем двигаться до Московских ворот, где расположена остановка речного трамвайчика.

Следуя предложенному маршруту, участникам также предстоит посетить Крестовский холм и «Иркутскую слободу» – 130 квартал, ставший общероссийской знаменитостью.

Градостроительный воркшоп помог городским властям рассмотреть предложения по устранению диссонансов между исторической деревянной и современной застройками. Например, напротив «Дома Европы» находится объект советской эпохи – «Дом-бумеранг». Восстановить масштаб исторической застройки улицы можно с помощью скрывающей здание зеленой аллеи. Эту идею уже взял на заметку председатель комитета по экономике города Иркутска Алексей Альмухамедов. Он подчеркнул, что «технически метод визуального отделения исторических массивов путем озеленения легко вписывается в градостроительную политику города и более того, к нему нужно приступать немедленно».

Предположим, городская администрация откликнется на мольбы иркутян и займется преобразованием «деревянного Иркутска». Как быть с финансированием реставрационных работ для деревянных зданий, в которых, между прочим, и сейчас живут люди? Участники воркшопа убеждены, что жилую функцию необходимо оставить. По их мнению, способствовать возрождению исторической застройки должны именно государственные программы. При условии, если собственник не планирует поддерживать в соответствующем состоянии дом, инструментом воздействия выступает программа расселения жителей.

Чтобы повысить инвестиционную привлекательность зданий, предлагается на каждый объект создать «Паспорт возможностей» с указанием охранных ограничений, регламентов, режимов содержания и списком возможных функций. Наличие такого документа сделает для инвестора прозрачными риски, связанные с затратами и ограничениями. Кроме того, для будущих собственников подразумеваются налоговые льготы, компенсационные мероприятия и финансовая поддержка из ресурса различных государственных фондов и программ.

Главный архитектор группы компаний «Фортуна» Владимир Стегайло поддерживает мнение о том, что «город не должен превращаться в музей в котором есть функционал только для туристов». Он рассказал,

что несколько лет назад проводил опрос среди жителей домов по улице Бабушкина и был уверен, что люди ненавидят свои неблагоустроенные, разрушающиеся дома. Но он был потрясен тем, что большинство жителей готовы продолжить свое проживание именно там и с большой теплотой отзываются о деревянных зданиях, об особой атмосфере исторической застройки.

Организаторы Летней мастерской решили не ограничиваться разработкой концептуальных проектов, а осуществить практическое обучение тонкостям реставрационного ремесла. Осенью на Реставрационную мастерскую в Приангарье были приглашены зарубежные мастера по кровельным и плотницким работам. В течение недели специалисты из Национальной Федерации «Les Compagnons du Tour de France», (Франция) и школы им. Альфонса Керна (Германия) консультировали студентов-реставраторов Иркутского государственного технического университета и Техникума архитектуры и строительства. По словам Франка Гутье, плотника-реставратора и преподавателя школы им. Альфонса Керна из Пфорцхайм (Германия), чтобы достичь высокого уровня профессионализма, реставратору необходимо почувствовать древесину, ощутить ее запах и приложить руку к простой плотницкой работе. На мастер-классах по созданию простых деревянных соединений начинающие реставраторы, среди которых было много представительниц прекрасного пола, с большим энтузиазмом работали ножовкой, выпиливали элементы соединения и перенимали опыт мастеров Даниэля Дюпе и Жюльена Шателан – специалистов по строительным и реставрационным технологиям из Франции, преподавателей Европейского института «Les Compagnons du Tour de France».

По окончании проекта студенты под руководством опытных специалистов участвовали в восстановлении деревянной беседки во дворе реставрируемого дома на улице Горького. Руководитель ОАО «АРПИ» Ирина Кравец рассказала, что этот объект был воссоздан по фотографии ранее существовавшей беседки напротив церкви Казанской Божьей Матери.

Участники Летних мастерских прослушали курс лекций от местных и приглашенных экспертов. Ивана Жиц, куратор-этнолог Музея моря и истории Хорватского Приморья, Риека, (Хорватия), представила доклад «Деревянная архитектура Приморско-Горанской жупани». Тему деревянных конструкций показали Игорь Пинайкин, доцент кафедры строительных конструкций ИрГТУ и конструктор Александр Петров. О способах защиты деревянных конструкций в климатических условиях Сибири рассказал Александр Петухов.

Нюансами и технологиями обмеров поделился Иван Казимиров, доцент кафедры строительного производства ИрГТУ. В дополнение Людмила Антонова, инженер-технолог-реставратор провела лекцию по проблемам реставрации песчаника и деревянных элементов. Именно в рамках Реставрационной мастерской участники и гости проекта смогли испытать разработанный на летнем воркшопе автобусный экскурсионный маршрут «Деревянное наследие Иркутска», которым все остались довольны.

Проект завершился вручением грамот и объявлением благодарностей участникам. Хочется надеяться, что работа Летней мастерской «Деревянное наследие Иркутска» продолжится, и ее результаты найдут практическое применение. Пока в Иркутске около тысячи памятников деревянного зодчества, и будущее многих пока неизвестно.

Ирина Афанасьева, Евгения Ямова
Фото: Максим Попов

^ С архитекторами Бурятии

Борис Сергеевич Нелюбин (9 декабря 1932 – 18 октября 2013)

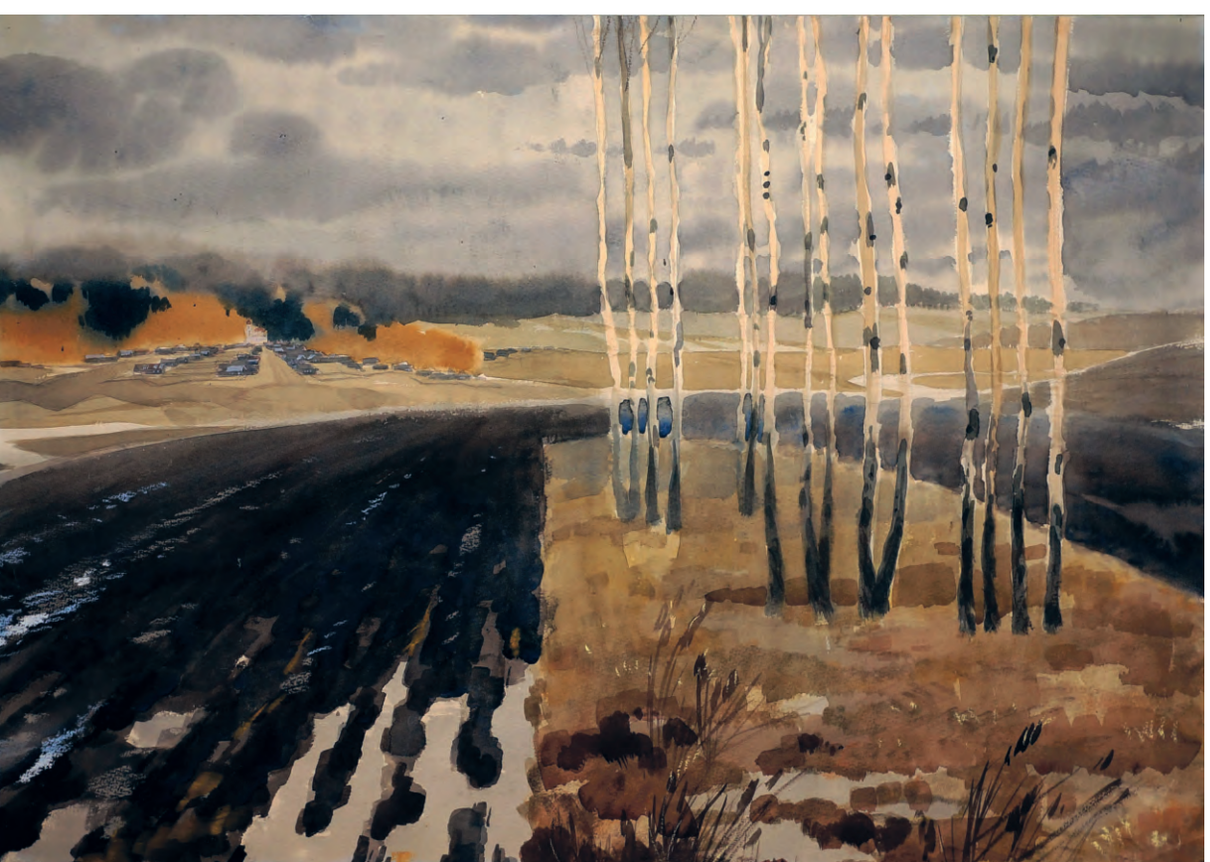
С 11 по 25 декабря 2013 года в зале Российской академии архитектуры и строительных наук экспонировалась выставка творческих работ члена-корреспондента РААСН, заслуженного архитектора РФ Б. С. Нелюбина

За Уралом гудят провода
И искрятся шальные реки,
За Уралом шумит тайга…
Только я прикрываю веки,
Только я забыться хочу –
Память сердца меня тревожит,
И я снова себе шепчу:
«Нет, душа позабыть не может…»

В первый раз я увидела Бориса Сергеевича летом 1986-го в актовом зале Иркутскгражданпроекта на отчетно-выборном собрании Иркутской организации Союза архитекторов СССР. Избирали новый состав правления и нового председателя – Николая Николаевича Белякова (возглавлявший нашу организацию с 1980 года В. А. Павлов покидал Иркутск в сентябре 1986-го).

Борис Сергеевич Нелюбин представлял центральное правление СА России и на нас, только что, в марте 1986-го, вступивших в Союз, произвел впечатление. Лицо мужественное, «гранитное», типаж артиста Дружникова из «Сказания о земле Сибирской». Очень сдержанный. Строгая, содержательная речь, каждое слово выверено. Впечатление надежности и компетентности. В последующие десятилетия мы часто встречались по делам Союза, и первое впечатление оказалось точным.

Но то, как мало я знала об этом человеке, поняла, только побывав на его посмертной выставке в Академии архитектуры и строительных наук в декабре 2013 года и познакомившись с женой Аллой Алексеевной.



v «Похолодало» Акварель, 1979 г.

Сибирский период

Собиравшаяся стать музыкантом девочка, без специальной подготовки, просто очень любившая слушать музыку, и юноша из старинного Тобольска, начавший было в Ленинграде учиться на химика, встретились на архитектурном факультете Сибстрина (Новосибирский инженерно-строительный институт). Было это 60 лет назад, в 1953-м. Художественной подготовки у многих не было, но тогда профессора оценивали поступающих не по степени «натасканности» репетиторами, а по существу: они умели увидеть потенциал абитуриента, его дарование, способности. Алла Алексеевна и сейчас с

^ Горький. Гостиница на 860 мест на площади Ленина, 1975 г., авторы Б. Нелюбин, В. Ковалев

v «Саяны. Долина реки Хемчик» Акварель, 1972 г.

благодарностью вспоминает профессора Александра Иосифовича Беляева в блузе художника и его уроки.

Борис Сергеевич с самого начала был отличником и старостой группы. Группа подобралась дружная, и сейчас перезваниваются те, кто живы. Борис и Алла поженились в 1958-м, на шестом курсе, и прожили вместе всю жизнь.

Защитившись (руководителем дипломного проекта был Оль, Ленинград), Борис начал работать в Академии архитектуры, в ее Сибирском отделении. Сибстриновец Арэг Демирханов, окончивший вуз на три года раньше, в это время проектировал Комсомольск-на-Амуре. Он и сманил к себе на Дальний Восток Бориса с Аллой. Сразу получили квартиру, здесь и Светлана родилась.

Город Горький

В начале 60-х Борис Сергеевич, а затем и семья, переехали в Горький. Работали в Горьковгражданпроекте. Аллу Алексеевну позже пригласили на преподавательскую работу, Борис Сергеевич все свои силы отдавал проектированию, работал увлеченно и истово. Как-то в «Горьковской правде» была напечатана статья о том, что позволил себе архитектор (а он разбил молотком то, что строители сделали не по проекту).

«Наиболее заметными, помимо фрагментов застройки в сложившихся районах города, стали конкурсные проекты. Победы в конкурсах давали право на претворение в жизнь интересных замыслов. Среди них – многолетняя работа над застройкой крупного комплекса городского района «Мещерское озеро» на намывной территории. Проекты детальной планировки, выполненные Б. С. Нелюбиным в разные годы, демонстрируют как рост профессионального мастерства архитектора, так и развитие индустриальных методов строительства, позволяющих сделать жилую застройку более пластичной и удобной» (из статьи Анатолия Журавлева «Дело всей жизни»).

В ГГП Борис Сергеевич Нелюбин работал до 1980 года, проектируя жилые районы и общественные здания, мемориалы, монументы и элементы городского благоустройства, и ушел в областные архитекторы уже с должности главного архитектора института.

Москва. Союз архитекторов России

В 1982 году А. Г. Рочегов уговорил его перебраться в Москву. Александр Григорьевич занимался тогда созданием Союза архитекторов РСФСР и искал себе помощника в этом деле. Ситуация была парадоксальная. При том что существовал Союз архитекторов СССР и СА четырнадцати его республик, Союза архитекторов крупнейшей республики – России – не было.

Борис Сергеевич, вступивший в СА СССР еще в Комсомольске, в 1961-м, имел к этому времени уже солидный опыт работы в Союзе архитекторов, десять лет возглавлял Горьковскую организацию, шесть лет был членом центральной ревизионной комиссии. Таким образом, в 1982 году Б. С. Нелюбин, согласившись на предложение А. Г. Рочегова, стал одним из

руководителей Союза архитекторов России и служил ему без малого 30 лет – верой и правдой.

Сам родом из семьи интеллигентной и просвещенной (прадеды – учитель Николай Нелюбин и профессор Михаил Красин, дед – земский врач Аркадий Нелюбин), Борис Сергеевич стал основателем архитектурной династии. Обе дочери – Светлана и Юлия – окончили МАрхИ, там же учился внук Артем, теперь учится внучка.

Выставка, которая экспонировалась в декабре 2013 года, была сделана к 70-летию, к юбилею, и в первый раз экспонировалась в Центральном доме архитектора. Поездки по большой стране и многочисленные экспедиции, Сибирь, Бурятия, Байкал, Суханово, Прибалтика вдохновили автора на создание этих пейзажей, тонких и очень лиричных.

Ими Борис Сергеевич Нелюбин и простился со своими коллегами, с теми, с кем работал в Академии, в Союзе, в архитектурной профессии. С большой и прекрасной страной, которую он знал и любил.

Елена Григорьева

Для нас, чье служение Союзу пришлось на 1990-е и 2000-е, образ СА России неразрывно связан с тремя замечательными архитекторами, лидерами и хранителями лучших традиций Союза архитекторов, – Юрием Петровичем Гнедовским, президентом Союза архитекторов России, и вице-президентами Борисом Сергеевичем Нелюбиным и Юрием Афанасьевичем Сдобновым.

ЕГ

Ю.П. Гнедовский – о совместной работе с Борисом Сергеевичем Нелюбиным

^ На корабле в Якутске. Выездная сессия президиума СА России, 2007 г.? Фото Елены Григорьевой

Борис Сергеевич Нелюбин – первый вице-президент Союза архитекторов России на протяжении почти двадцати лет – фигура сегодня почти легендарная. Основатель Союза А.Г. Рочегов нашел его в Нижнем Новгороде, где он был уже в то время главным архитектором области, авторитетным руководителем нижегородских зодчих, и пригласил на роль своего первого заместителя во вновь созданном Союзе архитекторов Российской Федерации. И не ошибся в выборе. Формируя Союз, он получил энергичного, деятельного и принципиального соратника, завоевавшего признание коллег на всей необъятной территории страны.

А страну он знал. Начал работать на Дальнем Востоке, затем в Сибири (его родина – Тобольск), потом в Центральной России. Он знал проектную практику и зодчих не понаслышке, а через совместную работу в разных частях России.

Когда я был избран президентом Союза, я пришел на готовенькое: меня встретили два вице-президента – Нелюбин и Сдобнов. Оба были дружны и деятельны. В девять часов утра они уже пили традиционный утренний кофе и начинали рабочий день. Спустя некоторое время я понял, как мне повезло. Помимо безупречного отношения к делу они еще отличались чуткостью и доброжелательностью к людям – как работающим в аппарате Союза, так и к архитекторам, обращавшимся в Союз с теми или иными проблемами. Кроме того, каждый по своей специализации – архитектура и градостроительство – организовывал встречи, конференции или круглые столы в городах и регионах страны.

Все это создавало прекрасный «рабочий климат», люди работали с удовольствием, радуясь друг другу и общению с коллегами.

Вместе с вице-президентами мы начали готовить ежегодные фестивали архитектуры, смотры-конкурсы на лучший проект и постройку года. Их масштаб и структура развивались и через некоторое время появились и стали ежегодными фестивали в Москве, Питере и регионах России.

Во всех этих делах и непростых, даже конфликтных ситуациях, возникавших в организациях Союза, роль Бориса Сергеевича Нелюбина была чрезвычайно велика. Он был человеком строго требовательным к себе и потому справедливым в своих оценках окружающих, при рассмотрении любых сложных ситуаций.

Это делало Союз авторитетным при разрешении конфликтов и просто при оценке той или иной работы, того или иного архитектора, которых мы награждали или представляли к государственным наградам и званиям.

И при всем этом главным было доброжелательное отношение ко всем, кто появлялся в Союзе. Были ли конфликты? Конечно, были, в силу разных темпераментов, представлений, подходов. Были и внешние неприятности, связанные с борьбой за имущество Союза, за дома архитекторов, за «Суханово». Но во всех этих ситуациях удавалось достичь согласованных решений, потому что все руководствовались интересами дела.

Шестнадцать лет пролетело в делах и заботах, счастливых шестнадцать лет, как это осознается сегодня. Каждое утро мы были рады друг другу, шли с удовольствием на работу.

Вспоминая сегодня Бориса Сергеевича, понимаешь, что за внешней строгостью, сдержанностью таился замечательный, добрый и чуткий человек. Эти качества обнаруживала его работа «для себя» - акварели тонкого художника, графика, с его любовью к природе, архитектуре, окружающему миру. Было и еще одно свойство, отмеченное близкими: он писал стихи «по случаю» – при поздравлениях с днем рождения или праздниками.

Итак. Два десятилетия, отданные служению архитектуре в масштабе страны, с почти полным отказом от личной практики – каковы же итоги ?

Итоги этой самоотверженной деятельности состоят в упомянутых акциях, проводившихся Союзом и сплочению архитекторов – членов Союза. Самое яркое свидетельство тому – сохранение единства Союза на фоне многочисленных расколов в других творческих объединениях.

На Фестивалях, пленумах правления и других встречах наградой за труд Б.С.Нелюбина всегда было чувство дружбы и признательности, уважения и любви людей.

Борис Сергеевич был отмечен государственным признанием как заслуженный архитектор страны, награжденный также орденом «Знак Почета».

Юрий Гнедовский

шестидесятники / sixtiers

text
Konstantin Lidin

The phenomenon of the sixtiers was prepared by the previous historical period. The period after the World War II comprises a fundamental change of the world order – from a multipolar world to a confrontation of two superpowers and two ideological systems, and, at the same time, formation of a complex of international organizations on a global scale. In this context, the Soviet architecture made a sharp turn from Stalin's Empire style to an extreme ascetism – the continuation of constructivism of the early XXth century. The Irkutsk architectural school, unlike the main flow of the 1960s, developed the style of Neo-Brutalism. The article draws parallels between Neo-Brutalism of the Irkutsk school and "a severe style" of the Soviet pictorial art of the same period.

Keywords: Sixtiers, Socialist state, Stalin Empire style, Constructivism, Minimalism, Irkutsk architecture school, severe style

References:

Artemov, E. T. (2006) Scientific-technical policy in the Soviet model of late industrial modernization [Nauchno-technicheskaya politika v sovetskoi modeli pozdneindustrialnoi modernizatsii]. Series: Economic history. Documents. Studies. Translations. Moscow: Russiiskaya politicheskaya entsyklopediya.

Bagaturov, A. D. ed. (2003) System history of international relation ns. Vol. 3. Events of 1945-2003 [Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii. T. 3. Sobytiya 1945-2003]. Moscow: Izd-vo Gosudarstvennogo universiteta gumanitarnykh nauk.

Barton, K. (2008) Overarching aid in the time of Stalinism? Soviet health care service and the spirit of the state of prosperity, 1945-1953 [Vseokhvatnaya pomoshch pri stalinizme? Sovetskoye zdravookhranenie i dukh gosudarstva blagodenstviya, 1945-1953]. Sovetskaya sotsialnaya politika. Stseny i deistvuyushchie litsa. 1940-1985. Moscow: Variant, TsSPGI. pp. 174-194.

Bobrikov, A. (2003) A severe style: mobilization and cultural revolution [Surovyi stil: mobilizatsiya i kulturnaya revolyutsiya]. Art magazine [Internet]. № 51/52. Available from: <http://xz.gif.ru/numbers/51-52/surovo/>

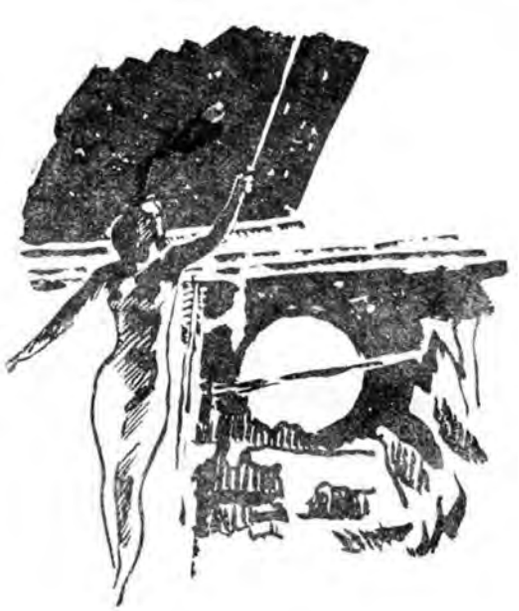
Завтра началось вчера / Tomorrow Began Yesterday

текст
Константин Лидин

Феномен шестидесятников подготовлен предыдущим историческим периодом. Период после окончания Второй мировой войны включает кардинальную смену мироустройства – от многополярного мира к противостоянию двух сверхдержав и двух идеологических систем и, одновременно, – формирования комплекса международных организаций глобального масштаба. На данном фоне в советской архитектуре происходит резкий поворот от сталинского ампира к предельному аскетизму – продолжению линии конструктивизма начала XX века. Иркутская школа архитектуры в отличие от основного потока шестидесятых годов развивает стилистику необрутализма. Показаны параллели между необрутализмом иркутской школы и «суровым стилем» в советской живописи того же периода.

Ключевые слова: шестидесятники, социалистический лагерь, сталинский ампир, конструктивизм, минимализм, Иркутская архитектурная школа, суровый стиль.

Когда началась эпоха шестидесятых?
Границы исторических и культурных периодов редко совпадают с круглыми датами календаря. Да и сами эти границы обычно носят зыбкий и условный характер. Однако если считать «шестидесятничество» символом мощного культурного подъема, то его начало следует искать скорее во второй половине пятидесятых годов XX века. Обычно в этой связи называют либо 1953 год (год смерти Сталина), либо 1956 – XX съезд КПСС и начало политики развенчания культа личности.



Период, подготовивший явление шестидесятников, изучен очень слабо. Партийно-государственные архивы тех времен только начинают рассекречиваться – процесс пошел лишь в девяностых годах и далеко еще не завершился.[1] Между тем, период этот уникален по своему значению, причем далеко за рамками истории двадцатого века.

В 1648 году Вестфальским мирным соглашением была заложена многополярная система международных отношений. Тридцатилетняя война закончилась признанием принципов суверенитета национальных государств, а смертельная борьба пожирающих друг друга империй, казалось, ушла в прошлое. Но после Второй мировой войны мир снова превратился в арену противоборства двух «империй». Образовавшиеся сверхдержавы – США и СССР – на последующие пятьдесят лет определили глобальное развитие как противостояние двух идеологий, двух макроэкономических систем и двух политических сил.[2]

В тот же период создавались небывалого масштаба международные системы, регулирующие отношения между странами и народами. В экономической плоскости таковыми стали Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ, 1948 г.) в рамках Бреттон-Вудсского соглашения (1944) и Совет экономической взаимопомощи (СЭВ, 1949). В военно-политической сфере – НАТО (1949) и Варшавский договор (1955).[3] Важнейшим фактом международной жизни стало создание ООН (1945), Всемирного банка и Международного валютного фонда (1944). Все эти организации возникли почти одновременно и принципиально изменили характер международных отношений.[4]

1. Пыжиков А.В., Данилов А.А. Рождение сверхдержавы. 1945-1953 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 317 с.

2. Системная история международных отношений. Т. 3. События 1945-2003 / Под ред. Багатуров А.Д. – М.: Изд-во Государственного университета гуманитарных наук, 2003. – 709 с.

3. Быстрова Н. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945-1955 гг.). – М.: Кучково поле, Гиперборея, 2007 г. - 592 с.

4. Верт Н. История России XX век. – М.: Зерцало, 1997. – 356 с.

5. История сталинского Гулага. Конец 1920-х - первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 томах. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004-2005.

6. Бартон К. Всеохватная помощь при сталинизме? Советское здравоохранение и дух государства благоденствия, 1945-1953 // Советская социальная политика. Сцены и действующие лица. 1940-1985. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2008. – С. 174-194.

< Фильм по роману И. Ефремова снимался в Артеке в 1967 году. Декорации воплощают идеи предельного аскетизма интерьеров – почти в духе Диогена Синопского / A movie version of the novel by I. Efremov was shot in Artek in 1967. Decorations incarnate the ideas of extreme ascetism of interiors – almost like those of Diogenes of Sinope.

В плоскости внутренней политики СССР середина XX века выглядит чрезвычайно противоречиво. С одной стороны, продолжала функционировать огромная репрессивная система ГУЛАГа, включающая в себя миллионы людей и играющая значительную роль в экономике, политике и культуре СССР.[5] Однако в то же время развивалась система социальной поддержки и защиты граждан.[6, 7] Быстрыми темпами восстанавливалось разрушенное хозяйство, и новый импульс получила отечественная архитектурно-градостроительная отрасль.[8] Бурно развивался научно-технический комплекс, причем особую роль получил рост региональных научно-технических организаций на востоке страны.[9] Весьма неоднозначно развивались отношения властных структур с художественной интеллигенцией.[10]

Советский Союз внезапно (по историческим меркам) осознал себя в качестве центра огромной международной системы, простирающейся от Германии и Венгрии до Индии и Кореи. Центра не только (а может быть, и не столько) политического, сколько идеологического. На отечественную интеллигенцию, как это было в период после наполеоновских войн, легла обязанность быть «водителями душ и властителями стремлений» для множества стран и народов – системы социалистических государств.

Советские люди действительно верили в светлое коммунистическое завтра. Разногласия возникали только в том, как именно оно, это «завтра» будет выглядеть. И как раз в этом пункте рубеж между пятидесятыми и шестидесятыми годами выглядит более определенно.

Устремленность в будущее особенно ясно проявилась в той разновидности литературы, которая по определению призвана моделировать грядущие времена и миры – в научной фантастике. Именно в конце пятидесятых придурковатая сталинская фантастика «ближнего прицела» получает мощный импульс со стороны талантливых дилетантов, пришедших в литературу из кругов научной интеллигенции. И самым заметным из таких фантастов стал, разумеется, Иван Ефремов.

В 1957 году журнал «Техника – молодежи» публикует роман «Туманность Андромеды» – эпическое полотно, изображающее широкую панораму коммунистического общества. В этом мире нет насилия, все люди здоровы и красивы, каждый занят интересным, творческим и любимым делом. Бытовые и вообще материальные заботы сняты с человека, так что людям остаются только проблемы морально-этического плана. Первоначально Ефремов относил действие романа на три тысячи лет вперед. Однако довольно скоро реальные успехи в освоении космоса, в медицине, в общественно-политической сфере заставили его приблизить время наступления коммунизма – сперва до двух тысяч лет, а затем и вовсе до неопределенных нескольких веков.

Книга Ефремова произвела впечатление мощного интеллектуального взрыва. Естественно, ее тут же попытались ошельмовать верноподданные добровольные цензоры из «Промышленно-экономической газеты». Писателя обвинили в том, что вместо пролетариата в его будущем мире центральную роль играют люди творческих профессий: ученые, путешественники, художники. Однако попытка не удалась. Официальные круги промолчали. Зато на защиту писателя выступила «Литературная газета», а после гневной отповеди знаменитого астрофизика академика В.А. Амбарцумяна критики совсем примолкли.[11]

И все же, при всей новаторской смелости, роман для сегодняшнего читателя выглядит слишком статичным, слишком уж неторопливо развивается действие, герои не меняются на протяжении книги. Они как бы застыли в неподвижных, красиво-героических позах. Так они, кстати, и выглядят на иллюстрациях А. Побединского к первому книжному изданию романа (1958 г.).

Всего несколькими годами позже вышла книга братьев Стругацких «Возвращение. Полдень, XXII век» (1962 г.). Авторы – профессиональные ученые и самодеятельные писатели (как и Ефремов), твердо верящие в коммунистическое будущее человечества. Так же убежденные, что главным признаком этого светлого завтра станет здоровье и красота для всех, интересная

7. Лысикова О. «Каждый трудящийся имеет право на отдых». Услуги советских курортов послевоенного времени // Там же, С. 194-217.

8. Косенкова Ю. Л. Советский город 1940-х - первой половины 1950-х годов. От творческих поисков к практике строительства. М: Либроком, 2009. - 440 с.

9. Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. Серия: Экономическая история. Документы. Исследования. Переводы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. - 256 с.

10. Власть и художественная интеллигенция. Серия: Россия. XX век. Документы. М.: МАТЕРИК-АЛЬФА, 2002. - 868 с.

< Иллюстрации к первому книжному изданию «Туманности Андромеды». Люди коммунистического завтра у И. Ефремова так статичны, что становятся похожи на памятники сами себе / Illustrations in the first edition of "Andromeda Nebula". I. Efremov's people of communist tomorrow are so static that look like monuments to themselves.

Bystrova, N. (2007) The USSR and formation of the military block opposition in Europe (1945-1955) [SSSR i formirovanie voenno-blokovogo protivostoyaniya v Evrope (1945-1955)]. Moscow: Kuchkovo pole, Giperboreya.

History of Stalin's Gulag. End of the 1920s – the first half of the 1950s. Collection of documents in 7 volumes [Istoriya stalinskogo Gulaga. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov. Sobranie dokumentov v 7 tomakh] (2004-2005). Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsyklopediya.

<http://archigram.westminster.ac.uk/>

< http://www.sovarch.ru/postanovlenie55/>

Khan-Magomedov, S. O. (2006) Khrushchev's utilitarianism: pluses and minuses [Khrushchevsky utilitarism: plyusy i minusy]. Academia [Internet]. № 4. Available from: <http://niitag.ru/info/doc/?89&print=1>

Kosenkova, Yu. L. (2009) A Soviet city of the 1940s – the first half of the 1950s. From creative search to building practice [Sovetsky gorod 1940kh – pervoi poloviny 1950-kh godov. Ot tvorcheskikh poiskov k praktike stroitelstva]. Moscow: Librokom.

Lysikova, O. (2008) "Every worker has the right to leisure". Services of Soviet health resorts after World War II ["Kazhdyi trudyashchiisya imeet pravo na otdykh. Uslugi sovetskikh kurortov poslevoennogo vremeni]. Sovetskaya sotsialnaya politika. Stseny i deistvuyushchie litsa. 1940-1985. Moscow: Variant, TsSPGI. pp.194-217.

Power and the artistic intelligentsia [Vlast i khudozhestvennaya intelligentsia] (2002). Series: Russia. XX century. Documents. Moscow: MATERIK-ALFA.

Pyzhikov, A. V., Danilov, A. A. (2002) The birth of a superpower. 1945-1953 [Rozhdenie sverkhderzhavy. 1945-1953 gody]. Moscow: OLMA-PRESS.

Revich, V. (1998) The crossroad of utopias. Fortunes of the fantasy fiction against the background of fortunes of the country [Perekrestok utopii. Sudby fantastiki na fone sudeb strany]. Moscow: Izd-vo Instituta stran vostoka.

**Revzin, G. (2005) How architects were cut down to size [Kak postroili architektorov]. Kommersant Vlast [Internet]. 7 November. Available from: <http://www.kommersant.ru/doc/624222>

11. Ревич В. Перекресток утопий. Судьбы фантастики на фоне судеб страны. М.: Изд-во Института стран востока, 1998. – 384 с.

12. Цитируется по: Вишневский Б. Аркадий и Борис Стругацкие: Двойная звезда. СПб.: Общественное объединение Союз Писателей Санкт-Петербурга, 2013.

13. Опубликовано в Интернете по адресу: http://www.sovarch.ru/postanovlenie55/

14. Ревзин Г. Как построили архитекторов // Ъ-Власть, 07.11.2005. http://www.kommersant.ru/doc/624222

15. Хан-Магомедов С.О. Хрущевский утилитаризм: плюсы и минусы // Academia, № 4 - 2006 http://niitag.ru/info/doc/?89&print=1

> Фотографии комплекса «Морской» (Артек, 1962). Жилые корпуса напоминают палатки, только из бетона / Photos of the Morskoi Complex (Artek, 1962). Living pavilions remind of tents made of concrete.

и творческая работа для всех, невозможность насилия и нищеты… Б.Н. Стругацкий так писал об этой книге: «Мысль написать утопию – с одной стороны, вполне в духе Ефремова, но в то же время как бы и в противопоставление геометрически-холодному, совершенному ефремовскому миру, – мысль эта возникла у нас самым естественным путем. Нам казалось чрезвычайно заманчивым и даже, пожалуй, необходимым изобразить МИР, В КОТОРОМ БЫЛО БЫ УЮТНО И ИНТЕРЕСНО ЖИТЬ – не вообще кому угодно, а именно нам, сегодняшним».[12] Собственно говоря, в мире Полудня хорошо жить даже не всем «нам», а лучшим, самым честным, работящим, творческим из нынешних жителей Земли. В этом полуденном мире бездельники, интриганы, хамы и кое-какеры станут исключением, раритетом, не влияющим на мироустройство в целом. Уровень морально-нравственных качеств человека вырастет в среднем, как вырос средний рост – ведь еще сто лет назад обычный человек был ростом меньше нынешнего сантиметров на двадцать. Сегодня такой человек выглядит карликом. Точно так же «нравственные карлики» станут при коммунизме досадной диковиной.

Ефремов и Стругацкие создали не просто картинки «хрустального завтра», а именно целые миры – искусственные реальности, в которых можно и хочется жить. И в следующем поколении, поколении шестидесятников, нашлось довольно много желающих прямо сейчас жить так, как будто эти миры уже здесь. Захотелось переселиться в «полуденную реальность» в своей повседневной жизни, в работе, в личных отношениях. Тем более что и реальный социализм переживал свой полдень, вершинный свой час.

Широчайшая популярность фантастических реальностей объясняется, конечно же, талантом их авторов. Но не только.

Нам, сегодняшним, трудно понять глубину эмоционального выгорания, в котором оказался практически весь мир после полувека вражды, ненависти, жизни в окружении врагов. Начиная с первых десятилетий XX века, и Европа, и Америка и, конечно же, Россия (а

< Попков В. «Строители Братска» (1964). В живописи сурового стиля воплотился особый человеческий тип – сильные, жесткие люди, с которых жизнь соскребла все наносное и поверхностное, оставив только брутальную правду правду / Popkov V. "Builders of Bratsk" (1964). The painting of severe style depicts a specific human type: strong, hard-edged people from whom life has scraped all the husk leaving nothing but a brutal truth

потом – и СССР) были погружены в страх, гнев, фанатическое безумие мировых и гражданских войн, кризисов и путчей. Миллионам людей смертельно надоело бояться и ненавидеть. Отсюда – фантастическая популярность «Битлз», ведь ливерпульская четверка была такой дружной, такой мирной, они так хотели, чтобы была только любовь!

В СССР к тому же накопилась усталость от коллективизма, от свирепых радостей самопожертвования. Пафос великих свершений все чаще воспринимался чем-то фальшивым и натужным. От черно-красной гаммы гнева, радости и гордости потянуло к тихим, скромным и стыдливым, даже печальным переживаниям интеллигентного индивидуализма.

Сравним, например, тексты бардовских песен – современный городской фольклор, отражение действительности непрофессиональными и оттого особо искренними поэтами. Знаменитая песня «Бригантина» (та самая, которая подымает паруса в флибустьерском дальнем синем море) написана на слова П. Когана в бодром, маршевом ритме в 1937 году. А уже в 1956 году Евгений Агранович написал песню, прославленную фильмом «Судьба резидента», – «Я в весеннем лесу...». Тоскливыми, прощальными нотами пропитаны почти все песни начала шестидесятых – Юрия Визбора, Юза Алешковского, Михаила Анчарова, Новеллы Матвеевой и Булата Окуджавы... И даже молодой, хулиганистый Владимир Высоцкий начинал с ностальгичной песенки про Большой Каретный.

Чеховская грусть шестидесятников густо замешана на индивидуализме. Уважительное внимание к отдельной личности, отталкивание идеи коллективного творчества обернулось парадоксальной потерей. Бурно и плодотворно развивались те виды творчества, в которых личность играет центральную роль и замыкает на себя все ключевые процессы – литература, поэзия, кинематограф, живопись... Расцвел театр «звездного» типа во главе с любимовской Таганкой, куда ходили «на Высоцкого», «на Золотухина», «на Демидову».

Архитектура, как искусство принципиально коллективное, оказалась в загоне. Трудно построить дом в одиночку. И даже спроектировать что-либо значимое невозможно без плотного сотрудничества коллектива специалистов. А коллективная работа зависима от социальных трендов гораздо сильнее, чем творчество индивидуальной личности. Конец же пятидесятых годов характерен мощным поворотом от классики к предельно минималистическому, гипертрофированному авангарду образца двадцатых годов. В СССР этот тренд, как обычно, принял формы совершенно катастрофические. Знаменитое Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 года №1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве»[13] обозначило крутой поворот от сталинского ампира к авангарду. Крупные мастера того времени – Иван Жолтовский, Алексей Душкин, Андрей Буров, Григорий Захаров, Александр Власов – были отстранены от профессии (еще спасибо, что никого не расстреляли). Их место заняли архитекторы нового типа, больше похожие на производственников, инженеров.[14, 15] Архитектура в один момент потеряла статус искусства и должна была теперь развиваться по законам поточного типового «удовлетворения нужд трудящихся». Результат не замедлил себя ждать. Массовая архитектура (а она теперь вся становилась массовой) становилась однообразной и скучной.

Возьмем, для примера, четвертый номер журнала «Архитектура СССР» за 1962 год. Примерно половина номера составлена из подборки статей, посвященных истории ленинского плана монументальной пропаганды. В качестве современного продолжения этого гениального плана перечисляются работы в технике сграффито, витража, мозаики – декоративные элементы плоских фасадов из сборного железобетона. В качестве лучших образцов современной советской архитектуры анализируется два объекта. Один – кремлевский Дворец съездов, описанный в самых восторженных тонах. Второй объект более любопытен с точки зрения сегодняшней. Это комплекс зданий международного пионерского лагеря «Морской» в составе Большого Артека (руководитель проекта А.Т.

^ Молодые иркутские архитекторы-шестидесятники едут на крыше вагона. Тот же человеческий тип / Young Irkutsk architects – sixtiers are riding on the roof of the train. The same human type

Полянский). Скучные параллелепипеды серого бетона в этом проекте оказались так органично вписаны в сложный рельеф крымского побережья, что получился удивительно живописный эффект.[16]

Именно в этих зданиях в 1967 году снимался фильм по роману «Туманность Андромеды» (режиссер Е. Шерстобитов). Несмотря на бедность спецэффектов и полное отсутствие компьютерной графики, фильм получился весьма зрелищным. Его пиратская копия до сих пор присутствует на трекерах и пользуется спросом.

Согласно замыслу авторов фильма, люди коммунистического завтра будут жить именно в таких, аскетичных и минималистичных интерьерах. Мебели в них почти совсем нет, весь личный скарб жильца умещается в одном сундучке. Да люди и не живут подолгу в одном месте – приехав, легко вселяются в стандартную комнату, уезжая, быстро собирают несложный багаж.

Здесь можно отметить любопытную перекличку с идеями английской группы «Архиграм» (Archigram). Эти британские шестидесятники предлагали строить вместо домов мобильные жилые капсулы на двенадцати ножках. Такую капсулу можно привезти с собой в любое место земного шара, установить, оснастить надувной мебелью, а при желании – все это сдуть и перебраться в новое место. Чуть позже они же предложили идею целых «шагающих городов».[17]

Идеология массового переселения в нечто вроде палаточных городков из сборного железобетона или из пенопласта, однако, не привилась. Уже в семидесятые архитектура вернулась к идеям долговечного, неподвижного домостроения.

На общем фоне архитектурной паузы особняком выглядят иркутские шестидесятники. Множество объектов, оригинальных и смелых. Множество ярких личностей. Столкновения мнений, идей, кипение страстей и творческих проектов. Откуда? И, главное – куда? Куда вел путь, которым с таким напряжением сил рвались иркутские архитекторы шестидесятых?

Лично мне представляется, что «героический» период иркутской школы архитекторов – это особая линия развития, альтернативная аскетизму «мэйнстрима», но плоть от плоти самого духа шестидесятничества. Не голые стены «голубых городов», в которых могут жить только полупрозрачные романтики. Нет, иркутский необрутализм – это плотное, добротное мясо и кости, кирпич и железо. Это дома для людей сильных и реальных, способных противостоять всем крайностям сибирского климата.

Да, индивидуализм, сдержанный и немного грустный. Но не выморочный, не катящийся по поверхности земли с одной гитарой и томиком Вознесенского в рюкзаке. Это индивидуализм, духовно родственный самому плодовитому течению в отечественной живописи шестидесятых – «суровому стилю».[18]

Суровый стиль в работах иркутских шестидесятников – это диалог, который на равных ведет Человек и Природа. Трудная, неприветливая и нелюбезная сибирская природа здесь встречает достойного себе человека. Человек этот чужд победительного пафоса пятидесятых. Он просто живет и делает свое творческое дело, никем не притворяясь. И может быть, только сейчас, через полвека, мы начинаем осознавать, насколько востребован этот образ в нашем виртуализующемся мире. Насколько современны нам иркутские шестидесятники.

16. Вахтангов С. Городок здоровья и радости // Архитектура СССР, №4, 1962. – С.33-44

17. см. очень содержательный сайт группы http://archigram.westminster.ac.uk/

18. Бобриков А. Суровый стиль: мобилизация и культурная революция // Художественный журнал, № 51/52, 2003. http://xz.gif.ru/numbers/51-52/surovo/

Vakhtangov, S. (1962) A small city of health and happiness [Gorodok zdorovya i radosti]. Arkhitektura SSSR, № 4, pp. 33-44.

Vert, N. (1997) History of Russia XX century [Istoriya Rossii XX vek]. Moscow: Zertsalo.

Vishnevsky, B. (2013) Arkady and Boris Strugatsky: a Double Star [Arkady and Boris Strugatsky: Dvoinaya zvezda]. St. Petersburg: Obshchestvennoe ob'edinenie Soyuz Pisatelei Sankt-Peterburga.

TALLINN ARCHITECTURE BIENNIAL RECYCLING SOCIALISM
From 4 to 30 September, the Estonian Architecture Centre presented the Tallinn architecture biennial: Recycling Socialism. Orchestrated by commissioners from Architects b210, the biennial looked at Soviet architecture from 1960-1980, when novel forms and urban dimensions appeared in Estonian cities brought by the massive production of spaces that conformed to an ideology cast in stone. This focus allowed for a rediscovery of materials, ideas and stories and a real analysis of possibilities concerning their conservation or rehabilitation.

http://www.tab.ee/

OTHER MOMO OTHER HERITAGE
From 8 to 10 October 2013, Xian, PR of China, hosted an international conference dedicated to understanding and preserving Asia's modern architectural heritage. It's organisation is a joint project among the UIA Architectural heritage work programme for region IV, Docomomo-China, ICOMOS-China, and the Architectural and Cultural Society of China. The theme of the conference was: OTHER MOMO / OTHER HERITAGE. Sub-themes included 'the voyages of Archi-Momo', which referred to Marco Polo's voyages and looked at how the Modern Movement travelled from Europe to Asia; 'Western and Eastern MoMo' described the traditions and cultural influences that guided radically different processes of urban modernisation in the East and West; 'MoMo in Asia and Oceania' or how the Modern Movement has affected Asia's cultural identity; and 'Xtreme MoMo' identified new aspects of the Modern Movement that have appeared recently. A public exhibition illustrated the themes of this conference. UIA President Albert Dubler, and Immediate Past President Louise Cox represented UIA at this event.

Liu Kecheng, Director of the UIA region IV Architectural heritage work programme

uiaah4@vip.163.com

Learn more
http://www.uia-architectes.org/

Дайджест / Digest

< Министерство иностранных дел Эстонии, построенное в 1963 г. для руководства коммунистической партии Эстонии. Из материалов Музея архитектуры Эстонии / Estonian Ministry of Foreign Affairs, built in 1963 to house the Estonian Communist Party headquarters. Image: Estonian Museum of Architecture

< Офисное здание Группы по космосу, 1971 год, Kim Swoo Geun / Space Group Office Building, 1971, Kim Swoo Geun

Архитектурная биеннале «Переработка социализма» в Таллине
С 4 по 30 сентября 2013 года в Таллинне проходила архитектурная биеннале «Переработка социализма», организованная Эстонским архитектурным центром. Кураторами события выступили представители архитектурного бюро b210. Биеннале была посвящена советской архитектуре 1960–1980 гг. В этот период в эстонских городах начали массово появляться новые формы и объемы, отвечающие требованиям советской идеологии. Участники мероприятия попытались с современной точки зрения рассмотреть использование материалов и идей, по-новому взглянуть на историю зданий и произвести реальный анализ возможности их сохранения и восстановления.

http://www.tab.ee/

Другое современное движение, другое наследие
С 8 по 10 октября 2013 года в китайском городе Сиань прошла международная конференция, посвященная пониманию и сохранению наследия современной архитектуры Азии. Организация данной конференции является совместным проектом рабочей программы сохранения архитектурного наследия региона IV МСА, отделения Докомомо в Китае, отделения ИКОМОС в Китае и Общества по изучению архитектуры и культуры Китая. Тема конференции – «Другое современное движение, другое наследие». Подтемы включают в себя: «Путешествия Архи-Момо», в которых на примере путешествий Марко Поло рассматривается переход современного движения из Европы в Азию; «Западное и Восточное современное движение», объясняющее влияние традиций и культуры на совершенно разные процессы городской модернизации на Западе и Востоке; «Современное движение в Азии и Океании» или то, как современное движение повлияло на культурную самобытность Азии»; а также «Экстремальное современное движение», определяющее новые аспекты современного движения. Темы этой конференции были отражены в выставочные работах. Мероприятие посетили президент МСА Альберт Дублер и экс-президент МСА Луиза Кокс.

Контактное лицо: Лю Кеченг, директор рабочей программы архитектурного наследия региона IV МСА.

uiaah4@vip.163.com

Дополнительная информация:
http://www.uia-architectes.org/

text
Vladimir Belogolovsky

I have recently become an admirer of Soviet modern architecture, or, rather, the style which existed between 1955 and 1985. One of its pioneers, Felix Novikov, called this style Soviet Modernism. Being my friend, Novikov captivated me with this architecture. In turn, when I try to intrigue others with it, I acquire new like-minded fellows and friends.

At first sight, Soviet Modernism is not of particular interest. Today's architecture with its fine concepts and new techniques and materials has advanced greatly. However, the third (after Constructivism and Stalin's Empire) architectural style of the Soviet State attracts more and more attention. Numerous articles, books, theses, exhibitions, lectures, round tables and even international conferences are devoted to it. Last year the first congress on this topic was held at the Vienna's architecture center Architekturzentrum. It was accompanied by the exhibition "Soviet Modernism 1955-1991: Unknown Stories," which attracted more than 13 thousand visitors broke the center's attendance record in its 20-year history. In May 2013 one more exhibition, Trespassing Modernities, devoted to Soviet Modernism was opened at the architectural center SALT Galata in Istanbul. Again, it was accompanied by a conference (on May 11) where researchers from Russia, Armenia, Ukraine, Lithuania, Austria, Canada and the USA spoke to an international audience.

How did it happen that Soviet architecture, which was genuinely unpopular in Russia and other countries of the former Soviet Union, attracted such great interest? There is nothing mystical about it. Probably, there was no other historical period during which such a great number of structures was built in a single-vision international style, often ignoring cultural, climatic, geographical, and topographical peculiarities of different regions of the huge empire. We all remember the film "The Irony of Fate, or Enjoy Your Bath!" Its plot is based on a curious fact, though typical of Soviet everyday life: the heroes reside

От общего к знаковому и обратно, или Модернисты всех стран, соединяйтесь!

текст
Владимир Белоголовский

Фотографии предоставлены Государственным музеем архитектуры им. Щусева /
Photos provided by Shchusev State Museum of Architecture

> Здание СЭВ (ныне мэрия Москвы), Москва, 1969 /
The Council of Economic Cooperation (SEV) Building (now Moscow City Hall), Moscow, 1969

С некоторых пор я стал поклонником советской модернистской архитектуры. Точнее, стиля, существовавшего между 1955 и 1985 годами. Один из его пионеров, Феликс Новиков, назвал этот стиль советским модернизмом. По дружбе он увлек меня этой архитектурой, и теперь я, увлекая ею других, обретаю новых единомышленников и друзей.

На первый взгляд, советский модернизм не должен вызывать особого интереса. Сегодняшняя архитектура с ее изысканными концепциями и использованием новейших технологий и материалов ушла далеко вперед. И тем не менее третий (после конструктивизма и сталинского ампира) архитектурный стиль советской империи привлекает все большее внимание. Ему посвящают статьи, книги, диссертации, выставки, лекции, круглые столы и даже международные конгрессы. В прошлом году первый такой конгресс прошел в Венском архитектурном центре. Сопровождавшая его выставка «Советский модернизм 1955-1991: неизвестные истории» привлекла более тринадцати тысяч посетителей и побила рекорд посещаемости за всю 20-летнюю историю Центра. А в мае этого года еще одна выставка Trespassing Modernities, посвященная советскому модернизму, открылась в архитектурном центре SALT Galata в Стамбуле. И вновь – с конференцией, на которой перед интернациональной по составу аудиторией выступали исследователи из России, Армении, Украины, Литвы, Австрии, Канады и США.

Как же получилось, что советская архитектура, столь откровенно не любимая в России и других странах бывшего Советского Союза, привлекла такой большой интерес? Мистики тут нет. Пожалуй, не было другого исторического периода, в течение которого удалось бы построить столь много сооружений в едином, истинно интернациональном стиле, который зачастую игнорировал культурные, климатические, географические и топографические особенности разных регионов огромной империи. Все мы помним фильм «Ирония судьбы, или С легким паром!», интрига которого завязана на том удивительном, но типичном для советской повседневности факте, что герои живут, хоть и в разных

in different cities but in absolutely identical apartments with identical interiors, in absolutely identical buildings and microdistricts.

Certainly, such monotonous architecture should awaken social rather than aesthetic interest. It is hard to find any other style where architecture and ideology are so closely intertwined. And today, it is architecture of Soviet modernism that helps us picture the life of one of the most closed communities in contemporary history.

Nevertheless, despite a strict economy of building materials, a huge backlog of building complex, widespread standardization and lack of many building types in the socialist society (very few enterprise headquarters, religious temples, banks, museums or private single-family houses were built at that time), soviet architects sometimes managed to create outstanding structures. Some of them range with world-class masterpieces.

If we consider these examples in a chronological order, we will get an interesting progression – from generic,

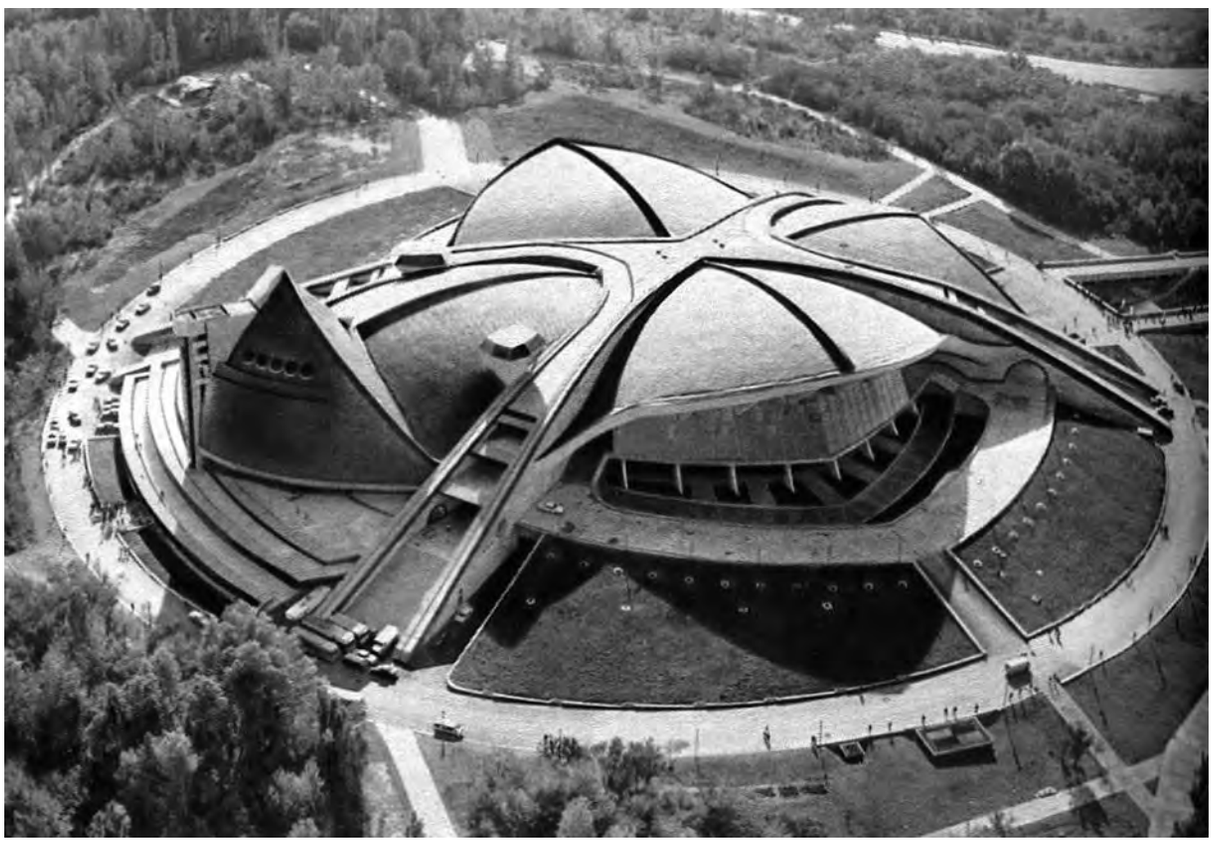
From Generic to the Iconic and Backwards, or Modernists of the World, Unite!

городах, но в совершенно одинаковых квартирах с одинаковыми интерьерами, в одинаковых домах и идентичных микрорайонах.

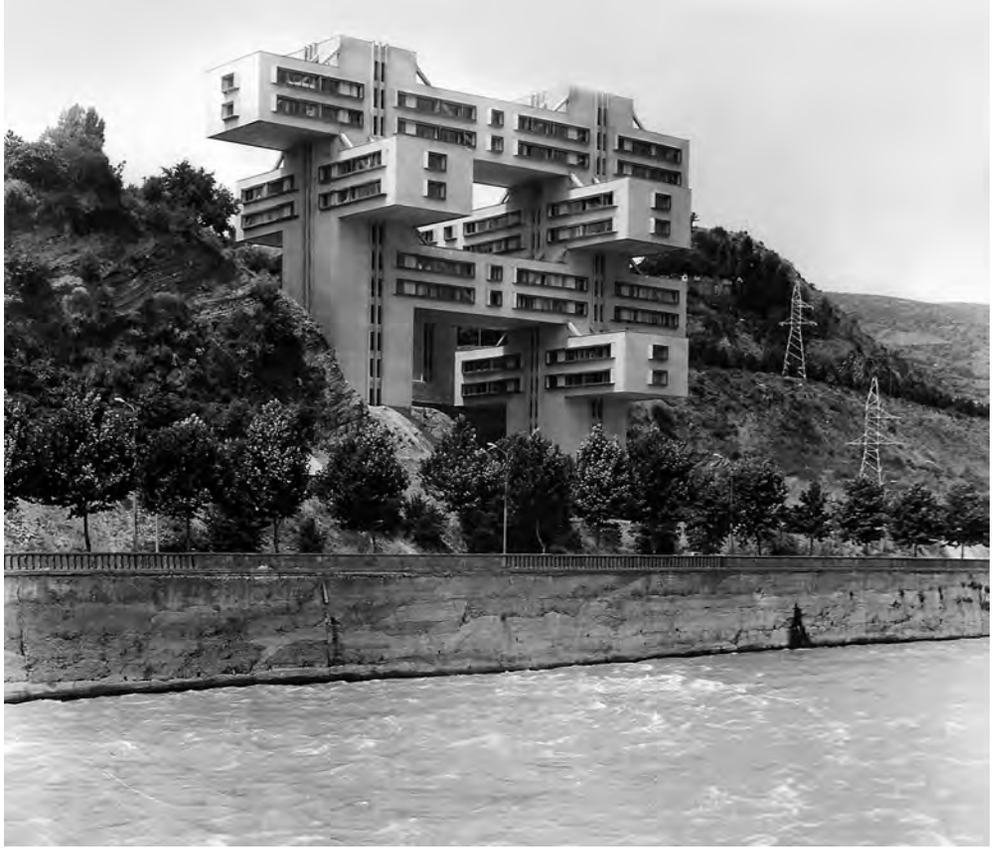
Разумеется, столь монотонная архитектура вызывает интерес не столько эстетический, сколько социальный. Вряд ли можно встретить другой стиль, в котором так тесно сплелись архитектура и идеология, и сегодня, именно при помощи архитектуры советского модернизма можно воочию представить себе жизнь одного из самых закрытых обществ новейшей истории.

И все же, несмотря на строгую экономию стройматериалов, катастрофическое отставание строительного комплекса, почти повсеместную стандартизацию и отсутствие в социалистическом обществе многих типов зданий (тогда почти не строились корпоративные штаб-квартиры, религиозные храмы, банки, музеи или частные односемейные дома), советские архитекторы изредка умудрялись создавать выдающиеся произведения. Иные можно поставить в один ряд с шедеврами мировой архитектуры.

^ Спортивно-концертный комплекс, Ереван, Армения, 1984 / Sports and Concerts Complex in Yerevan, Armenia, 1984



< Спортивно-концертный комплекс, Ереван, Армения, 1984 / Sports and Concerts Complex in Yerevan, Armenia, 1984



^ > Здание Министерства Дорожного Строительства, Тбилиси, Грузия, 1977 / Ministry of Highways in Tbilisi, Georgia, 1977

^ Дворец Молодежи, Ереван, Армения, 1977 / Palace of Youth, Yerevan, Armenia, 1977

Если мы обратимся к этим примерам в хронологическом порядке, то выстроится любопытная прогрессия – от неких общих, довольно анонимных и безассоциативных объектов к зданиям уникальным, знаковым, чья архитектура основана на ярких, запоминающимися образах. Эти здания можно назвать иконическими. Такую последовательность особенно важно признать сегодня, когда идет обратное движение: проекты, в которых торжествует образность, фантазия, художественная идея, сменяются более прагматичными, сугубо функциональными, с акцентом на энергосбережение.

Происходит это по двум причинам. Во-первых, в связи с экономическим кризисом последних лет стало как-то неэтично тратить большие средства на экспрессивные архитектурные формы. Во-вторых, новые компьютерные программы, которыми повсеместно пользуются архитекторы, способны, на основе заданных параметров (таких, например, как установка на суперэкономию стройматериалов или достижение наиболее рациональной планировки внутри и эффектного вида снаружи), с легкостью «выплевывать» бесконечное число вариантов задуманного проекта. И хотя подобные прагматические проекты иногда приводят к интересным композиционным решениям, суперрациональный подход уводит архитектуру от более естественных для художника проявлений артистизма, интуиции и индивидуальности.

Но вернемся к советскому модернизму. Как известно, инициатива перехода от сталинской архитектуры к модернистской в Советском Союзе принадлежала Н.С. Хрущеву. Переход происходил весьма динамично и предполагал достижение двух основных целей: социальной – предоставить каждой советской семье отдельную квартиру, и экономической – здания должны были строиться быстро и дешево из стандартизированных элементов. Всякие, как их тогда называли, «излишества», все эти шпили, арки, колонны, капители и узоры, служившие неотъемлемой частью сталинской архитектуры, – теперь исключались. Прораб был поставлен над архитектором и мог отменить любые его идеи, если они не вписывались в жесткую строительную смету. Архитектуру отлучили от искусства.

Поначалу даже важнейшие культурные сооружения строились как абстрактные контейнеры из стекла и бетона. Так, советский павильон 1958 года на Всемирной выставке в Брюсселе был лишен всяких архитектурных особенностей, вопреки давней традиции создания советских павильонов для всемирных выставок в виде героических и идеологических икон (вспомним павильоны Константина Мельникова на Парижской выставке 1925 года или Бориса Иофана там же в 1937-м).

quite anonymous and non-discrete buildings to unique, signature and image-driven ones. The latter buildings can be called iconic. This sequence is particularly relevant today, when we observe a reversed trend: the projects with expressive forms, imagination, and artistic idea give way to more pragmatic, strictly functional design focused on energy saving.

It has two reasons. First, due to the current economic crisis it seems to be unethical to spend a lot of money on expressive architecture. Second, new computer programs widely used by architects can easily produce an infinite number of design variants based on preset parameters (such as great savings in building materials or the most rational interior layout and the most striking exterior). Though such pragmatic projects sometimes result in very interesting compositions, the superrational approach deviate architecture from more natural characteristics of an artist, such as artistry, intuition, and identity.

As we know, the conversion from Stalin's architecture to modernism in the Soviet Union was initiated by N. S. Khrushchev. The conversion was achieved very quickly with two main goals: social – to provide every Soviet family with an individual apartment; and economic – buildings had to be standardized and built very fast and at a low cost. All the integral elements of Stalin's architecture – spires, arches, columns, capitals, and decorations, which were labeled as "superfluities" were excluded. A foreman ranked higher than an architect and could cancel any idea of the latter if they did not meet the strict construction budget. Architecture was banished from art.

Initially, even important cultural buildings were made of glass and concrete as generic containers. For example, the Soviet Pavilion at 1958 World's Fair in Brussels. Despite long tradition of Soviet pavilions being built as heroic and ideological icons – such as at Paris Expos in 1925 by K. Melnikov and in 1937 by B. Iofan – this building did not feature a distinct form.

Одним из первых проектов нового стиля стал Дворец пионеров в Москве (1958-1962), над которым работала группа молодых архитекторов. В нем воплотилось множество новшеств: открытая композиция, чистые геометрические формы, стирание границ между интерьерами и ландшафтом, легкие конструкции, глубокие навесы, новые материалы и облицовки. Многие решения были найдены прямо на стройплощадке, по ходу строительства, в атмосфере истинного творчества.

На открытии комплекса Хрущев заявил: «Красота – субъективное понятие. Кому-то этот проект нравится, кому-то нет... а мне нравится». Одобрение главы государства стимулировало следование новому курсу. Не самое оригинальное с точки зрения формы, здание Дворца пионеров, тем не менее, стало одним из самых ярких знаков начала 60-х, символом хрущевской оттепели. Концертный зал дворца предстал утонченно-минималистским блоком из стекла.

Отель «Юность», также в Москве, – другой пример чистого, парящего над ландшафтом минималистского объема. К зданиям того же типа можно отнести и Кремлевский дворец съездов (проект Михаила Посохина, 1961), вторгшийся в группу кремлевских соборов XIV – XIX веков. Вновь, несмотря на абстрактную форму, здание стало иконой своего времени. В историческом комплексе Кремля оно остается единственным модернистским сооружением.

В эти же годы шло бурное строительство новых жилых домов. В них нуждались миллионы, все еще ютившиеся в бараках, коммуналках и полуразвалившихся частных домиках. За первые девять лет нового курса 54 миллиона людей, то есть четверть всего населения страны, переехало в отдельные квартиры. Но эти здания – в отличие от первых больших общественных проектов, вроде Дворца пионеров или Кремлевского дворца съездов, представляли собой одинаковые невыразительные блоки. Как пишет критик Александр Рябушин в изданной в Нью-Йорке в 1992 году книге «Памятники советской архитектуры, 1917-1991», «...В 60-е годы казалось, что все аспекты многообразия архитектурной формы – региональные, национальные и локальные – ушли из архитектуры навсегда. Массовое конвейерное производство сплющило город. Количество жилья увеличилось, но безличие и невыразительность стали повсеместными и ужасающими. Это произошло не только в отдельных городах – был утерян архитектурный характер всей страны...»

v Аэропорт "Звартноц", Ереван, Армения, 1980 / Zvartnots Airport, Yerevan, Armenia, 1980

Palace of Pioneers, Moscow (1958-62) worked out by a very young group of architects was one of the first true experiments of the new style. The project featured many innovations – open composition with blurred boundaries between interiors and landscape, pure geometric forms, light structures, deep cantilevers, new materials, and finishes. Many solutions were carried out by architects spontaneously, right on the construction site.

Khrushchev personally opened the complex and offered his positive review and approval: "Beauty is subjective. One person may like this project another may not, but I like it!" His approval stimulated a new direction. The form of the project is not iconic, but the project itself became one of the icons of the early 1960s. It was a true showcase of Soviet architecture and the renewal process. The Concert Hall building presents itself as a pure minimalist and refined block of glass.

Hotel "Yunost" (Youth) in Moscow is another example of pure, suspended over the landscape minimalist volume. This type of buildings was also represented by the Kremlin Palace of Congresses built by Mikhail Posokhin in 1961, which was inserted into the group of 14th to 19th century Kremlin cathedrals. Despite its generic form, the building became the icon of its time. It remains the only modern structure in the Kremlin historical complex.

In early 1960s, a great deal of new buildings were built, as millions of people were still living in communal and dilapidated apartments. In 9 years, 54 million people or quarter of the country's population moved to individual apartments. But in contrast to the refinement of the first modernist public projects, such as the Palace of Pioneers or the Kremlin Palace of Congresses, thousands of featureless residential blocks were built all over the country. As noted by Alexander Ryabushin in his book Landmarks of Soviet Architecture 1917-1991, published in New York in

v Таможня на Финской границе, Россия, 1967 / Customs house at the Finnish border, Russia, 1967

Однако уже с середины 60-х в советской архитектуре начинают происходить интересные изменения. На смену общим и не ассоциирующимся ни с чем формам приходят яркие образы-метафоры. Дворец искусств в Ташкенте, уместно символизируя классический храм, строится в виде среза дорической колонны, а советский павильон ЭКСПО-67 в Монреале, с представленным внутри макетом сверхзвукового лайнера Ту-144, напоминает трамплин, устремленный в небо. Когда выставка закрылась, павильон был разобран и заново воссоздан в Москве, как некий трофей-икона.

Ко второй половине 60-х советские архитекторы создавали все больше откровенно иконических зданий. Был ли то протест против отлучения архитектуры от искусства или просто порыв времени, но образность, к которой стремились в своих произведениях советские зодчие, очевидна. Видимо, стремление привнести в архитектуру художественный образ, является естественным состоянием творца и никакие установки свыше не в состоянии это искоренить.

Наиболее часто советские мастера обращались за вдохновением к космической теме. Это понятно: с конца 50-х Советский Союз был лидером в освоении космоса. Множество студенческих работ, как и футуристические архитектурные фантазии художника Вячеслава Локтева, напоминают орбитальные станции.

1992: “In the sixties, it seemed that all multiplicity of form—regional, national, and local—had disappeared from architecture forever. Mass production in the mode of the industrial conveyor belt had flattened the city. The amount of residential space increased, but blandness was implacable. This didn’t happen just to individual cities—the architectural character of the whole country was lost.”

However, in the mid-1960s Soviet architecture started to undergo interesting changes. Bright images-metaphors began to replace generic forms. Appropriately symbolizing a classical temple, the Palace of the Arts in Tashkent was built in the form of a section of a Doric column. The 1967 Expo Soviet Pavilion in Montreal housed a mockup of the supersonic liner Tu-144 and looked like a ski-jump soaring skyward. After the Fair, this heroic building was taken apart and reassembled in Moscow as an iconic trophy.

By mid-1960s Soviet architecture was producing more and more iconic buildings. Whether it was a protest against banishing architecture from art or just an impulse of time, but the imagery pursued by Soviet architects in their works is obvious. Perhaps, the aspiration to bring an artistic image into architecture is natural for a creator, and no orders from above can root it out.

Soviet masters were often inspired by space: from late 1950s the Soviet Union was the leader in space exploration. Many student projects, including futuristic architectural fantasies by Vyacheslav Loktev, have a resemblance with modular space stations. A TV Tower Ostankino, the world’s tallest tower at the time of its completion, is associated with a number of images – from a rocket to a syringe. Its foundation looks like an upside down lily with 10 petals. With Trinity church of Ostankino in the background, the tower appears to be a modern-day cathedral of technology.

Останкинская телевизионная башня, самое высокое сооружение в мире на момент окончания строительства, вызывает целый ряд ассоциаций – от ракеты до шприца, а основание напоминает перевернутую лилию с десятью лепестками. Рядом с куполами находящегося неподалеку храма Троицы Живоначальной в Останкино башня выглядит как современный собор технологий.

Музей истории космонавтики в Калуге представляет собой необычную композицию с несимметрично поставленным, вытянутым кверху куполом планетария, напоминая стартующий космический корабль. Административное здание в Рапле, Эстония, несмотря на скромные размеры, ассоциируется со ступенчатыми пирамидами доколумбовой цивилизации, а площадь перед зданием, вместе с отражающим бассейном, будто строилась под стартовую площадку космических аппаратов будущего.

Несколько цирков было построено в те годы в виде летающих тарелок. Наиболее интересен цирк в Казани. Его внутреннее купольное пространство диаметром 65 метров не имеет колонн. Верхняя «тарелка» соприкасается с нижней лишь по линии окружности. Руководство города не верило в успех дерзкого проекта и на всякий случай попросило проектировщиков собраться под подозрительно парящим над землей зданием, в то время как две с половиной тысячи сол-

v Центр обслуживания автомобилей, Москва, 1978 / Automotive Service Center in Moscow, 1978

State Museum of the History of Cosmonautics in Kaluga shows a very unusual composition with locked in place soft form of the off-centered parabolic dome of the planetarium which appropriately recalls a form of a spaceship. Despite its modest scale, the Administrative Building in Rapla, Estonia, conveys monumentality of stepped pyramids of pre Columbian civilization. Its plaza with a reflective pool also recalls a fantastic launching pad.

Many buildings, particularly circuses, were designed to look like flying saucers. For example, a famous circus in Kazan. Its interior diameter is 65 meters with no internal supports. The lower plate-like structure supports the upper one only along its circumference. When the building was finished, local government asked the architects and engineers to test the safety of the building in person. They stood under the structure while 2,500 soldiers filled the auditorium's seats. Obviously, both the building and the architects withstood this cruel test.

Hotel "Inturist" was built in the heart of Moscow as Soviet version of the Seagram Building. This architecture did not find much fondness and the building did not become an icon, unlike its famous prototype in New York. It was condemned as unworthy, and it was demolished in early 2000. In its place, a new hotel Ritz Carlton was built in pseudohistorical style.

There are many examples of iconic buildings in Soviet modern architecture. Some of them are based on abstract images; others are associated with the buildings' programs. The latter fall into the category of "ducks" based on the theory by Robert Venturi who categorized buildings into "ducks" and "decorated sheds." For example, the four office buildings built by Posokhin on Kalinin Prospekt in Moscow are shaped as open books. The same image is seen in another work by the same architect, the Council of Economic Cooperation (SEV) Building. Its unusually dynamic form is associated with an open book

дат заполнили трибуны цирка. Эксперимент прошел без жертв.

Отель «Интурист» в самом сердце Москвы строился как советская версия Сигрэм-билдинга. Эта архитектура не нашла понимания в массах и не стала иконой, в отличие от знаменитого прототипа в Нью-Йорке. В начале 2000-х здание было снесено, а на его месте построили новый отель Ritz Carlton в псевдоисторическом стиле.

Примеры знаковых зданий в советской модернистской архитектуре можно продолжить. Одни из них основаны на абстрагированных образах, облик других связан с функцией самих зданий. Последние вписываются в категорию зданий-«уток», согласно теории Роберта Вентури, который делил здания на «утки» и «декорированные сараи». Так, четыре офисных башни Посохина на Калининском проспекте в Москве напоминают раскрытые книги. Тот же образ возникает в другой работе того же архитектора – здании Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ). Динамичная и эффектная форма раскрытой на Москву-реку книги символизирует открытость к сотрудничеству. А

> Кафе "Голубые Купола", Ташкент, Узбекистан, 1970 / Cafe "Blue cupolas", Tashkent, Uzbekistan, 1970

opened to the Moscow-River and symbolizes openness for international collaboration. Eugene Asse created a building for a pharmacy shaped as a red cross. Ministry of Highways in Tbilisi by George Chakhava is appropriately associated with a multilevel highway intersection. It explored a popular theme in architecture, which is horizontal skyscrapers, inspired by El Lissitsky. This unusual cantilever structure allowed minimizing the building's footprint to retain most of the site untouched. It also resulted in a smaller number of floors, which was a more economical solution.

Other projects look like ships and aircraft carriers, flowers, and mountain ranges. The fantastic "Druzhba" (Friendship) sanatorium in Yalta, Ukraine by Igor Vasilevsky is associated with wheel gears of a giant clock mechanism. If Le Corbusier called his residential buildings machines for living, this building can be called a machine for resting.

While many critics declared the end of the Iconic building, especially after redesign of the World Trade Center project failed to produce a meaningful iconic solution, it can be argued that the Iconic building is here to stay. One reason to support the continuation of the iconic buildings to be built is in the increasing concentration of power and capital in the hands of multinational corporations and governments which always aspire to perpetuate their ambitions in architecture. But what is even more significant is the architects' natural desire to produce distinct, memorable, and ultimately unique buildings.

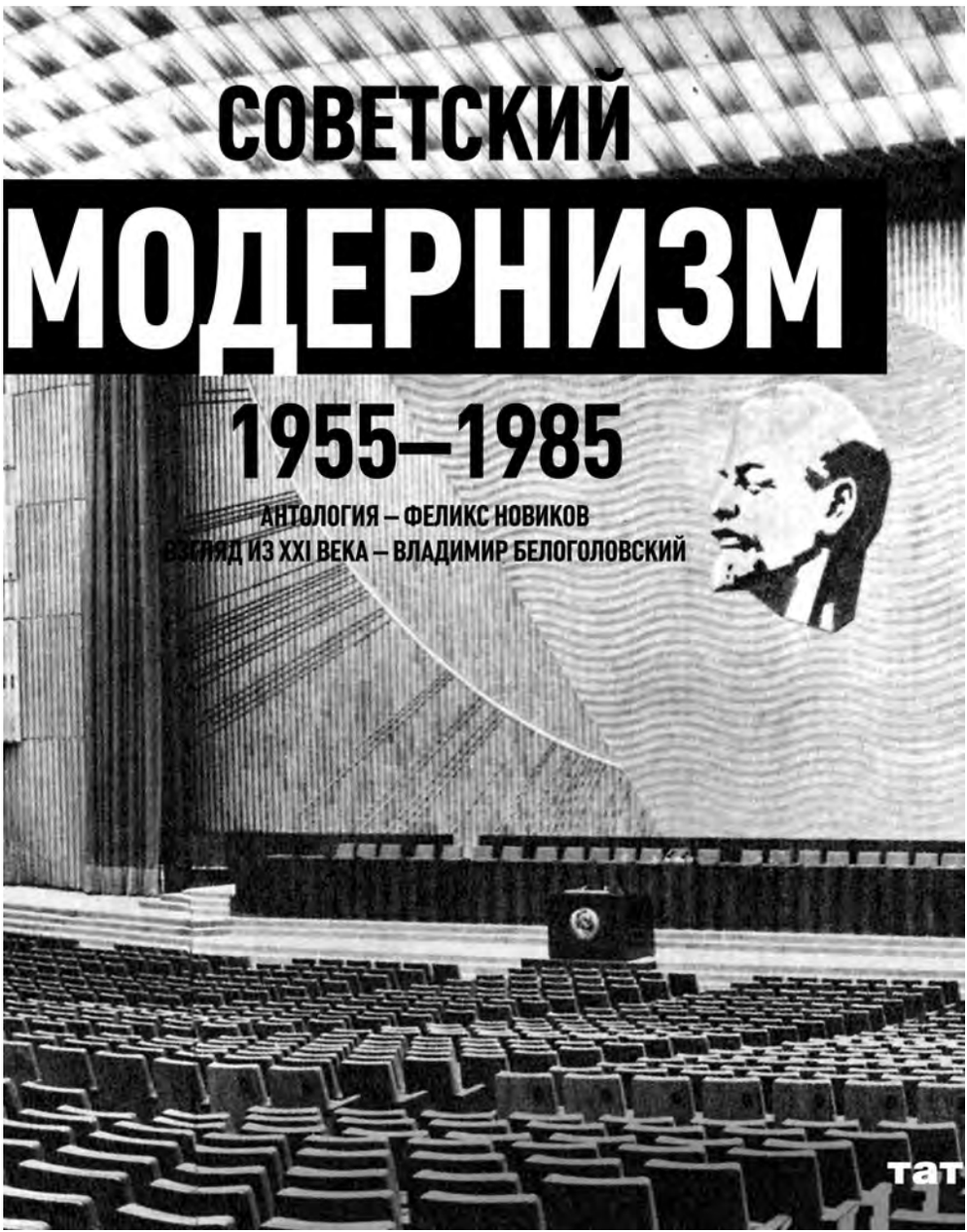
Iconic projects bring diversity in our life and attract general public to architecture. It should spark interest in better knowing the heritage of modernism, particularly in Russia. The necessity to create an international union for popularization of masterpieces of Soviet modernism is obvious. The need for such union is urgent, while we still have something to popularize and preserve.

Евгений Асс создал для аптеки в Москве здание в форме красного креста. Здание Министерства дорог в Тбилиси, спроектированное Георгием Чахавой, решено в виде дорожной развязки и напоминает проекты горизонтальных небоскребов Эля Лисицкого. Эффектная консольная форма здания позволила минимизировать занимаемый им участок и сократить количество этажей, что сделало проект более экономичным.

Другие проекты напоминают корабли и авианосцы, цветки и горные хребты, а фантастический санаторий «Дружба» Игоря Василевского в Ялте – гигантский часовой механизм, и если Ле Корбюзье называл свои дома машинами для жилья, то санаторий в Крыму кажется машиной для отдыха.

Сегодня многие критики поспешили объявить о кончине иконического здания, особенно после того, как не удалось прийти к удачному решению нового Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. И все же здание-икона не канет в лету. Залог тому, в частности, – рост власти и капитала в руках международных компаний и правительств, которые не упустят возможности увековечить свои амбиции в архитектуре. Но что еще более важно, так это то, что архитекторы испытывают естественную потребность в создании запоминающихся и уникальных зданий.

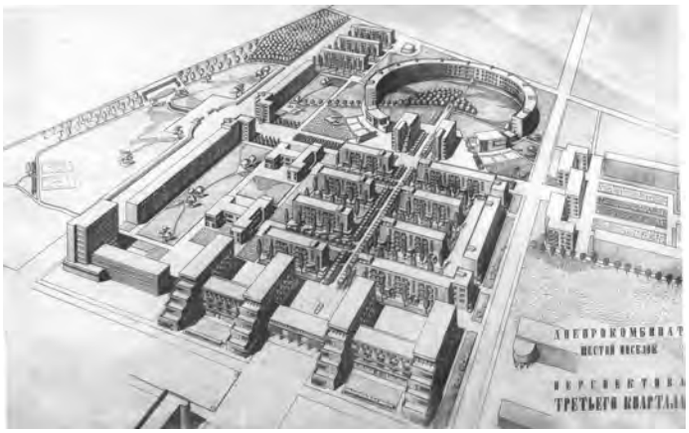
Иконические проекты привносят разнообразие в нашу жизнь и привлекают широкие массы к архитектуре. А это может разбудить интерес к модернистскому наследию и в самой России. Очевидно, что пора создавать международный союз по популяризации советских модернистских шедевров. Такой союз необходим как можно скорее, пока есть что популяризировать и сохранять.



Источники:

1. Владимир Белоголовский. Доклад «Советский модернизм: от общего к знаковому».

2. URL: http://www.saltonline.org/en/#!/en/524/trespassing-modernities



«Современники современности». 1920-е и сорок лет спустя: максимы шестидесятых в архитектуре. Слушать слово и слышать время

текст
Юрий Волчок

Наряду с изысканиями, начатыми в шестидесятые годы XX века, в основном усилиями первого поколения исследователей архитектуры авангарда – С.О. Хан-Магомедова, А.А. Стригалева, В.Э. Хазановой, К.Н. Афанасьевой, М.И. Астафьевой-Длугач и других, свой вклад в формирование столь значительного в наши дни авторитета наследия архитектуры отечественного авангарда в мировом профессиональном сообществе внес Г.М. Орлов – первый и пока единственный наш соотечественник – президент Международного союза архитекторов (был избран в 1972 году).

1. Георгий Михайлович Орлов и традиции конструктивизма: ответственность выбора

Я полагаю, что разговор о 60-х годах прошлого века в журнале «Проект Байкал» уместно, а, точнее, закономерно начинать, вспоминая и о творческом наследии и мировосприятии Г.М. Орлова. Уместно, потому что проект Братской ГЭС открывал календарные 60-е годы, а закономерность предопределяет показ новых технологий и современной техники на крупной выставке в Нижнем Тагиле в ноябре прошлого года: истребитель последнего поколения, созданный в Иркутске, стал подлинной мировой сенсацией. Совершенство его формы и, как утверждают специалисты, безупречность функционирования отражают современный уровень технической культуры. И здесь появляется еще одна смысловая нить, скрепляющая утрачиваемую «связь времен».

Остается только помечтать, чтобы на одном из ближайших Иркутских фестивалей архитектуры открыли выставку творческих работ Орлова. Они, как мало что иное, способны погрузить нас в процесс обретения ценностей в архитектурно-градоустроительном творчестве первых трех четвертей XX века.

Г.М. Орлов, как известно, не писал исследовательских трудов по истории конструктивизма. Он рассказывал о нем. Его искренняя привязанность к ценностям промышленной архитектуры стала в общественном восприятии (в основном – для международной аудитории) практически синонимом разговора о ценностях, в том числе о формотворческих, архитектурно-художественных ценностях функциональной архитектуры в ее российской, конструктивистской интерпретации. Г.М. Орлов воплощал и предъявлял их новым современникам и своим кредо, и своим творчеством.

В 1970 году вышла в свет книга А.Г. Чинякова «Братья Веснины». Предисловие к ней, названое им «Современники современности» написал Г.М. Орлов. Братья Веснины, в миропонимании Г.М.Орлова, и на рубеже 70-х годов – современники профессиональной жизни в архитектуре. Он очень остро воспринимал динамику архитектуры и пытался сохранить это ощущение движения, преемственности воспринятых в молодости ценностей архитектуры.

Георгий Михайлович Орлов буквально в один день выстроил свою профессиональную жизнь и творческую судьбу. Он запомнил этот день и вспоминал о нем 46 лет спустя с явным душевным трепетом: «Мне посчастливилось близко знать Весниных и много лет работать с ними».

С братьями и, в первую очередь, с Виктором Александровичем Весниным Г.М. Орлов был духовно близок действительно всю жизнь. Он сделал свой выбор и достойно следовал ему через все трудности практически шести десятилетий активной жизни в профессии в самых разных ее проявлениях.

Школа архитектурного отделения МВТУ предопределила его профессиональное миропонимание. В те же годы П. Флоренский сформулировал для архитектуроведения ставший афористическим тезис – «Миропонимание – это пространствопонимание». Пространствопониманию, организации пространства и закономерностям организации, в первую очередь, в связи с функцией, конструированием и технологией в МВТУ (на архитектурном факультете) в те годы уделяли первостепенное значение.

В.А. Веснин не просто создал свою педагогическую школу, но и ввел своих учеников в круг единомышленников в ОСА. Существенно важно, что Орлов был буквально с первых дней в составе творческого ядра ОСА и членом редколлегии журнала СА все годы его суще-

^ Днепрокомбинат. Шестой поселок жилого квартала №3. Проект 1933 г. Г.М. Орлов – член авторского коллектива под руководством В.А. Веснина

^ Гидростанция на реке Днепр – Днепрогэс. 1929-1932. Г.М. Орлов – член авторского коллектива архитекторов под руководством В.А. Веснина. В 1945-1950 годах Г.М. Орлов руководил архитектурными работами по восстановлению и реконструкции гидроузла.

ствования. Пожалуй, обретение опыта со-творчества – основа педагогического метода В.А. Веснина.

Почему это так важно?

Привычно считать Г.М. Орлова одним из лидеров промышленной архитектуры. Нет нужды развенчивать это представление, но куда существеннее, что его работа в промархитектуре, которая началась в 1923–1925 годах, и затем реализовалась и в 1930-е, и в послевоенные годы – вплоть до конца 70-х годов, – стала следствием его миропонимания и последовательного отношения к профессии, воспринятого в среде конструктивистов.

Первичным в его более полувековой профессиональной деятельности была вера в разумность воспитанных в нем целостного отношения и понимания сути профессии. И если в 1920-е годы именно в обретении формотворческой ценности виделась сущность авангардного зодчества, поскольку оно (обретение) позволяло в полной мере экспериментировать со сложной, зачастую ранее неведомой функцией, то позднее – в 1930-е годы – «уход» в промышленную архитектуру был своего рода внутренней эмиграцией в ту сферу профессии, где казалось, что элементарный здравый смысл должен был позволить сохранить полноценность содержания архитектурного профессионализма. Но и здесь все оказалось не так просто, как хотелось бы, и уже в самом начале 1935 года Георгий Михайлович пишет статью «Архитектор в промышленности» (рукопись датирована 20 января 1935 года).

Понятие о ценности зодчества, прочно усвоенное, а точнее, жизненно воспринятое Георгием Михайловичем, по существу не может быть востребовано. И только в границах не столько понятия, сколько термина «промышленная архитектура» такое миропонимание еще может удержаться. Орлов искренне в это верил, и его статья – проявление этой веры. Конечно, она могла появиться на волне успеха к этому времени практически завершенной работы над Днепрогэсом, но это только выявляло и объективизировало ее содержание.

«Архитектор в промышленности» – за внешне безобидным названием этой статьи кроется, по существу, манифест в поддержку официально ушедшего в тень конструктивизма. На 8 страницах машинописного текста мы четыре (!) раза читаем о том, что в промышленности нельзя использовать архитектора только как оформителя. Разумеется, и вполне уместно, он пишет о роли функции и о том, что архитектор и инженер-технолог, только работая совместно на самых ранних стадиях создания проекта, в первоначальных эскизах могут найти приемлемое решение пространственной организации функции и технологического процесса.

Следующая мысль, основополагающая и для автора статьи, и для судьбы всей отечественной архитектуры уже в недалеком тогда будущем: роль архитектуры в процессе строительства и необходимость «привязки» архитектора, а не типового проекта, к конкретной стройке. И тут же тезис о том, что плохи и нежизнеспособны (по этой логике) крупные проектные институты. Большое количество заказов в них неизбежно отлучает архитектора от последовательной работы над проблемами конкретной стройплощадки. За этим тезисом стоит глубокий пласт смыслов, содержательный «узел» в решении перспективы отечественного архитектурно-строительного дела в целом, вплоть до наших дней.

Казалось бы, парадокс – на примере промархитектуры Орлов доказывает уникальность, единичность каждой творческой задачи в отличие от «гражданской» архитектуры, где тиражирование проектных решений, на его взгляд, более очевидно. Возможно, работа над таким объектом как Днепрогэс и город Запорожье воспитала или, как минимум, укрепила его в мысли о значимости функциональной сущности проектируемого объекта[1].

Остается только понять, какой смысл вкладывает Г.М. Орлов в понятие промархитектура в этом манифесте. Оказывается, город Запорожье и, в частности, 6-й экспериментальный район, являются неотъемлемой частью единой творческой программы, объединяемой понятием Днепрогэс и закономерно включающей в себя все многообразие функций, обеспечивающих нормальную жизнь комплекса.

Георгий Михайлович тут же подчеркивает, что это, казалось бы, столь очевидное понимание сути архитектурной деятельности и ее роли в судьбе общества, отнюдь не стало «общим местом». В системе гидростроительства – да, это так. В других отраслях ситуация много хуже. Неразрывность промышленности с единым целым города, более того, естественность для нового, послереволюционного миропонимания роли труда в обществе и, как следствие, – появление промышленных или связанных с ними объектов буквально в самом центре города, в том числе и в Москве – столичном городе – было для Орлова самоочевидным. И не только для него. И.В. Жолтовский в 1927 году реконструирует, возвращает к жизни здание МОГЭС буквально напротив Кремля – и таких примеров достаточно много. Сегодняшний опыт ремонта главного машинного зала комплекса, исключающий само понятие и современные представления о научной реставрации историко-культурного наследия, ставит под сомнение и будущее Центрального Дома Художника на Крымском валу в Москве, также связанного с именем Жолтовского (о ЦДХ можно прочитать в журнале «ПБ» за 2009, №2).

Статья Г.М. Орлова, насколько нам известно, не была опубликована ранее. Первая ее публикация в журнале АСД состоялась чуть более десяти лет назад усилиями Г.М. Орлова–младшего[2].

В 1972 году в Софии Георгия Михайловича приветствовали как вновь избранного президента Международного союза архитекторов. Я убежден, что это не просто ротация руководящих кадров в демократически устроенной общественной организации. Личность Георгия Михайловича сыграла в этом общем выборе решающую роль. И он подтвердил это в своей короткой инаугурационной речи. В весьма сжатой форме прочитывается последовательная верность принципам сделанного им (практически полвека до того) выбора, когда он постучался в дверь творческой мастерской братьев Весниных и выбрал себе В.А. Веснина учителем в профессии на всю жизнь. Одного этого было бы достаточно, чтобы профессиональный мир согласился с выбором нового президента МСА, но Г.М. Орлов убедительно доказал, что масштаб архитектурного профессионализма он в полной мере совмещал с масштабом гражданственности, определяющим суть его личности – адекватной общемировым требованиям, предъявляемым той роли, что выпала ему – стать на определенный срок лидером мирового профессионального сообщества.

Георгий Михайлович заговорил в своей первой – программной – речи о том, что решающей в деятельности МСА в годы его президентства должна стать работа по совершенствованию информации. Я уверен, что в социалистической Софии в 1972 году он был понят залом однозначно точно. Орлов говорил о необходимости взаимного открытия мира между Западом и Востоком, о единстве архитектурного профессионализ-

1. Георгий Михайлович Орлов. 1901–1985. Каталог выставки к 100-летию со дня рождения. Сост. Ю.П. Волчок, Н.Г. Орлова, Г.М. Орлов-мл. – М. 2001.

2. Орлов Г. М. О промышленной архитектуре // Архитектура. Строительство. Дизайн. 2001. №1.

^ Обложка журнала «Наука и жизнь», 1961 год, №4. Художник Н. Мордвинов изобразил первую в стране железобетонную градирню

^ Обложка журнала «Наука и жизнь», 1961 год, №5. Художник С. Пивоваров. Запуск первого в мире пилотируемого космического корабля

ма, в том числе об общности ценностей архитектурного наследия Новейшего времени, которое, по его убеждению, должно со временем стать общемировым достоянием, о необходимости создания «открытого сообщества» архитектуры.

2. Взгляд на архитектуру 1960-х годов в логике эволюционного подхода

Ле Корбюзье писал в середине 1960-х годов: действительно новые глубокие профессиональные идеи становятся достоянием общественности спустя 35 лет. Разумеется, Мастер таким образом давал понять, что в его архитектуре 1960-х и 1920-х годов значительно больше общего, чем это может показаться внешнему наблюдателю.

С 60-х началось систематическое изучение наследия архитектуры XX века, в первую очередь, 1920-х – эпохи отечественного авангарда в нашей стране. В качестве камертона к исследованиям, и не только этого периода, но и последующих, в том числе и самих 60-х годов, могут служить слова С.О. Хан-Магомедова в авторском предисловии к 1-му тому двухтомника «Архитектура советского авангарда», выпущенного Стройиздатом в 1996 году: «Сегодня мы забыли, а точнее отвыкли от мысли что искусство – многослойное явление, Что видимый каждому и оцениваемый всеми верхний слой (это лишь надводная часть айсберга) не может быть самобытным, если в искусстве отсутствуют пласты, где зарождаются новые формотворческие идеи, которые очень трудно, да и не нужно разъяснять всем, будь то потребитель, заказчик или начальство; многое здесь внутри профессии и важно для ее творческого развития. Такой внутрипрофессиональный слой занимал в советской архитектуре 20-х годов значительное место».

Аналогичная методологическая многослойность важна и для понимания устройства ценностно-целостных закономерностей формообразования в 1960-е годы.

Обсуждение взаимоотношений архитектуры и строительства, к которому, как правило, сводится в основном разговор об этом периоде истории отечественной архитектуры, оказывается чрезмерно «плоским», существенно обедненном, если ограничиваться только этой – «надводной» частью айсберга полномерного исторического знания.

Возрождение целостной картины архитектурно-строительной деятельности в 60-е, ее связь с прошлым и будущим в судьбе профессии методологически перспективнее рассматривать как системно устроенную «послойную» объемно-пространственную композицию. В ее структуре взаимоотношения архитектуры и строительства закономерно наслаиваются на другие пласты содержания профессионализма, которые объемлют проблематику от взаимосвязи эстетической и социокультурной, до диалога культуры и цивилизации в начале второй половины XX века.

Приведу несколько примеров формирования Нового во времени – из собственно отечественного опыта, так или иначе увязанного с 1960-ми годами, неотрывного от архитектонического профессионализма и не утратившего своей значимости и в наше время.

В 1961 году начал выходить массовым тиражом ставший довольно скоро культовым журнал «Наука и жизнь». На обложке пятого, майского номера журнала – рисунок художника С Пивоварова на космическую тему: запуск в космос первого пилотируемого корабля, а на обложке предшествующего ему четвертого, апрельского номера – изображение первой железобетонной градирни (художник Н. Мордвинов), авторы которой еще в 1956 году получили одними из первых в стране Ленинскую премию. Здесь нельзя пройти мимо того, как технологически градирня была устроена. В качестве постоянной, зафиксированной в железобетонном теле опалубки использована сетчатая конструкция на подобие Шуховской башни. Гипары В.Г. Шухова восходят к математической школе П.Л. Чебышева, но не только они. Экономист В.Л. Канторович также воспринимал себя как одного из последователей Чебышевского понимания линейных закономерностей. В 1975 году Канторович стал по сей день единственным экономистом в нашей стране, получившим Нобелевскую премию. Думаю, что и это обстоятельство может стать существенно значимым для осмысления ценностей в сложении архитектурно-строительного диалога в 1960-1970-е годы в нашей стране.

Это примеры из сферы технологии и экономики. А в гуманитарной, также тесно связанной с архитектурным творчеством, их не меньше.

Ю.Н. Давыдов, один из основоположников исследований социокультурной проблематики в нашей стране, в 1962 году выпустил книгу «Труд и свобода», в которой изучаемая им проблема разрешалась в уровне «эстетического горизонта» как единственно возможного, по убеждению автора, для формирования целостно-ценностных отношений или, иначе, построения образа целостности формируемого в исследовании социокультурного диалога. Сейчас мало кто помнит, что вскоре после этого Давыдов был приглашен в Институт искусствознания, где одно время возглавлял сектор, сосредоточенный на этой проблематике. Сам Давыдов в середине 60-х годов сделал большую работу об Адорно, с которым встречался в 1963 году во Франкфурте. Стоит вспомнить, что в 2010 году на фестиваль АРХМосква был приглашен американский архитектор Питер Айзенман. На вопрос, у кого он учился архитектуре, Мастер ответил: у Ж. Дерриды и Т. Адорно.

Добавлю к этому еще два штриха из биографии Ю.Н. Давыдова, относящиеся к эпохе 60-х и ставшие, на мой взгляд, неотъемлемыми от знания и понимания архитектурного профессионализма в эти годы. Книгу «Искусство и элита» он опубликовал в 1966 году, а «Искусство как социологический феномен» в 1968-м.

Второе соображение, мимо которого нельзя пройти. Свое интервью, опубликованное в «Социологическом журнале» в 1997 году и посвященное интересующему нас времени, Давыдов озаглавил «Дух мировой тогда (в 60-е годы – Ю.В.) осел в эстетике». И здесь с неизбежностью цепляется название работ А.В. Иконникова об эстетике массового индустриального домостроения и соцгорода, опубликованных им на рубеже 1960-70-х годов.

Еще одна ниточка, способная восстановить «связь времен», впрямую соединяющая наши дни с тем временем и с кругом общих с архитектурой исследовательских интересов. Как известно, четверо молодых тогда философов: А.А. Зиновьев, Г.П. Щедровицкий, М.К. Мамардашвили и Б.А. Грушин, объединившись на какое-то время, по-существу, в «домашний» семинар, назвали себя «живописные станковисты». Не буду сейчас раскрывать подоплеку такого названия. Напомню только, что Л.Н. Павлов практически параллельно с этим оказался в 1966 году в мастерской художника Э.М. Белютина, где сделал серию из семи картин, становящуюся только теперь достаточно широко известной в архитектурной среде[3].

Еще менее известно, что Б.И. Тхор иллюстрировал в 1962 году первую книгу одного из «станковистов»,

3. Палитра архитектора Л.Н. Павлова // Леонид Павлов/Leonid Pavlov. 1909-1990. Каталог выставки к 100-летию архитектора. – М., 2010. – С.8-11

Бориса Грушина, в которой опять-таки впервые в нашей стране публиковались результаты социологических опросов разных слоев населения. Берусь утверждать, что замысел образного построения московского Сити восходит у Бориса Ивановича к этой – и для него первой работе по осмыслению и графической интерпретации социокультурного исследования. Он подтвердил это соображение (в беседе с автором статьи в 2009 году) и его важность для него, его личной и творческой судьбы.

Таких генетических линий можно выстроить значительно больше, но и здесь напрашивается методологически важный вывод: «разрезав» весь столб исторической жизни архитектуры «по горизонтали» на отдельные и при этом противопоставленные, как правило, один другому периоды, мы оказываемся в серьезном затруднении, выявляя, реконструируя, а, точнее – возрождая достаточно полномерную картину жизни, эволюции и судьбы как архитектуры, так и архитекторов-профессионалов.

Попробуем обобщить сказанное. Если собрать на одной, общей плоскости минимально необходимые фрагменты целостности, характеризующие архитектуру эпохи оттепели, то надо признать, что понятие «новизна» вновь, как и в 20-е годы, становится одним из решающих в характеристике своего времени, но ограничиваться этим утверждением явно недостаточно. Понятие «новизна» – с очевидностью не одномоментно, оно «размыто» во времени и «ловить» его реально – только не опираясь на результаты, достигнутые в интересующий нас сегодня период, а, восстанавливая процесс формирования целостности, которая описывается в терминах, в данном случае, «новизны».

Вспомним ключевые для нас понятия, характеризующие эпоху оттепели: массовое, индустриальное (заводское) домостроении, пятиэтажки, сборка, монтаж, монтажник, Черемушки и др. Как они укладываются в характеристику своего времени? Строго говоря, они не характеризуют его, они его обозначают, определяют. Эти понятия – скорее, знаки своего времени, а радикально значимым должно стать что-то иное.

Пришло, на мой взгляд, время обратить внимание еще на одно понятие, введенное, а, точнее, вброшенное в социокультурный обиход тех лет. На Совещании Строителей Н.С. Хрущев говорил о том, что пятиэтажки – это на 20–25 лет. Позднее – на XX съезде КПСС, он утверждал, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» – также через 20 лет. 20–25 лет было отпущено на весь жизненный цикл индустриального домостроения. Если вспомнить V Конгресс МСА, проходивший в Москве в 1958 году, на котором Европа подводила итоги послевоенного восстановления городов, а, по сути, прощалась с индустриальным массовым домостроением, то становится очевидным, что все архитектурные достижения и результаты оттепели оказались вне времени, при этом, как своего, так и нашего. Вне своего – потому что его пережили. Рассчитанные в логике социокультурного понимания хода времени во второй половине 1950-х – начале 1960-х годов на 20 лет пятиэтажки живут и по сей день. А нашего – потому что поставить на Государственную охрану произведения архитектуры 1960-х годов практически нереально, так как в массовом сознании они воспринимаются едва ли не ветхими, очевидно устаревшими. Парадокс в том, что физически они еще молоды, а морально – безнадежно устарели. Для того, чтобы обрести в полной мере возможность говорить о ценностях наследия 60-х, надо изменить вектор их осмысления. Разводить сроки морального и физического износа, сроки жизни несущего каркаса (строительной системы) и навесных панелей (ограждающих конструкций) и вместе с этим сосредоточиться на понятии «трансформация» – стало принято в отечественной практике буквально синхронно с возрастными отметинами, заявленными Хрущевым. Правда, это скорее относится к теории формообразования и прогнозному проектированию.

Вспомним ставшие знаменитыми конкурсы и всю эпопею с проблематикой проектирования города будущего – иными словами, поиска образов города в будущем. Она вся была «построена» на диалоге «физического» и «морального» содержания в формотворчестве, устойчиво несущего каркаса и его заполнения.

Итоги первой половины 1960-х годов А.Э. Гутнов подвел по сей день широко бытующими понятиями «каркас» и «ткань» городской структуры, генетически восходящих к тектологической терминологии А.А. Богданова в 1910-е годы. Не здесь ли кроются корни той ситуации, которая сформировалась в эпоху оттепели и сохранилась по сей день: там, где должен был возникать полноценный диалог между составляющими архитектонического профессионализма (и на элитарном уровне он возникал), в массовом сознании формировался непреодолимый конфликт, убивающий и сегодня ценность архитектурного наследия 60-х годов в культурологической «томограмме» XX века.

3. Максимы шестидесятых годов. Жизнь во времени

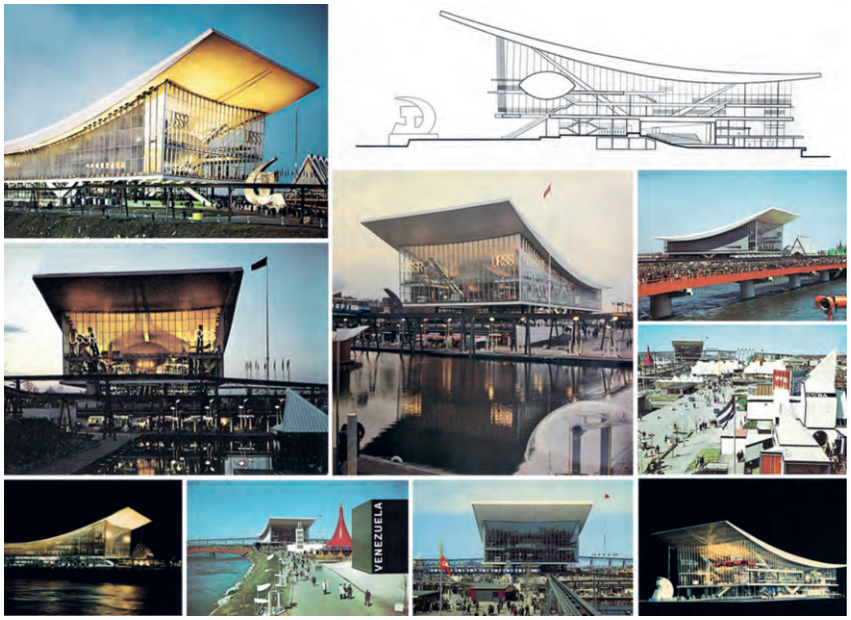
Весной 1961 года Ю.В. Арндт и его коллеги знакомили архитектурную общественность Москвы с только что завершенной строительством по их проекту гостиницей «Юность». Многочисленная публика была воодушевлена и единодушна: новый отдел «очень хорош, по крайней мере, общеевропейская вещь»[4]. Я беру эти слова в кавычки только оттого, что они – цитата. Правда тогда, вряд ли кому известная, так как она была опубликована позднее.

В дни общественного обсуждения вновь возведенной московской достопримечательности этой фразе И.Е. Репина, а она принадлежит ему (в одном из писем к В.В. Стасову) исполнилось ровно 90 лет. В мае 1872 года художник посетил только что открывшуюся в Москве Политехническую выставку и именно этими словами отозвался об одном из павильонов – «Морском отделе» – изящной, хотя и весьма значительно уменьшенной в размерах «реплике» на Хрустальный Дворец. В.В. Стасов, соглашаясь со своим авторитетным корреспондентом, в статье-отчете о Выставке развил эту мысль: «...хвалю его (павильон Морского отдела. - Ю.В.) за новизну и простоту...».

В 1961 году слова «новизна» и «простота» не только фиксируют очередной юбилей «перестроечного движения» в истории отечественной культуры, но, если к ним добавить и «искренность», памятуя о статье В. Померанцева в «Новом мире» в декабре 1954 года, открывающей «эпоху оттепели» в литературе и художественном творчестве, суммируют первые итоги начальных семи ее лет.

Без сомнения, в равной мере это относится и к архитектуре того времени. По существу словосочетание «простота – новизна – искренность» дает характеризующую рубеж пятидесятых-шестидесятых годов достаточно полную интерпретацию классической триады Витрувия: «польза – прочность – красота». А это означает появление новой, очередной «картины мира» архитектуры. Что вбирала в себя картина мира на начало 60-х годов в извечно меняющемся диалоге общества и архитектуры? Практически прямое противопоставление будущему прошлого.

4. Цит. по книге: Листов В.Н. Ипполит Монигетти. - Л., 1976. - С. 125.



^ Павильон СССР на Всемирной выставке в Монреале в 1967 году. Авторы: архитекторы М.В. Посохин, А.А. Мндоянц, Б.И. Тхор; художник Р.Р. Кликс, инженер А.Н. Кондратьев. Представлены изображения павильона в иностранных журналах во время проведения выставки. Ныне это павильон «Москва», расположен рядом с ВВЦ в Москве

^ Гостиница «Юность» в Москве. 1962. Мастерская архитектора Ю.В. Арндта

> Архитектор Л.Н. Павлов. «Генплан Москвы». 1966. Оргалит, масло. Живописная работа, выполненная в мастерской Э.М. Белютина

Известная установка, прозвучавшая с высокой трибуны в 1960-м году, на принципиально иное, новое качество жизни в стране уже через 20 лет пугала своей определенностью. С одной стороны, два десятилетия – это малый срок, а с другой – мечта о «светлом будущем», до того невнятно далеком, с неотвратимой очевидностью становилась если и неявно выраженной, то вполне и материальной, почти осязаемой реальностью. Демократически ориентированные идеалы общества начала шестидесятых очень торопили время.

С двумя понятиями – «современность» и «эволюция», основополагающими для понимания истинного для своего времени содержания архитектурного творчества, в этой связи разобраться было довольно сложно. Архитектура, как никакое другое искусство, призвана фиксировать их как естественную связь прошлого и будущего. Первая половина 60-х – не исключение.

От понятия эволюции во всем, что касалось практической жизни, пришлось отказаться сразу. И здесь пришли на помощь идеи, реально невостребованные в 1930-е годы. Повесть Ю. Крымова «Подвиг» увидела свет в 1961 году. Ее опубликовал альманах «Тарусские страницы» – издание, снискавшее себе общественный авторитет, сохранившийся по сей день. Написана она в 1935 году, но не была принята к публикации. «Для Крымова подвиг есть норма жизни, естественное поведение человека, любящего свое дело, своих друзей, свою страну»[5]. Но содержание самого акта подвига у автора раздваивается. Один из героев повести – летчик, потерпевший аварию в критической ситуации, не видя перспективы для реальной жизни, кончает самоубийством. Второй герой – ученый. Его подвиг в том, что он посвятил себя полностью и безоговорочно работе в науке. Вот его описание: «Повседневная работа кропотлива и напряжена, она требует всего человека и только изредка дает взамен достижение и ощущение собственной силы. Зато именно она, эта работа, ее успехи, чередующиеся с неудачами, ее то горький, то сладостный вкус растит в нас честолюбивое стремление к подвигу во имя нашей великой восходящей страны. Что из того, что многие из нас не увидят того чудесного, ради чего они живут, дерутся и умирают!»

И несомненно для автора весьма важно, что оба героя – родные братья. Обе реализации подвига имеют общую, единоутробную природу, гарантирующие и его неразрывную целостность. Подвигом становится реальная, земная, повседневная жизнь, если цель ее высока и определена не собственными интересами, а служением долгу или сознательный отход «в сторону» с целенаправленного пути, чтобы не мешать битве за «прекрасные идеалы».

Миропонимание Ю.Крымова, во всяком случае, предъявленное в этой повести, принадлежит 30-м годам, но тогда в его персональной трактовке оно оказалось неуместным. Размышления Крымова о жизни нашли отклик и полное понимание только на рубеже 50-х – 60-х годов.

Призванию Архитектуры в те же годы, адекватному времени, попирающему законы эволюции и остро переживающему врйменность бытия, незавершенность того, что называлось тогда современностью, с очевидностью отвечала мысль М.Я. Гинзбурга, также относящаяся к началу 1930-х годов. В ней он со свойственной ему афористичностью доводил до формулы свое тогдашнее понимание накопленного 10-20-ми годами в прошлом веке опыта: пришла пора заменить самое атавистическое понятие «стройка» на современные «сборка» и «монтаж».

Единокровное содержание архитектурно-строительного творчества должно было «раздвоиться», уступив заводскому домостроительному производству то, что еще, скорее, по инерции, нежели по существу, называлось строительством. Искусство архитектуры неумолимо отступило в тень. Совершив свой подвиг самоубийства, оно предоставило возможность «архитектурно-строительному делу» реализовать свой в повседневном опыте массовой застройки.

Я сознательно обхожу здесь «эпопею» Черемушек. Декларируемый в середине 1950-х годов двадцатипятилетний срок их существования, подводя, таким образом, к закономерному итогу их физическое существование, фиксировал не только время переходного периода к «светлому будущему», начало которого было датировано на XXII съезде вполне определенно, но и содержание творчества в переходный период. И те, кто строил, и те, для кого строили, в равной мере становились «героями безгеройного времени», по уместному здесь точному выражению М.Туровской[6].

Авторы-производственники, чей повседневный подвиг скрашивал жизнь будней, становились Героями труда, а истинные герои своего времени оставались, как правило, анонимными. В общественном сознании они не персонифицировались. Образ героя был значительно полноценнее, чем его реальность.

В 1962 году выходит на экраны фильм «Девять дней одного года», герои которого «засекреченные» физики-теоретики, остававшиеся в памяти обликами Смоктуновского, Баталова, Плотникова, т.е. вне реальности своих прототипов, даже если они и становились в те же годы Нобелевскими лауреатами. В равной мере, как и герои другой ленты «Взрослые дети» – архитекторы, проектирующие «город будущего». Единственным реальным человеком в этом фильме оказывается Оскар Нимейер, да и то «в пересказе» героев фильма. Метафора названия здесь чуть ли не самая большая историческая удача этой ленты.

Дворец пионеров в Москве, учебный институт в Зеленограде, равно, как и сам город, гостиница «Юность» – реально лучшее из того, что построено в то время, удивительно точно совпадает с присущим ему (этому времени) миропониманием. У Ю.Трифонова выходят в свет «Студенты», у В. Аксенова «Коллеги» (молодые специалисты). Молодость – становится почти физически ощущаемым обозначением перспективы жизни. Но в метафоре названия фильма о юных архитекторах, кроме романтического настроения, ориентированного на идеально устроенное будущее, которое они «сочиняют» буквально на глазах, подспудно таится и второй смысл, также отражающий невнятно толкуемое понимание современности. Взрослые, или точнее – рано повзрослевшие дети, уже уставшие от бремени ответственности за будущее, которое необходимо предъявить немедленно.

Пожалуй, круг молодых художников, создавших «суровый стиль», выразил этот второй «срез» романтизма начала шестидесятых наиболее полно. «Плотогоны» Н. Андронова, «Строители Братска» В. Попкова, «Зверобои» А. и П. Смолиных, «Ремонтники» Т. Салахова, «Покорители Сибири» И. Агапова (можно вспомнить и другие произведения) – важно, что в них на первый план выступает не романтика будущего, а поэтизация уже состоявшегося профессионализма, нарочито заземленного, подчеркнуто тяжелого, также в буквальном, физическом ощущении. Возможно, только экзотичность профессий (зверобои, плотогоны) или географическая отдаленность (Сибирь, Север) концентрируют в себе другое содержание романтизма, весьма далекое от заявленной, но отнюдь пока не порицаемой инфантильности «взрослых детей».

Конкурс на Всемирную выставку в Москве, проводившийся в те же 1961-1962 годы – стал непреодолимым для самосохранения искусства архитектуры рубежом. Максималистски сформулированная задача соорудить в Москве в небывало короткий срок громадный комплекс выставочных сооружений мирового уровня – это уже не только «раствориться» в романтическом ореоле «размышлений о будущем», а реальная необходимость воссоздать в натуре не столько представления о романтизме, сколько реальное его воплощение – освоение Космоса, в котором соединились и представления о Подвиге уникального профессионализма и безмерная отдаленность «места действия», и ощущение нового – в наиболее полном толковании этого понятия.

Возвращение архитектуре космического масштаба ее самосознания, с одной стороны, даровало искусству архитектуры возможность общения с исторической традицией, а с другой – легализовало поиски новых закономерностей и приемов формообразования. Правда, взаимоотношения с историей и современностью в этой связи как бы меняются местами: историческая традиция реализует свои космологические представления через морфологию и семантику Храма или строение города. В начале 1960-х отечественные зодчие первыми получили возможность непосредственного общения с космологией современности. Здесь не было традиции в буквальном смысле слова, но появилась возможность принципиально новых концептуальных построений, качественно нового толкования геометрии мироустройства. А в этом история современности накопила определенный опыт. «Основные концептуальные структуры базируются на обобщенных геометрических конструкциях»[7].

Отказ от проведения Всемирной выставки по существу стал отречением и от архитектуры. Профессии стало необходимым обрести качественно новое содержание. В этом обретении немалую роль сыграло и изучение зарубежного опыта, так как оно понималось во второй половине пятидесятых – начале шестидесятых годов. Строго говоря, это было не осмысление текущего опыта архитектурного творчества, а восприятие советскими специалистами строительного производства (в основном) опыта строительства за рубежом.

Своего рода историческая аналогия: практически первая на новом этапе поездка отечественных специалистов за рубеж уже в 1955 году была в Лондон на строительную выставку, где сам павильон выставки «Олимпия» без сомнения, – «общеевропейская вещь», к оценке которой вполне приложимы неустаревающие характеристики Репина и Стасова, призван был сыграть роль Хрустального Дворца для нового поколения «искателей истины».

Проблема, однако, исчерпывалась тем, что осмысление этой и многочисленных последующих командировок, реализовавшихся, кстати, в большое число книг-отчетов из серии «Опыт строительства за рубежом»,

5. Дикушина Н.И. Человек тридцатых годов. Вступительная статья в книге: Юрий Крымов в воспоминаниях, письмах, документах. - М., 1988. - С. 11.

6. Туровская М. Герои “безгеройного времени” (Заметки о неканонических жанрах). - М.: Искусство, 1971.

7. Акчурин И.А. // Принцип соответствия. - М., 1969. - С. 171.

сводилось к прямому обучению технике профессии в буквальном смысле этого слова.

Торопливость в обращении со временем, нацеленность на сиюминутный результат, при необходимости тиражировать его в великом множестве, и строжайшую экономию средств – все это привело к обратной последовательности в формировании концепции, методологии и техники профессии. Не методология, развивая творческую концепцию архитектуры, создает необходимые для реализации ее (концепции) техники, а наоборот – техника, при том выведенная за истинные границы профессии, к тому же понимаемая зачастую как Техника – с большой буквы, должна была формировать и методологию, и концепцию зодчества.

Такая последовательность «ходов» задает слишком жесткую модальность и определенность причинно-следственных связей. Беда еще усугублялась и тем, что техники строительного производства в полном смысле этого слова не было, но делом «техники» и скорого времени казалось ее обретение. Понятие «Как строить?» с философского, общетеоретического уровня переместилось в сферу описания прагматических, строго регламентированных технологических операций. Своего рода рецептурный справочник, в отличие, например, от понимания сути строительного творчества А.А. Богдановым в 1910-1920-е годы. Тектология – гуманитарная наука об организации жизни по образу строительного творчества и законам науки о строительстве, ставшая в начале шестидесятых у колыбели системного подхода, к 1962 году в архитектуроведении еще не была востребована.

Казалось бы, парадокс – время, призванное много строить, не сочло необходимым осмыслить «Как жить?» в тесной связи с процессом организации материально-пространственной структуры своего существования. Но если он и есть, то не в этом, поскольку и строительства, «атавистического понятия «стройка» уже нет. Истинный парадокс, пожалуй, в том, что и по сей день специалисты по географии промышленности не включают строительное производство в сферу своих исследовательских интересов, полагая, что строительство не стало еще полноценной отраслью промышленности. В начале 1960-х годов для такого вывода было не меньше оснований. К жизни опять был призван Подвиг, опять его осуществление реализовалось двояко: самоубийственно теперь уже и для строительства, и в повседневных буднях строительного производства. «Строители Братска» – стали «монтажниками-высотниками», призванными обеспечить и скорое новоселье и рост материального благосостояния страны.

И равно тому, как судьбу Черемушек предстояло радикально изменить уже через 25 лет, так и любое крупное строительство важнее было начать, а не завершать. Монтажная площадка олицетворяла реальность, правду жизни, в полной мере наглядно демонстрируя миру справедливость триады «простота – новизна – искренность» в значительно большей мере, чем качество получаемого результата.

Здесь все сошлось в один тугой узел: как строить, не строя, а монтируя? Как жить, в полном согласии с Хемингуэем, непререкаемым «учителем жизни» для всего молодого поколения в начале шестидесятых, а точнее, с тем идеалом жизни, каким он представлялся по Хемингуэю, – не столько живя, сколько «путешествуя по жизни»? И даже выставка 1961 года «Искусство и быт», при том что само понятие «быт» казалось мещанским, устаревшим, изживающим себя, сыграла свою позитивную историческую роль.

Гостиница «Юность» – удивительно точно и полно ответила идеалам «картины мира» в начале шестидесятых годов прошлого века.

Здесь важно буквально все: и то, что это именно гостиница, а не постоянное жилище, и название, и демонстрируемая «монтажность» почерка, и серый цвет натурального бетона, и голубые «вставки» – «оцвеченный», овеществленный образ мечты о светлом будущем («голубые города»), и написание слова «Юность» над карнизом, цитатно отсылающее к одному из самых популярных общественно-литературных журналов своего времени.

Простота, новизна, искренность, общеевропейская вещь – в данном случае точные характеристики вновь созданного объекта. Эпоха и архитектура обрели друг друга в полной мере. Эпоха сформулировала архитектуре содержание профессиональных задач, а архитектура, адекватно справившись с ними, предопределила «стиль своей эпохи».

Гостиница «Юность» прокладывала колею, по которой можно было пытаться связать воедино прошлое и будущее архитектуры в реально осязаемом настоящем, возвращая ей самоуважение истинного профессионализма и достойное место в современном обществе.

Настоящей жизни, по Хемингуэю, соответствовала и настоящая архитектура. На какое-то очень короткое время «настоящее» и «современное» слились воедино и, казалось, что так будет, должно быть всегда. Путь найден, он открыт, и важно с него не свернуть...

Но жизненная ситуация к этому времени обретает иные очертания. Путь в «будущее» раздваивается. Ориентация на стандартное, массовое, индустриальное, тиражируемое производство архитектуры эксплуатирует прагматически толкуемые идеи демократического равенства, находя этому опору в философских концепциях, близких «стандартному» позитивизму, от которого серьезная, действительно в современности себя определяющая и утверждающая философская мысль (за рубежом) в пятидесятые годы активно избавляется, обретая совсем иные ориентиры в методологии науки и творческой деятельности[8].

Философия, предъявляемая архитектурной наукой на Всесоюзном совещании строителей, была весьма далека от круга интересов философского авангарда и за рубежом, и у нас в стране.

Прикладная архитектурная наука, изучая опыт зарубежной критики, привносила в отечественную архитектуру тенденции, на Западе к этому времени себя исчерпывающие.

Запаздывание архитектурно-строительного творчества было «запрограммировано» на долгие годы, поскольку формировало долговременную стратегию бытия профессии, пульс эпохи не был услышан...

В 1962 году умер Э. Казакевич. Книга его дневников, писем и записных книжек за 1948-62 годы так и называется «Слушая время» (именно эти слова вынесены в название статьи). Книга вышла много позже, но написана она старшим современником «шестидесятников» и очень емко передает и ощущение своего времени, и предчувствие будущего, и цену слову, весьма вольное обращение с которым не могло не оскорблять чуткий слух действительно искреннего писателя.

В культуру шестидесятых начали возвращаться опальные в прежние времена, среди них и О. Мандельштам. Только в 1987 вышел в свет сборник его критической прозы «Слово и культура», названный так по одной из статей поэта, написанной в 1928 году. В том же 1987 году П. Вайль и А. Генис закончили книгу «60-ые. Мир советского человека», вышедшую в Нью-Йорке. Главы из нее опубликованы в «Новом мире»

8. Швырев В.С. Анализ научного познания: основные направления, формы, проблемы. - М. 1988.

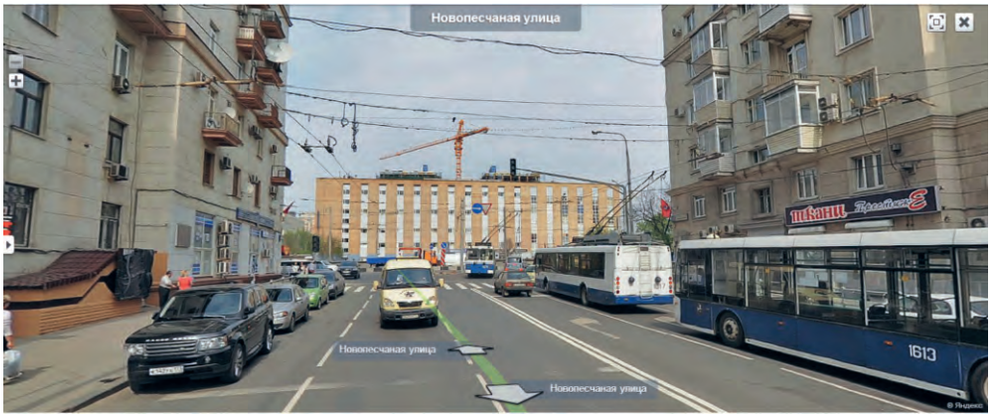
9. Книга Бердяева Н.А. «Самопознание» вышла в свет в 1949 г. за рубежом.

10. О концепции самодеятельности философа и психолога С.Л. Рубинштейна, сформулированной не позднее 1960 г. (в 1960 г. он умер), см. в книге Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. - М., 1989.

недавно в 1991 г. под заголовком «Страна слов». Но уже в 1967-м вышла в свет книга Г. Клауса «Сила слова».

Слушать слово и слышать время становится к середине шестидесятых годов настоящей необходимостью. Делом совести. «Совесть – главная тема века». Эти слова – автограф Г. Козинцева – вынесены на обложку книги, включающей его дневниковые записи второй половины шестидесятых годов. Книга называется «Время и совесть». Здесь смысловая перекличка с романом С. Цвейга «Совесть против насилия», написанном в 1936 году, очевидна и просто бросается в глаза.

Врастание «главной темы века» в архитектуру первой половины шестидесятых впрямую связано с началом нового этапа в изучении истории советской архитектуры – прежде всего опыта и творческой мысли двадцатых годов, наиболее подвергшихся насилию.



^ Корпус завода «Изолятор» на Ленинградском проспекте в Москве. Середина 1960-х. Мастерская архитектора Л.Н. Павлова

v Снос корпуса завода «Изолятор» – одного из знаковых для своего времени объектов. Фото Ю.В. Дубровского. 17 января 2014 г.

«Настало время сопоставить времена», по выражению Н. Эйдельмана, и в архитектуре. Знание истории советской архитектуры в эти годы приобретает этический оттенок, нравственное значение. Само-познание[9] и само-деятельность[10] архитектуры в первой половине шестидесятых воспитывалось на жертвенном, светлом в мировосприятии тех лет, опыте архитектуры двадцатых.

34 года назад, спустя полвека после Всемирной выставки в Барселоне в 1929-30 гг. городские власти столицы Каталонии приняли решение восстановить разобранный по завершению выставочной программы павильон архитектора Л. Мис ван дер Роэ. Сегодня это один из знаковых для города объектов историко-культурного наследия. Стоит вспомнить, что по замыслу Мастера павильон не имел экспозиции. Архитектура, предъявляя Германию, экспонировала только себя – возможности организации современно прочитываемого пространства, его подлинную ценность.

Несколько лет назад усилиями мастерских архитекторов А.А. Скокана и Б.В. Левянта на Белорусской площади в Москве, также практически спустя полвека продемонстрированы возможности архитектуры 1960-х годов, точнее – какой могла бы быть архитектура в столице в 60-е годы, окажись она в более благоприятных для профессии обстоятельствах. Эту композицию, по существу, можно рассматривать как памятник творческим устремлениям в то время. Но наряду с этим многие (как правило, наиболее удачные) объекты наследия 1960-х годов находятся под угрозой сноса, а чаще, увы, уже безвозвратно утрачены. Буквально сейчас завершается разборка последнего корпуса завода «Изолятор» на Ленинградском проспекте в Москве, созданного полвека назад по проекту мастерской архитектора Л.Н. Павлова.

Как было бы важно, съездив в Барселону, всем нам не только восхититься тем, как застраивается современный город, но и что-то понять, сопоставляя не только времена, но и нравы, и, как следствие, приостановить снос и воссоздать утраченное, отдавая должное наследию 1960-х годов.

Советский модернизм: второе пришествие

текст
Ольга Казакова

В двухтысячных годах термина «советский модернизм» еще не существовало. Им нечего было обозначать – не было такого культурного феномена. Был невероятно широкий набор зданий и других архитектурных объектов, построенных в хрущевскую и брежневскую эпоху, ветшавших, раздражающих и никого особенно не интересующих, при этом составлявших от восьмидесяти до ста процентов застройки большинства городов бывшего СССР.

В моде у исследователей, а за ними и у широкой общественности, интересующейся историей и искусством XX века, были авангард и, с оговорками на тоталитаризм, сталинский ампир. Дальше шла некая серая неизвестность, в представлении большинства унылая, как типовая пятиэтажка, и аморфная, как здание районного парткома. Негатива добавляла почерпнутая из краеведческих источников информация вроде «а ведь здесь стоял шедевр XVIII века», да снесли при "совке", а хорошего ничего так и не сделали».

Попытки весьма скромного числа смельчаков-любителей архитектуры времен Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева, вроде Андрея Павловича Гозака, ставшего куратором небольшой выставки по архитектуре советского модернизма в музее архитектуры им. А.В. Щусева в 2006 году, или Юрия Пальмина, создавшего прекрасную серию фотографий района Северное Чертаново в 2009, широкого отклика не встретили и большой славы не снискали.

Однако тенденции имеют свойство быстро меняться, человеческая память снова сыграла свою обычную шутку, отсеяв самое плохое, преукрасив хорошее, и отношение «проклятый совок» постепенно в общественном сознании стало трансформироваться в «какую страну потеряли». Обе крайности весьма поверхностны, однако такие перемены создали благоприятный климат для постепенного, но постоянного возрастания интереса к архитектуре советского модернизма.

Надо сказать, что и сам «советский модернизм», а точнее, тот архитектурный стиль, который сегодня принято обозначать этим термином, в середине 1950-х годов, после хрущевской архитектурной перестройки, пришел в СССР в весьма значительной степени именно с Запада. Отчасти из Америки и Европы через ставшие в это время доступными и сразу популярными архитектурные журналы вроде легендарного «Архитектур де журди», отчасти – через страны «соцблока» вроде прибалтийский республик, Польши, Венгрии или Кубы, куда значительное число советских зодчих «оттепели» получили возможность поехать в командировку или даже в отпуск, эстетика модернизма проникала в советскую архитектурную среду, трасформировалась, признавалась постепенно «своей, советской», но все же оставалась узнаваемой в своих основных чертах – недаром в западной литературе модернизм также именуется «интернациональным стилем». Исторически вышло так, что именно этот стиль стал последним по хронологии для распавшейся в 1991 году советской империи.

Однако время, как заметил еще в XIX веке отечественный классик Николай Островский, постоянно «приходит в умаление», и история теперь успевает совершить повтор даже в течение жизни одного поколения. Если в 1950-е годы модернизм как архитектурный стиль пришел в СССР из западных стран, то теперь в тех же самых дальних для нас краях зародился и проявился интерес к нему, а сегодня мода на его изучение с небольшим опозданием дошла и до нас.

Самой первой «ласточкой», сколь-либо значительным событием, побудившим любознательную общественность обратить свое прихотливое внимание на советскую архитектуру 1960-х – 1980-х годов, стала книга французского фотографа Фредерика Шубена (Frйdйric Chaubin) Cosmic Communist Constructions Photographed (TASHEN, 2011). История эта книги достаточно хорошо известна – она появилась в большое степени по воле случая. Здесь еще нет имени – сфотографированные Шубеном около ста объектов в разных союзных республиках остроумно названы «Космическими коммунистическими конструкциями», – но уже есть явление. Отсутсвие предвзято-негативного отношения в сочетании с талантом фотографа привело

к возникновению яркого «вау-эффекта», после которого мысль о том, что «в этом что-то есть», стала почти всеобщей. Альбом, кстати, очень быстро стал бестселлером издательства.

Практически одновременно вышла книга, давшая наконец определение самому значительному количественно и хронологически стилю в истории советской архитектуры, существовавшему более полувека без имени – «Советский модернизм» Феликса Новикова и Владимира Белоголовского (издательство Tatlin).В отличие от Шубена, воспринявшего в силу своей непогруженности в исторический контекст архитектурные объекты 60-х – 80-х годов как артефакты, «с чистого листа», так их и подавшего зачарованному зрителю, оба автора не просто близко знакомы с представленным ими материалом, но и глубоко в нем укорененны. Феликс Новиков – один из выдающихся советских архитекторов-модернистов (хотя тогда, когда эта архитектура делалась, никто себя так не называл, по его собственным воспоминаниям), Владимир Белоголовский – один из первых и сегодня самый известный на Западе исследователей в данной области. И все же и эта «ласточка» прилетела к нам из-за океана – оба автора уже не один десяток лет живут в США, где книга и была написана.

За изданиями последовали выставки. Первая из них состоялась в ноябре 2011 года в Венском архитектурном центре и прошла под названием «Советский модернизм: неизвестные истории». История самой выставки, как и до этого история с книгой Шобена, также началась со случайности – с желания сделать экспозицию, посвещенную архитектуре Армении, и с попавшей в руки директору центра Дитмару Стейнеру (Dietmar Steiner) книги о ее советском периоде.

Котогок увяз – всей птичке пропасть. Увиденные в издании неизвестные миру при этом мирового уровня и класса архитектурные шедевры подстегнули любопытство, вызвав закономерное желание узнать – а что же в других республиках? Случайно попавшая в руки книги стала катализатором для создания многолетнего проекта по изучению и катологизации сохранившихся и утраченных шедевров советского модернизма четырнадцати союзных республик, за исключением, собственно, России (или РСФСР, в терминах описываемого времени).

Причины, которые побудили исключить РСФСР из проекта по изучению архитектуры советского модернизма, так и не были внятно изложены. Были ли они экономическими либо политическими – можно только гадать. Сами кураторы в своем манифесте объясняют исключение российской архитектуры (то есть – архитектуры РСФСР) из своего проекта «сознательным стремлением раскрыть архитектурные «индивидуальности в рамках империи» и ограничиться представлением об управляемом из центра архитектурном аппарате, который действовал во всех республиках посредством плановых институтов и предписанных норм».

Не вполне очевидно, как именно демонстрация достижений всех 15, а не только 14 республик могла помешать раскрытию их индивидуальностей, и насколько плодотворной и жизнеспособной была идея противопоставления центра существовашего тогда

единого государства его отдаленным территориям, но таков был выбор кураторов, на чем бы он не был основан.

Даже оставив в стороне объекты, расположенные на территории сегодняшней России, австрийские исследовательницы Екатерина Шапиро-Обермаир, Александра Вахтер и Катарина Риттер отдали несколько лет своей молодой жизни буквально «полевым исследованиям» архитектуры советского модернизма, объездив и обходив в компании замечательного фотографа Симона Рота (Simona Rota) территории бывшего СССР, измерив и сфотографировав исчезающие архитектурные объекты, поговорив и записав на видео интервью с героями своего времени, замечательными архитекторами, поколение которых уже, к глубокому сожалению, уходит от нас, забирая с собой свои нерасскazанные истории.

По итогам путевых впечатлений был издан замечательный каталог, увлекательный, как роман, и проиллюстрированный, как подарочное издание лучшего из музеев.

Сама же выставка, в отличие от каталога, получилась, как это не удивительно после таких приключений, весьма сдержанной. Экспозиция была построена по территориальному принципу, и далее подразделялась по принципу функциональному. На больших белых, изредка черныхкрупноразмерных планшетах были размещены в основном черно-белые фотографии объектов советского модернизма, на каждую республику – по несколько планшетов. Некрупные фотографии, в большом количестве размещенные на одной плоскости, в результате выглядели не слишком эффектно, а отсутствие планов, разрезов и различных ракурсов лишали зрителя возможности представить здание «в объеме».

Такая, в целом, немудреная экспозиция несколько разбавлялась экранами с наушниками, которые давали возможность прослушать интервью с непосредственными участниками событий в процессе проектирования зданий, и проекторами со слайдами, несколько оживлявшими общую картину. Свою положительную роль сыграли и размещенные в нескольких витринах архивные материалы, ставшие скромным, но при этом содержательно весьма важным украшением выставки.

Впрочем, несмотря на сдержанный дизайн, небольшая, по сравнению с проделанной кураторами за несколько лет работой, выставка стала самой успешной в истории Венского архитектурного центра. За пять месяцев экспонирования ее посмотрели более 13 тысяч человек – был побит рекорд посещаемости за всю 20-летнюю историю Центра. На приуроченной к открытию двухдневной конференции, на которую были собраны, к чести устроителей, докладчики из всех 15 бывших республик и из многих европейских стран, не было ни одного свободного стула, несмотря на немалую цену за входной билет. Такой интерес на Западе к архитектуре, которую у нее на родине мало знают и еще меньше любят, выглядит поразительно, но является уже неоспоримым фактом.

Буквально через три месяца после закрытия Венской выставки открылась другая выставка, посвященная советскому модернизму – на этот раз в Стамбуле, в выставочном зале Salt Galata. Выставка получила название «Trespassing Modernities», то есть, в приблизительном переводе, «Модернизм, не признающий границ», и проходила с мая по август 2013 года, также сопровождалась конференцией и была очень успешной.

Кураторы стамбульской выставки – Геогр Шёльхаммер (Австрия) и Рубен Аревшатян (Армения) – принимали участие и в подготовке выставки в Вене, однако для собственного проекта избрали абсолютно иной подход.

Собственно, выставка в Salt Galata явилась заключительным этапом многолетнего исследования, начатого еще в 2004 году и получившего название "LocalModernities ". Проект был посвещен исследованию проявлений поздних модернистских тенденций в архитектуре и градостроительстве в на Ближнем Востоке, в Северной Африке, странах Юго-Восточной Азии и Латинской Америке, и конечно, в Восточной Европе и СССР.

Результатом этого глобального исследования стал вывод, что модернизм – вероятно, последняя универсальная идея в истории архитектуры является ничем иным, как метафорой, под знаменем которой развивались различные направления.

На идее универсальности модернизма с одной стороны и многочисленности и самоценности его разнообразных направлений – с другой и базировался принцип экспонирования стамбульской выставки.

По словам Рубена Аревшатяна, одного из двух кураторов выставки, «...мы рассмотрели ситуацию как одно большое целое, включая и противостояния. То есть хотели понять, что обозначал советский модернизм в контексте системы. Архитектура была неотъемлемой частью системы в целом и, конечно же, рефлексировала на те идеологические и политические установки, которые исходили из центра».

На трех этажах одного из самых современных турецких выставочных пространств было представлено, наверное, максимально возможное количество лучших объектов из всех республик СССР с использованием всех возможных способов и объектов экспонирования – от старых газетных вырезок, музейных проектных калек и сохранившихся в частных и государственнх архивах уникальных, никем почти ранее не виденных прекрасных авторских эскизов до фотографий, видео и мультимедийных экранов. Удалось выставить даже несколько макетов, чему предшествовали многочисленные трудности в траспортировке и согласования в различных ведомствах, в том числе макет аэропорта «Звартноц» в Ереване и макет скульптуры Вадима Космачева, установленной перед библиотекой К. Маркса в Ашхабаде (кстати, сегодня судьба и аэропорта, и библиотеки висит буквально на волоске, а это выдающиеся шедевры советского модренизма).

Собранные в одном пространстве совершенно разные объекты, представленные различными способами подачи, в результате создали уникальную по своей целостности и единству общего впечатления экспозицию, действительно вдохновляющую, завораживающую и наводящую на множество размышлений.

Проведение такой выставки в Стамбуле – большая удача для турецкого зрителя и ценителя, и еще большая потеря – для зрителя русского и, говоря шире, в прошлом советского, вне зависимости от национальности. Архитектура советского модернизма – и это становится абсолютно ясным после просмотра выставки, – являет собой единый для огромных территорий культурный код, еще нами не осмысленный, но уже отчасти забытый. Пока мы постепенно утрачиваем ключи к шифру и теряем авторов, которые могут прояснить для нас обстоятельства времени и причины выбора того или иного архитектурного решения, шедевры архитектуры модернизма разрушаются без внимания и защиты. Число объектов этой эпохи, поставленных сегодня в России на государственную охрану, можно посчитать по пальцам одной руки – это Дворец пионеров на Воробьевых горах в Москве и Кремлевский дворец съездов.

Работа по осмыслению этого наследия в России сегодня постепенно только начинается: по данной теме в Москве было проведено две научные конференции (2011 и 2013 годы) и одна небольшая выставка в музее архитектуры (2006) под кураторством Андрея Павловича Гозака, прошедшая куда тише Венской и Стамбульской выставок и не собравшая, несмотря на свое прекрасное качество, и десятой доли от тамошнего числа посетителей.

Впрочем, так ли важно, откуда именно пришла волна интереса к советскому архитектурному наследию 1955 – 1991 годов? Важно, что она уже здесь, а значит впереди много открытий, интересных событий и мыслей. Будем надеяться, что когда эта волна схлынет, на нашем берегу останутся сокровища в виде научно отреставрированных шедевров архитектуры этого времени и научных трудов с глубоким их осмыслением. А также будем надеяться, что окружающая нас архитектурная среда, состоящая по сей день большей частью именно из объектов 1955 – 1991 годов постройки, обретет наконец с нашем сознании свою истинную ценность, которой она далеко не обделена.

Архитектура в кино СССР 60-х

текст
Дмитрий Михейкин

Зазвучавшие по-новому социалистические идеи в позднем послевоенном советском обществе 50-60-х вкупе с долгожданной «оттепелью» породили в мировом киноискусстве беспрецедентный пласт редкого жанра, немаловажной составляющей которого была особая радужная среда...

Среда, которую зачастую формировали новый дизайн и новая программная архитектура.

В 50-60-е гг. культура и искусство СССР молниеносно отреагировали на конец сталинизма. Коренные изменения в стране мгновенно отразились ярче и отчетливей всего в таких разных ипостасях, как художественном кино и архитектуре 50-60-х. Глобальные преобразования, и как следствие смена парадно-помпезных кинокартин 40-х, начала 50-х на легкое неформальное, хотя и вполне официальное, разрешенное кино ни для кого не остались незамеченными; диаметрально противоположное изменение направления развития архитектуры стремительно поглотили каждого гражданина СССР во всем пространстве жизнедеятельности: от рабочего места до долгожданной отдельной квартиры. Массивный ордер – обязательная деталь второго плана – настраивающий зрителя на особый, строгий, чопорный лад 30-50-х, резко сменился мерцающими плоскостями прозрачного витринного стекла, отражающие предельно отчетливые прямоугольники новых районов, городскую зелень и ярко-голубое небосоветского эдема.

Картинка кадра обновилась, помолодела, поменяла цветность, композицию и оттенки. Так, в легендарном фильме «Карнавальная ночь» 1956 г. (режиссер Э. Рязанов) всё действие происходит в классическом интерьере клуба сталинской постройки (рис. 1), тогда как в мало известном продолжении под названием «Старый знакомый»[1] 1969 г. (рис. 13) события разворачиваются в совершенно иной, новой атмосфере города-сада...

Новое поколение молодых энергичных – идеал нового общества – захватывает киноэкран. В таких работах как «Три плюс два», «Карнавальная ночь», «Брильянтовая рука», «Кавказская пленница» главные герои – молодые люди: студент и журналист Шурик, молодой кандидат наук Сундуков, «спортсменка, комсомолка» Нина (Н. Варлей), ветеринар (А. Миронов) и т.д. Появился особый вкус к жизни, легкой, сытой и непринужденной. В фильме «Три плюс два»[2] все пятеро героев молодые люди; у кандидата наук Сундукова личный автомобиль «Волга 21», девушки также не уступают: у одной из них, дрессировщицы цирка, «Запорожец». Но это практически нереальная ситуация для молодого поколения того времени.

Всё действие происходит в кемпинге на берегу моря, однако двое влюбленных героев по сюжету ненадолго попадают в близлежащий курортный городок. Съемки проводились в Судаке и Алуште. Там они проходят мимо новенького стеклянного параллелепипеда автовокзала Алушты (рис. 2) и изящного навеса автостанции, далее пара попадает на открытую летнюю веранду ресторана «Чайка» (рис. 3), выполненную в лучших традициях стиля 60-х. Складывается идиллическая картина: преуспевающие молодые люди на отдыхе у самого берега моря на автомобилях. Рядом дикие пляжи, чистый родник и никого вокруг. При этом в пешеходной доступности продовольственный магазин, аптека, автовокзал, кинотеатр, кафе – воплощенный фрагмент футурологических утопий о городе-саде, покрывающем всю Землю.

Тема слияния девственной природы и архитектурной среды обязательна для 60-70-х. В фильме «Три плюс два» дикое морское побережье подчеркивает лаконичное решение нового курортного города. Здесь имеют место противопоставление и одновременно созвучие нового и вечного – созданного руками человека и данности природы.

Двое героев из «Три плюс два», будучи в течение всего действия фильма на диком побережье, на короткое время попадают в кафе на летнюю веранду с видом на море (рис. 3). В кафе они общаются и разговаривают на свои сугубо личные темы, как собственно и на протяжении всего действия фильма.Внимание к межличностным отношениям на протяжении всего фильма, а не к общественной жизни, доселе «съедаю-

1. «Старый знакомый» – режиссеры: Игорь Ильинский, Аркадий Кольцатый, художники-постановщики: Л. Шенгелия, Ф. Богуславский, Мосфильм, 1969 г.

2. Кинофильм «Три плюс два» – по пьесе Сергея Михалкова «Дикари»; режиссер – Генрих Оганисян; в ролях: Наталья Кустинская, Андрей Миронов, Георгий Нилов, Евгений Жариков, Наталья Фатеева; производство: к/с им. М. Горького, Рижская к/с;1963 г.

2

4

щей» практически всё внимание официального искусства и архитектуры СССР, охватывает художественный пласт 60-х, являясь как раз «гуманизацией технократической утопии»[3] «молодого» социализма, выраженного в архитектуре целым букетом новых решений и образов.

Тема кафе как альтернативы общественного места, в какой-то мере вытесняющий рабочий клуб, очень популярна в то время. «Сладостная» метаморфоза столовых в кафе и рестораны становится лакомым куском не только для андеграунда. Новая социальная составляющая кафе находит свой образ в новой архитектуре. В фильме «Кавказская пленница, или новые приключения Шурика»[4] пространство кафе фигурирует несколько раз не просто как место приема пищи, а именно как место встреч и общения. В фильме «Бриллиантовая рука»[5] аналогичная ситуация, которая доведена до пределов фарса.

В фильме «Последний жулик»[6] главный герой жулик Петя Дачников (Н. Губенко) также попадает в летнее кафе, пространство которого складывается из изящного стола, лужайки и парка вокруг (рис. 4). На третьем плане виден модернистский навес, который дополняет практически парящая в воздухе абстрактная красная плоскость архитектурной декорации, как будто сошедшая с супрематистской живописи Малевича. Плоскость каким-то чудом опирается консолью на тонкий белый шест-вешалку, «а-ля классический» дизайн которого вкупе с мебелью кафе решен в духе постмодернистской игры с эпохами. Здесь нет ни мощения площадки, ни поручней; мебель свободно поставлена в саду. В общем, ничего необычного – столик вынесли на лужайку в погожий летний день. Важно другое, что интуитивно продемонстрировал художник-постановщик: если из архитектуры модернизма убрать «лишнее», в данном случае, стеклянные «стены», пол, оставив только навес, то останется то самое «почти ничего» – образ кафе и города-сада вокруг.
Последовательно «разбирая» известные коллажи Миса, убрав лишь один слой белого, остается лишь пейзаж и аксессуары. В этом случае очень символично удаление на третий план архитектуры модернизма, обозначающее еще большее «очищение архитектуры от архитектуры» в 60-е.

Подробную картину жизни нового чудесного города рисует фильм «Последний жулик», визуальный ряд которого буквально перенасыщен архитектурой(рис. 5,6). Акцент в ленте делается на гротеске и утопичности действия: «В одном идеальном городе граждане стали такими сознательными, что правительство отменило деньги и закрыло тюрьмы. Отпущенный на свободу последний жулик Петя Дачников сначала попытался вернуться к привычному для него ремеслу, но оказалось, что теперь оно ему ни к чему. Обнаружив отмену денег и отсутствие в городе банков, он обратил внимание на девушку Катю и... влюбился»[7]. Иными словами, Дачников попал в коммунизм.

С самого начала действия второй план кадров заполняет гладкая глухая каменная стена, в которой чувствуется нарочитая театральность павильонной архитектурной декорации (рис. 7).
Театрализованность и фальшь пространства за четырьмя стенами первых минут фильма окончательно утверждается после закрытия и последующего падения стен тюрьмы, за которыми открывается чистое голубое небо. Кадры саморазрушения последней стены – пережитка архитектуры прошлого, низложенного Ле Корбюзье, – сменяются пасторалью уходящей в даль перспективы строящегося нового города. Переломная сцена выстроена на контрасте нарочитой декорации последней тюрьмы и реально существующего города. Стены, распадаясь как карточный домик, открывают вид на бескрайнее поле, безоблачное голубое небо, строительные краны, идеальные параллелепипеды зданий, – и этот город не «светлого будущего», а светлого настоящего.

Декларируемая в фильме никчемность глухой каменной стены во всех ее смыслах для нового современного мира отражает принципы архитектуры модернизма и ее трансформации в 60-е, не имеющие при этом в своих источниках однозначно минималистскую доктрину и функциональную подоплеку. Отрицание

3. А.В. Иконников. Архитектура XX века. Утопии и реальность. 1 том, стр.526: раздел «Гуманизация технократической утопии и послевоенное творчество Ле Корбюзье»

4. «Кавказская пленница, или новые приключения Шурика» - режиссер: Леонид Гайдай, главный художник: Владимир Каплуновский, Мосфильм, 1966г.

5. «Бриллиантовая рука» - режиссер: Леонид Гайдай, художник-постановщик: Феликс Ясюкевич, Мосфильм, Творческое объединение «Луч», 1968г.

6. Фильм «Последний жулик» -режиссеры: В. Масс, Ян Эбнер; авторы сценария: А. Сазонов, З. Паперный; композитор: М. Таривердиев, текст песен В. Высоцкий; в ролях: Николай Губенко, Сергей Филиппов, Борис Сичкин и др.; художник-руководитель постановки: Михаил Калик; художники-постановщики: Александр Бойм, Владимир Серебровский; художники-ассистенты: Ф. Аболс, Л. Ранка, Рижская к/с, 1966 г.

7. рецензия к фильму на оформлении компакт-диска с фильмом, «Энио-фильм» 2006

5

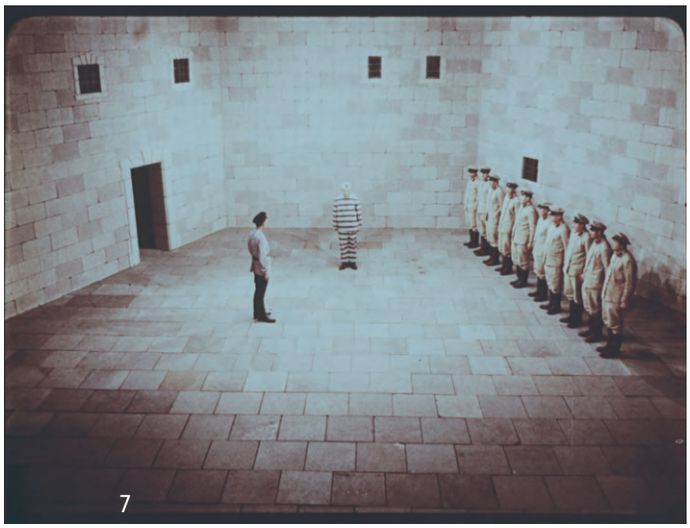
6

стены в ее традиционном понимании открывает для новой архитектуры контекст «старого» для «нового». Новая архитектура материализуется не «стенами» в привычном смысле, а оболочками и границами различных сред. Декларируется зыбкость границы пространства как таковой. Так, в фильме новый город время от времени растворяется в пейзаже, городская среда «течет» по ландшафту.

В последующих сценах город представлен только новой архитектурой: здесь и новые улицы, и рекреации, и конторские здания, и магазины, гостиницы, многоуровневые развязки и пешеходные мосты.В фильме много стекла реально существующих зданий нового города, сквозь которое искусственное освещение «рисует» на фасадах свои вечерние метрические ряды, являясь новым приемом художественной выразительности (рис. 5). Растворяясь в своем окружении, принимая оттенки закатного неба, отражая растительность, мокрый асфальт после летнего дождя, здания и их окружение превращаются в монолитную среду идеального города-мечты, сродни как будто вечно существовавшей, вневременной Бразилиа Оскара Нимейера. Не менее важны и некоторые аксессуары городского благоустройства, выдуманные авторами: специальные стойки для общественных зонтиков, кабины бесплатных городских телефонов, стоянки общественных детских колясок – именно эти необходимые «мелочи» делают город «дружелюбным» и по-настоящему удобным для жителей, и именно таких инфраструктурных элементов так не хватало реальным советским городам.

Композиция видеоряда во многом продиктована удачно выбранным ракурсом самой архитектуры. Производит особое впечатление витрина первого этажа одного из зданий, выполненная из тонированного отражающего стекла, съемки которой проходили в городе (рис. 8). Незначительный перепад рельефа обуславливает последовательное понижение групп стеклопакетов по отношение друг к другу, в целом же они обрамлены единой металлической полосой. Сочетание тонких черных рам стеклопакетов и единого обрамления всей витрины, а также ее вынос над тротуаром – случайный аналог такого остекления более позднее знаменитое здание «Уиллис, Фейбер и Дюма» (1970-75 гг.) – одно из первых построек Нормана Фостера. Эта стеклянная витрина представляет по сюжету внешнюю оболочку универсального абстрактного общественного пространства из плекса и стекла, смоделированного уже в студии. Аскетичная инсталляция олицетворяет равномерную структуру идеального общества – это мультифункциональные пространства, ограниченные мерцающими мембранами, которые набраны из прозрачного и непрозрачного цветного плекса(рис. 9).

Фильм «Последний жулик» отражает лучшие романтические идеи-утопии своего времени, претворяя их в виртуальную жизнь не только искусством кинематографа, но и с помощью реально существующей архитектуры 60-х, а также архитектурных декораций-инсталляций, не уступающих по своей художественной выразительности существующим интерьерам, зданиям и городским ансамблям. Так, например, павильонный вариант интерьеров гостиницы, в которой поселился герой,создают совершенно иное впечатление, нежели существующий интерьер с глянцевыми отражающими полами серого цвета. Дачников попадает в белое пространство гостиничного номера. За его дверью Петю встретили самопроизвольно появившиеся на полуследы, указывающие дальнейший путь. После нескольких шагов пространство-трансформер моментально «поглощает» Дачникова: по следам он зашел в какую-то дверь и через секунду выехал из другой совершенно голый в мыле с мочалкой в руках, находясь в движущейся ванне. Спустя мгновения наш герой в тунике и с прической Цезаря возлежит перед экраном телевизора на затянутой синей тканью с наивным космо-футуристическим орнаментом тахте, чья маньеристская форма отсылает к историческим прототипам. Гостиница по задумке художников-постановщиков состоит из номеров-трансформеров: по желанию гостя белое универсальное пространство автоматически наполняется той или иной комбинацией аксессуаров.


7

8

Идея автоматизации пространства здесь представлена необычно и убедительно.

Итак, предметно-пространственная среда имеет минимум характеристик и средств художественной выразительности и максимум идейности рационально-футуристического мифа-мечты о коммунистическом рае.

Как видно, идея райского сада в трактовке самых разных сред, от кафе до всей страны, превалирует в архитектуре 60-х и естественно захватывает кинематограф в средовых городских и интерьерных съемках.

Действие на фоне витринного остекления – «стекляшки» – частая сцена из отечественного кино 60-х гг. В фильме «Неисправимый лгун»[8] герой Вицина ходит на работу вдоль стеклянных витрин, точно также Григорий Ганжа следует в школу в «Большой перемене». В кинокомедии «Зигзаг удачи»[9] герой Леонова фотограф Орешников несколько раз проходит мимо стеклянного магазина; а сама фотостудия (рис. 10) – это не только демонстрация современной архитектуры 60-х, но и отличный пример конгломерата «старого» и «нового» в плотной исторической городской среде, ведь фотостудия примыкает прямо к стене некого кремля, а в интерьерах сочетаются современность и древнерусские палаты. В фильме «Я шагаю по Москве»[10] напротив старого дома главного героя-метростроевца (Н. Михалков) в самом центре столицы органично внедрилось кафе-«стекляшка» (рис. 11), отражая городскую зелень и растительный орнамент лепнины эпохи модерн. Это кафе на самом деле декорация, которую возвели специально для съемок в Кривоарбатском переулке в Москве.

Фильм «Неисправимый лгун» (1973 г.) – один из последних, снятых в духе социалистической утопии 60-х. Расцвет «застоя» здесь показан как устойчивый социализм с мелкими проблемами в обществе, и подтекст скорого пришествия коммунизма непременно чувствуется. И так как фильм является реалистичной интерпретацией крупного города с отстроенными новыми районами. Вновь здесь сильна тема городской парковой зоны: герой Вицина в обеденный перерыв ходит перекусить именно на природу в близлежащий парк. А само здание салона красоты, естественно, светлая «стекляшка», и со второго этажа, где располагается единое пространство основного зала, сквозь витринное стекло видна панорама городских кварталов. Шторы-занавесы на сплошном «окне» с растительно-цветочным орнаментом вторят цветущей зелени за окном (рис. 12). На стекло кое-где наклеены фотографии моделей причесок так, что в кадре эти фотографии «повисают» в воздухе. Такие решения пространств с помощью фотоизображений – предвестники «принтов» в архитектуре 90-х гг., как отдельного приема художественной выразительности.

Кинофильм «Старый знакомый»[11] (1969 г.), своеобразное продолжение легендарной «Карнавальной ночи» (1958 г.), был впоследствии чрезвычайно непопулярным; за неимением никакого сюжетного развития фильм построен сугубо на видовых съемках. Главный продукт этого кинопроизведения – эфемерный стиль 60-х, атмосфера общества, близкого к идеальному, в котором редко встречаются «динозавры» типа товарища Огурцова (И.Ильинский).

В начале фильма, когда Серафим Огурцов заступает на должность директора парка культуры и отдыха в новом научном городке, ученые просят его максимально сохранить девственный лес городского парка и пойму реки, так ими любимую. Образ города-сада присутствует здесь постоянно. С первых кадров в лесу и до последних минут фильма зрителя не покидает ощущение того, что действие происходит в обильно озелененной среде. Решения интерьеров, окна которых выходят в парк, а цветовая палитра близка к зеленому и голубому спектрам, органически дополняют картину этого призрачного, неуловимого взглядом поселения на лоне природы.

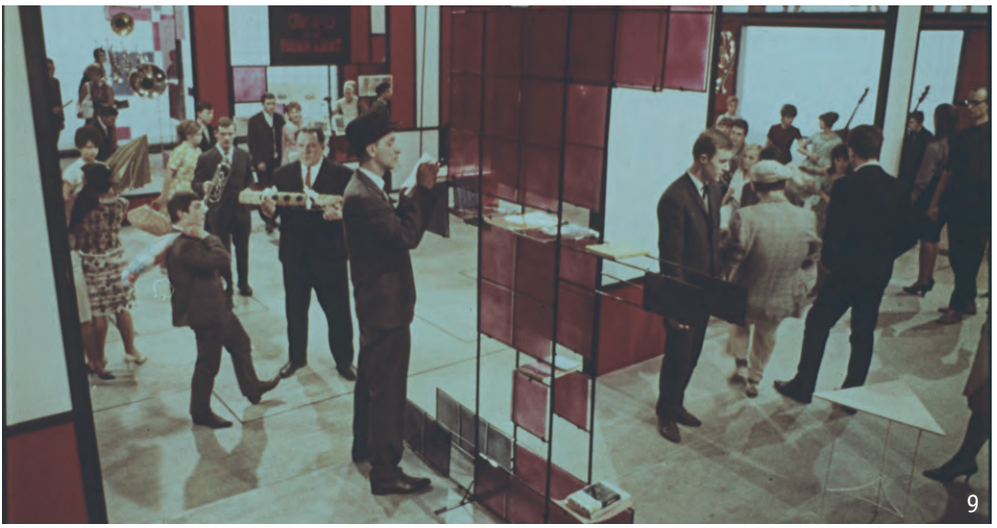
Так, пространство зала показа мод образуют березовая роща и зеркальные объемы демонстрационного подиума – симметричная композиция из двух призм в духе архитектонов Малевича (рис. 13). Подиум, по бокам которого высажена трава, а в зеркалах множатся стволы берез, мимикрирует под окружающий лес.

8. «Неисправимый лгун» – режиссер: Виллен Азаров, актеры: Инна Макарова, Николай Прокопович, Владимир Этуш, Эдита Пьеха, 1973 г.

9. «Зигзаг удачи» – режиссер Эльдар Рязанов, в ролях: Евгений Леонов, Валентина Талызина, Евгений Евстигнеев, Георгий Бурков, Алексей Грибов; Мосфильм, Творческое объединение «Луч», 1968 г.

10. «Я шагаю по Москве» – режиссер: Георгий Данелия, Мосфильм, 1963 г.

11. «Старый знакомый» – режиссеры: Игорь Ильинский, Аркадий Кольцатый, художники-постановщики: Л. Шенгелия, Ф. Богуславский, Мосфильм, 1969 г.



9

10

Отражения зеркал растворяют подиум в зеленом окружении, превращая архитектуру в природную стихию, а березовую рощу – в архитектуру. Персона Огурцова, главного героя картины, настолько усиливает невольное ощущение контраста старого (пережитков, бюрократии, «патриархального») и нового (свободного, честного, «современного»), что это чувство, сопровождающее все события в фильме, перерастает в антитезу доисторического и ультра-футуристического.

Методы проектирования этой декорации близки к художественным приемам создания инсталляций в гиперреалистическом направлении современного искусства, что подчеркивает высадка травы на искусственной плоскости демонстрационного языка. Его несущая конструкция полностью скрыта за стеклянной облицовкой, практически не имеющей технологических швов. Быстро открывающиеся зеркальные створки, из-за которых выходят модели, скорее напоминают не вращающиеся двери, а на мгновение исчезающую стену. Тем самым, тело зеркального «архитектона» сохраняет свою гомогенность. На плоских ламинированных торцах створок отпечатан рисунок бересты. Острота и чистота формы, технологичность объекта, поставленного посреди леса отсылает к фундаментальному философскому диалогу XX века между «искусственным», созданным и привнесенным человеком, и «естественным», природным, «первозданным»: пара, ранее воспринимавшаяся как оппозиция, трактуется здесь как неразрывное единство.

Архитектура демонстрационного пространства, в определенном смысле, предвосхищает некоторые работы Франциско Инфанте и ряд проектов итальянской архитектурной группы Super Studio, а также Зеркальную аллею в Ла Виллет (Париж), БернараЧуми(1980-е гг.).

Тогда, в 60-е, на поверхности общественного сознания постепенно появляется айсберг «другого» образа жизни. Это время, когда в повседневность широких масс во многом, с помощью телевидения и кино начинают просачиваться элементы и образы «буржуазной» жизни: такие общественно-культурные явления, как тележурнал «Огонек», богемная атмосфера которого отлично передана в кинофильме «Тридцать три» Георгия Данелия (1966); литературно-художественный журнал «Новый Мир», публикующий новых авторов; «диссидентские» кафе-стекляшки (рис. 14), фарцовщики, стиляги, впервые полуобнаженное тело на широком экране (С. Светличная, «Брильянтовая рука»), и совершенно аполитичные показы мод. Как и в «Старом знакомом», в «Бриллиантовой руке» также присутствует сцена дефиле. Но здесь уже не только женская, но и мужская мода. И модель-мужчина, конечно же, отрицательный герой – олицетворение советской полуподпольной «буржуазности», жулик и тунеядец Геша Козодоев (А.Миронов)(рис. 15). Символика пространства, в котором он демонстрирует брюки, превращающиеся в «элегантные шорты», легко считывается: овальный потолок зала – синее небо, уходящее за горизонт; светящиеся шары – солнце, звезды; голубой глянец подиума – водная гладь, по которой словно лебеди проплывают модели. И завершает картину на первом плане известная скульптура Венеры Милосской, образ которой вторит теме вечных стихий и подчеркивает образность самого пространства зала. В архитектуре демонстрационного пространства однозначно прослеживается природная тематика. Именно она определяет образ зала – приемы модернистского формообразования здесь не самоцель, а только средство создания эмоционально насыщенного пространства, апеллирующего к стереотипам восприятия природы: подчеркнуто глянцевое покрытие подиума рифмуется с поверхностью воды, а круг или овал потолка отсылают к традиционной сферологическойметафорике неба…

Особого внимания в «Брильянтовой руке» заслуживает архитектура ресторана «Плакучая ива», где разыгрывается одна из кульминационных сцен фильма (рис. 16). Пространство интерьера «Плакучей ивы» развивается вокруг системы искусственных водоемов и большого ивового дерева, что позволяет расценить архитектуру как прямую реконструкцию лесной опушки у речки или пруда. Подобно средневековому орнаменту,

11

13

ветви ивы змеятся где-то на втором плане буквально в каждом кадре сцены, предваряя интерес к орнаментальным принтам в архитектуре и дизайне 90-2000-х гг. Фасады «Плакучей ивы» – стеклянный короб с яркой неоновой рекламой, утопающий в зелени парка. Сходное решение можно видеть на эскизе с перспективой города Тольятти 60-х гг. (арх. Б. Рубаненко, Б. Шквариков и др.), где на первом плане изображен ресторан «Лето» – зависшая в воздухе призма из стекла, обращенная к парку, разбитому вдоль водохранилища. Внутреннее пространство зала ресторана тщательно прорисовано для эскиза, изображающего крупный фрагмент нового города, одним из важнейших приницпов организации которого является открытость и общественных, и жилых пространств.

Пространство кафе из кинофильма «Кавказская пленница, или новые приключения Шурика»[12] (рис. 17) также разворачивается вокруг живого дерева. Здесь этот эффектный прием усилен ярко-голубой подсветкой кроны, уходящей в круглую нишу потолка. Если в ресторане «Плакучая ива» сопряжение кроны громадного ивового дерева и перекрытия зала осталось за кадром, то в кафе из «Кавказской пленницы» оно является композиционным центром всего зала. Особенную остроту этой детали предает недосказанность ее решения, которая дает разыграться архитектурной фантазии. Отверстие в перекрытии отлично считывается с представленных кадров, однако выбранные оператором ракурсы не позволяют определить, какое оно: сквозное или увенчанное стеклянным фонарем.

Подобно Дому над водопадом Ф.-Л.Райта, который как бы огибает растущее на участке молодое дерево, живое дерево в интерьере кафе является точкой отсчета пространства, оно изначально, первично по отношению к тому, что создано человеком. Это застав-

14

12. «Кавказская пленница, или новые приключения Шурика» - режиссер: Леонид Гайдай, главный художник: Владимир Каплуновский, Мосфильм, 1966 г.

12

ляет вспомнить об архаической идее «Мирового древа», выраженной в старых одностолпных постройках, центральная опора которых символизирует это древо, Вселенскую ось, вокруг которой разворачивается мироздание. Любопытно, что эта идея возрождается в эпоху позитивизма, совпадая с пиком интереса в обществе к естественным наукам и технике, которая расколдовывает природу или словами Хайдеггера выманивает ее «из укрытия».

Включение элементов природы в интерьер можно видеть и в решении студийного пространства «Голубого огонька» из фильма «Тридцать три» Георгия Данелия. В одной из сцен ведущая «Огонька» (С. Светличная) стоит возле нескольких, выставленных в ряд стволов берез, разделяющих пространство студии-кафе на различные зоны. Такое решение близко к принципам построения демонстрационного зала из «Старого знакомого», но в студии «Голубого огонька» стволы берез несут явную этническую окраску, отражающую характерную для 60-х «игру в исконно русское», атрибутами которой помимо берез становятся кокошники, электрические самовары и проч.

Прямым аналогом кафе из «Бриллиантовой руки» и «Кавказской пленницы» является проект ресторана «Флора» в Волгограде (арх. Г. Галочкина, инж. И. Колпаков, технолог А. Демидюк, 1968 г.). Ресторан представляет собой отдельно стоящее здание с большим остекленным залом, обрамленным открытой террасой. В центре зала разбит зимний сад с водоемом, который занимает одну треть полезной площади ресторана; периметр витринного остекления также планировалось озеленить. Посадки растений и деревьев обозначены на плане нарочито хаотично, водоем также имеет неправильные очертания. Архитектура здесь будто бы с трудом отвоевывает пространство у природы, которая пытается полностью поглотить ресторан.Название «Флора» органично для сочетающей романтику и прагматизм позитивистской эстетики 60-х: с одной стороны, Флора – древнеиталийская богиня растительности, садов и цветения, с другой – просто биологический термин. Такая контрастность коннотаций, возникающая почти из ничего, характерна для архитектуры
60-х.

Темы дикой природы не только широко используются в 60-е, они значительно переосмыслены и сильно отличаются даже от идей традиционной парковой ландшафтной архитектуры, имитирующей естественный ландшафт. Это вкрапления фрагментов естественной среды во внутренние пространства, квартальная застройка с беспорядочно разрастающейся зеленью, и городское пространство с крупными лесопарковыми зонами – пригородными лесами, попавшими в черту расползающихся городов. Такое впечатление, что взаимодействие природного и рукотворного приобретает здесь намеренно спонтанный характер. В этом чувствуются и романтические настроения, присущие «оттепели» с ее культом эмоциональности и непосредственности, и позитивистская вера в возможность тотального освоения окружающего мира, а следовательно и допущение существования элементов управляемого или срежиссированного «хаоса».

Стиль мечты 60-х прекрасно передан в художественном кино того времени – и что характерно, очень популярном кино среди многих миллионов граждан, которое знают, смотрят и любят и сейчас. И, как видно, значительной составляющей изображаемой в нем прекрасной жизни является новая архитектура. Субтильно проработанные и блистающие, постройки отражают в кинокартинах 60–70-х гг., возвышенные эстетические, этические и социальные идеи той эпохи. Кинематограф искусно идеализирует новую общественную и предметно-пространственную среду. Все действующие лица на экране, кажется, обычные люди, которых можно встретить везде: они также одеты, ходят по почти таким же улицам вдоль знакомых «стекляшек», живут почти в таких же дворах и подъездах, посещают почти такие же кафе и рестораны. Всё вроде бы знакомо зрителю, но за кадром остаются извечные язвы советских городов: насущные проблемы жилищно-коммунального хозяйства, гигантские, безжизненные резервные территории, отведенные под

16

17

будущую застройку, неразвитая инфраструктура новых городских районов. Все герои слишком положительны; улицы и стеклянные фасады зданий слишком чисты; дворы и парки слишком ухожены; швы между фасадными плитами чересчур ровны – как на чертежных досках; пространство залов кафе, утопающих в зелени зимних садов, слишком шикарны даже для столицы. Без всех этих «чересчур» и «слишком», идеализирующих и общество и его новое архитектурное пространство, «радужная» среда кино того времени не может, и не могла существовать тотально и везде. В реальности эта среда концентрировалась локальными участками по всему Союзу как лоскутное одеяло, и, конечно, далеко не всегда в таком идеальном состоянии как в кино – где-то отельное здание, где-то ансамбль, где-то новая улица, где-то квартал и районная застройка, а где-то и целый новый город. По кусочкам ее собирали и в кинематографе. И большая часть этих составляющих единого целого «организма» архитектуры 60-70-х дошла до наших дней. «Радужная» и беспечная среда романтических 60-х еще жива, ее просто надо научится замечать и по возможности сохранять.

Автор и редакция благодарят за предоставленный иллюстративный материал:
киностудию «Мосфильм»
Киностудию им. Горького
Рижскую киностудию

15

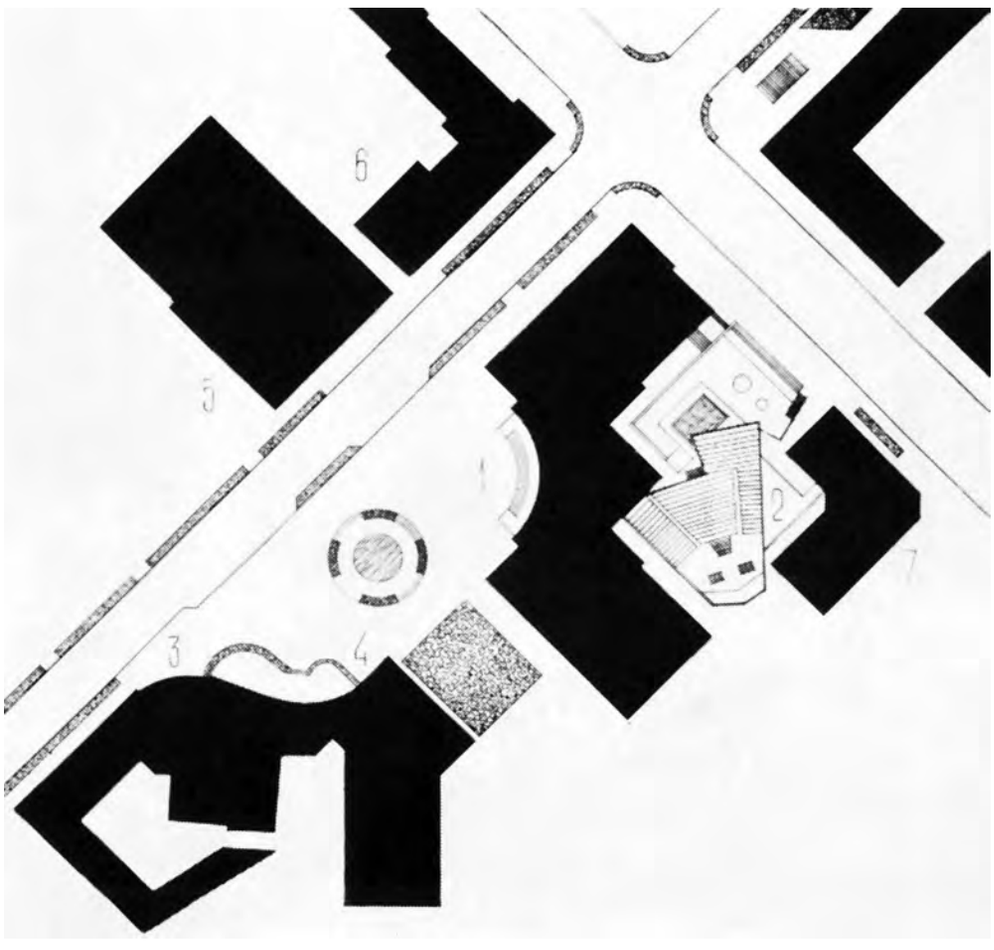
> Летний зал

v План площади у кинотеатра «Москва» (цифрой 2 обозначен Летний зал)

Серая жемчужина Еревана

текст
Андрей Иванов

Расцвет армянской архитектуры в 1960-е – следствие не только наличия критической массы талантливых зодчих, но и той уникальной атмосферы свободы и подъема, которая – по многим причинам – сложилась тогда в Ереване. Замечательная книга «Ереванская цивилизация» Армена Давтяна и Светланы Лурье, доступная в интернете – подробное, хоть и несколько романтизированное, описание той эпохи. Эпоха ушла, остались улица Саят-Нова и Памятник жертвам геноцида, кафе «Поплавок» (перестроенное, но сохранившее свою «джазовость») и широкие «зеленые» тротуары улицы Абовяна, выход со станции метро «Еритасардакан» («окно в небо») и Спортивно-культурный комплекс… И еще – множество стройных девушек из терракоты и бронзы. Правда, фоном им стали бесчисленные типовые многоэтажки – неизбежный атрибут «советского модернизма». И отношение власти, да и общества к лучшим образцам стиля далеко от идеального. Уничтожен символ города – Дворец молодежи. Голый каркас остался от гостиницы «Двин». Кинотеатр «Россия» переделан в ТЦ, уникальные пространства фойе и залов недоступны и не используются. Этот перечень можно продлевать долго…



Остановимся на судьбе одного маленького шедевра 60-х, показательной не только для Еревана.

Летний зал кинотеатра «Москва» – предельно рациональная, острая по форме, почти абстрактная пространственная композиция из монолитного бетона, без каких-либо деталей и облицовки, – был построен рядом со старым зданием кинотеатра, появившимся в 1930-х на месте взорванной коммунистами церкви Погоса и Петроса. Авторы проекта – архитекторы Спартак Кнтехцян (1924-1996) и Тельман Григорян (1934-1998).

Свежая постройка – вместе с горожанкой Жаклин и деревенской девушкой Аэлитой (!) – воспеты Андреем Битовым в «Уроках Армении»:

«Нам становится легко, мы решаем идти все втроем в кино…Мы идем в самый новый, роскошный суперкинотеатр. Тем более замечательно, что идем мы на "Фантомаса", потому что южный темперамент зрителей… смотреть на того, кто смотрит, – еще одно удовольствие…

Это был действительно выдающийся кинотеатр, построенный столь оригинально, что при вечернем освещении я так и не уловил, как же он выглядит в целом: казалось, он висел над землей, как приземляющаяся летающая тарелка. До начала сеанса было

много времени, мы сидели в бесплотном кафе, состоявшем из дырок, теней и каких-то трепещущих подвесок. Болтала Жаклин, Аэлита …смотрела прямо перед собой ровными, спокойными глазами, не обращая ни на что внимания. Такая ее бесстрастность показалась мне уже чрезмерной: и я-то впервые сидел в подобном кинотеатре и все крутил головою, а в ее деревне – один двухэтажный дом… – не грех и полюбопытствовать… Несколько юношей картинно, "иностранно", пили за стойкой кофе и разглядывали нас.

- Что это они?

- Русский парень пришел в кафе с двумя армянскими девушками, – смеялась Жаклин, – еще бы им не смотреть!…

Значит, с одной было нельзя, а с двумя – много… – подумал я. Кино!

Зал под открытым небом напоминал форум. Над нами горели жирные южные звезды, как в планетарии; мне казалось, мы взлетели, и если рискнуть подойти к краю и взглянуть оттуда вниз, то где-то глубоко под собой увидишь нашу милую, еще не столь роскошно застроенную Землю и, расчувствовавшись, прочтешь вниз длинные стихи об оставленной на Земле любви…»[2]

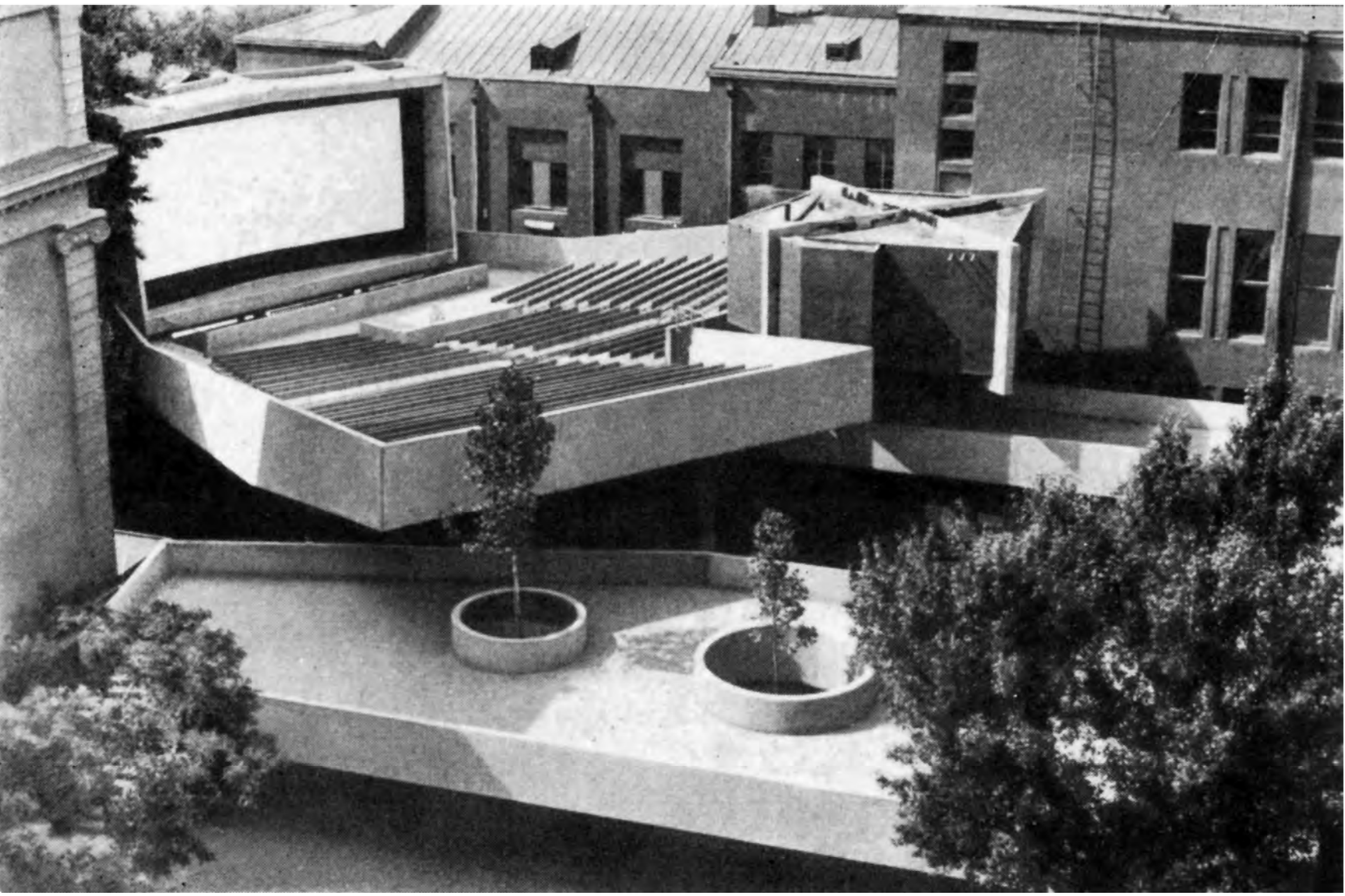
Зал полюбился ереванцам, активно использовался и уже в 1983 году был официально признан объектом наследия в качестве памятника архитектуры республиканского значения.

Но после развала Союза его забросили. В середине 90-х С. Кнтехцяна убедили «разрешить» снос части комплекса (то самое кафе, кассы, террасу на втором уровне), выходившей на улицу Туманяна, и на этом месте возникла банальнейшая стекляшка…

А затем пришли трудные дни. Вспоминает архитектор Сархат Петросян:

«25 февраля 2010 года мы узнали, что решением правительства Армении летний зал снят из списка

v Вид Летнего зала от ул. Туманяна. Из книги: Арутюнян В.М., Асратян М.М., Меликян А.А. Ереван. М.: Стройиздат, 1968. С. 211



охраняемых памятников, и эта территория предоставляется Первопрестольному Святому Эчмиадзину, который намерен построить там церковь, похожую на церковь Святых Погоса-Петроса.

За несколько дней была сформирована гражданская инициатива из 10 человек. В начале марта мы в письменной форме обратились к премьер-министру, Католикосу, министру культуры с требованием отменить это решение…

Мы инициировали сбор подписей … Результаты превзошли все ожидания, набралось более 24 тысяч подписей. В Facebook была создана страница, к которой в течение десяти дней присоединились 7000 пользователей…

Мы обратились также в Общественный совет (при президенте Республики Армения по вопросам культуры), четыре комиссии которой выразили негативное отношение к проекту сноса, однако правительство игнорировало и это»[3].

Забили тревогу и в Москве. На Второй Московской биеннале архитектуры в мае 2010 года под эгидой CAP, MACA и Российского отделения Союза архитекторов Армении был представлен проект-акция «Сохраним “Москву” в Ереване». Он включал фотографии Летнего зала, а также материалы, иллюстрирующие процесс борьбы за сохранение здания. В защиту зала выступили известные архитекторы.

Евгений Асс: *«Летний зал – шедевр мирового класса. На постсоветском пространстве такого уровня произведений – считанные единицы. Это наше общее наследие, и мы должны сделать все возможное, чтобы защитить его»*.

Юрий Волчок: *«Андрей Белый … заметил, прочитав книгу Стржиговского “Строительное искусство Армении и Европы”: автор “считается не только с каменным каркасом формы, но и с воздушной формой, в нем заключенной… Подлинная форма – воздушная…” Кинотеатр – едва ли не единственное здание в современном Ереване, отвечающее этому пониманию традиции армянского зодчества»*.

Александр Скокан: *«Что значит сохранить “Москву” в Ереване? Это не только сохранить чьи-то воспоминания о городе его молодости и не только память о пути, когда-то нами пройденном вместе, даже если не всем об этом хочется вспоминать. Это значит, что мы больше не пытаемся в очередной раз поправить свою историю… Это значит, что мы наконец поняли необходимость разорвать порочный круг, когда для созидания нам надо обязательно что-то сломать»*.

Инициатор акции Карен Бальян позже отметил:

«Акция имела большой успех, проект был награжден дипломом биеннале…Фотографии Еревана 1960-70-х годов с изображениями кинотеатра вызывали удивление качеством отображенной на них городской среды. Действительно, в тот период Ереван представлял собой один из центров развития современной архитектуры. Нет сомнения, что произведение замечательных армянских архитекторов …следует восстановить и охранять именно как памятник архитектуры»[4].

В итоге Летний зал снести не решились. А после спасения наступило затишье. Здесь изредка проводят общественные мероприятия, концерты, летом 2013 года прошла часть программы кинофестиваля «Золотой абрикос». Но статус здания все еще не ясен, и в список охраняемых памятников его так и не вернули…

Ну а я тем временем использовал его на свой лад. Это созданное для людских масс пространство стало моим местом средовой медитации в центре Еревана, пространственным театром, мизансцены которого отражают «станции» личного жизненного пути. Сперва – «программка» абстрактной, серо-охристой, такой ереванской по цвету мозаики… Тут же наверху – бетонный взрыв кинобудки – прелюдия. Затем – склеп странного «хтонически-египетского» пространства под огромной консолью – Аид? Но оттуда лестница к сцене (SAVE ME!) – прорыв вперед и вверх. Наконец, разворот – и спокойная, мерная, безбрежная пустота…

Я бродил в одиночестве в этом пространстве для многих, меж порозовевших от времени красных пластмассовых кресел, разгребая ногами то сугробы, то ворохи листьев. Фотографировал, размышлял о себе и о Ереване – о сухо-влажной, древне-новой, поло-пол-

ной природе этого города. Сочинял свои «длинные стихи о любви», как БГ «в конце декабря / Голый, в снегу, при свете полной луны, / Но если ты меня слышишь, наверное, это не зря»? И казалось, что дух Погоса-Петроса никуда не делся из этого бетонного храма без алтаря и купола…

Где самое чувствительное место сухого города – струящееся собственным соком? Пока не нашлось, не решусь спросить или сам не почую, буду искать. Тыкаться носом в горячие камни, сыпучую глину, серый бетон. И, не находя, умащивать сам.

Так, однажды, холодной ноябрьской ночью, возблагодарил фляжкой «Ани» летнюю раковину «Москвы», щедро усыпанную шелестящими, сухими-сухими листьями… Полуодетый, под звездами, по щиколотку в рыжей листве… И подумалось: не совместным ли «усильем воскресенья», сплочения ради общей идеи спасена эта жемчужинка Еревана?

Стоит верить в то, что такие «локусы духа», как Летний зал, поддерживают себя сами, охраняются свыше и выживут, несмотря ни на что. Поднявшись на вершины ереванских холмов, иногда видишь, как парящий над городом добрый бог Еревана раскидывает теплые лучики на Летний зал, Старый Норк, маленький домик по улице Арами, 30, виллу Delenda, сад Маштоца – редкие пока места Еревана, спасенные общим «усилием воскресенья» от сноса или примитивной новой застройки… Так ли это? Или эти лучики направлены прежде всего в сердца людей, связанных с этими местами, сберегающих, создающих их?

Что будет дальше с Летним залом, случай которого стал важным прецедентом спасения ереванского наследия, но все же не сохранения в полном смысле?

Вариантов немного. Либо инерция пребывания в неопределенности-небрежении. Либо появление влиятельного олигарха-инвестора, бесстрастного, как та Аэлита, и строительство на этом месте совсем не церкви, а очередной высотки над супермаркетом. Либо – мечта о возвышенном – возвращение статуса, нахождение правильного типа использования и научная реставрация с воссозданием утраченных частей здания.

Давайте надеяться на последнее.

Ведь подлинный Летний зал – ценнейший урок нынешним ереванским архитекторам: как можно быть предельно современным в исторической среде, как построить, не разрушив, как сохранить дух места и усилить пространство, придав ему скромными средствами совершенно новое качество, как быть новым и преемственным, не имитируя ничего.

Литература:

1. Арзуманян Р. «Обращенность внутрь» – Тигран Мансурян // Анив. 2007. №6 (9) // URL :http://aniv.ru/archive/35/obraschennost-vnutr-tigran-mansurjan/.

2. Битов А.Г. Книга путешествий по Империи. М.: Издательство «Олимп», Издательство «АСТ», 2000 // URL: www.belousenko.com/books/Bitov/BitovTravelling

3. Кинотеатр Москва – живая история // URL: http://www.media-max.am/ru/news/yerevan-XX-century

4. Дарбинян В. Сохраним «Москву» в Ереване // Голос Армении, 24 июня 2010, № 68 (20001) // URL: http://www.golosarmenii.am/ru/20001/culture

текст
Елена Багина

text
Elena Bagina

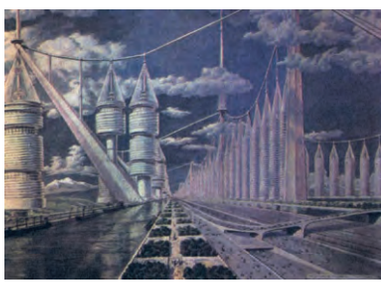
Им имя полдорожье... / Their name is half-way...

Статья посвящена феномену советской архитектуры конца пятидесятых – шестидесятых годов XX века. Название «Им имя полдорожье...» отражает суть процессов, которые происходили в обществе и архитектуре во времена хрущёвской оттепели. Лишь полдороги прошли мастера архитектуры, развивая в 1930 – 1950 годах так называемый «сталинский ампир». Если бы не властная директива, грубо прервавшая развитие этого направления, возможно, мы имели бы уникальную современную архитектуру, непохожую на «интернациональный стиль». Развал Советского Союза вновь прервал эволюционное развитие архитектуры: то уникальное, что было в советской архитектуре «шестидесятых», не нашло развития и продолжения. А архитекторы увлеклись ироничными играми постмодернизма, приведшими в тупик.

Ключевые слова: шестидесятники; хрущёвская оттепель; архитектура конца пятидесятых - шестидесятых годов; полярные теоретические парадигмы; дилетантское архитектурное образование.

The article is devoted to the phenomenon of the Soviet architecture of the late 1950s – 60s. The name of the article is "Their name is half-way". It expresses the sense of all the processes occurring both in society and architecture during the Khrushchev Thaw. Developing the so-called Stalin's Empire in the 1930-1950s, the masters of architecture had travelled only half the way. If the power had not abruptly stopped this movement, we would probably have a unique modern architecture dissimilar to the "international style". The collapse of the Soviet Union stopped the evolution of architecture again: the unique features of the Soviet architecture of the 1960s ceased to develop. Architects were carried away with ironic games of postmodernism, which led them to deadlock.

Keywords: Sixtiers; Khrushchev Thaw; architectural school of the late 1950s – 1960s; opposing theoretical paradigms; amateur architectural education.



^ Футуристический проект перепланировки центра Москвы / Futuristic redevelopment project for the center of Moscow City

Москва в 1980 году / Moscow in 1980

Мы рано родились, желая невозможного,
Но лучшие из нас срывались с полпути,
Мы – дети полдорог, нам имя – полдорожье,
Прости.

Андрей Вознесенский

Из Глупова в Умнов дорога лежит через Буянов, а не через манную кашу.

М.Е. Салтыков-Щедрин

Шестидесятники? Считается, что это субкультура, которая захватила поколение, родившееся между 1925 – 1945 годами. Детские и юношеские годы этого поколения пришлись на самую мрачную пору сталинского режима и Великую Отечественную войну. Эпоха «оттепели» позволила им публично высказать свою гражданскую позицию и хотя бы частично реализовать свои творческие устремления.

Большинство шестидесятников были выходцами из интеллигентской или партийной среды, сформировавшейся в 1920-е годы. Их родители, как правило, были убежденными большевиками, часто участниками Гражданской войны. Вера в коммунистические идеалы была для большинства «шестидесятников» самоочевидной, борьбе за эти идеалы их родители посвятили жизнь. Однако ещё в детстве им пришлось пережить мировоззренческий кризис, так как именно эта среда больше всего пострадала от так называемых сталинских «чисток». У некоторых «шестидесятников» родители были посажены или расстреляны. Обычно это не вызывало радикального пересмотра взглядов – однако заставляло больше рефлексировать и приводило к скрытой оппозиции режиму. Можно сказать, что это была новая советская формация «западников» убеждённых интернационалистов. Неслучайно культовыми фигурами для шестидесятников были революционеры в политике и в искусстве – В. Маяковский, Вс. Мейерхольд, Б. Брехт, Э. Че Гевара, Ф. Кастро, а также писатели Э. Хемингуэй и Э. М. Ремарк. Советские шестидесятники были романтиками, мечтателями, бессеребренниками, оппозиционерами, но они не были

противниками идеи социализма и коммунизма. Они верили в прогресс, зачитывались фантастическими романами И. Ефремова. «Физики» и «лирики», они верили, что будущее человечества прекрасно.

Имена шестидесятников может назвать любой маломальски знакомый с советской культурой середины XX века: поэты Андрей Вознесенский, Белла Ахмадуллина, Евгений Евтушенко, скульптор Эрнст Неизвестный, философы Александр Зиновьев и Георгий Щедровицкий…

Архитекторов-шестидесятников в отличие от поэтов, скульпторов, живописцев знают в основном, в узком профессиональном кругу. Это Леонид Павлов, Селим Хан-Магомедов, Юрий Бочаров, Натан Остерман, Илья Лежава, Алексей Гутнов, Александр Раппапорт…

Футуристический проект Ильи Лежавы, Алексея Гутнова и Ильи Смоляра «НЭР» (Новый элемент расселения), созданный в 60-х годах, представлял собой идеальный город для искрящегося счастьем коммунистического будущего. Нэровцы высказали смелое представление о функционировании городского пространства. Работая над принципом творческого общения в бесклассовом обществе, они предложили совершенно новое видение города, который не связан с индустриальным центром, а напротив, образован вокруг центра общения (как мыслили его авангардисты 20-х годов).

Участники группы активно критиковали состояние советского градостроительства, в частности они писали: «Сегодня город не выполняет своего основного назначения – быть органической жизненной средой». Нэровцы мыслили город, как источник развития и удовлетворения потребностей человека. По их мнению, люди не должны были становиться винтиками в работе огромной машины: расселение людей должно обеспечивать максимальный комфорт, а не зависеть от экономических особенностей города.

Понятно, что этот проект остался лишь на бумаге. А «нэровцы» занялись более реальными делами. Алексей Гутнов, в частности, является автором знаменитой пешеходной зоны на Старом Арбате.

Натану Остерману удалось реализовать свою мечту и построить « Дом нового быта». Увы, в проектном режиме этот комплекс функционировать не смог, поскольку Остерман и его коллеги не учли, что в этом доме будут жить реальный люди, а не герои Даниила Гранина и Ивана Ефремова.

Вот как представляли себе будущую коммунистическую Москву 1980-х годов авторы книги «Москва на стройке» А. Логинов и П. Лопатин, выпущенную издательством «Молодая гвардия» в 1955 г.: «Дома теплы и солнечны. Они сложены из плит цветного бетона. То здесь, то там поблескивают яркие орнаменты из керамики, золотистая смальта, цветной витраж. И всё это вместе с зелёными, вишнёвыми, красными листьями вьющихся растений создает выразительную, чуть подсинённую воздухом гамму красок. Москва получила свой неповторимый цвет, непохожий ни на нежносероватые тона Ленинграда, ни на сплошь белые города юга. В столице преобладают сочные тона, они подчёркивают чёткость объемов зданий, помогают им сохранить выразительность и в прозрачном воздухе весеннего утра и в полусвете зимних сумерек… Наша магистраль уже приближается к центру столицы, но так же стремителен бег машины. Указатель скорости отмечает: 87 километров в час. Это обычная скорость в Москве: над магистралью то и дело мелькает предупреждающий транспарант: «Не ниже 70 км». Магистраль не знает пересечений на одном уровне: вот только что мы миновали Добрынинскую площадь, пропустившую под собой в тоннеле густой поток Садового кольца. На менее ответственных перекрестках для пешеходов сооружены пандусы под полотном магистрали, а для машин – плавные ответвления, мягко вписанные в магистраль. Машинам, как поездам в метро, никто и ничто не мешает. Так во имя чего искусственно снижать скорость, присущую машине, и терять время?» Прочитайте эти строки сегодня уставшему стоять в пробках москвичу. В ответ получите кислую улыбку.

Резкий поворот в идеологии архитектуры, грубо навязанный сверху в конце 50-х годов, с одной сторо-

ны привёл профессиональное сообщество в ступор, с другой стороны дал возможность проектировать и строить в русле того направления, которое доминировала на Западе. Как хотелось бы сказать, что «шестидесятники» в архитектуре были бунтарями, совершившими революцию, что они в шестидесятые годы обрели свободу, не только внутреннюю, но стали строить и мыслить по-новому, и всё у них получилось как по мановению волшебной палочки. Это не так.

Грозный стук хрущёвского кулака, грозившего Вознесенскому, был слышен и в архитектурных мастерских. Но если поэт (архитектор по образованию) Андрей Вознесенский мог писать стихи и складывать их в стол до поры до времени, если Эрнст Неизвестный мог позволить себе создавать скульптуры и показывать их только друзьям, то архитектор во все времена, если он считает себя архитектором, должен строить. А строительство – дело государственное.

Нет, мы можем вспомнить, конечно, опальных Мирона Мержанова, Константина Мельникова, Ивана Леонидова и многих других. Мержанов почти до смерти рисовал фантазии на тему загородных домов. Константин Мельников в своём доме в Кривоарбатском переулке проектировал фантастические дома, которыми мы сейчас восхищаемся. Но ни Мержанова, ни Мельникова, ни Леонидова на архитектурном небосклоне 60-х уже не было. А до «бумажной архитектуры 80-х» было ещё далеко. Да и является ли достоинством «шестидесятников» работа «в стол». Шестидесятники были отважны и публичны. Недаром поэты собирали стадионы (и ведь власть позволяла им эти стадионы собирать. Значит, это было кому-нибудь нужно – «ведь если звёзды зажигаются…»)

Вот что пишет Феликс Новиков в своих воспоминаниях: «Резкий поворот нас обезоружил. Все, чем мы оперировали прежде, – все классическое наследие оказалось под запретом.» Надо было искать какие-то новые пути. И тогда все архитектурное руководство отправилось за рубеж. Главный архитектор столицы А. В. Власов поехал в США, П. В. Абросимов, возглавивший СА СССР, отбыл в Италию, И. И. Ловейко, заняв-

ший вскоре место Власова, вместе с только что назначенным министром госбезопасности Н. П. Дудоровым вылетел в Париж. Позднее, в баре ЦДА за рюмкой коньяка, Иосиф Игнатьевич Ловейко рассказывал мне: «Мы прибыли поздно вечером, а утром вышли на широкий угловой балкон нашего номера. Перед нами была панорама Парижа. Я стал показывать своему спутнику примечательные постройки, которые знал по литературе как свои пять пальцев. Смотрите, вон там Эйфелева башня, а там, на острове, с двумя башнями — это Нотр-Дам, а купол видите? Это Дом инвалидов». Ну и так далее. Николай Павлович подозрительно посмотрел на меня и строго спросил: «Ты что – был в Париже???» Услышав отрицательный ответ, новоиспеченный министр ГБ с угрозой в голосе произнес: «Ты это брось!!!»

Возвратившись из путешествий, каждый поделился впечатлениями с коллегами, всякий раз до отказа заполнявшими зал ЦДА. А несколько позже, в том самом постановлении с исторической датой 4 ноября 1955 года, в его первом пункте, черным по белому было написано: «Обязать…– далее перечислялись все организации, которых это касается, — смелее осваивать достижения отечественного и зарубежного строительства…» Понятно, что после столь решительного властного напутствия — словно «по щучьему веленью» – открылось окно в мир, и мы обрели в западном опыте искомый импульс творческого обновления».

А вот замечательная история строительства на территории Кремля Дворца Съездов, который должен был стать манифестом новой Советской архитектуры 60-х годов, как в своё время манифестом 30-х годов должен был стать Дворец Советов (война к счастью или к несчастью помешала его достроить).

Понятно, почему Никите Сергеевичу вздумалось строить на территории Кремля. Для Дворца Советов в своё время было выбрано место тоже не случайное, знаковое.

Но «оттаявшие» во времена «оттепели» архитекторы не спешили выполнять заказ партии и правительства. Архитектор Власов заявил, что современное здание просто по определению не сможет вписаться в истори-

ческий ансамбль Кремля. Хрущев не стал спорить. Он попросту собрал архитекторов на совет и сказал: «К XXII съезду партии я предлагаю построить Дворец съездов. Кто против?» Ясное дело, противников не нашлось. Более того, архитектор Михаил Васильевич Посохин тут же выразил желание спроектировать столь ответственное здание. Говорят, что именно благодаря вовремя проявленному рвению Посохин в течение 20 лет оставался главным архитектором столицы.

Несомненно, влияло на «погоду в архитектурном доме» и то обстоятельство, что к концу 50-х годов архитектура в Советском Союзе стала почти анонимной. Бесчисленные «Гражданпроекты» и «Горпроекты» были государственными учреждениями, а архитекторы должны были работать с 9 до 18 с перерывом на обед. Возможно, советская власть была бы счастлива, если бы и живопись и литература стали бы анонимными, а писатели, поэты, живописцы и скульпторы получали бы зарплату... Но это было, к счастью, в силу специфики жанров было невозможно. Вот и приходилось издавать постановления « О журналах "Звезда" и "Ленинград"», чтобы неповадно было отбиваться от стада. А вот мечтать об архитектуре будущего было разрешено, теоретизировать и писать книги об архитектуре Запада тоже.

Интересно, что именно в шестидесятые годы в Советском Союзе появились очень значимые теоретики архитектуры – Андрей Владимирович Иконников, Вячеслав Леонидович Глазычев, Александр Васильевич Рябушин, Селим Омарович Хан-Магомедов... Теория архитектуры получила в это время мощный импульс, поскольку была отдушиной для архитектурной мысли, не находившей применения на практике. Хотя и теория, и критика в архитектуре 60-х была под идеологическим колпаком. Цитирование высказываний К. Маркса, В.И. Ленина, а также постановлений партии и правительства было необходимо.

Постройки архитекторов шестидесятых узнаваемы. Может быть, они кажутся сейчас несколько наивными. Отношение к ним, как впрочем, и к постройкам других эпох на постсоветском пространстве варварское. Очень скоро все они будут перестроены или вообще снесены. Конечно, панельные пятиэтажки, которыми застроены необъятные просторы нашей Родины, не являются шедеврами архитектуры. В своё время уважаемый профессор Борис Михайлович Давидсон, которого учили такие мастера как Константин Трофимович Бабыкин, читал нам, архитекторам-третьекурсникам, лекции по типологии. На вопрос, является ли типовая пятиэтажка архитектурным объектом, он ответить не смог. В глубине души он не считал такие объекты архитектурой, но сказать об этом в 1973 году студентам не мог.

Выпускники архитектурных ВУЗов, начиная с 1961 года, потеряли ориентиры, поскольку ордерную архитектуру они уже не изучали и даже ненавидели её, а как проектировать по-новому было и понятно, и непонятно. Шутили: «Сделай как-то так, от руки на глаз, но красиво и технологично». Проектировать по прототипам было неприлично (при этом была чёткая ориентация на постройки Ле Корбюзье, Алвара Аалто, Мис ван дер Роэ и других мастеров западной архитектуры). Повезло тем, кто после ВУЗа попал в мастерские к старым мастерам, понимающим тонкости формообразования.

Получилось, что архитекторы (или архитекторам) до предела ограничили средства выразительности, а создавать аскетические шедевры немногие были способны. Для этого было нужно иметь чутьё Ивана Леонидова. Известна история, когда Иван Владиславович Жолтовский, который выстраивал свои композиции, выверяя пропорциональные отношения на основе «золотого сечения», спросил Леонидова: «Как вы рассчитываете пропорции?» «Никак», – ответил Леонидов.

К середине семидесятых годов советские архитекторы, казалось бы, догнали своих западных коллег. Стал складываться узнаваемый стиль. Появилась новая типология зданий и сооружений. Театры в разных городах были похожи один на другой, кинотеатры тоже, советские учреждения имели узнаваемый облик...

Но... Процессы, которые подспудно шли в западной архитектуре привели к кризису, зафиксированному

книгой Чарльза Дженкса «Язык архитектуры постмодернизма», вышедшей в 1977 году. Влияние этой книги на архитекторов и арт-критиков была огромной. Сложно вспомнить, какая ещё книга, посвящённая современной архитектуре, имела такой резонанс в профессиональной среде. Счастливцы, имеющие возможность ездить за границу, привозили эту книгу в Советский Союз. Её перефотографировали, её читали со словарями, но до поры создать нечто в стиле Чарльза Мура не было никакой возможности. В Советском Союзе официально книга Дженкса вышла в переводе А.В. Рябушина и под его редакцией в 1985 году с досадной опечаткой идеологического свойства, позволившей руководству сделать оргвыводы в отношении Рябушина А.В.

До распада Советского Союза оставалось шесть лет. Взгляды теоретиков архитектуры 70- 80-х в это время были обращены в сторону Запада. Стиль шестидесятых, родившийся по высочайшему велению, в это время переживал свою последнюю, декоративную фазу. Архитекторы активно работали с художниками-монументалистами и скульпторами. «Суровый стиль» (Н. Андронов, Т. Салахов, Г. Коржев и др.) нашёл отражение в творчестве советских художников-монументалистов. Их мозаики, сграффито, фрески, прославляющие строителей коммунизма, есть практически во всех общественных зданиях этой эпохи. Они узнаваемы. И вот опять, на полдороги плавная эволюция в архитектуре была прервана. На этот раз объективными политическими и экономическими обстоятельствами. Постмодернисты выпустили джина из бутылки. Джин оказался циничным и саркастичным разрушителем. Вероятно, он был неизлечимо болен, – архитектура, которой отродясь ирония и сарказм свойственны не были, вновь зашла в тупик. Или, как говорят многие теоретики, умерла, уступив место дизайну.

Но ведь вот, что интересно, – сейчас, рядом со стеклянными небоскрёбами начала XXI века даже простенькие панельные пятиэтажки могут показаться милыми и уютными. Если часть из них будет снесена, ничего плохого, конечно, не произойдёт. А вот если изуродуют или снесут такие объекты как Дворец им. Ленина в Алма-Ате (1968 - 1970 гг., архитекторы - Н. И. Рипинский, Л.Л. Ухоботов, В. Н. Ким, В. К .Алле, Ю. Г. Ратушный, А. П. Соколов, инженеры В. И, Кукушкин, Б. Н. Делов, В. Д. Сушинцев), автором которого была присуждена Государственная премия СССР, мы много потеряем.

Алма-Ата называется нынче Алматы, а Дворец им. Ленина ныне превратился в Дворец Республики, утратив свою знаменитую «золотую крышу». Интерьеры тоже существенно пострадали при реконструкции. Увы...

Уходит в небытие оболочка жизни «шестидесятников». Рассыпаются мозаики, украшавшие фасады, перестраиваются здания этого периода. Отголоском эпохи шестидесятых ещё звучит неподражаемый надрывный голос Высоцкого, Евгений Евтушенко всё ещё публично переживает былую распрю с Иосифом Бродским, исповедуясь перед кинокамерой Соломону Волкову. Юрий Любимов покинул Таганку и ставит роскошные дорогие оперы. Не звучат у туристических костров песни Визбора и Окуджавы.

А «Дети Иофана» вспоминают уроки Ивана Владиславовича Жолтовского и строят неонеонеонео... классические особняки. Король умер. Да здравствует король. Или дракон умер. Да здравствует дракон. Как хотите.

text
Barbara Engel

More than half of our built environment in Germany is created in the period after 1945, including the technical infrastructures. For the built heritage of the postwar era - the majority is in use - there is important need for renovation and modernization. To transfer the architecture and urban ensembles of this time into the present and make them fit for a sustainable future, is a task of considerable scope and with complex requirements. 60 years after the war destruction of the Second World War and after the origin of the so-called Second Modernism, it is time to evaluate beyond resentment and euphoria with the tasks that is currently arising in the practice of urban development.
The following article shows three projects of urban planning in Dresden, the challenges and requirements, but also what opportunities may be offered by responsible transformation of districts from Post-war modernism era.

Keywords:
Urban Development, Heritage, Post War Modernism, modernization, reconstruction, European City, spatial identity

The 60s in Dresden – a review

War experience and technical capabilities created the planning principles that have guided the construction process after the war – in the East as in the West. After WW2 there was a huge demand mainly quantitative for housing. However, the destruction of cities was by planners not only conceived as a loss, but also as a huge opportunity. There was the optimistic believe to plan and built new cities and new society. After the huge damage by war was enough space to enforce these ideas.

The new guiding principles were created as an alternative to an old, as urged unhealthy and dirty perceived city, as opposite to the historical and – in the East- to the capitalist city. The time was marked by a great trust in progress and future, combined with new techniques for planning and construction. This

Послевоенный модернизм Дрездена: перспективы градостроительства /

текст
Барбара Энгель

Более половины построек в Германии, включая производственные инфраструктуры, появились после 1945 года. Строительное наследие послевоенной эпохи, большая часть которого до сих пор используется, нуждается в реконструкции и модернизации. Чтобы перенести архитектурные и городские ансамбли из прошлого в настоящее и сделать так, чтобы они отвечали требованиям устойчивого будущего, потребуются немалые усилия и затраты. Спустя 60 лет после разрушений, нанесенных Второй мировой войной, и после возникновения так называемого Второго модернизма, настало время без недовольства и эйфории проанализировать проблемы градостроительства сегодняшнего дня.
В статье показаны три градостроительных проекта Дрездена, их задачи и требования, а также возможности, которые предоставляет ответственный подход к преобразованию районов, застроенных в эпоху послевоенного модернизма.

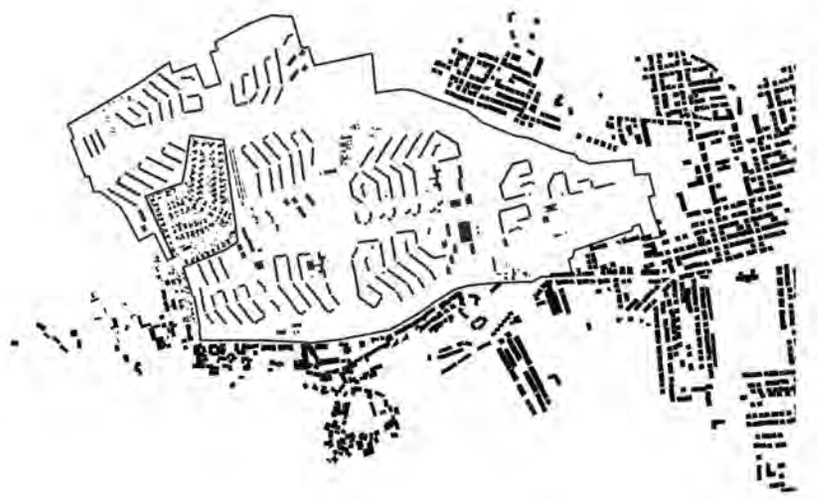
Ключевые слова:
градостроительство, наследие, послевоенный модернизм, модернизация, реконструкция, европейский город, пространственные особенности.

v Рис. 1-4: Монотонные городские строения vs. архитектурная ценность (1: Горбиц, 2: Пролис, 3: Кинотеатр, 4: Дом культуры)
Источник: Архив Градостроительного департамента Дрездена / чертежи студентов ТУД, 2005-2006 гг. /

Monotonous urban structures versus architectural value –(1: Gorbitz, 2:Prohlis, 03: Cinema, 04: House of Culture)
Source: Archive, Stadtplanungsamt Dresden / student drawings TUD, 2005/6

60-е в Дрездене – обзор

Опыт военных лет и технические возможности способствовали возникновению принципов проектирования, которые легли в основу послевоенного строительства, как на востоке, так и на западе Германии. После Второй мировой войны потребовалось большое количество жилья. Однако планировщики видели в разрушенных городах не только потери, но и колоссальные возможности. Они оптимистично верили, что смогут придумать и построить новые города и новое общество. После огромного урона, причиненного войной, было достаточно места для воплощения этих идей.



1

В качестве альтернативы старым руководящим принципам были созданы новые, необходимые для борьбы с грязной и нездоровой атмосферой городов. Эти принципы противостояли историческому и (на востоке) капиталистическому городу. Послевоенное время было отмечено великой верой в прогрессивное будущее, которой сопутствовали новые технологии проектирования и строительства. Открылись возможности систематизации и рационализации, что привело к новому бескомпромиссному направлению в строительстве.

Особенностью восточной части Германии была государственная собственность на землю, а вместе с тем – привлекательная для планировщиков возможность реализации планов. Кроме того, существовала политическая программа в градостроительстве и архитектуре, которая отражала идеологическую систему, социалистический образ жизни.

Следовательно, послевоенный модернизм представляет собой амбивалентное наследие, о котором нельзя судить однозначно – его архитектурную ценность необходимо детально исследовать, это касается и Дрездена. Нам известно множество проблемных «продуктов», в особенности большие сборные жилые комплексы, крупномасштабные монотонные композиции и громоздкие массивы. Но в то же время были построены красивые городские ансамбли, доминирующие здания, отдельные примеры архитектуры высокого качества, множество культурных зданий, например, Дворец

opened possibilities of systematization and rationalization, which has led to some uncompromising new construction.

The peculiarity in the East was the ownership of land by the state and with that the possibility of realization of plans; quite attractive for planners. In addition there was the political program which should be fulfilled by urban planning and architecture, namely the representation of the ideological system, the representative of the socialist way of life.

As a result, post-war modernism shows quite an ambivalent heritage that allows no blanket judgement, but requires a detailed examination of the architectural value – same in Dresden. We know many problematic ‚products', particularly of the large prefabricated housing estates, large scale, monotone compositions that occurred with oversized street masses. But there were also built beautiful urban ensembles, dominants and solitary buildings with high quality architecture, many cultural buildings, e.g. the palace of culture, the cinema, the house of the press (cf. Hecker, Krings 2011 p. 15)[1].

Transfer to today / current requirements on planning

European City versus Eastern Modernism

Often the Eastern Modernism is discussed in contradiction to the European city. This is the case if you reduce the two city models on their spatial characteristics. This approach, however, takes too short. Rather, the European city is not a homogenous body but a city with fractions, with different layers that make up the memory of the city in its entirety (cf. Hecker, Krings 2011, p.14). A European city consists not only of the historic centre, rather it includes different architectural styles from the 20th Century. The European city is above all a bundle of features and societal characteristics. It stands for attractiveness, visibility and beauty. The European city and the city of postwar modernism should not be understood as mutually exclusive city models. Rather must be looked for an integrative approach for further development, which respects every historical layer.

1. Hecker and Krings point out the architectural value of public buildings from post war period in Germany / Хекер и Крингс подчеркивают архитектурную ценность общественных зданий послевоенного периода в Германии

Post-war modernism in Dresden – Perspectives of urban development

культуры, кинотеатр, Дом прессы (Hecker, Krings 2011 С. 15)[1].

Из прошлого в настоящее / современные требования к городскому планированию

Европейский город vs. восточный модернизм

Восточный модернизм часто противопоставляют европейскому городу. Это происходит, когда сводят две городские модели к их пространственным характеристикам. Однако этот подход слишком узок. Европейский город – не однородное тело, а город, разделенный на части, имеющий разные слои, которые в целом составляют память города (Hecker, Krings 2011, С.14). Европейский город состоит не только из исторического центра, он включает разные архитектурные стили XX века. Самое главное, европейский город – это набор различных черт и социальных характеристик. Он олицетворяет привлекательность, доступность взору и красоту. Европейский город и город послевоенного модернизма нельзя воспринимать как взаимоисключающие модели. Нам нужно искать комплексный подход к будущему развитию, относясь с уважением к каждому историческому слою.

Культурная самобытность

Главной целью планирования должно быть создание города с неповторимыми чертами, дающего возможность самовыражения. Следует учитывать, что самовыражение людей основано на их личной биографии и может быть совершенно разным. Напрашивается вопрос, какую ценность имеют здания и архитектурные ансамбли 1960-х. Действительно ли городские структуры и архитектурные концепции 1960-х и 1970-х создавали значимую культурную самобытность, ценность памяти? Были ли приняты эти ценности? Очевидно, что для осмысления подобных ценностей необходимо временное (а иногда и пространственное) расстояние. Особенно в Восточной Германии, поскольку ее история была напрямую связана с политической системой и, следовательно, имела негативную окраску. Как показывают современные дебаты, молодое поколение связывает архитектурное наследие 1960-х и 1970-х больше с модой, нежели с политикой.

Развитие как миссия планирования

Город – не статическое тело, а живое, созданное социумом пространство, которое постоянно меняется. Невозможно ограничиться простым сохранением исторического слоя (cf. Meier 2010, p.41)[2]. Зачастую сохранение статуса-кво недостаточно. Возникают новые требования к комфорту, запросы становятся более индивидуализированными, стареющее население высказывает свои пожелания касательно размеров квартир, типологий и оборудования. Кроме того, требуются технические и экономические обновления. Развитие не просто допустимо, оно скорее необходимо для того, чтобы где-то продолжить, а где-то возродить функционирование зданий. Допустимо даже преобразовывать памятники, естественно, не любой ценой, а бережно и осторожно, чтобы лучше сохранить их.

2

2. Meier strikes his opinion that responsible preservation of monuments must not only focus on the past of the existing structures but take into account demands of the society / Майер считает, что ответственный подход к сохранению памятников должен быть сосредоточен не только на прошлом существующих объектов. Необходимо также принимать во внимание требования общества

Cultural identities

The main aim of planning must be to create a city that creates identities and offers possibilities of identification. It should be respected that identities of people are based on their individual biographies and might differ very much from each other. This begs the question, what value buildings and architectural ensembles of the 60s do have. Did urban structures and architectural concepts of the 1960s and 1970s produce a strong cultural identity, a value of memory? Are these values also perceived and accepted? Obviously, a distance in time (sometimes also a spatial distance is helpful) is necessary to capture these values. Especially in East Germany, as the history was associated with a political system and had consequently a negative connotation. Recent discussions show that for the younger generation the architectural heritage of the 60s and 70s is discussed less politically charged than sometimes rather provided with a certain "hipness" factor.

Development as planning mission

A city is not a static body, but a living, socially produced space that is continually changing. It is not possible for no layer of history, only to preserve it (cf. Meier 2010, p.41).[2] Keeping the status quo is often not enough. There are new demands on comfort, more individualized claims, we have an aging population with appropriate wishes concerning flat sizes, typologies and equipment. In addition there is the technical and economic renewal required. Development is not only allowed, it is rather necessary in order to keep the building in use, or to bring them back into use. Even transformation of monuments might be allowed, in a careful and sensitive way – of course not at any price – but conversions and changes might be necessary to obtain a monument permanently.

It is crucial that no blanket judgements are made, neither a rough ‚disposal' nor sacrosanct preservation, but a careful treatment of heritage. A key task is the spatial modification of the scale, both of architecture as of the open spaces, which show a

3

4

Наследие требует к себе заботливого обращения, при этом важно избегать уравниловки, грубого уничтожения или, наоборот, сохранения в неприкосновенности, как святая святых. Главной задачей является масштабное пространственное преобразование, касающееся как архитектуры, так и открытых пространств, нуждающихся в дифференциации. Преобразование районов, построенных в 1960-е года, должно сопровождаться их техническим, функциональным и экологическим развитием, а также долгосрочными инвестициями[3].

Современные проекты в Дрездене

В качестве примера градостроительного обновления районов, застроенных в 1960-1970-е года, можно привести три дрезденских проекта, отличающихся своей проблематикой, а, следовательно, и направлением дальнейшего развития. В последние годы произошли изменения в оценке архитектурного наследия 1960-х[4]. (Welzbacher 2009, C.9) Встает вопрос, касающийся всех проектов: каковы их настоящие и будущие отличительные особенности? Очевидно, что независимо от своего местоположения эти проекты могут стать устойчивыми только благодаря развитию и трансформации.

Продолжение внутренней части Нового города

Внутренняя часть Нового города – единственный сохранившийся район с ансамблями в стиле буржуазного Барокко в центре города Дрездена, а значит, имеет очень большую культурную и историческую ценность. Кроме того, ценность района оказывает большое влияние на самосознание местных жителей. Район был построен в XI-XII веке, но после разрушительного пожара 1687 года был вновь выстроен как «новый город для короля» в конце XVII – начале XVIII века при Августе Сильном. После разрушений, вызванных Второй мировой войной, район претерпел сильные изменения в период существования ГДР, особенно его восточная часть: политика режима ГДР требовала коренного обновления уникального исторического ансамбля города, главным образом зданий среднего Барокко, и преобразования района в социалистический. Это привело к серьезной нехватке структуры, функций и масштаба.

В 1990-х состоялся конкурс, направленный на реконструкцию исторических зданий. Предложенные идеи не могли претвориться в жизнь, поскольку абсолютно не учитывали уже существующие постройки. Они противоречили намерениям собственника, идя вразрез с экономическим фактором. Согласно сего-

lack of differentiation. The transformation of the districts from the 60s must be accompanied in its development in a technical, functional, ecological way and with permanent investments[3].

Current projects in Dresden

As an example of the urban renewal of the districts from the 60s and 70s there are presented three projects from Dresden, which differ in their problems and thus the demands that are placed on their further development. In last years there had been taken place a change in thinking in terms of valuation of the built heritages from the 60s.[4] (cf. Welzbacher 2009, p.9) For all projects, the question arises what is the current and future identity. And, at all locations, it is obvious that they can be made sustainable only through development and transformation.

Continuing Innere Neustadt

Innere Neustadt is the only surviving district of the bourgeois baroque ensemble in Dresden's city center and therefore of high importance of cultural and historical value. In addition the district has a high value for the identity and self-understanding of citizens. Built in the 11th-12th century and after the destruction by fire in 1687 the district was constructed as a ‚new city of the king' in the end of the 17th century / beginning of the 18th century during the power of August the Strong. After the destruction in WW2 the district was during the GDR strongly transformed, especially the eastern part: the conception of GDR regime had the fundamental claim of renewal the unique urban and historical ensemble primarily middle-Baroque building into a socialistic district. The outcome were strong deficits in structure, function and in scale.

A competition in the 90s focused on possible reconstruction of historic structures. Those ideas could not be implemented, because the results almost entirely ignored existing structures. This was not compatible with the intentions of the owner, who saw these plans standing in contradiction with economic con-

3. Juergen Engel has realized quite a number of interesting projects, which transform buildings from postwar modernism period. / Юрген Энгель реализовал большое число интересных проектов по трансформации зданий периода послевоенного модернизма

4. Welzbacher (2010) is speaking about taking care about prejudices / Вельцбахер (2010) говорит о том, что нужно внимательно относиться к предубеждениям

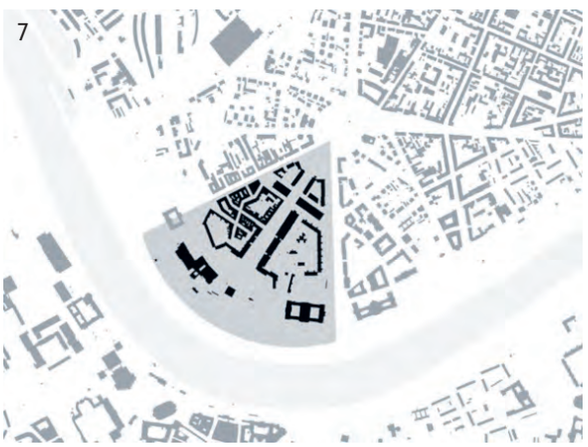
дняшнему плану, необходимо принимать во внимание все исторические постройки. Качество открытых пространств трудно не заметить, поэтому модернизация существующих объектов требует высокопрофессионального подхода.

В генеральном плане, разработанном несколько лет назад, отражено более деликатное отношение к существующим постройкам. Будущая застройка основана, где это возможно, на градостроительной сетке довоенного периода, а также сведен к минимуму снос существующих зданий. Генеральный план нацелен скорректировать наиболее грубые нарушения прошлой застройки, при этом не навредив современной. Ключевым вопросом, который призван решить генплан, является разнообразие и улучшение функциональной сети. А главная цель – достижение баланса различных масштабных и временных сдвигов.

Территория Роботрона: трансформация

Другой проект – территория бывшей фабрики компьютерной техники и электроники «Роботрон», расположенной по соседству с историческим центром города, напротив здания муниципалитета и рядом с центральным парком Гроссер Гартен. Это территория исторического пригорода Пирнайше Форштадт – района, расположенного за пределами городских стен и сильно пострадавшего во время Второй мировой войны. В 1960-70-х годах были построены огромные отдельно стоящие здания фабрики электроники «Роботрон» - центра компьютерной индустрии ГДР, а также 15-этажные жилые дома на улице Грюнэр. С довоенного периода остались главным образом уличные зеленые пространства: Бургервизе (1843-1850, автор – Тершек), расширенный в 1857 Ленне, и парк Блюхер (1900).

Реорганизацию территории начали продумывать в 1990-х. Был объявлен конкурс, основанием для которого послужил ожидаемый рост населения. В конкурсе победили высокоплотные постройки, значительную часть пространства которых занимали коммерческие и торговые помещения. При этом было обделено внима-



< Рис. 5-8. Внутренняя часть Нового города – существующее положение и перспективное развитие (5: довоенная ситуация, 6: планы эпохи ГДР, 7: современная ситуация, 8: генеральный план)
Источник: Градостроительный департамент Дрездена / Энгель /

Innere Neustadt – situation and expected development (05: situation before the war, 06: plans of GDR-era, 07: current situation, 08: masterplan)
Source: Stadtplanungsamt Dresden / Engel

siderations. Nowadays, the idea took place that all the different historical structures should be taken into account. Quality of open spaces is seen and there is confidence in remodelling the existing structures in a qualified way.

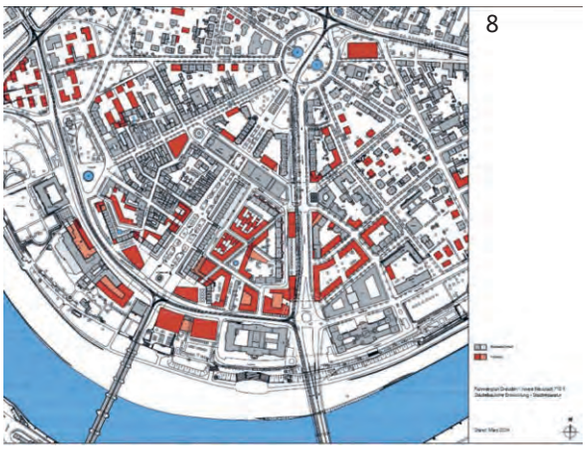
The masterplan which was developed several years ago presents a more sensitive treatment of existing structures. It orientates the future development on the urban grid of prewar period where possible, but reduces destruction of existing buildings. Objectives of the masterplan are to correct the most blatant violations of development of the past, however, it respects the recent history. A key issues of the plan is diversifying the uses and improving functional network. Aim is the balance of different scales and time shifts.

Robotron area: Transformation

Another project is the territory of the former fabrique of computer electronics Robotron, located in close neighboorhood of the historic city center, vis a vis to the city hall and close to the central park Grosser Garten. It is the area of the historic suburb Pirnaische Vorstadt, a district, which was located outside the city walls and which was also heavily damaged in WW2. In the 60s and 70s arised voluminous solitary buildings of electronic fabrique Robotron, the center of the computer industry in the GDR, as well as the the 15-storey residential high-rises on the Grunaer Street. From the pre-war period have survived mainly outdoor green spaces: the Buergerwiese from 1843-1850 by Terschek, extended 1857 by Lenne, the Blueherpark 1900.

Initial planning considerations for the reorganization of the area were developed in the 90s. A competition brought on the basis of huge growth expectations results for high-density urban structures with a high proportion of commercial and retail space. The built heritage from post-war-period was not respected in the plan.

Some years ago a collaborative workshop with the participation of 5 planning teams was conducted - the results take into account not only the new socio-economic conditions, but also



8

9

> Рис. 9-14: Роботрон, история. Статус-кво. Идеи для будущего (9: Довоенная ситуация; 10: строительство в 1970 году; 11: современный градостроительный план; 12: проект фирмы Schellenberg & Baeumler; 13: Проект TZ Architects и Sieweke; 14: Проект Atelier Loidl и Wessendorf) /

Robotron. History. Status Quo. Ideas for the future (09: situation before the war; 10: construction 1970; 11:current urban layout; 12: project by Office Schellenberg & Baeumler; 13: Project by TZ Architects with Sieweke; 14: Project by Atelier Loidl with Wessendorf)
Source: Stadtplanungsamt Dresden

нием архитектурное наследие послевоенного периода.

Несколько лет назад были организованы мастерские для совместной работы пяти команд, где не только принимались во внимание новые социально-экономические условия, но и был разработан новый подход к уже существующим зданиям. Необходимо было также изменить сферу будущего использования зданий, поскольку предполагалось, что пространство должно служить для жизни и работы.

Во всех проектах имеется интеграция существующих построек, предлагаются фазы развития и стратегии, позволяющие в будущем производить изменения. Важную роль в представленных концепциях играет ландшафт. В одном проекте мы видим общественный парк с небольшим озером, другой проект интерпретирует этот участок как единый парк, то есть расширение парка Гроссер Гартен, где находятся несколько музейных зданий. В третьем проекте – район, обрамляющий Центральный парк, где общественное и частное пространства разделены парковой дорогой. В этом проекте акцент сделан на существующие здания, и старые здания даже интегрированы в новые ансамбли. Преимущество этого проекта, разработанного фирмой Atelier Loidl Berlin, в том, что его осуществление предлагается начать с малых мероприятий, таких как очищение открытых пространств, соединение и продолжение пешеходных дорожек до строительства зданий.

Уплотнение Фрайбергер Штрассе

Вдоль Фрайбергер Штрассе, в нескольких минутах ходьбы от Цвингера, расположены жилые дома, построенные в 1960-х. Инвестор выкупил жилые дома и землю и собирается разместить новые жилые дома между уже имеющихся. Намечено уплотнение существующего городского ансамбля. Для этого потребуется дифференцированное изучение типологии зданий и открытого пространства. Трудность поставленной задачи в том, что нужно создать проект, дополняющий многоэтажные здания, а также реализовать соответствующую типологию, которая бы гармонично сочеталась с крупноформатными объемами 1960-х. С другой стороны, необходимо определение контуров пространств, чтобы обеспечить жителям индивидуальный подход и места для отдыха.

Фирма Woerner & Partner Architects разработала «матрицу», которая представляет собой «пояс» из трех- и четырехэтажных зданий, составляющий с существующими зданиями единую сеть. С одной стороны, имеется диалог старых и новых сооружений, с другой стороны, продумано необходимое разделение (входов,

show a change in thinking concerning the treatment of the existing buildings. Also in the desired and expected usage profile, there is a need for a change: today, the site is identified for living and working.

All projects integrate the existing structures where possible, they propose the development in phases and present strategies that obstruct anything and may allow changes in the future. In every concept landscape play an important role. One project installs a public park with a small lake, another even interprets this area as a whole as a park – as extension of Grosser Garten in which are set several museum buildings, a third work designs a district which is framing Central Park, public and private areas are divided by a parkway. This project highlights existing buildings and even integrates old building structures in new ensembles. The advantage of this project, worked out by Atelier Loidl Berlin is the proposed implementation which begins with small measures, cleaning open spaces, linking and developing pathways before constructing buildings.

Densifying Freiberger Strasse

Residential buildings, built in the 60s, are located along Freiberger Strasse, just a few minutes in a walking distance from the Zwinger. An investor has bought the residential buildings and land and would like to place new apartment buildings in-between the existing areas. Foreseen is a densification of the existing urban ensemble, needed is a differentiated examination of the building and open space typologies. The difficulty of the task is to create a counterpart to the high-rise buildings, suitable typologies to realize that enter into a dialogue with the large-format cubatures the 60s. On the other hand, there is the question of the necessary spatial delineation in order to offer the residents of individual approaches and leisure areas[5].

The office Woerner & Partner architects has developed a ‚matrix', presenting a ‚belt' of three-and four-story buildings, which creates a network with the existing buildings. On the one hand there is a dialogue between old and new structures, on the other hand there has been thought of needed separation

5. Braum (2009) is pointing out that sensitive qualification needs basic new understanding of open spaces within the city. / Браум (2009) утверждает, что для профессиональной способности чутко реагировать требуется новое базовое понимание открытых пространств города

дорожек), чтобы предоставить жителям личное пространство. Качество работы – в успешном разграничении открытых пространств: предложены новые общественные, полуобщественные и частные пространства. Между небоскребами располагаются интересные открытые пространства для отдыха и занятия спортом, где запрещено автомобильное движение[5].

Заключение / перспективы

Архитектурное наследие 1960-х несомненно дает множество ресурсов для города. Чтобы добиться устойчивого развития существующих районов необходимо уважительно и внимательно относиться к зданиям послевоенного периода. Нужен ответственный подход к истории, который объединяет в себе как современные, так и ожидаемые требования.

Прежде всего, нужно решить ценностный вопрос, при этом рассматривая не только энергетические и функциональные затраты, но и социальную, архитектурную и культурную ценность. Разработка устойчивых концепций (исследование, обдумывание, обсуждение и принятие решения) требует немало времени. Нужно разработать подходящую стратегию и инструментарий для преобразования и современного развития, ведя при этом непрерывную борьбу за качество.

Стоит оглянуться назад: в деле преобразования многому может научить опыт модернизма послевоенного периода, подкрепленный социальной позицией, энту-

10

(entrances, pathways) so privacy will be offered for the residents. The quality of the work lies in the successful differentiation of open spaces – there is an offer of new public, semi-public and private spaces. Interesting new open spaces, without any car traffic but for leisure and sport activities are located between the skyscrapers.

Conclusion / Outlook

Obviously the built heritage from the 60s has great resources for our cities. To develop the existing districts in a sustainable way, you have to treat buildings from the post-war period with respect and mindfulness. A responsible approach to history is required, which includes current and foreseen new demands at the same time.

First of all has to be answered the question of value – not only costs of energy and functions have to be considered, but social, architectural and cultural value, too. The elaboration of sustainable concepts takes time - for examination, consideration, discussion and decision. Suitable strategies and tools for converting and contemporary development should be developed. This must be accompanied by a continuous struggle for quality.

It's worth a look back: for transformation you can also learn from the post-war-modernism period from the last century, which has proved social attitude, visionary power, courage and passion. A truly sustainable and equitable city can't exist without visions, beliefs, new ideas, practical solutions and building culture. This is a high requirement that needs to be redeemed.

11

12

13

зиазмом, смелостью и жаждой творчества. По-настоящему устойчивое развитие города, отвечающее интересам горожан, не может быть достигнуто без смелых замыслов, веры, новых идей, практических решений и соблюдения культуры строительства. Это и есть самое главное требование, которому мы должны следовать.

Литература / References

Bredenbeck, Martin: Das jüngste Erbe – immer wieder eine Herausforderung. Zu den Kirchenbauten der 1960er und 1970er Jahre in Köln und im Rheinland. In: Hecker, Michael und Krings, Ulrich (Hg.): Bauten und Anlagen der 1960er und 1970er Jahre – ein ungeliebtes Erbe? Beiträge des hdak-Symposiums von Michael Hecker und Ulrich Krings, Köln, September 2011.S. 114-137.

Braum: Michael: Nachkriegsmoderne weiterdenken – sechs Thesen. In:Braum, Michael; Welzbacher, Christian (Hg.): Nachkriegsmoderne in Deutschland. Eine Epoche weiterdenken. Basel, 2009, S.100-107.

von Buttler: Adrian: Gefährdete Nachkriegsmoderne – Eine Forschungs- und Vermittlungsaufgabe. In: Adrian von Buttler, Heuter, Christoph: denkmal/moderne. Architektur der 60er Jahre – Wiederentdeckung einer Epoche. Berlin 2007,S. 14-35.

Hecker, Krings: Bauten und Anlagen der 1960er und 1970er Jahre – ein ungeliebtes Erbe? In: Hecker, Michael und Krings, Ulrich (Hg): Bauten und Anlagen der 1960er und 1970er Jahre – ein ungeliebtes Erbe? Beiträge des hdak-Symposiums von Michael Hecker und Ulrich Krings, Köln, September 2011,S. 13-17.

Engel, Jürgen: Transform Postwar Modernism. In: Gisbertz, Olaf (Hg.) für das Netzwerk Braunschweiger Schule: Nachkriegsmoderne kontrovers. Positionen der Gegenwart. Berlin 2012, S. 128 -141.

Huse,Norbert: Annäherung und Instandsetzung. Vom denkmalpflegerischen Umgang mit Bauten der Moderne, In: Wüstenrot Stiftung (Hg.): Denkmalpflege der Moderne. Konzepte für ein junges Architekturerbe, Stuttgart / Zürich 2011,S. 12-25.

Meier, Hans-Rudolf: Stadt der Stadtentwicklung – Stadt der Denkmalpflege? In: Sulzer, Jürg: IntraURBAN – Das Innerstдdtische erfinden, erproben, erneuern. Berlin, 2010, S. 34-44.

Welzbacher, Christian: Nachkriegsmoderne in Deutschland – Annäherung an eine unterschдtzte Epoche. In: Braum, Michael; Welzbacher, Christian (Hg.): Nachkriegsmodene in Deutschland. Eine Epoche weiterdenken. Basel, 2009. S. 8-25.

14

15

17

Рис. 15-17: Фрайбергер Штрассе. Прошлое и будущее. (15: Строительство, 16: Существующее положение, 17: Концепция Woerner & Partner Architects) / Freiberger Strasse. Past and future. (15: Construction, 16: Current situation, 17: Conception by Woerner & Partner Architects)

16

текст
Кристиан Хорн

text
Christian Horn

La Défense, the main business cluster of the Paris metropolitan area, had been planned and developed under the impulse of the 1950 onwards. Situated on the historic axis in the west of the city of Paris on the territory of the suburban French State from municipalities of Puteaux and Courbevoie, the basic urban planning principles of this district are strongly influenced by the concepts of the international modern urbanism of this period. The text describes the origin and the development of the site from the project in the 1950s to the construction in the 1960s until the first economic difficulties in the 1970s. It further gives in inside in the recent developments and adjustments of the initial constructions.

Keywords: La Défense, Paris, the Glorious Thirty, business district, historical axis, urban planning

Introduction
Few urban developments in the Paris metropolitan area have divided opinions as much as the business district of La Défense. Some marvel at La Défense with its collection of high-rise buildings gathered around a large pedestrian plaza, where others see it as a poor sequence of mono-functional office buildings. It is difficult to stay indifferent to this unique site, whose development was driven by an upcoming demand for large office spaces and high-rise buildings in France after the Second World War combined with the wish to maintain the historical skyline of central Paris. Since its creation in 1958, the business district of La Défense has become one of the major economic clusters in the metropolitan area and internationally reknowned. It is served by one of the region's most intensively used transport hubs and tens of thousands people frequent this district daily, including office workers, residents and visitors. The urban form of La Défense is based on overlaying urban functions, a large elevated pedestrian plaza on the historic axis and a high density through high-rise buildings.

Firmly anchored in its strong relationship with central Paris,

Уникальный деловой район Дефанс / La Défense, a unique business district

> Вид с центральной площади на башню Areva (второе поколение, 1974 год) и башню Total (третье поколение, 1985 год) © К. Хорн 2011 / View on the Areva Tower (second generation, 1974) and Total tower (third generation, 1985) from the central plaza © C. Horn 2011

> Вид на сложную городскую инфраструктуру бетонной плиты с задней стороны коммерческого центра «Четыре сезона» © К. Хорн 2011/ View on the complex urban infrastructure of the concrete slab in the rear site of the commercial centre Les Quatre Temps © C. Horn 2011

Проект Дефанса, главного делового центра Парижской метрополии, начали разрабатывать с 1950 года по поручению французского правительства. Основные градостроительные принципы района, расположенного вдоль исторической оси на западе Парижа на территории коммун Пюто и Курбевуа, находились под влиянием международных градостроительных концепций модернизма. В статье описывается развитие района, начиная с проекта 1950-х гг. и заканчивая строительством 1960-х гг. вплоть до первых экономических трудностей 1970-х гг. Кроме того, приводятся сведения о современной застройке и адаптации первоначальных объектов к современным условиям.

Ключевые слова: Дефанс, Париж, «тридцать славных лет», деловой район, историческая ось, градостроительство

Введение
Немногие кварталы Парижской метрополии получили такой широкий резонанс, какой имеет район Дефанс, начиная с его концепции и заканчивая современным положением. У одних вызывают восторг его высотные башни, окружающие большую пешеходную площадь, в то время как другие считают этот район лишь неудачным скоплением монофункциональных офисных зданий. Трудно оставаться безразличным к этому уникальному району, чье строительствобыло вызвано растущей необходимостью возведения высотных зданий с большими офисными пространствами в послевоенной Франции, а также желанием сохранить исторический силуэт центра Парижа.Начиная со своего официального открытия в1958 году, Дефанс становится одним из главнейших экономических центров метрополии и деловым районом международного уровня. Его обслуживает крупнейший транспортный узел региона, благодаря которому десятки тысяч человек, включая офисных служащих, гостей и местных жителей, имеют возможность посещать этот район. В основе градостроительной структуры Дефанса лежит принцип наложения городских функций,большая приподнятая пешеходная площадь, находящаяся на исторической оси, и высокая плотность застройки многоэтажными зданиями.

Имея прочную связь с центральным Парижем и располагаясь на его исторической оси, Дефанс долгие годы служил современным продолжением и неотъемлемым дополнением исторического центра.
Изначально во время строительства района недостаточно внимания уделялось окружающей территории.

La Défense has long been a modern extension or counterpart to the historical centre. Initially little attention was paid to its surrounding territory. The decision of the French state for the construction of La Défense on the territories of the suburban municipalities of Puteaux and Courbevoie lead to important demolitions. A quarter of the territory of Puteaux was demolished to construct the new business district. From that moment on, the further development of this territory was conducted and overshadowed by this economic cluster outside central Paris.

The history and the reasons for the choice

The historical axis of Paris is the main structuring line of Paris's Western urban fabric and stretches beyond its city limits. Although this axis became distinct through its enlargement in 1667 by André Le Nôtre on the demand of Louise XIV, early Capetian kings already used the path long before to go hunting in the forest of Saint-Germain-en-Laye. Its geographical and historical origin in central Paris was the Pavilion of the Palais des Tuileries, which had been burned down during the Paris Commune in 1871. Few predicted that the territory - after the first crossing of the historical axis over the river Seine outside of the city of Paris - would become the future business district. In the 1950s the area featured mostly detached houses and small factories among small farms, natural areas and several shanty towns in which some 7,000 people lived.

Due to strong economic growth between 1947 and 1973 in France, a period called “The Glorious Thirty", and a fast developing service sector, companies had growing demands for large office spaces that were not available or practical in the historic urban fabric of Paris. Stopped by the Second World War, France wanted to rapidly modernize its cities and to catch up with the new American lifestyle leading towards a consumer society. Modern industrial construction methods developed in reaction to the war damage and a growing population, leading to a period of mass construction of large housing estates on

< Вид на Париж с башни Opus © К. Хорн 2010 / View from the Opus Tower towards Paris © C. Horn 2010

< Подземная станция RER «Дефанс» © К.Хорн 2010 / The underground RER station of La Défense © C.Horn 2010

Решение о строительстве Дефанса, принятое правительством, привело к значительным разрушениям в пригородных муниципалитетах Пюто и Курбевуа. В Пюто под снос пошла одна четвертая часть территории, на месте которой планировалось возвести новый деловой квартал. С того момента дальнейшее развитие этой территории было отодвинуто на задний план, находясь в зависимости от этого крупнейшего экономического центра Парижской метрополии.

История и причины выбора

Историческая ось Парижа – главная образующая линия западной части города, выходящая за его пределы. Несмотря на то, что свои очертания ось получила в 1667 году благодаря Андре Ленотр, который удлинил ее по приказу Людовика XIV, задолго до этого представители королевской династии Капетингов использовали этот путь, охотясь в лесах Сен-Жермен-ан-Ле. В географическом и историческом смысле свое начало ось берет от павильона дворца Тюильри, который был сожжен во времена Парижской Коммуны в 1871 году. Участок, расположенныйза пределами Парижа, там, где историческая ось впервые пересекает реку Сену, имел очень мало предпосылок для того, чтобы в будущем стать деловым районом. В 1950-х гг. на этой территории находились отдельно стоящие дома, небольшие фабрики, фермы и несколько трущобных поселков, в которых проживало около 7000 человек.

Благодаря сильному экономическому росту во Франции в период с 1947 по 1973 год, который получил название «тридцать славных лет», а также быстрому развитию сферы обслуживания, расширяющиеся компании стали испытывать необходимость в новых высотных зданиях с большими офисными пространствами. Однако в исторической части Парижа их строительство было невозможно. Вторая мировая война приостановила экономическое развитие Франции. Страна нуждалась в скорейшем обновлении городов, она стремилась к новому стилю жизни – такому, который был в Американском обществе потребления. Стремительный рост населения и разрушения, вызванные войной, привели к развитию современных строительных технологий. Начался период массового строительства жилых кварталов на сельскохозяйственных землях. Необходимость планирования в масштабах метрополии появилась благодаря быстрым темпам строительства, ускоренному росту городов имногократному увеличению числа автотранспорта: только в

1. Chabard, Pierre. Lefebvre, Virginie (2013) La Défense : Un dictionnaire

v Вид из центра муниципалитета Пюто в северном направлении на Дефанс © К. Хорн 2011 / View from the centre of the municipality of Puteaux towards La Défense in the north © C. Horn 2011

agriculture land. A need for a planning on the metropolitan scale emerged due to the rapid construction, the accelerating growth of the cities and the strong development of the car that dramatically changed the mobility of citizens: between 1954 and 1968, the number of cars increased by 150%.

Around 1950, the French state decided to create an international business district. A state-controlled firm, called EPAD (today named EPADESA), was created in September 1958 to buy the land, build the infrastructure, resell the developed plots and animate and manage the new business district on the municipalities of Courbevoie and Puteaux (today enlarged over parts of Nanterre). This planning operation aimed to gather in one place outside of Paris the new type of high-rise buildings. The idea was to preserve Paris's historical skyline featuring low-rise buildings and iconic structures such as the Eiffel tower and Sacré-Cœur on the Montmartre hill.

Thoughts about modernising the cities for the needs of modern life and constructing new satellite towns had already emerged before the Second World War. Between 1922 and 1925, the French architect Le Corbusier worked on a plan for the redevelopment of the historic centre, called the Plan Voisin. In this plan broad main roads create a rectangular network offering plots in the city centre for 60-storey high-rise buildings, welcoming 20,000 to 40,000 employees, and residential areas with low-rise buildings organized around green areas. Foreseeing the demand for new typologies of buildings, Le Corbusier wanted to show the possibility of transforming the old centre of Paris into a modern city while preserving the main historic buildings but not the old urban fabric. He thought that the centre should constantly regenerate itself and was opposed to the development of satellite cities and the idea of a business centre outside of Paris. Le Corbusier could not convince with his concept, even if from 1969 to 1973 the Montparnasse Tower, a 210m high-rise office building, had been constructed close to the historic site of the Hôtel National des Invalides.

период с 1954 по 1968 гг. число автомобилей возросло на 150%.

Примерно в 1950 году французское правительство приняло решение создать международный деловой район. В сентябре 1958 года было учреждено государственное предприятие EPAD (ныне переименованное в EPADESA). В его задачи входила покупка земли, строительство инфраструктуры, перепродажа участков под строительство, а также управление новым деловым районом, который располагался в муниципалитетах Курбевуа и Пюто (сегодня расширен за счет территории Нантера). Целью было построить в одном месте за пределами Парижа новый тип высотных зданий, сохраняя при этом исторический силуэт Парижа, который составляют малоэтажные дома и знаковые сооружения, такие как Эйфелева башня и базилика Сакре-Кер на Монмартре.

Вопрос о модернизации городов в соответствии с современными требованиями или о создании новых городов-сателлитов уже возникал до Второй мировой войны. С 1922 по 1925 гг. французский архитектор Ле Корбюзье работал над планом реконструкции исторического центра, который назывался «PlanVoisin». Согласно этому плану широкие магистрали создают прямоугольную сеть, где определенные участки городского центра отведены под строительство 60-этажных небоскребов, в которых могли бы разместиться от 20000 до 40000 служащих, а также малоэтажных жилых домов, расположенных вокруг зеленых пространств. Предвидя грядущую необходимость в новой типологии зданий, Ле Корбюзье хотел показать возможность трансформации старого центра Парижа в современный город, при этом сохраняя главные исторические памятники, а не старую планировочную структуру города. Он был убежден в необходимости постоянного обновления центра и был противником как строительства городов-сателлитов, так и концепции делового центра за пределами Парижа. Ле Корбюзье не смог склонить современников на сторону своего проекта. Однако с 1969 по 1973 гг. рядом с историческим объектом – Домом Инвалидов – строится Башня Монпарнас, 210-метровое офисное здание.

The construction of La Défense in the 1960's and 1970's

The first construction in the new business district had been the CNIT (Centre of New Industries and Technologies), built between 1956 and 1958 even before the creation of the EPAD. Its architects were Robert Edouard Camelot, Jean de Mailly, Bernard Zehrfuss accompanied by the engineers Jean Prouvé and Nicolas Esquillan. The building's roof is a reinforced concrete self-supporting vault of 22500 m², only 6cm thick with a 128m span, which made it a world record. Followed by the first building dedicated only for office spaces in France, the Esso tower delivered in 1963 and offering space for 1500 employees of the oil and gas corporation. The Architects Greber, Lathrop and Douglas designed with this building the first metal curtain wall on a large façade in France. It had been demolished in 1993 and replaced by the project Coeur Défense.[1]

In 1964, the French State approved a master plan drawn up in 1960 by EPAD and based on a modernist approach, with the separation of the traffic flows through a large elevated platform with an alignment of equal high-rise buildings on both sides. The platform is composed of a central pedestrian plaza and smaller side spaces, while the underground levels contain the services, roads, parking spaces and technical infrastructure. The first generation of towers following this plan was of same size, like the Esso tower: a 42m by 24m base, rising up to 100m height with 30,000m² office area per tower and often grouped in twin towers.

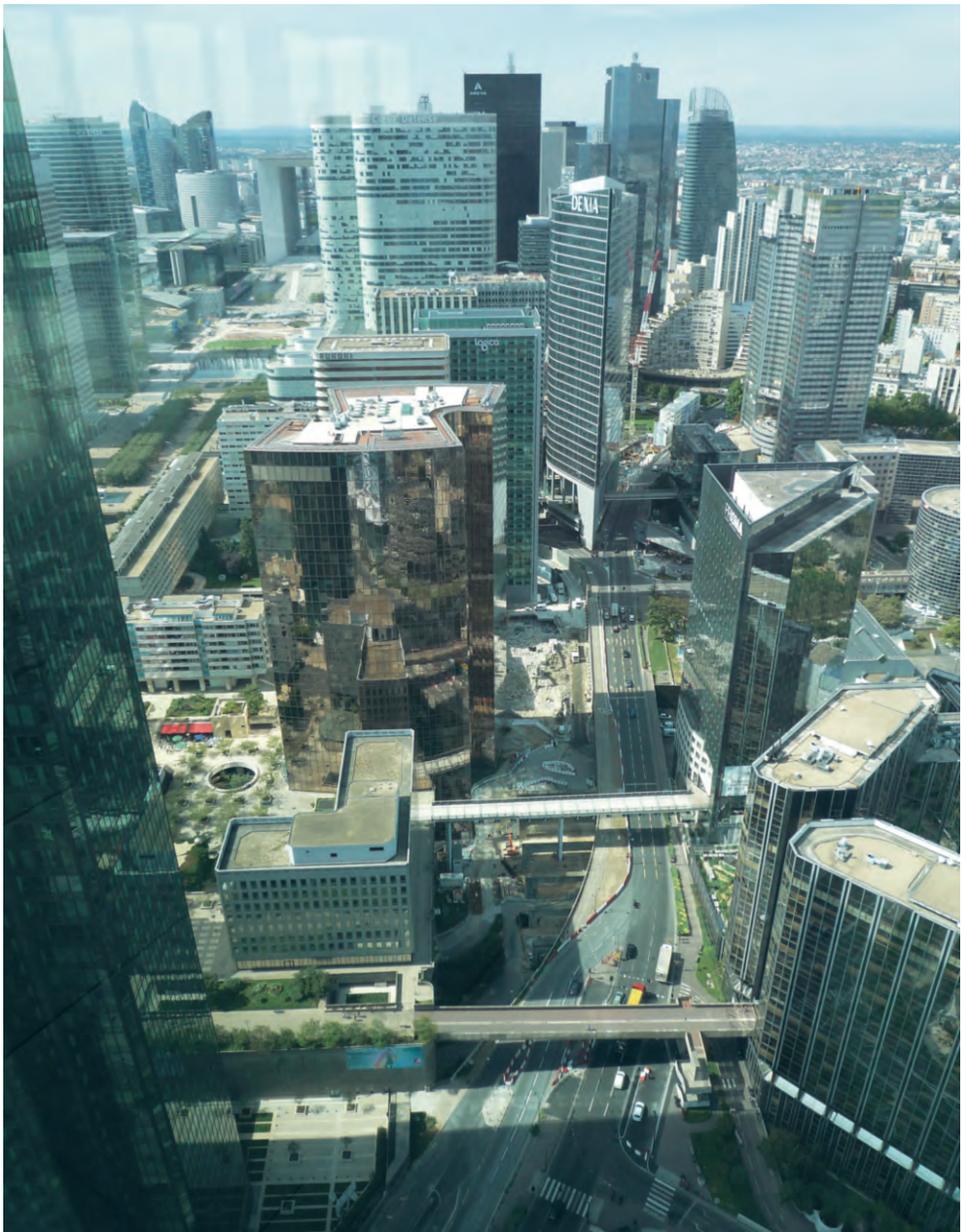
The first master plan drawn up in 1956 by Camelot, De Mailly and Zehrfuss for the candidature of Paris for the Universal Exhibition of 1958 was not based on the elevated plaza or slab concept. It featured a ground-level development structured around the historical axis of Paris. The basic principle of separating traffic flows was adopted later with the concept of an artificial plaza or slab reserved for pedestrians. This concept required very complex engineering processes with considerable investments, but it suited the different requirements of the site: situated on a historical and communication

Строительство Дефанса в 1960-х и 1970-х годах

Первой постройкой в новом деловом районе считается здание CNIT (Центра нового промышленного производства и технологий), строительство которого было начато в 1956 и закончилось в 1958 году (еще до основания EPAD). Авторами проекта были архитекторы Роберт Эдуард Камелот, Жан де Майи, Бернард Зерфюс совместно с инженерами Жаном Пруве и Николя Эсквиллан. Крыша здания была выполнена в виде самонесущего железобетонного свода площадью 22 500 м² и толщиной всего 6 см; расстояние между опорами, равное 128 м, стало мировым рекордом. Затем в 1963 году была построенабашня Esso – первое здание во Франции, предназначенное исключительно для офисных пространств. В ней разместилось 1500 служащих нефтегазовой корпорации. Благодаря архитекторам Гребер, Латроп и Дуглас впервые во Франции была применена стеновая навесная панель с металлическим каркасом. Башня была снесена в 1993 году, и на ее месте появилось здание «Сердце Дефанса».[1]

В 1964 году правительство Франции одобрило генеральный план, разработанный EPAD в 1960 году. Он был основан на модернистском подходе и предполагал разделение транспортных потоков за счет приподнятой над землей большой платформы, по обеим сторонам которой должны были находиться высотные здания. Платформу занимает центральная пешеходная площадь и небольшие боковые пространства, а на подземных уровнях размещены различные виды услуг, дороги, парковки и техническая инфраструктура. Согласно этому плану первое поколение башен имело те же размеры, что и башня Esso: основание 42 м на 24 м, высота до 100 м и площадь офисных пространств 30 000 кв.м. Часто такие здание были сгруппированы по двоев виде башен-близнецов.

В основе первого генерального плана, который разработали Камелот, де Майи и Зерфюс для представления на Универсальной выставке в 1958 году, не было приподнятой площади или плиты. Их концепция подразумевала застройку вокруг исторической оси Парижа, находящуюся на уровне земли. Главный прин-



v Вид с Первой башни (2011) на северной кольцевой дороге Дефанса © К. Хорн 2011 / View from the First Tower (2011) on the northern ring road of La Défense © C. Horn 2011

2. Paris dans 20 ans (1st July 1967) Paris Match

3. Playtime (1967)

v Сегодняшние расширенные границы EPADESA (бывшего EPAD) в Парижской метрополии © К. Хорн 2011 / Today's enlarged perimeter of EPADESA (former EPAD) in the Paris metropolitan area © C. Horn 2011

axis, being a place of dense activities and ensuring the comfort of the people who worked and lived there.

In the 1960's the construction of La Défense also led to general debate in France. The French weekly magazine Paris Match illustrated, in its edition of July 1967, through different architectural drawings, an image of Paris in 20 years following the example of the new modern urbanism of La Défense.[2] In the same year the movie Playtime by the French filmmaker Jacques Tati was released in which he himself plays a character called Monsieur Hulot. In the movie Monsieur Hulot is trying to find his way through a modern and somehow dehumanized futuristic Paris, in reference to the modern architecture of La Défense.[3]

At the beginning of the 1970's, the second generation towers appeared to meet the demand for even larger office spaces. The plan of 1964 was modified to accommodate a total area of 1.5m m². The towers offer more space, sometimes up to 100,000m² such as the Fiat tower (today renamed Areva tower), peaking at 184m with 44 floors. Nonetheless the 1973 economic crisis marked the end of the Glorious Thirty and the strong economic growth of France, and stalled La Défense's development.

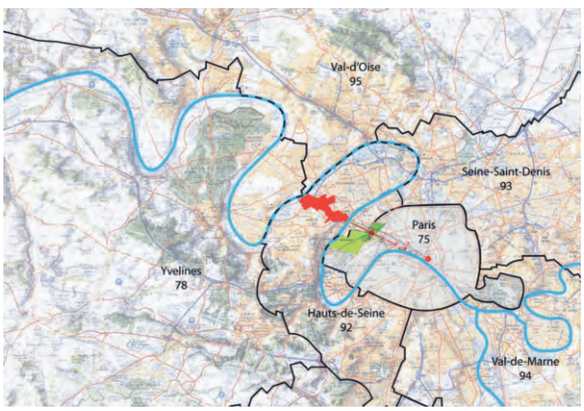
After the 1970's struggles, La Défense's was invigorated by the construction of one the biggest mall in Europe, Les Quatre Temps. The third generation towers emerged, less regulated in their forms than those previously built. The 80's were the beginning of La Défense's quest to the West. The Tête Défense competition in 1982 posed a fundamental question about the historical axis: to close the perspective at La Défense or to let it go further? The Danish architect Johan Otto von Spreckelsen chose the second option with his winning idea of a white Grande Arche opened in its centre as a symbol of openness to the world.

Recent developments

The concept of an elevated horizontal slab, which is situated

> Сегодняшние расширенные границы EPADESA (бывшего EPAD) в западной части Парижской метрополии © К. Хорн 2011 / Today's enlarged perimeter of EPADESA (former EPAD) in the western part of the Paris metropolitan area © C. Horn 2011

v Карта 1782 года с югом наверху изображает историческую ось, которая идет от дворца Тюильри, пересекает Сену и доходит до кольцевой площади – будущей территории Дефанса/ South-Up map from 1782 showing the historic axis from the Palais desTuileries, the crossing of the river Seine up to the roundabout of the future La Défense



цип разделения транспортных потоков и создания искусственной площади для пешеходов был принят позднее. Такая концепция требовала сложных инженерных решений и существенных вложений, но она соответствовала многим требованиям, а именно: новый район должен располагаться на исторической и коммуникационной оси, обслуживать различные виды деятельности и обеспечивать комфорт работающим и проживающим здесь людям.

В 1960-х строительство Дефанса вызывало немало дебатов и в самой Франции. Еженедельный французский журнал «Пари Матч» в своем выпуске за июль 1967 года изобразил Париж таким, каким бы он стал через 20 лет, если бы следовал примеру современной урбанизации Дефанса.[2] В тот же самый год вышел фильм «Время развлечений» французского режиссера Жака Тати, где он сам играет роль господина Юло. Этот господин пытается пробраться сквозь модернистские и в некотором роде обезличенные постройки футуристического Парижа, в которых виден явный намек на современную архитектуру Дефанса.[3]

В начале 1970-х появляются башни второго поколения, чтобы удовлетворить потребность в офисных пространствах еще большего размера. Согласно усовершенствованному плану 1964 года общая площадь составила 1,5 миллионов м². Новые небоскребы стали еще больше, достигая площади в 100 000 м². Например, башня Fiat (сегодня переименованная в башню Areva), достигает высоты в 184 метра и насчитывает 44 этажа. Тем не менее, экономический кризис 1973 года ознаменовал окончание «тридцати славных лет» и сильного экономического роста Франции и приостановил развитие Дефанса.

После трудностей 70-х Дефанс вновь обретает силы

above the road traffic on ground level, has been used in different urban developments in the Paris metropolitan area. Examples are the new town of Cergy-Pontoise or the centre of the municipality of Bobigny, both build or transformed from 1960's onwards. But also in the city of Paris the concept had been applied in the construction of large housing estates, like Front de Seine in 15th arrondissement or Les Olympiades in the 13th arrondissement. During the following years the concept did not prove its worth in most cases. The spaces under the slab partly became places of insecurity, the access from the natural ground to the slab was problematic and the pedestrian areas often turned into unpleasant open spaces. In the last years most of these urban developments have undergone major transformations, trying to reduce the presence of the slab, to reconnect the natural and the artificial ground and to merge the different traffic flows.

Due to the ongoing debate about the 'Grand Paris' and the restructuring of the Paris metropolitan area, the site of La Défense has influenced more complex relationships. The formerly exclusive dialogue with the central city Paris has turned into a conversation with the multiple local public authorities. The initial urban design is still identifiable and the trademark of the business district. But even if the separation of traffic flows is still functional in the central part, the elevated roads once surrounding La Défense have been brought back to the natural ground and reconnected with the general street grid. Public spaces have been transformed in multi-functional spaces offering diverse uses to pedestrians. Mixture of functions and urban intensity has become a keyword and La Défense tries to create services for the everyday needs of its users. And in a few years the first multi-functional towers of the Russian investor Hermitage might emerge.

La Défense with its particular urban forms is one of the major landmarks of the Paris metropolitan area, easily identifiable. Whereas the concept of the elevated slab applied to

v Вид на жилой дом Vision 80 (построенный в 1973 году) с центральной площади © Д. Виалан; М. Хелд 2011 / View on the housing unit Vision 80 (built 1973) from the central plaza © D. Vialan; M. Held 2011

housing estates did not stand the test of time, in the case of the dense business district of La Défense it seems to be more appropriate in its central role. Major mistakes had been made in the period from the 1950's to 1970's mainly by ignoring the surrounding territory and constructing La Défense in a purely top down decision. But it has to be valued as an urban and architectural experiment with unique constructions and creating a unique urban development. In the 1980s and 1990s the development of the site concentrated on the construction of new high-rise building and neglected the urban scale and public spaces. In recent years the reinforced positions of the local communities have led to a more balanced dialogue with the French State. There is a chance to correct the errors of the past, and to adapt the urban environment to the contemporary needs while keeping the uniqueness of this urban experiment of the 1960's.

La Défense in numbers (status 2010)

Major stages of development

1958: Inauguration of the CNIT; creation of the EPAD

1972: Increase of the office space programme, rising from 800,000 m² to 1.55 million m²

1981: Inauguration of the commercial center « Les Quatre Temps »

1989: Inauguration of the Grande Arche

1990: Start of the development of historical axis to the west of the Grande Arche

1992: Extension of the metro line n°1 to the Grande Arche

2001: Construction of the Coeur Défense building with 190,000 m² of office space

Scheduled 2017: Bringing into service of the Eole

Scheduled 2025: Bringing into service of the Grand Paris Express

благодаря строительству одного из крупнейших торговых центров Европы под названием «Четыре сезона» (LesQuatreTemps). Появляется третье поколение башен, менее упорядоченное по форме, чем предыдущие. 1980-е стали для Дефанса началом стремления к западу. На конкурсе Tête Défense, объявленном в 1982 году, был поставлен основной вопрос по поводу исторической оси: закрыть перспективу Дефанса или дать ей возможность развиваться дальше? Датский архитектор Йохан Отто фон Спрекельсен выбрал второй вариант. В конкурсе победила его концепция строительства большой белой арки GrandeArche с отверстием в центре, символизирующим открытость миру.

> Вид со стороны кварталов лачуг Нантера на здание CNIT вскоре после его строительства в 1958 году / View from the shanty towns of Nanterre on the CNIT shortly after its construction in 1958

v Вид на здание CNIT и его ближайшее окружение вскоре после строительства в 1958 году / View on the CNIT and its immediate surroundings shortly after its construction in 1958

Новейшая застройка

Концепция горизонтальной плиты, которая возвышается над транспортным потоком, проходящим на уровне земли, использовалась в различных градостроительных проектах Парижской метрополии. Примером может служить новый город Сержи-Понтуаз или центр города Бобини, строительство которых началось с 1960-х гг. Но и в самом городе Париже эта концепция нашла свое применение в строительстве больших жилых массивов, таких как Front de Seine в 15-ом округе или Les Olympiades в 13-ом округе. В последующие годы в большинстве случаев эта концепция себя не оправдала. Пространства под плитой становились в определенной степени небезопасными, обеспечение доступа к плите с уровня земли был проблематичным, а пешеходные участки зачастую превращались в неприглядные открытые пространства. В последние годы большинство таких городских форм были изменены, чтобы сгладить очертания плиты и восстановить связь естественного уровня с искусственным, а также объединить транспортные потоки.

В связи с непрекращающимися дебатами по поводу «Большого Парижа» и реструктуризацией Парижской метрополии, территория Дефанса стала центром сложных отношений. Узкий диалог, не выходящий за рамки парижского центра, перешел в обсуждение с участием многочисленных представителей местных органов государственного управления. Первоначальная городская планировка остается узнаваемой и является визитной карточкой делового района. Но если разделение транспортных потоков все еще функционирует в

The business district

Largest European business district on 160 hectares (on the municipalities of Courbevoie and Puteaux)

3 million m² of office space with 3,500 companies; 1,500 headquarters; 15 companies of the CAC40

170,000 employees, 80 % commute by public transport

450,000 people/day transit by the transport hub of La Défense

230,000 m² of retail space

600,000 m² of housing space with 20,000 residents

Literature

Chabard, Pierre. Lefebvre, Virginie (2013) La Défense : Un dictionnaire architecture / politique et un atlas histoire / territoire. Marseille : É ditions Parenthèses. 680p. ISBN 978-2-86364-265-8

Collectif (1995) L'urbanisme de dalles, continuités et ruptures : Actes du colloque des Ateliers d'été 1993 de Cergy-Pontoise. Editeur Presses Ecole Nationale Ponts Chaussees. 180p. ISBN 978-2-8597-8245-0

Dottelonde, Pierre (2009) La Défense, L'esprit et le temps. Paris: Editions Le Cherche midi. 141p. ISBN 978-2-7491-1023-3

La Défense en quête de sens (December 2008) Revue Urbanisme, Iss. Hors-série N°34. ISSN 0042-1014

Lefebvre, Virginie (2003) Paris, ville moderne. Maine-Montparnasse et La Défense 1950-1975. Paris : Editions Norma. 300p. ISBN 978-2909283784

Paris dans 20 ans (1st July 1967) Paris Match, Iss. N°951. ISSN 0397-1635

Pellegrino, Pierre. (1999) Infrastructures et formes urbaines (Tome 2). Architecture des Réseaux. Paris: Editions L'Harmattan. 216p. ISBN 978-2-7384-7980-4

Playtime (1967) Directed by Jacques Tati. [DVD] France: Specta Films (France), Jolly Films (Italie)

Roncayolo, Marcel (2007) Territoires en partage: Nanterre, Seine Arche, en recherche d'identité(s). Marseille : É ditions Parenthèses. 192p. ISBN 978-2-86364-178-1

v Генеральный план Дефанса 1964 года © DEFACTO / Master plan of La Défense from 1964

центральной части, приподнятые над землей дороги, когда-то окружавшие Дефанс, были возвращены на естественный уровень и вновь соединены с главной уличной сетью. Общественные пространства были трансформированы в многофункциональные пространства, предоставляющие пешеходам разнообразные возможности их использования. Смешение функций и интенсивности застройки стало основополагающим принципом, согласно которому Дефанс старается удовлетворять повседневные требования своих обитателей. Через несколько лет, возможно, появятся первые многофункциональные башни российского инвестора – компании Эрмитаж.

Район Дефанс, имеющий своеобразные городские формы, является одной из главнейших, легко узнаваемых достопримечательностей Парижской метрополии. Хотя концепция использования приподнятой над землей плиты для строительства жилого комплекса не выдержала испытание временем, ее центральная роль в деловом районе с плотной застройкой, таком как Дефанс, считается более подходящей. Основные ошибки были сделаны в период между 1950-ми и 1970-ми годами, когда не принималась во внимание окружающая территория, а строительство Дефанса велось исключительно по нисходящему принципу. Однако этот район имеет большую ценность как градостроительный и архитектурный эксперимент, включающий в себя уникальные объекты и неповторимую городскую застройку. В 1980-х и 1990-х развитие территории было сосредоточено на строительстве новых высотных зданий, оставляя без внимания градостроительный масштаб и общественные пространства. За последние годы укрепившиеся позиции местных сообществ позволили достичь более сбалансированного взаимодействия с государственной властью Франции. Мы имеем возможность исправить ошибки прошлого и адаптировать городскую среду к современным требованиям, сохраняя уникальность этого градостроительного эксперимента 60-х.

Дефанс в цифрах (данные за 2010 год)

Основные стадии развития:

1958 год – торжественное открытие CNIT; создание EPAD;

1972 год – программа увеличения офисных пространств от 800 000 м² до 1,55 миллионов м²;

1981 год – торжественное открытие коммерческого центра «Четыре сезона»;

1989 год – торжественное открытие Большой Арки;

1990 год – начало развития исторической оси в западном направлении от Большой Арки;

1992 год – удлинение линии метро №1 до Большой Арки;

2001 год – строительство здания «Сердце Дефанса» с офисным пространством площадью 190000 м²;

План на 2017 год – ввести в эксплуатацию линию Эоль;

План на 2025 год – ввести в эксплуатацию Экспресс Большого Парижа.

Деловой район

Самый крупный в Европе деловой район площадью 160 гектаров (на территории муниципалитетов Курбевуа и Пюто);

3 миллиона м² офисного пространства, где расположены 3 500 компаний, 1 500 головных офисов, 15 компаний, включенных в индекс CAC40;

170 000 служащих, 80 % которых пользуются общественным транспортом;

450 000 человек в день используют для передвижения транспортный узел Дефанса;

230 000 м² торгового пространства;

600 000 м² жилого пространства, где проживают 20000 жителей.

Трое из эпохи надежды

(Грустное предисловие к неизданному сборнику)[1]

текст
Анатолий Якобсон

Булат Шалвович. Михаил Леонидович. Юрий Иосифович. Какое, собственно, я имею моральное право писать о Них?

Ответ может быть только один. Это право человека их поколения. И неважно, что двоим из них я по возрасту гожусь в сыновья, а третьему едва ли в младшие братья. Мы одного поколения, потому что была эпоха, в которую мы пересеклись. Они были творцами этой эпохи, именно она стала их звёздным часом, сделала, в свою очередь, их тем, что они есть. Ну а я в эту эпоху был школьником и студентом, и меня она тоже сделала тем, что я есть, и не было в моей жизни более яркого времени – разве что те несколько лет в конце 80-х, когда мы пытались было спеть недопетое в те годы.

Эта коротенькая эпоха называется – Шестидесятые.

Не каждое десятилетие заслужило право называться Эпохой. (Анчаровский Алёша Аносов говорил: «Эпоха – слово серьёзное»). Это – заслужило. И хотя началось оно где-то в конце 50-х, такое имя ему уже присвоено историей. Шестидесятые и шестидесятников можно любить, можно им завидовать, можно ненавидеть. Но отменить их уже нельзя.

Об этом времени и о его людях уже писали и ещё напишут. Я хочу сказать своё.

Итак, было такое время. Ходили в школу, а потом поступали в институт мы – дети уцелевших фронтовиков. Отучившись, отстиляжив, заводили семьи и защищали диссертации блокадные и эвакуационные мальчики. Возвращались выжившие лагерники. Сносились сталинские монументы. Громко строилась Братская ГЭС. Приезжали в Москву сперва редкие иностранцы, потом был Фестиваль 1957, а дальше – пошло-поехало, хотя и не без присмотра «товарища майора».

Ставились фильмы – и какие фильмы! После «Падения Берлина» и «Кубанских казаков» выплеснулось на экран то, что превосходно и по сегодняшним меркам, – «Судьба человека», «Сорок первый», «Баллада о солдате», «Девять дней одного года», «Каин XVIII», «Застава Ильича».

Счастливцам удавалось попасть в «Современник» и на Таганку.

Рвали друг у друга из рук номера «Юности», «Нового мира», да ещё «Иностранки». Ни до, ни после не было, кажется, в литературе такого количества новых имён.

«Литература Шестидесятых» – да и шире, искусство – войдёт в историю пусть не наравне, но на равных правах с Пушкинской эпохой или Серебряным веком. Правда, тут надо оговориться. Литература Шестидесятых – это, конечно, в первую очередь, молодые авторы, да плюс помолодевшие старики – Эренбург, Твардовский, Чуковский, Светлов, Паустовский, Симонов, Маршак. Но её нельзя представить и без тех, кто сами об этом не догадывались, но были, тем не менее, полноправными шестидесятниками: без тех, кто жили в другое время – Маяковский, Есенин, Грин, Бабель, Ильф и Петров, Шварц – или в другом месте – Хемингуэй, Ремарк, Сент-Экзюпери, Сэлинджер, – но оказались необходимы здесь и сейчас. Впрочем, это случай не уникальный. Если есть понятие «литература Перестройки», то оно почти полностью будет определяться именами иностранцев и «иновременцев».)

Итак, было, было.

А главное – были стихи. Сейчас даже невозможно представить себе, что творилось на вечерах поэзии в школах, институтах, клубах. Мода? И да и нет. Была и тогда своя «попса» (не упомню, как их звали, тогдашних кумиров), была соответствующая публика...

И именно из стихов вырос жанр, так и оставшийся визитной карточкой Шестидесятых – бардовская песня. (Её называют ещё авторской, самодеятельной, студенческой, туристской. Всё это неточно, и я предпочитаю употреблять слово, которое возникло как журналистский штамп, красивость – «барды и менестрели», – но постепенно превратилось в термин: именно потому, что за ним не стояло конкретное содержание, оно смогло служить своего рода именем собственным, полностью адекватным обозначаемому явлению).

Да, из стихов. В отличие не только от эстрадной песни – и прежней, и тогдашней, и нынешней, в отличие даже от рока, где иногда бывают очень умные тексты, но всё-таки всего лишь тексты, – это были именно стихи, внутренняя природа которых потребовала помимо рифмы и ритма ещё и мелодии. Мелодии очень скромной, не затмевающей стихи, но и такой, что без неё уже и самих стихов нет, и достаточно наиграть одним пальцем «Последний троллейбус», «Кап-кап» или «Ты у меня одна» – и «всё стало на свои места».

И сами барды – прежде всего поэты. Впрочем, мне кажется, что по-настоящему поэтом всегда оставался тот из них, кто формально в наибольшей степени был прозаиком – Анчаров: на самом деле он не написал ни одной прозаической строчки, все его повести – это одна сплошная песня. В прозе Визбора тоже явственно различаются аккорды гитары и отсветы костра, но проза Визбора сама по себе куда менее заметна. Что касается Окуджавы, здесь, как мне думается, иное. Конечно, поэт Окуджава и романист Окуджава – одно и то же лицо, но я (что, конечно, плохо говорит только обо мне) этого как-то не ощущаю, не слышу поэзии в его романах. Да не так уж это важно, романистов много, а Окуджава один.

Однако я не литературовед и не критик. И я лучше буду говорить об их (и моём) времени. Да и нельзя говорить об этих поэтах в отрыве от времени. Таковы уж они. Бывают поэты, и великие, которые спрашивают: «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?» А этим подобный вопрос никогда в голову не приходил. И читателю (слушателю) не придёт в голову спросить: а

1. Статья была написана в 1994-1995 гг. в качестве предисловия к сборнику прозы М. Анчарова, Ю. Визбора и Б. Окуджавы, запланированного к изданию Восточно-Сибирским книжным издательством. Инициатором проекта был Виталий Камышев, составителем сборника – Вадим Шерстов. По каким-то причинам издание не состоялось.

на какую, собственно, войну ушёл Лёнька Королёв? Как оказался майор десантных войск Н.Н.Зятьёв под городом Герат? «Цветы середины столетья» – какого? Что за «четыре года»? Нет, всё очень точно: «попозже, чем звон бубенцов, и пораньше, чем пламя ракеты», «прохожая, эй, постой, вспомни сорок шестой!», «послевоенный, над верёвкой, волейбол»... А если вроде бы и нет даты, то вот же она: и в синей маечке-футболочке, и в полужёстких креплениях, и в чьей-то радиоле, наигрывающей твист. А то, что Окуджава любит визиты в другие эпохи, то, во-первых, – это тоже следствие обострённого чувства времени (кто хорошо знает и любит своё, тот обязательно будет стремиться постичь и чужое), а во-вторых... И в Римской империи времени упадка его юношам снятся то скатка, то схватка. А Александр Сергеевич прогуливается по сегодняшней Москве.

Кстати, у наших поэтов и в пространстве точнейший адрес – именно Москва («Москва - это не гостиница для туристов, а мой родной дом, и у себя дома я всё понимаю, кроме себя самого»). И даже точнее – Арбат, Благуша, Сретенка. Господи, ведь сотни раз поднимался я на эскалаторе метро «Арбатская», и всегда возникало, помимо воли: «Ах Арбат, мой Арбат...» Дело, конечно, не в Арбате и не в Москве, у Городницкого, например, это Ленинград, но адрес всё равно есть. И если Визбор, подобно многим другим бардам (хотя бы тому же Городницкому), мотается по географии, как Окуджава по истории, Сретенка его ждёт.

Так вот, о времени. Если историк захочет найти ключевое слово эпохи, пусть полистает Окуджаву. Не самое ли у него любимое слово (и имя) – Надежда? От Нади-Наденьки и товарища Надежды по фамилии Чернова, от той, кому адресован «Сентиментальный марш», и той, у которой остаются ещё на Земле сыновья, через Надежды маленький оркестрик, через новую, прекрасную встречу с Надеждой, которая проживает всё там же, к горестно-оптимистическому «что делать – Надежда была». Слово сказано. И, честное слово, лучшего здесь не найти (есть ещё, правда, эренбурговская «Оттепель», но, по-моему, «Надежда» – точнее).

Поймут ли ту Надежду мальчики других поколений? Поймут ли, в чём она коренилась?

Один корень назывался – Победа. Все шестидесятники вышли из Войны и из Победы. Конечно, Война была Великая и Отечественная, но прежде всего она была просто Война (когда говорили о какой-то другой войне – тогда появлялись определения). Не было жуткой аббревиатуры «ВОВ», не было казённого словечка «ветераны». Были фронтовики. А фронтовики – это и Окуджава, и Анчаров. И Слуцкий, Василь Быков, Тендряков, Межиров, Друнина, Некрасов, Бакланов, Борис Васильев, Балтер, Левитанский, Самойлов, Розов, Дмитрий Сергеев, Марк Сергеев, Сидур, Неизвестный, Гердт, Юрий Никулин, Папанов, Чухрай... (Просто перечислять эти имена – как чудесной музыкой наслаждаться). Они выжили. Что они чувствовали тогда, в 45-м? И что чувствовали мальчишки, дождавшиеся и не дождавшиеся отцов? (И среди них – Юрка Визбор...) Того воздуха хватило и нам, родившимся после Войны. Папа, молодой, самый сильный на свете – фронтовик, а на доме – чёткая надпись: «Проверено. Мин нет». И если кто-то рядом бросит «жид», то ясно, он фашист, он из тех, кого папа победил, и как это он смеет в нашей стране что-то квакать! Ну разве может теперь не наступить жизнь совсем хорошая?

Но те, кто постарше, имели время и возможность протрезветь от хмеля Победы. Как после первой Отечественной невозможно было хлебнувшим этого хмеля жить с крепостным правом и самодержавием, так и новых победителей – тех из них, кто был пособразительнее или, к своему несчастью, поинформированнее, – душило смутное ли, ясное ли понимание того, что после Победы над фашизмом нельзя так жить.

И тут грянул XX съезд, прорезался ещё один корень Надежды. Пришла Свобода (или то, что казалось Свободой, но ведь глоток в пустыне имеет больше права называться водой, чем сам Байкал). Всё сходилось!

Ну, не совсем всё. Оставались неясности: Троцкий и Бухарин, раскулачивание и вредители. Но это было как с классической физикой в XIX веке: всё по Ньютону, осталось решить парочку проблем, и мир опять станет ясным. Да и то сказать, неясности оставались в официальных версиях, а добрым людям было очевидно, что сталинизм начался не в 1934, а раньше, как понятно было и то, что с ним не покончено. Но всё это укладывалось в единую картину мира.

А что же это была за картина? Что же был за третий, самый мощный корень Надежды, для которого два других служили подпиткой, подпоркой, чтобы не было в нём никаких сомнений? Внимание: я сейчас буду произносить неприличные слова. Революция. Ленин. Коммунизм. Вот откуда произрастал этот корень. Вот во что верили и на что надеялись шестидесятники.

Выкладываю перед мальчиками других поколений серьёзнейшее вещественное доказательство. Это из «Теории невероятности».

– Мою песню пьяным не поют...

– Про любовь? – спросил Володя.

– Про любовь.

Поэт опять взял простой и спокойный аккорд и сказал отчётливо:

– Вставай, проклятьем заклеймённый, весь мир голодных и рабов.

Володя откинулся.

– «Интернационал»... – сказал он.

– Ага, – сказал поэт.

– Это серьёзная песня, – сказал Володя и тяжело сглотнул.

Поэт кивнул.

– Про любовь... – сказал Володя.

Потом он заплакал...

И ещё, оттуда же:

«К детям и вождям обращаются на "ты" – не обижайся... Я не знаю, большой я поэт или маленький, но, клянусь тебе, я верный... Потому что ты всегда был главный, но никогда не один... У меня есть знакомая девочка... Она подрастёт, встретит своего человека, и, может быть, от них пойдёт племя счастливое... Я не умею подталкивать сзади, но я умею приманивать к тому, что вижу впереди... А впереди я вижу тебя. Ты мне веришь?»

Это Гошка, любимый анчаровский герой – перед портретом Ленина.

Таких явных вещдоков у наших поэтов наберётся не так уж много, но будьте уверены, эти взгляды и мысли были и их взглядами и мыслями, они вообще типичны для Шестидесятых (я не говорю о Синявском, Бродском, Солженицыне, но их и к шестидесятникам отнести трудно: время то же – менталитет другой).

Да и с происхождением у шестидесятников не всё в порядке. Не только Окуджава и Визбор, но и Трифонов, Тендряков, Аксёнов, Ким, Балтер, Евтушенко и многие другие вышли из семей коммунистов, участников Революции и Гражданской войны, зачастую очень крупных, как правило, репрессированных.

Итак, состав преступления налицо. Остаётся вынести приговор. Одно из двух. Либо по-куняевски, по-солоухински: осиновый кол им всем, погубителям России. Либо по-либеральному: выслушав (вырвав) чистосердечное раскаяние, сделав скидку на время, простить и даже пожалеть – но не более того.

И всё? Третьего не дано? А если задуматься вот над чем: какова всё-таки в действительности связь между пламенным большевиком Шалвой Окуджавой, который не щадил врагов Революции и не был пощажён её врагами, молодым Булатом Окуджавой, певшим о комиссарах в пыльных шлемах и вступившим в КПСС, и мудрым, печальным Булатом Шалвовичем?

Чтобы разобраться в этом, придётся копнуть ещё глубже и извлечь главный корень. Я бы назвал его очень просто - Добро. Или, говоря современным скучным языком, Общечеловеческие Ценности. То, что придаёт святость всем Заповедям и Проповедям (не наоборот!) и без чего они годятся лишь для муштровки нерассуждающих исполнителей и сжигания еретиков. Совесть, благородство и достоинство. Любви счастливые моменты и Любовь, застывшая на века. Истина, которая рядом живёт, рядом поёт, всё ждёт, ну когда же откроют её. Вот о чём пели барды, вот о чём вся литература и кинематограф Шестидесятых.

Но совместимо ли всё это с теми неприличными словами? Или Лёнька Королёв, Гошка Панфилов, Серёга Санин были ярыми антикоммунистами? А если нет, может, их надо послать подальше вместе со всяческими пережитками социализма, а заодно и с политически незрелыми авторами? Или связь времён считать случайной? Ну было, было, мол, и у подлецов рождаются порядочные дети, и умным людям свойственно в юности заблуждаться... Нет, не проходит. Статистика не позволяет. Она говорит на своём точном языке: очень высокая корреляция, заставляющая предполагать причинную связь.

Ой, не надо каяться моим поэтам. И не случайно произошёл Булат Шалвович от мудрых тех комиссаров и комсомольских богинь (хотя, ясное дело, это утверждение не опровергает ни факта существования комиссаров-палачей и их развесёлых подруг-садисток, ни прямой линии от них до райкомовских харь, преуспевающих нынче в бизнесе или тоскующих по Сталину).

А мир той веры не менее реален, чем тот, который описан в «Окаянных днях» Бунина и «Красном терроре» Мельгунова. (Так мир Евангелий куда реальнее того, что на самом деле происходило тогда в Иудее). Не будь он реален, не было бы мальчиков, с которых расписки за винтовки взяли писаря, и девочек, раздаривших платьица белые сестрёнкам своим. И не было бы команды от зари до зари в рай пропускать десант, и танка, который не смог наступить на куклу. И было бы некому потом восклицать, друг другом восхищаться. И лыжи бы у печки не стояли, и не молчал бы устало, неизвестно о чём, милейший механик, начальник дорог (наверняка член партии). И кто бы тогда научил нас Добру?

Только не надо поддаваться соблазну, зачислять шестидесятников в верные слуги тоталитарной системы. Нет, не в системе они были. Вернее, не в этой системе. И поделом доставалось им и от Хрущёва, и от Суслова. Потому что очень по-разному понимали они те неприличные слова. И разные были у них системы. И в системе шестидесятников неприличные слова увязывались с Общечеловеческими Ценностями куда убедительнее, чем в тоталитарной – с «ценностями» официальными. Точно так же не только Радищев и Герцен, но даже Лермонтов и Чехов были врагами «своей» системы, врагами тех, кто олицетворял тогда Россию, и они же были истинными патриотами России, они её оправдание перед историей.

И Надежда шестидесятников – это надежда на то, что, вопреки безумным султанам, осуществится мечта тех комиссаров и установится в мире Добро. И не только наша страна жила тогда этой надеждой. Парижские и западноберлинские студенты выходили на демонстрации с портретами Ленина и Че Гевары. А сам Че, бородатый рыцарь с астмой и обнажённой совестью, где-то в джунглях очередной страны Латинской Америки делал революцию. И волновались студенческие городки Соединённых Штатов, требуя вывода войск... нет, не из Афганистана – из Вьетнама, и шли по Алабаме и Миссисипи белые и чёрные борцы за гражданские права (да-да, всего полвека назад в бастионе демократии за них приходилось бороться!). А в Чехословакии бушевала Пражская весна, и во главе её стоял Первый секретарь компартии...

Но весна сменилась осенью. Где был нанесён самый страшный удар по Надежде? В Париже, в Праге, в Москве? Или в Чили, где Надежда ещё дотлевала, когда европейские бунтари, насмерть перепугавшие обывателей, частью остепенились, частью превратились в обыкновенных бандитов, а в раздавленной Чехословакии слова «красный» и «русский» стали ругательными... А у нас уже замелькали новые славословия, уже сидели в лагерях и психушках те, кто в 1968 вышли на площадь, и кто их защищал, и кто защищал защищавших, и уже были изгнаны Галич и Некрасов...

Заморозки были долгими, и те, кто при них формировался, росли уже без той Надежды. Возможно, они были умнее восторженных котят с вечеров поэзии, с бардовских концертов, из турпоходов. Нет, наверняка умнее. И им было труднее. Не было больше безоговорочных кумиров. Кто-то уходил в церковь, кто-то учил иврит – то и другое в Шестидесятые было ни к чему. Кто-то собирал информацию для «Хроники текущих событий», а потом получал срок. Кто-то формировал новую эстетику – эстетику рока, концептуализма и прочего андеграунда. Кто-то спивался. А кто и просто жил – растил детей, читал книжки, честно (или не совсем честно) делал карьеру.

А шестидесятники... Очень по-разному прожили они эти холодные годы, воспрянули было в Перестройку («На улицах Москвы Надежды голос слышен...»), но время было уже не их. (То есть не наше, не моё). Да и их (нас) поубавилось. Из кого жизнь успела выбить Надежду, а кто... Сказано: «Вместе с Юрой Визбором кончилась эпоха, время нашей юности, песен и стихов...»

Да, но мы-то ещё живы! Может, не кончилась? Пережила формальный конец шестидесятых, пережила 1968, пережила Чили, пережила – в наших душах, в ночных разговорах, в Грушинских фестивалях – застой и перестройку? Глядишь, переживёт своих создателей, нас переживёт?

Нет. Вряд ли. Я знаю точную дату, если можно так выразиться – коряво, но точно, – окончательного окончания этой эпохи, конца Надежды: 22 августа 1991, когда толпа в Москве кинулась сносить памятники, как бы специально, чтобы сохранившие наивность шестидесятники уяснили – победа накануне была победой над ИХ врагом, но это не была ИХ победа.

Хорошо ли, плохо ли – эпоха кончилась. Шестидесятники, живые и мёртвые, сохранившие хоть часть того духа или напрочь отрёкшиеся, стали историей. Они так же беззащитны, как, например, Маяковский. Их очень легко ругать. Даже призыв «Возьмёмся за руки, друзья!» можно объявить противоречащим цивилизованному капиталистическому индивидуализму. И объявляют.

Но – «что делать, Надежда была!»

И вы, мальчики и девочки других эпох, можете махнуть рукой, можете любить других. Но если вдруг, когда-нибудь вы почувствуете, что вам чего-то не хватает, – попробуйте прийти к поэтам Надежды. И, чем чёрт не шутит, может быть, именно «тогда опустеет Париж...»

Ибо сказано:

Уходя, оставить свет –
это больше, чем остаться!

< Эдуард Товмасьян

Когда мы были молодыми...

текст
Эдуард Товмасьян

Редакция журнала предложила мне вспомнить шестидесятые – годы моей молодости, теперь, по прошествии уже более десятка лет, – годы прошлого века. Я, находясь на огромной творческой дистанции с кинорежиссером В.П. Тодоровским, осмелюсь, тем не менее, солидаризироваться с ним в отношении к приковавшей меня к экрану «Оттепели» – в желании отразить жизнь отдельных людей в том времени. Только у меня не сериал многосерийный, а несколько частей моей промчавшейся жизни и жизни моих коллег, друзей и знакомых.

Начало шестидесятых годов. Представляю на смотр-конкурс молодых архитекторов Московской организации Союза архитекторов (МОСА) СССР как соавтор работу по генеральному плану города Чайковского Пермской области (ныне края). Отмечен дипломом II степени, который приравнен к рекомендации для вступления в Союз архитекторов СССР и дает право при наличии второй рекомендации вне очереди пройти комиссию по приему в Союз. Просто не заметил, как головокружительно в течение года был избран членом Правления, а затем и Президиума Правления МОСА, предложение которого возглавить московскую комиссию молодых архитекторов принял с чувством ответственности и с большим интересом.

Актив комиссии сложился естественным путем. Это были молодые архитекторы, для которых Центральный Дом архитектора был местом встреч, дискуссий и даже отдыха (кино, концерты, выставки), клубом профессионалов, любящих жизнь во всех ее проявлениях. Не хочу никого обижать, но сразу вспоминаю ярких и энергичных Лешу Гутнова, Сашу Кудрявцева, Андрюшу Звездина, а несколько позже Андрея Бокова и Костю Неустроева. Наверняка они Вам известны по своей последующей творческой и общественной деятельности. Тем не менее, несколько слов о каждом.

Леша (Алексей Эльбрусович) Гутнов (учился в Архитектурном институте на год позже меня) – сгусток целеустремленной энергии, имеющий, как правило, собственную, не всегда совпадающую с мнением многих точку зрения, ясно видящий цель и представляющий пути ее достижения. Невольно вспоминается афоризм: «Цель видят все, но в "яблочко" попадает только гений». За 26 лет творческой деятельности, отпущенных ему судьбой, он был неизменно верен поискам концепции современного города. В последние годы перестройки и в начале пути по изменению социально-политической ориентации страны его так не хватало Москве, да и пожалуй, стране.

А тогда, в начале деятельности комиссии молодых архитекторов Москвы наряду с профессионально-творческой мы не обделяли вниманием и клубно-творческую часть нашей жизни. Многих из нас приятно впечатлила подготовленная еще в Архитектурном институте курсом А. Гутнова по его инициативе концертная программа «Сплошняк»[1]. Вот запомнившиеся с тех пор куплеты песен.

Первый куплет одной из начальных песен:

Когда мы поступали в родной наш институт,
Мы ничего не знали о том, как здесь живут.
На лекции спешили мы утром каждый раз,
А злые старшекурсники высмеивали нас:
"Бедные-бедные! Как им тяжело!
Как им без журнальчика все в голову пришло?!"»
Завершающий песню куплет:
«Промчались быстро годы, мы выросли давно
И множество проектов отмыто и сдано
И если нам до сдачи осталось полчаса,
Слышны в аудитории лихие голоса:
"Выкрасим, выкрасим солнце в синий цвет,
Ведь для архитекторов преград на свете нет!!!"

И это ощущение возможности преодоления любых преград не покидало А. Гутнова никогда. Не могу не вспомнить и юмористического отношения к жизни студенческой молодежи гутновского времени. Еще один куплет:

Мы перспективу строим на диво,
точку зренья искать нам лень.
Вместе с тобою левою ногою на карнизе

1. на языке студентов – несколько дней, предшествующих сдаче проекта, когда сплошь идет работа над проектом, без лекций, семинарских и других занятий

2. по-моему, однокурсница А.А. Вознесенского

^ Алексей Гутнов
Андрей Вознесенский
Александр Кудрявцев

построим тень,
Нарисуем фронтон, пусть неправильный он,
ведь не главное в деле фронтон.
Пусть капители держатся еле чуть левее
самих колонн!

Особенностью нашей жизни конца пятидесятых – начала шестидесятых годов было практическое отсутствие профессиональной (особенно зарубежной) литературы по архитектуре, градостроительству, живописи и художественной литературы (от классики до детективов). Исключением были, пожалуй, библиотеки – Всесоюзная Государственная им. В.И. Ленина и Московского архитектурного института, а также возможность приобретения книг о Корбюзье, Пикассо, Татлине, Малевиче и других мастерах во время командировок или самостоятельных поездок в периферийные населенные пункты. Зато у нас была возможность беспрепятственно поздороваться со старше нас с А. Гутновым по курсу знаменитым в будущем поэтом Андреем Вознесенским. Ему нравилась студентка моего курса Леночка Жукова и он нередко приходил туда, где сидел наш курс. Надо напомнить, что за каждой группой курса закреплялась аудитория для самостоятельных занятий, где не только иногородние студенты, но и москвичи засиживались допоздна. Ныне, к сожалению, этого нет, но зато нет и опасности пожара. Вспомним «Пожар в Архитектурном» А.А. Вознесенского:

Пожар в Архитектурном,
Пылайте широко
Коровники в амурах,
Райклубы в рококо.
.....
Кариночка Красильникова[2],
Айда в кино!

Саша (Александр Петрович) Кудрявцев (учился на одном курсе с А. Гутновым, а последний год дипломного проектирования – в Бухарестском архитектурном институте) – человек чрезвычайно обстоятельный и сохраняющий внешнее спокойствие в самых разных, даже непростых ситуациях. Это помогло ему в дальнейшей жизни справляться с решением спектра задач от проектирования зрелищных зданий и спортивных сооружений до руководства государственными академиями – Московским архитектурным институтом и Российской академией архитектуры и строительных наук. А тогда, в молодежной комиссии ему поручалась работа в жюри молодежных смотров и работа с документами (нашими программами, решениями, проектами постановлений, протоколами и т.п.). Интересный штрих сегодняшних дней. На внеочередном пленарном заседании РААСН по принятию новой редакции Устава Академии зачитывается позиция, из которой согласно юридическим формулировкам следует, что Президент Академии является органом – «Никогда еще не был органом ну что же, – придется быть», – подает реплику Александр Петрович. Он до сих пор сохранил, я бы сказал, респектабельность, видимость внешнего спокойствия (наверно, с годами это не всегда легко) и присущую ему масштабность восприятия информации в том широком диапазоне пластов культур, которыми он владеет.

Андрюша (Андрей Иванович) Звездин (тоже однокурсник А. Гутнова) – энергичный человек, почти всегда знающий, что надо делать в данной конкретной ситуации. Большую часть своей многообразной творческой жизни посвятил Институту ГИПРОНИИ Академии наук страны. Сколько энергии, труда, творческой сметки и выдумки вложено им и его коллегами-соратниками в реализацию проекта здания Президиума Академии наук страны в юго-западной части Москвы на берегу Москвы-реки, а также проектов так называемых академгородков! Предложение двух молодых архитекторов (жаль, что не помню фамилий, хотя и представлял их на одном из телека-

^ Георгий Орлов
Андрей Боков
Этнри Левиева

налов) по архитектурно-композиционной идее проекта здания Президиума, отмеченная среди нескольких других работ смотра молодых архитекторов, была впоследствии учтена при реализации проекта. В молодежной комиссии А. Звездин был своеобразным генератором конкретных действий по эффективной реализации планов работы комиссии (творческие дискуссии, смотры, конкурсы, взаимоотношения с руководящими структурами Союза архитекторов и т.д.).

От этих руководящих структур деятельность нашей молодежной комиссии опекала дивная, милейшая Людмила Леонидовна Белоусова. Она с присущей деликатностью, улыбкой и спокойным нежным голосом могла помочь преодолеть возникающие в деятельности молодежной комиссии сложности и препятствия. Это не были отношения господства и подчинения. Людмила Леонидовна была нашим верным старшим другом.

А комиссия расширяла сферы своей активности, так что даже в Союзе архитекторов стали поговаривать о зарождении в структуре Союза второго параллельного Союза архитекторов. Это не входило в наши намерения и планы. Поэтому мы предложили встречу на самом высоком для Союза уровне – секретариате Правления Союза архитекторов СССР.

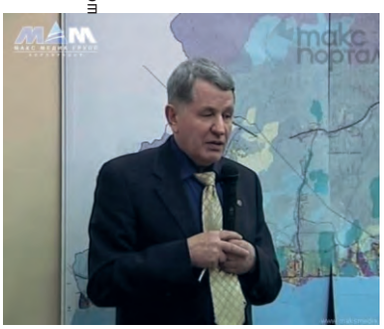
Вскоре эта встреча состоялась. Первым секретарем Правления Союза архитекторов СССР был глубокоуважаемый в архитектурной среде, известный своими творческими работами по созданию в стране гидроэлектростанций, Георгий Михайлович Орлов. Он имел и международное признание, будучи избран на три года в начале семидесятых годов Президентом Международного Союза архитекторов. Его наиболее активными помощниками являлись секретари Правления Союза архитекторов – практики-архитекторы, а впоследствии ученые и педагоги Владимир Николаевич Белоусов (в сфере градостроительства), значительное время бывший директором моего родного института ЦНИИП градостроительства РААСН, и Ираида Васильевна Шишкина (в области истории архитектуры). Отвлекусь, чтобы вспомнить, что в Московском архитектурном Институте я был привлечен к работе в Совете Научного студенческого общества, возглавляемом, по-моему, тогда еще аспирантом В.Н. Белоусовым.

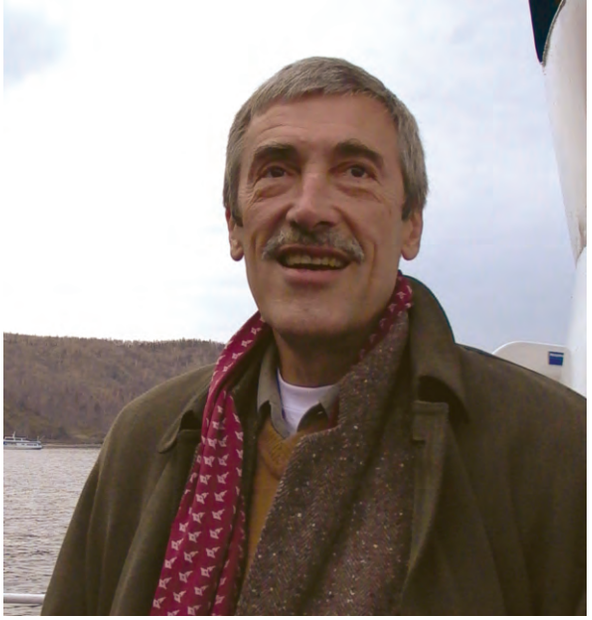
Вернемся к встрече с членами секретариата. Нас из молодежной комиссии было трое или четверо (точно не помню), но что вместе со мною был Алексей Гутнов, помню отчетливо. Помощник Г.М. Орлова пригласила нас в его кабинет, где собрался секретариат. Георгий Михайлович встал, чтобы поприветствовать нас и позаботился, чтобы каждому было предоставлено удобное место. В последующее время мне приходилось бывать в кабинетах власть предержащих неоднократно, но такая встреча была единственный раз в моей жизни. Секретариат внимательно выслушал наши сообщения, и после обсуждения Георгий Михайлович подвел итог. Он подчеркнул, что деятельность молодежной комиссии – это своеобразный клуб, которого в тот момент, по его мнению, так не хватало и Союзу архитекторов и Центральному Дому архитектора в Москве. Мы ушли с этого заседания окрыленные.

Ежегодные смотры творчества молодых, через горнило которых прошли многие видные сегодня мастера архитектуры, специализированные (по программам, разработанным в молодежной комиссии) поездки молодежи в Югославию, Францию, Японию, о которых до сих пор помнят уже убеленные сединами «ребята» шестидесятых-семидесятых годов – это только вершина айсберга деятельности молодежной комиссии тех времен.

Вот несколько примеров лауреатов тогдашних и несколько более поздних молодежных смотров, впоследствии не раз побеждавших на смотрах более высокого уровня и ранга:

Андрюша Боков (ныне Андрей Владимирович Боков) – Президент Союза архитекторов России, доктор архитектуры, действительный член Российской





^ Константин Неустроев
Александр Скокан
Татьяна Гринденко

академии архитектуры и строительных наук, автор многих интересных реализованных градостроительных и архитектурных проектов.

Володя (Владимир Александрович) Васильев – в настоящее время уважаемый в Хабаровске архитектор-творец, председатель Хабаровского Союза архитекторов и председатель Совета Дальневосточного объединения Союза архитекторов России, вице-президент Союза архитекторов России.

Костя Неустроев – тогда в молодые годы постоянный оппонент Андрея Бокова, а теперь прошедший фундаментальную школу ЦНИИП градостроительства РААСН Константин Федорович Неустроев, главный архитектор Института ЗАО «ГИПРОГОР», кандидат архитектуры, советник Российской академии архитектуры и строительных наук, автор многих крупных градостроительных проектов.

Саша Скокан – с его отцом, известным московским архитектором Андреем Скоканом я имел честь в свое время быть избранным в Президиум Правления МОСА. Теперь его сын, Александр Андреевич Скокан – сам мэтр архитектуры, руководитель архитектурного бюро «Остоженка», автор многих интересных градостроительных проектов и архитектурных построек, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, академик Международной Академии архитектуры в Москве, заслуженный строитель Москвы, вице-президент Союза архитекторов России.

Особое место в молодежной комиссии принадлежало Этери Левиевой. Она была сотрудницей аппарата Правления Союза архитекторов и, как мне до сих пор кажется, с любовью относилась к деятельности нашей комиссии. Ей были присущи исключительная деловитость и организованность. Мне очень нравилось работать с ней. Позже она стала директором Московского объединения молодых архитекторов, заведующей отделом по работе с молодыми архитекторами, консультантом отдела международных связей и отдела печати Союза архитекторов СССР, а сегодня Этери Михайловна Левиева – генеральный директор Фонда «Академия Российского телевидения», обладатель многочисленных призов и наград международных телевизионных фестивалей и форумов.

По инициативе молодежной комиссии и при поддержке руководителей Союза архитекторов были осуществлены первые шаги по объединению творческой молодежи Москвы. Конечно, возникла мысль об официальном создании такого объединения. Объединение официального статуса не получило.

Тем не менее в Центральном доме архитектора прошел первый творческий вечер «Дебюты», в выступлениях на котором приняли участие коллеги практически всех творческих профессий. Цикл таких вечеров продолжался во Всесоюзном театральном обществе, Центральном Доме актера и др. В неформально созданную группу, организующую эти творческие вечера и встречи, входили Вадик Бероев (Вадим Борисович Бероев – актер театра и кино, заслуженный артист РСФСР, выступивший в кинороли майора «Вихря», ставшей одним из символов шестидесятых годов прошлого столетия), Таня Гринденко (Татьяна Тихоновна Гринденко – впоследствии известная российская скрипачка, народная артистка Российской Федерации), Гидон Кремер (Гидон Маркусович Кремер – скрипач мирового уровня и режиссер, ставший в 1970 г. первым на Международном конкурсе имени П.И. Чайковского в Москве), Лариса Шепитько (Лариса Ефимовна Шепитько – известнейший кинорежиссер, сценарист и актриса, заслуженный деятель искусств РСФСР) и Ваш покорный слуга, автор статьи.

О Ларисе Шепитько, человеке непростой судьбы, хочется сказать отдельно. Первый полнометражный фильм – дипломная работа «Зной» (1963 г.) по повести Чингиза Айтматова «Верблюжий глаз» в 1964 г. удостоен премии за дебют на Международном кинофестивале в Карловых Варах. Известность Ларисе Шепитько принёс её второй фильм «Крылья» (1966 г.), рассказывающий о послевоенной судьбе лётчицы Надежды Петрухиной. Следующий фильм «Родина

^ Гидон Кремер
Вадим Бероев
Лариса Шепитько

электричества» (1967 г.) по мотивам рассказа Андрея Платонова из цензурных соображений не был выпущен на экран (картину удалось восстановить и показать зрителям только через 20 лет). В 1969 г. был снят ее первый цветной фильм – музыкальная сказка «В тринадцатом часу ночи», а в 1971 г. вторая и последняя цветная картина «Ты и я» по ее и Геннадия Шпаликова сценарию, посвященному их поколению тридцатилетних. Большой успех получил ее фильм «Восхождение» (1976 г.) по повести Василя Быкова о двух белорусских партизанах, попавших в руки полицаев. Фильм находился на грани запрета и вышел на экраны лишь после вмешательства Первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Белоруссии Петра Машерова. «Восхождение» – сильная драма о вере и предательстве. Фильм был удостоен главных призов Всесоюзного кинофестиваля в Риге, а на международном кинофестивале в Западном Берлине получил Гран-при «Золотой медведь», премии ФИПРЕССИ и экуменического жюри. Жизнь ее оборвалась в автомобильной катастрофе (1979 г.) на съемках фильма «Матёра», сценарий которого по повести Валентина Распутина «Прощание с Матёрой» она готовила сама. Это был только 42-й год ее жизни. До сих пор помню, как у нее на кухне мы вместе обсуждали подготовку очередной творческой встречи «Дебюты»...

Молодость всегда ярко запечатлена в памяти. В наши молодые годы мы жили по тем правилам, которые существовали в стране. Да, союзы творческих деятелей культуры были организованы в тридцатые годы в том числе, а может и преимущественно, с целью идеологического контроля, недопущения каких-либо отклонений от линии посаженной господствовать идеологии. К чести Союза архитекторов надо сказать, что ни одно идеологическое давление извне не нарушало той уважительной атмосферы взаимопонимания и поддержки, которое наш Союз пронес до сегодняшнего дня сквозь все этапы переходов от социализма к коммунизму, затем ускорения, перестройки и, наконец, вползания в капитализм. Низкий поклон руководителям Союза архитекторов страны, начиная с беспартийного Георгия Михайловича Орлова, которые, находясь на стыке между административно-политическим руководством страны и членами Союза архитекторов, смогли в тех случаях, когда это не соответствовало принципам совести, морали и справедливости, амортизировать действие пресса идеологического давления.

Интересно, что в настоящее время пресс руководящего давления резко сменился с заинтересованного идеологического на безразличное. Закончить хочу обширной цитатой, почерпнутой из интервью Президента Союза архитекторов России А.В. Бокова журналу «Технологии строительства» [№ 1-2 (70-71) 2010]: «Архитектура есть основа культуры, а культура, в конечном счете, делает людей людьми, и об этом нельзя забывать. Культура начинается с нашего дома, с ближайшего окружения и касается всего обитаемого пространства.

Архитектура – это предмет, интересующий, прежде всего, людей тонких, интеллектуально и духовно зрелых, достигших определенного уровня самосознания. Бюрократия, как правило, приходит к такому состоянию не всегда и не сразу. Сегодняшняя власть диверсифицирована, она «расползлась», в каждом городе местные начальники самостоятельно определяют свою политику, при этом архитектура не является предметом их забот, как и организация городского пространства вообще».

> «Рейсшинка» выступает в Колонном зале Дома Союзов.
Солируют О. Лебедева, М. Краснова, Э. Осина, И. Шишкина.
Пятидесятые годы

«Кохинор и Рейсшинка»

текст
Константин Лидин

Конец пятидесятых годов в СССР ознаменовался мощным всплеском интереса правительства и партии к архитектурно-строительному комплексу. Н. С. Хрущев, который прославился как знаток сельского хозяйства (особенно кукурузоводства), не меньшим знатоком был и в архитектуре. Всего за пять лет произошли следующие судьбоносные происшествия:

– Постановление «О развитии производства сборного железобетона» – август 1954 года.

– Второе Всесоюзное совещание строителей, архитекторов и работников промышленности строительных материалов, строительного и дорожного машиностроения, проектных и научно-исследовательских организаций. Речь Хрущева – 7 декабря 1954 года.

– Постановление «О мерах по дальнейшей индустриализации, улучшению качества и снижению стоимости строительства» – 23 августа 1955 года. (ликвидация Академии архитектуры, создание Академии строительства и архитектуры – АСИА).

– Постановление «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» – 4 ноября 1955 года и создание Главмосстроя.

– Второй съезд Союза советских архитекторов – конец 1955-го.

– Речь Хрущева на празднике московских строителей – 31 июля 1956 года.

– Постановление «О развитии жилищного строительства в СССР» – 31 июля 1956 года (решение о выделении дополнительных средств для жилищного строительства и указание на необходимость борьбы с излишествами).

– Третье Всесоюзное совещание строителей – апрель 1958-го. Речь Хрущева (о необходимости ускорить перестройку в архитектуре).

– Июньский Пленум ЦК КПСС – 1959 год (поддержано создание домостроительных комбинатов)[1].

В результате этого шквала постановлений к началу шестидесятых годов ситуация в отечественной архитектуре приобрела невиданную динамику.

В принципе, основная идея той перестройки выглядела весьма привлекательно. Предполагалось, что советская архитектура стремительно догонит и перегонит западную, что великое наследие конструктивистов снова будет развиваться, что новые материалы – стекло, алюминий, литой бетон – позволят преобразить облик советских городов… Однако получилось как всегда.

В триаде достоинств архитектуры – красота, прочность, удобство, известных со времен Витрувия, красота была не просто задвинута на последнее место. Она как бы вообще выпала из поля зрения строительно-архитектурных чиновников. Следом за ней стушевались и прочность, и удобство. На первое место властно вылезла дешевизна. Резкое, в разы и даже в десятки раз удешевление строительства позволило провести беспрецедентное массовое строительство жилья. Отдельные квартиры, которые раньше были достоянием элиты, стали обычным явлением. Ну и что, что они были типовые, крошечные по метражу, и потолок давил на голову, и стенки были картонные, полы рассыхались, а унитаз качался с риском для жизни и здоровья жильцов? Важно ли это, если учесть, до какой степени квартирный вопрос успел уже испортить советского человека?

Перевод строительной отрасли на массовые, поточные методы отозвался тяжелым кризисом профессии архитектора. Из художника, творца, создателя вечной «застывшей музыки» его пытались превратить в участника производственного процесса.

Вполне понятно, что профессиональное сообщество бурно реагировало на столь кардинальные преобразования. Было страшно (сталинские чистки были еще очень свежи в памяти), затем были и возмущения, и злорадное торжество по поводу падения вчерашних авторитетов. Затем над реформами начали смеяться. Причем смех архитекторов – людей талантливых и творческих – закономерно принял формы творческие и талантливые.

Заметим, что насмешки над политикой партии и правительства, даже после XX съезда КПСС, были делом рискованным и требовали немалого личного мужества. До сих пор не очень понятно, почему архитекторам была позволена настолько смелая сатира. Но, так или иначе, в результате на свет появился совершенно уни-

1. Хан-Магомедов С. О. Хрущевский утилитаризм: плюсы и минусы // Academia. 2006. № 4.

< На «Голубом Огоньке» TV, «Хор жильцов»: А. Шайхет, Л. Соколов, О. Лебедева, В. Фомин. 1963 год

кальный феномен – самодеятельный музыкально-сатирический ансамбль «Кохинор и Рейсшинка». Ансамбль был создан еще в 1953 году группой молодых архитекторов, сотрудников Моспроекта, и поначалу представлял собой сугубо внутриинститутское явление. Однако уже в 1956 году состоялись концерты ансамбля в Колонном зале Дома Союзов и далее – практически во всех домах творческих союзов, в Концертном зале имени Чайковского... Ансамбль гастролировал по линии Союза архитекторов СССР в тридцати трех городах. Единственное, куда «КиР» не пускали – на телевидение. За пятьдесят лет существования ансамбль появлялся на голубых экранах всего пару раз. Все-таки подобная смелость была не для всего советского народа, а только для артистической и научной элиты.

Поразительно музыкальное и артистическое мастерство участников ансамбля, особенно учитывая, что все они были профессиональными архитекторами. И какими! Всего в рядах «КиР» было выращено два народных архитектора СССР, восемь заслуженных архитекторов России, четыре лауреата Государственной премии СССР и два – Государственной премии России, один лауреат Государственной премии Узбекистана, шесть заслуженных работников культуры России, три лауреата Премии Совета Министров СССР, два орденоносца, семь действительных членов и членов-корреспондентов РААСН, МААМ, РАХ, два доктора архитектуры, два профессора, один кандидат архитектуры.

Отдельно о руководителях и создателях ансамбля. Музыкальные руководители – архитектор Игорь Александрович Покровский (главный архитектор Зеленограда, народный архитектор СССР, лауреат Государственных премий СССР и РФ, член трех академий) – дирижер и постановщик всех «Тараторий»[2] и песен «Кохинора» – и инженер Александр Хейфец – концертмейстер обоих коллективов и постановщик, вместе с архитектором Риммой Алдониной. Авторы текстов – архитекторы Юлий Ранинский, Валентин Уткин, Римма Алдонина, Феликс Новиков, Анатолий Шайхет, Михаил Бартенев, Екатерина Куфтырева, Юрий Соколов, Юрий Мурзин и инженеры Михаил Кочин и Александр Пригожий. Организатор поездок (по-сегодняшнему продюсер) – архитектор Воля Косаржевский.

С нашей сегодняшней точки зрения не менее поразительно выглядит уровень общекультурной эрудиции. Как бы само собой подразумевается, например, что и исполнители, и слушатели ансамбля наизусть знают тексты из классических оперных партий. Вот, скажем, отрывок из «Таратории номер два» (1961 год):

ВСТУПЛЕНИЕ

Исключительно торжественная, историческая Панорама-Таратория «Сказание о несогласованном, а потому невидимом граде Китеже, а также о ГАПу и его работнике Балде». В десяти частях с перигеем и апогеем.

Исполняет: сводный академический хор работников Моспроект 1, 2, 3, 4, 5, МИИТЭПов, ЦНИИЭПов и народных дружинников. Секстет сторожей пожарной охраны г. Москвы.

Часть первая. Анданте-контабиле «О поле, поле, кто тебя усеял этими домами?»

Часть вторая. Рондо-капричиозо «Сквозь асбоцементные перила ножку дивную продень!»

Часть третья – четвертая. Скерцо-полундро «Мы будем строить из себя!»

Часть пятая. Полька-бабочка «В академики пойду, пусть меня назначат!»

Часть шестая. Фуга с вариациями «Хотя у нас кривые ноги, но мы хотим творить!»

Часть седьмая. Номенклатурный хор «Слушайтесь все!»

Часть восьмая. Реквием «Люди гибнут за металл и другие фондируемые материалы».

Часть девятая. Полуфинал «О дайте, дайте мне свободу...».

Часть десятая. Финал «Я свой позор сумею искупить!»

Части 1–10 исполняются без перерыва.

Солисты

Лауреаты внутриквартального конкурса певцов-умельцев: Лев Соколов, Киса Лебедева. Леонид Маковский, Алексей Циплаков. Братья-близнецы Макарычев и Кувырдин, как две капли воды похожие друг на друга, особенно Кувырдин.

Хореографическая труппа театра имени Немировича-

2. «Таратория» (пародия от «оратория») – слово выдуманное и означает музыкально-текстовое попурри.

Данченко под руководством Панченко. У инструмента – самодеятельный композитор на общественных началах – Александр Хейфец! Дирижер – народный артист Союза советских архитекторов Игорь Лексаныч Покровский Российский полусладкий!
Музыка-марши, как на парадах на Красной площади
ГОЛОС: На площади у стен Дома архитекторов начинается парад колонн. Первыми на площадь вступают колонны большого радиуса художественного воздействия для театров и дворцов культуры. Затем колонны среднего диаметра для детских садов и административных зданий. Затем колонны малого диаметра для дворовых фасадов жилых домов и общественных уборных.
ДА ЗДРАВСТВУЕТ НЕРУШИМАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ СТЕНОЙ И ОБЛИЦОВКОЙ!
ХОР: УРРА!!
ГОЛОС: На площадь в национальных костюмах выступают павильоны ВДНХа, за ними идут девушки с веслами и колхозницы со снопами, хороший урожай собрал скульптурный комбинат!
ДА ЗДРАВСТВУЕТ ОЧЕНЬ ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ ВУЧЕТИЧ!
ХОР: УРРА!!
ГОЛОС: Так мимо нас проходят наши грандиозные успехи!
Последней на площадь вступает ТЕОРИЯ.
ДА ЗДРАВСТВУЕТ ТЕОРИЯ – ПОДРУГА ПРАКТИКИ!
ХОР: МУРРА!!!
Музыка «Кипучая, могучая...»
1. ГОЛОС (на фоне музыки): Вот плотными рядами проходят колонны колонн! Урра!
Вот стройными рядами выступают коринфские капители! Урра!! Товарищу Захарову слава!...
2. ЮРОДИВЫЙ (музыка – соло Юродивого из оперы Мусоргского «Борис Годунов»):
А-а, а-а, а-а!
Ограбили зодчество!
Отняли капителечку!
Госстрой, а Госстрой,
Что же нам делать-то?
3. ХОР (музыка песни «Дан приказ ему на запад»):
Дан приказ смотреть на Запад,
Позабыть про старину,
Развивать архитектуру
И в длину и в ширину!

И родную развивали,
Соображая, что почем,
Современность создавали
Силикатным кирпичом...
4. ХОР (музыка комп. Дзержинского «От края и до края...»):
От края и до края,
От моря и до моря... (далее без слов)
ГОЛОС (на фоне этой музыки):
Их было пять, только пять!
Первый, второй, третий, четвертый, пятый...
Они стояли по уши в грязи,
Их встречали в пустыне и в тундре,
В Магадане и в Намангане.
И у них не было ничего!
Ни лифта, ни мусоропровода,
Только пять этажей!
Они промокали насквозь, их продувало,
Они промерзали, они падали...
Но на их место вставали новые!
И постепенно они заполонили все... все... все!
ХОР: От края и до края,
От моря и до моря...
ГОЛОС: Хорошие ребята, сами не знают, что делают!..
5. ХОР (музыка из оратории Д. Шостаковича):
ВО поле, вО поле
Все денежки ухлопали,
К трехэтажным домам
Дали теплотрассу...
К осени, к осени
Ту трассу перебросили,
И берез наш колхоз
Нарубил немало!
ХОР (тенора) (Даргомыжский, «Русалка»):
Возможно ль?
Он помешан!
Бедный зодчий!
ХОР (басы) (Даргомыжский, «Русалка», Мельник).
Какой я зодчий!
Какой я зодчий!
Говорят тебе, я – сметчик!
Сметчик!
<...>

Далее мы приводим несколько басен и песен, сочиненных больше полувека назад. Судите сами, насколько актуально они звучат сегодня.
Тексты взяты с официального сайта «Кохинора и Рейсшинки» (http://www.koxinor.net).

БАСНИ

В 1956 году проводилось московское совещание молодых архитекторов. К этому мероприятию была подготовлена программа, называвшаяся «Мы будем петь и смеяться, как дети». Действие проходило в архитектурном детском саду. «Мальчики» были в коротких штанишках, а «девочки» в мини юбках, которые тогда еще не вошли в моду. Стихотворение «Кем быть» из этой программы. В дальнейшем исполнялось отдельно.

КЕМ БЫТЬ?

Ф. Новиков, 1956 г.
У меня растут года,
Будет мне семнадцать,
Кем работать мне тогда,
Чем заниматься?
Для конструкций, например,
Очень нужен инженер,
Сработать дом довольно просто,
Берем каталоги и ГОСТы,
Альбом откроем и в момент,
Отыщем нужный фундамент.
Кладем стропила, крыши жесть,
И дом готов и крыша есть,
Хороший дом, добротный дом,
В нем новоселье справится,
И заживут ребята в нем,
Но он, боюсь, развалится.
Инженеру хорошо, а сантехнику лучше,
Я в сантехники пойду, пусть меня научат.
Вот канализация для фекальных вод,
А вот для чистых водопровод.
Санитарный узел – отличная штучка,
Хочешь убедиться? Дерни за ручку.
Сантехнику хорошо, а архитектору лучше,
В архитекторы пойду, пусть меня научат.
Я сначала начерчу
Дом такой, какой велят,
И никто не разберет,
Где фасад, а где зад.
Самое главное и основное,
Чтобы здание было типовое,
Словно живое.
Архитектору хорошо, а критику лучше,
Я бы в критики пошел, пусть меня научат.
Критикую и учу
Каждого, кого хочу.
Сегодня одно, завтра другое,

Имею мнение такое и сякое.
Семь пятниц на дню,
Все двояко решаю я,
Нынче с Бетховеным вас сравню,
Завтра с Гуно смешаю.
Нынче в холод, а завтра в жар,
И за каждое мнение мне гонорар.
Критику хорошо, а в Академии лучше,
В академики пойду, пусть меня назначат!

ТУЗ
Ф. Новиков, 1955
Эта басня, написанная по поводу перевыборов правления Московского отделения Союза архитекторов, читалась автором с эстрады до тех пор, пока однажды зал отреагировал на нее гробовым молчанием. Очередной концерт состоялся после окончания XX съезда партии, и басня обрела зловещий смысл. Кто это там той же масти? И с тех пор она всякий раз звучит подобным образом в дни любых выборов, вплоть до нынешних дней.
Туз козырной пост важный занимал,
С шестерками – десятками не знался,
Валетов, дам не замечал,
И даже с королями не считался.
И вот по всей колоде разговор пошел,
Что, дескать, Туз не так игру повел,
Но все боялись заявить открыто,

Попробуйте сказать – и ваша карта бита.
Зазнался Туз, от коллектива оторвался,
В теории и практике отстал,
И в дураках остался, проиграл.
Колоду вновь тасуют и сдают,
Кто в этот раз окажется у власти?
Кто будет козырем? Все карты ждут,
И что ж? Опять выходит Туз,
И снова той же масти.

Колоду тасовали шулера.
Крапленый Туз, нечистая игра.

СТЕНЫ ТОНКИЕ (1964)
Жестокий романс *(мелодия жгучего романса «Очи черные», музыка Ф. Германа, текст Р. Алдониной и В. Уткина, исп. Р. Алдонина и Л. Соколов)*

Стены тонкие, стены легкие,
Эффективные, дефективные!
Вы сгубили меня, стены тонкие,
Пять ночей очей не смыкаю я!

За одной стеной все дитя кричит,
За другой стеной – унитаз журчит (буль-буль-буль!..)
А за той стеной все цалуются!
И доносятся речи страстные:

– Поцелуй меня! Потом я тебя!
Потом снова – ты! Потом снова – я!
И от тех речей исстрадался я,
И заснуть совсем нет возможности!

Посели меня ты в панельный дом,
Стены все обей шерстяным ковром,
Двери все обей одеялами…
Может, зиму мы и продержимся!

ПРОЕКТ ВСЕГДА ПРОЕКТ (1964)
Мелодия песни «Солдат всегда солдат», музыка В. Соловьева-Седого, текст Ф. Новикова – Кохинор

Однажды поручили мне почетное задание,
Я памятник решил создать потомкам в назидание,
Фасад, разрезы, планы лично отмывал,
Дом на подрамниках блистал – проект всегда проект.

Работу я закончил в срок, представил в Управление,
И вот ее эксперт берет в хорошем настроении,
Берет пожарник, врач берет, хорош проект иль плох,
И всяк, как может, ловит блох – эксперт всегда эксперт.

Высокий собрался совет и члены все толковые,
Но смотрят члены на проект, как на ворота новые,
Исправишь раз, исправишь два, глядишь, и сам не рад,
Тебе такое утвердят! – Совет всегда совет.

И вот, ребята, прихожу на стройку того дома я,
И что же вижу вкруг себя – картину всем знакомую,
Прораб все оси разбивал на глаз и на авось,
И ложит стены вкривь и вкось – прораб всегда прораб.

Проект мой современным был – космические линии,
И мыслил я себе свой дом в стекле и алюминии,
Но в жизни все случается совсем наоборот,
Ведь нам промышленность дает – панель всегда панель.

И вот приходит, наконец, приемная комиссия,
Глядит на дом и на проект, почесывая лысины,
Проект, увы, узнать нельзя, все зодчего клеймят,
Знать архитектор виноват – наш брат всегда наш брат.

А в этой песне четко и кратко выражена позиция «кохиноровцев». Архитекторы-шестидесятники действительно считали себя наследниками героического периода советского конструктивизма – несмотря на все перегибы и перекосы своего времени.

АРХИТЕКТОР 20-го ГОДА (1967)
Мелодия песни «Комсомольцы 20-го года», музыка О. Фельцмана, текст В. Уткина – Кохинор

Было время, когда
Мы в журналах идей не искали.
Было время, когда
Наши зодчие мир окрыляли.

Леонидов Иван –
Как звучало красиво и гордо,
Ты шагал впереди, ты шагал впереди,
Архитектор двадцатого года.

В шумном блеске Бродвей,
А у нас темнота и разруха,
Но в проектах тогда
Сохранялось величие духа!

Чертежи, рубежи,
Города, небоскребы, заводы.
Ты шагал впереди, ты шагал впереди,
Архитектор двадцатого года!

Что поделаешь, друг,
Мы порой отклонялись от цели.
И победы свои
В должный час отстоять не сумели.

Только в наших сердцах
Не завяли весенние всходы,
И как сердце в строю,
С нами вместе в строю
Архитектор двадцатого года.

Было время, когда
Мы в журналах идей не искали.
Было время, когда
Наши зодчие мир окрыляли.

Так учись же у них
Видеть завтрашний день человека,
Чтобы имя нести,
Гордо имя нести –
Архитектор двадцатого века!

Гласность по-иркутски [1]

Исторический город и экология культуры

В массовом сознании исторические города ассоциируются, как правило, с высокой градостроительной культурой, а то, что было создано в XX веке, воспринимается как своего рода «антикультура», не соизмеримая с архитектурным прошлым. Вокруг такого противопоставления ценностей традиционной и современной культуры разыгрываются жестокие баталии. Не избежал этого и Иркутск, получивший статус исторического города.

Объектом споров и столкновений мнений с середины 80-х годов становится новая архитектура города. В этот период волею случая, а может быть, традиционно для Иркутска, издавна отличавшегося интеллигентностью, духом свободолюбия и новаций, в нем собрались крупные творческие личности, поразному осознающие историю города и перспективы его развития. В их числе писатель Валентин Распутин и архитектор Владимир Павлов.

Вникая в сущность обвинений, обрушившихся на современную архитектуру города в местной печати, я смогла выделить несколько позиций, по которым старое и новое антагонистически противопоставлялось друг другу. Одна из них — неприятие нового языка архитектуры, как такового, противопоставление его традиционным пластическим средствам, о чем говорит сам подбор эпитетов, адресуемых современным зданиям. «...Ступенчатое нагромождение кубиков строящегося вычислительного центра... бесконечный бетонно-стеклянный кирпич проектного института... параллелепипеды «Союзпечати»... серый бетонный кирпич Дома быта, уныло глядящий на мир «окнами-гробиками»... многоэтажные ступенчатые кубики и остекленные бетонные кубы» — так характеризуется современная архитектура города писателем А. Шастиным [1]. В. Распутин в очерке «Кяхта» пишет: «...Иркутск в ранге исторического города, в облечении охранных прав и законов не уберег свой старинный центр, перечеркнув его **чужеродной геометрией самозванного модернизма»** (здесь и далее выделено мной.— **А. К.**).

В противовес «чужеродной геометрии» архитектуры 70—80-х годов неизменно положительно оценивается застройка улиц Ленина и Маркса, осуществленная в 50-е годы, так как «сама архитектура тех лет развивалась в историческом контексте, была «сработана» в традиционном пластическом стиле» — так пишет журналист Г. Сапронов [2].

Отрицая язык современной архитектуры как находящийся в заведомом противоречии с генетическим кодом исторической среды, и самой современной архитектуре отказывают в праве на существование в историческом центре города. При этом часто высказывается мнение, что современная архитектура вообще не может быть отнесена к явлениям культуры, а может лишь рассматриваться как своего рода «ухищрения новаторсконизвергательских поисков» [3]. «Из-за **отсутствия знаний и профессиональной культуры,** отрицания опыта прошлого, самокритичной оценки ошибок постепенно рождается стереотип победной поступи» [4]. Современные здания «...ставят в среду, которая их не приемлет и всеми силами сопротивляется им» [5].

О творчестве В. Павлова высказывается искусствовед В. Щербин: «Его тезис в открытую диктовал установку на прием реконструкции исторического центра Иркутска через неуважение к прошлому. Это чванство тотального обновления!» [6]

Оставим на совести наших оппонентов их суждения о профессиональной культуре и образованности ведущих архитекторов Иркутска, отложим наши рассуждения о трудностях творческой работы в атмосфере недружелюбия. Перейдем к итогам этой «дискуссии», которые отчасти реализовались в «Решении областного отделения ВООПИиК, коллегии управления культуры Иркутского облисполкома совместно с творческими союзами и организациями», где говорится, что нужно требовать «безусловного сохранения исторически сложившей-

Панорама правого берега Ангары с кафедральным собором. Снимок начала XX в.

ся планировочной структуры центра города и в связи с этим исключить расширение улиц Разина, Чкалова — Рабочей и пробивку улицы Марата»; «считать недопустимым возведение в историческом центре зданий крупных объемов и повышенной этажности. ...Концепцию высотных доминант рассматривать как неприемлемую в условиях исторического центра Иркутска»; «считать непозволительным вести застройку центра города с повышенной плотностью...»; «пересмотреть все отводы участков, затрагивающие интересы исторической среды города...».

Пересмотру подвергается возможность строительства почти всех новых объектов в центре Иркутска. На мой взгляд, названное решение, вызванное истинной заботой о сохранности памятников архитектуры, отличается при этом категоричностью запретительных мер по отношению к каким-либо реконструктивным мероприятиям в центре города.

Специфика архитектуры в отличие от других видов искусства состоит в том, что ее можно отнести к компрессионным системам (термин археологии), то есть системам, подверженным давлению времени, как бы спрессованным временем. Неоднократная переделка памятников архитектуры в соответствии с меняющимися художественными вкусами, стилистические наслоения в историческом ядре города, а иногда и «хирургические» вмешательства в его пространственно-планировочную структуру — все это закономерные формы существования архитектуры.

На протяжении своей жизни исторический город выступает как регенерирующая система, обладающая тенденцией к постоянному самообновлению — замене одних функций другими, часто в одном и том же месте. С точки зрения насыщенности духовными и культурными ценностями наши «урбанизированные» жилые районы являются некоей высотной деревней, тогда как малоэтажная застройка исторического центра оказывается продуктом подлинной урбанистики с высокой плотностью культуры. Не потому ли массовое сознание отторгает районы новостроек, что эта «чистая современность» не только территориально, но и духовно находится далеко от всей исторической городской культуры? Если мы будем, следуя советам наших оппонентов, искусственно разделять в городе старую и новую архитектуру, прошлую и нынешнюю культуры, не обедним ли мы и свой исторический город, и свой новый город, а отсюда и свою национальную культуру, процесс развития которой — цельное, неделимое явление? Прежде всего неясен ответ на вопросы: «В чем заключается неповторимость архитектурного наследия Иркутска? Какие его черты требуют культурного освоения сегодня?»

До сих пор теоретики не могут прийти к единому мнению и осознать русскую архитектуру как специфическое художественное явление в контексте мировой культуры. Такая неопределенность происходит, видимо, потому, что и раньше архитектурные стили были интернациональны по своему художественному языку, но всегда существовали едва уловимые национальные, региональные и местные диалекты этого языка.

Возьмем, к примеру, архитектуру барокко. Зародившись в Италии, барокко утвердилось в других странах Европы, в XVIII веке пришло в Россию, имело здесь свои художественные вариации по городам и регионам. Искусствоведение выделяет «елизаветинское» (петербургское), «нарышкинское» (московское) и так называемое сибирское барокко. Художественный язык барокко в Сибири получил особенности. Это связанная с влиянием сопредельных стран Востока повышенная декоративность форм, вплетение в каноническую основу местных этнических мотивов, определенные композиционные приемы построения объемов сооружений.

Таким образом, местное своеобразие и в прошлом было едва уловимо, рождалось на нюансных отклонениях от общепринятых канонов. Поэтому в сегодняшней оценке успехов или неудач новой архитектуры Иркутска правильнее было бы сравнивать ее с современной советской или зарубежной архитектурой, а не противопоставлять архитектурному прошлому города. Пока же мы лишь сравниваем различные художественные системы — историческую и современную, споря, какая из них лучше. Вряд ли это достойная задача для критики.

Архитектура, как и другие виды искусства, говорит на языке своего времени и существует в рамках определенных культурных норм. И то и другое мало зависит от воли архитектора и едва ли может быть поставлено ему в вину. Возьмем хотя бы отношение к традиции. Оно никогда не оставалось неизменным. Мы сами вычеркивали одну страницу отечественной культуры за другой, последовательно награждая их самыми нелестными эпитетами, а затем реабилитируя архитектуру эклектики, модерна, конструктивизма, советскую архитектуру периода освоения классического наследия. Время показало, что столь различные стилевые системы мирно уживаются в одном историческом пространстве города.

Современное общественное сознание настроено наиболее демократично в отношении к архитектурному наследию. Признаются не только все стилевые системы прошлого, но и самодеятельная архитектура. Все достойно профессио-

Новые архитектурные акценты Иркутска. Обретение утраченного силуэта.

нального внимания и изучения. На мой взгляд, своим виденьем истории города через призму современности отличаются работы ведущих архитекторов Иркутска. Есть основания говорить о сложившейся здесь архитектурной школе с высокой культурой и профессионализмом, которые проявляются, несмотря на слабую индустриальную базу и низкое качество строительства.

Вернемся к критике новых зданий Иркутска. О жилом комплексе В. Павлова на набережной читаем: «...что мы оставляем в наследство?.. Выдающиеся в смысле громоздкости постройки в центре исторического города? Взять хотя бы жилой дом на иркутской набережной, что высится **безликим коробом** над древними постройками, агрессивно относясь к своему окружению» [7].

Есть и другое мнение: это высокая оценка в профессиональных кругах, признание лучшей постройкой 1986 года по РСФСР в области жилищного строительства. Кстати, эта информация в местной газете была напечатана с большой неохотой и опозданием, исключительно по настоянию иркутского отделения Союза архитекторов РСФСР. Вообще, неравные позиции активно наступающих печатных «против» и слабо защищающихся устных «за» — особенность иркутской «гласности» вокруг современной архитектуры.

На фотографии начала века мы видим прекрасную панораму правого берега Ангары. С уничтожением в 20-е годы культовых построек, формировавших высотную композицию города, безвозвратно ушел в прошлое неповторимый силуэт Иркутска. Для него была характерна художественная манера сочного объемно-пластического моделирования венчающих частей доминант с точной светотеневой фиксацией объемов в пространстве. Вспомним Богоявленский собор, Крестовоздвиженскую церковь и другие культовые сооружения.

По существу, в том же ключе выполнены и новые объекты. Ярусность композиций, облегчающая здания кверху, использование мотивов скатной кровли, имеющей к тому же определенное смысловое значение (буквально «кров над головой»),— все это выгодно отличает новые постройки от других современных зданий, участвующих в формировании панорамы города.

Более всего возражений вызывает у наших оппонентов исключительно современная стилистика зданий, «крепостной», замкнутый характер. Но так ли далеки они от традиционных?

Что такое иронично называемые в местной печати «гаремные дворики» (небольшие огражденные кирпичной стеной выше человеческого роста участки земли с входами в квартиры первого этажа), как не современная интерпретация традиционного «заплота» (высокого забора, защищавшего от непогоды и постороннего взгляда жизнь горожан, проходившую в летние месяцы во внутреннем, мощенном деревянными плахами дворе)? А неприступный «брутальный» характер сооружений, не ассоциируется ли он с мощью конструктивных узлов и всего облика первых деревянных домов Иркутска, построенных из бревен толщиной 40—50 см?

Чем объяснить взаимное непонимание архитекторов и других представителей художественной интеллигенции, писателей, так остро проявившееся в Иркутске? Любое художественное произведение, а исторический город можно трактовать как таковое, рождает массу индивидуальных прочтений. При этом город существует как объективная реальность, живущая вне нас, и его образы могут не совпадать. Условие возникновения любого «образа-восприятия» — его личностный индивидуальный характер, который прежде всего зависит от уровня культуры человека, эрудиции и глубины ассоциативных связей. А потому нелепо сражаться образами Иркутска, доказывая, какой из них достовернее. Одними любим патриархальный старый город в кружевной резьбе наличников, с деревянным мощением улиц и дворов. Другим ближе новые формы, подспудно несущие художественный опыт прошлого. Пусть каждый внесет свое индивидуальное прочтение в общий генофонд городской культуры. Совокупный образ города от этого станет только богаче. Достоверно одно: если в городе живут люди, осознающие его образ,— значит, есть город как явление культуры.

Сегодня не вызывает сомнения, что Иркутск существует как неповторимое культурное явление, сущность которого еще предстоит осознать. В проходившей недавно всесоюзной деловой игре, посвященной перспективам развития Иркутска, коллективный разум участников еще раз пытался понять историческую миссию города в культурном и экономическом освоении края. Подчеркивалось, что издавна Иркутск играл роль своеобразного «шарнира» между Европой и Азией, осуществляя межгосударственные, межрегиональные торговые, экономические и культурные связи. И сегодня в архитектуре, искусстве, в других сферах деятельности, как никогда, важно самоопределение в историческом пространстве. Осознание ценностей традиционной и современной культуры играет в этом процессе не последнюю роль.

Давно уже стали общим местом суждения о некой ущербности, духовной ущемленности современной культуры, и в частности архитектуры. Бытует мнение, что новые районы городов порождают преступность, ибо бездуховная среда порождает бездуховное существование. А как же быть в том случае, когда в древнейших и красивейших исторических городах в одухотворенной, насыщенной разнообразной культурной информацией атмосфере улиц и площадей вырастают бескультурные, бедные духовно люди? Как часто мы проходим мимо сохраненных памятников культуры, взирая на обозначающие их культурную ценность таблички. А они «проходят» мимо нас прямым транзитом в будущее, сохраненные физически, но не освоенные духовно.

Духовная освоенность культуры — одно из важнейших условий трансляции ее из прошлого через настоящее в будущее. Настоящее становится тем узким местом воронки, где прошлое неизбежно переплавляется через призму современных ценностных ориентаций. Ответственность настоящего перед прошлым и будущим огромна. Именно в настоящем происходит отбор, трансформация и переориентация культурных ценностей прошлого, передача их в преображенном виде будущим поколениям. Этот процесс отбора, переориентации, собственной, личностной интерпретации культурной традиции и есть процесс ее освоения.

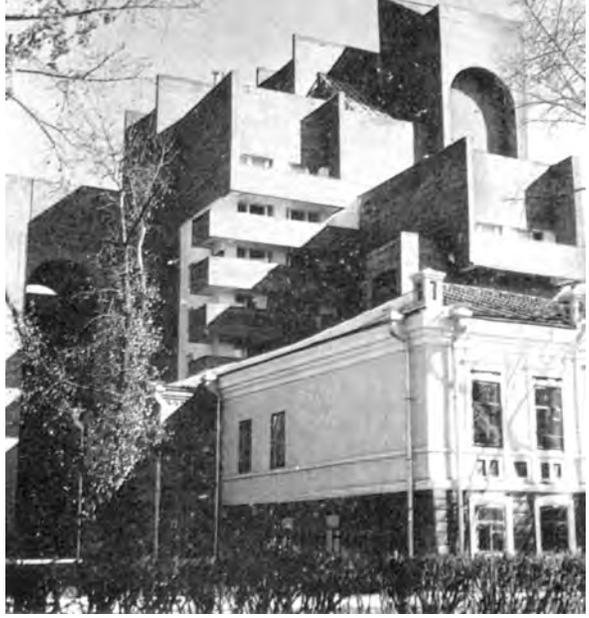
И здесь важно знание не только местной традиции, но и всей предшествующей и особенно современной культуры, так как только она обеспечивает и самовыражение творца, и восприятие зрителя. Огульное же отрицание современного искусства, будь то рок-музыка, авангардные направления в живописи, моде, свидетельствует скорее об инертности художественного восприятия и отсутствии чувства «эстетической открытости», которое, по мнению академика Д. Лихачева, должно отличать каждого культурного человека. Сегодня неизбежен процесс интернационализации культуры, делающий всеобщим достоянием достижения отдельных народов и народностей. Важно также, чтобы процесс освоения культуры прошлого через ценностные ориентации настоящего стал массовым явлением. Только тогда творец и зритель, архитектор и потребитель найдут общий язык.

А. КОРЗУН,
заведующий кафедрой
истории архитектуры
и основ проектирования
Иркутского политехнического института

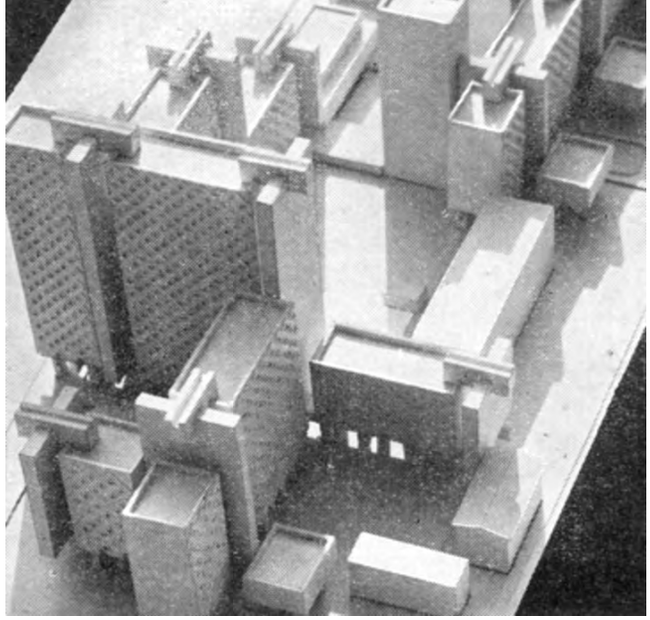
[1] Шастин А. Сбережем ли память? // Восточно-Сибирская правда.— 1986.—13 апр.
[2] Щербин В., Сапронов Г. Ступени собственного возвышения // Советская молодежь.— 1987.— 24 нояб.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Шастин А. Сбережем ли память?
[6] Щербин В., Сапронов Г. Ступени собственного возвышения.
[7] Там же.

**Порт Байкал в конце XX в.
История остановилась...
Или пошла вспять?**

1. Статья из журнала «Архитектура и строительство России», №11, 1989 г.



> Жилой дом управления ВСЖД (Архитектура и строительство России. 1989. № 11), автор В. Павлов



> Общественно-жилой комплекс по ул. Декабрьских Событий, представляющий развитую объемно-пространственную структуру (Архитектура СССР. 1980. №2), автор С. Григорьев

Архитектура шестидесятых в контексте общественного сознания

текст
Алла Корзун

Архитектура шестидесятых в СССР пришла на смену «периоду освоения классического наследия». Смена генерального направления в строительстве, как часто это бывало в нашем отечестве, в очередной раз была определена партией и правительством волевым путем. Чтобы понять настроение шестидесятников, необходимо дать маленький экскурс в историю архитектуры первой половины XX века.

В конце XIX – начале XX века на смену архитектурной эклектике, на разные лады перепевавшей отдельные мотивы исторических стилей, пришла «ее Величество» ни на что не похожая современная архитектура. Уже модерн как стиль не имел исторических аналогов. Язык же современной архитектуры был принципиально нов, ее формообразующие начала и возможности завораживали архитекторов. Неслучайно во всем мире наиболее смелые и талантливые из них увлеченно занялись разработкой «грамматики и синтаксиса» вновь рождающейся формы – некоего свода правил, гарантирующих создание нового художественного целого в архитектуре, дизайне и искусстве. Примером являются поиски идеальной формы голландской группой «Де Стиль», идеи универсального пространства и лаконичной формы Л. Мис Ван дер Роэ, 5 принципов Ле Корбюзье, к которым вернемся позже, «органичная архитектура» Ф.Л. Райта, А.Аалто и др.)

Отечественная школа не отставала от пионеров современной архитектуры, а кое в чем и опережала мировой авангард. Достаточно перечислить фамилии И.Леонидова, К.Мельникова, Э. Лисицкого, К. Малевича, и др.

В то время, как за рубежом стиль «современной архитектуры» (теперь его часто называют «модернизмом») при разнообразии формальных и концептуальных поисков развивался эволюционно, в отечественной архитектуре в 30-х годах наметился кардинальный перелом. Культу личности И. Сталина больше соответствовала репрезентативная классика, интерпретациями которой вплоть до смерти вождя и занимались советские архитекторы.

За величественными, богато декорированными фасадами «сталинских» жилых домов внутри обычно находились коммунальные квартиры с общей кухней на несколько семей – изобретение советского быта. Страна была небогатой, с неразвитой индустриальной базой строительства, но хотелось жить лучше. В середине 50-х годов был издан закон «О борьбе с архитектурными излишествами» и принят курс на массовое строительство по типовым проектам. Таков был новый социальный заказ времени, который наследовали шестидесятые.

Есть такое выражение: «Времена не выбирают, в них живут и умирают»,...а архитекторы еще и творят, хотелось бы добавить (А.К.). Профессия архитектора как никакая другая из творческих профессий зависима от своего времени.

Непонятные современному поколению архитекторов эмоциональные переживания драматического конфликта в душе – между тем, что хотелось бы (и, вероятно, на субъективном уровне моглось бы) и тем, что объективно дозволено.

Архитектурное образование шестидесятых: с одной стороны – иллюстрированные иностранные журналы с высокого класса современной архитектурой, возможность выразить себя в учебном проектировании, с другой – «привязки» типовых проектов на рабочем месте, в лучшем случае коллективное создание типового проекта, например, жилого дома из стандартных элементов с минимизированными квартирами. Тем не менее и творчество, и творцы были и в это время.

Трудно рассматривать изолированно архитектурное творчество шестидесятых от последующих десятилетий. Правильнее было бы говорить о периоде 60-х – 80-х. Шестидесятые – истоки современной нам архитектуры Иркутска. С технологиями того времени процесс проектирования не был быстрым. Между началом проектирования и завершением строительства со всеми бюрократическими согласованиями проходило значительное время. За отсутствием средств строительство иногда приостанавливалось. Новые объекты, за исключением жилых микрорайонов и «привязанных к месту» типовых проектов общественных зданий,

< Дом культуры в г. Шелехове (Архитектура СССР. 1980. №2), авторы В. Павлов, В. Бух

появлялись неторопливо один за другим, вызывая резонанс в профессиональных кругах и оживленные обсуждения общественности. Постепенно приходило осознание их эстетической ценности.

Иркутск долго не имел своего архитектурного образовательного учреждения. В период шестидесятых здесь работало много выпускников центральных вузов страны: В. Аптекман, В. Бух, В. Воронежский, В. Колпиков, Л. Крупская, В. Нечволодов, В. Суханов и другие. Иркутск притягивал особой атмосферой свободомыслия. Многие видели здесь перспективу и возможность творчества в ограниченных рамках и жестких условиях того времени.

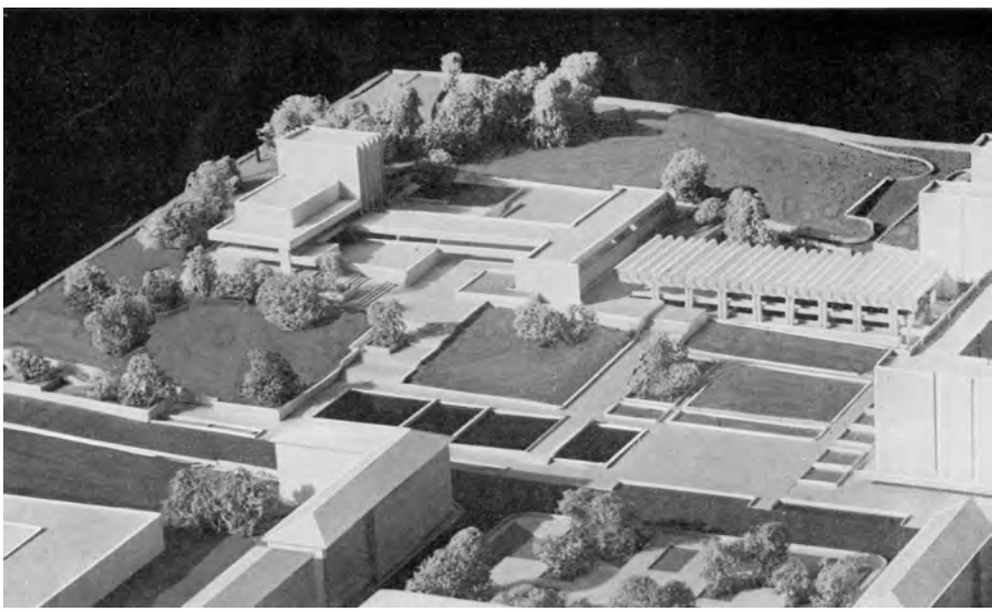
Постепенно в Иркутске начинает складываться местная «архитектурная школа» со своим творческим кредо, определенной стратегией и тактикой нового строительства в историческом центре. Ее принципиальные позиции в концептуальном плане – сознательное резервирование территории центра для «уникальной» (в противовес типовой того времени) архитектуры будущего (похоже, мы стали современниками такой архитектуры! – А.К.) и ограничение этажности застройки соответственно историческому окружению. Во внешнем облике прочитывались структурность плана, расчлененность формы, появление крупных функционально-конструктивных деталей, скатные кровли, материал стен – кирпич, колорит – красно-белый. Были разработаны индивидуальные проекты многократного применения, цель которых – создание современной городской среды, созвучной старой; поддержание и творческая интерпретация существующего «стиля места» с его масштабностью, камерным характером пространств, наличием деталировки фасадов и т.д. Постройки отличались сдержанным достоинством общего решения, проработанностью деталей, высокой профессиональной культурой в целом.

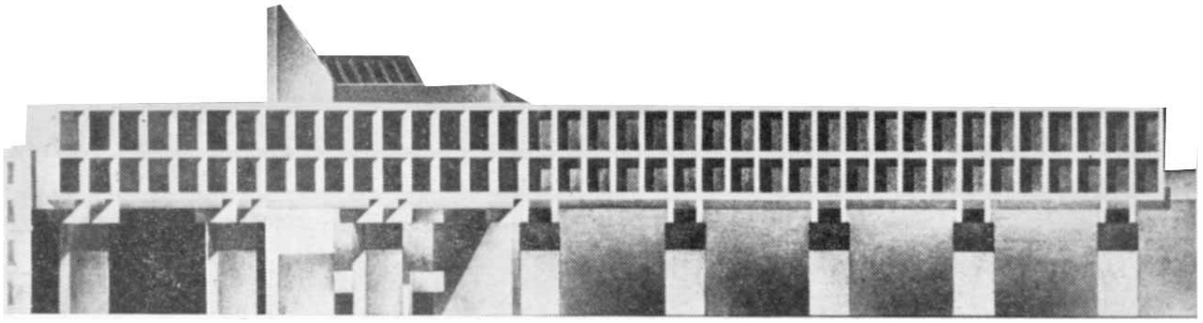
При всей контекстуальности архитектура этого периода не была безликой или подражательной. Лучшие архитектурные объекты несли печать личности авторов, отличались особым авторским почерком и воспринимались как авангардные, а иногда и слишком смелые. Не случайно вокруг них разгорались жаркие споры не только в профессиональной среде, но и среди жителей города, особенно среди творческой интеллигенции.

Ни в коей мере не желая обидеть других архитекторов, живших и творивших в этот период, все же хотелось бы выделить В.А. Павлова, повлиявшего на формирование ценностных ориентаций поколения молодых архитекторов. Впечатлял масштаб личности, способность к сотворчеству, влюбленность в профессию. Преподавая ли в Иркутском политехническом институте, опекая ли начинающих архитекторов в Иркутскгражданпроекте, он мог искренне восхищаться находками и достижениями молодых коллег, поочередно называя «гениальным» то одного, то другого автора в зависимости от успешности процесса проектирования.

«Уроки» Павлова запомнились на всю жизнь.

v Дворец культуры профсоюзов, общий вид. (Архитектура СССР. 1980. №2) , авторы В. Павлов, В. Бух





> Иркутск.
Административное здание
на площади Кирова
(«Архитектура СССР» №2
1980 г.)
автор В. Павлов

> Иркутск.
Экспериментальный
жилой дом по ул.
Байкальской. Фрагмент
(«Архитектура СССР» №2
1980 г.)

Приведу лишь некоторые из его высказываний.

«Скромность средств не должна отразиться на художественных достоинствах объекта. Не трудно сделать дорогой проект; трудно сделать дешевый так, чтобы он выглядел в профессиональном плане достойно и культурно. В творчестве иногда важен процесс самоограничения».

«Высший пилотаж в архитектуре – это профессиональная культура во всем: в целом, в деталях, в мелочах. В архитектуре нет мелочей! Мелочи делают архитектуру!»

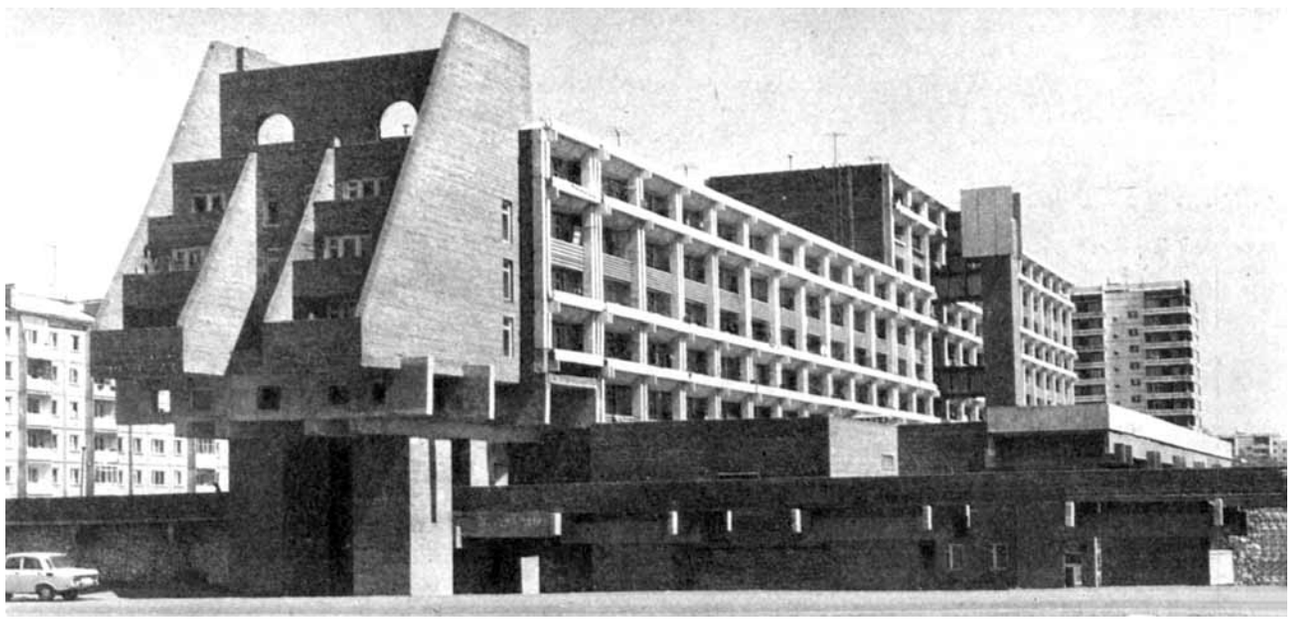
«Особенно важен процесс материализации проекта в строительстве. Приходится на стройплощадке дорабатывать проект в деталях, даже менять. Поэтому фактически архитектором становятся после 40 лет, когда приобретается достаточный опыт выражения творческих идей через строительство».

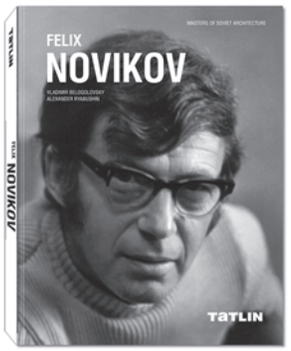
Внешне кажущееся простым явление архитектуры шестидесятых, рожденной не в лучший для нее период существования, тем не менее представляется особым слоем материальной и духовной культуры современного города.

Неутешительна судьба некоторых построек шестидесятых сегодня. На протяжении полувека изменился вектор общественного сознания в отношении к этой архитектуре с оценкой от авангардной до морально и материально устаревшей. В ней пока еще не видят архитектурного наследия. Она никак не защищена законодательно. Отдельные постройки сплошь и рядом

модернизируются, иногда в сомнительных формах и без согласия авторов. Коммерсализация захватила строительный рынок. В этих условиях архитектура сама должна быть рекламой и приносить прибыль. Для этого каждая новая общественно значимая постройка непременно должна заявить о себе во весь голос. В отличие от бедных шестидесятых сегодня есть финансовые возможности строительства, но часто нет понимания градостроительной культуры места. И в этом неплохо бы поучиться у архитектуры шестидесятых.

> Жилой дом галерейного
типа
по проспекту
Карл-Маркс-Штадт
(«Архитектура и строительство России», №11,
1989 г.)
авторы В. Павлов,
Н. Беляков





Книги серии «Архитектура советского модернизма»

текст
Эдуард Кубенский

Архитектура модернизма меня вдохновлялет с тех пор когда я открыл в себе архитектора. Я считаю ее логичным продолжением русского авангарда, как собственно и многие ее авторы. В 2006 году в журнале TATLIN мы открыли рубрику ARCHIVE, посвященную выдающимся сооружениям второй половины XX века. Тема была относительно новой, мы только входили во вкус, и как мне кажется мы стали первопроходцами в популяризации советского модернизма. Мы испытывали сложности с поиском интересных объектов периода 60–80 годов XX века. В поисках материала мы обращались за помощью в подготовке публикаций к ведущим московским архитекторам. Я объявил друзьям и знакомым, что собираю любую литературу по советской архитектуре второй половины XX века. Это увлечение положило основу моей коллекции журналов «Архитектура СССР» и значительно расширило мои знания о советском зодчестве. На этой волне я познакомился с выдающимся советским архитектором Феликсом Новиковым. С ним мы подготовили публикацию о Московском Дворце пионеров.

Спустя год мы «открыли» для себя Зеленоград – молодой советский город, заложенный Хрущевым как «русская силиконовая долина». В нем мы нашли целую плеяду имен и коллекцию уникальных образцов модернизма. Уже в октябре 2007 года мы встретились в Москве на фестивале «Зодчество», идея проведения которого, как выяснилось, принадлежит Феликсу. Я был горд, что завязал знакомство с таким человеком.

Вечером на ужине в доме Лии Иосифовны Павловой, жены легендарного советского зодчего Леонида Павлова, мы с моей женой Татьяной озвучили концепцию крупномасштабного издательского проекта «Архитектура СССР», включавшего в себя серию монографий о мастерах советской архитектуры второй половины XX века. Все присутствовавшие обсуждали его с большим интересом и поддержали наше начинание. С Новиковым мы договорились, что продолжим контакты посредством интернета. Это случилось уже через неделю. Его бескорыстие и теплое «искренне Ваш» в подписи вместо моих сухих «с уважением, Эдуард» подкупило меня настолько, что я завел отдельную папку у себя в компьютере, где храню всю нашу переписку, настолько ею дорожу. Феликс Аронович не просто ввел меня в советское зодчество, с его легкой руки я влюбился в шедевры этого времени. Вместе с ним мы составили список из более чем ста выдающихся объектов, которые после легли в основу книги «100 шедевров советского модернизма». За полгода был подготовлен материал первой монографии объявленной серии. Серию открыла книга, посвященная творчеству Феликса Новикова. Владимир Белоголовский, давно знакомый с Феликсом Арновоичем, предложил форму интервью, я же все откладывал и откладывал начало верстки, попросту боясь подступиться к материалу, ссылаясь в своих письмах на безмерную занятость. Наконец, настала «точка кипения», и я заставил себя сесть за работу. Как всегда бывает, то, к чему долго не можешь подойти, принимает тебя с распростертыми объятиями. Черновой набросок верстки я сделал за пару часов, все сразу стало ясно. Я поспешил ответить моему собеседнику, что через пару дней он, наконец, увидит книгу. Дальше были правки, варианты структуры, композиции и прочие рабочие моменты. Я предложил разместить на обложке портрет. И вот книга готова.

Сегодня в рамках серии вышло четыре персональные монографии и один сборник по городу Ульновску. Последний проект посвящен творчеству иркутского архитектора Владимира Павлова, материал для которой подготовили его ученики и коллеги.

Принято считать, что в советской архитектуре XX века наиболее интересным является время 20-х – начала 30-х годов. Период формирования нового государства, новой программы архитектуры и нового стиля. Однако вторая половина XX века, когда строительная индустрия уже набрала значительные обороты, а государственная машина научилась четко формулировать социальные задачи, открыла целую плеяду имен архитекторов, чья деятельность не только обслуживала нужды государства и власти, но, как это ни парадоксально, в условиях тоталитарного государства на практике реализовывала демократические принципы современной архитектуры.

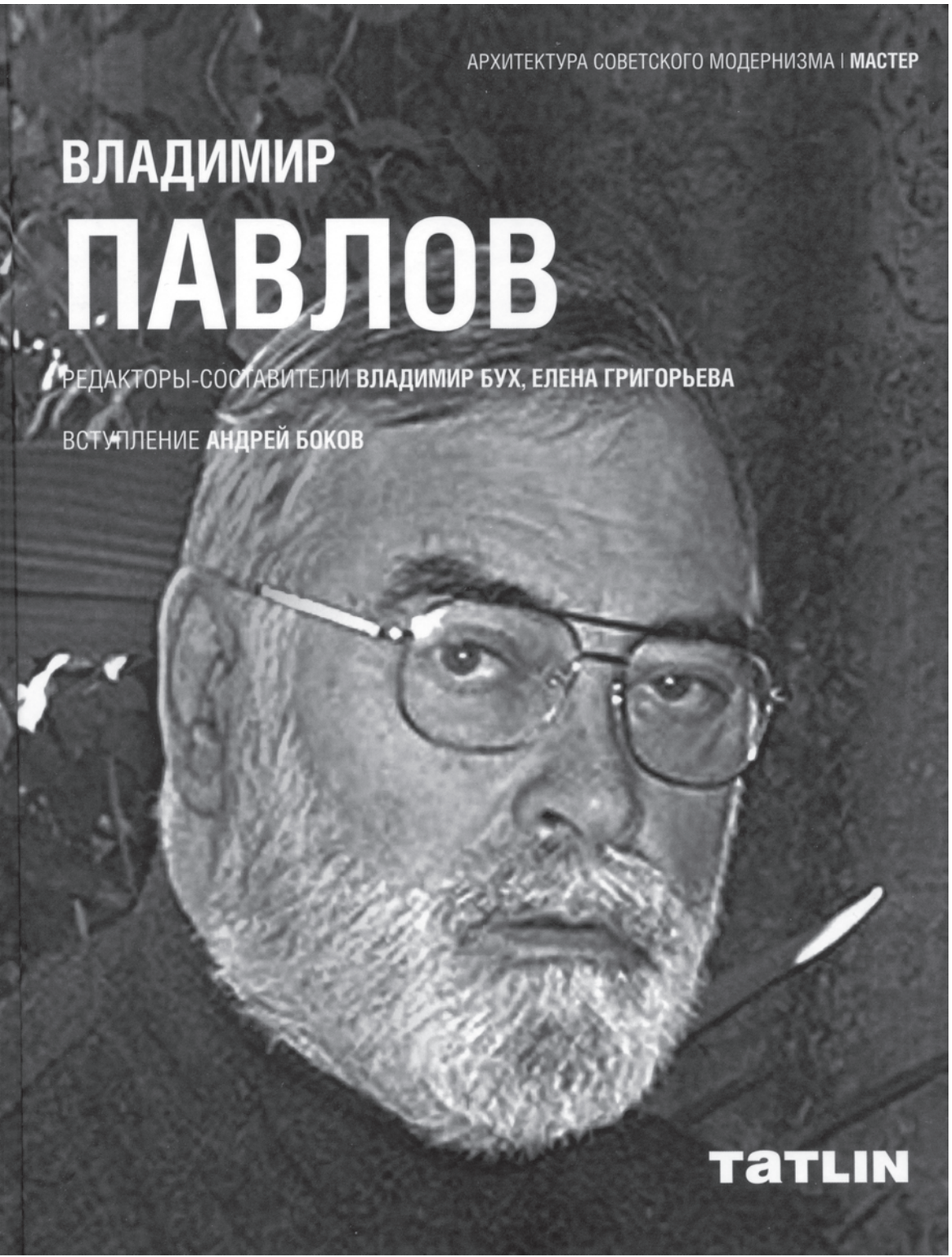
Работая в очень сложных условиях, эти архитекторы были «вынуждены», если так можно сказать, опираться на основные принципы формообразования. Их инструментами были пространство, материал, объем, конструкция. Чистота такого подхода позволила им создать безупречные по вкусу объекты.

Как сказал однажды Михаил Бархин: «Рассмотрение основных творческих проблем советской архитектуры представляет увлекательную тему для исследования. Но вместе с тем и почти беспредельную. Беспредельную по количеству этих «основных проблем»; по различию в позициях исследователей, каждый из которых по-своему оценивает подчас одно и то же явление; по обилию теоретических личностей в архитектуре, очень индивидуально подходивших к решению выдвигавшихся задач; по значительности временного отрезка, на протяжении которого не раз менялись акценты по той или иной проблеме, менялись практические нужды и эстетические взгляды общества, менялась творческая направленность архитектуры, изменялись методы работы зодчих». Нам представляется существенным проследить всю сумму архитектурных проблем, увидеть динамику развития архитектуры.

Любая книга – это субъективная позиция ее авторов, в этом ее уникальность и неповторимость. Как уникальна и неповторима судьба человека, именем которого названа книга. В молодости все кажется либо черным, либо белым, оттенки различаешь лишь с приходом зрелости. Многие скажут, что, мол, все это уже не современно, да и вообще, что там искать в позднесоветском прошлом? Однако творческий дар личности способен устоять во времени и, больше того, противостоять ему. Феликс Новиков говорит о мастерах советского модернизма: «Мы служили самой архитектуре – верой и правдой – на пределе своих способностей и возможностей, которыми располагали». Я убежден, что серия монографий, которую мы создаем, докажет правоту этого утверждения.

Архитектура – это не нагромождение объемов, а человеческие отношения. Книги этой серии и, в частности, монография «Владимир Павлов» не просто очередное портфолио проектов одного известного архитектора. Каждый проект – это отдельная история, отдельная жизнь, за каждым из них стоят судьбы многих людей, каждый из них – часть мозаики, составляющей огромную картину, называемую историей русской архитектуры.

Мы очень надеемся, что каждая новая книга серии, как и сама советская архитектура второй половины XX века, не только вызовет интерес у людей старшего поколения, для которых изложенные события являются их личной историей, но и привлечет внимание молодых архитекторов, тех, кто только начинает свой творческий путь, и чья деятельность продолжит эту историю.

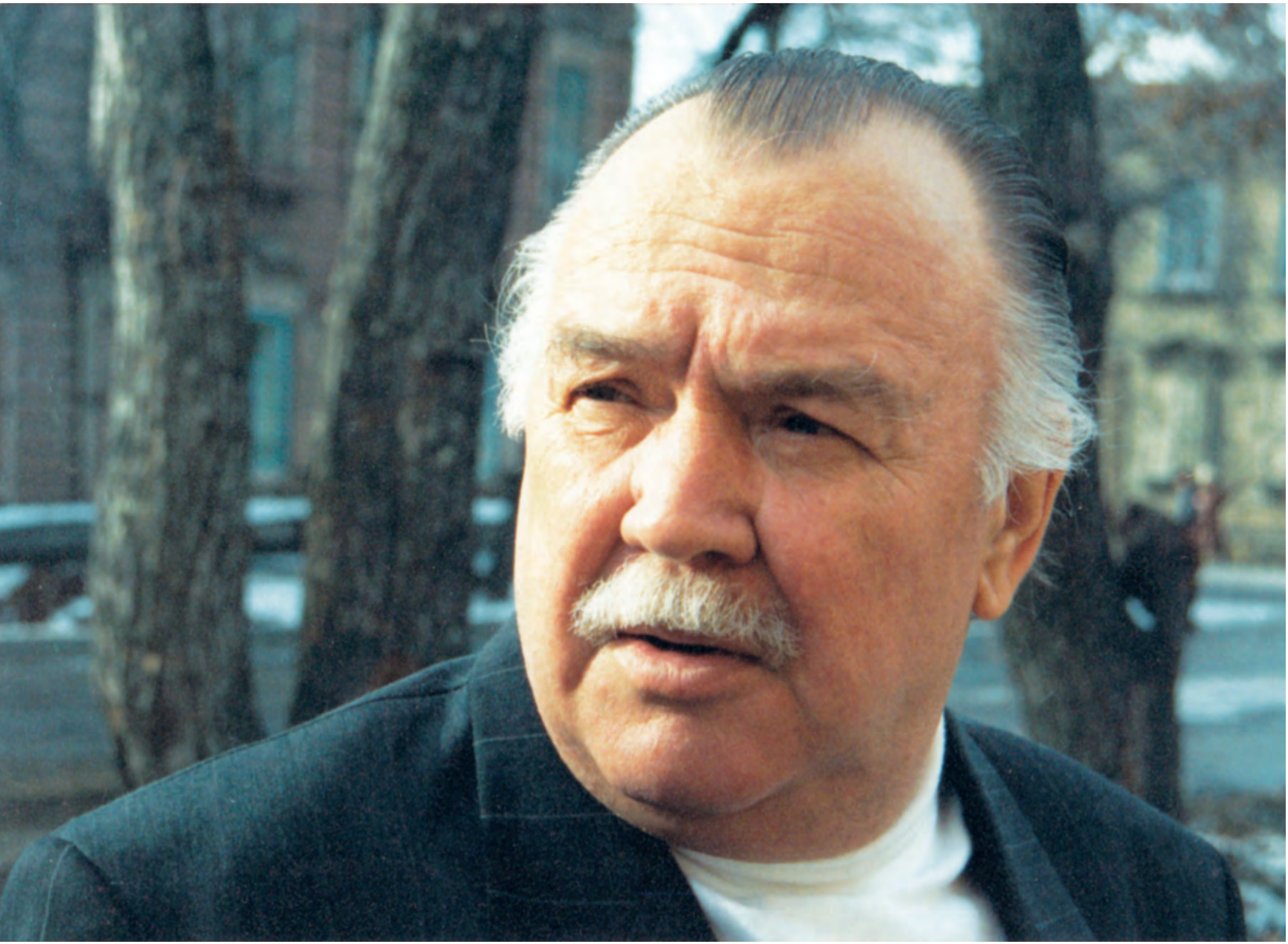


ВЛАДИМИР ПАВЛОВ
(редакторы-составители
В. Бух, Е. Григорьева)
Екатеринбург, TATLIN,
2013 – 136 с.

Родился 7 февраля 1935 года в селе Путиловичи Лугинского района Житомирской области Украинской ССР
1953-1959 гг. Киевский инженерно-строительный институт, архитектурный факультет
09.1959-09.1960 гг. Томское отделение ВГПИ «Теплоэлектропроект», архитектор
10.1960 г. Иркутское отделение Горстройпроекта, архитектор
1961 г. руководитель группы архитекторов
1962 г. главный архитектор проектов
1964 г. Горстройпроект реорганизован в Иркутскгражданпроект, начальник архитектурно-планировочной мастерской №5
1965 г. главный архитектор института
1965 г. вступление в Союз архитекторов СССР.
Рекомендации Б. М. Кербеля и С. А. Гусарова
1967-1977 гг. – главный инженер (с функциями главного архитектора) института Иркутскгражданпроект
1965-1968 гг. член городского Совета депутатов трудящихся (депутат)
1970-1973 гг. депутат
1977-1989 гг. главный архитектор города Иркутска
1990-1994 гг. руководитель проектного подразделения при иркутском горисполкоме
1995 – 2010? Сибэкспоцентр, главный архитектор
С 1998 г. советник Российской академии архитектуры и градостроительства
1973-2008 гг. член правления Иркутской организации Союза архитекторов СССР/России
2000-2004 гг. председатель Комиссии по этике Иркутской организации САР
2004-2008 гг. член Коллегии по профессиональной этике Союза архитекторов России
2004-2008 гг. главный редактор журнала «Проект Байкал»
2001-2012 г. член жюри, председатель жюри фестивалей «Зодчество Восточной Сибири»
2009 г. персональная выставка пейзажной графики в Иркутском доме архитекторов
2010 г. вторая персональная выставка (пастель) в ИДА
2013 г. редактор-составитель книги «Владимир Павлов»

Награжден медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина (1970), медалью Союза архитекторов России «За преданность содружеству зодчих». Заслуженный архитектор России (1996)

ПОРТРЕТ АРХИТЕКТОРА
Владимир Бух (1935 – 2013)



Максималист Бух – так называли его некоторые друзья.

Потом пришло понимание, что более точное определение – перфекционист.

Перфект – совершенство. Во всем, что он делал, он стремился к совершенству. Будь это градостроительное проектирование, служба городу, работа в общественной организации – Союзе архитекторов – или создание журнала.

Верхний бьеф (Солнечный) – был и остается лучшим жилым районом, созданным в новейшей истории Иркутска.

Такого умного и честного главного архитектора города, как Бух, Иркутск больше не имел. Он сделал невероятно много для развития Иркутска в правильном, прогрессивном направлении для продвижения качественной, первоклассной архитектуры.

Как оценку деятельности Владимира Федоровича привожу цитату из статьи Андрея Бокова: «Все, что сегодня вызывает законную, естественную зависть и тоску, что являет собой лучшее из принадлежащего второй героической эпохе российско-советской архитектуры, – все это было и есть в иркутской архитектуре 70-х: обращенность в будущее (а не в прошлое), значительность размеров и замыслов, сдержанность, строгость, честность, смелость, упрямство и сила.

Опыт Иркутска <...> был поставлен молодыми людьми – энергичными, амбициозными, везучими, обаятельными, талантливыми и очень профессиональными»

Не один десяток лет Бух был членом правления Иркутской организации Союза архитекторов СССР, затем СА России. Работать на совесть – это выражение в полной мере, во всех интерпретациях относится к Буху. Делать дело так, как надо. Делать дело так, как требует совесть. Когда он вышел из состава правления, а случилось это после сноса Дома на ногах, почувствовалось сразу, что он незаменим.

Он принимал близко к сердцу все градостроительные ошибки 90-х и нулевых. Шрамы на сердце остались от ухода из жизни Павлова, от сноса Дома на ногах, от судебных разбирательств, от смерти Нины.

Дочь Леся, внуки Никита и Настя, правнук Матвей – его продолжение на земле.

Нам же, коллегам и друзьям, остается пытаться соответствовать его представлению о том, как надо, его представлению о том, что такое хорошо и что такое плохо. И беречь память о необыкновенном человеке.

Не знаю, сколько просуществует ПБ (Бух – один из основателей, первый и лучший главный редактор журнала), но все наши дальнейшие выпуски будут посвящением ему.

Все наши победы и успехи, если они будут, будут посвящением ему.

И поражения тоже, он ведь и сам не боялся браться за дела, заведомо обреченные на поражение в этой системе, при этом Ходе Вещей в градостроительной политике.

В книге ПАВЛОВ (мы успели с Бухом собрать ее прошлым летом, и в конце сентября она вышла в свет в Екатеринбурге в издательстве ТАТЛИН) есть отсылка к Стругацким, которую можно распространить и на Буха: «Он, как Саул, стрелял в Ход Вещей, зная, что это бесполезно».

Елена Григорьева

Bukh, the maximalist, as some of his friends called him.

Then a more appropriate word was found – perfectionist.

He aimed at perfection in everything he did. Be it town planning, municipal administration, work for a non-governmental organization Union of Architects of Russia, or creating a journal.

The headwater area has always been and remains the best residential area ever built in recent history of Irkutsk.

Irkutsk has never seen such a clever and honest chief architect. He has done so much to develop the city in the right and progressive direction and to promote high quality architecture.

Andrei Bokov's words can be related to Vladimir Bukh's activity: "Everything that excites a fair and natural envy, the best examples of the second heroic epoch of the Russian-Soviet architecture, belong to Irkutsk architecture of the 1970s: orientation towards the future (but not the past), bigness of volumes and ideas, restraint, strictness, honesty, courage, persistency and strength.

Irkutsk experience... was accumulated by young people, who were energetic, ambitious, lucky, captivating, talented and highly professional."

For several decades Bukh was a member of the Board of the Irkutsk organization of the Union of Architects of the USSR and then of Russia. The expression "to work with feeling" can be fully applied to Bukh. To do your job the right way. To do it according to your conscience. When he quitted the Board after demolition of the House on the Legs, it became clear that he was indispensable.

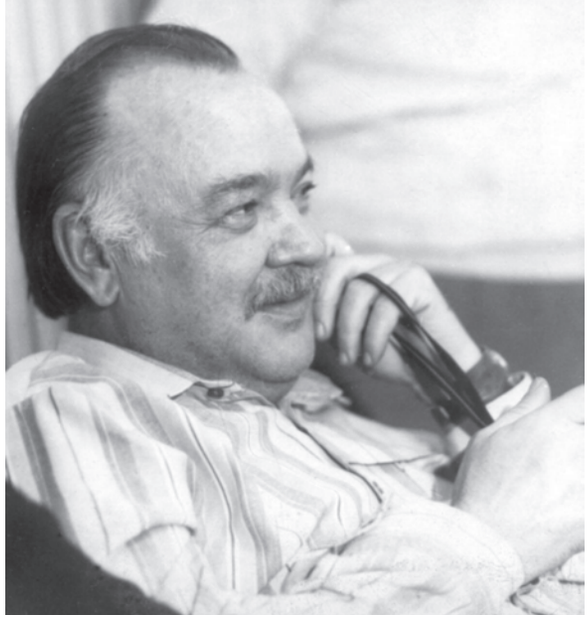
He took to heart all town planning mistakes of the 1990s and 2000s. Pavlov's death, demolition of the House on the Legs, legal proceedings, Nina's death left scars on his heart.

His daughter Lesya, grandchildren Nikita and Nastya, and great grandson Matvey are continuation of his life. All we, his colleagues and friends, can do is try to keep to his understanding of what is right and what is wrong. And to keep memory of a wonderful man.

I do not know how long Project Baikal will exist (Bukh is one of the founders, the first and the best editor-in-chief), but all our further issues will be dedicated to him. As well as our defeats, since he did not hesitate to attempt tasks that were doomed to be defeated in the current system, in the current Order of Things in the town planning policy.

In the book PAVLOV (together with Bukh, we had managed to compose it last summer, and in the beginning of September it came out in TATLIN publishing house in Yekaterinburg) there is a reference to the Strugatsky brothers that can be also applied to Bukh: "Like Saul, he fired at the Order of Things, knowing that it was useless".

Elena Grigoryeva



БУХ Владимир Федорович

(7 февраля 1935 – 16 сентября 2013 гг.)

текст
Марк Меерович

Мы часто носим в себе слова благодарности, уважения, восхищения, произнесение которых вслух постоянно переносим на завтра, на послезавтра, на потом… Мы с головой погружены в текучку дел и событий. У нас постоянно не хватает времени просто посидеть и, никуда не торопясь, поговорить с интересным человеком о чем-то совсем отвлеченном от каждодневной суеты, но крайне важном, сущностном… Мы все время куда-то спешим. Постоянно откладываем встречи, и некоторые из них уже никогда не произойдут. Я давным-давно запланировал встретиться с Владимиром Федоровичем и обстоятельно, под запись – дабы не позабыть чего-то важного – порасспрашивать его о жизни, о воспоминаниях, об оценках людей и событий. Но все время вмешивались какие-то «важные» дела – то одно, то другое…

Я так и не спросил у Владимира Федоровича, почему он выбрал профессию архитектора. Что подтолкнуло простого деревенского парнишку из села Путиловичи Лугинского района Житомирской области к выбору столь высокоинтеллектуальной, изысканной специальности. Может быть, свою роль сыграли события из глубокого детства, о которых он однажды (совершенно по иному поводу) рассказывал на вечере в Союзе архитекторов, посвященном годовщине Великой Отечественной?

Родное Володино село на Украине оказалось в зоне немецкой оккупации. Шестилетним малышом он оказался в чужом, враждебном окружении. Чтобы помешать наступлению врага, советские войска при отступлении взорвали то ли металлические, то ли железобетонные фермы железнодорожного моста через речку, протекавшую по окраине Володиного селения. Наверное, предполагалось, что восстановление моста займет у противника длительное время, так как замена искореженных конструкций одного (или двух) центральных пролетов в условиях военного времени – при отсутствии металла (бетона) и специалистов-мостостроителей – окажется делом очень непростым… В действительности оно оказалось очень простым и невероятно быстрым: немцы подогнали к взорванному пути, нависшему над водой, железнодорожную платформу с краном и еще какими-то механизмами и вбили в дно реки деревянные сваи, вырубленные в ближайшем лесу. Сделав по ним бревенчатую обвязку, скрепленную металлическими скобами, и проложив рельсовый путь, они уже на следующий день пустили по восстановленному мосту поезда. Воспоминание об этой стремительной ремонтной операции почему-то крепко-накрепко засело в памяти мальчика, наблюдавшего, как долго-предолго велось строительство подобных инженерных сооружений в довоенное время.

> На лыжах. В центре Евгений Пхор, справа Нина и Владимир Бух

> В мастерской

Возможно, стремление придать среде обитания максимальный комфорт, всеми доступными средствами улучшить ее качества и проросли позднее в осознанное стремление Володи получить специальность, стоявшую на первом месте в непростом деле формирования новых, более совершенных пространственно-функциональных форм реализации жизнедеятельности. С 1953-го по 1959 год он учится на архитектурном факультете Киевского инженерно-строительного института. Потом год по распределению работает в Томске – сначала архитектором, а затем и старшим архитектором. В 1960-м архитектор (бывший однокурсник) Станислав Нечволодов перетягивает его в Иркутский Горстройпроект, преобразованный впоследствии (в 1964 г.) в Иркутскгражданпроект. Перебравшись в Иркутск, Владимир Федорович за 17 лет трудовой деятельности поднимается по всем ступеням профессионального роста в стенах этого крупнейшего в Восточной Сибири института гражданского проектирования: архитектор – руководитель группы – главный архитектор проектов – начальник мастерской – главный архитектор (главный инженер). А потом, более десятка лет (1977–1989) Владимир Федорович – главный архитектор города Иркутска.

Развитие архитектуры, как и любой области технического творчества, строится на смелости принимать нестандартные, никем пока еще не испробованные решения. На смелости отстаивать их, рискуя потерять свое реноме. На смелости нести персональную ответственность за обещанный результат. Однако в советских условиях вести себя подобным образом было чрезвычайно рискованным делом. Для воплощения нестандартных решений нужны были: высокое административное положение; отчаянное бесстрашие, граничащие с безрассудством; железная воля, чтобы, несмотря на все препоны, «продавить» реализацию инновационных проектов; хитрость, чтобы убеждать всех заинтересованных и обладающих властью лиц до тех пор, пока успешность инициативы не станет общеочевидной.

В СССР выбор фундаментального содержания архитектуры – характер планировочной структуры населенного места, формирования системы общественных пространств, определение функционального состава и планировки квартир и домов, установление количества квадратных метров жилья, предназначенных для заселения отдельному человеку или семье (т. е. типология жилья), решение по поводу стилистики жилища и прочего фактически всегда находились вне компетенции

< Встреча Нового года.
1960-е

архитекторов. Они лимитировались стоимостью квадратного метра жилья, ограничениями на использование определенных видов строительных материалов и конструкций, предписаниями обязательного применения изделий местной базы стройиндустрии и т. п.

Все базовое содержание советской архитектуры и градостроительства спускалось проектировщикам уже в готовом виде центральными инстанциями – через нормативы, формулы расчета численности населения, показатели баланса территории, обязательное использование типовых проектов. Архитекторы-планировщики становились заложниками этой ситуации. От них требовали качественного выполнения проектных задач в условиях, когда сделать это было практически невозможно. А после проработки множества вариантов и постоянных переделок, бессонных ночей и споров с коллегами им все же удавалось найти приемлемое решение, оказывалось, что до конца – последовательно и полностью – его никто и не собирался воплощать. Градостроительная документация вместо функции быть

< Люциан Антипин,
Владимир Бух,
Валерий Лениш,
Вячеслав Воронежский,
Анна Филиппова, Елена
Варшавская (Измайлова),
Нина Шуликова, Нина Бух,
Николай (?) Смирнов

^ Зимний Байкал. На фото Леонид Латышев, Владимир Колпиков, Марина Александрова (Москва), Владимир Бух, Тамара Тудакова, Алла Усова и Станислав Нечволодов

v В. Бух и В. Павлов угощают немецкого гостя Иёхана Бейхоля зимней рыбалкой на Байкале

неукоснительным регулятором ведомственных и муниципальных строительных программ фактически выполняла лишь задачу быть средством «градостроительного оформления» уже принятых властью социально-политических, индустриальных, технических, финансово-экономических и прочих решений.

Тогда и возникала ситуация, в которой архитекторы либо смирялись, молчаливо принимая «правила игры» с властью в якобы «...свободное творчество советского архитектора, направленное на всемерное повышения благосостояния советского народа и на улучшение среды его обитания...», либо проявляли ту самую смелость, которая помогала пробивать, отстаивать на всех уровнях собственные решения, идя на конфликт с властями (а подчас даже вводя их в заблуждение фиктивными расчетами экономической эффективности), но создавая, в конечном счете, Архитектуру.

В этих условиях не иначе как сама Судьба собрала в одном месте неординарных людей, сформировала из них команду, распределила роли, среди которых Владимиру Федоровичу была уготована миссия «администратора» – главного инженера института, главного архитектора города. И он честно использовал свое высокое административное положение – служил профессии, а не власти. Такого умного и честного главного архитектора города, как В. Ф. Бух, Иркутск никогда не имел. Он требовал от коллег ответственного отношения к принимаемым ими профессиональным решениям, прикрывал эти решения политически, отстаивал вместе с ними в высоких инстанциях в Москве те проекты, которые не следовали слепо указаниям свыше, а исходили из здравого смысла, реалий жизни, задач подлинного улучшения качества среды обитания. Он сделал невероятно много для появления качественной, первоклассной архитектуры, для развития города в правильном, прогрессивном направлении.

В этой миссии проявлялись и его бесстрашие, и его железная воля. Как результат – в Иркутске и городах региона возникали объекты, которые на многие десятки лет опережали общегосударственный уровень общепринятых проектных решений, «перескакивали

< Арэг Демирханов, Владимир Павлов и Владимир Бух на зональном семинаре в Иркутске

через свое время», создавали архитектуру и городскую среду, в которых было комфортно и радостно жить.

В 1966 году Владимир Федорович вступает в члены Иркутской организации Союза архитекторов, а с 1973-го становится членом ее правления, бессменно неся эту нагрузку на протяжении 35 лет (до 2008 года). Все время своего участия в деятельности Иркутской организации Союза архитекторов он был ее совестью, так как Архитектура и Градостроительство были для него превыше личной корысти. Именно поэтому он был избран председателем комиссии по этике Иркутской организации Союза архитекторов России (с 2000 по 2004-й), а затем с 2004 по 2008 год являлся членом Коллегии по этике СА России.

Любые решения Владимир Федорович принимал молчаливо и долго, неторопливо обдумывая детали, взвешивая все нюансы и предпосылки, обстоятельно (со стороны это было отчетливо видно) соразмеряя и перепроверяя что-то глубоко внутри себя. Наверное, эта черта присуща всему тому поколению, которое, с одной стороны было приучено советской системой – не болтать лишнего, а с другой – родительским воспи-

< Расколотка – фирменное блюдо Буха

танием к твердости данного слова: «Давши слово – держись, а не давши – крепись!» Я и сам много раз слышал подобное от своей бабушки, терпеливо разъяснявшей мне, что нужно стараться не ронять слова попусту, крепиться, держать свои решения в себе, не трубить о них парадно на каждом углу. Ну а уж если промолвил, произнес вслух, пообещал – держись изо всех сил, чтобы исполнить. Поколение родителей В. Ф. Буха и моей бабушки – это одно и то же поколение, и оно было именно таким.

После того как решение принято, Владимир Федорович так же неторопливо произносил его вслух и… все – он уже никогда не отступал от внутренне выверенного и произнесенного вслух и шел до конца, воплощая сказанное. Вообще неторопливость, медлительная рассудительность, размеренность, взвешенность – те самые черты, которые были органически присущи его натуре. Владимир Федорович не был самонадеянным. Он был как «мягкая скала» – странное противоречивое ощущение. Никогда не впадал в административный кураж – не орал на подчиненных, не доказывал на повышенных тонах свою точку зрения… Он всегда как-то расслабленно и даже несколько отстраненно сидел и слушал… Обидные слова и

^ > В день рождения Люциана Антипина 10 августа уже несколько лет выездная редколлегия ПБ проходит у именинника на даче

< Лето 2013, иркутский Дом архитектора. Елена Григорьева и Владимир Бух работают над книгой «Владимир Павлов»

поступки, так остро задевавшие единомышленников В. Буха и абсолютно неверные с его точки зрения, чья-то непорядочность, провоцирующая бурные негативные реакции его коллег, – все негативное – как-то мягко «шлепалось» об него и угасало, не причиняя (как казалось) явного вреда его психике. Никакие неверные, подчас даже оскорбительные для него слова не могли ни поколебать, ни вывести его из себя; никакие внешние агрессивные нападки не способны были ни испугать его, ни тем более заставить отказаться от принятого внутреннего решения. Когда он что-либо решал – он шел до конца.

Журнал «Проект Байкал», в создании которого он принимал самое живое и непосредственное участие как организатор и первый главный редактор, все последнее десятилетие был одним из его любимых начинаний. Но Владимир Федорович был каким-то «неправильным» редактором. «Правильный» редактор как хороший кладовщик – шустро проверяет комплектность, быстренько подчищает загрязнившиеся места, аккуратно раскладывает вещи по своим полочкам. Владимир Федорович так не мог; он не воспринимал журнал как «склад» текстов. Он был неспособен оставаться равнодушным к тому, что попадало в его руки и к чьей судьбе он становился причастен. В. Бух обязательно вступал в острое соприкосновение с теми статьями, которые он читал, редактировал и которым давал добро на публикацию. Он как бы «влипал» в них, проваливался в их содержание. Он страдал и сопереживал, задавал авторам бесконечные уточняющие вопросы, упрямо спорил с ними, не соглашаясь с их точкой зрения, и даже пытался переубедить их... Иначе он не мог. Редчайшее умение профессионала высокого класса «отождествить» себя с объектом проектирования отличало не только его архитектурную практику, но и работу Владимира Федоровича как редактора, позволяя ему проникать в смысл и дух предложенных к публикации статей. Изданный журнал был подобен спроектированному им и построенному под его присмотром объекту: это выстраданный и предъявленный вовне образ его самого.

В.Ф. Бух был «человеком порядка». Порядок царствовал в его бумагах, его делах, его поступках. На праздничном столе все обязательно должно было быть красиво расставленным, красиво нарезанным, красиво оформленным. Не начинать застолья, пока абсолютно все не соберутся за столом или пикниковой посиделкой, – эта воспитанность желаний также была его характерной чертой, поведенческим постулатом. Он очень любил слушать хорошее исполнение песен, отдаваясь этому полностью; не пел сам, но всем существом погружался в мелодию и смысл слов. В эти минуты его охватывало трогательное умиротворение, видимое и в выражении его лица, и в расслабленности тела, и в явственно ощущаемой погруженности куда-то глубоко внутрь себя...

Он был мудрецом: его профессиональные и личные оценки опирались на глубочайший творческий и жизненный опыт, зачастую оказываясь абсолютно верными.

Он остро переживал планировочные ошибки решений, которые принимались городской администрацией в постперестроечный период. Решений, перечеркивавших и уничтожавших идеи, за долгие годы до этого заложенных в генплан Иркутска. Реалии градостроительной политики 1990–2000 годов делали очевидным для В. Буха и всех нас, что инвесторам не нужны дешевые решения; напротив, нужны решения дорогие, ибо «коэффициент прилипания» позволяет им в этом случае наживаться в значительно более крупных размерах. Оказались не нужны проекты, улучшающие качество среды, так как строящиеся объекты являются не более чем «товаром на продажу». Не нужны новые архитектурные образы, поскольку успешность проектировщиков и строителей покоится не столько на креативности и целостном градостроительном мышлении, а на совершенно иных основаниях – праве входить в нужные кабинеты, встраиваться в систему «откатов», включиться в кланово-мафиозный истеблишмент.

Во Владимире Федоровиче не ощущалась внутренняя сосредоточенность, хотя она была его естественным состоянием. Не ощущалась нервозность, хотя он

^ Юрий Бержинский, Владимир Бух и Люциан Антипин вспоминают о 60-х. Последняя встреча в иркутском Доме архитектора на редакции ПБ 11 сентября 2013 г.

очень остро переживал несправедливость, подлость, наглость. Сильнейшим потрясением для него стало уничтожение самого знаменитого творения В. А. Павлова, самой главной, самой яркой «архитектурной визитной карточки» Иркутска – Дома на ногах. Для него это событие явилось последним сигналом того, что городским властям не нужны ни Архитектура, ни Градоустройство, что муниципальные лидеры лишь цинично пользуют архитекторов (их идеи, проекты, инициативы) как средство достижения своих коммерческих интересов – для запуска очередной коррупционной схемы, позволяющей на вполне законных основаниях переложить деньги из государственного бюджета в свой собственный карман. После варварского сноса Дома на ногах он вышел из состава правления Иркутской организации Союза архитекторов и в дальнейшем категорически отвергал все попытки руководства ИРО САР представить его к каким-либо государственным наградам.

Он любил жизнь. Любил ходить в походы. Был заядлым охотником и рыболовом. Обожал общество умных, веселых и открытых людей. Любил вкусно поесть – не торопясь, обстоятельно, приготовив своими руками что-нибудь совсем простое по составу, но необычное и даже изысканное по вкусу. Он был душой любой компании и до самых последних своих дней оставался очень азартным, молодым – загорался новыми красивыми идеями, радовался неординарным мыслям, всегда готов был помочь любому, кто в этом нуждался, своими советами...

И вот он ушел. Сердце не выдержало...

Ушел из жизни человек, который на протяжении многих лет для иркутских архитекторов был образцом профессиональной честности и принципиальности. Образцом ответственного принятия прогрессивных проектных, планировочных решений и, что самое важное, – мужественной и твердой защиты этих решений во всех инстанциях. Имя Владимира Федоровича Буха давно и навечно вписано в историю сибирской архитектуры, в историю иркутской архитектурной школы. Но нестерпимо горько осознавать, что теперь оно будет существовать в нашей памяти уже посмертно...

v Владимир Федорович – один из самых блестящих игроков бильярдного клуба архитекторов Иркутска

Воспоминания однокурсника

текст
Юрий Меляницкий

Мы жили вместе с ним в общежитии КИСИ в одной комнате с Владимиром Воликом, Ли Каном и Николаем Шкоденко. Володя сразу запомнился своей необычно короткой и выразительной фамилией, провинциальной наивностью, чистотой помыслов и скромностью поведения.

Он поступил в институт по окончании школы с медалью и свежим впечатлением недавно прочитанной повести Трифонова «Студенты». Время было переломное – только что похоронили Сталина, расправились с Берией, провозгласили борьбу с излишествами в архитектуре. Программа образования в учебных заведениях коренным образом менялась, а учебники и преподавательский состав оставался прежним. Володя учился легко, помогая другим по физике и математике, осваивал малознакомую ему технику живописи и графики. Материально ему помогал брат Михаил, летчик ВВС. Володя делился со мной своей снедью, взяв надо мной «шефство». Мы сдружились с Гикало, который проживал у дяди – директора института теории и истории архитектуры, чья квартира находилась рядом с нашим общежитием. Мы с удовольствием пользовались дядиной библиотекой и телевизором, которых тогда было еще очень мало. Рисовали и живописали, восполняя свое образование.

Володя очень любил украинские народные песни, но исполняя их заметно фальшивил. Это дало повод пошутить по случаю посещения им филармонии: «А это вот развитье слуха у уважаемого Буха...».

Не чуждался Володя и спортивных игр вкомпании с Крыжановским, Сторчаком, Нечволодовым. Где-то на 4 курсе мы задумали выпускать журнал «Пуп». Володя написал для него целую статью, что-то о любви и чувствах. Была еще там поэма «Дон Хьюго» о нашем сокурснике Красавцеве, мой портрет в честь 22-летия, исполненный Нечволодовым и фотографии Игоря Синицкого с выставки скульптур Штробля. Этот журнал пропал во время маевки, когда наш отдых за городом был нарушен пьяными хулиганами.

Незаметно пролетело шесть лет и мы занялись подготовкой к защите дипломных работ, а следом и распределение. Володя направлялся в Томск с Гикало и Сухоруковой, однако немного погодя он перевелся в Иркутск и пришёлся там «ко двору», став вскоре главным инженером института, а позднее – главным архитектором Иркутска.

Он часто посещал Москву, Киев, навещая Гикало и Сухорукову в Москве и нас в Киеве.

Я дважды приезжал ненадолго в Иркутск, когда кроме Володи и Нечволодова из наших никого уже там не было.

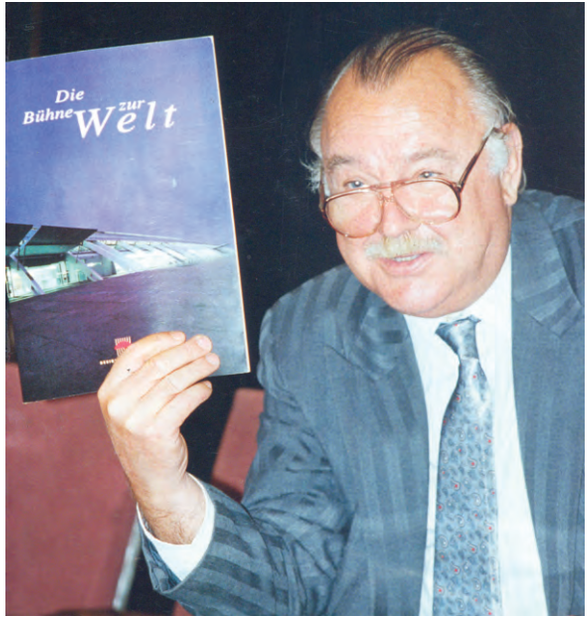
В первый мой приезд Володя устроил для меня лыжный поход в окрестностях, а во второй раз выезд на охоту в тайгу и Нечволодов сводил меня в Слюдянку на Байкале. Последний раз мы виделись с Володей в Симферополе, встретились случайно на одном этаже гостиницы. Он с товарищем из горкома приехал по случаю оформления Иркутска к 300-летию (присвоения статуса города, 1986 г. – ред.), а я – по согласованию проектов крымских городов. Осталась цветная фотография, которую он выслал мне. После этого мы изредка только переговаривались по телефону.

Владимир Федорович Бух рационально воспользовался отведенным ему сроком жизни – собрал воедино семью: отца, мать и брата; создал свою–вырастил дочь, внуков и дожил до правнука. Он крепко полюбил Сибирь и ее природу. Все свои знания и умение отдал ради процветания Иркутска, хотя в глубине души скорбел об Украине и ее доле.

Его светлый образ навсегда останется в моей памяти. Я благодарен судьбе, что свела меня с такой светлой и яркой личностью.

> Анатолий Коцарь

> Презентация «Сибирь приветствует Европу», 1995 год



В.Ф. Бух в СибЭкспоЦентре

Более двадцати лет В.Ф. Бух являлся архитектором СибЭкспоЦентра. Об этом периоде деятельности Владимира Федоровича член редколлегии журнала «Проект Байкал» Марина Ткачева беседует с заслуженным экономистом Российской Федерации, основателем и первым Генеральным директором СибЭкспоЦентра Анатолием Коцарем.

Марина Ткачева Для журнала очень интересными представляются две темы: участие Буха в организации и работе СибЭкспоЦентра и проектирование микрорайона «Канадская деревня».

Анатолий Коцарь С Владимиром Федоровичем мы знакомы более сорока лет: я много лет был председателем Свердловского райисполкома г. Иркутска, заместителем председателя горисполкома , а в это время Бух был главным архитектором города.

Когда мы формировали СибЭкспоЦентр, никто еще ничего в выставочной деятельности не понимал. А я встретил Буха вскоре после того, как он ушел с должности главного архитектора и тут же его сагитировал на сотрудничество. Он проработал в СибЭкспоЦентре более двадцати лет.

До начала строительства на месте СибЭкспоЦентра была свалка мусора и незаконные гаражи. Проектирование выставочного комплекса происходило во времена нестандартных руководителей – Ю.А. Ножиков, Б.А. Говорин, Ю.М. Тен. Вот мы вместе и приехали на эту свалку. Разрешение получили, но для того, чтобы строить, – в первую очередь нужен был проект. Мне пришлось летать в Ленинград, смотреть выставочный комплекс «Ленэкспо» на Васильевском острове, отдаленно напоминающий то, что было нам нужно. ВДНХ не в счет – и время, и задачи при его проектировании были совершенно другие. В регионах ничего подобного не было. Нам было важно принять решение – что именно строить. И Владимир Федорович настоял на том, чтобы строить выставочный комплекс модульного типа. Поставить столько модулей, сколько получится. Они и сегодня стоят. Но проектировать их в России никто еще не умел. Мы с Владимиром Федоровичем летали в фирму под Лейпцигом, занимающуюся модульным строительством. В течение 3-4 дней Бух с немецкими проектировщиками занимался проектированием СибЭкспоЦентра. Когда мы вернулись в Иркутск, у нас уже был утвержденный генплан и эскизный проект, на основании которого немцы нашли подрядчика. Это была чистая фантастика! Всем проектированием и отслеживанием процесса занимался Владимир Федорович. Все делалось сверхбыстро: из Германии мы вернулись в мае, начали строить в июне, а в сентябре крайний павильон уже отстроили, и здесь собрался городской бизнес-актив. Остальной комплекс был еще в лесах. Бух работал над проектом и реализацией от начала и до конца, вплоть до установки мемориальной доски и дизайнерских элементов оформления и рекламы. Миллион вопросов – от организации охраны до размера рекламных щитов – решался при его непосредственном участии и под его руководством. Здесь везде Бух – флагштоки, «бочки» – вся среда СибЭкспоЦентра.

Второе направление его работы – это создание технологий выставочной деятельности. Можно было устроить здесь что-то вроде традиционных торговых рядов – «как везде». Мы стали инициаторами возрождения иркутской ярмарки: 1991 год – год проведения первой иркутской ярмарки. Но опыта такой деятельности еще просто не было. К этому примешивался и весомый политический аспект: выставки – это показатель нормальной экономики, которая ориентируется на динамику спроса и предложения и содействует регулированию отношений между ними. Выставки – один из эффективнейших инструментов этого регулирования, а СЭЦ становился своеобразной структурой, работающей на рыночную экономику.

Выставки в разных странах мира делаются по-разному. Нам уже удавалось договариваться с властью о целесообразности выставочной деятельности. Но для того, чтобы эту технологию понять, понадобилось время, изучение мирового, российского выставочного опыта и того, что было у нас, в Сибири. Сама по себе выставка – сложный процесс. Требуется сформировать состав участников, а он зависит от цели мероприятия –

универсальная или специализированная выставка. СЭЦ овладел технологией проведения именно специализированных выставок, что само по себе было прорывом. И здесь знания и интеллект Буха очень помогали. Он скрупулезно отрабатывал каждый шаг подготовки к каждой выставке. Даже установление объема и последовательности конкретной выставки представляется огромной задачей. Сюда входят и планировка, и дизайн, и содержание. Конечно, без команды сделать это было бы невозможно. И М. Степанова со своей командой, и сотрудники, которых подбирал сам Владимир Федорович, были профессионалами высочайшего класса. Без планировки и технологий никакая выставка невозможна, и я ничего без согласия Буха не продвигал. Все выставки – это его работа: он следил за литературой, за тенденциями.Кругозор его был исключительный. Постепенно накопился опыт и знания, мы отслеживали и то, что происходит в РФ. Но по технологиям и по культуре мы оказались одними из лидеров выставочной деятельности.

Заслуга Владимира Федоровича в создании СЭЦ исключительная.

МТ А были ли ситуации, когда Вы не соглашались с ним по принципиальным вопросам?

АК Я таких не припомню. Он мог промолчать, поворчать, но чтобы какие-то личные мотивы поставить над профессиональными – этого никогда не было. А по профессиональным вопросам спорить с ним было бессмысленно, в этом он был незаменим.

Еще одно направление деятельности Буха – это проведение выездных выставок, которые тоже имеют достаточно специфичные формы презентаций территории. В разные годы мы провели множество презентаций, в подготовке которых Владимир Федорович был просто незаменим. Очень значительной была презентация Сибири в австрийском Линце, крупнейшем промышленном центре. Вот это была работа! Запомнилась презентация Сибири в Санкт-Петербурге на одном из экономических форумов. Степень новизны была высочайшая. Планировкой занимались Бух и Степанова. Они очень хорошо понимали друг друга. Когда Владимир Федорович «заводился», получался интереснейший результат. Так было в Японии, Китае, Южной Корее, Монголии… Суть его деятельности именно в новизне – каждая выставка была интересна именно потому, что в ней было нечто ранее не бывалое. Во всем он был в меру корректен, в меру настойчив.

МТ Что касается настойчивости, то если уж он что сказал – это были окончательные слова, и ничто не могло ему помешать отстаивать свою точку зрения.

АК Кроме того, Владимир Федорович был убежден, что каждый город и регион имеют право на серьезную выставочную деятельность и выставочные структуры. И мы проводили выездные выставки в Улан-Удэ, Хабаровске, Чите, Братске. Мы были одержимы этими идеями. Время многое меняет, и не все зависит от презентаций, кое-какие инициативы так и не имели продолжения, подчиняясь влиянию экономических тенденций. Но как инновационное предложение, как попытка возродить экономическую жизнь и традиции регионов такие выставки (если даже они и не прижились) были необходимы.

МТ Мы все знаем, что у Буха было замечательное чувство юмора. Это как-нибудь проявлялось в его работе?

АК Когда мы проводили вторую ярмарку в Братске (она была удачной), перед банкетом я простыл, у меня пропал голос, и я попросил Буха выступить вместо меня. Вот собралась городская власть, наша выездная бригада. Бух говорит: «Выставка получилась, и поэтому наш генеральный директор СЭЦ объявляет нам всем премию». И до сих пор все вспоминают, как они получили премию Буха.

МТ А как ВФ относился к неудачам? Ведь экспериментов без неудач не бывает.

АК Он, конечно, переживал, но воли чувствам никогда не давал, всегда анализировал все условия и обстоятельства происшедшего. Неудачи напрямую не зависели от Буха, – он делал свое профессиональное дело, делал крепко. Разве от Буха зависело то, что за 2 дня до открытия выставки в Линце правительство Австрии ушло в отставку? И нынешняя практика проведения бесконечных меховых аукционов вместо специализированных выставок также не является двигателем экономического развития региона.

«Канадская деревня»

АК Цель наша – как выставочников была показать возможности разных технологий и разных архитектурных идей. Канадскую технологию изучали не только мы: в Якутии тоже пытались ее освоить. Видел я и канадский поселок в Белоруссии. Но там он спроектирован, как ряд домов, то есть как традиционная деревня, в которой все дома похожи как близнецы, а домов можно настроить хоть сто, хоть двести – такой вот линейный ужас! Что сделал ВФ: он спроектировал группы домов в рамках микрорайона. Это не уродует место поселения человека, вносит разнообразие. Так и надо строить! Это действительно градостроительный подход. Здесь ему никто не помогал. Канадская деревня сделана, конечно, по-человечески – именно с точки зрения градостроительной.

Кроме Буха и меня, замысел «канадской деревни» в то время никто толком не понял. Все шумели про канадские технологии, но что они собой представляют и как их следует применять в Сибири – это стало отдельным направлением деятельности СЭЦ, которое разрабатывал и продвигал Владимир Федорович. Я неоднократно летал в Канаду для знакомства с технологиями (они в России тогда не были известны). В области градостроительства образованность, интеллект ВФ очень помогли в создании предпосылок, полигона, образца для многообразия: человек – если он хочет быть свободным и жить в условиях нормальной экономики и экономии – должен иметь право выбора. А право выбора он получит тогда, когда увидит в реальности, какова альтернатива бетонным многоэтажкам. Это путь, который практикуется в большинстве стран. И под флагом СЭЦ, при содействии и колоссальном вкладе Владимира Федоровича этот микрорайон был построен. Мы преодолевали огромные трудности, как раз на это время пришелся дефолт 1998 года. Я решал политические и политэкономические проблемы – отбиваться от старого подхода к строительству, а Владимир Федорович стоял, как глыба, сопровождая и защищая принципы для создания условий многообразия жилищного строительства. Кроме того, реально этот опыт означал и адаптацию технологий малоэтажного жилищного строительства, известных и практикуемых в мире, к условиям Сибири и России.

МТ Что Вы и Бух понимали под словами «показать разнообразие возможных форм жизни»?

АК Нам не дали возможность закончить наш проект, показать все возможности этой идеи. Мы же выставочники, а не строители, застройка не была нашей главной целью. А мы, сами того не желая, со своими канадскими домами встряли в рынок жилья, который строился на принципах жесткой конкуренции. Мы хотели построить в пределах микрорайона такое небольшое здание, в котором были бы представлены все возмож-

ные строительные технологии, которые могут использоваться при самом разном строительстве, получить любую консультацию по материалам и технологиям. Я видел, что одна из функций власти – создать условия для возможности использования разнообразных технологий. Это не удалось осуществить.

Но Владимир Федорович при проектировании микрорайона предложил принципиально важное решение, которое контролировал на всех этапах реализации. Мы для проекта привезли полную комплектацию примерно на полтора-два десятка домов. Потом пригласили специалистов,чтобы понять, научиться самим использовать эти идеи и технику, адаптировать к нашей реальности. Были созданы бригады наших строителей, которые Бух сам патронировал. Он буквально жил этой стройкой. Я убежден, что без него ничего бы не состоялось. Вот одна из серьезных проблем нашего региона – фундаменты. Традиционно в малоэтажном строительстве использовались ленточные фундаменты. Я как дилетант тоже предпочел бы более дешевый ленточный фундамент. А Владимир Федорович требовал – и настоял, чтобы фундаментом была плита. Это принципиально важно: все дома в канадском поселке стоят на плитах. Решаются проблемы долговечности, сейсмической устойчивости. Дом колеблется вместе с плитой – и остается в целости и сохранности. Владимир Федорович, безусловно, хорошо знал японский опыт строительства: там проводились эксперименты с разными фундаментами, и наиболее сейсмостойким оказался именно плиточный.

Многообразие еще и в том, что в канадском поселке рядом стоят дом из местных материалов, произведенных с помощью некачественных технологий. Такой отрицательный пример – как не надо строить. Рядом – дома, конструктивно совсем иные. Но ведь и «плохой» дом заселен!

МТ Я думаю, что здесь имеет значение, где, в какой среде, в каком окружении стоит дом, как обустроена вся территория поселка. Это пример такого первенства градостроительного принципа над особенностями конкретной застройки.

АК Здесь примеры и экономически, и культурно очень различные. Уникальные деревянные соседствуют с каменными, сэндвич-панели – с обзолом – и всему находится место, и все это именно так и спроектировал Владимир Федорович, что ничто ничему не мешает. Я насчитал семь или восемь технологий.

Целиком заслуга Буха – это расположение домов группами даже в таком небольшом поселке. Тогда создаются небольшие сообщества, и никто никого не заслоняет. При этом на каждом участке в конструкции каждого дома заложена возможность изменения, роста, достройки. Конечно, очень правильно будет, если проектированием этой достройки будет заниматься профессионал. Я не отступил от своего принципа: третий этаж и веранду моего дома проектировал ВФ. В чем драматизм строительства малоэтажных поселков в Иркутске? Человек, получив участок, делает на нем все, что ему заблагорассудится. Но ведь делать надо наоборот! Сначала – генплан участка под застройку, как это сделано в канадской деревне Бухом, потом формулируйте требования к владельцу. При этом подъезд к дому, электроэнергия, вода, канализация, тепло и т.д. – все это должна власть диктовать. В канадском поселке все сделано по-человечески: и благоустройство, и коммуникации.

МТ Да, первопроходцы многое заложили, но многое и не успели осуществить. Но сам факт, что такой образец застройки есть – это великое дело.

АК Сюда приезжают, смотрят, учатся. Мне приходилось проводить презентацию этого микрорайона в СЭЦ во время его строительства. Тогда не верили ни в эти технологии, ни в инновации. Здесь тоже нужна была убежденность ВФ в правоте и аргументированность его позиции. Уже после противники канадской деревни сами ходили по поселку, изучали, смотрели.

Мне как руководителю было с ним надежно. Его позиция всегда взвешена. За ним стоит такая культура, такая широта кругозора, что все его аргументы складываются в одну картину, в которой нет никаких зазоров, нет слабых мест для поверхностной критики. При этом он не только формулирует задачу, но и точно знает, каким образом надо эту задачу выполнять.

Никогда его критика не была направлена против людей. Он всегда имел дело с идеями, по отношению же к людям он уважителен и сдержан. Я говорю о Бухе в настоящем времени, потому что постоянно чувствую его присутствие, слышу его голос, он участвует в моей жизни.

Фото из архивов
службы дизайна СибЭкспоЦентра

Должны сойтись место, звезды и люди

текст
Мария Степанова

Иркутску, безусловно, повезло: синергетический эффект плодотворно сотрудничавших около 20 лет Личностей – Анатолия Леонидовича Коцаря и Владимира Федоровича Буха – оказался очень весомым и в прямом смысле слова зримым. Нестандартно мыслящий, художественно одаренный, прошедший школу комсомольской и партийной работы государственный служащий, с одной стороны, и талантливый архитектор, великолепный график, опытный главный архитектор города, прошедший школу административной работы – с другой. Яркое лидерство и экономическое чутье А.Л. Коцаря удивительным образом дополнились и обогатились градостроительным талантом, профессионализмом, широтой кругозора, мудростью и человеческим обаянием В.Ф. Буха.

Мне посчастливилось работать в СибЭкспоЦентре под непосредственным руководством и в тесном сотрудничестве с Владимиром Федоровичем 17 лет. За эти годы сформировалось по-своему уникальное архитектурно-дизайнерское подразделение, ориентированное на подготовку и проведение различного рода и масштаба выставочных и презентационных мероприятий. Это было трудное, но очень интересное время поиска, учебы, порою – неудач, но главное – потрясающих проб и экспериментов, открытий и побед! Мы чувствовали себя первопроходцами, пионерами. За непол-

ных два десятка лет мы прошли путь от деревянного оборудования до современных выставочных систем. Трудоемкое, изготовляемое вручную и из подручных средств оформление сменилось новейшими рекламными технологиями, мобильным оборудованием и инновационными решениями с использованием различных мультимедийных средств и лазеров. Все это было бы невозможно без Владимира Федоровича, его обширных знаний и опыта, мудрости и новаторства, без его руководства и наставничества.

Если коротко сформулировать суть нашей деятельности в те годы – это была Командная работа (именно с большой буквы)! И нашу работу, и работу всего выставочного комплекса пронизывала и объединяла сопричастность происходящему в городе, регионе, стране: глобальным изменениям в экономике страны в девяностые годы, возрождению ярмарочных традиций и становлению выставочного движения как экономического инструмента, появившейся у регионов возможности напрямую выходить на зарубежные выставки, сближению выставочного движения и конгрессных мероприятий на новом этапе развития в двухтысячных годах.

СибЭкспоЦентр стоял у истоков Международного Союза выставок и ярмарок стран СНГ и Балтии. Руководство Иркутского выставочного комплекса вместе с В.Ф. Бухом во многом определяло стратегию развития выставочного движения России в целом.

Следствиями этого для нашего региона стали:

– проектирование и строительство первого за Уралом выставочного комплекса;

– разработка технологии проведения и оформления специализированных выставок;

– подготовка и проведение презентаций и коллективных экспозиций Иркутска и Иркутской области на крупномасштабных российских и международных выставках, международных форумах в России и за рубежом (Москва, Санкт-Петербург, Сочи, Сеул, Улан-Батор, Линц (Австрия), Ля-Рош (Франция), Токио, Шэньян, Берлин, Лондон, Канны);

– разработка самого знака и дизайн-сопровождения Байкальского экономического форума.

В 2000 году состоялся первый Байкальский экономический форум, инициированный Советом Федерации ФС РФ под председательством тогда еще Егора Семеновича Строева. Этому предшествовали месяцы напряженной работы, командировки, бесконечные совещания рабочих групп. Оператором был назначен СибЭкспоЦентр.

У будущего форума не было своего логотипа. Потребовался опыт и кругозор, нестандартное видение и образное мышление Владимира Федоровича, чтобы сформулировать, «родить» саму идею, разработать символ и его начертание. Я никогда не видела разных смысловых вариантов логотипа – только вариации графического начертания. И это был чистый и очень точный образ! «Солнце встает на Востоке страны и отражается в водах Байкала. Это символ стратегических интересов России в Сибири и на Дальнем Востоке». В.Ф. Бух подготовил подробный проект подготовки города к проведению масштабного мероприятия, и в этом сказывался его многолетний опыт работы главным архитектором города. Впоследствии была разработана конкретная технология дизайн-сопровождения форума, его мероприятий, полиграфической продукции, раздаточных комплектов, сувенирной продукции, системы контроля доступа. С градостроительной педантичностью Владимиром Федоровичем было учтено все – от схемы движения кортежей, мест парковок, оформления главных магистралей города и трактов, аэропорта и вокзала до обновления поребриков и контроля за рекламой в городе.

Бух как-то сказал мне: «Мария Владимировна, в непрофессиональной среде практически никого не интересуют наши с вами искания. Но по-настоящему творческие люди ни с кем не соревнуются. Они сами знают профессиональную планку и неуклонно следуют ей».

Именно высокая профессиональная планка, задаваемая В. Ф. Бухом, позволила СибЭкспоЦентру в 2005 году стать оператором коллективной экспозиции 19-ти регионов Сибирского федерального округа на Санкт-Петербургском экономическом форуме.

Владимир Федорович для меня – это не только работа в СибЭкспоЦентре, но и жизнь в одном из лучших домов «Канадской деревни», в проектировании и оформлении интерьеров которого он непосредственно участвовал. К нашему дому часто приезжают фотографироваться свадебные пары, туристы, а порой и просто деловые люди (мы к этому уже привыкли).

Владимир Федорович достаточно долго преподавал на архитектурном факультете Иркутского политехнического института, отказавшись от учебной работы только в 90-е годы. Но и тогда он продолжал консультировать наиболее интересные и близкие ему по теме работы. Именно здесь я впервые увидела его в 1979 году, когда он руководил дипломными проектами. Владимир Федорович напоминал мне моего отца, очень хорошего педагога, который всегда рассказывал и наглядно показывал, как бы сделал он, и всегда спрашивал, как бы сделала я. Ссылаясь на слова Владимира Азариевича Павлова, Владимир Федорович говорил: «Неважно, кого учитель считает своим учеником. Важно то, кого ученик считает своим Учителем. Невозможно научить, но можно научиться. И ключевым здесь является желание учиться».

В.Ф. Бух относился к тому редкому типу людей, который не читал назидательных нравоучений и не тыкал носом в ошибки, но всегда давал понять, что именно с его точки зрения недопустимо в профессиональном плане. С ним всегда хотелось посоветоваться, узнать его мнение, получить профессиональную экспертную оценку. Кроме того, он интересовался самыми, казалось бы, неожиданными вещами. Так, например, он уважительно и с неустанным вниманием относился к Слову. Когда я отправлялась в командировки в Москву или Санкт-Петербург, он всегда просил меня заглянуть в отдел словарей книжных магазинов. В его библиотеке были различные издания толковых, варианты современных словарей иностранных заимствований, толковые словари иноязычных слов.

Последние годы нас связывали теплые добрососедские отношения и традиция собираться старым составом дизайнерского отдела на Рождество в нашем доме, где у Владимира Федоровича было облюбованное им «свое» кресло. Некоторые высказывания Владимира Федоровича навсегда остались в моей памяти, как заветы истинного Учителя.

«Вот когда вы доживете до моих дней, вы будете перебирать – от нечего делать – то, что прожили: что в жизни было так, а что нет; за что стыдно, а за что можно и вознестись... Ну, это вы потом будете делать, уже дожив до этого. А сейчас вы живете, как живете. И не отдаете отчета в своих повседневных действиях. Я желаю, чтобы вы на свою текущую жизнь попытались посмотреть (или иногда смотрели) со своих тех вот лет, до которых вы доживете!» (Рождество 2013 года).

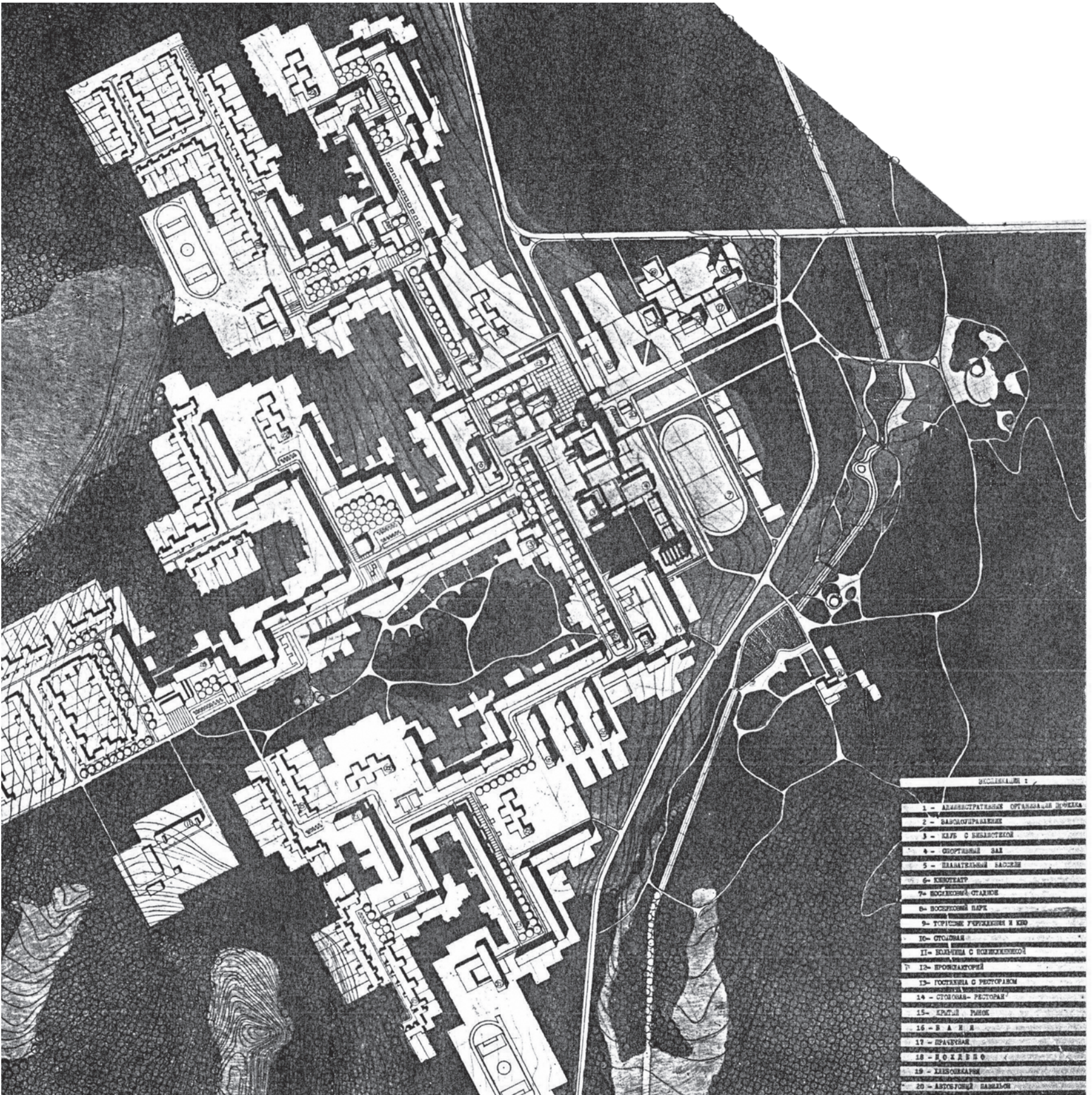
«С окончанием нашего земного телесного существования все не заканчивается... В этом есть смысл и есть продолжение...» (25 августа 2013 года).

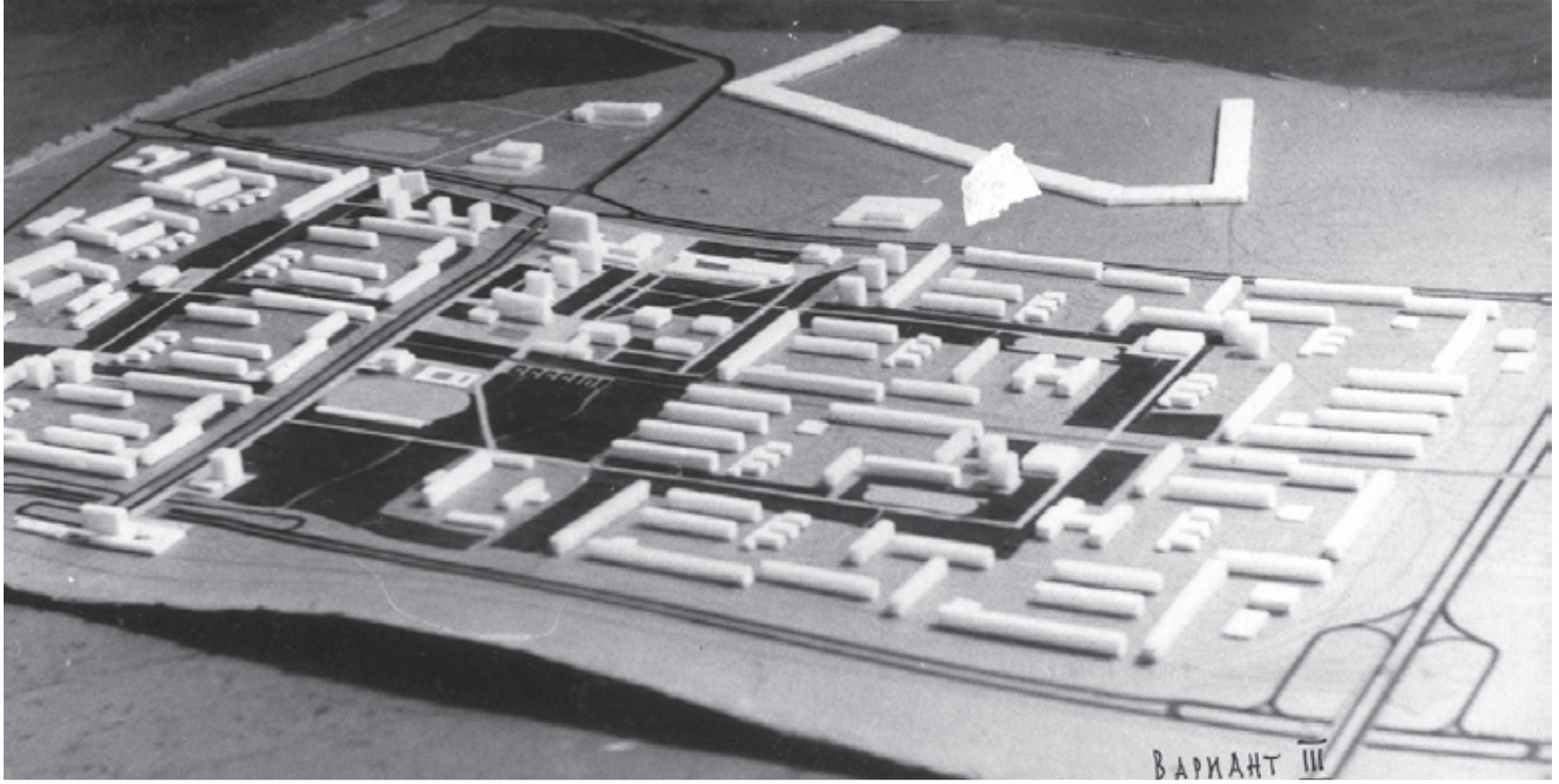
«... не ждите многого, не бойтесь пробовать и обязательно творчески "шалите"!» (15 сентября 2013 года, за день до ухода).

^ Логотип Байкальского экономического форума. «Солнце встает на Востоке и отражается в водах Байкала. Это символ стратегических интересов России в Сибири и на Дальнем Востоке»

Проект детальной планировки жилого поселка Орловского ГОКа в Читинской области

генпроектировщик
Иркутскгражданпроект,
1969 г.
автор В. Бух

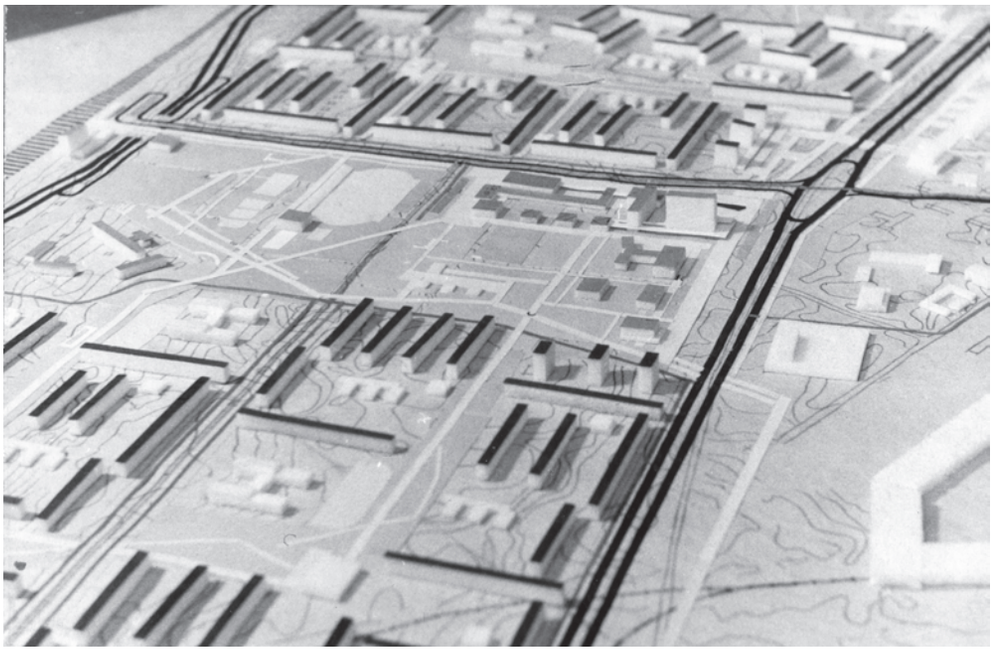


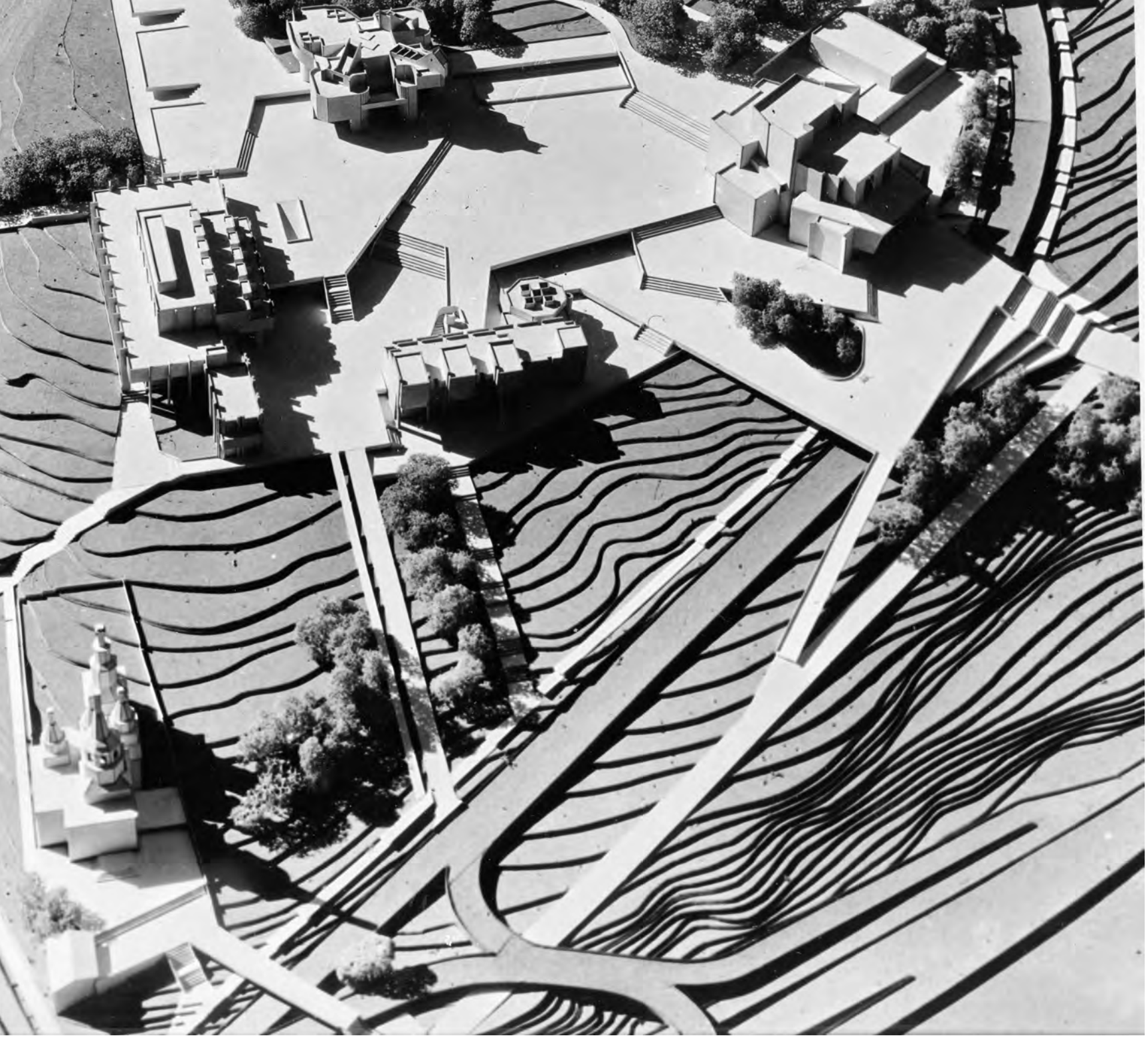


Проект застройки Привокзального жилого района в г. Усолье-Сибирское

генпроектировщик
Иркутскгражданпроект,
1965 г.
авторы В. Чемерис, В. Бух,
Л. Антипин, М. Ашихмина

Пример классического градостроительного решения советской школы. Жилой район на 25-30 тыс. жителей, состоящий из трех микрорайонов, застроенных типовыми панельными домами с полным набором учреждений первичного обслуживания: школы, детские сады, магазины первой необходимости. На территории между микрорайонами размещены здания и сооружения районного значения – торговые, административные, медицинские, спортивные, а также районный парк. Магистральные дороги и автостоянки рассчитаны по советским нормам – 40 автомобилей на 1000 жителей.





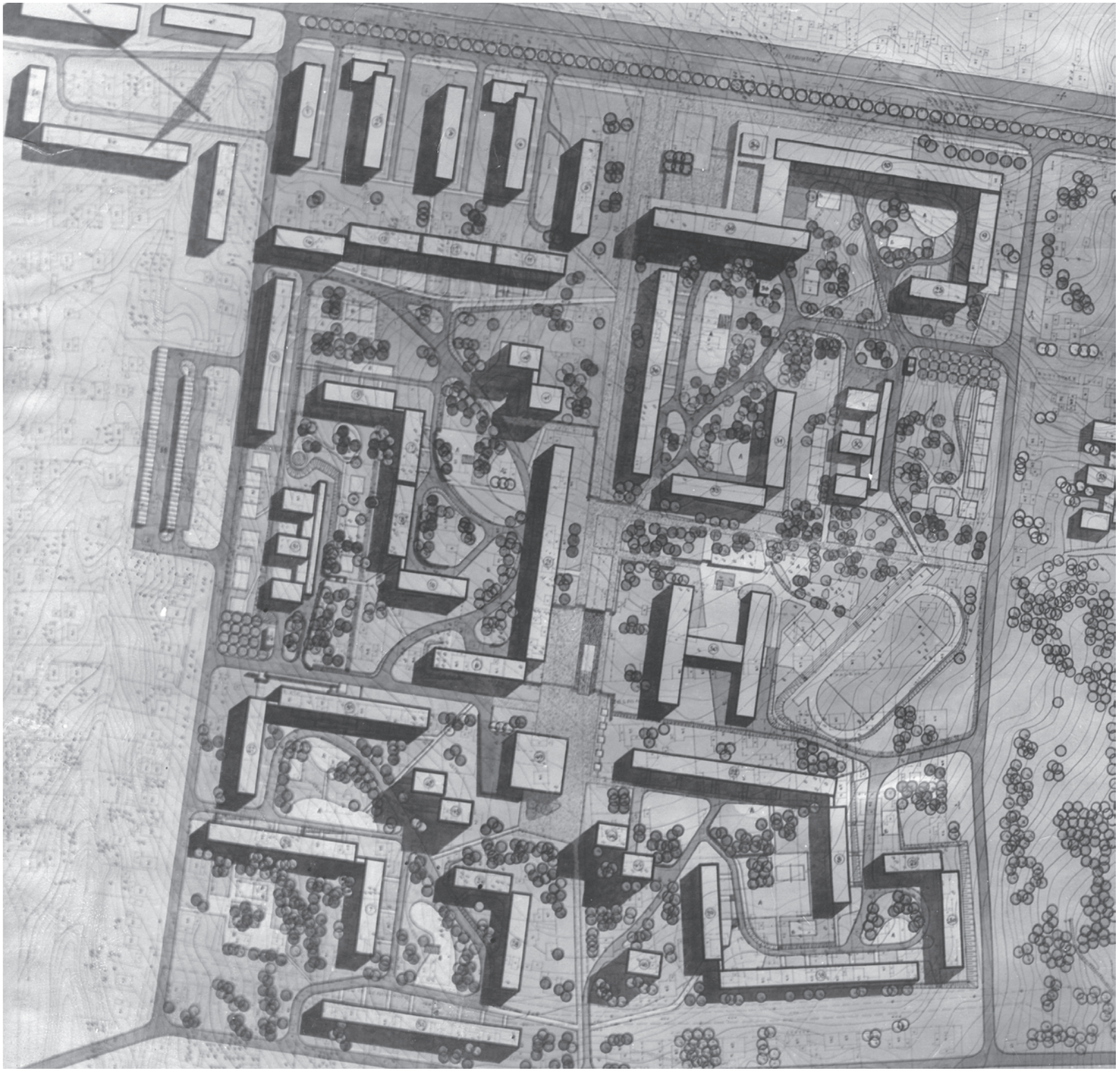
Культурный центр Иркутска. Проект

заказчик Облисполком
генпроектировщик
Иркутскгражданпроект
авторы
В. Воронежский,
В. Павлов, В. Колпиков,
В. Суханов,Б. Халдеев,
Ц. Дагданова, В. Бух,
А. Папанян, Д. Лурье,
Н. Стужин, А. Кудрявцев
начало проектирования–
конец 1960-х
адрес г. Иркутск,
ул. Седова, д. 29,
ул. Коммунаров, д. 10

Когда Иркутск получил возможность строительства музыкального театра, работавший в то время в городе архитектор Вячеслав Воронежский не только предложил место для размещения театра, но и выдвинул идею и разработал форпроект нового культурного центра города (на мысу верхней ангарской террасы, на границе центрального парка культуры и отдыха, рядом с Крестовоздвиженской церковью). Кроме театра, туда вошли областная библиотека, дворец гражданских обрядов и центр научно-технической информации. В процессе дальнейшей совместной работы группы архитекторов проект трансформировался и приобрел окончательный вид, приведенный на фото с макета.

Из четырех реализованы только два объекта – ЦНТИ и музыкальный театр. Дворец гражданских обрядов был начат строительством, заморожен (как и театр, и знаменитый павловский Дом на ногах) в связи с Олимпиадой-80 и сопутствующим ей постановлением Совмина. В 90-х на участке разместилось авторемонтное предприятие, во время нулевых земля была продана в частные руки и сейчас там достраивается жилой комплекс.

Музыкальному театру повезло больше – в конце восьмидесятых его разморозили и достроили. Это одно их доминантных зданий города, оно занимает активное место в панораме правобережья.



Микрорайон Звездочка в г. Иркутске

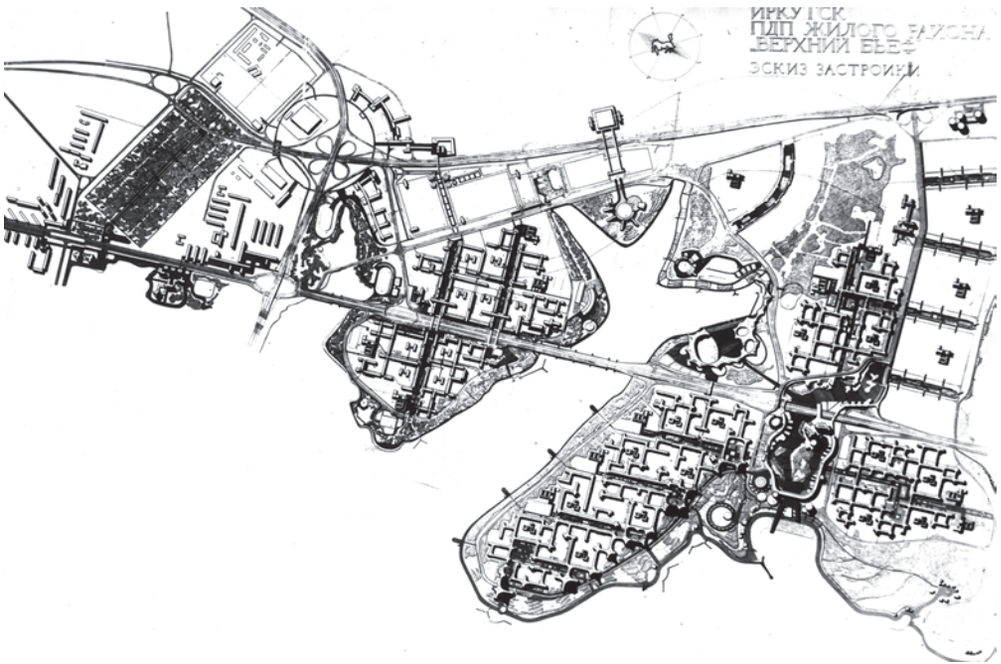
Основной (второй) вариант, по которому велась застройка микрорайона. Улица Жуковского превращалась только в пешеходную, справа и слева от которой размещались дворы, образованные кирпичными и панельными домами и объекты соцкультбыта. Так как застройка микрорайона продолжалась длительное время, со временем часть зданий была построена по индивидуальным проектам.

В конце 70-х годов, когда подошла очередь строить школу, заказчик (бывшая Сосновская экспедиция) заключил с администрацией железнодорожного института альянс, по которому железнодорожники обещали построить здание школы и на два года (время освоения собственной площадки) взять его в собственную эксплуатацию. Авторы проекта и жители микрорайона категорически не советовали заказчику совершать такую сделку. Но в те времена к мнению архитекторов мало прислушивались, и сегодня жители микрорайона остались без школы, а институту некуда территориально развиваться. Разве что вырубить расположенную по соседству реликтовую сосновую рощу.

генпроектировщик
Иркутскгражданпроект,
1966 г.
авторы Л. Антипин, В. Бух

Жилой район Верхний бьеф (Солнечный)

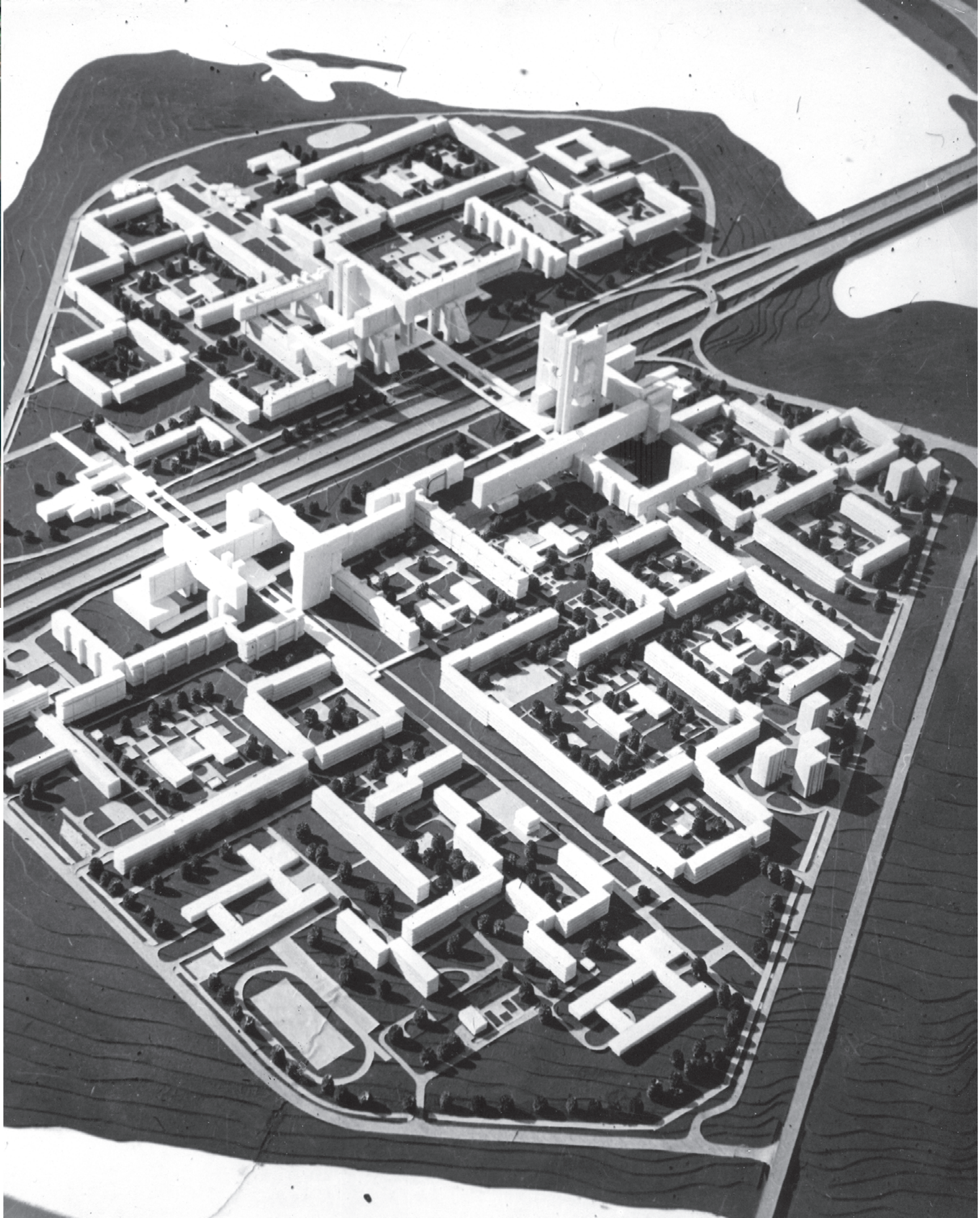
инициативная разработка
генпроектировщик
Иркутскгражданпроект
авторы В. Воронежский,
В. Бух, Н. Бух, В. Павлов,
Н. Беляков
начало проектирования
начало 1970-х гг.
адрес г. Иркутск,
микрорайон Солнечный

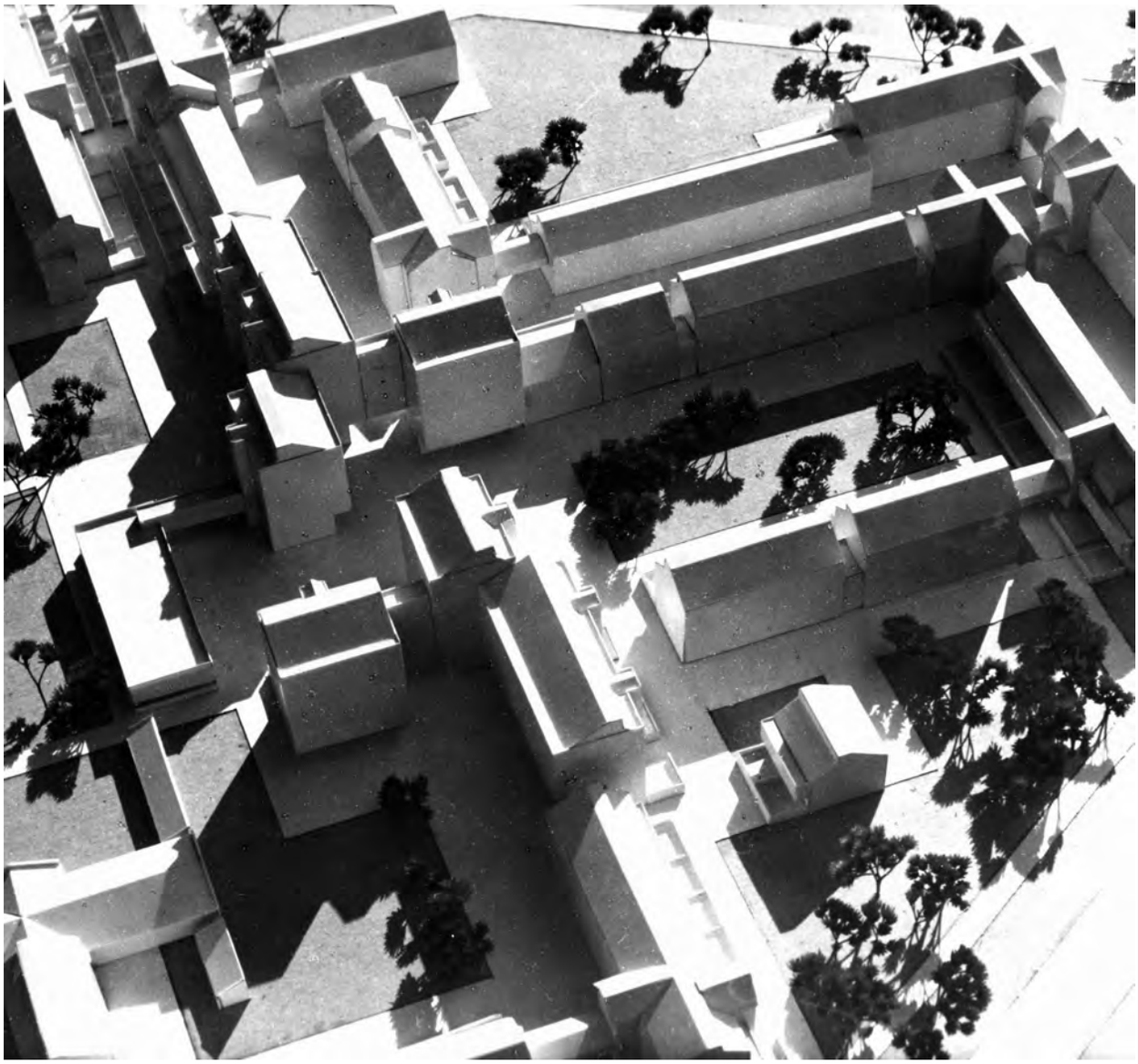


Начало освоения территории верхнего бьефа Иркутской ГЭС положил архитектор Вячеслав Воронежский, разработав проект детальной планировки района и осуществив строительство первой группы жилых домов на первом полуострове иркутского водохранилища, называемом теперь жилым районом Солнечным.

Основные градостроительные идеи ПДП: планировочная ось района – Байкальский луч – городская магистраль ул. Байкальская (в Солнечном – проспект Жукова) стрелой пронзает полуострова водохранилища, дамбами пересекая три залива, и выходит на Байкальский тракт. Живописному очертанию полуостровов противопоставлена регулярная прямоугольная сетка застройки.

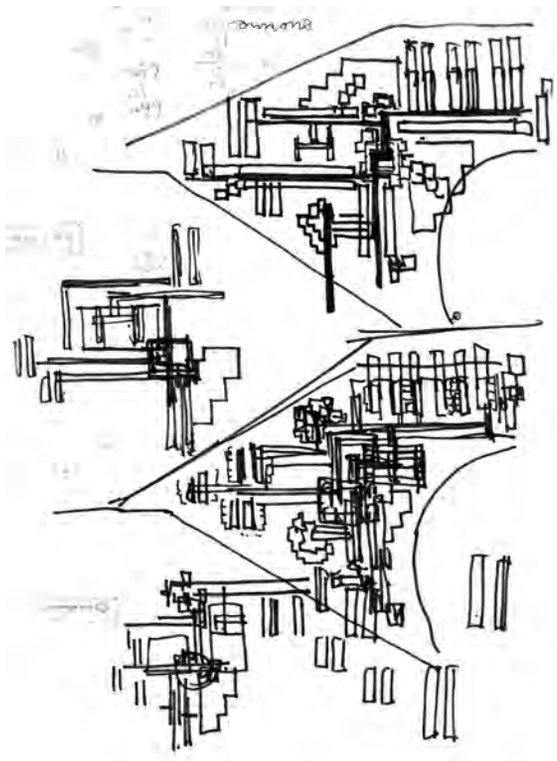
Байкальский луч пересекают пешеходные улицы жилых образований, ориентированные на прилегающую акваторию. Эти идеи в застройке Солнечного с переменным успехом пытались реализовать преемники В. Воронежского. Потенциал общественных пространств до настоящего времени полностью не используется, не выполнены и переходы над Байкальским лучом (проспектом Жукова).

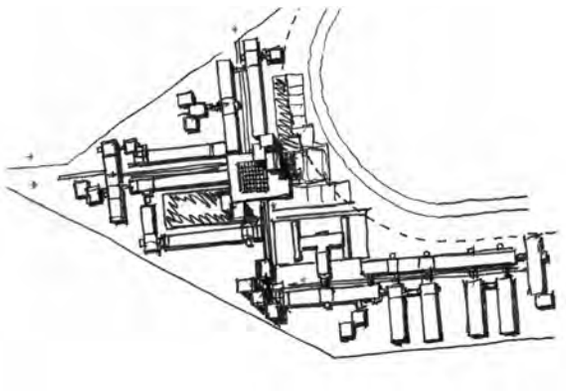




Проект застройки жилого комплекса в районе ипподрома в Иркутске

генпроектировщик
Иркутскгражданпроект,
проектирование
конец 1980-х
авторы
В. Бух, Е. Григорьева,
Е. Третьяков





Разработав градостроительную концепцию 2-5-этажной застройки территории между ипподромом и Ушаковкой, Бух привлек к дальнейшей более детальной проработке молодых коллег. В проекте в основном применены многоквартирные ступенчатые дома с двориками для квартир на первом этаже и эксплуатируемой кровлей при квартирах в двух уровнях на верхнем. В местах понижения этажности застройки встречаются тайнхаузы, разработанные в Мастерской экспериментального и типового проектирования ИГП.

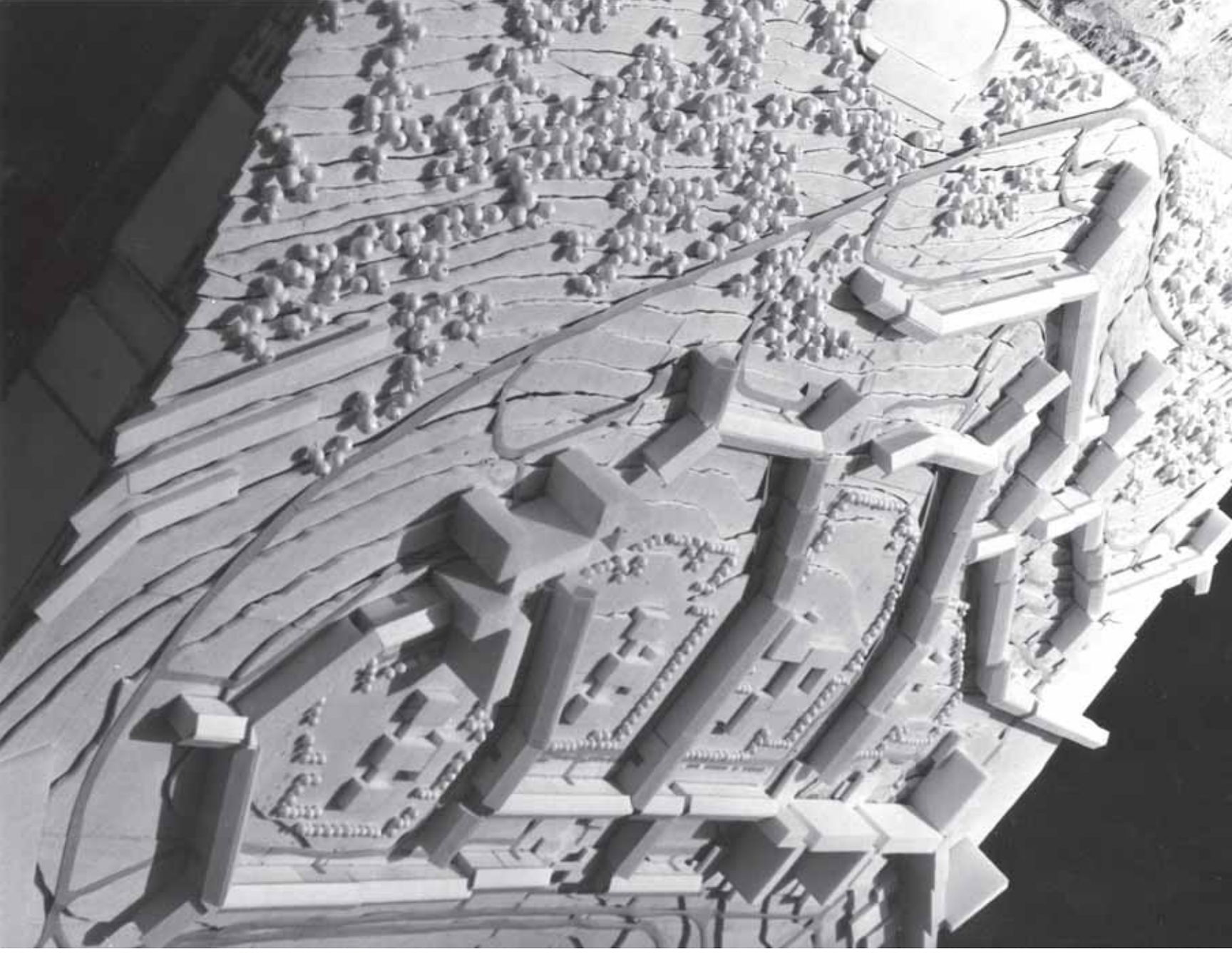
Проект детальной планировки жилого района Марата в Иркутске

заказчик
УКС горисполкома
генпроектировщик
Иркутскгражданпроект
авторы Л. Антипин, В. Бух,
В. Павлов,
В. Снежко-Блоцкий
начало проектирования
1979 г.

Еще один пример следования описанным ранее принципам иркутской школы. Планировочная структура наподобие дерева. Стержнем композиции выступает девятиэтажный ствол со встроенно-пристроенными учреждениями соцкультбыта. Вдоль него проложена главная улица района. От ствола пятиэтажные ответвления, на которых плодами висят школы и детские сады-ясли. Впервые предложена ковровая застройка.

Владимир Бух

Проектом охвачена территория площадью 220 Га в Куйбышевском районе города в треугольнике от реки Ангары до поймы реки Ушаковки. На этой территории предполагается разместить три планировочных района, два из которых – жилые, один – промышленный. Каждый из районов формируется по осям главных улиц. В промрайоне (наиболее застроенном мелкими предприятиями) такой осью является улица Рабочего Штаба. В северном – улица Шевцова, в северо-восточном – улица Радищева. Эти магистральные оси-улицы являются своеобразными стволами деревьев, по обе стороны которых формируются ветви – микрорайоны с объектами обслуживания.
Предусмотрен широкий бульвар при пересечении всех



Проект застройки микрорайона Топкинский в Иркутске

районов через промзону до реки Ангары по трассе улицы Чапаева, вдоль которого размещаются объекты городского и районного обслуживания. Главный общественно-культурный центр планируется в районе Знаменского монастыря и госпиталя.
Проект рассчитан на постепенный вывод жилья из промзоны, первоначальное освоение территорий на свободных площадях (микрорайон Топкинский) с последующей реконструкцией других территорий, занятых малоэтажной застройкой.
Общая численность населения определяется в 100 тыс. жителей на расчетный срок.

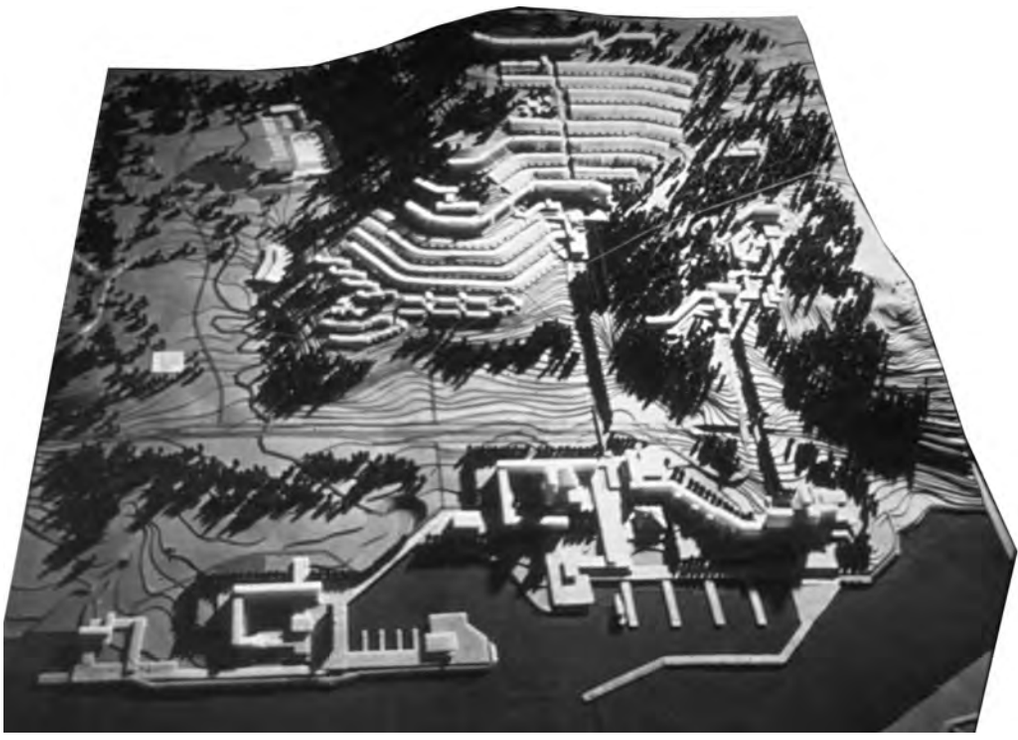
Люциан Антипин

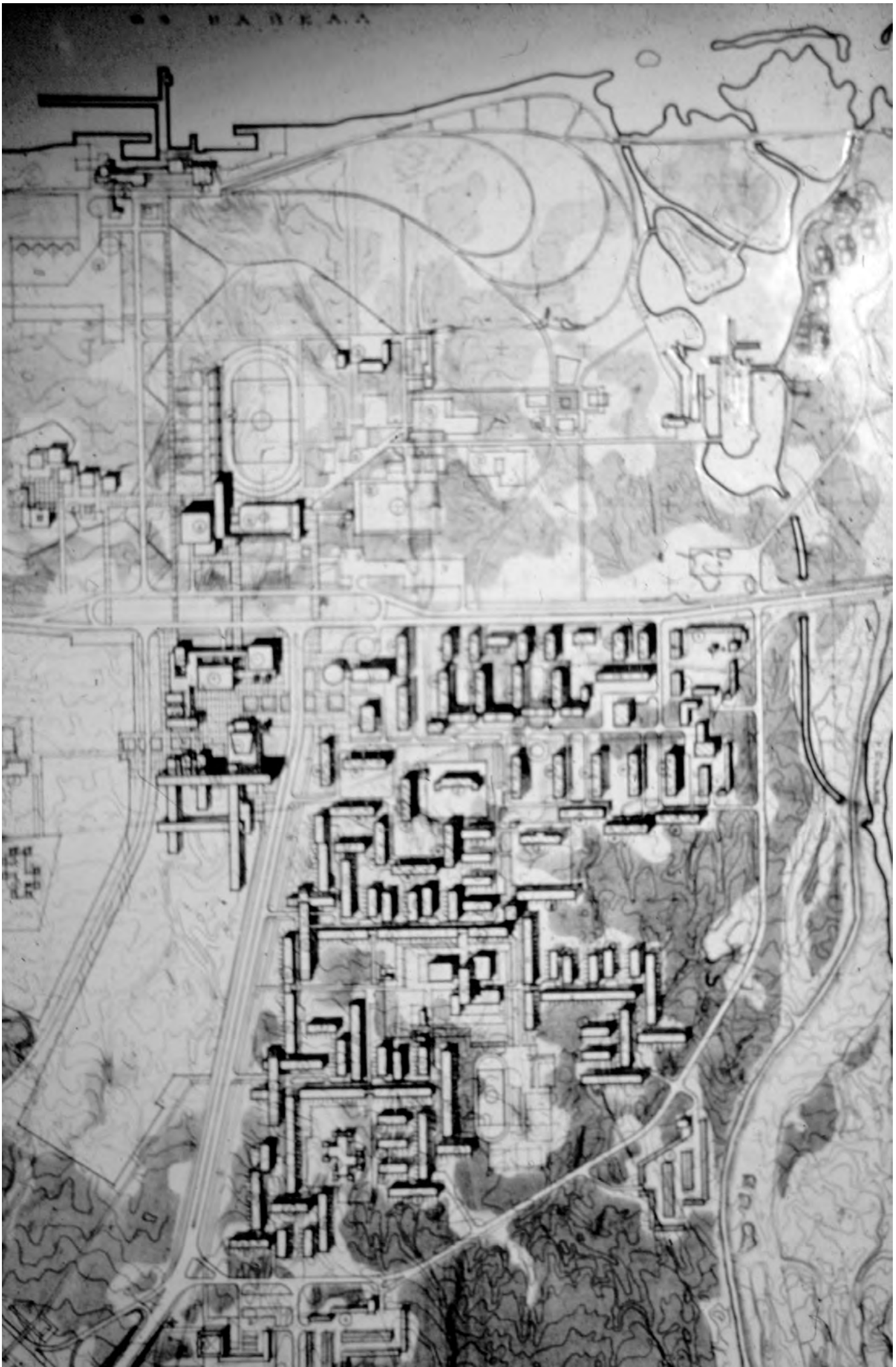
заказчик УКС горисполкома
генпроектировщик
Иркутскгражданпроект,
1978
авторы В. Бух, Л. Антипин

Проект детальной планировки пос. Никола

генпроектировщик
Иркутскгражданпроект,
1977 г.
авторы В. Бух, Л. Антипин

По проекту Байкальского национального парка предполагалось построить на западном побережье Байкала четыре крупных туристических центра, один из которых совместно с администрацией национального парка размещался на площадке в пос. Никола, где ныне располагается база МЧС.
Для обслуживания этих туристических центров необходимо было построить поселок на 6 тысяч жителей. Площадка для поселка была выбрана по соседству с туристическим центром в районе существующего поселка Никола.
По требованию областной санэпидстанции на выбранной территории постоянное жилье могло размещаться только на отметках рельефа выше верхнего уровня туманов, часто образующихся в истоке Ангары.
Поэтому поселок был раположен на склоне горы, подступающей к автодороге Иркутск-Листвянка. Активный рельеф площадки определил характер застройки терасными малоэтажными домами с полным комплексом инфраструктуры.





< Проект детальной планировки северного района Байкальска

Байкальск. Проект застройки Северного жилого района

заказчик БЦБК
генпроектировщик
Иркутскгражданпроект,
19875
авторы Л. Антипин, В. Бух

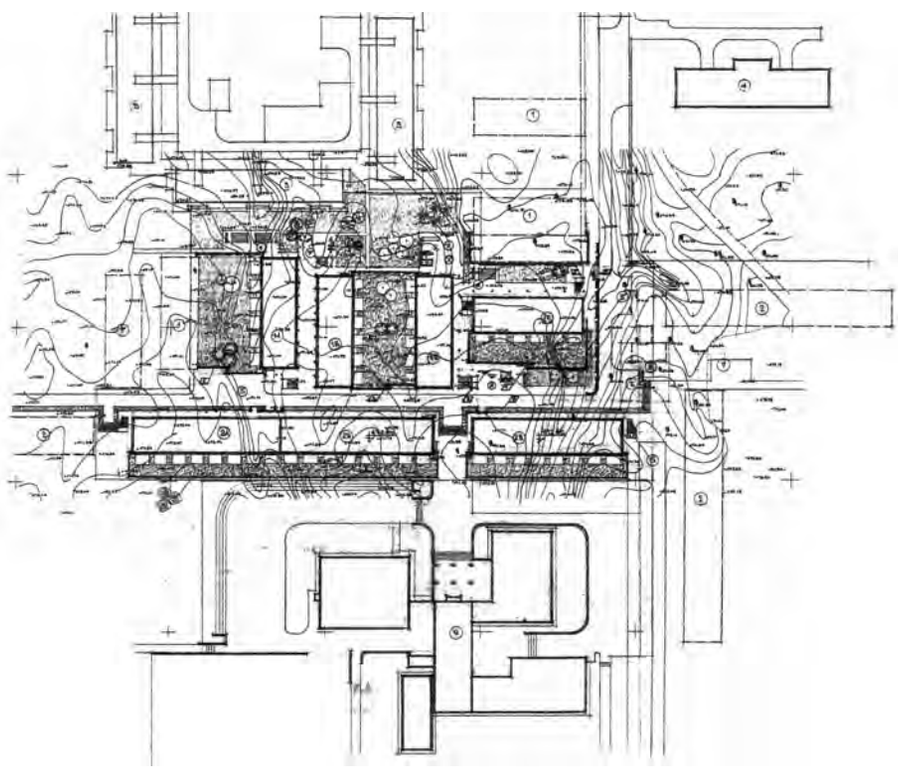
< Проект детальной планировки северного района Байкальска

заказчик БЦБК
генпроектировщик
Иркутскгражданпроект
авторы В. Павлов,
Л. Антипин, В. Бух
начало проектирования
1975
адрес Иркутская область,
г. Байкальск, Северный
район

Проектирование застройки города Байкальска, известного на весь мир своим неуместным целлюлозным комбинатом (закрыт 13 сентября 2013 года), велось разными проектными организациями страны и с образованием Иркутскгражданпроекта» перешло к местной проектной организации гражданского профиля. В это время велась застройка северного района и общественного центра города. «Иркутскгражданпроект» откорректировал проект детальной планировки района, выполненный до него другими проектировщиками, и начал разработку проектов отдельных жилых групп и общественных зданий.

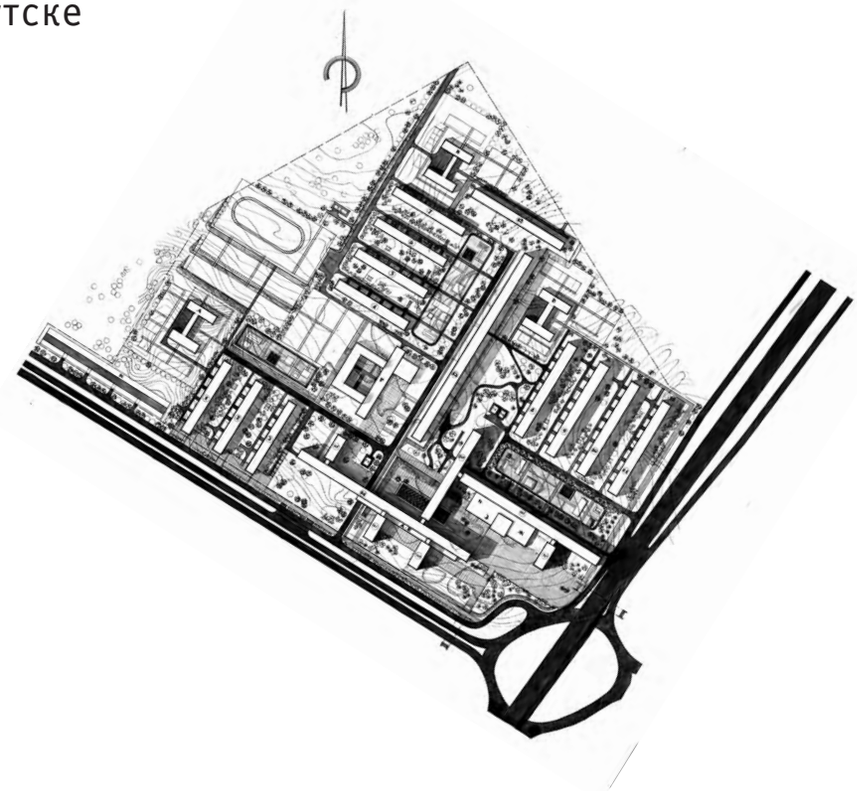
v Байкальск. Жилой комплекс. Фрагмент застройки

заказчик БЦБК
генпроектировщик
Иркутскгражданпроект,
1980
авторы Л. Антипин,
В. Павлов, В. Бух



Микрорайон Байкальский в Иркутске

заказчик Иркутский горисполком
генпроектировщик Иркутскгражданпроект
авторы В. Павлов, В. Бух, С. Григорьев
(проект корректировки)
начало проектирования начало 1970-х гг.
(корректировка проекта застройки 1978 г.)
окончание строительства конец 1970-х гг.



Микрорайон расположен рядом с плотиной Иркутской ГЭС, отделяющей водохранилище от реки Ангары, в нижнем бьефе и примыкает к кольцевой развязке.

Микрорайон имеет простую и четкую планировочную структуру, состоит из трех жилых групп по типовым проектам, школы и трех детских садов-яслей. Четвертая жилая группа, выходящая на перекресток городских магистралей, застраивалась по индивидуальным проектам. Объекты соцкультбыта располагаются в этой группе. Типовая застройка первых трех групп осуществлялась быстро и бесконфликтно, застройка четвертой шла с неоднократной корректировкой первоначально принятых решений.

Группа жилых домов в районе Синюшина гора

заказчик
УКС горисполкома
генпроектировщик
Иркутскгражданпроект
авторы В. Бух, В. Павлов, Н. Бух
начало проектирования
начало 1980-х гг.
окончание строительства
конец 1980-х гг.

Строительство жилого района на окраине Иркутска, на Синюшиной горе ведется с шестидесятых годов XX века и продолжается до сих пор. Застройка улицы, ведущей к Дому культуры завода «Радиоприемник» (авторы проекта ДК В. Павлов, С. Алексеев) девяти-этажными жилыми домами по структуре исходит из принципа непрерывной застройки, последовательно проводимого и в других микрорайонах города.

Застройка центральной части города Ангарска (конкурс)

заказчик
горисполком Ангарска
генпроектировщик
Иркутскгражданпроект
авторы В. Павлов, В. Бух,
С. Алексеев, Н. Беляков,
Е. Григорьева,
А. Колесников,
В. Стегайло, Е. Третьяков
проектирование
1979 год.

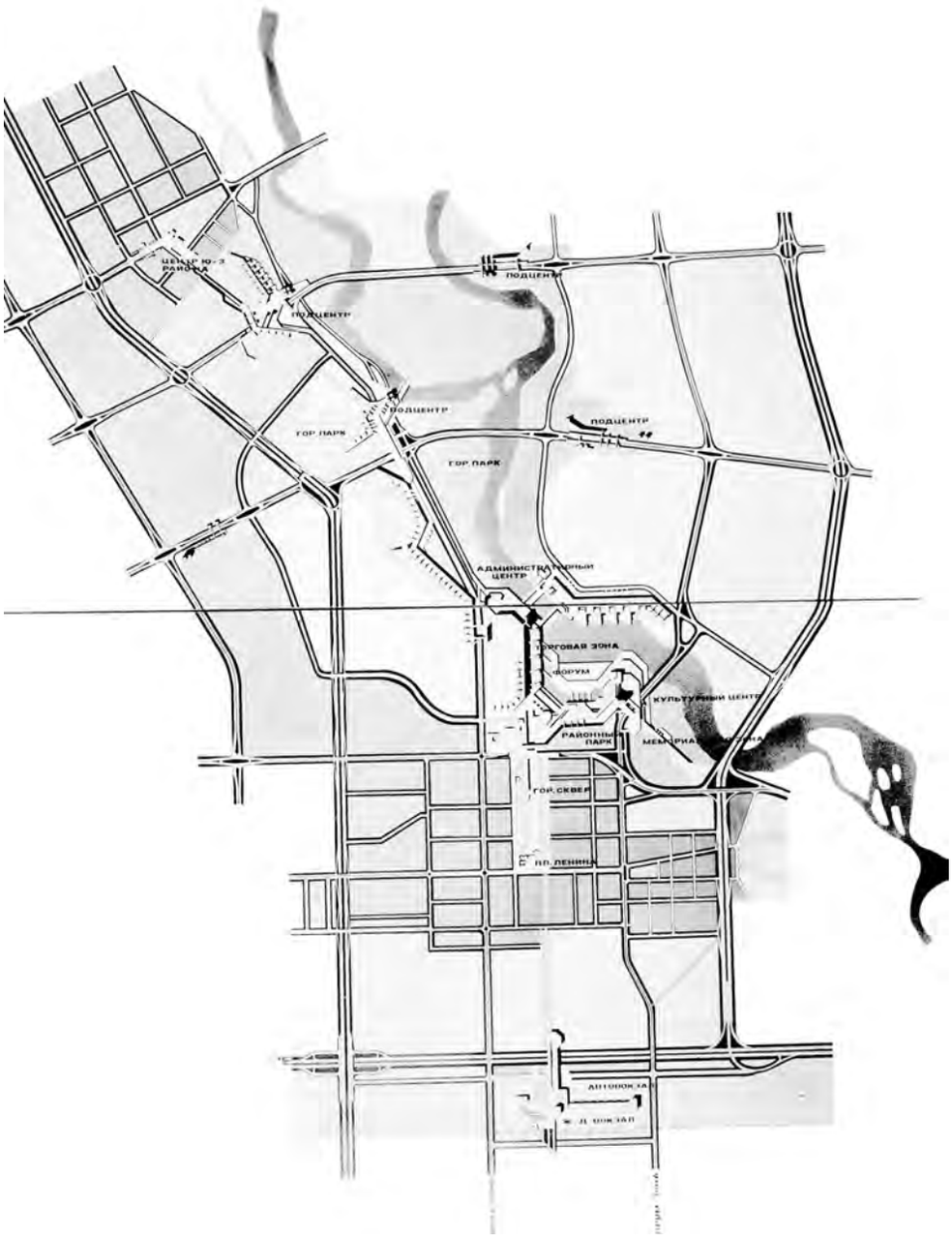
В 1979 году был объявлен закрытый всесоюзный конкурс на застройку центральной части города Ангарска. Участие в нем принял ряд ведущих проектных организаций страны, в том числе коллектив ЛенНИИП градостроительства – автор генплана Ангарска. Получила приглашение и ведущая региональная проектная организация – институт «Иркутскгражданпроект». Целью конкурса стали развитие и реализация основных положений нового генерального плана, касающихся в основном нового общегородского центра Ангарска на пересечении Ленинградского и Ангарского проспектов, с развитием парковой зоны в пойме реки Китой и выходом города на ее левый берег. Суть предложений авторского коллектива иркутян прежде всего в развитии центра на бровке реки Китой.

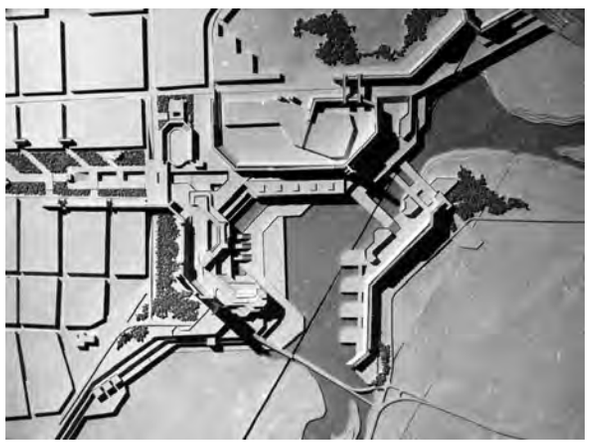
В природном, естественно сохранившемся амфитеатре, на его террасах создается современный центр города как продолжение и развитие существующего. Формируется плотное ядро общегородского центра и направление его роста – вдоль склонов, обращенных к реке, до сложившихся районов жилой застройки, так называемых «кварталов». На этой оси возникают «подцентры», наделенные центральными, общегородскими функциями.

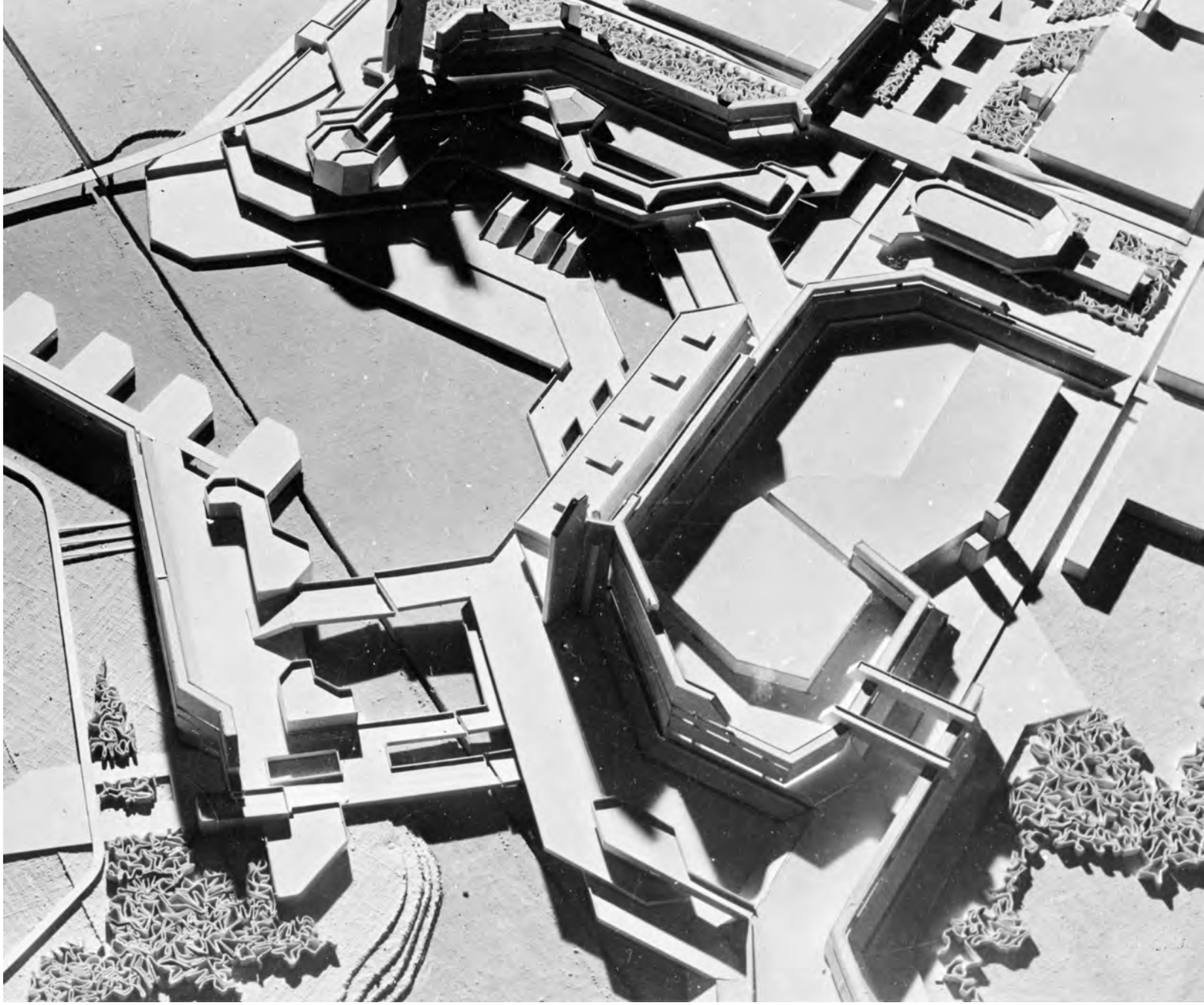
Со временем должен возникнуть линейный центр, важнейшим элементом которого будет река Китой с парком в ее пойме. Полный текст статьи Александра Колесникова «Ангарский конкурс» с описанием конкурсного проекта иркутской команды опубликован в журнале «Проект Байкал», №5, стр. 13–15.

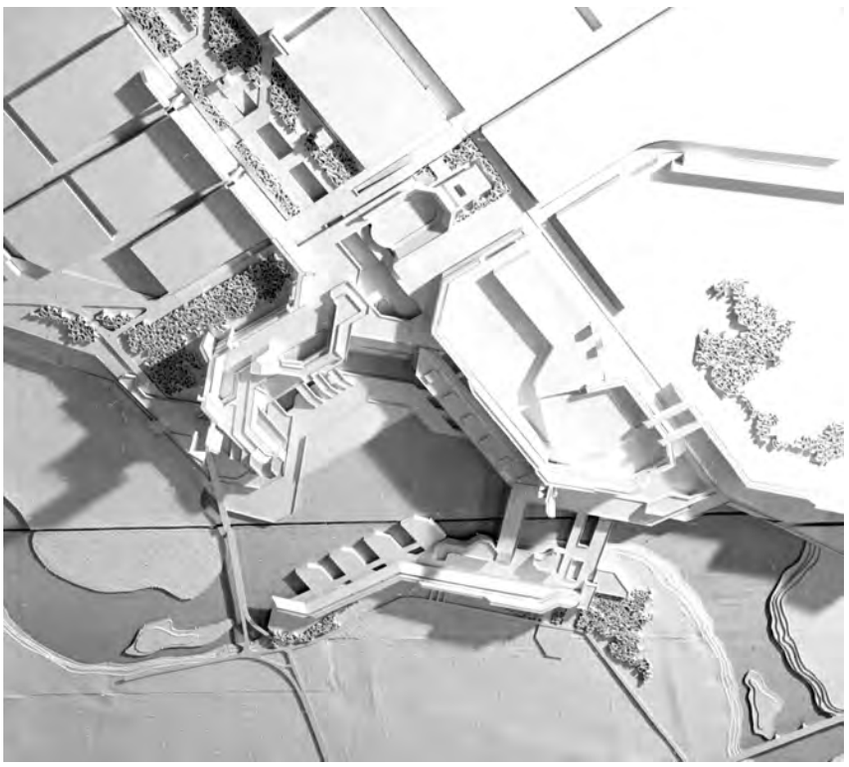
Конкурсный проект на застройку центра Ангарска включен в экспозицию музея архитектуры имени Щусева как пример высокого градостроительного творчества.

Конечно, такой проект не мог выиграть конкурс, но хотел показать и показал, что иркутские архитекторы могут идти в ногу со временем.





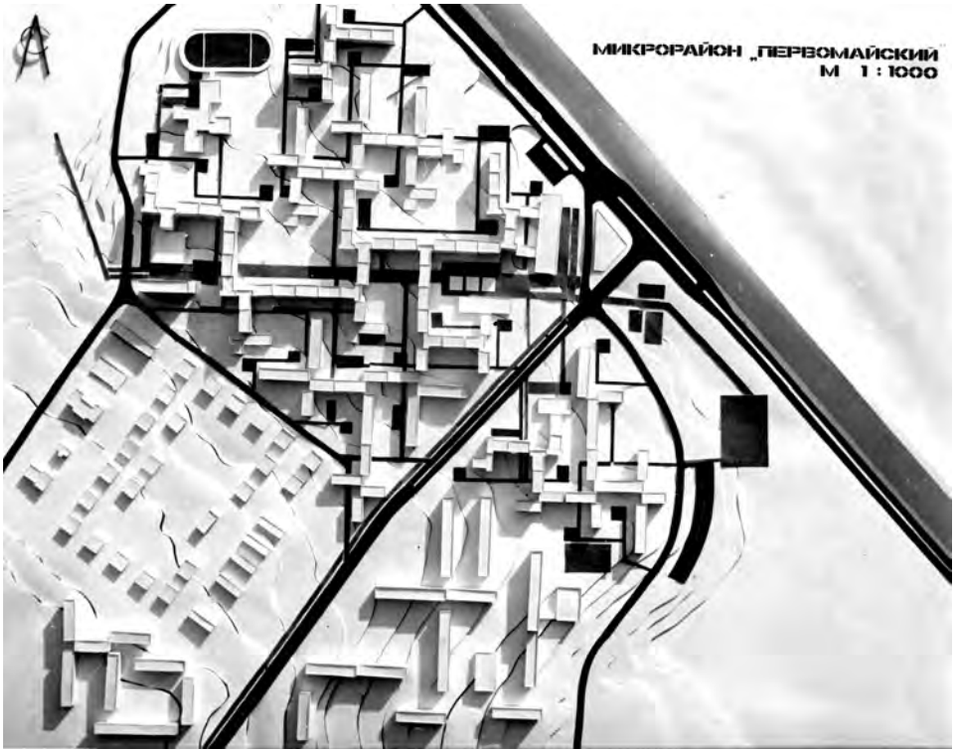


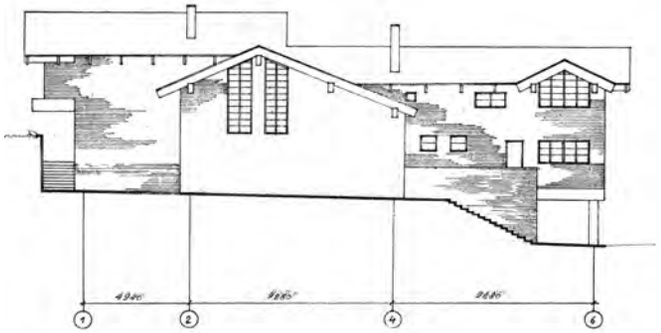


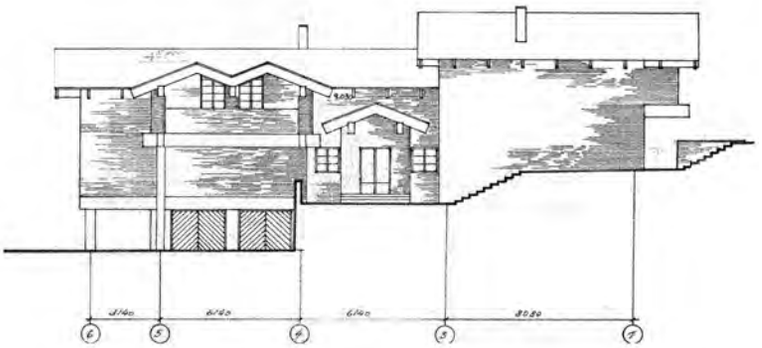
Жилой район Первомайский в Иркутске

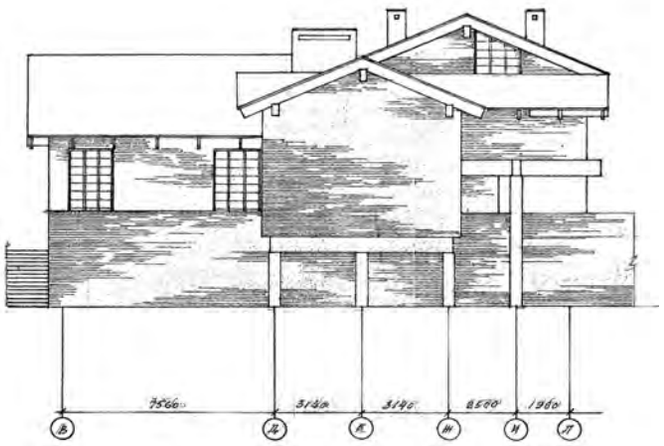
заказчик
УКС горисполкома
генпроектировщик
Иркутскгражданпроект
авторы В. Павлов,
В. Афанасьев, В. Бух,
Ф. Гильманова
начало проектирования
1974 г.
окончание строительства
1984 г.

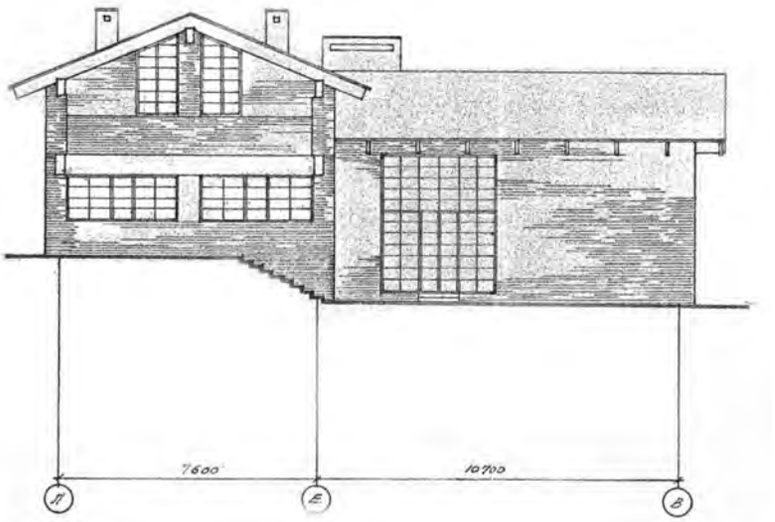
Жилой район Первомайский и более поздний микрорайон Университетский расположены на обращенных друг к другу склонах рельефа и имеют непосредственный визуальный контакт, повлиявший на взаимоувязку планировочных решений обоих жилых образований. Поперечное пешеходное направление Первомайского получило осевое продолжение пешеходной улицей Университетского. По объединяющему обе площадки тальвегу пади Долгая была запроектирована общая зеленая зона.







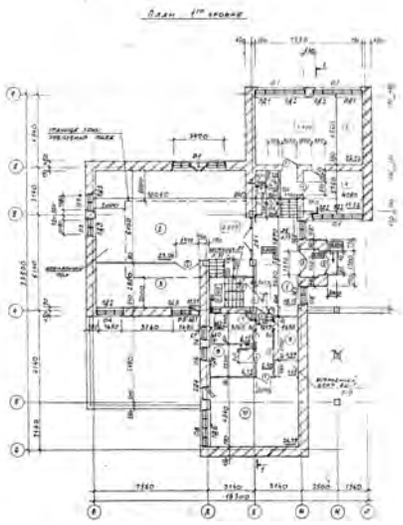


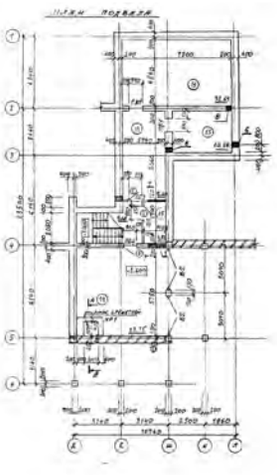


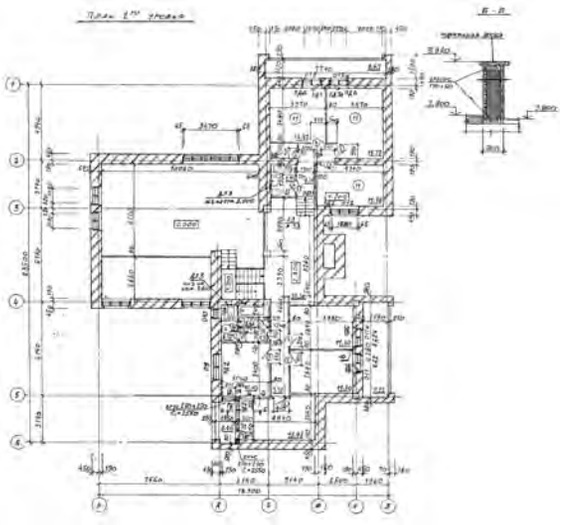
Таунхаусы в жилом районе Первомайский в Иркутске

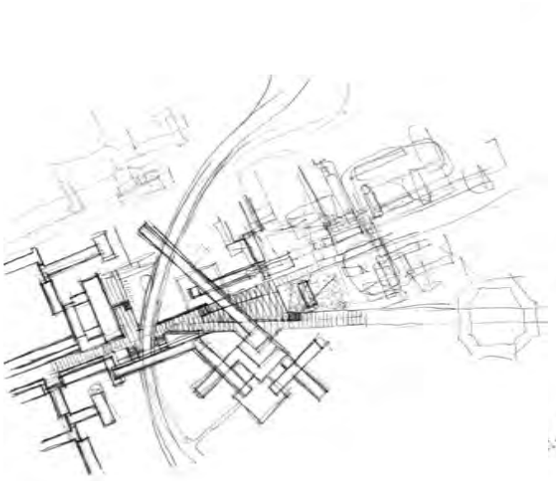
Архитектор Владимир Бух осуществил градостроительную привязку разработанных ранее В. Павловым малоэтажных блокированных жилых домов. Реализация оказалась настолько некачественной, что в публикациях приходится ограничиться только проектным предложением.

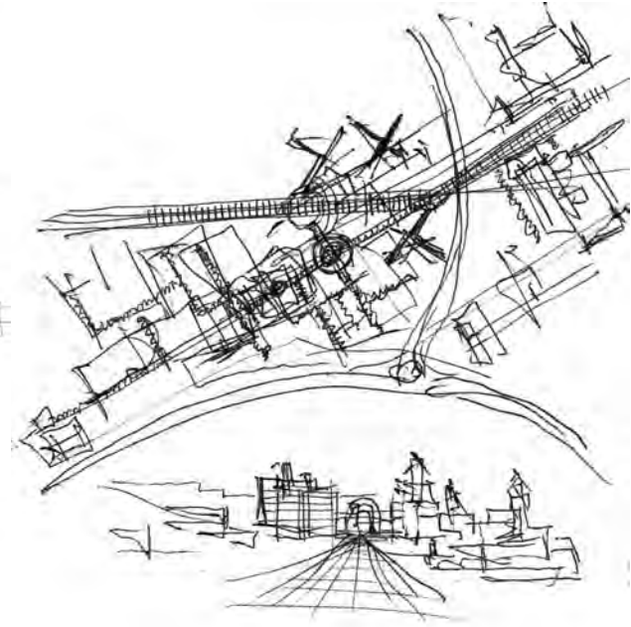
авторы
В. Павлов
В. Бух
начало проектирования 1995 г.





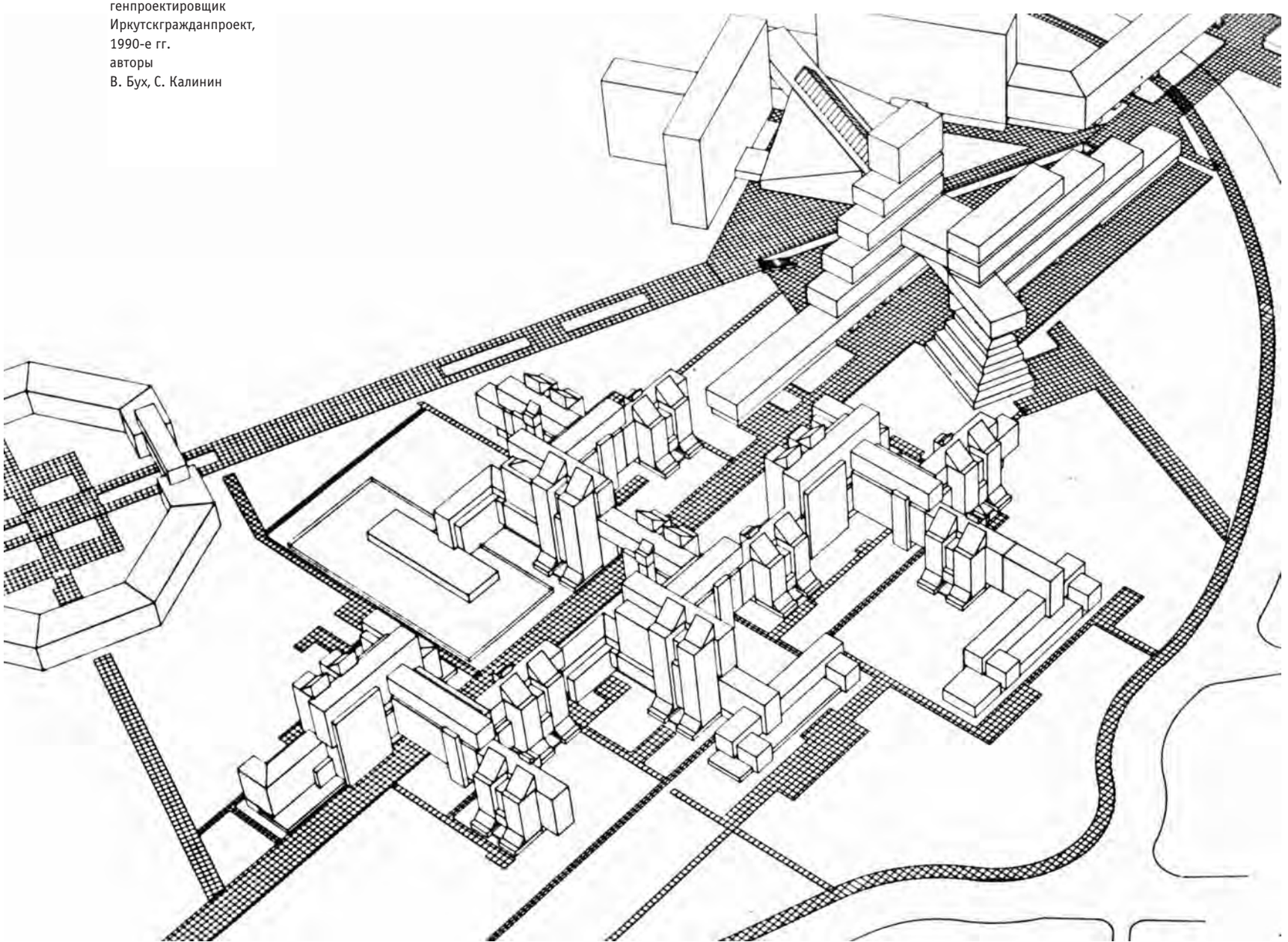


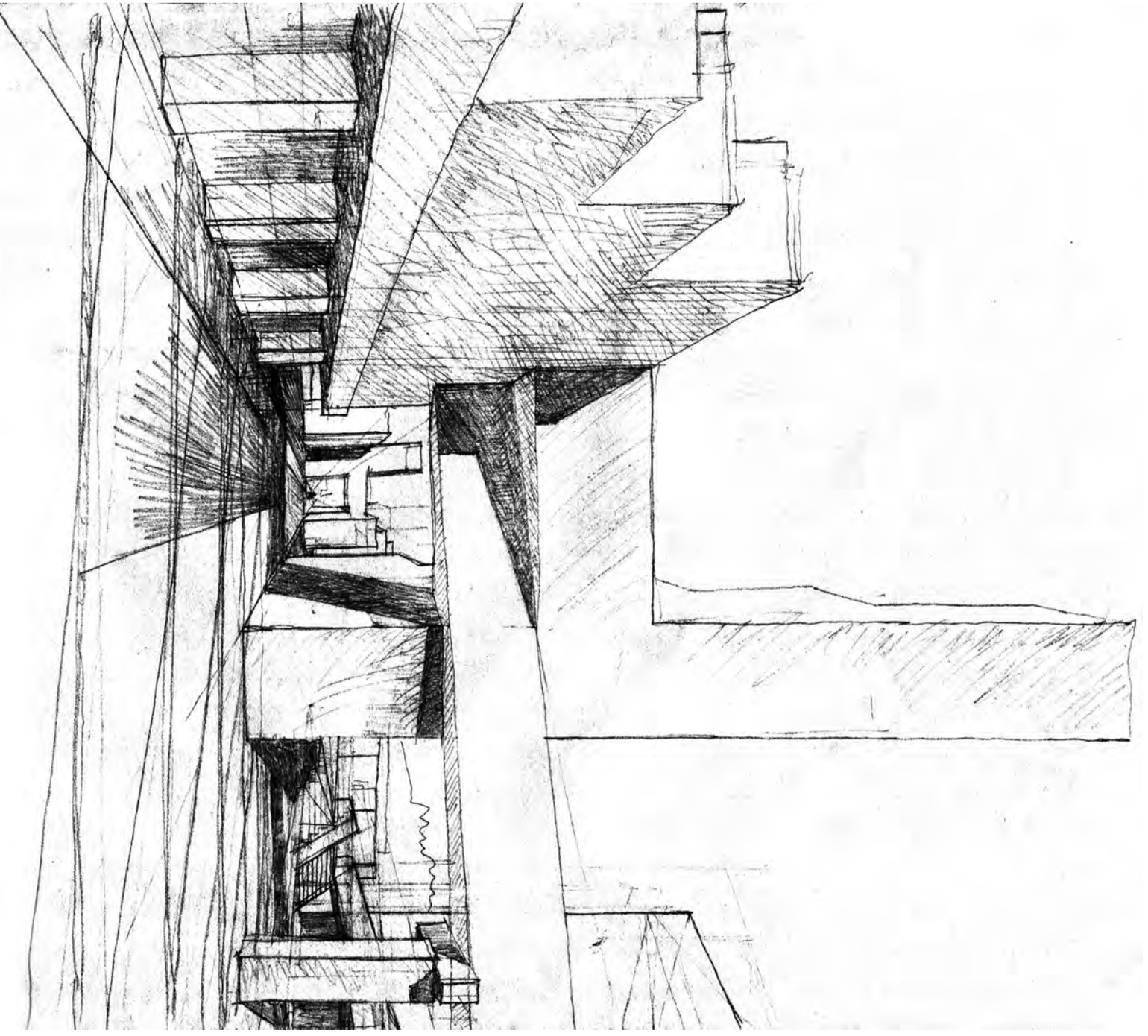


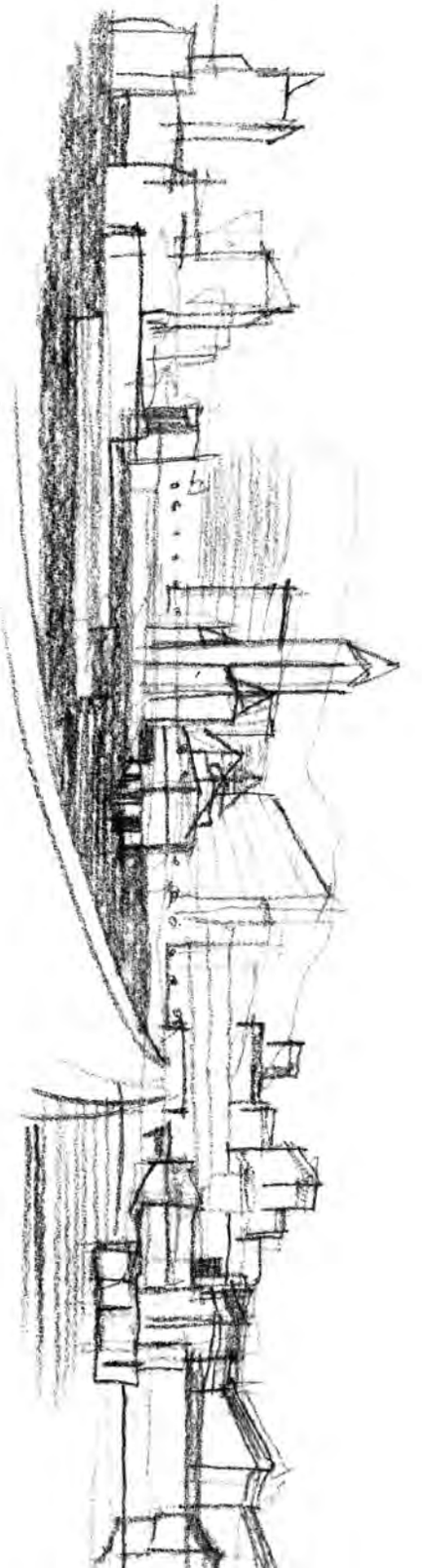


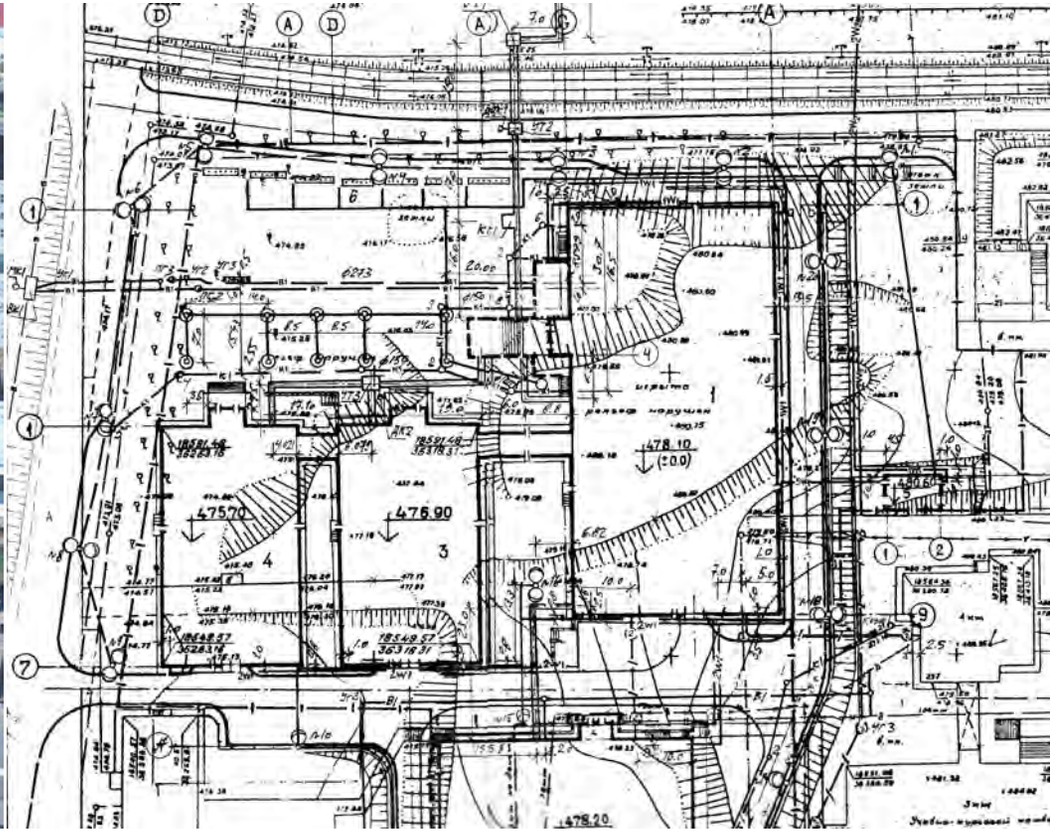
Проект застройки жилого комплекса Иркутского государственного университета в Иркутске

генпроектировщик
Иркутскгражданпроект,
1990-е гг.
авторы
В. Бух, С. Калинин









Международный выставочный комплекс «Сибэкспоцентр» в Иркутске

автор В. Бух

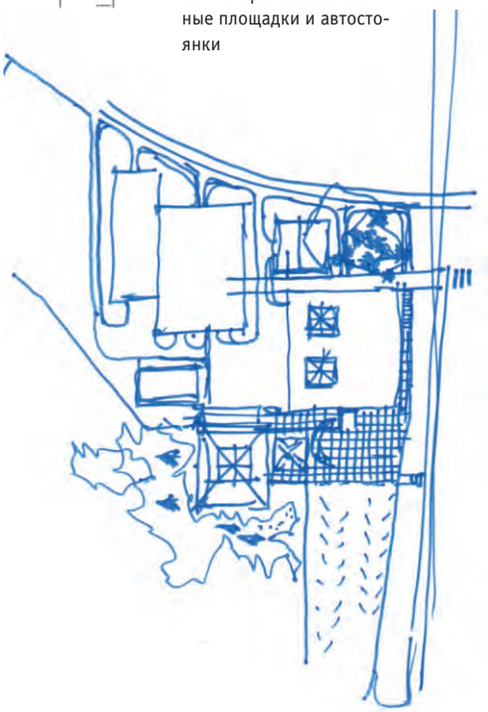
переговоры, переписка,
запросы, предварительных
наброски 1991-1993 гг.

проектирование
1994-1995 гг.
строительство
1995-1996 гг.

торжественное открытие
25 сентября 1996 года

I очередь (построена)
1 – выставочный павильон №1
2 – выставочный павильон №2
3 – выставочный павильон №3
4 – административный корпус
5 – хозяйственная зона
6 – автостоянка

II очередь
7 – выставочный павильон №4 (1-й этаж 2-й очереди)
8 – выставочный павильон №5
9 – выставочный павильон №6
10 – конгресс-центр (для проведения конгрессов, симпозиумлв, пресс-конференций, презентаций, городских общественных мероприятий
11 – производственно-складской корпус
12 – открытые выставочные площадки и автостоянки



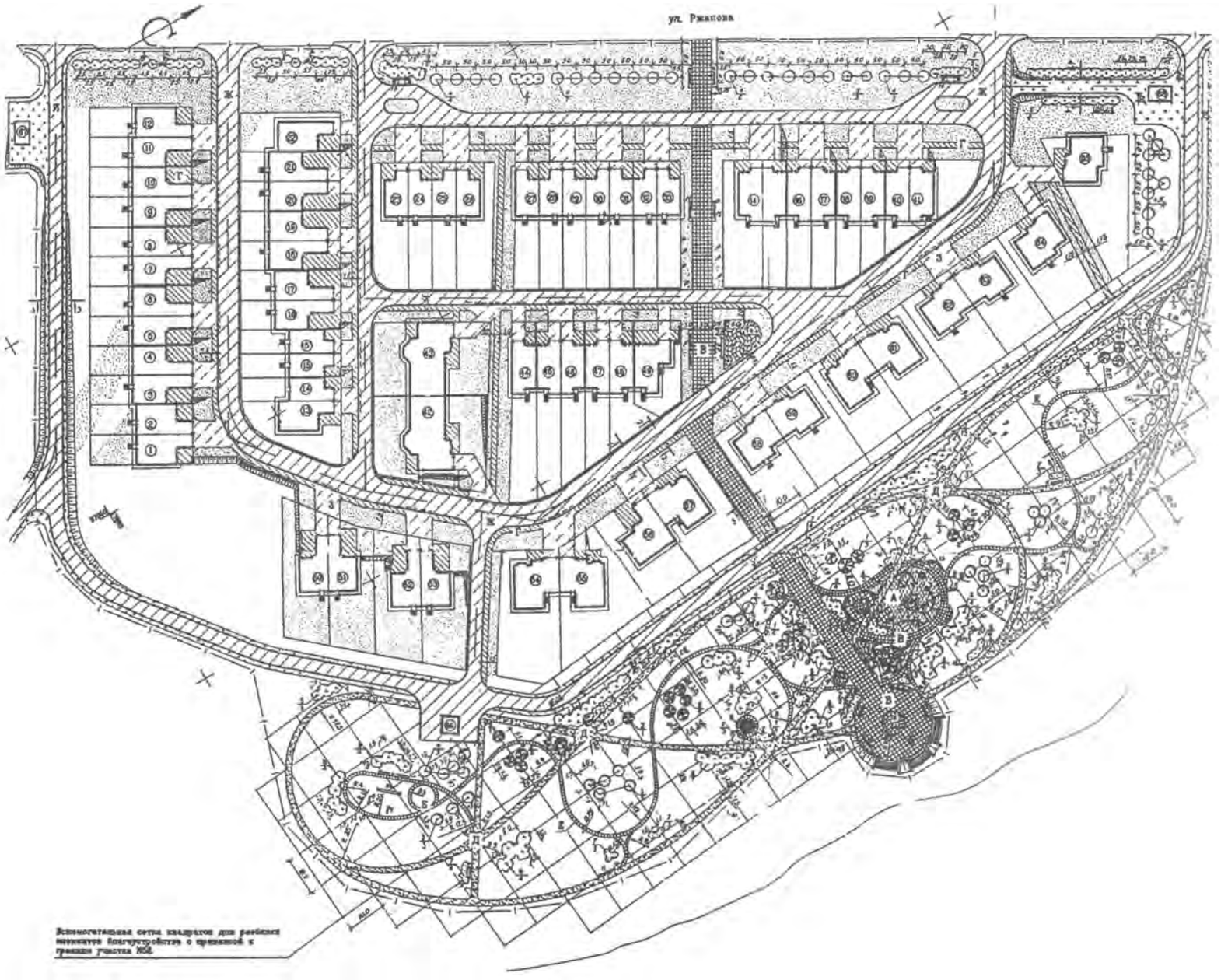
Эскизный проект второй очереди Иркутского международного выставочного комплекса «Сибэкспоцентр»

автор В. Бух,
проект не реализован

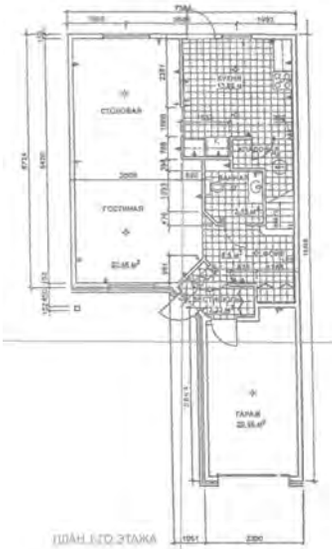
Эскизным проектом предлагалось развитие выставочного комплекса по другую сторону улицы Дыбовского, напротив существующих павильонов Сибэкспо. Еще три павильона и конгресс-центр располагаются на продолжении главной входной оси с выходом в перспективный парк.
На этом участке в настоящее время достраивается водноспортивный комплекс.

Жилая застройка таунхаусами по канадской технологии (Канадская деревня) в жилом районе Солнечный города Иркутска

автор В. Бух
проектирование и строительство
1999-2000 гг.



ПЛАН 2-го ЭТАЖА

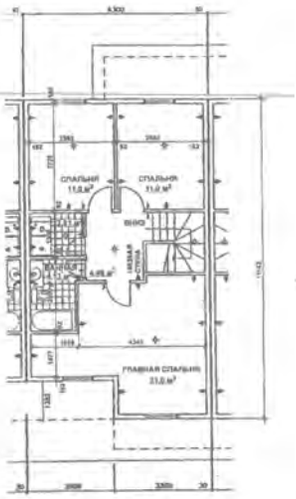


ПЛАН 1-ГО ЭТАЖА

ОБЩАЯ ПЛОЩАДЬ ДОМА 142,24 М2
ПЛОЩАДЬ ГАРАЖА 20,16 М2
СУММАРНАЯ ПЛОЩАДЬ 162,40 М2

ОБЩАЯ ПЛОЩАДЬ ДОМА 77,57 М
ПЛОЩАДЬ ГАРАЖА 19,10 М
СУММАРНАЯ ПЛОЩАДЬ 96,67 М

План Дома

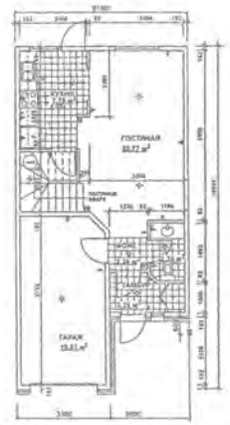


ПЛАН 2-го ЭТАЖА

ПЛАН 1-ГО ЭТАЖА

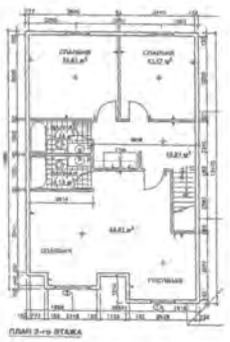
ОБЩАЯ ПЛОЩАДЬ ДОМА 128,77 М2
ПЛОЩАДЬ ГАРАЖА 19,45 М2
СУММАРНАЯ ПЛОЩАДЬ 148,22 М2

ПЛАН 2-ГО ЭТАЖА

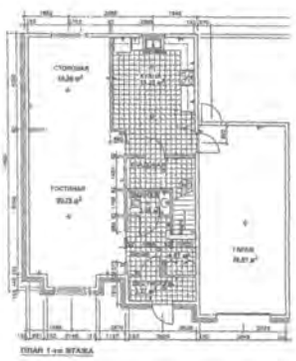


ПЛАН 1-ГО ЭТАЖА

ОБЩАЯ ПЛОЩАДЬ ДОМА 103,21 М2
ПЛОЩАДЬ ГАРАЖА 19,81 М2
СУММАРНАЯ ПЛОЩАДЬ 123,02 М2



ПЛАН 2-го ЭТАЖА

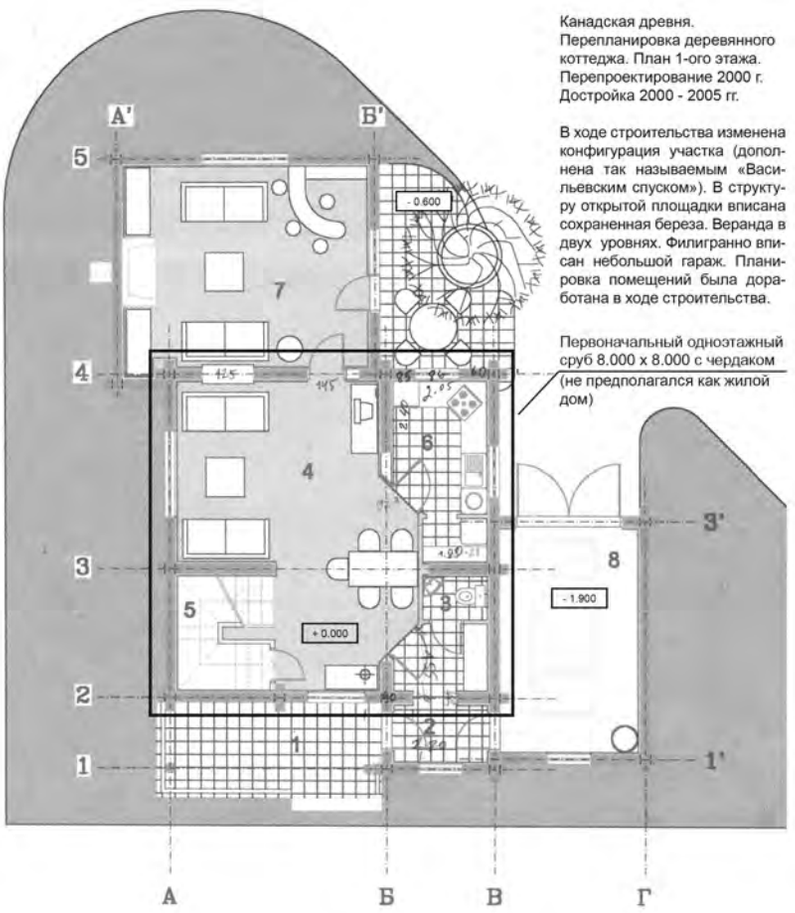


ПЛАН 1-го ЭТАЖА

ОБЩАЯ ПЛОЩАДЬ ДОМА 184,43 М2
ПЛОЩАДЬ ГАРАЖА 36,91 М2
СУММАРНАЯ ПЛОЩАДЬ 221,34 М2

Деревянный частный дом в Канадской деревне Иркутска

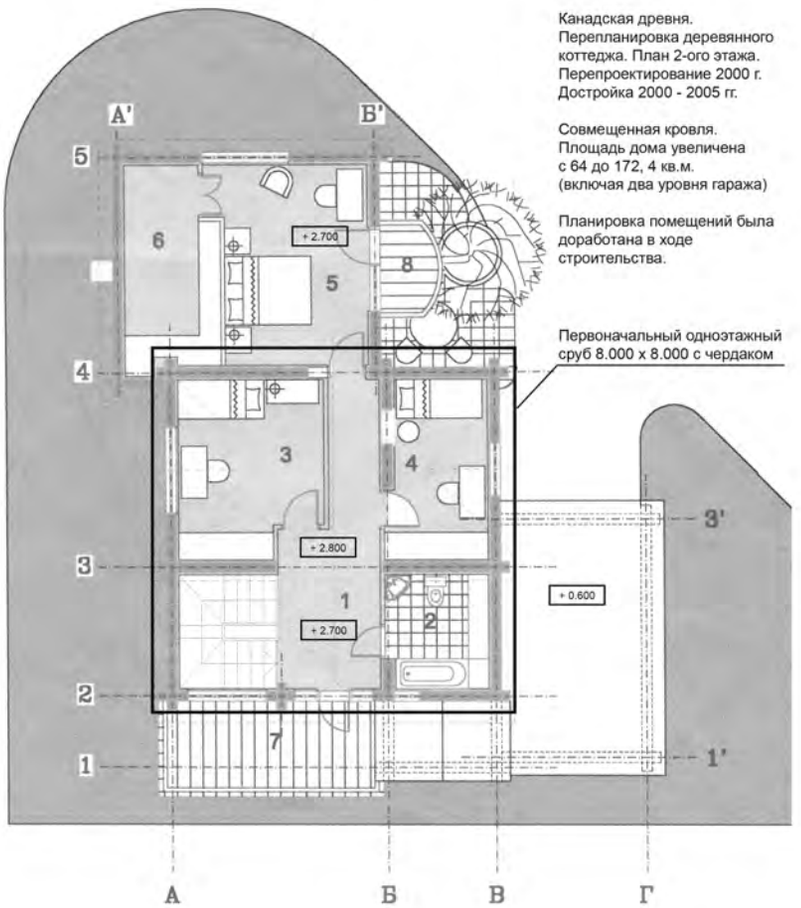
авторы В. Бух,
М. Степанова



Канадская древня.
Перепланировка деревянного коттеджа. План 1-ого этажа.
Перепроектирование 2000 г.
Достройка 2000 - 2005 гг.

В ходе строительства изменена конфигурация участка (дополнена так называемым «Васильевским спуском»). В структуру открытой площадки вписана сохраненная береза. Веранда в двух уровнях. Филигранно вписан небольшой гараж. Планировка помещений была доработана в ходе строительства.

Первоначальный одноэтажный сруб 8.000 х 8.000 с чердаком (не предполагался как жилой дом)

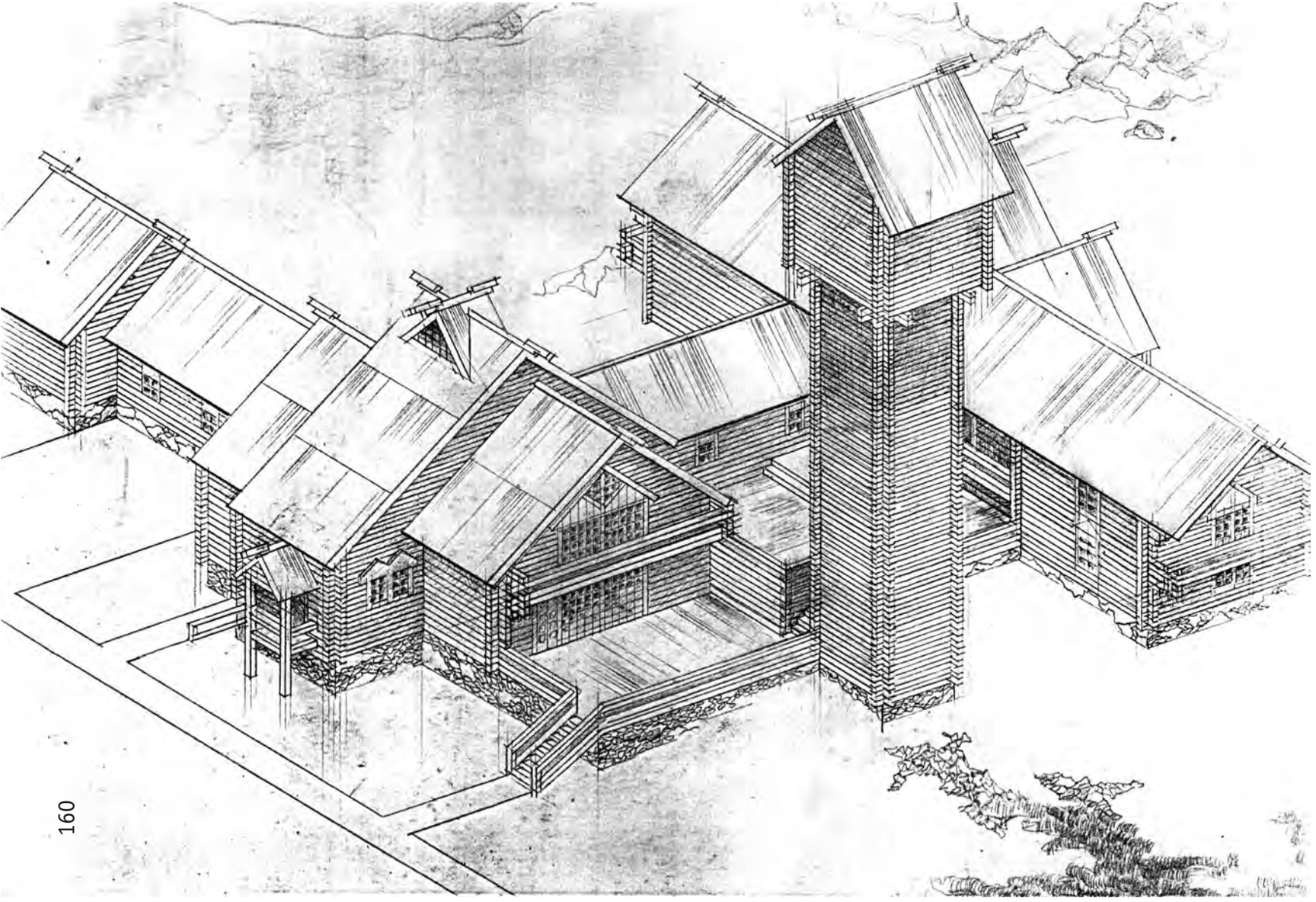


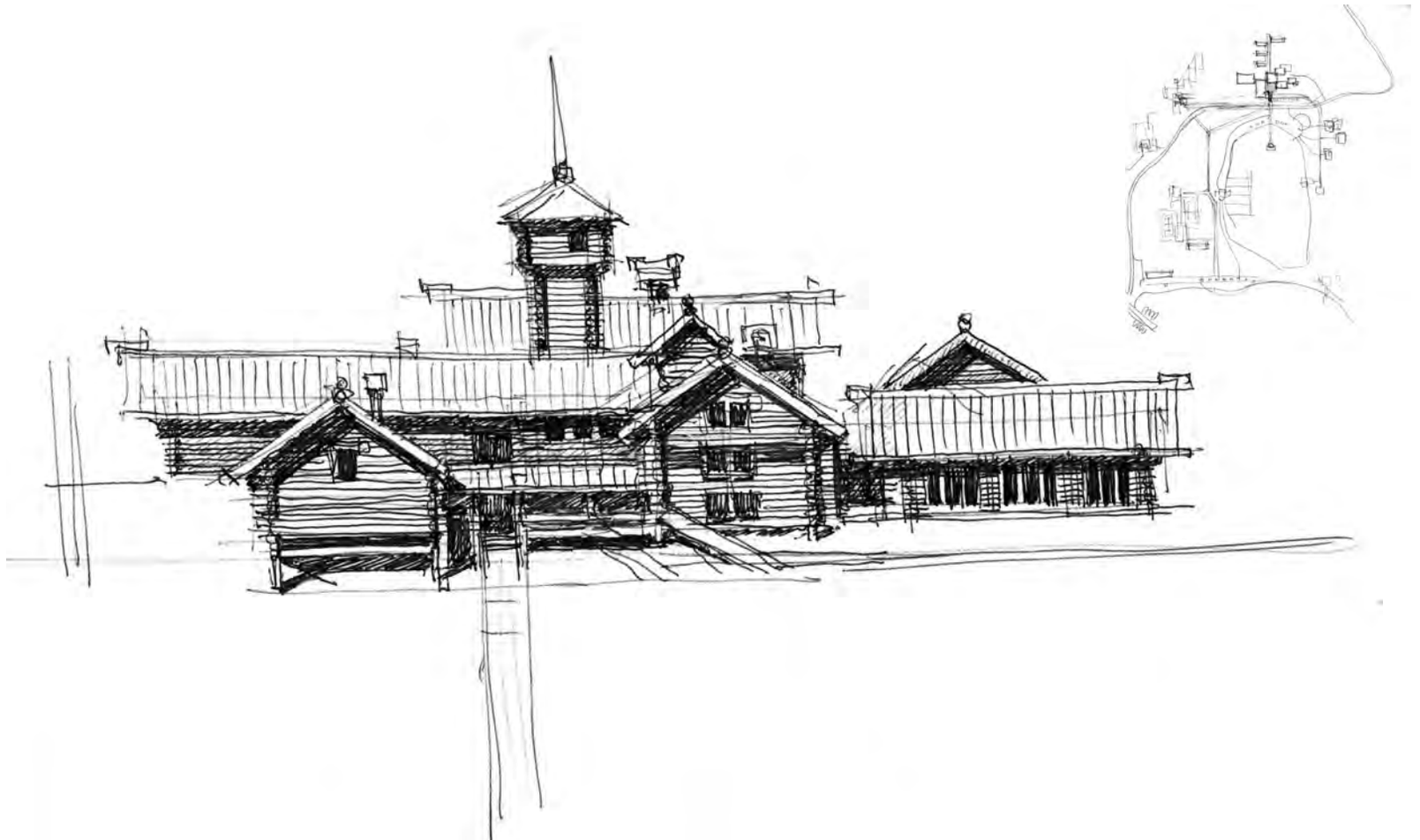
Канадская древня.
Перепланировка деревянного коттеджа. План 2-ого этажа.
Перепроектирование 2000 г.
Достройка 2000 - 2005 гг.

Совмещенная кровля.
Площадь дома увеличена с 64 до 172, 4 кв.м.
(включая два уровня гаража)

Планировка помещений была доработана в ходе строительства.

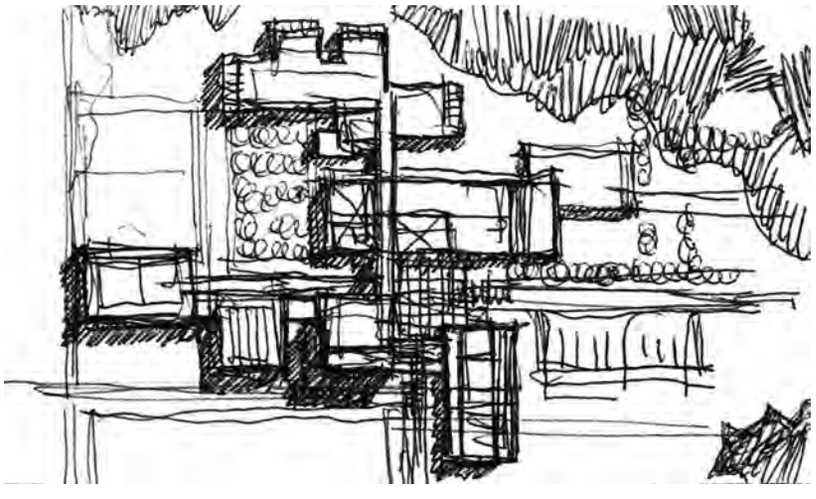
Первоначальный одноэтажный сруб 8.000 х 8.000 с чердаком

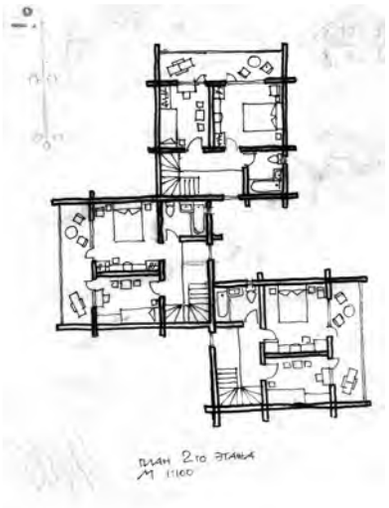


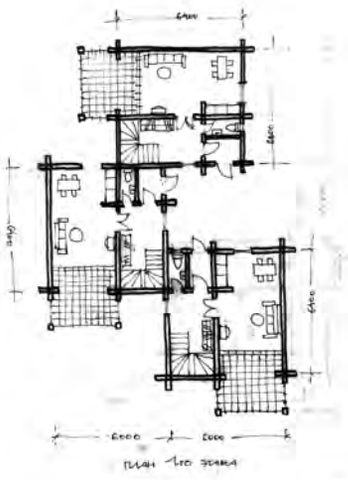


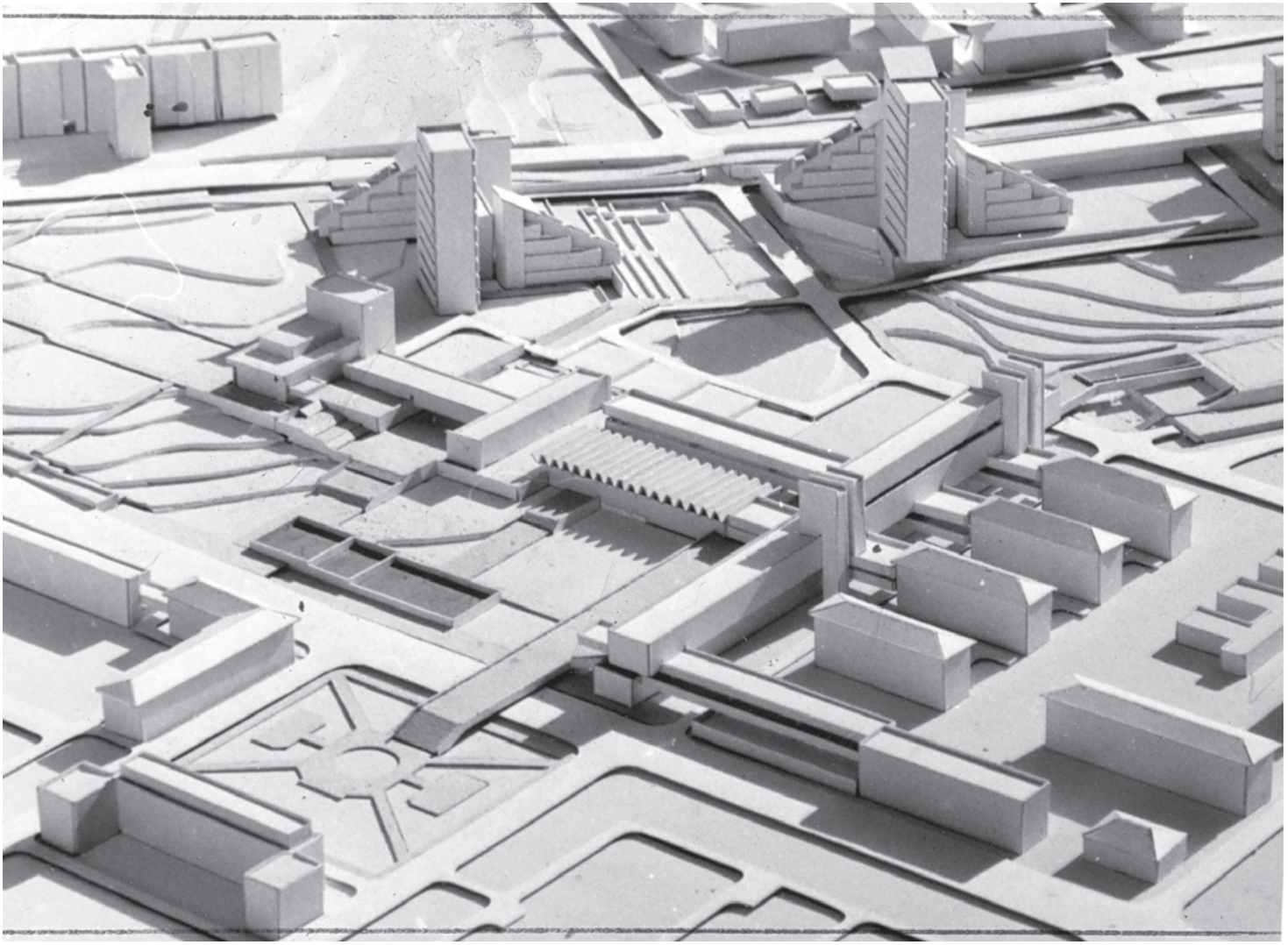
Деревянная гостиница на Байкале

автор В. Бух









Эскиз застройки ул. Декабрьских Событий в Иркутске

заказчик
горисполком
генпроектировщик–
Иркутскгражданпроект
авторы В. Бух,
С. Григорьев,
Е. Григорьева,
Е. Третьяков
проектирование 1979 г.

^ Фрагмент макета. Площадь Декабристов и площадь Конституции

> Фрагмент генплана. Выход ул. Декабрьских Событий на Нижнюю набережную

В конце семидесятых главный архитектор города и главный архитектор Иркутскгражданпроекта инициировали градостроительный анализ и проектные предложения по двум важным городским магистралям. Работу по улице Степана Разина возглавил Владимир Павлов, а по улице Декабрьских Событий – Владимир Бух.

Проекты и постройки

1. Проекты застройки микрорайонов Синюшиной горы в Иркутске
Проектирование — 1962–1970-е гг. Строительство — с 1963 по настоящее время.
Архитекторы: В. Чемерис, В. Бух, В. Павлов, Н. Бух

2. Проект застройки Привокзального жилого района в г. Усолье-Сибирское
Генпроектировщик - Иркутскгражданпроект, 1965 г.
авторы В. Чемерис, В. Бух, Л. Антипин, М. Ашихмина

3. Проект застройки микрорайона Звездочка
Генпроектировщик - Иркутскгражданпроект,
Проектирование – 1966 г., строительство 1970
авторы Л. Антипин, В. Бух

4. Проект детальной планировки жилого поселка Орловского ГОКа в Читинской области.
Проектирование — 1969 г. Архитектор В. Бух

5. Проект детальной планировки северного района Байкальска
заказчик - БЦБК, генпроектировщик - Иркутскгражданпроект, 1975
авторы Л. Антипин, В. Павлов, В. Бух

6. Проект застройки Северного жилого района Байкальска
заказчик БЦБК, генпроектировщик - Иркутскгражданпроект, 1975
авторы Л. Антипин, В. Бух

7. Культурный центр Иркутска (основной вариант)
заказчик – Облисполком; генпроектировщик– Иркутскгражданпроект; архитекторы
В. Воронежский, В. Павлов, Б. Халдеев, В. Колпиков, В. Суханов, Ц. Дагданова, В. Бух; начало проектирования – конец 1960-х; адрес – Иркутск, ул. Седова, ул. Коммунаров, д. 10

8. Микрорайон Байкальский в Иркутске
заказчик – Иркутский горисполком; генпроектировщик Иркутскгражданпроект; архитекторы В. Павлов, В. Бух, С. Григорьев (проект корректировки); проектирование – 1968-69 (корректировка проекта застройки – 1978)

9. Жилой район Верхний Бьеф (Солнечный)
инициативная разработка; генпроектировщик Иркутскгражданпроект; архитекторы
В. Воронежский, В. Бух, Н. Бух, В. Павлов, Н. Беляков;
начало проектирования – начало 1970-х;

10. Жилой район Первомайский
заказчик – УКС горисполкома; генпроектировщик – «Иркутскгражданпроект»; архитекторы В. Павлов, В. Афанасьев, В. Бух, Ф. Гильманова;
начало проектирования – 1974; окончание строительства –1984

11. Проект детальной планировки пос. Никола
Генпроектировщик Иркутскгражданпроект, 1977 г.
Авторы В. Бух, Л. Антипин

12. Эскизный проект застройки бульвара Строителей (Кучумовский лог)
Инициативная разработка (подарок архитекторов городу ко дню Строителя, 1978

13. Микрорайоны 1 и 4 в Шелехове
Строятся с 1979

14. Застройка центральной части города Ангарска (конкурс)
заказчик – горисполком Ангарска; генпроектировщик Иркутскгражданпроект; архитекторы В. Павлов, В. Бух, С. Алексеев, Н. Беляков, Е. Григорьева, А. Колесников, В. Стегайло, Е. Третьяков;проектирование – 1979

15. Проект детальной планировки
жилого района Марата заказчик – УКС горисполкома;
генпроектировщик Иркутскгражданпроект;
архитекторы Л. Антипин, В. Бух, В. Павлов, В. Снежко-Блоцкий;
начало проектирования – 1979

16. Проект застройки микрорайона Топкинский в Иркутске
заказчик УКС горисполкома, генпроектировщик Иркутскгражданпроект, 1978
авторы В. Бух, Л. Антипин

17. Эскиз застройки ул. Дек. Событий
Заказчик – горисполком, генпроектировщик Иркутскгражданпроект, архитекторы В. Бух, Е. Григорьева, Е. Третьяков, проектирование 1979 г.

18. Жилой комплекс в Байкальске
заказчик – БЦБК, генпроектировщик - Иркутскгражданпроект, 1980
авторы Л. Антипин, В. Павлов, В. Бух

19. Группа жилых домов на Синюшиной горе в Иркутске
Заказчик УКС горисполкома, генпроектировщик Иркутскгражданпроект
авторы В. Бух, В. Павлов, Н. Бух
начало проектирования – начало 1980-х
окончание строительства – конец 1980-х

20. Группа жилых домов в районе Синюшина гора
заказчик – УКС горисполкома; генпроектировщик – «Иркутскгражданпроект»; авторы – архитекторы: В. Бух, В. Павлов, Н. Бух; начало проектирования – начало 1980-х; окончание строительства – конец 1980-х;

21. Проект застройки жилого комплекса в районе ипподрома в Иркутске.
Архитекторы — В. Бух, Е. Григорьева, Е. Третьяков
Проектирование — конец 1980-х

22. Международный выставочный комплекс «СИБЭКСПОЦЕНТР» в Иркутске
Архитектор В. Бух

23. Эскизный проект второй очереди Иркутского международного выставочного комплекса «СИБЭКСПОЦЕНТР»
Архитектор В. Бух

24. Жилая застройка таунхаусами по канадской технологии (Канадская деревня) в жилом районе Солнечный города Иркутска

25. Жилая застройка таунхаусами по канадской технологии (Канадская деревня) в городе Шелехове (проект)

26. Деревянный частный дом в Канадской деревне Иркутска
Архитекторы Владимир Бух, Мария Степанова

27. Проект застройки жилого комплекса Иркутского государственного университета.
Проектирование — 1990-е гг. Архитекторы: В. Бух, С. Калинин.

28. Таунхаусы в жилом районе «Первомайский»
проектирование 1995, архитекторы В. Павлов, В. Бух

Времена мушкетеров

текст
Константин Лидин

В этом году исполняется ровно сто шестьдесят лет одному литературному произведению, замечательному во многих отношениях. В 1844 году газета Le Siucle начинает публикацию романа Александра Дюма «Три мушкетера». С тех пор популярность романа остается на небывалой высоте. Одних только экранизаций самой книги и вариаций на ее тему насчитывается не менее ста двадцати – включая такую экзотику, как фильм «Зорро и три мушкетера» (Италия, 1963) или мультфильм «Барби и три мушкетера» (США, 2009), фильмы про сыновей и дочерей Д'Артаньяна и так далее. Персонажам книги поставлены памятники в нескольких городах мира, о них сочиняют песни, стихи и новые книги. Даже такой маститый мэтр, как Е. Евтушенко, поддался обаянию мушкетеров, написал сценарий фильма «Конец мушкетеров» и попытался сняться в роли Д'Артаньяна, но проект не был завершен.

Непрерывная и неубывающая притягательность героев романа, однако, выглядит в сегодняшнем контексте несколько загадочно. Представим себе, что герои Дюма приглашены на какую-нибудь из ханжеских передач современного ТВ, вроде «Пусть говорят». Ведущий широкими мазками набрасывает портреты великолепных мушкетеров.

Господин Атос. Женившись по любви, обнаружил однажды, что его жена – вовсе не дворянка, а простонародная девушка с криминальным прошлым. Он (безо всякого суда и следствия) неудачно пытается ее казнить. Его бывшая жена (Миледи), озлобившись, становится убийцей и интриганкой. После этого он поступает в мушкетеры, где непрерывно пьет. В романе легко обнаружить множество деталей, указывающих на алкоголизм Атоса.

Господин Портос. Совершенно неумеренный в еде, выпивке и нарядах человек, он без зазрения совести обирает свою любовницу (замужнюю женщину), причем норовит пообедать у нее в доме (вместе с обманутым мужем), после чего выражает глубокое презрение к недостаточной роскоши этого обеда. В конце романа женится по расчету.

Господин Арамис. Попытки быть одновременно солдатом (мушкетером) и священником, придворным интриганом и ученым богословом формируют образ двуличный и неискренний. Особенно это заметно в отношениях Арамиса с женщинами.

Наконец, блистательный Д'Артаньян. Провинциальный дворянин из обедневшей семьи, приехал покорять столицу. По нынешним временам – из типичных «понаехов». Стремление сделать карьеру оправдывает для него любые преступления. Он убивает, обманывает, крадет и грабит, соблазняет замужнюю женщину (Констанцию Бонасье), затем из холодного расчета соблазняет и губит служанку Миледи, много раз подвергает своих друзей смертельным опасностям… и вот этот беспринципный хищник больше полутораста лет служит образцом романтического героя?!

А его антагонист, Арман Жан дю Плесси, кардинал Ришелье, один из самых образованных и умных людей своего времени, прогрессивный политик и финансист, который заложил основы централизованного французского государства, развивал науки и ремесла, осваивал Канаду, основал первую в стране газету, открыл Французскую академию и изобрел соус майонез… Как этот человек оказался в роли отрицательного героя? Где же историческая справедливость?

Оставим в стороне нравы военной аристократии эпохи становления абсолютизма. Оставим также романтику службы в элитных войсках (в начале семнадцатого века огнестрельное оружие – все еще редкость, и вооруженные мушкетами дворяне, конечно же, элита). В героях Дюма должно быть нечто вневременное, нечто общечеловеческое, притягательное в любую эпоху. Ценность, которая перекрывает и отбрасывает условности места и времени.

Может быть, безграничное обаяние мушкетеров заключается в их жизнерадостности? Они не совершенны, судьбы их не просты и вовсе не усыпаны розами. Но в любой ситуации они говорят жизни «Да!» и живут жадно, ярко и горячо. Насыщенная событиями и опасностями судьба их выглядит, возможно, неразумно

и даже нелепо – с точки зрения холодного разума. Для Ришелье, который как раз и воплощает разум и логику, четверо друзей – опасные, непредсказуемые, но восхитительные пряности в супе жизни. Мушкетеры срывают тонкие многоходовые интриги кардинала, сотрудничают с врагами короны и государства, непрерывно дерутся с гвардейцами из личной охраны кардинала… и вызывают у него непреодолимое уважение и интерес. Такое впечатление, что всесильный кардинал завидует четырем мушкетерам.

Мы, сегодняшние, тоже завидуем. Унылый меркантильный дух, пропитавший повседневную культуру с ее примитивным консюмеризмом, прямо противоположен «мушкетерству». Они, мушкетеры, живут сильными страстями, индивидуальность каждого мощно изливается в поступках и решениях. Уникальная «ядерная» сущность каждого из них не просто видна – она определяет и поведение, и жизненные цели, и средства достижения этих целей.

Шестидесятники, которым посвящен этот номер ПБ, во многом схожи с бессмертными героями Дюма-пэра. Пряное варево шестидесятничества густо замешано на внутренней свободе, на высшей ценности самовыражения. Уникальность каждой индивидуальной личности – вот единственное, что достойно воплощения в искусстве, в архитектуре, в строительстве и вообще в жизни.

Конферюшки Владимира Федоровича Буха уже публиковались в нашем журнале. Но наследие этого замечательного человека вполне достаточно, чтобы прибегать к нему снова и снова. На этот раз мы выбрали среди его рисунков те, что наиболее близки к жанру романтического портрета.

Романтичность присуща шестидесятникам. Мечты и фантазии для них переплетаются со скучной повседневной реальностью и преображают и освещают ее. Иркутские архитекторы шестидесятых годов не только порождают оригинальные творческие идеи и проекты. Они интригуют и хитрят, продавливая свои нетиповые идеи сквозь чиновничью рутину. Азартно кидаются в бой и друг с другом, защищая свою правду и свое личное мнение. Пускаются в авантюристические путешествия, походы и заплывы по дебрям Прибайкалья. Пытаются «прорваться» в Индию, а в Японии лично встретиться с Кензо Танге, чтобы обсудить с ним новейшие идеи современной архитектуры…

Посмотрите в лица этим людям. Они очень разные – хитрые и простодушные, добрые и настороженные. Некоторых можно узнать. Вот, скажем, первый губернатор Иркутской области Юрий Абрамович Ножиков – замкнутый, сдержанный человек, умный и волевой. Чем-то похожий на кардинала Ришелье. Женские лица – вот одно, красивое и жесткое, настоящая Миледи. А вот – открытое и ласковое лицо. Госпожа Бонасье?

Отчего персонажи конферюшек Владимира Федоровича так похожи на иллюстрации к «Трем мушкетерам»? Если бы не современные костюмы, эти люди вполне могли бы сойти за героев романа.

Шестидесятники не были совершенством. Судьба их, каждого в отдельности и общая их историческая судьба сложилась непросто и не была усыпана розами. Но жили они так ярко, горячо и насыщенно, что мы, последующие, никогда не перестанем им завидовать.

Изначальный образ

Пейзажная графика В. Буха

текст
Марина Ткачева

> Автопортрет. Печатается с разрешения семьи В. Ф. Буха

Лес-то один не может стоять…
кто-нибудь должен по нему ходить,
курлыкать, петь да перекликаться.
Без голосу лес-то засохнет.

Олег Куваев

Да простит меня великий Догэн – я не нашла лучшего заголовка для небольшого эссе о графических работах Владимира Федоровича Буха.

В. Бух был человеком разнообразных интересов. Я сравнительно поздно познакомилась с его работами. Это произошло, когда в Доме архитектора организовали выставку графики Буха. Сам он однажды назвал их «ксерографикой». Когда я готовила эту публикацию, мне передали на время папку с его работами. Тогда стал понятен смысл названия, данного этой технике автором.

Но начать свой обзор я хочу не с описания ее оригинальности, а с эпизода, произошедшего однажды во время редколлегии нашего журнала. Был день моего рождения, «дата», как это принято называть. Владимир Федорович согласился преподнести один из листов с этой выставки в качестве подарка. Не без ехидства я попросила его «выбрать такую картинку, которая мне самой больше всего понравилась». Он помолчал, посопел – и выбрал именно тот лист, который я бы себе сама подарила… В этом весь Бух – его проникновение в характеры людей (не случайно так интересны его портретные зарисовки, – а ведь портреты удаются далеко не каждому профессиональному художнику!), его безупречный вкус.

Вот главное слово – вкус. Огромное количество «почеркушек-конферюшек», – и ни одной случайной композиции. Уже в этом обнаруживается мнимое противоречие представленных работ и сущностной особенности графики: для «быстрых» ее форм (croquis) характерно свободное отношение к расположению рисунка на листе. В графических листах Владимира Федоровича граница изображения всегда отчетливо обозначена, доступна внимательному взгляду зрителя. Поэтому даже моментальные эскизы представляются завершенными работами. Твердая рука, быстрота исполнения, виртуозная память, безупречный вкус, мышление архитектора – вот черты индивидуального почерка Буха, отличающие все его проекты – в первую очередь профессиональные, но также и изобразительные. Вкус, умение читать форму как целостную знаковую систему – отличительная черта любого, даже самого небольшого и частичного проекта, отрисованного Владимиром Федоровичем и воплощенного равно в деталях городских пространств и небольших карандашных набросках. Просматривая графические листы Буха, я неожиданно для себя подумала о зиме. Его графика «зимняя»: кудрявые деревья в листьях,

конечно, встречаются на рисунках, но более всего они гармонируют с черными ветвями и густой, почти асфальтового цвета кроной елей и сосен. В создании образа сибирской природы зима – красивое, длинное и непростое для человека время года. Ее изображение лучше удается живописцам. Сибирские художники поразному пишут зимние пейзажи. Но такое «структурное» видение зимы, как в графических листах Владимира Федоровича – большая редкость, тем более, что это не только художественное, но и градостроительное решение.

Образы графических листов всегда конкретны: это не деревья, дороги и поляны «вообще» – это именно сибирский лес, сибирский ландшафт, узнаваемые места. Они зафиксированы в своей неповторимой индивидуальности. Так конкретность – родовая особенность пейзажного жанра – сталкивается с коренным качеством графики, которая делает и пространство, и само изображение обобщенным, иносказательным, символическим, подобным иероглифу и художественному афоризму. Я усматриваю в этом своеобразное родство изображения и слова. А ведь языком, словом Бух занимался серьезно. Возникает некая параллель между графикой Буха и классическими японскими танка. Я сделала заголовком своего эссе название одного из наиболее знаменитых: «Цветы – весной, /Кукушка – летом. /Осенью – луна. /Холодный чистый снег – /Зимой» (Догэн, 13 век).

Я люблю рисунок. Разглядывать законченные, совершенные линии – особое удовольствие. Временами они закругленные, временами острые, ломаные, отрывистые и быстрые. В работах Буха линия не теряет своего изобразительного значения; она отчетливо экспрессивна, выражает и передает настроение художника, воспринимаемое зрителем. В одном из рассказов Бабеля встречается выражение

v Тропинка уходит в лес. 24x40 см. Собственность М. Ткачевой

> Обработанная графика

> Оригинал

«леонардовская линия». Графику В.Ф. Буха хочется охарактеризовать именно так: это леонардовская виртуозность и точность.

Говорят, что все архитекторы рисуют (иначе они не были бы архитекторами), и графика для них – подготовительная стадия собственно профессиональной деятельности. Но отнюдь не все архитекторы – художники. В графике, которой Владимир Федорович так увлеченно занимался, – свои законы. Объемное мышление архитектора спорит с самой природой графики, для которой главное – подчеркивание плоскости, сопротивление иллюзии пространства и времени. Оно преодолевается контрастом черного и белого, растушевкой теней, цветом бумаги, мягкостью или твердостью карандаша. Тогда возникают ощущения колючих ветвей ели и блеск воды, мягкости облаков и пыли дороги.

Традиционно различают два группы художественных графических работ, различных по техническому процессу и назначению, но объединенных общим эстетическим принципом конфликта пространства и плоскости: рисунок и печатную графику. Быстрый в исполнении уникальный рисунок со всей очевидностью должен был бы относиться к первой группе. Но вот что происходит, когда Бух начинает использовать современные технологии копирования. Рождается то, что автор назвал «ксерографика». Это уже не рисунок в собственном смысле – ибо исходное изображение может многократно повторяться, но и не печатная графика – ибо каждый вариант отличается от предыдущего колоритом, оттенками, густотой линии и размерами. Словом, открытие и эксперимент, идущие в работе Владимира Федоровича бок о бок, рождают новые оттенки старинной проблемы тиражируемости графики.

Когда-то у Леона Баттиста Альберти я прочитала фразу, которую охотно используют искусствоведы и преподаватели художественных дисциплин: «В маленьком рисунке легко спрятать большую ошибку, тогда как в большом рисунке самая ничтожная ошибка тотчас бросается в глаза». Нужна большая уверенность в своем мастерстве, чтобы увеличивать маленькие по размеру карандашные рисуночки. У Буха от такого приема они только выигрывают, и отточенность техники становится еще очевиднее.

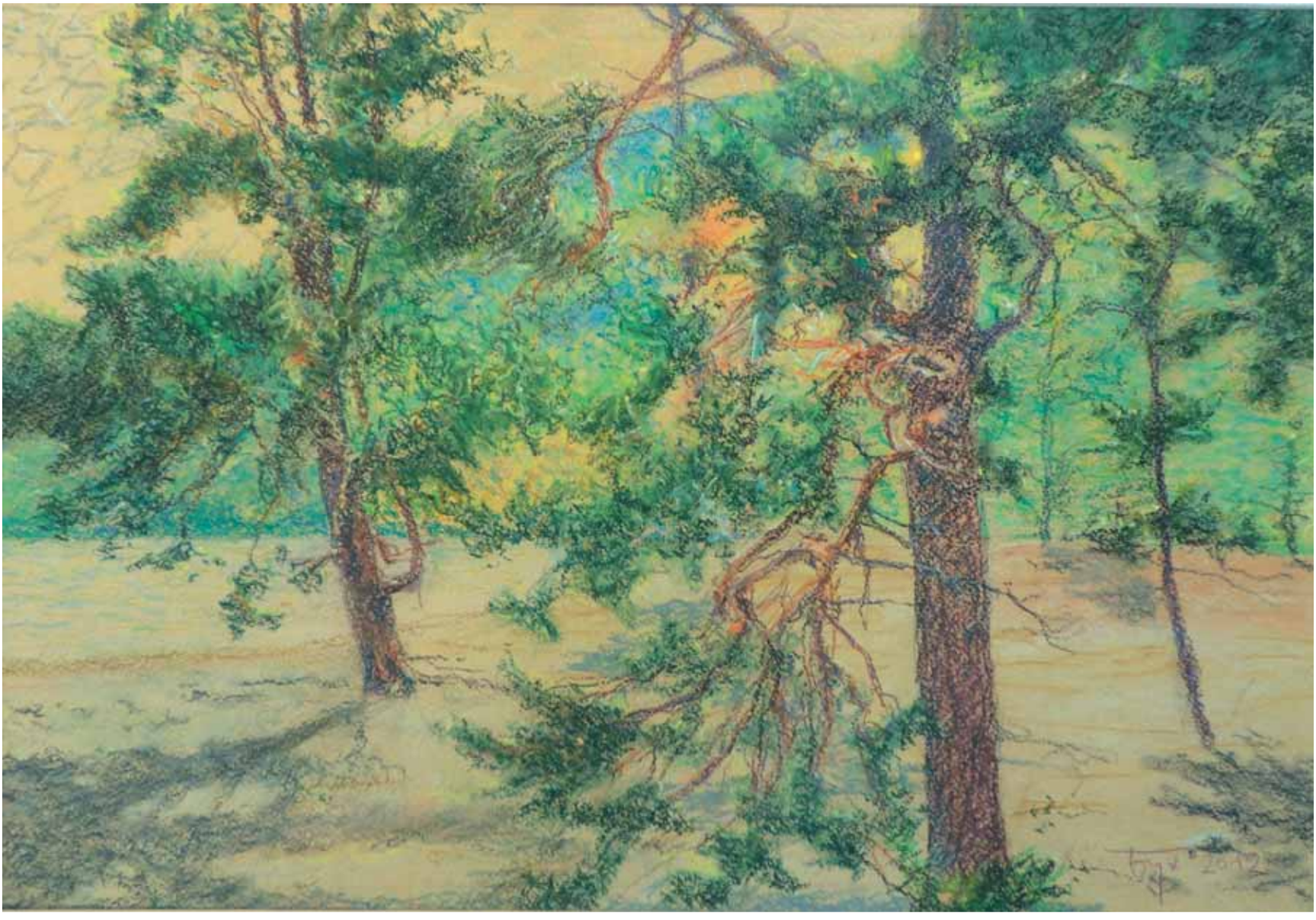
В работах второй выставки – пастели (она и сейчас размещена в Доме архитектора) – становится особенно видн особая выверенность, законченность композиции. Техника цветной графики иная, чем черно-

белой (графики в привычном смысле): особенности материала не позволяют цветному графическому изображению в полной мере воспроизвести глубину пространства. И акварель, и пастель довольно «прозрачны»; сквозь красочный слой просвечивает лист бумаги, на которой сделано изображение. Тогда особое значение приобретает именно композиция, организующая, «собирающая» воедино все его элементы. Но цвет при этом не теряет своих выразительных качеств, приобретая самостоятельное значение: с его помощью не копируются природные характеристики объекта, но устанавливаются соотношения внутри графического листа. И это требование для В. Буха тоже стало художественной задачей, своеобразным преодолением уже освоенных приемов и техники. Вместе с тем, в пастелях появляется глубина, перспектива и насыщенность, я бы сказала – большая «вдумчивость».

В пастели и акварели трудно создать рыхлую, «импрессионистическую» поверхность листа, образующую интересные оптические эффекты, неожиданные тени и переходы. А такие визуальные эффекты для художественного глаза очень важны. М. Степанова вспоминает: «Часто приходилось дорабатывать, множить и масштабировать планировки выставок, праздничных приемов и презентаций для удобства дальнейшей работы других подразделений. Владимир Федорович отрисовывал их вручную. На ксероксе приходилось варьировать яркость, чтобы получать четкое изображение. Для исправлений он пользовался обыкновенным «Штрихом» (густая белая канцелярская смесь). Как-то, сделав очередную увеличенную ксерокопию, сказал: «Как интересно! При масштабировании становится видным то, что не видно невооруженным глазом: благодаря белому «Штриху» появляется богатая фактура, сама линия становится неоднозначной!

Надо будет кое-что попробовать…». Я фотографировала его пастельные листы, вынимая их из-под пленки, и увидела, что яркость и объем березовых стволов, неровности на их поверхности сделаны именно канцелярским корректором. Техника пастели этого бы не позволила.

Если наброски пером и карандашом быстрые, моментальные, то работа в цвете требует большего времени. Я просматривала работы Владимира Федоровича. И мне казалось, что он вплотную подошел к использованию масляных красок, гармонирующих с внутренне спокойным, медитативным восприятием жизни…



Иркутские шестидесятники / the Irkutsk sixtiers

Пижоны, идеалисты, максималисты, романтики, приехавшие из столиц в Иркутск почти одновременно, на рубеже 50–60-х, начали новый этап, богатый смелыми идеями и невероятными по тем временам реализациями.

В общественном сознании бытует мнение, что архитектура шестидесятых – и не архитектура вовсе. Вынужденно аскетичная, она часто нефотогенична, а теперь еще страдает от рекламы, вывесок и мелких переделок, иногда искажается до неузнаваемости, завернутая в блестящую фольгу современных материалов на вкус новых собственников.

Программа минимум для коллектива нашей редакции была простая – вернуть авторов анонимным зданиям 60-х.

Мы заново открываем для себя и читателей несколько по-настоящему иконических или по меньшей мере знаковых зданий, среди которых не только объекты Павлова, получившие всесоюзное и даже международное признание, но и, безусловно, Дворец спорта Шматкова, здание мединститута Колпикова, террасная больница на набережной и школа искусств Шилова, поликлиника на Свердлова Нечволодова, детские сады и общежития Станислава Григорьева, вокзал Нечитайло в Ново-Ленино...

Это жилье Валерии Аптекман, созданное для центра, – сомасштабное человеку и одновременно Иркутску историческому. И его, ранее опубликованная в ПБ26, интерпретация, сделанная Антипиным и Павловым для микрорайона Звездочка.

На этих страницах читатель увидит неосуществленный, увы, проект Дворца гражданских обрядов Халдеева – одну из упущенных возможностей Иркутска. Эскизы Воронежского к зданию музыкального театра, в дальнейшем принятые во внимание московскими авторами. Проекты жилых районов Верхний бьеф (Солнечный), Первомайский, Марата, Ново-Ленино, микрорайонов Байкальский и Синюшина гора Воронежского, Буха, Павлова, Антипина, Пхора, Григорьева демонстрируют работу с системами общественных пространств, пешеходными осями, дворами и рекреациями, такими актуальными для XXI века.

И наконец, блестящие градостроительные идеи Вячеслава Воронежского, на многие годы определившие развитие Иркутска, – Культурный центр и Байкальский луч.

Иркутские шестидесятники не только решали масштабные социальные задачи, выдавая на-гора миллионы квадратных метров жилья и объекты обслуживания. В их произведениях ярко и обязательно присутствует работа с природным каркасом, ландшафтом, забота о силуэте, раскрытии перспективных точек...

Очарование и искренность шестидесятников на фоне нынешнего прагматичного конформизма – как чистая и лаконичная архитектура 60-х рядом с некоторыми бессмысленными наворотами 90-х и нулевых.

Елена Григорьева

Having come from the capitals to Irkutsk in the late 50s – early 60s, those foplings, idealists, maximalists and daydreamers started a new stage full of brave ideas and incredible realizations.

There is a popular belief that the architecture of the 1960s is not architecture at all. Forced to be ascetic, this architecture is often unphotogenic. Nowadays it suffers from advertisements, signs and alterations; sometimes it is utterly distorted being wrapped in shining foil of modern materials to satisfy a new owner.

The editorial staff's task was to return authors to the anonymous buildings of the 1960s.

We reopen for ourselves and our readers several iconic buildings, among which there are not only Pavlov's buildings that have all-Union and even international recognition, but also the Palace of Sports by Shmatkov, the Medical Institute by Kolpikov, the terraced hospital on the embankment and the Art School by Shilov, the polyclinic on Sverdlov Street by Nechvolodov, kindergartens and hostels by Stanislav Grigoryev, the railway station in Novo-Lenino by Nechitailo...

Among them there are also residential buildings by Valeria Aptekman worked out for the center and adequately sized for man and historical Irkutsk. And its interpretation made by Antipin and Pavlov for Zvezdochka microdistrict that was published in PB 26.

The reader will see an unrealized Civilian Ceremonies Hall by Khaldeev – one of the opportunities lost by Irkutsk.

Voronezhsky's sketches for the Musical Theatre, which were later taken into consideration by Moscow authors.

Residential neighborhoods Headwater (Solnechny) and Pervomaisky, microdistricts Baikalsky and Sinyushina Gora by Voronezhsky, Bukh, Pavlov and Grigoryev demonstrate work with systems of public spaces, pedestrian axes, courtyards and recreations that are so urgent now in the 21st century.

And, finally, the bright ideas in urban planning by Voroneznsky that predetermined the city development for many years to come – the Cultural Center and the Baikal Beam.

The Irkutsk sixtiers not only met big social challenges producing millions of square meters of dwellings and services. Their works show interesting decisions in terms of natural framing, landscape, silhouette and landmarks.

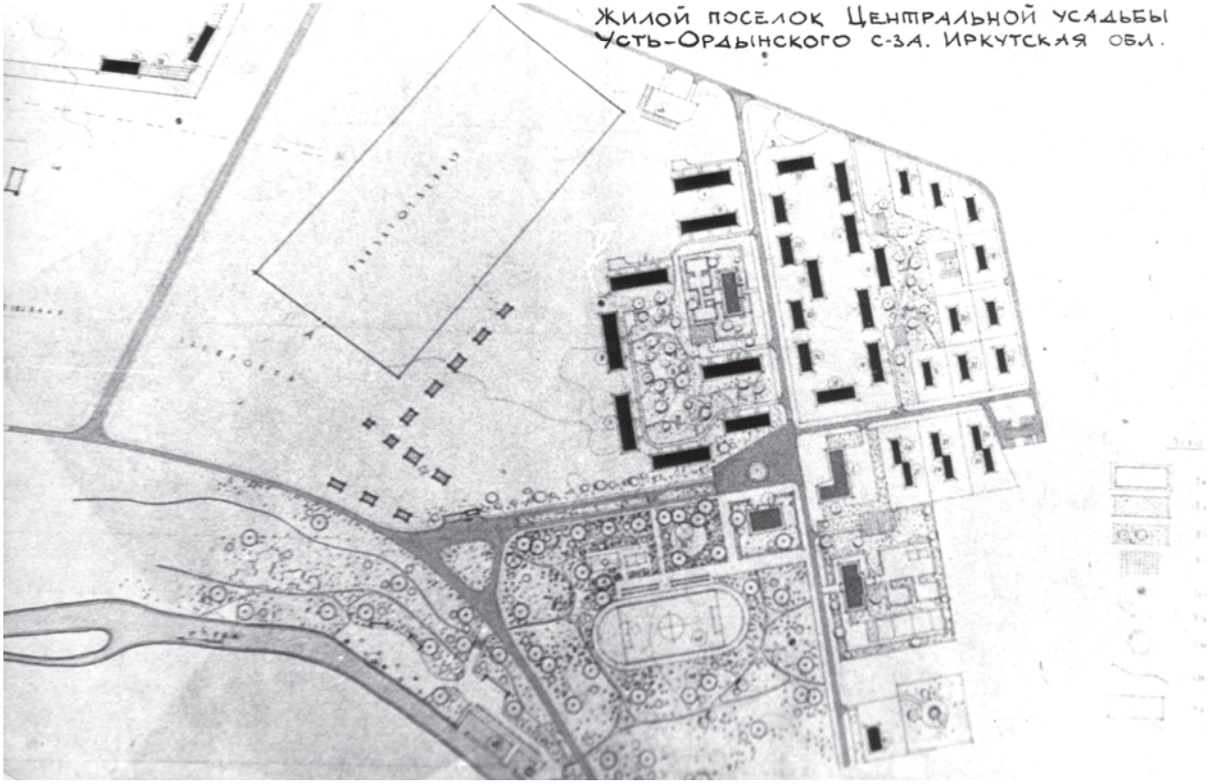
Their charm and sincerity against today's pragmatic conformism are like pure and laconic architecture of the 60s against some examples of senseless superfluities of the 90s and the 2000s.

Elena Grigoryeva

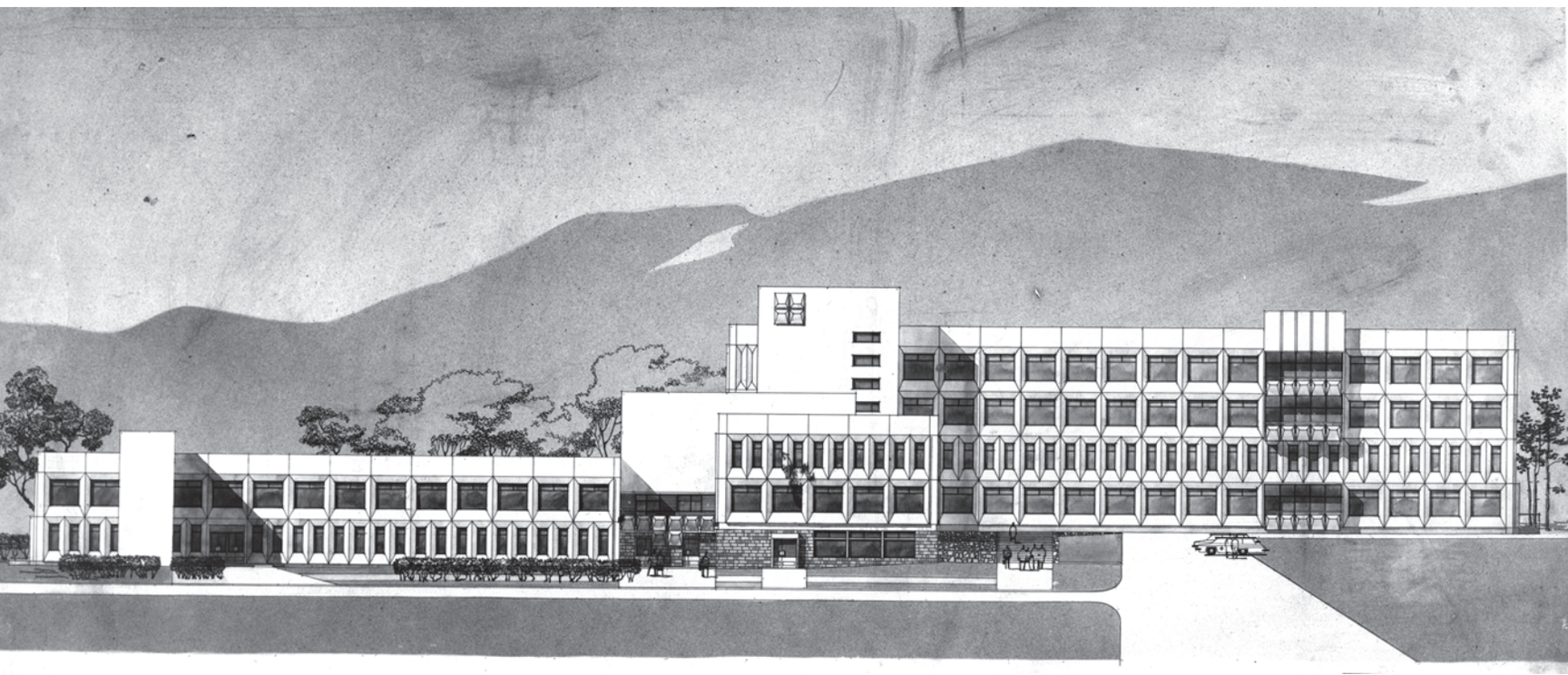
АНТИПИН Люциан Федорович

Родился в 1932 году в городе Киренске Иркутской области. В 1957 году окончил Новосибирский инженерно-строительный институт по специальности «Архитектура». Прошел курсы повышения квалификации в Госстрое РСФСР (1970) и на кафедре градостроительства Московского архитектурного института (1975 г.). Обучался на семинаре по проектированию жилья в Вильнюсе, Литва (1974 г.). В 1957–1963 годах работал архитектором в институте «Гипросельэлектро». С 1963 по1984 годы – в институте «Иркутскгражданпроект» главный архитектор проектов. С 1973 по 1984 год совмещал проектную работу с преподаванием на архитектурном факультете Иркутского политехнического института. В 1984 – 2001 годах – доцент кафедры архитектурного проектирования Иркутского Государственного Технического Университета. Специализируется в градостроительстве и проектировании объектов медицинского назначения. Автор большого числа проектов и реализованных построек. Член Союза архитекторов с 1967 года. Председатель Правления Иркутской организации Союза архитекторов в 1976 –1979 годах. Имеет награды: медаль «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» (1970 г.), Орден «Знак почёта» (1974 г.), медаль Союза архитекторов России «За преданность содружеству зодчих»(2000 г.). Дочь Екатерина – архитектор, работает в Москве и Лондоне.

> Жилой поселок Центральной усадьбы Усть-Ордынского совхоза Иркутской обл. генпроектировщик Иркутскгражданпроект, 1962 г. автор Л. Антипин



v Шелехов. Поликлиника на 1200 посещений в смену генпроектировщик Иркутскгражданпроект, 1972 г. автор Л. Антипин



Основные проекты и постройки:

проекты планировок и рабочие чертежи застройки поселков, переносимых из зоны затопления Братской ГЭС, 1957-1960 гг. (арх. Л. Антипин);

технический проект и рабочие чертежи экспериментально-показательного поселка Никольск Иркутской области, 1970-1973 гг. (арх. Л. Антипин);

ПДП Привокзального района г. Усолье-Сибирское, Иркутской области, 1965 г. (арх. В. Чемерис, Л. Антипин, М. Ашихмина);

ПДП Восточного района г. Шелехова, Иркутской области, 1966 г. (арх. В. Воронежский, Л. Антипин);

застройка микрорайона «Звездочка» в Иркутске, 1966-1974 гг. (арх. Л. Антипин);

генеральный план г. Байкальск, 1972 г. (арх. В. Бух, Л. Антипин);

плавательный бассейн «Изумруд» в г. Иркутске, 1968 г. (арх. Л. Антипин);

иркутская городская больница №1, терапевтический корпус, роддом, вспомогательные объекты, 1971 г. (арх. Л. Антипин);

поликлиника на 1 200 посещений в день в Шелехове, 1971 г. (арх. Л. Антипин);

проект застройки микрорайона № 1, 4 в Шелехове, 1974 г. (арх. В. Аптекман, В. Бух, Л. Антипин);

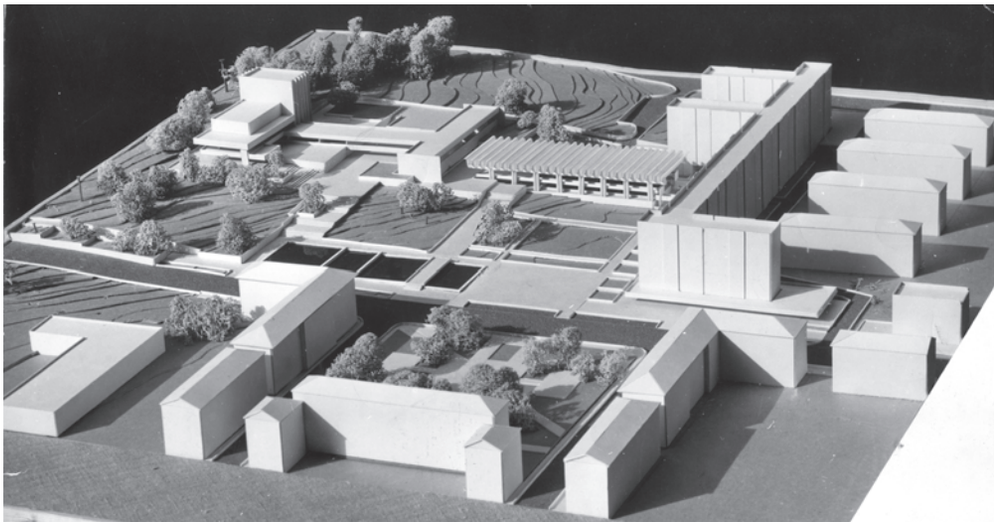
ПДП Северного жилого района в Байкальске, 1975 (арх. Л. Антипин, В. Бух);

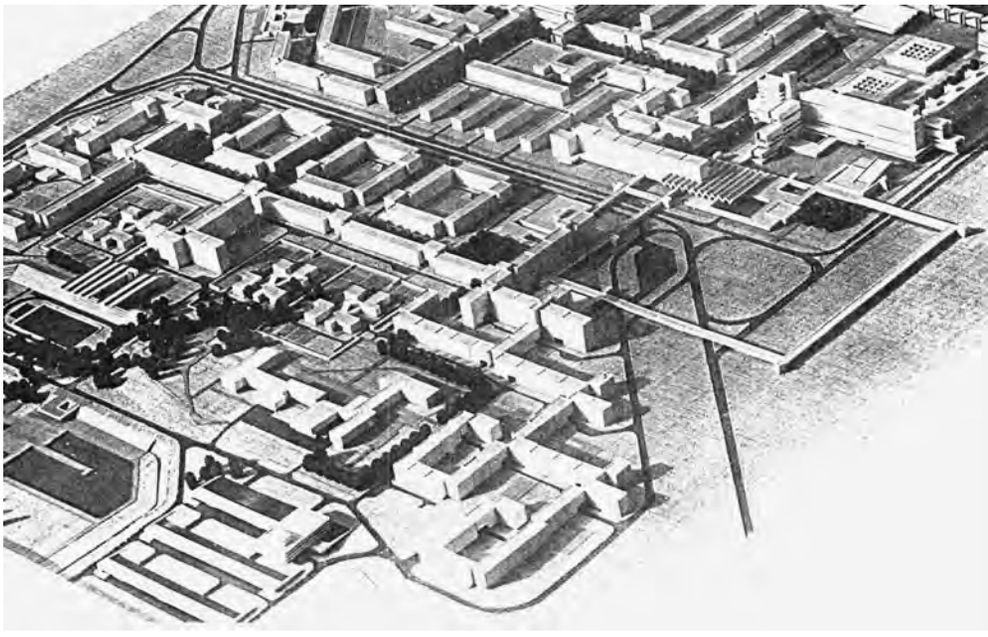
ПДП жилого района Марата в Иркутске, 1978 г. (арх. Л. Антипин, В. Бух);

ПДП поселка Никола на Байкале, 1977 г. (арх. В. Бух, Л. Антипин);

гостиница «Сибсервис» в Иркутске, 1990 г. (арх. Л. Антипин, В. Шматков);

жилой поселок Авиазавода на 1 500 коттеджей в Иркутске с разработкой коттеджей, 1990 г. (арх. Л. Антипин, В. Шматков).





^ Иркутск. Площадь Конституции, комплексаная застройка и благоустройство
генпроектировщик Иркутскгражданпроект, 1977 г.
авторы Л. Антипин, В. Павлов

^ 1-й и 4-й микрорайоны Западного жилого района Шелехова
генпроектировщик Иркутскгражданпроект, 1965–1975 гг.
авторы Л. Антипин, В. Аптекман, В. Бух, В. Воронежский

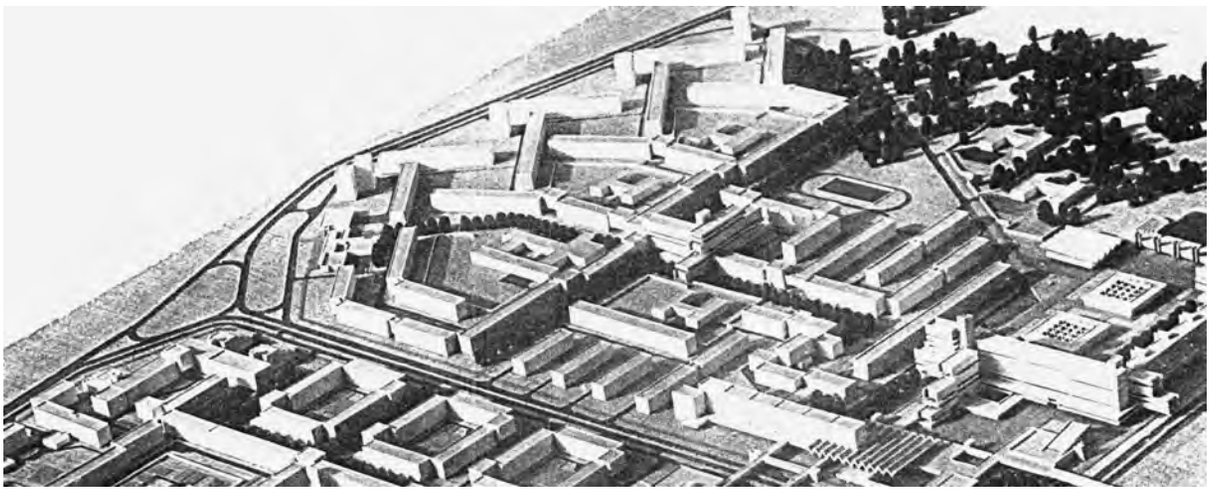
< Черемхово. ПДП Первомайского района
генпроектировщик Иркутскгражданпроект , 1963 г.
авторы В. Воронежский Л. Антипин

АПТЕКМАН (Воронежская) Валерия Марковна

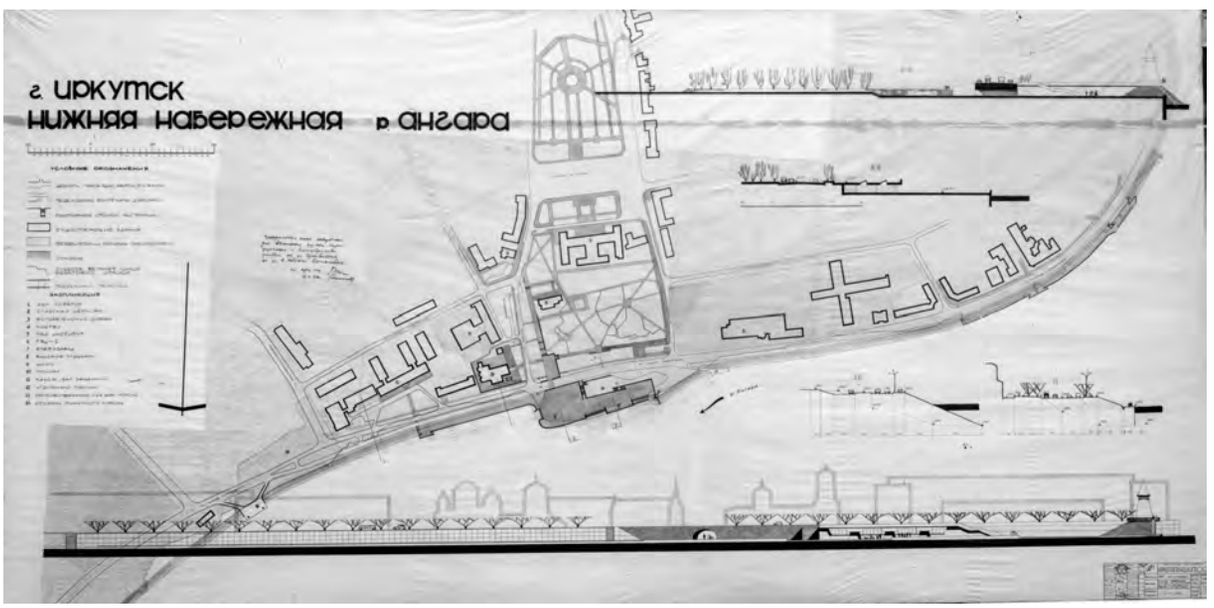
Приехала в Иркутск в 1960 году после окончания МАрхИ в составе группы московских выпускников (В.Воронежский, В. Аптекман, Л. Резвякова, В. Чемерис, Е. Пхор, Л. Крупская, Л. Гольцова, Е. Шурим, в 1961 г. – В. Колпиков, В. Шилов).
работа в Иркутске с 1960 по 1970 год в Горстройпроекте, преобразованном в 1964 году в Иркутскгражданпроект. В 1969 году – член архитектурной делегации в Японии.
С 1971 года живет в г. Пущино-на-Оке, Московская обл. Сын Иван Воронежский – архитектор в бюро «Остоженка» в Москве.

Основные объекты иркутского периода:
Жилой район «Лисиха», проект застройки и рабочие чертежи микрорайонов «А» и «Б», 1960-1961 гг.; Нижняя Набережная р. Ангары, эскизный проект, 1962 г.; микрорайон «Нагорный», проект застройки и рабочие чертежи, 1963 г. Иркутск; центральный микрорайон, границы: ул. Карла Маркса – ул. Литвинова – ул. Ленина – ул. Дзержинского, проект застройки, 1968 г.; блок-секция для застройки центрального микрорайона (рядовая и поворотная), рабочие чертежи, 1969 – 1970 гг., заканчивала уже в Пущино в 1971 – 1972 годах. Применены в Иркутске трижды – на улицах Лапина, Гоголя и Чехова.

> Жилой дом
генпроектировщик
Иркутскгражданпроект
автор В. Аптекман
адрес Иркутск,
ул. Грязнова, 12



> 1-й и 4-й микрорайоны
Западного жилого района
Шелехова
генпроектировщик
Иркутскгражданпроект,
1965–1975 гг.
авторы Л. Антипин,
В. Аптекман
В. Бух, В. Воронежский



> Нижняя набережная
р. Ангары от
ул. Сухэ-Батора до ул.
Дек. Событий в Иркутске
заказчик
УКС Облисполкома
генпроектировщик
Иркутскгражданпроект,
1968 г.
автор В. Аптекман

АФАНАСЬЕВ Валерий З.

^ Жилой район Первомайский в Иркутске
генпроектировщик Иркутскгражданпроект, 1974–1984 гг.
авторы В. Павлов, В. Афанасьев, В. Бух, Ф. Гильманова

< v Офисное здание и
комплекс общежитий
пединститута на
Цесовской набережной
генпроектировщик
Иркутскгражданпроект,
1977–1998 гг.
авторы В. Павлов,
С. Григорьев,
В. Афанасьев
адрес Иркутск, Нижняя
Набережная, 12, 14

АШИХМИНА Мира Яковлевна (1930–2009)

Родилась 9 марта 1930 в г. Черновцы (тогда территория Австро-Венгерской республики) в семье инженера. В 1941 семью репрессировали и сослали «спецпереселенцами» в деревню на севере Томской области. Окончив Новосибирский инженерно-строительный институт (Собстрин), работала по распределению в Чите, затем в Иркутске. Из 35 проектов 30 реализовано. С 1965 член Союза архитекторов СССР. С 1973 года педагогическая деятельность в Иркутском политехническом институте.
Награждена орденом «Знак Почета», медалями «Ветеран труда», «За добросовестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина». Заслуженный архитектор России.

Основные объекты:
проекты планировки для городов Шелехова, Рудногорска, Бохана,
ПДП Привокзального района г. Усолье-Сибирского и Восточно-Сибирского завода огнеупоров,
микрорайоны № 3 и № 7 в Усолье-Сибирском, микрорайон Приморский в Иркутске.

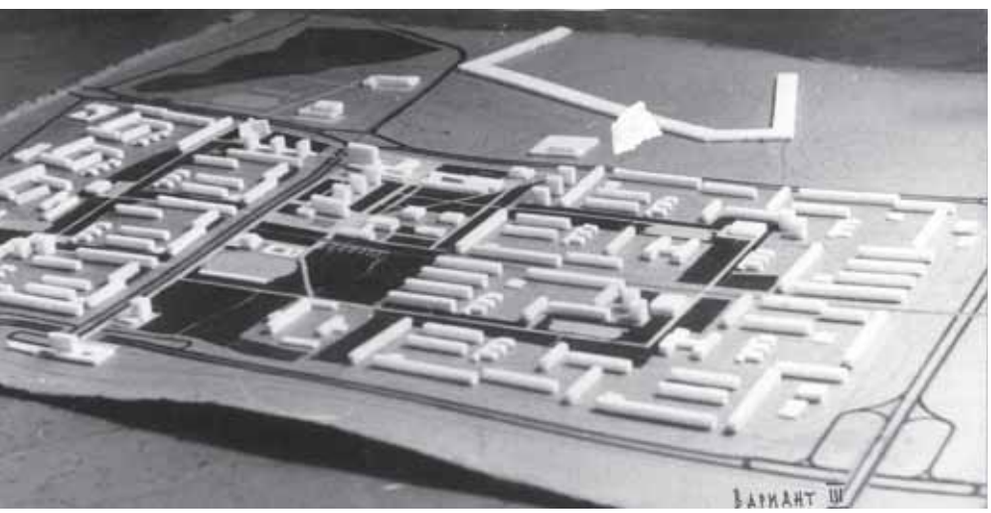
См. ПБ 19, стр. 81–83, Марк Меерович, «Ашихмина Мира Яковлевна (09.03.1930 – 04.01.2009)»

v Проект застройки Привокзального жилого района в г. Усолье-Сибирское
генпроектировщик Иркутскгражданпроект, 1965 г.
авторы В. Чемерис, В. Бух, Л. Антипин, М. Ашихмина

> Генеральный план г. Шелехова, 1974-1976 гг.
авторы М. Ашихмина, И. Симутина

> Ресторан «Байкал» в п. Листвянка,
автор М. Ашихмина

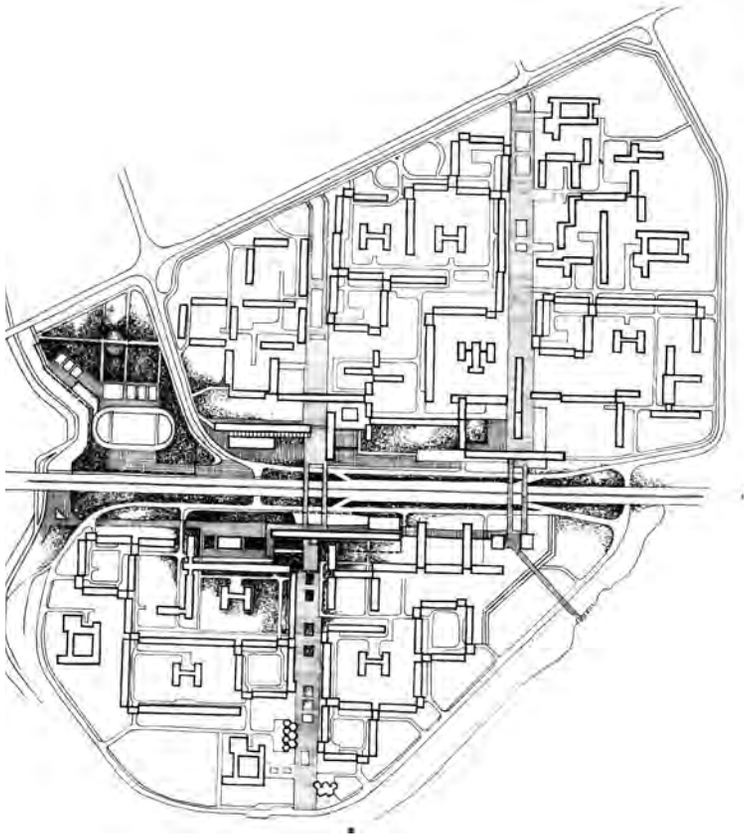
> Комплекс «Орбита», 1977 г.
автор М. Ашихмина, адрес г. Иркутск, Советская, 139



БУХ Нина Владимировна (1941–2003)

Родилась в городе Тулун Иркутской области.
После окончания средней школы работала с 1959 г. в ГПИ «Горстройпроекта» чертежницей, техником, старшим техником. С 1964 г. – старший техник в институте Иркутскгражданпроект, с 1967 – архитектор, с 1970 – старший архитектор. 1973 – 1979 гг. – учеба на строительном факультете Иркутского политехнического института по специальности «Архитектура».
С 1979 г. – ведущий архитектор, 1984 – 1998 гг. – главный архитектор проектов (до выхода на пенсию).
Ветеран труда.

Основные объекты: жилой район Солнечный в Иркутске; микрорайон Университетский в Иркутске; группа жилых домов на Синюшиной горе в Иркутске, областной Онкодиспансер, СПИД-центр на ул. Шевцова



> Жилой район Солнечный в Иркутске
генпроектировщик Иркутскгражданпроект ,
70-е гг.
авторы В. Воронежский, В. Бух, Н. Бух, В. Павлов, Н. Беляков

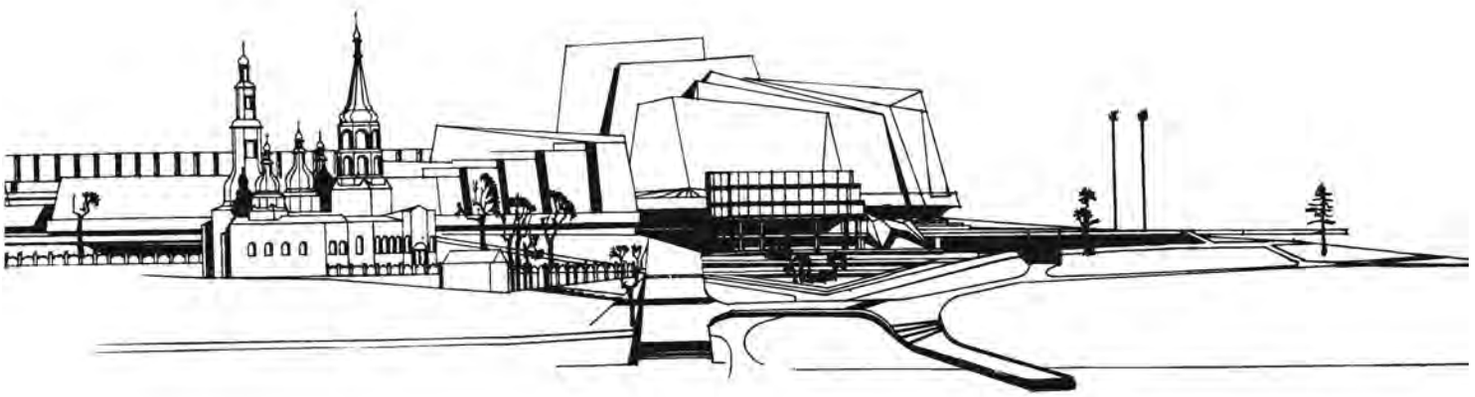
v Микрорайон Университетский в Иркутске
генпроектировщик Иркутскгражданпроект
авторы В. Павлов, Н. Беляков Н. Жуковский, Н. Бух
1985–1997 гг.

ВОРОНЕЖСКИЙ Вячеслав Степанович (1937–1999)

Родился 11 марта 1937 года в Москве. После окончания в 1960 Московского архитектурного института по распределению приехал работать в Иркутск. Сделал значительный вклад в развитие Иркутска своими градостроительными работами, крупнейшие из которых – Культурный центр и жилой район Верхний Бьеф (Солнечный) – определили развитие города на многие десятилетия.. Автор идеи линейного развития города (Байкальский луч).
В 1971 году Воронежский уехал в г. Пущино Московской области, где работал главным архитектором мастерской № 9 ГИПРОНИИ АН СССР и занимался проектированием подмосковного научного центра. Умер 26 марта 1999 года в г. Пущино.

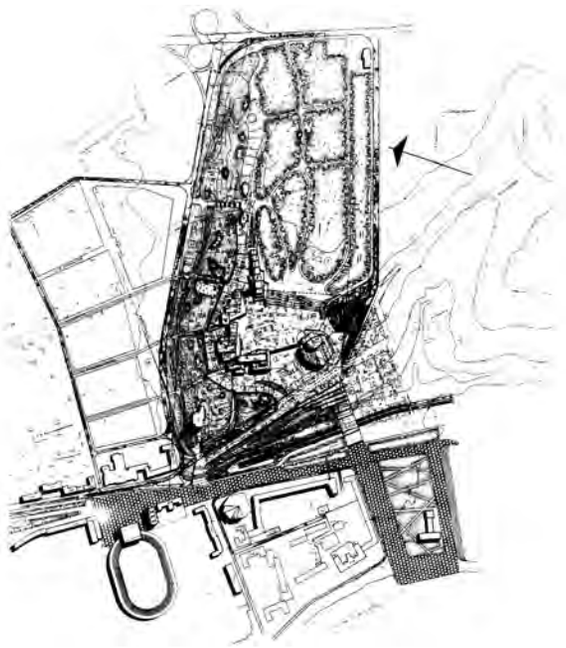
Подробнее в ПБ1, стр. XII-XVII. Светлана Середенкина, «Вячеслав Степанович Воронежский (1937–1999)»

Основные объекты:
форпроект застройки Культурного центра г.Иркутска; проект детальной планировки жилого района «Верхний Бьеф»; генплан города Усолье-Сибирское (Воронежский, Бух, Пхор); генплан города Нижнеудинска; ПДП Центрального района г. Шелехов (авторы – Л. Антипин В. Аптекман, В. Бух, В. Воронежский); генплан города Белая Зима (этот проект не был реализован).



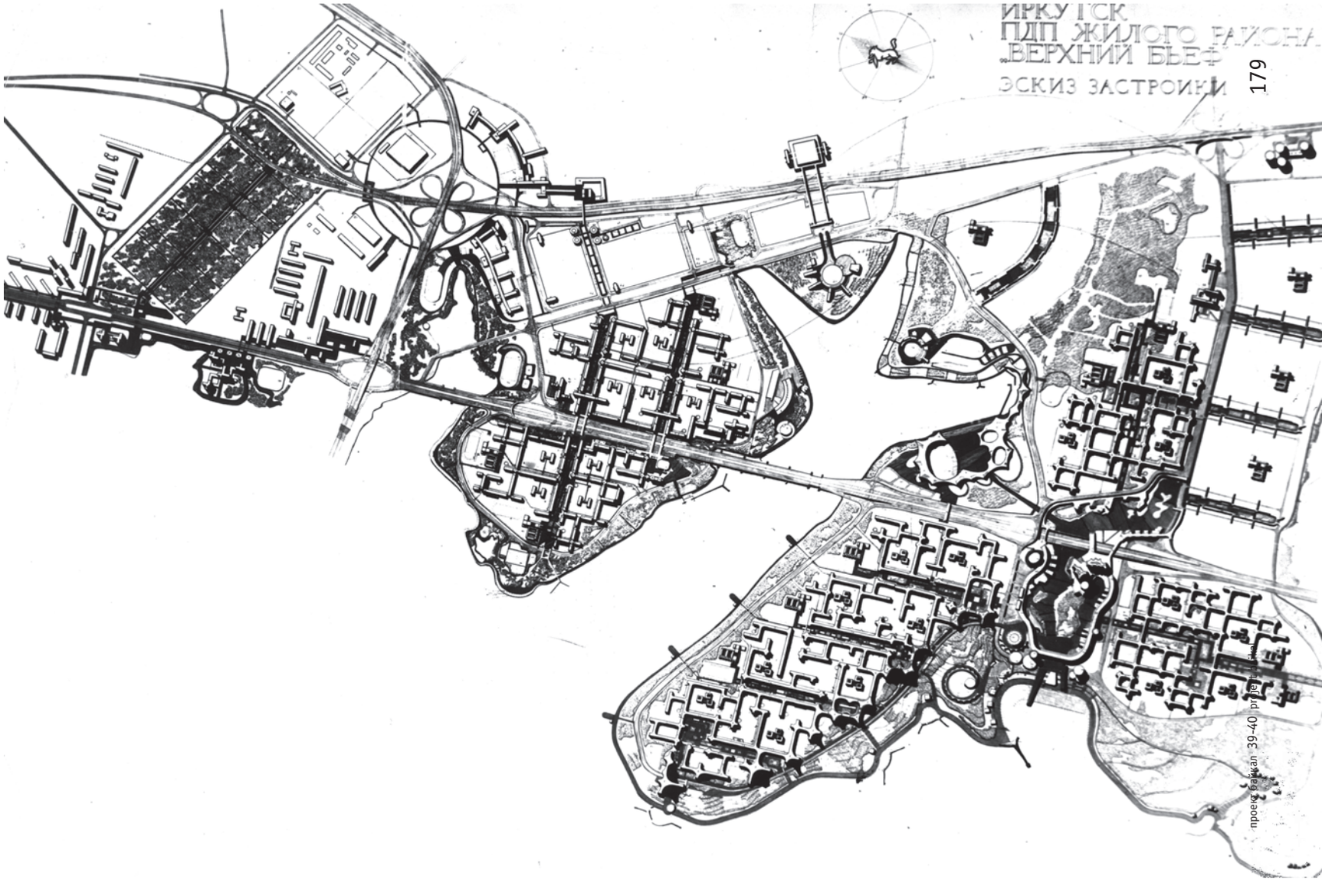
^ Культурный центр.
Развертка по ул. Седова
(II вариант)

> Культурный центр
г. Иркутск
форпроект (III вариант)

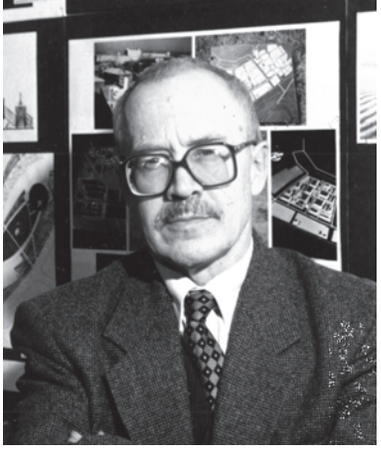


< Байкальский луч.
Положение жилого района Верхний бьеф (Солнечный)
в плане города

v Жилой район.
Верхний бьеф (Солнечый)



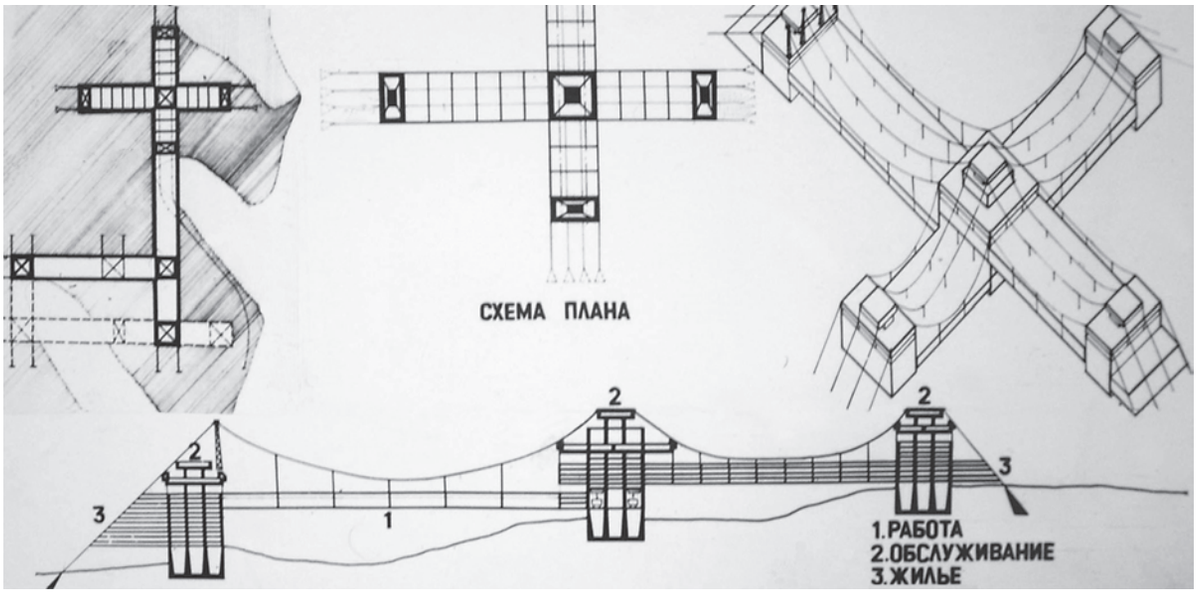
проект / project 39-40



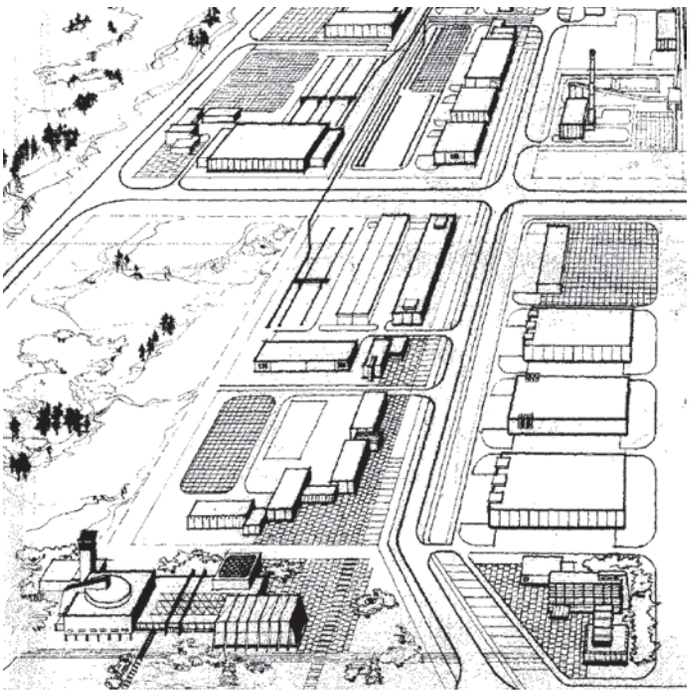
ВЫРАЖЕЙКИН Владимир Дмитриевич

Родился 14 июля 1940 года в городе Белый Тверской области. В 1964 году окончил архитектурный факультет Новосибирского инженерно-строительного института. В 1991 году защитил диссертацию на соискание степени кандидата архитектуры по теме «Архитектурно-планировочное формирование промышленных зон городов Восточной Сибири» в ЦНИИ промышленных зданий в Москве. Поступил на работу в должности архитектора в институт «Иркутский Промстройпроект» в 1964 году. С 1972 года занимает должность главного архитектора отдела. Специализируется на проектировании объектов промышленного назначения. Автор большого количества градостроительных планировочных работ и промышленных объектов.
Член Союза архитекторов с 1969 года.

> Перспективные предложения по архитектурно-строительным решениям ГОКа в Забайкальском крае
генпроектировщик Иркутский Промстройпроект, 1985 г.
авторы В. Выражейкин, Л. Романовская



> Иркутский алюминиевый завод. Комплекс электролиза алюминия
генпроектировщик Иркутский Промстройпроект
проектирование 2005 г.
строительство 2005–2008 гг.
авторы В. Выражейкин, М. Лапшин, Н. Каттерфельд



ГОЛЬЦОВА Людмила

Приехала в Иркутск в 1960 году в составе первой группы выпускников МАрхИ. В 1965 году вышла замуж и уехала в Киев.

Основные объекты иркутского периода:
плавательный бассейн Дворца пионеров (применены Г-образные опоры с шарниром по оси зала, клееная фанера); реконструкция школы в Старо-Ленино (фактически сделала новую школу); построено здание «Промстройпроект».

^ Иркутский Промстройпроект
автор Л. Гольцова
адрес Иркутск, ул. Ст. Разина, 6

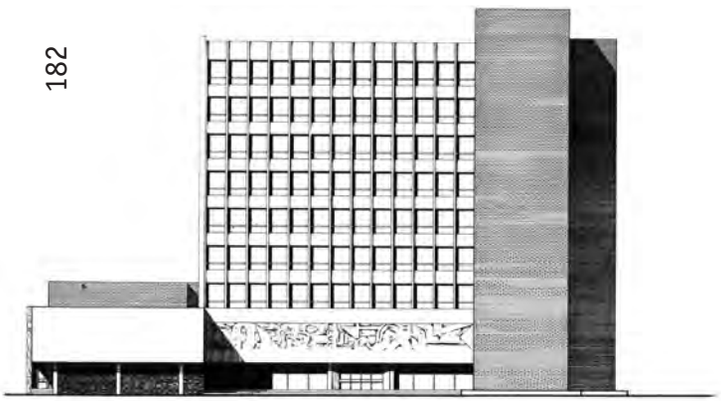
< Плавательный бассейн Дворца пионеров
автор Л. Гольцова
адрес Иркутск, Кооперативный пер., 1

ГРИГОРЬЕВ Станислав Михайлович

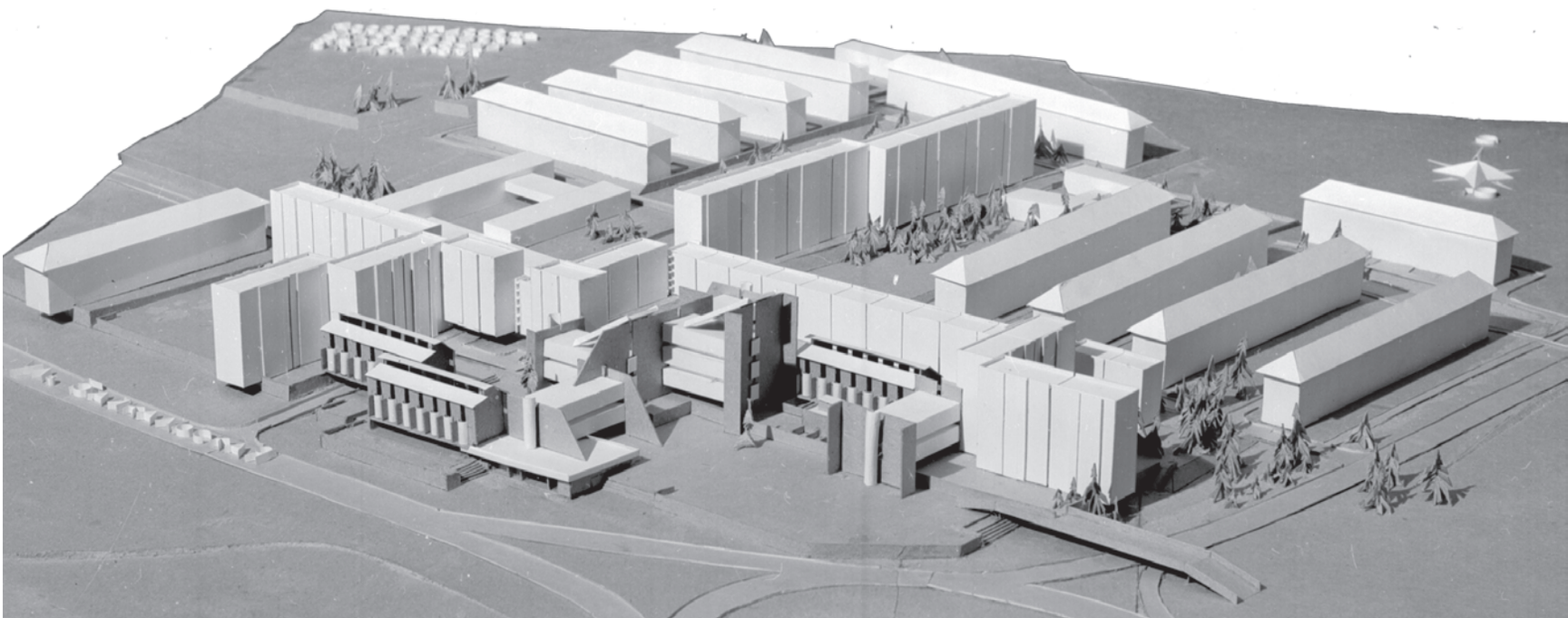
Родился в 1941 году в Бурятии. Окончил Новосибирский инженерно-строительный институт (Сибстрин) в 1966 году. Работал в Иркутскгражданпроекте более 45 лет. Руководитель Персональной творческой мастерской. Лауреат всесоюзного конкурса молодых архитекторов, 70-е гг. Член Союза архитекторов России с 1972 года, челен правления ИРО САР – 2000-2004 гг. Сын Михаил – практикующий архитектор.

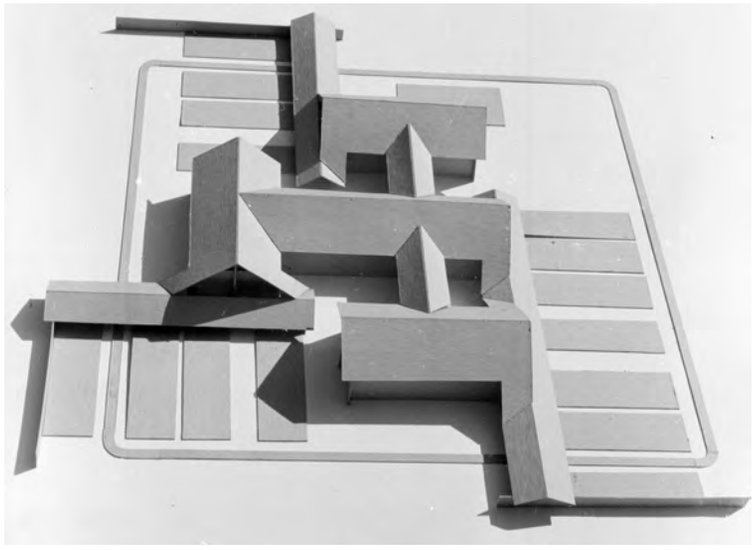
Основные объекты:
студенческие общежития на 1200 мест для Института народного хозяйства (ул. Советская), Иркутского политехнического института (Студгородок) и Пединститута (Нижняя Набережная), общежитие для рабочих и служащих на 800 мест и объекты соцкультбыта в микрорайоне Байкальский, детские сады разной вместимости, здание института Иркутскгражданпроект по ул. Степана Разина, 27.

v Микрорайон Байкальский в Иркутске
заказчик Иркутский гориспоком
генпроектировщик Иркутскгражданпроект
авторы В. Павлов, В. Бух, С. Григорьев (проект корректировки)
начало проектирования – начало 1970-х (корректировка проекта застройки – 1978)



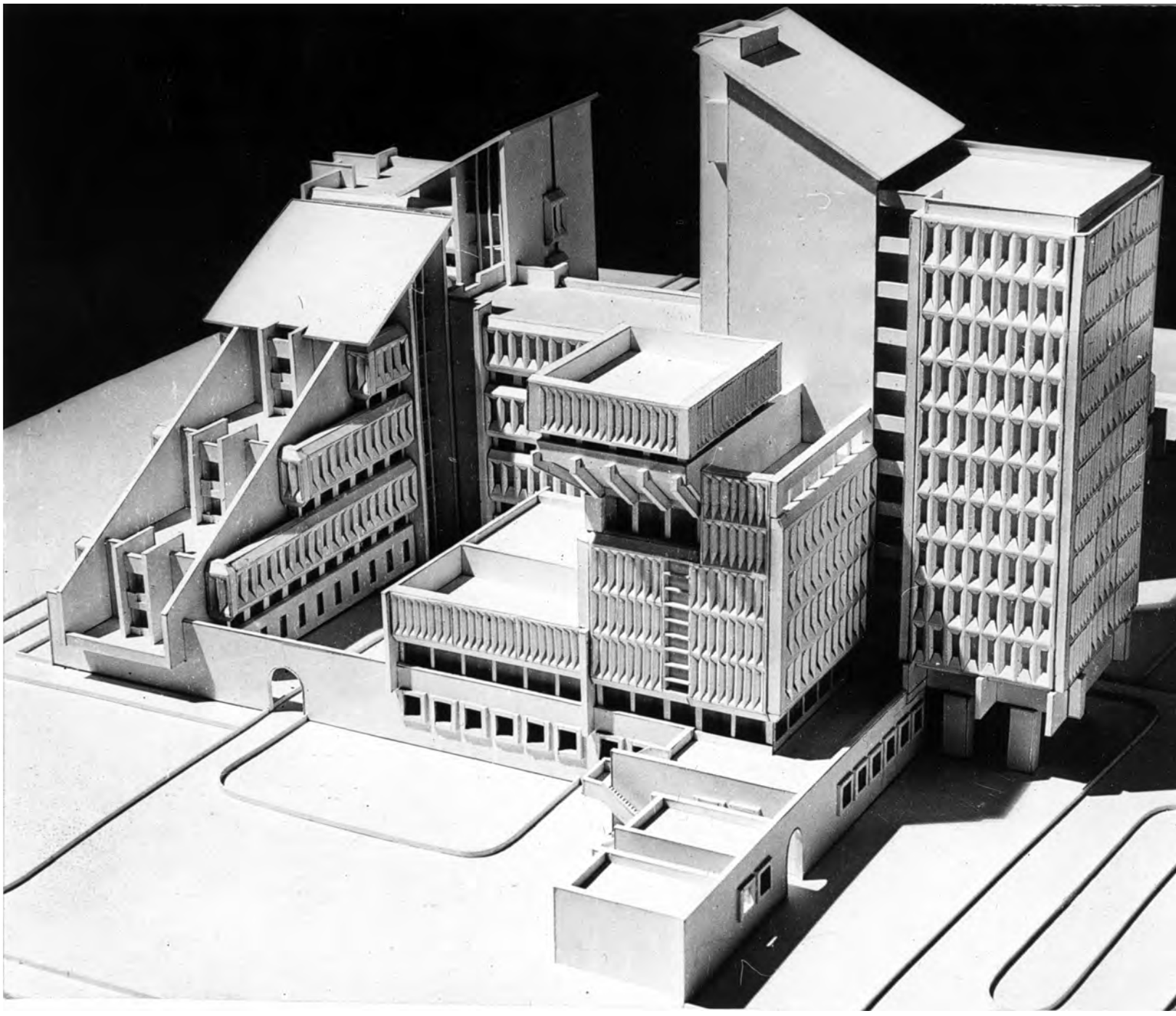
> v Производственное здание института Иркутскгражданпроект
генпроектировщик Иркутскгражданпроект
строительство 1984 г.
автор С. Григорьев, В. Павлов
адрес Иркутск, ул. Степана Разина, 27





< Детский сад
генпроектировщик
Иркутскгражданпроект
автор С. Григорьев

v Комплекс общежитий
педагогического институ-
та на Цесовской набереж-
ной в Иркутске. Вариант.
генпроектировщик
Иркутскгражданпроект,
1976 г.
авторы С. Григорьев,
В. Павлов, В. Афанасьев



ДАГДАНОВА Ирина (Цыредарь) Баторовна

Родилась в 1940 году. В 1964 году закончила архитектурный факультет Новосибирского инженерно-строительного ин-та (СибСтрИн). С 1965-1971 г. училась на факультете теории и истории искусств Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина. Работала в отделе института «Ленгидропроект» в Дивногорске Красноярского края. С 1965 работа в проектных институтах Иркутска: Иркутскгражданпроект, Восточно – Сибирский комплексный отдел Конструкторского бюро по железобетону им. А.А. Якушева (филиал Московского КБ) 1970-1988, персональных творческих мастерских «Форум» и «Ротонда», с 1995 г. по настоящее время – доцент Кафедры архитектурного проектирования Института архитектуры и строительства национального исследовательского Иркутского государственного технического университета. Член Союза архитекторов РФ с 1971 года, ветеран труда. В 1969 году член делегации архитекторов в Японию. Награды: медаль Союза архитекторов России «За преданность содружеству зодчих», звание «Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Основные проектные работы и постройки: административное здание треста «Востокэнергомонтаж»; центр научно-технической информации в составе Культурного центра; комплекс зданий «Иркутскколхозпроект» и «ВНИПИсельэнерго» по ул. Фридриха Энгельса, в г. Иркутске; разработка проектов комплексной серии 135 жилых и общественных зданий для 1В климатического подрайона с сейсмичностью 7, 8, 9 баллов; 5-9 этажные жилые дома и блок-секции в Иркутске, Улан-Удэ, на Сахалине, в Туве; 1-2 этажные жилые дома для села; детские ясли-сады и среднеобразовательные школы разной вместимости.

> Центр научно-технической информации
заказчик ЦНТИ
генпроектировщик Иркутскгражданпроект
авторы В. Павлов, Ц. Дагданова, Б. Халдеев, В. Суханов
проектирование 1970-1971 гг.
окончание строительства 1975 г.
адрес Иркутск, ул. Коммунаров, д. 10

Архитектура Центра научно-технической информации для 8-балльных сейсмических условий города получила смелые пластические формы и открыла дорогу поискам новых, выходящих за рамки упрощенных антисейсмических решений.

< Здание треста Востокэнергомонтаж в Иркутске
заказчик трест «Востокэнергомонтаж»
генпроектировщик Иркутскгражданпроект, 1967-1968 гг.
строительство 1969 г.
авторы Л. Крупская, Ц. Дагданова
адрес Иркутск, Декабрьских Событий, 119

Оригинальность архитектурного решения – в вынесенных за пределы отапливаемого объема здания противопожарных эвакуационных коммуникаций: открытых галерей и лестниц, что в отличие от ранее построенных подобного типа сооружений обогащает пластику фасадов и фиксирует взгляд зрителя. По первоначальному замыслу наружная лестница должна была быть открытой.

^ Комплекс зданий «Иркутскколхозпроект» и «ВНИПИсельэнерго» в г. Иркутске
заказчик объединение «Облмежколхозстрой»
генпроектировщик «Иркутскколхозпроект»
авторы В.Немишев, Ц. Дагданова, конструктор Н.Савельев
проектирование 1969-1970 гг.
строительство 1974 г. (1 очередь), с 1991 г. (2 очередь)
адрес Иркутск, ул. Фридриха Энгельса, д. 8

Это первое в Иркутске общественное каркасное здание выше 5-ти этажей. Новизна – в применении рамно-связевого каркаса с замоноличенными узлами и использовании диафрагм жесткости для сейсмостойкого строительства. Такой принцип используется в Иркутске и сегодня для строительства высотных жилых и общественных зданий. Из-за большого временного перерыва в строительстве двух блоков значительно нарушено проектное архитектурное решение комплекса, особенно в организации заглубленного главного входа по оси комплекса между двух остекленных объемов вертикальных коммуникаций блоков.

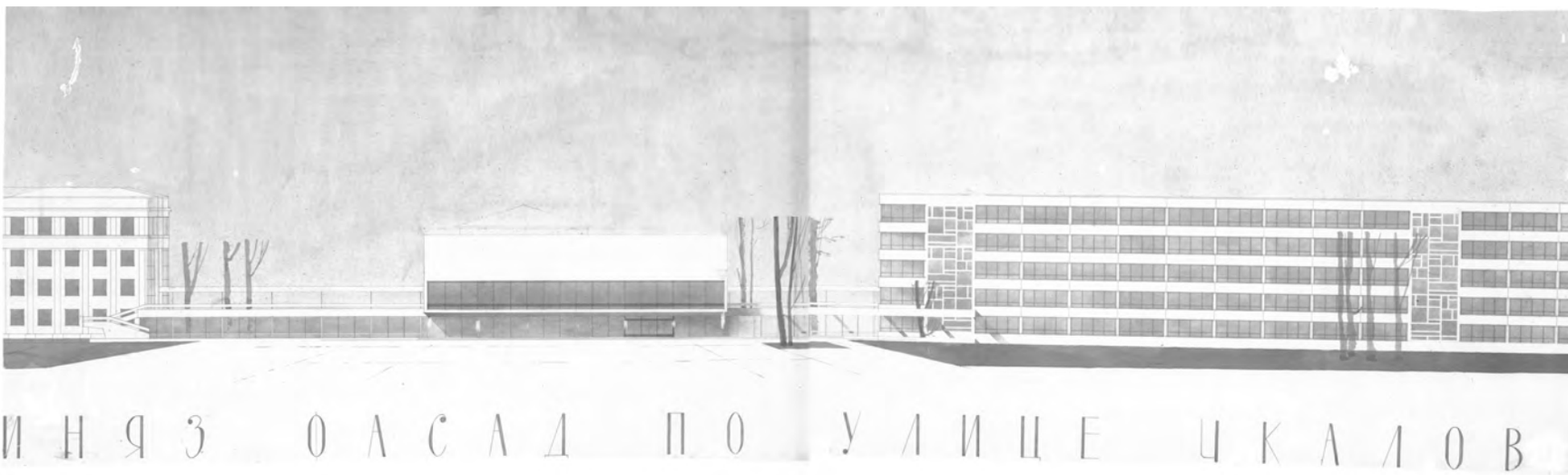
< 9-этажные жилые дома серии 135 в Иркутске
генпроектировщик ин-т КБ по железобетону,
1970-е годы,
авторы В. Немишев, Ц. Дагданова

КРУПСКАЯ Лариса Григорьевна

Приехала в Иркутск в 1960 году после окончания МАрхИ в составе группы московских выпускников. Работала в Иркутске с 1960 по 1967 год в Горстройпроекте, преобразованном в 1964 году в Иркутскгражданпроект. Живет в г. Пущино-на-Оке Московской области.

Основные проекты и постройки:
вторая очередь института иностранных языков; здание института Гипрохлор по ул. Советская (арх. С. Нечволодов, Л. Крупская); здание проектных институтов Гипролестранс и Гипросовхозсторой по ул. Дек. Событий, 125 (арх.С. Нечволодов, Л. Крупская); здание Сибсантехмонтаж (сейчас банк ВТБ) по ул. Ст. Разина (арх. С. Нечволодов, Л. Крупская); здание ВАМИ, пристрой (каркасный блок, непосредственно примыкающий к основному кирпичному зданию) по ул. 1-Советская, 55; здание треста Востокэнергомонтаж по ул. Декабрьских Событий (арх. Л. Крупская, Ц. Дагданова).

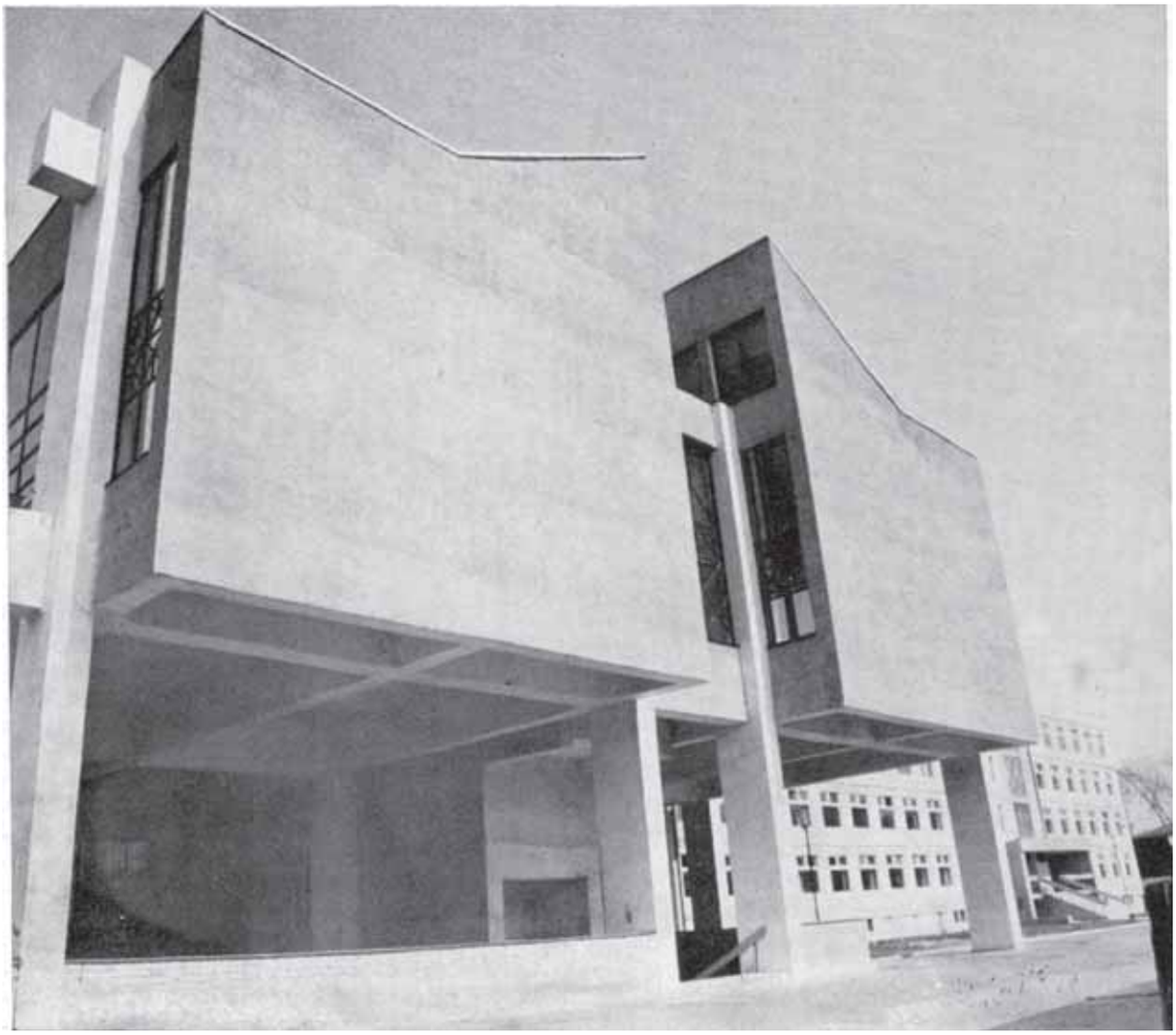
v Институт иностранных языков
заказчик
Иркутский облисполком
генпроектировщик
Иркутскгражданпроект
авторы Л. Крупская, Ц. Дагданова
адрес Иркутск, ул. Ленина, 8



КОЛПИКОВ Владимир Игоревич (1938–2005)

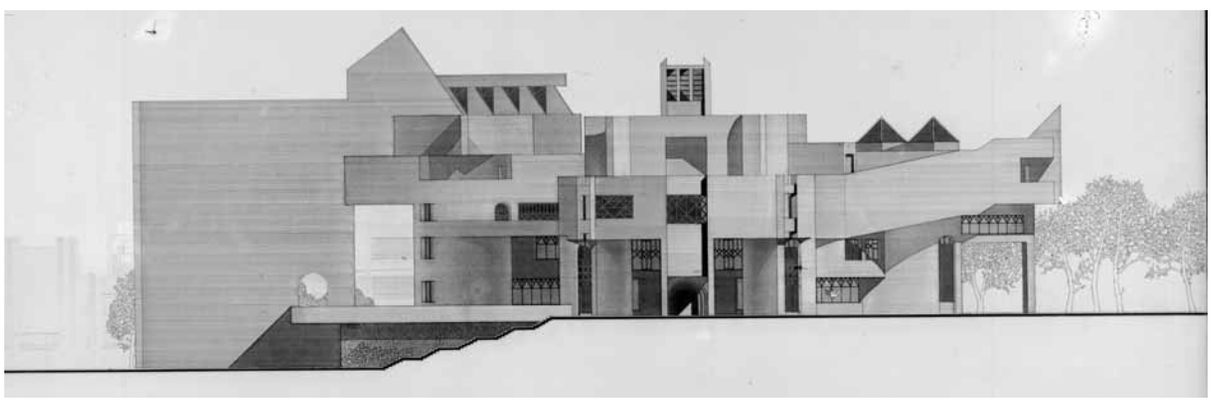
Окончил МАрхИ в 1961 году. В Иркутск приехал в 1961 году и проработал до 1976 года. В 1969 году член архитектурной делегации в Японии. С 1970 по 1976 год – председатель правления Иркутской организации Союза архитекторов СССР. После 1976 года работал в Москве в институте «Граждансельстрой». Дочь – актриса театра на Таганке, сын – архитектор в Москве.

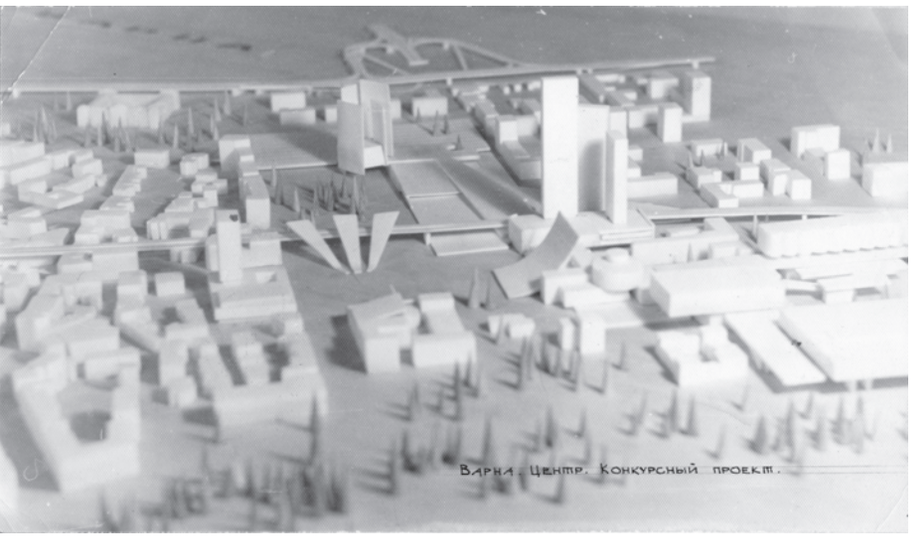
Основные проекты и постройки:
проект Дворца гражданских обрядов в составе Культурного центра (продолжил работу после отъезда Б. Халдеева); учебный корпус медицинского института по ул. 3 Июля; плавательный бассейн на площади Конституции (проект); реконструкция фасадов зданий и благоустройство ул. Урицкого; административное здание Аэрофлота по ул. Декабрьских Событий; здание ВАМИ, пристрой (вторая очередь) совместно с В. Сухановым (каркасный блок, примыкающий под прямым углом к блоку Л. Крупской) по ул. Советская, 55.

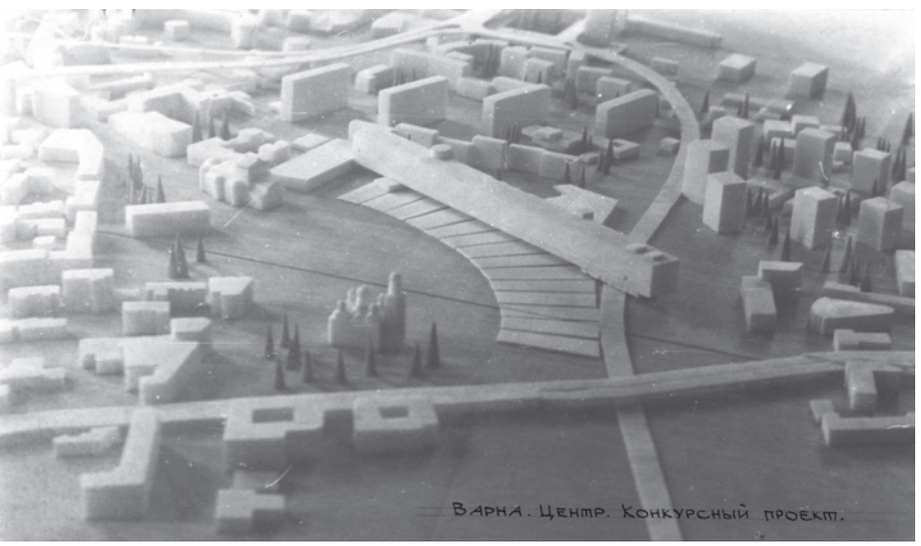


< Учебный корпус медицинского института
генпроектировщик
Иркутскгражданпроект
автор В. Колпиков

v Проект Дворца гражданских обрядов в составе Культурного центра
заказчик
ОКС горисполкома
генпроектировщик
Иркутскгражданпроект,
1973 г.
авторы В. Колпиков
Б. Халдеев







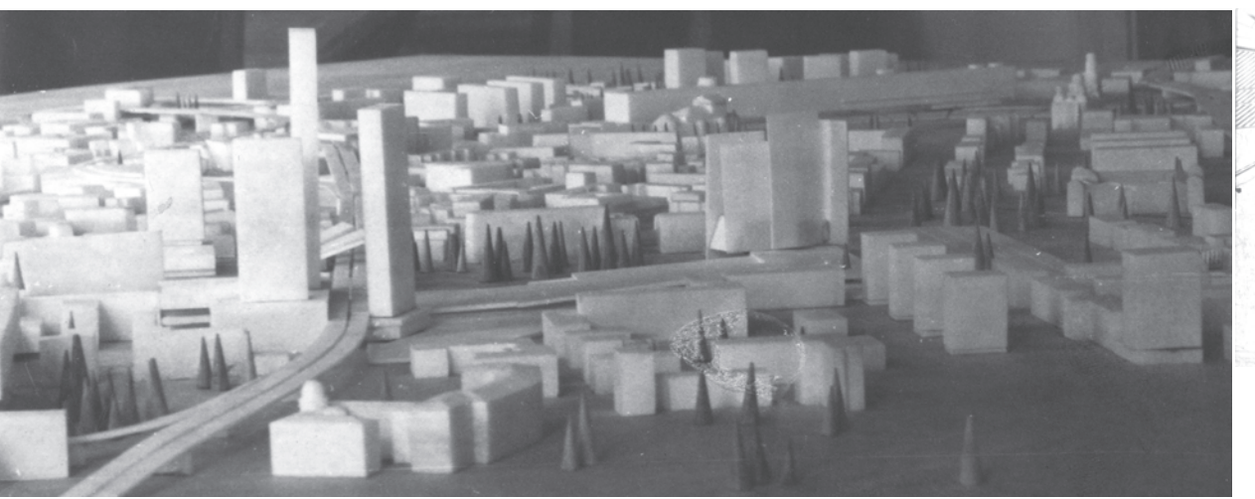
НЕМИШЕВ Виктор Иванович

Родился в 1937 году. Окончил архитектурное отделение строительного факультета Ташкентского политехнического института в 1963 году, работал с 1965 по 1969 годы в институте Иркутсгражданпроект, с 1969 по 1971 годы в КБ по Железобетону, Восточно-Сибирский комплексный отдел. Уехал из Иркутска в 1971 году. В настоящее время живет в Калининграде, где имеет обширную проектную практику.

Основные проекты и постройки иркутского периода:
проект застройки «Синюшина гора» в г. Иркутске; проектная концепция застройки предмостной площади в г. Иркутске; проект здания редакций областных газет в г. Иркутске по ул. Советская; пристрой зала заседаний горисполкома в г. Иркутске по ул Ленина; проект жилого дома в Академгородке г. Иркутска; проект реконструкции вестибюля здания горисполкома в Иркутске; Дом пионеров в Иркутске II, реконструкция; комплекс зданий «Иркутскколхозпроект» и «ВНИПИсельэнерго» в Иркутске по ул. Фридриха Энгельса, д. 8, (архитекторы В.Немишев, Ц. Дагданова), проектирование 1969 –1970 гг., строительство 1974 г. – первая очередь, с 1991 г. – вторая очередь. 1970 – 1971 гг. – работа в КБ по Железобетону, Восточно-Сибирский комплексный отдел, главный архитектор проектов, разработка проектов комплексной серии 135 жилых и общественных зданий для 1В климатического подрайона с сейсмичностью 7, 8, 9 баллов, госбюджетная тема (архитекторы В. Немишев, Ц. Дагданова), проектирование 1971 – 1988 гг., реализация 1978 –1990 гг. В 1969 году член архитектурной делегации в Японии.

< Варна. Центр.
Конкурсный проект
генпроектировщик
Иркутскгражданпроект
1966 г.
авторы В.Немишев
В. Колпиков
В. Воронежский

при участии
В. Чемериса
С. Нечволодова
В. Шилова
Л. Антипина



НЕЧВОЛОДОВ Станислав Дмитриевич

Родился в 1935 году в Киеве.В 1959 году окончил Киевский инженерно-строительный институт по специальности «Архитектура» и приехал в Иркутск по распределению. Работал в проектном институте «Горстройпроект» (в 1964 году институт преобразован в проектный институт «Иркутскгражданпроект»), «ГипроШахт».
С 1964 по 1970 – председатель правления Иркутской организации Союза архитекторов СССР.
В 1970 уехал в Тарту (Эстонская ССР), художник и скульптор, персональные выставки в Эстонии, Польше

Подробнее ПБ 7, стр. XIV-XVI «Юбилейная выставка. Нечволодов».

Основные объекты:
поликлиника по ул. Свердлова (фасады искажены облицовкой 2000-х); административное здание на сквере Кирова (Иркутскэнерго, фасады искажены реконструкцией 2000-х); пушно-меховой техникум на площади 50-летия Октября по ул. Байкальской; памятник Борцам Революции по ул. Карла Маркса; мемориальная доска Александру Вампилову на старом здании ТЮЗа по ул. Ленина, 13; мемориальная доска архитектору Борису Кербелю и его супруге Ольге Ивановой на ул. Карла Маркса – Богдана Хмельницкого, 1.

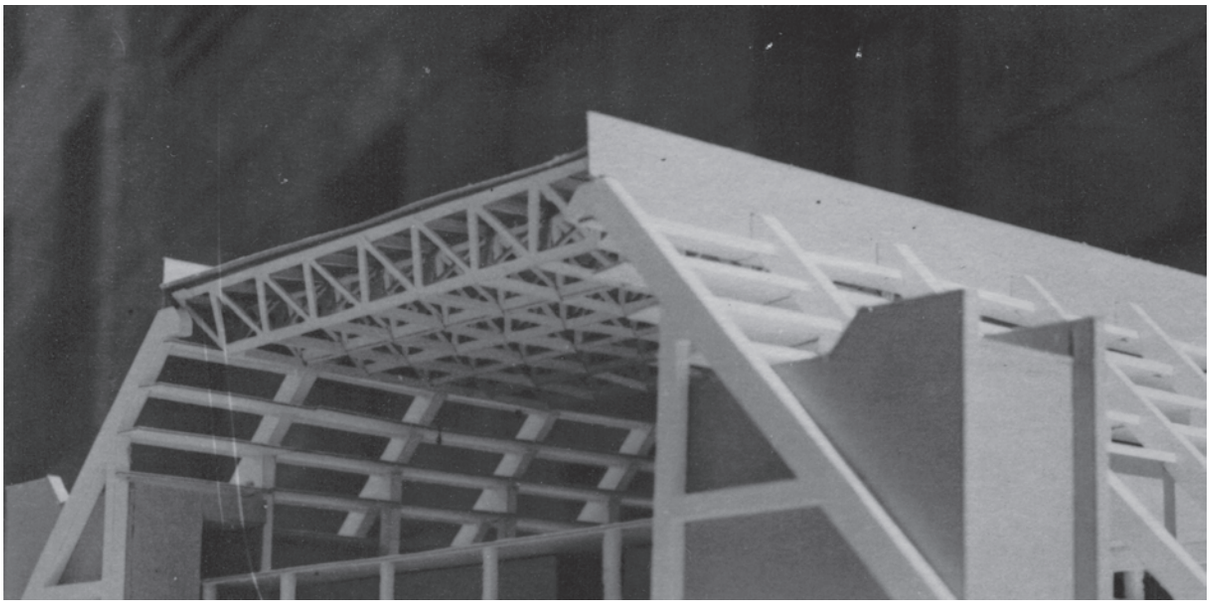
< Поликлиника по ул. Свердлова
автор С. Нечволодов
адрес Иркутск, ул. Ленина, 20а

v Памятная доска Борису Михайловичу Кербелю и Ольге Григорьевне Ивановой
автор С. Нечволодов

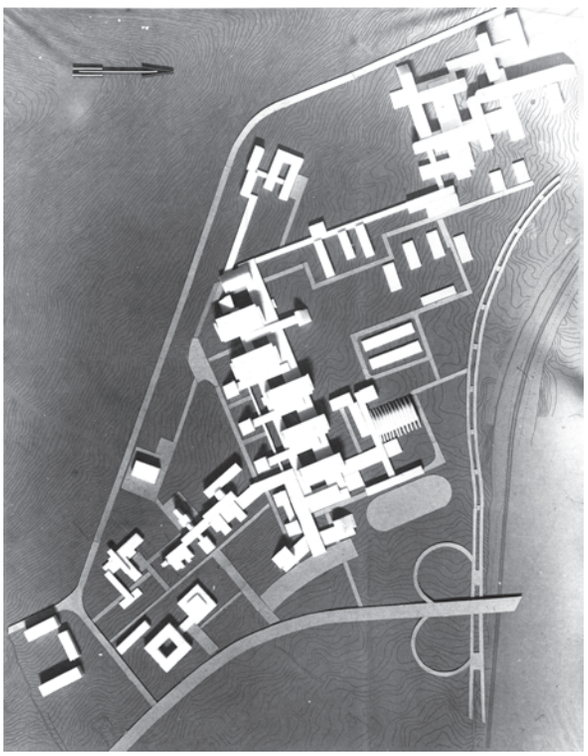
v Пушно-меховой техникум автор С. Нечволодов
адрес Иркутск, ул. Байкальская, 108

НЕЧИТАЙЛО Владимир Константинович

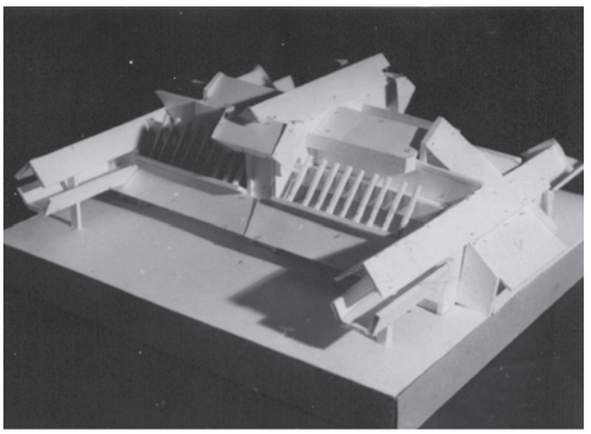
Родился в 1939 году в Иркутске. Окончил архитектурный факультет Новосибирского инженерно-строительного института в 1968 году. Прошел курсы повышения квалификации Московского Архитектурного института. С 1968 года работал в институте «Иркутскгражданпроект» руководителем группы, главным архитектором проектов, руководителем сектора. С 1980 по 1992 год – главный архитектор института «Востсибжелдорпроект». Специалист в области градостроительного проектирования и объектов транспортного назначения. С 1992 года – доцент кафедры архитектурного проектирования архитектурного факультета Иркутского Государственного Технического Университета. Член Союза архитекторов с 1982 года. Эксперт Байкальского Зимнего Градостроительного Университета. Лауреат архитектурного фестиваля «Зодчество Восточной Сибири» (2009 г.). Имеет награды: медаль Союза архитекторов России «За преданность содружеству зодчих» (2005 г.), Почетный диплом Союза архитекторов России (2008 г.), звание «Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (2008 г.).



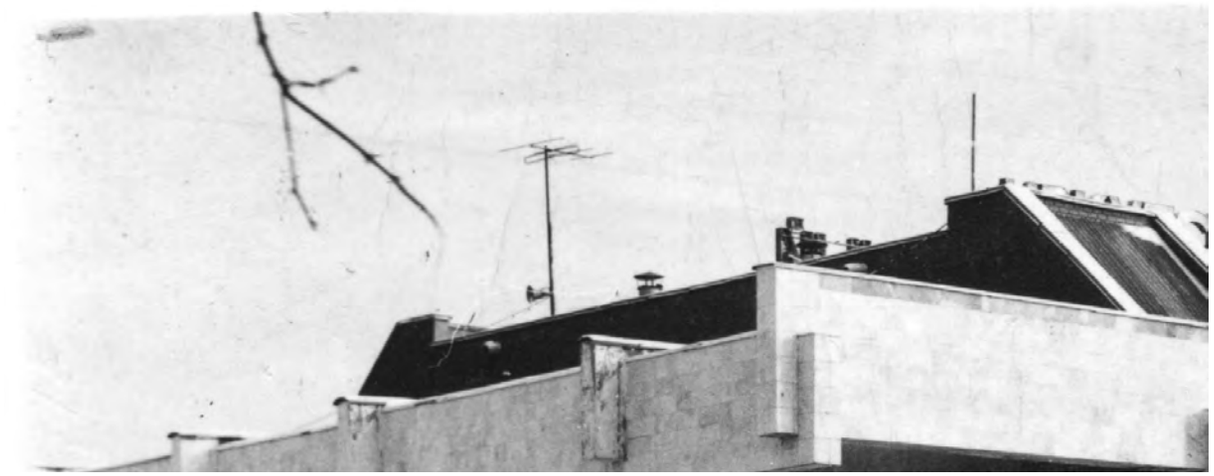
> Проект спорткомплекса Иркутского государственного университета.
проектирование
1965 г.
автор В. Нечитайло



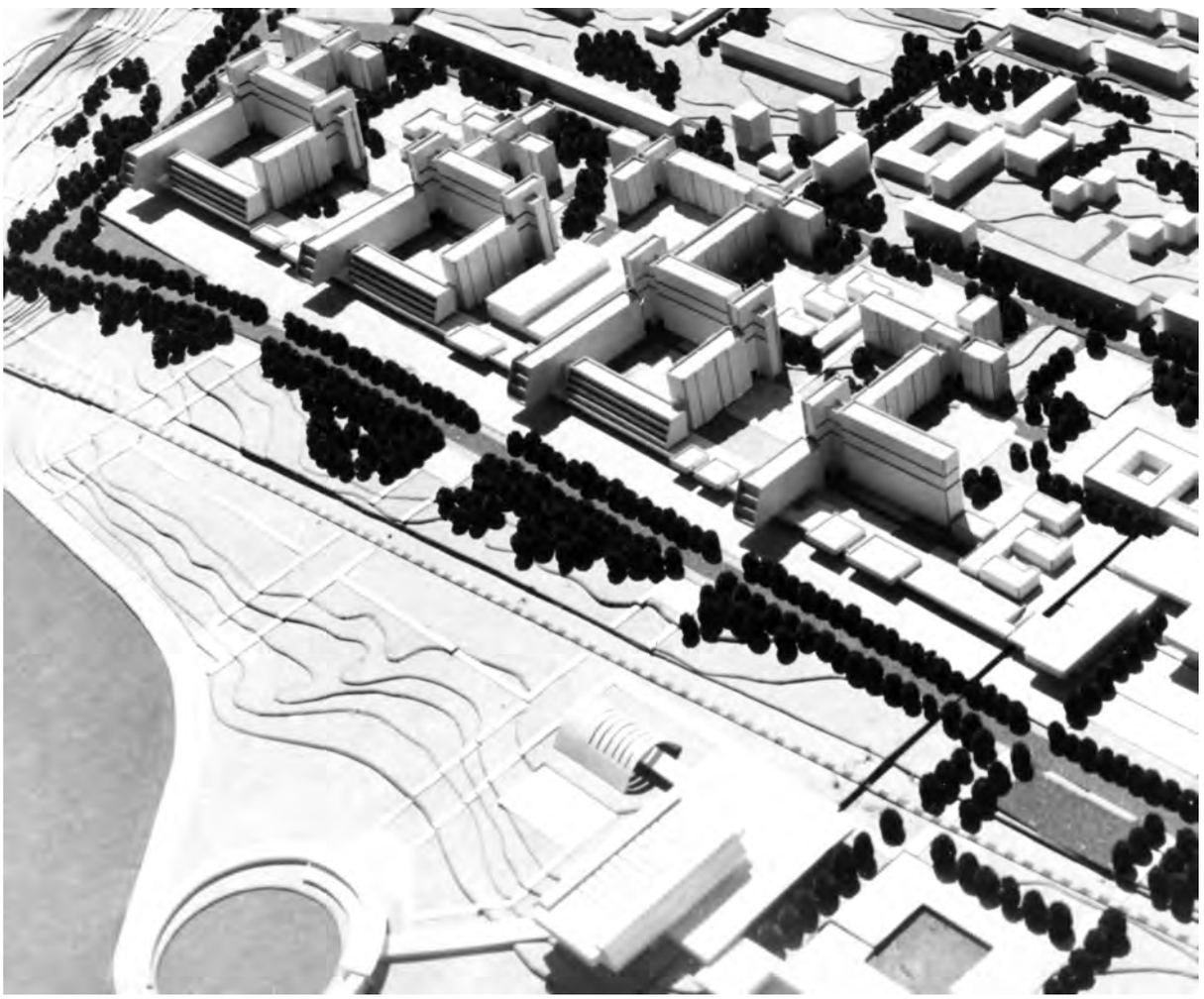
> Генплан Иркутского государственного университета, вариант.
проектирование 70-е гг.
автор С. Нечволодов, В. Нечитайло



v Проект железнодорожного вокзала в Улан-Удэ.
1970-е гг.
автор В. Нечитайло



< Пригородный вокзал на 400 пассажиров на станции Иркутск-Сортировочный
1964–1968 гг.
автор В. Нечитайло
адрес Иркутск, Вокзальная, 9а



> Проект застройки прибрежной зоны Академгородка в Иркутске.
генпроектировщик Иркутскгражданпроект,
1960–1962 гг.
авторы В. Суханов, В. Нечитайло

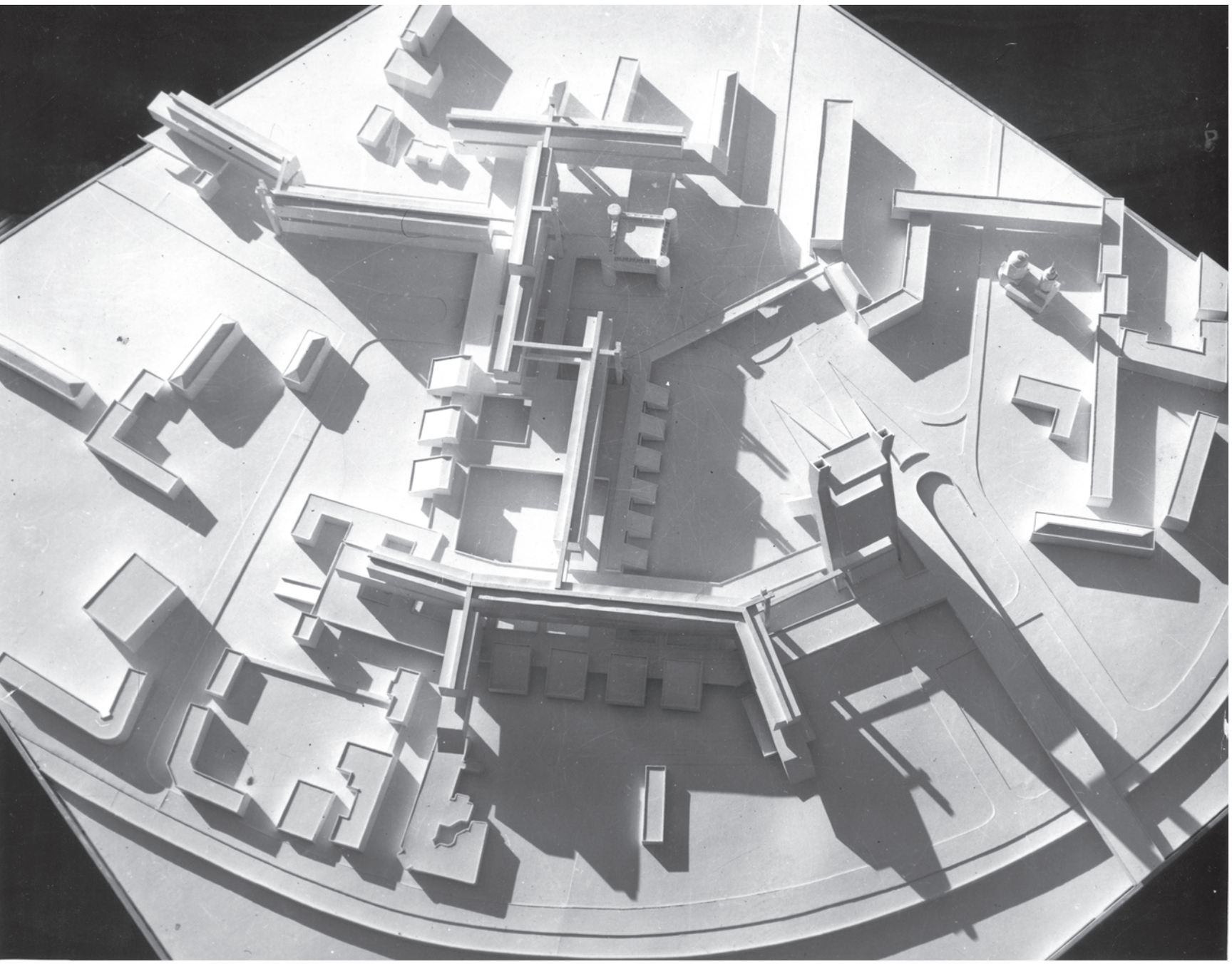
< Комплекс профилактория в Нижнеудинске.
1976–1977 гг.
автор В. Нечитайло

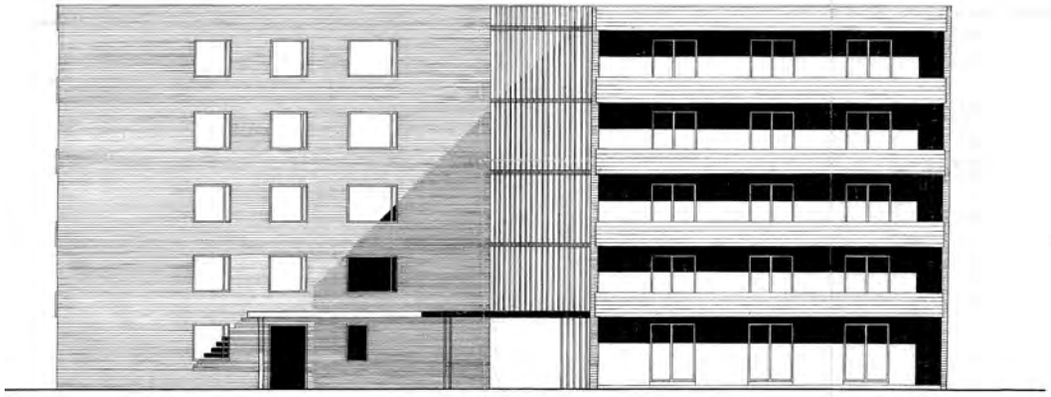
ПАВЛОВ Владимир Азариевич (1938–2010)

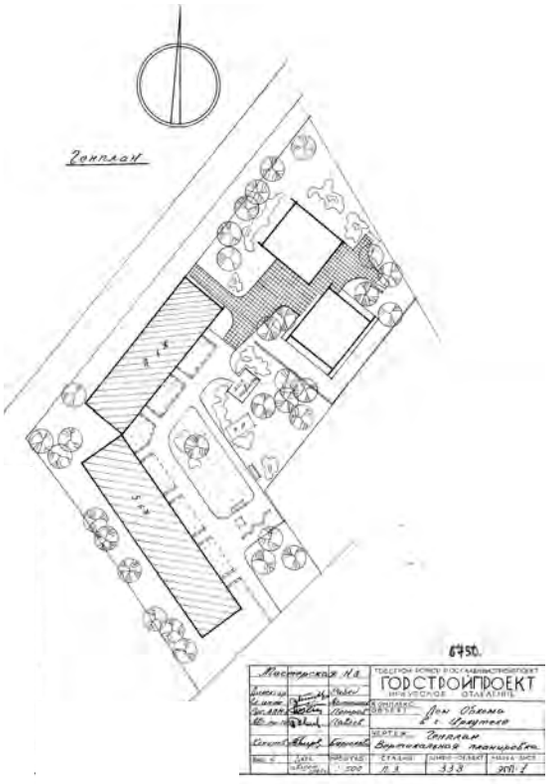
Родился в Москве 30 марта 1938 года. В Иркутск приехал в 1963 году по окончании Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина в Ленинграде (Санкт-Петербурге). С 1963 по 1986 работал в проектном институте «Иркутскгражданпроект». В 1973 году основал совместно с коллегами специальность «Архитектура» в Иркутском политехническом институте. С 1979 по 1986 год – председатель правления Иркутской организации Союза архитекторов СССР. В 1982 году специальным решением Международного Союза архитекторов на Всемирной триеннале включен в число пятидесяти выдающихся архитекторов мира. С 1986 по 1988 год жил и работал в Херсоне, Украина. В 1988 году вернулся в Ленинград (Санкт-Петербург). 19 марта 2010 года умер в Санкт-Петербурге.
С 1998 года – член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук.

Подробнее см. ПБ5 Утопия стр II-VIII, ПБ26 Владимир Павлов,
книга «Владимир Павлов» (редакторы-составители В. Бух, Е. Григорьева) Екатеринбург,
TATLIN, 2013. – 128 с.

v Предмостная площадь,
экскизный проект
автор В. Павлов







Жилые дома Иргиредмета и
ОК КПСС по ул. Горького
генпроектировщик
Горстройпроект, 1964 г.
автор В. Павлов

ПОТАПОВА Тамара Георгиевна

Родилась в 1939 году. В 1967 году окончила Новосибирский инженерно-строительный институт по специальности «Архитектура». Прошла обучение на курсах повышения квалификации в Иркутском Государственном Техническом Университете в 2005 году. С 1967 по 1987 год работала архитектором, затем главным архитектором проектов в проектном институте «Иркутскгражданпроект». В период с 1987 по 2000 год работала в проектных организациях Иркутска: «Сибгипростром», «Вузовский», «Иркутскгражданстрой», «Иркутский Промстройпроект», «Инджилстрой». С 2000 по 2010 год работала в архитектурном бюро «Зодчий» в должности главного архитектора проектов. Выполнила более 70 проектов, многие из которых реализованы. Член Союза архитекторов с 1982 года.

Основные объекты:
Центр по начислению и выплате пенсий и пособий; Производственно-административное здание агентства «Союзпечать»; здание госбанка в г. Усолье-Сибирское; центральная районная больница в п. Еланцы Ольхонского района; пристрой блока «А» областного перинатального центра областной клинической больницы Иркутска; дом культуры со зрительным залом на 500 мест и спортцентр в с. Хомутово Иркутской области;

> Производственно-административное здание агентства «Союзпечать», 1975-1982 гг.
автор Т. Потапова
адрес Иркутск, ул. Литвинова, 3

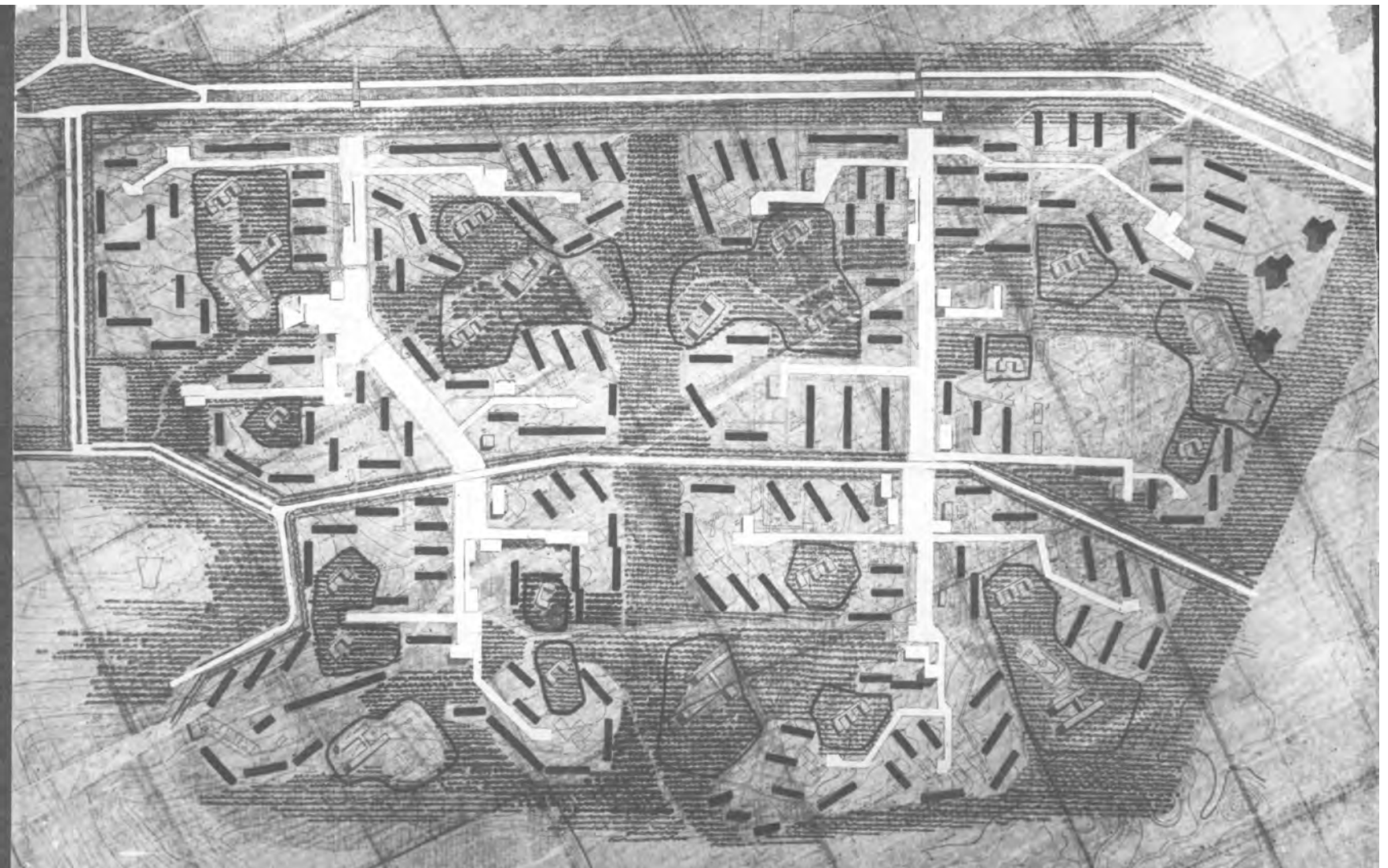
> Центр по начислению пенсий и пособий
автор Т. Потапова
Б. Кербель
1980 г.
адрес Иркутск, ул. Канадзавы, 2

ПХОР Евгений Борисович

Родился в Ленинграде в 1936 году. С 1939 года жил в Москве. Окончил факультет градостроительства МАрхИ в 1960 году. С 1960 по 1966 годы работал в Иркутске, затем в проектных институтах Москвы. Член Союза архитекторов. Лауреат конкурсов: Таганская площадь в Москве, 1967 г., 3-я премия; Центр Южной планировочной зоны Москвы, 1973 г. - 1-я премия, Концепция развития Москвы и области, 1986 г. – диплом; комплекс «Перекресток» в г. Челябинске, 2003 г., междунар. конкурс, – 1 место. Публикации в газетах «Моспроектовец», «Строительной газете», журнале «Архитектурный вестник.

Основные объекты иркутского периода:
: проект планировки Ленинского района Иркутска, 1961 – 1970 гг.; ПДП района Ново-Ленино, 1961 – 1970 гг.; ПДП района Старо-Ленино, 1962 – 1970 гг.; проект г. Слюдянки, 1966 г.; ТЭО развития и генплан г. Усолье-Сибирское, 1965 г.; парк на острове Юность, 1962 г.; сход к реке Ангаре улицы К. Маркса, 1962 г.

< v ПДП района Ново-Ленино



СУХАНОВ Виктор Ефимович (1935–1991)

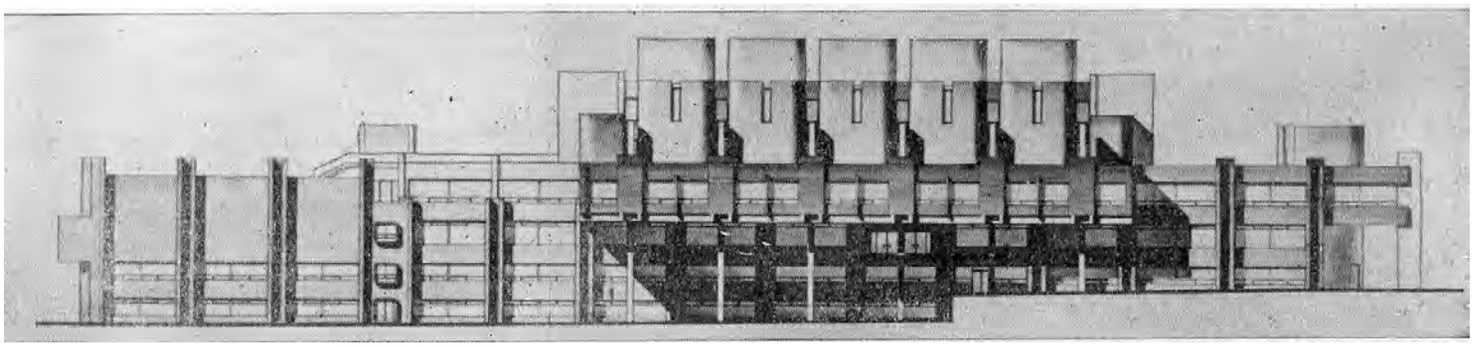
Родился на Алтае. Окончил архитектурный факультет Новосибирского инженерно-строительного Института (СибСтрин) в 1966 году. Работал в Иркутскгражданпроекте, в 1980 году перешел на преподавательскую работу. Внёс большой вклад в становление и развитие архитектурного факультета ИрГТУ, долгое время возглавляя кафедру Истории архитектуры и основ проектирования.

Основные объекты:
Пристрой зала к зданию суда по ул. Байкальской (бывшего Октябрьского райисполкома); Дворец гражданских обрядов (авторы – Б. Халдеев, В. Колпиков, В. Суханов), проект не реализован; ЦНТИ, интерьеры зального блока; библиотека на 2 млн. томов в составе Культурного центра Иркутска, проект не реализован; вычислительный центр Госбанка на пересечении улиц Российской и Степана Разина. Авторы-архитекторы: В. Суханов, В. Павлов, А. Папанян; встроенно-пристроенные магазин и кафе по ул. Байкальская, 165-б; областная больница в Юбилейном (1981 – 1988 гг.).

Вспоминает В.К. Нечитайло:
Виктор Ефимович производил впечатление очень дисциплинированного и серьёзного человека, сдержанного в чувствах и их внешних проявлениях, хотя и не чуждый шутке и улыбке. Его очень интересовали вопросы искусства, в том числе и музыки (был не прочь в дружеской компании исполнить романс, аккомпанируя себе на гитаре), явно тяготел к философскому анализу отдельных проблем, хотя и не отшатывался от технических увлечений – мотоциклом и автомобилем. В его характере сочетались и переплетались как рациональное так и романтическое начала, что, безусловно, отражалось в его проектной работе.

v Библиотека на 2 млн. томов в составе Культурного центра Иркутска
авторы В. Суханов, Б. Халдеев, В. Павлов

v Рациональные, сдержанные архитектурно-планировочные параметры проекта библиотеки контрастируют с теми подходами, которые потребовались для разработки интерьеров одного из наиболее сложных и интересных объектов для Иркутска – Дворца гражданских обрядов. Здесь потребовалась совершенно другая «пластика» мышления, необходимость применения не только архитектурных, но и художественно-дизайнерских подходов при разработке интерьеров этого необычного здания

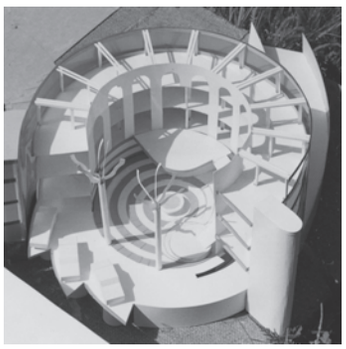


v Пристрой зала к зданию суда по ул. Байкальской (бывшего Октябрьского райисполкома)
авторы В. Суханов

v Здание ВЦ Госбанка на пересечении улиц Российской и Ст. Разина
авторы В. Суханов, В. Павлов, А. Папанян
1981–1988 гг.

ХАДЕЕВ Борис Алексеевич

Родился 26 мая 1939 года. Окончил Новосибирский инженерно-строительный институт по специальности «Архитектура» в 1962 году.
Прошел обучение в аспирантуре ЦНИИП промышленных зданий в Москве в 1972–1975 годах. В 1962 году начал работать архитектором в институте «Гипролестранс» в Иркутске. В 1965 –1968 годах работал в Иркутском политехническом институте в должности ассистента кафедры строительных конструкций. В 1969 году был приглашен на должность главного архитектора отдела в проектный институт «Иркутский Промстройпроект».
Специализировался на проектировании крупных объектов цветной и черной металлургии, целлюлозно-бумажной, химической, машиностроительной промышленности и энергетики. С 2000 года работает на кафедре архитектурного проектирования Иркутского Государственного Технического Университета в должности доцента. Теоретик художественного творчества. Автор научных и научно-методических работ, включая монографию «Архитектура объектов хранения и обслуживания автомобилей», теоретических и критических эссе по вопросам художественного творчества. Выполнил свыше100 архитектурных проектов, более 40 из которых реализованы. Опубликовал несколько литературных произведений. Занимается живописью, и как живописец в 2007 году провел персональную выставку в составе 42 работ в Иркутском Доме художника. Член Союза архитекторов с 1989 года.
Награжден Дипломами Союза архитекторов России за архитектуру промышленных зданий в Братске (1988 г.) и Шелехове (1994 г.).

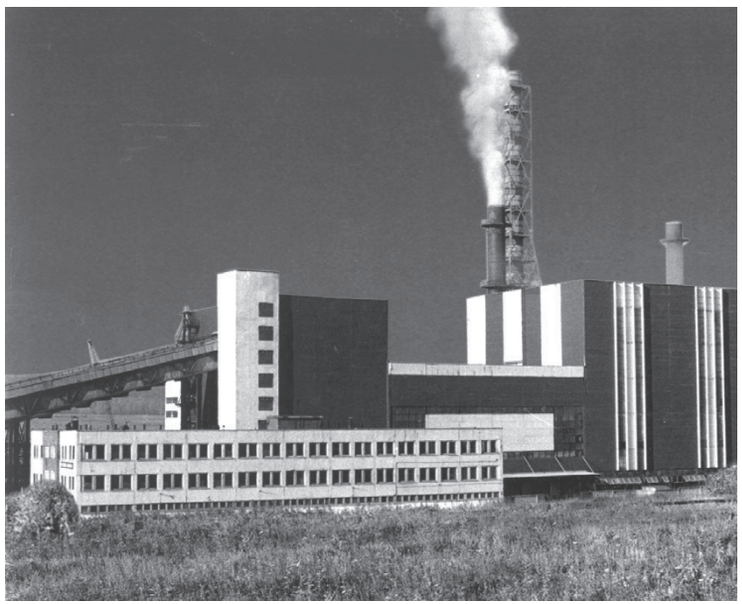


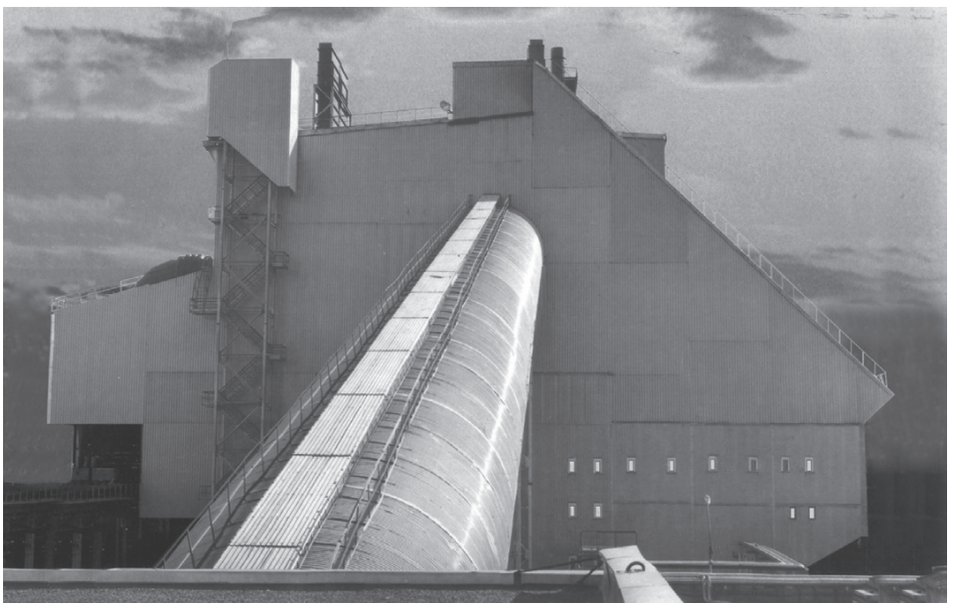
< База отдыха «Курма» на Байкале. Эскизный проект. 1999 г.
авторы Б. Хадеев, М. Лапшин

< Интерьер вестибюля здания заводоуправления Иркутского авиационного завода. 1999 г.
автор Б. Хадеев

v ИркАЗ. Цех кристаллического кремния. Печи 1–4. 1972 г.
автор Б. Хадеев

v БрАЗ. Электротермический цех. Вид на торец главного корпуса. 1983 г.
авторы Б. Хадеев, Б. Куликов





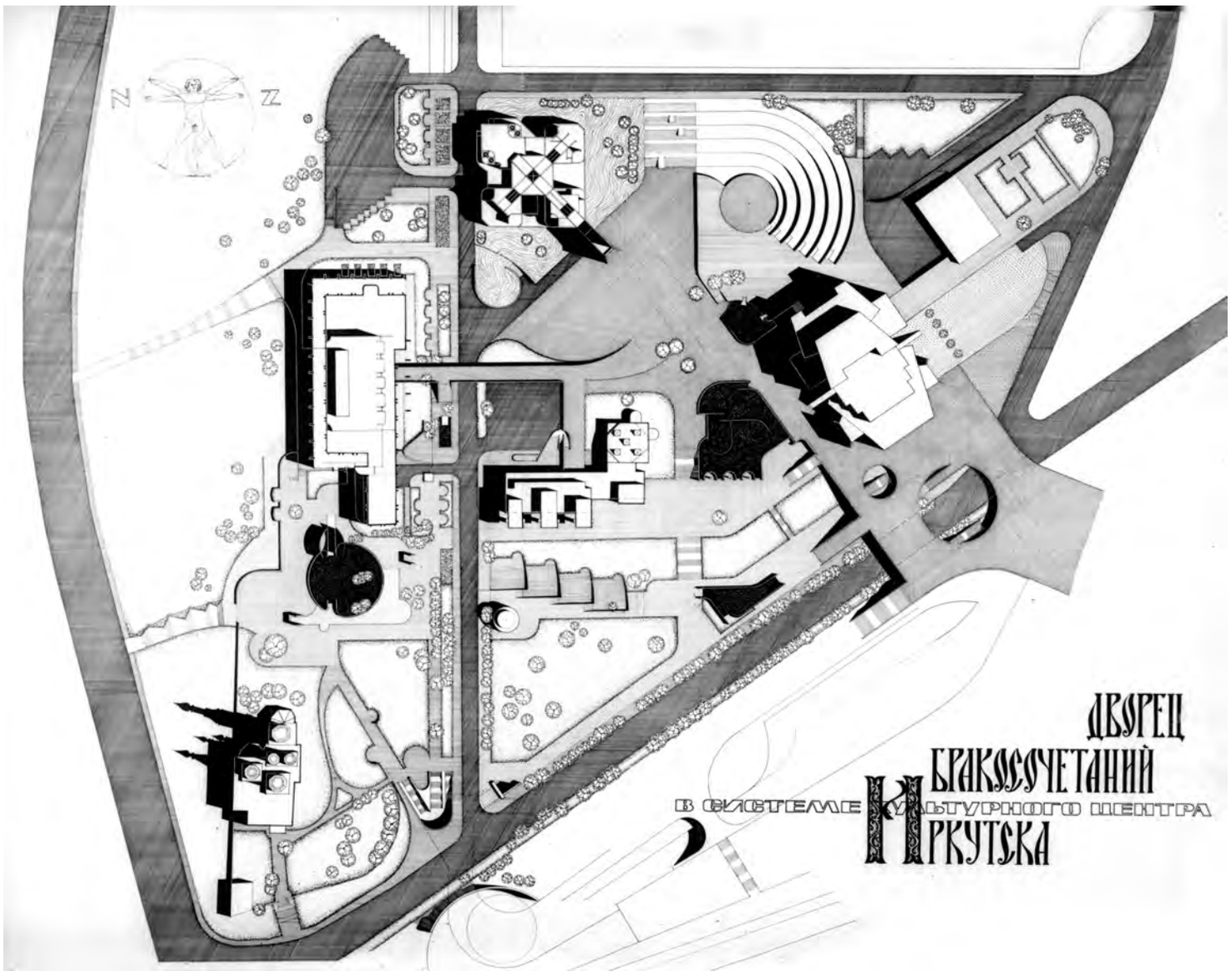
ХАЛДЕЕВ Борис

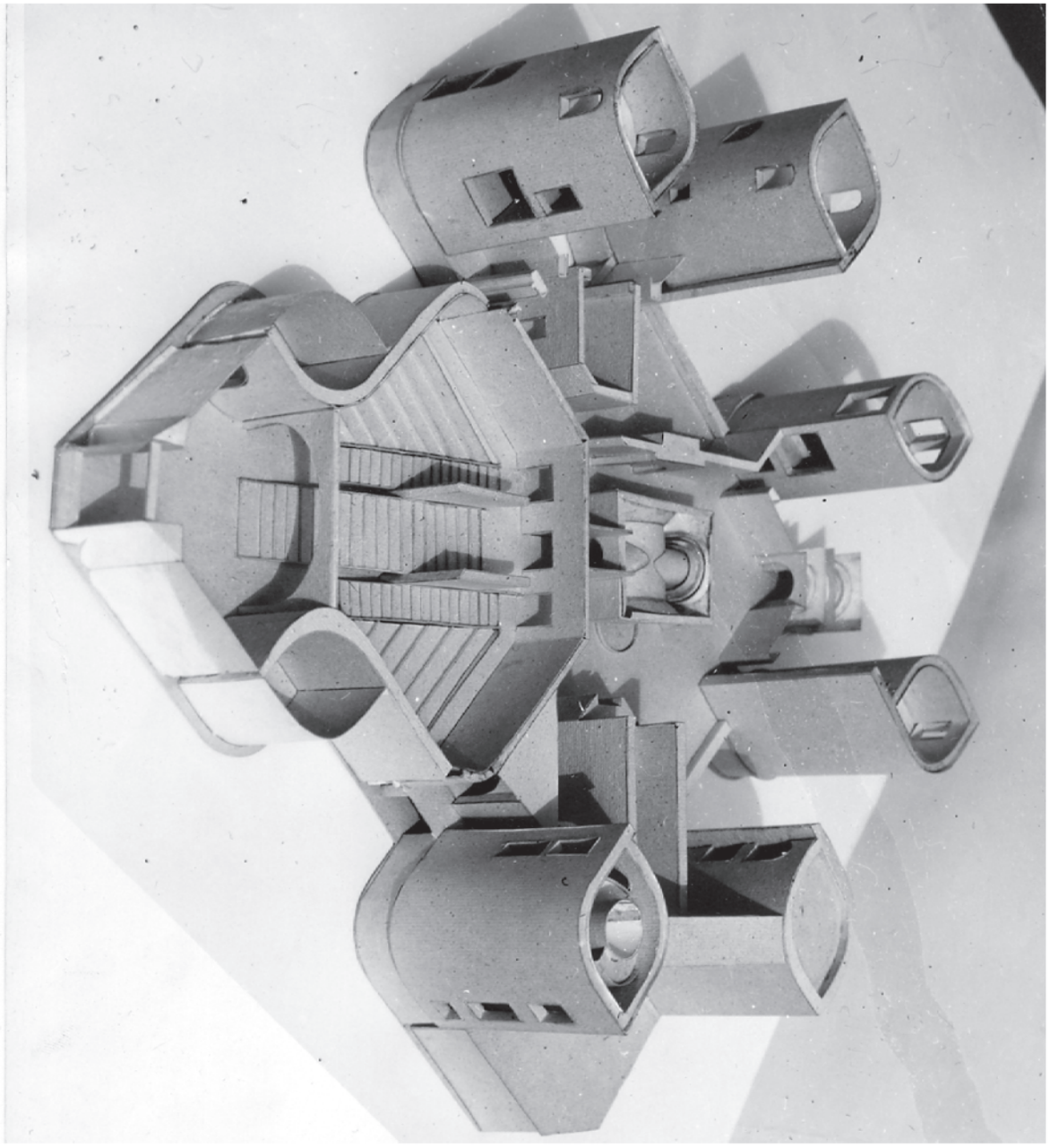
Архитектор Борис Халдеев проработал в Иркутске сравнительно недолго, с 1967 по 1973 гг., но он входит в ту «обойму» молодых архитекторов, которые приехали в Иркутск в эпоху хрущевской оттепели и создали тот «иркутский ренессанс», о котором очень скоро заговорили в архитектурных кругах страны. В 1973 г. уехал в Кишенев.

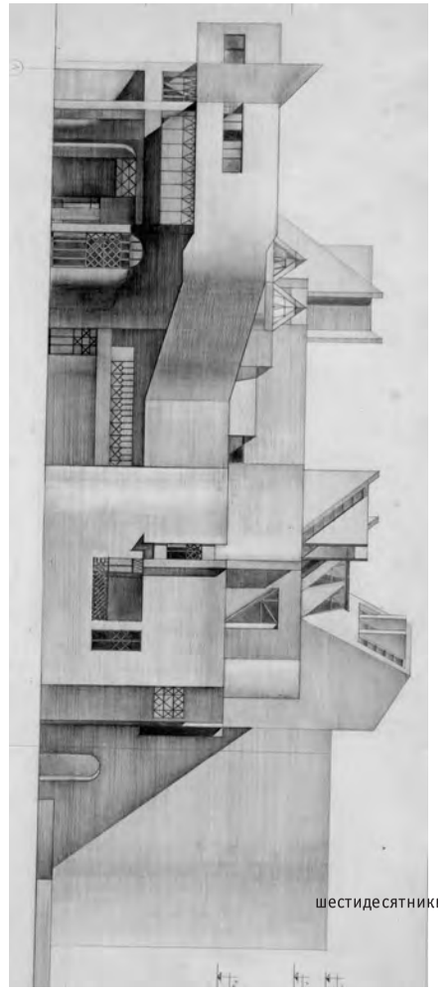
Основные объекты:
Дворец гражданских обрядов (проект не реализован); центр научно-технической информации в составе Культурного центра.

Вспоминает В.К. Нечитайло:
На мой взгляд, Халдеев оставил свой собственный профессиональный след в Иркутске. К великому сожалению, самый крупный его проект – не реализован. Для архитекторов-практиков это дело обычное, определённая часть работ складывается в стол и там остается.
В проекте Дворца гражданских обрядов присутствует что-то неуловимо романтическое, даже загадочное, хотя в основе лежит чёткий и рациональный замысел. Исключительная пластичность форм служит не целью получения внешнего или внутреннего (интерьерного) эффекта, а является способом организации процессов, которые протекают в этих объёмах и вокруг них. Сложность внешнего и особенно внутреннего пространства как бы активизирует, эмоционально пробуждает и посетителя, и человека, проходящего мимо здания.

v Дворец гражданских обрядов
генпроектировщик Иркутскгражданпроект
1973 г.
заказчик Горисполком
автор Б. Халдеев,
В. Колпиков, В. Суханов (интерьеры)





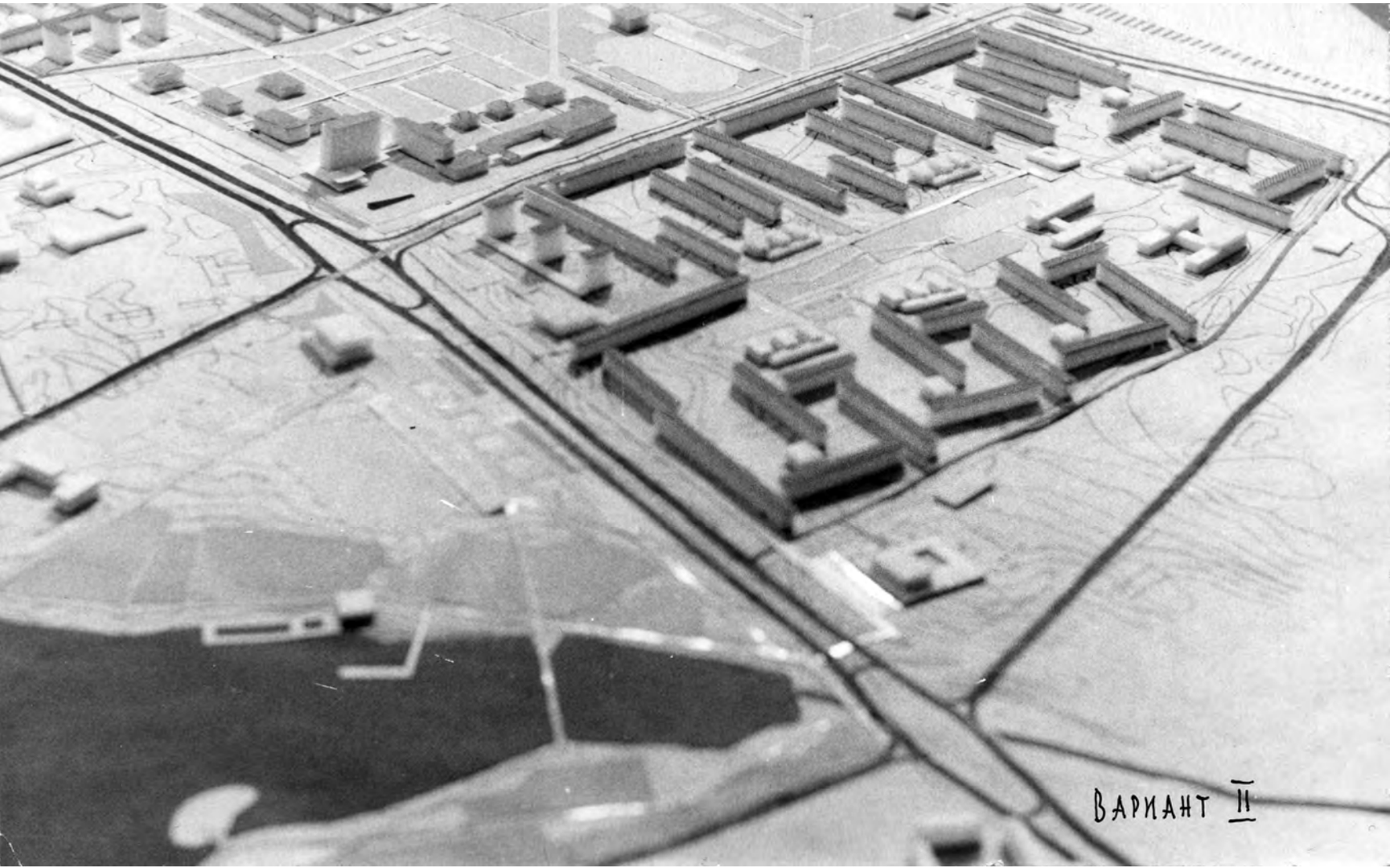


ЧЕМЕРИС Виктор Александрович

Приехал в Иркутск в 1960 году после окончания МАрхИ в составе группы московских выпускников. В настоящее время живет в Москве.

> Варна. Центр.
Конкурсный проект
генпроектировщик
Иркутскгражданпроект
1966 г.
авторы В.Немишев
В. Колпиков
В. Воронежский
при участии
В. Чемериса
С. Нечволодова
В. Шилова
Л. Антипина

v г. Усолье-Сибирское.
Привокзальный жилой
район, микрорайон №1
генпроектировщик
Иркутскгражданпроект,
1965 г.
автор В. Чемерис



ШИЛОВ Владимир Сергеевич

Приехал в Иркутск в 1961 году после окончания МАРХИ. Уехал в Волгоград.

Основные проекты и постройки:
детская школа искусств по ул. Халтурина; конкурсный проект общественного центра г. Варны (Болгария); дом моды по ул. Урицкого; ВНИИФТРИ; областная больница на бульваре Гагарина (ступеньками); здание ДОСААФ по ул. Поленова; областная 1000-коечная больница в микрорайоне Юбилейный.

< Областная детская клиническая больница
автор В. Шилов
адрес Иркутск,
бул. Гагарина, 4

< Иркутская объединенная техническая школа ДОСААФ
автор В. Шилов
адрес Иркутск,
ул. Поленова, 18

< Иркутская областная детская школа искусств
автор В. Шилов
адрес Иркутск,
ул. Желябова, 9

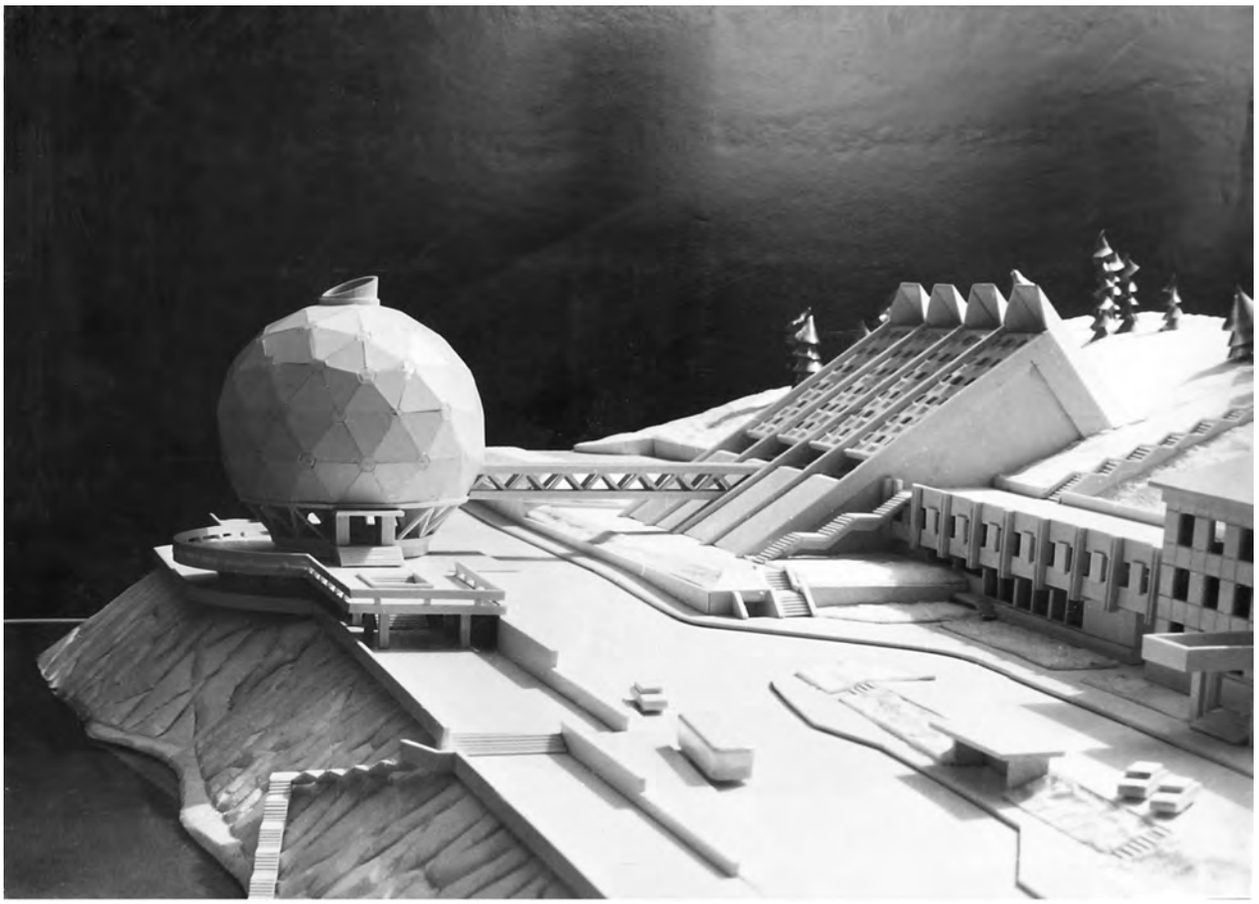
ШМАТКОВ Виктор Петрович (1930–1997)

Родился 30 ноября 1930 года в Смоленской области. Приехал в Сибирь после окончания с отличием Московского архитектурного института в 1954 году. Три года работал в аппарате главного архитектора города, затем четыре года в проектном институте «Востсибгипрошахт». С 1961 года – главный архитектор города Иркутска. С 1971 по 1989 год – главный архитектор Иркутской области. После 1990 года – руководитель персональной мастерской. Член Правления Союза Архитекторов СССР, делегат V и VIII съездов СА СССР. Многие годы являлся председателем Государственной аттестационной комиссии по специальности «Архитектура» в Иркутском политехническом институте. Заслуженный архитектор России.
Подробнее см. ПБ8, стр. VI-X, Андрей Ляпин, «Архитектор Виктор Петрович Шматков»

Основные объекты:
ПДП и проект застройки жилого района текстильных комбинатов в Чите, 1958 – 1959гг.; генеральный план Иркутского Академгородка, 1960 –1961 гг.; Дворец спорта (крытый спортивный зал на 2 тысячи зрителей) в городе Иркутске, 1961 г.; реконструкция обелиска на месте памятника Императору Александру III, после чего главная улица Иркутска получила смысловое и архитектурное завершение, которого не хватало многие годы; пригородный павильон и тоннель на станции Иркутск-Пассажирский; здание Районного Комитета партии и Районной Администрации Кировского района в Иркутске, 1972 г.; экспериментальный корпус Лимнологического института в Листвянке на Байкале, 1975 –1976 гг., проект не реализован; проект памятника декабристам в Иркутске, конкурс 1987г.; гостиница на Привокзальной площади, 1990-е гг.

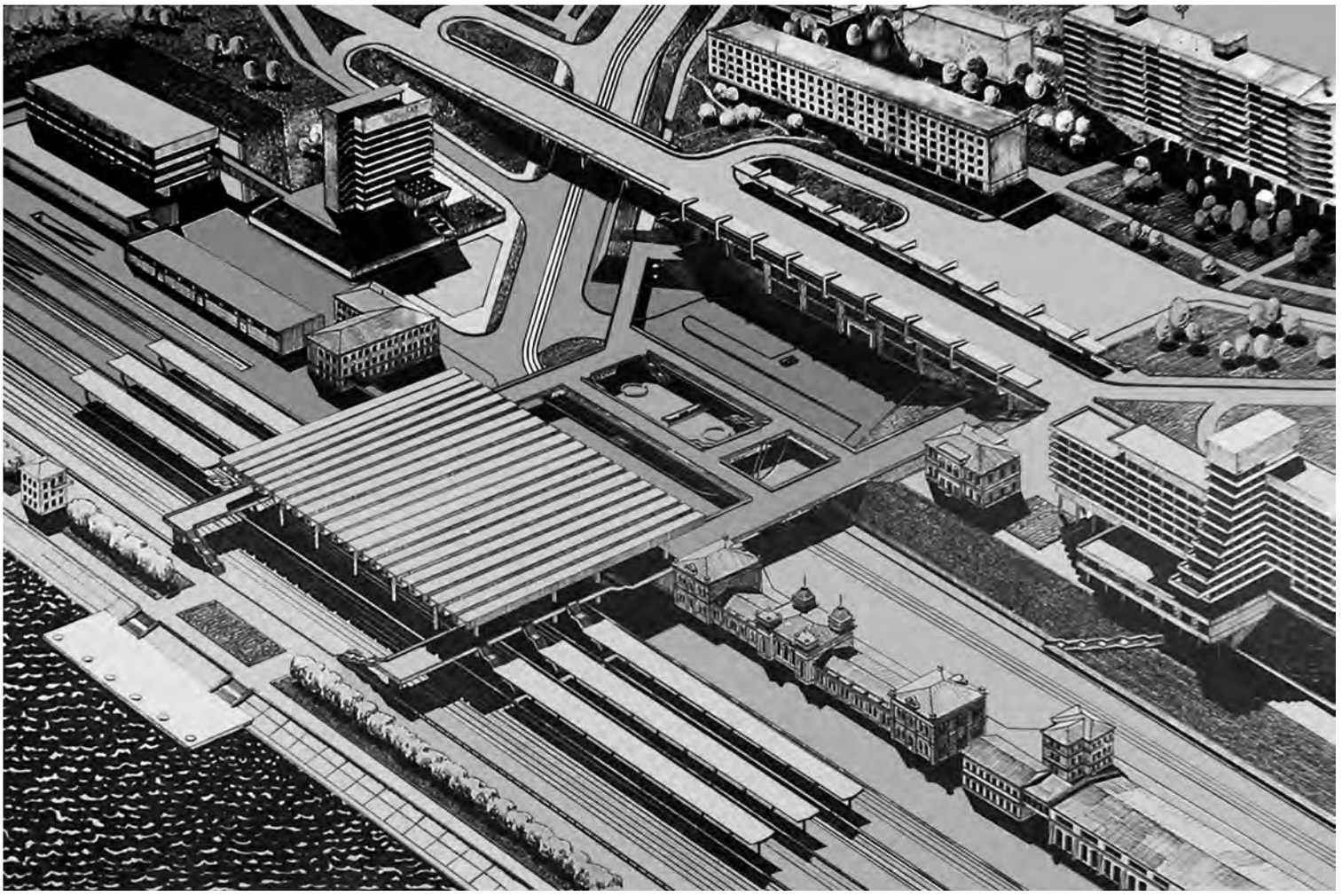
Крупный, единый трапециевидный объём Дворца Спорта радикально изменил пространственную ситуацию в этой части улицы Ленина. Дворец Спорта превратил весь комплекс стадиона в законченный, самостоятельный функциональный объект, задав новое поперечное направление улице Ленина. Однако архитектору удалось избежать антагонистического конфликта со средой благодаря тому, что объём нового спортивного объекта далеко отступает от красной линии улицы, а в пространстве между ними формируется новая площадь. Решение главного фасада Иркутского Дворца Спорта создает тот же парадный, праздничный настрой , что и решения главного фасада и площади перед ним кинотеатра «Россия» в Москве, спроектированные в 1961-м году, или советского павильона на выставке в Брюсселе 1958 года архитекторов Абрамова и Полянского. Инженеры стремились реализовать самые новаторские решения. Для перекрытия зала была принята пространственная металлическая структура большого пролета (42 х 42 м.), что позволило добиться необходимого размера внутреннего пространства. Проектировщики стремились к современным техническим решениям. Решение по перекрытию зала стало пионерным. По предложению иркутского конструктора Ермакова было использовано технологическое достижение того времени – сварной стержневой узел пространственной решетки. Преодолев множество дискуссий о возможности применения, это технологическое достижение иркутских инженеров было использовано при строительстве Дворца Спорта, став первым опытом применения новой технологии в Советском Союзе. В последующие годы это решение многократно применялось по всей стране.
Новый Дворец Спорта стал самым современным спортивным сооружением в Иркутске. Здание вызывало законную гордость жителей и стало материальной базой для нового этапа развития спорта в нашем городе.

v Дворец Спорта на 2 тыс. мест, 1961-1975 г. автор В. Шматков

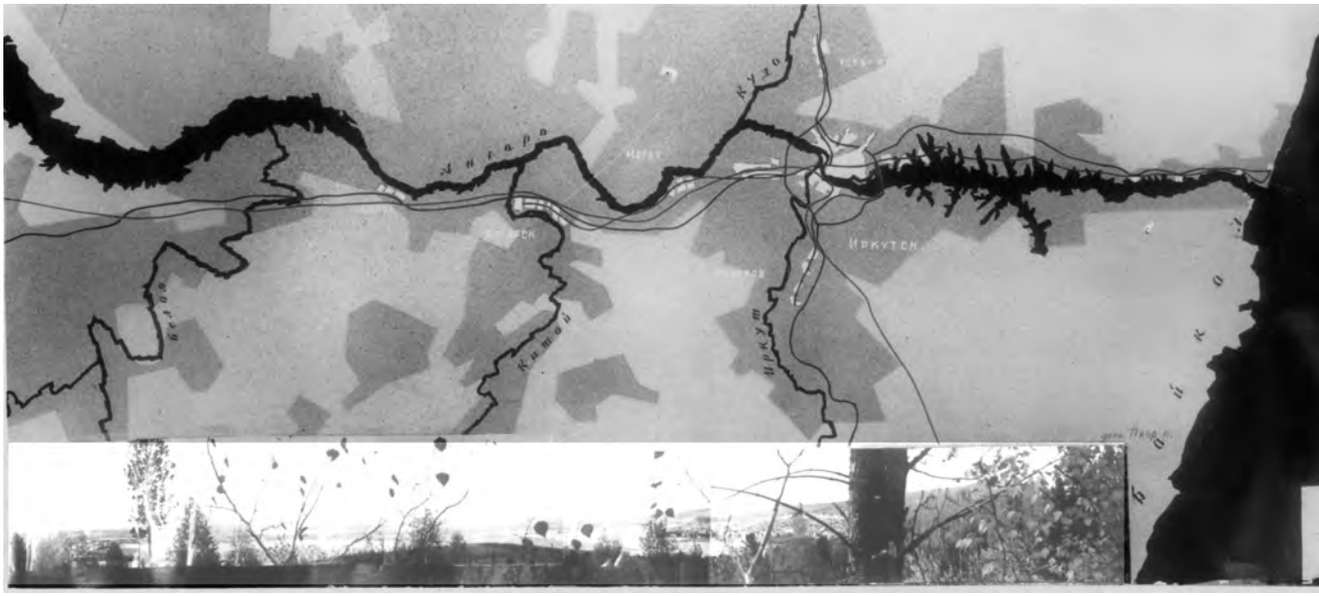


< Лимнологический институт на оз. Байкал, 1976 г. Проект автор В. Шматков

v Проектное предложение по реконструкции железнодорожного вокзала и привокзальной площади в г. Иркутске, 1976 г. автор В. Шматков



> Из моего дипломного проекта



Наш Иркутск, предыстория

текст
Евгений Пхор

Как хорошо быть молодым! Как хорошо вникать в профессию, которую ты рискнул выбрать, и убеждаться, что она шире и вкуснее, чем казалось, и как раз точно для тебя! Как хорошо, когда страна твоя, которая долго болела, выздоравливает и молодеет, и теперь вместе с тобой!

Человек – существо разумное. Наверно, поэтому ему так важен моральный комфорт. Как хорошо, когда чувствуешь, что не зря коптишь небо, что работа твоя нужна людям, и полезнее, эффективнее и придумать было невозможно! Ощущение своей полезности и правоты кружит голову как чувство счастья, и его не хочется отпускать. Это же мы, «шестидесятники»! Типы, которым всегда надо больше свободы, справедливости, народовластия.

1 октября 1960 года во вновь создаваемом Иркутском отделении института «Горстройпроект» приступили к работе пятеро молодых архитекторов, выпускников МАрхИ (из восьми; остальные участники акции присоединились в течение ближайших полутора месяцев).

Теперь, через 53 года, понимаю, что у нас, восьми, которые приехали группой, по собственному горячему желанию связать свою судьбу с этим местом на много лет, может быть, до конца жизни, это серьезное решение зрело постепенно и инициировалось разносторонними причинами. У кого больший вес имела принципиальная социальная составляющая, у кого-то профессиональная, у кого – бытовая. Но тогда я ясно чувствовал, что мы едины. Поэтому пишу – МЫ! И уверен, среди нас не было ни одной «редиски», и, если надо, каждый становился патриотом. Иркутск был наш, общий! Мы толкались, влияли друг на друга, помогали, если нужно, и вместе шли вперед. Так мы творили город, так оставили в нем свой отрезочек в цепочке лет и кусочки души в застройке улиц..

Как это началось?

«2 курс, 5 группа».

Так получилось, что у нас в группе в институте оказалось много серьезных личностей. Это и дети крупных архитекторов того времени, и просто молодцы. С нами (пятью будущими иркутянами Чемерисом, Воронежским, Аптекман, Резвяковой, Пхором) оказались: Алексей Гутнов, Александр (в будущем Петрович) Кудрявцев, Андрей Бабуров, Владимир Магидин, Андрей Звездин, Наталья Гладкова, Вилен Постнов. Какое это имеет отношение к Иркутску? Думаю, имеет. Не будь наши студенческие дискуссии столь серьезны, решение ехать было бы не так капитально. А дискуссий хватало.

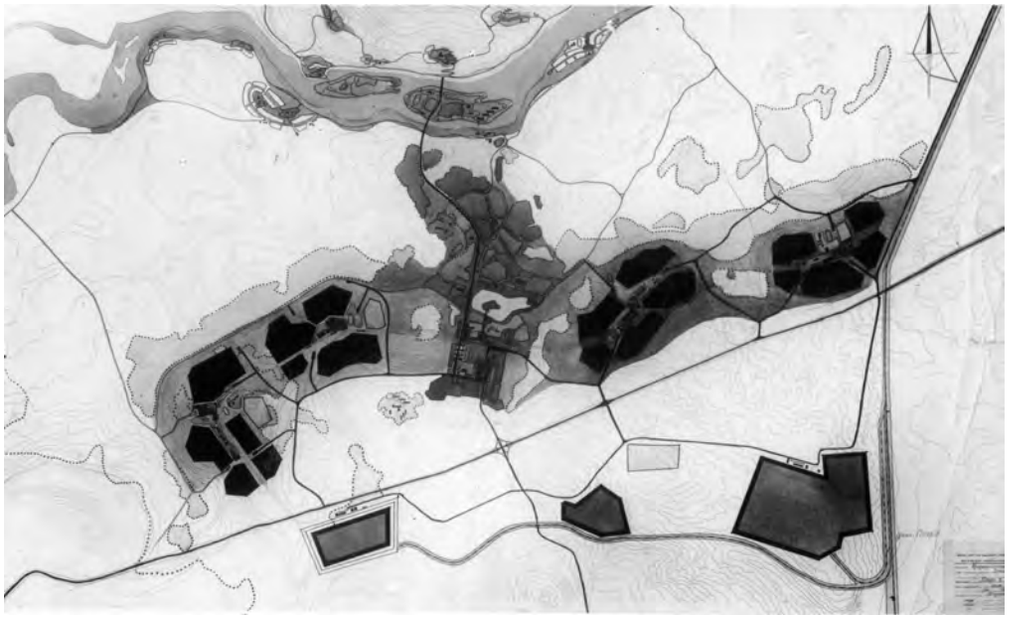
Постановление «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» в ноябре 1955 года всколыхнуло архитектурный мир. Как принимать новую линию? Как беду или как благо? Устроили вечер-дискуссию в Красном Зале. Мы (Воронежский, Чемерис, Пхор, Таня Анисимова) подготовили патетический фотофильм, в котором картины трудной и антисанитарной жизни в коммуналках противопоставлялись громоздким формам декоративных излишеств. То есть мы сразу были «за».

Позже Лёша Гутнов организовал на дому кружок по углубленному пониманию нового в профессии. Из кружка потом получился «НЭР». Мы со Славой Воронежским тоже первоначально туда входили. Но пути разошлись. «Их» больше интересовали аспекты эстетические, теоретические. А мы жаждали такой нужной тогда стране новой практики!

«Сибирь вблизи».

Сибирь, конечно, была простором для практики. Вся страна строила там гидростанции, новые заводы. Мы перебирали: Красноярск, Новосибирск, Томск, Иркутск... Последний по природе и культурной традиции оказывался самым заманчивым.

Параллельно учились энергично, вгрызались в загадки городов: старое и новое, динамика развития и совершенство формы, требующее конкретной однозначности. В мире уже закончился период послевоенного восстановления с массовым строительством и новыми городами, а мы еще только разворачивались. Учет динамики развития стал модной темой. Про это



< Дипломный проект – генплан Шелехова

архитектор Доксиадис выпускал специальный интернациональный журнал «Экистика». Существует принципиальная градостроительная дилемма: композиционно пространственный ансамбль должен быть решен однозначно пропорционально и соразмерно. Но как этого достичь, если он живой? Должен расти и изменяться. У меня возник профессиональный «закидон» – я изобрел, как надо, и назвал это способом «сила руки – шагающие города». Чтобы было удобно и красиво, каждый жилой массив или район должен компоноваться совершенно законченно, как целостная композиция, возможно из типовых элементов, обязательно по общему размеру – соответственно реально имеющемуся строительному ресурсу. Как размер кирпича соответствует силе человеческой руки. А между собой «кирпичи» визуально композиционно связывать не нужно, утилитарно по-современному их может объединять только скоростной транспорт. Получается «антигород», «шагающий город». Это должно избавить от беды неоконченых прерванных композиций, о которые часто спотыкаешься, например, в Москве (недостроенные дома №19 Парусникова и Гольца на Тверской, громадный пол-ансамбль Синявского на Таганке). Обсуждали это в СНО. Прорабатывал эту тему потом в дипломном проекте, даже продолжаю экспериментировать до сих пор. А тогда очень интересно было проверить, как обстоит дело с целостностью в наших новых, бурно строящихся городах?

И вот, случай помог организовать научную студенческую экспедицию по Ангарску – Иркутску – Шелехову – Братску. Нас было четырнадцать человек – 4 девушки и 10 парней. Два месяца работали на стройке в Тайшете, потом нас бесплатно повезли по нашему маршруту. Дорога Тайшет – Лена еще была в стадии строительства, ехать можно было хоть на крыше вагона. Организовано все было по советски: рекомендательные письма к главным архитекторам городов давали нам и кров над головой, и доступ к нужным материалам. Тогда, передавая ему письмо как главному архитектору области, я впервые познакомился с Борисом Михайловичем Кербелем. Письмо было от личного друга – нашего «кафедрала» Николая Харлампиевича Полякова. Приняли нас очень хорошо.

Природа нас очаровывала, а вот градостроительство огорчало. Вот она какая, пока еще малоэтажная, полудеревянная, проектно недоорганизованная растущая индустриальная Сибирь! Оказалось, что взрослых профессионалов, дядь и теть, в отличии от нас, проблема композиционной целостности или не интересует, или у них нет никаких возможностей ее решать. Только в Ангарске имелся законченный ансамбль центра. Ленинградскими архитекторами был тщательно проработан и качественно осуществлен в натуре комплекс, включающий и въезд с пропилеями и главную площадь Ленина. На углу площади – башня со шпилем и городскими часами. Главные здания с портиками и ризалитами. Но трех-четырехэтажный масштаб застройки уже явно отставал от истинных размеров растущего индустриального города. Вокруг этого импозантного минигорода оказались разбросанными разношерстные, композиционно брошенные поселки.

В Иркутске новая застройка не велась комплексно. Ни у Шелехова, ни у Братска внятных генпланов не было. «Городской» характер этих молодых супергородов пока не ощущался. По мере понимания ситуации то и дело возникало, поднималось желание скорее вмешаться! Сделать лучше, красивее. Чтоб дома и люди не были такими чумазыми, чтоб дети ощущали искусство целостного города на его улицах, да и просто чтобы все выглядели и питались получше. Ведь за плечами – громадная мощь страны!

Каким сделать итоговый доклад об экспедиции? Огорчила обнаруженная безалаберность, неорганизованность градостроительной практики, никакого учета «силы руки»! Но не пристало желторотым юнцам учить взрослых, да и действительно, рецептов конкретных у нас пока ведь и не было. По итогам экспедиции, кроме зачитывания констатирующих скромных текстов, сделали выставку «Сибирь вблизи». Живопись и фотографии, и на красном бархате застекленных витрин кедровые шишки, багульник, образцы породы из котлована Братской ГЭС, широкополая форменная рабочая

> Экспедиция, первая фаза, работа. Апарин, Пхор, Воронежский, Чемерис, Серебрянский, Лежава.

шляпа с накомарником, меню рабочей столовой. Романтика!

Проектную практику, преддипломы и дипломы работали по темам Иркутска и Шелехова. Перед распределением в наш институт приезжал ответственный работник области (Журавлев, по-моему) и приглашал. Мечта приобретала реальность. Из 14 участников нашей экспедиции шестеро изъявили желание ехать в Иркутск на постоянную работу. (Не успел похвастаться – я был инициатором, одним из центральных организаторов, и даже значился начальником этой нашей студенческой экспедиции).

«Вот мы и дома!»

Осень – замечательное время года в Иркутске. А тут еще всё аккуратно помыли, отремонтировали и покрасили. Потому что город ждал президента США Эйзенхауэра «с ответным визитом». Но над Уралом сбили коварного шпиона Пауэрса на его разведывательном самолете.Отношения с США разладились, и вместо президента в отглаженный Иркутск приехали мы.

Новую проектную организацию разместили в главном здании города – Горсовете на главной площади имени Кирова, в главном зале – актовом. Проход к кабинетам слева отгородили барьером, подиум сцены не разбирали, и все плотно заполнили рабочими столами. На приподнятом подиуме, бывшей сцене, стояли столы архитекторов. Повернешь голову – «сверху» всё видишь, кто чем занимается. Началась новая, совершенно не похожая на московскую, вожделенная практическая жизнь!

Основное из работ

Из вороха переживаний, вариантов, споров, выполненных и сорванных сроков, озарений и провалов, стараюсь выбрать существенное.

Первыми моими опусами оказались пристройка спортзала к школе на 2-й Железнодорожной улице и сквер у трамвайного круга на улице того же названия. Спортзал запроектировали максимально просто. А вот с рисунком сквера и цветочной клумбы в нем я усложнил. Возился долго. Возможных вариантов было бесконечное множество, помучился, пытаясь «ответить» характеру соседней застройки и ритмам, настроению проходящих мимо пешеходов. Многострадальным помощником-техником оказалась чудесная Леночка Измайлова. Наконец, сдали. А думать, оказывается, надо было и о другом! Получил выговор за отсутствие инженерной подготовки, вода смыла заготовленный грунт.

Первые проекты планировки

Генплан Нижнеудинска с архитектором Валей Мешковой и города Слюдянки с Ларисой Крупской. Объемы нового строительства мизерны. Упорядочение автомобильного движения и возможного развития обслуги в будущем. Просто выбор улочек для закрепления красными линиями.Но нужно, чтобы в целом получилось красиво, мучился и мучил. Интересно, в натуре, на земле, будет заметно, что рисунок улиц с птичьего полета гармоничен? Я уверен, будет!

Наконец, первая большая работа – проект планировки северо-западного, Ленинского района города Иркутска. Тут же следом – проекты детальных планировок «Старо-Ленино» и «Ново-Ленино». С Людой Гольцовой и Викториной Озеровой.

Тогда нормативным документом по градостроительству был только ПИН, тоненькая синяя книжечка. В ней ничего не было о «ступенях» обслуживания типа городской район – микрорайон – жилая группа. Когда стали делать одновременно разные стадии с учетом скорого начала строительства, пришлось самостоятельно подумать о «весе», о распределении общей ПИНовской нормы объектов обслуживания по этим «ступеням». Прикинули, обсудили, поспорили, приняли. Нормативно подобное было закреплено только спустя 6 лет.

Тем временем «в бригаде» шли и другие серьезные работы.

Люда Гольцова. Здание Иркутского Педагогического института на Нижней набережной. Это – в основе при-

^ Экспедиция. Лера Аптекман (Воронежская), Чесаков, Лежава.

^ Экспедиция. Чемерис и Воронежский, Братск.

вязка типового проекта с переделкой на сейсмику. Здание быстро и энергично стали строить.

Школа на 960 учащихся на улице Мира в Старо-Ленино. Переделка типового проекта на сейсмику вылилась фактически в разработку индивидуального комплекса. Исключительные творческие и волевые качества Людмилы позволили ей выполнить эту титаническую работу в короткий срок, с оригинальным и высоким архитектурным качеством, обеспечив своевременный ввод школы к сентябрю 1963 года.

Викторина Озерова. Срочным, сложным и трудоемким было проектирование скругленного схода к Ангаре на самом ответственном месте, напротив улицы Карла Маркса (Большой). Делалось по эскизу главного архитектора города Виктора Петровича Шматкова. Кроме задач композиции и рисунка, приходилось ломать голову, чтобы выразить в чертежах сложные сочетания скругленных и наклонных плоскостей, да еще с учетом строгих требований ГОСТ на номенклатуру изделий из естественного камня. Чудом справилась.

Из интересных тем был еще парк на острове Юность, который постарались сделать «ландшафтным», с минимумом вмешательства в природу. Еще – «благоустройство повышенной эффективности» кварталов Усолья, попавших в зону вредности; их максимально заполнили зеленью. Еще – пешеходная зон на главной улице Старо-Ленино – Сибирских партизан. Новая тема по тем временам: композиции из малых форм, цветников и скамеек.

ПДП Ново-Ленино

Всегда хочется сделать проект максимально близко к принципиальному, «идеальному», без случайного и неопределенного. Тогда, в 1960-61 годах верилось, что у нас действительно будут строиться микрорайоны по ясным идеям свободной планировки, повенчанной с зеленью парковых массивов, с лаконичной схемой проездов. Такое и постарались сделать.Тем более на краю города, рядом с существующим лесом-тайгой.

Палитра жилья – скуднее не бывает, только пятиэтажки длиной три или четыре секции, серия 1-335. Ну и пусть! Композиция – чистые «веточки», с внутренними улочками, растущие из узелков с общественным транспортом, обслуживанием, связью с производством, и обращенные к природе, к зелени. Инженерные системы выполнены соответственно композиции, изнутри, «сцепками» по подвалам. Так что снаружи улицы не нужны.

После утверждения проекта последний факт вызвал вопросы у геодезической службы города. Как выносить в натуру красные линии и красные отметки, если снаружи улиц нет? Руководил геослужбой замечательный, культурнейший инженер по фамилии Людвиг (а его имя я запамятовал). Ради удобства жителей и победы современной архитектуры согласился отступить от инструкций, и «красное» вынесли в натуру по пешеходным дорожкам с нагорными канавками.

К нам приехала из Москвы профессиональная инспекция – В. С. Симбирцев и В. С. Колесников. Им понравилось. Потом – «ученые», Ю. П. Бочаров и Наталья Фрезинская. Тоже похвалили и ступенчатое обслуживание, и «веточки». Хотели взять материалы опубликовывать. Но мне показалось, что только я сам смогу написать, чтобы и о недосказанном, а не просто констатировать. Вот так до сих пор и тяну.

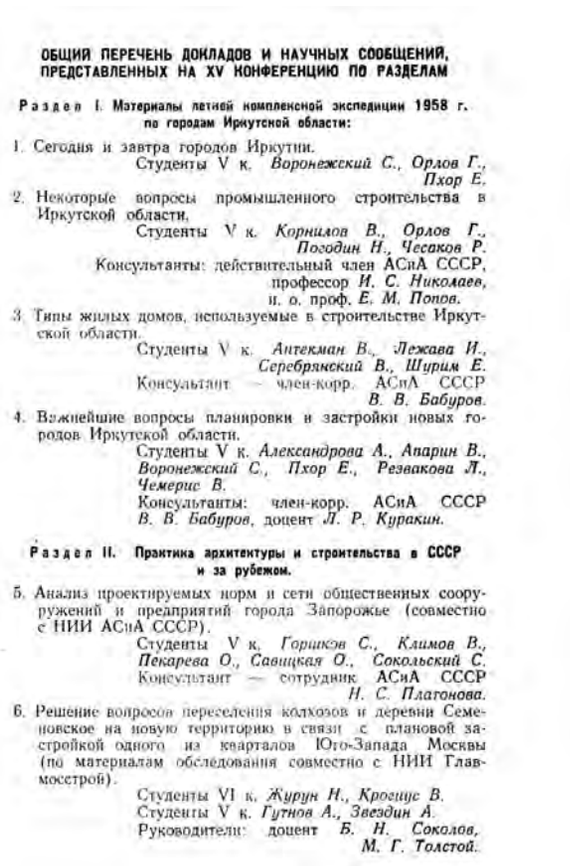
IV микрорайон Ново-Ленино, сказка

Главный мой построенный в Иркутске объект начался сказкой.

Осенью 1962 года я собирался вместе со Славой Воронежским и Витей Чемерисом в замечательную поездку «для творческой молодежи Сибири» в Италию на 40 дней. А пока я был размещен в общежитии, на другом берегу Ангары. Дел бывало много, часто ленился ездить. И наш замечательный, добрейший и внимательный завхоз, Иннокентий Петрович Ляпунов, оборудовал в рабочем помещении добавочный тюфяк и выдал постельные принадлежности.

Суббота, 9 вечера, темно. Телефонный звонок, меня приглашает «прямо сейчас поскорей пройти в кабинет к Председателю Облисполкома» наш директор, Вячеслав Иванович Никитин. Перебежал через площадь, встретили, провели.

^ Экспедиция.
Слава Воронежский,
Гера Орлов и др.



ОБЩИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ДОКЛАДОВ И НАУЧНЫХ СООБЩЕНИЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ НА XV КОНФЕРЕНЦИЮ ПО РАЗДЕЛАМ

Раздел I. Материалы летней комплексной экспедиции 1958 г. по городам Иркутской области:

1. Сегодня и завтра городов Иркутии.
Студенты V к. *Воронежский С., Орлов Г., Пхор Е.*
2. Некоторые вопросы промышленного строительства в Иркутской области.
Студенты V к. *Корнилов В., Орлов Г., Погодин Н., Чесаков Р.*
Консультанты: действительный член АСиА СССР, профессор *И. С. Николаев*, и. о. проф. *Е. М. Попов.*
3. Типы жилых домов, используемые в строительстве Иркутской области.
Студенты V к. *Антекман В., Лежава И., Серебрянский В., Ширим Е.*
Консультант — член-корр. АСиА СССР *В. В. Бабуров.*
4. Важнейшие вопросы планировки и застройки новых городов Иркутской области.
Студенты V к. *Александрова А., Аварин В., Воронежский С., Пхор Е., Резвакова Л., Чемерис В.*
Консультанты: член-корр. АСиА СССР *В. В. Бабуров*, доцент *Л. Р. Куракин.*

Раздел II. Практика архитектуры и строительства в СССР и за рубежом.

5. Анализ проектируемых норм и сети общественных сооружений и предприятий города Запорожье (совместно с НИИ АСиА СССР).
Студенты V к. *Горшков С., Климов В., Пекарева О., Савицкая О., Сокольский С.*
Консультант — сотрудник АСиА СССР *Н. С. Платонова.*
6. Решение вопросов переселения колхозов и деревни Семеновское на новую территорию в связи с плановой застройкой одного из кварталов Юго-Запада Москвы (по материалам обследования совместно с НИИ Главмосстрой).
Студенты VI к. *Журун Н., Кроницс В.*
Студенты V к. *Гутнов А., Звездин А.*
Руководители: доцент *Б. Н. Соколов, М. Г. Толстой.*

Программа XV конференции СНО МАрхИ, 1958 г.

Кабинет Председателя полон усталыми солидными людьми, накурено. Что до моего появления говорили, не знаю. Меня председатель (собрания и Облисполкома), Виктор Федорович Мальцев, с хода спрашивает: «Хотите построить в натуре элемент своего диплома? Но рабочую документацию нужно выполнить в очень сжатые сроки, до «белых мух»!». «А как Италия?». «Потом успеешь, новое время еще только начинается». «А как кадровое, информационное, материальное обеспечение?». Солидные люди не рассмеялись, но переглянулись, заулыбались. «Будет тебе обеспечение!», и вздохнули с облегчением.

В понедельник двигали столы, пересаживались. Во вторник на обкомовской «Волге» поехали в Ангарск, смотреть продукцию исполнителя, стройкомбината «п/я 91». Менее чем за полтора месяца подготовили чертежи, и стройка развернулась мощным, индустриальным, по новому волнующим, поучительно-захватывающим слаженным оркестром.

Кстати, через сколько-то лет, я случайно встретил Вячеслава Ивановича Никитина. Я уже работал в Москве, он в Ленинграде. Мы тепло обнялись и заговорили. Но... Смотрел, слушал и не узнавал. Передо мной был просто милый человек, но тогда-то, в Иркутске, он же светился! Вот почему «тогда» мы взялись и сделали!

IV микрорайон Ново-Ленино, быль

Эпизод с этим микрорайоном – маленький кусочек истории нашей большой страны. Ново-Ленино не само по себе, ему повезло. Оно возникло из-за резкого перелома в судьбе стратегического соседа – города Ангарска.

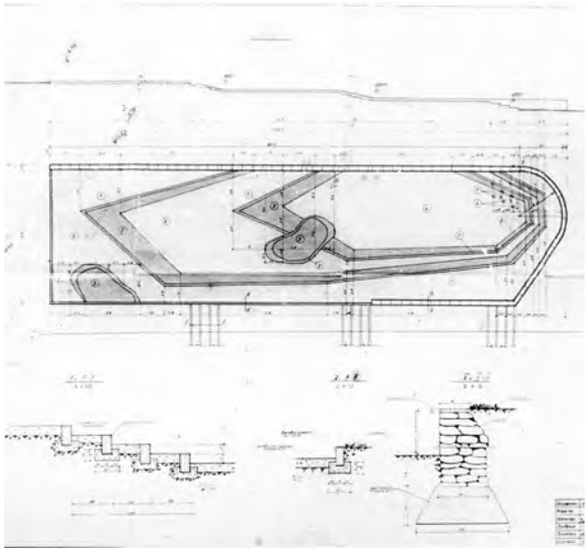
В прошлой Великой Отечественной болевой точкой фашистской Германии был недостаток нефти, то есть горючего. Немцы искали выход, и им удалось постричь чудо тогдашних технологий – комплекс по производству бензина из бурого угля, завод имени Адольфа Гитлера в Силезии. А снабжение горючим частей нашей армии на востоке и севере тогда, без нефти Сибири, тоже требовало дополнительных решений. И, когда захватили Силезию, постарались немецкое чудо переместить, и заставить работать на Черемховском буром угле.

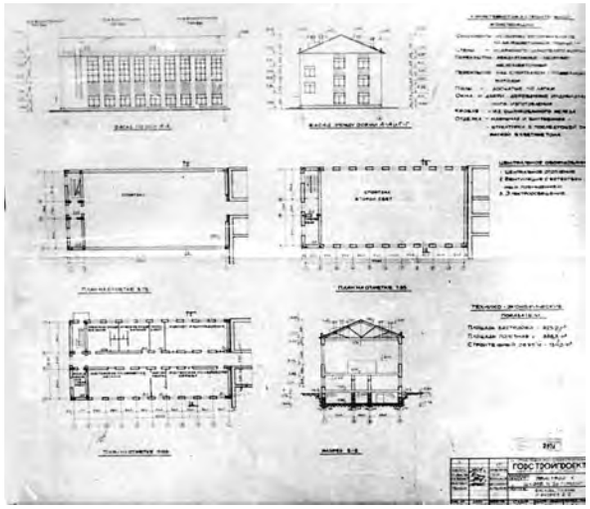
Сначала, как рассказывают, агрегаты привозили и просто сбрасывали с откоса вдоль железнодорожных путей. Потом выбрали место, стали строить город у реки Китой. Так возник Ангарск и «комбинат 16». С годами, конечно, набор полезностей, производимых Ангарском, расширился. Растущий город обзавелся мощным домостроительным комбинатом – «п/я 91».

Тем временем геологи, опираясь на научные прогнозы, целенаправленно и методично искали сибирскую нефть. В 50-е годы разведали месторождения в Западной Сибири. А в марте 1962 года, на севере Иркутской области, у села Марково, был разведан, пробурен и забил, с глубины более 2 километров, знаменитый мощнейший фонтан кембрийской нефти, богатой бензином. Очевидно, этот факт послужил основой для пересмотра перспектив развития Ангарска. Мощности домостроителей высвободились. Рядом был старинный Иркутск, богатый культурой и архитектурой, но с острым дефицитом жилья (тогда средняя норма по городу составляла 6 м² на человека). Вот и решили «кинуть» их в Ново-Ленино, возводить жилой массив на северо-западной окраине Иркутска (со стороны соседнего Ангарска). Вот такое стечение обстоятельств.

Когда стали вводить дома, попросил поселить меня там. Разрешили даже выбрать квартиру. И вот, я на 4 этаже в корпусе, замыкающем композицию группы, из окна видно всё. Запись в блокноте: «В воскресенье очень много белья во дворе сушится; больше, чем в обычные дни».

Конечно, жилые дома – основа решения жилищной проблемы. Но использовать их без всего остального, что составляет город, люди не могут. Пример Ново-Ленино показал это сурово и жестоко. Выпихнутые из города жилищной нуждой, здесь люди мучились из-за плохого транспорта и дырявого обслуживания. Это и есть вопросы к градостроителю. Как начинающий профессионал, я твердо запомнил этот урок. Хочу, чтоб





< Сквер на 2-й Железнодорожной

< Пристройка спортзала к школе на 2-й Железнодорожной

так же четко, с моих слов, это увидели и ощутили мои коллеги. Не селить же всех градовцев, ради науки, в подобные холодильники! Так что, «комплексность» – не научный термин, а продукт потребления, необходимый как хлеб и вода.

Руководство области настойчиво занималось вопросом строительства новых производств в Ново-Ленино – в промзоне, запроектированной на другой стороне магистрали – улицы Розы Люксембург. Раньше всего должен был заработать завод керамических конденсаторов, выводимый из Москвы. Но в те три года, что я там жил, этот завод к нам так и не приехал. Так все и ездили автобусами туда и обратно, на работу и домой после трудов, каждый день.

До центра города было 18 километров.Через промзоны, заболоченную пойму, по мосту через Ангару. Особо тяжело было в суровую зиму. Автобусы ночевали на пустыре около домов. Костры горели всю ночь. В пять часов начинали разогревать моторы. Когда влезал в промерзший экипаж, ни до чего железного нельзя было прикоснуться. Даже в толстой перчатке, возьмешься за никелированный поручень – прилипнешь.

Строитель, комбинат «п/я 91» быстро и ловко выпускал панели, годные только для жилых домов, и из них нельзя было делать объекты обслуживания. И кабинеты поликлиники, и магазины – всё приходилось размещать в «квартирах» первых этажей. С трудом приспосабливались под новые нужды небольшие, 2.5 м высотой помещения. Сложно было и работать – обслуживать и обслуживаться.

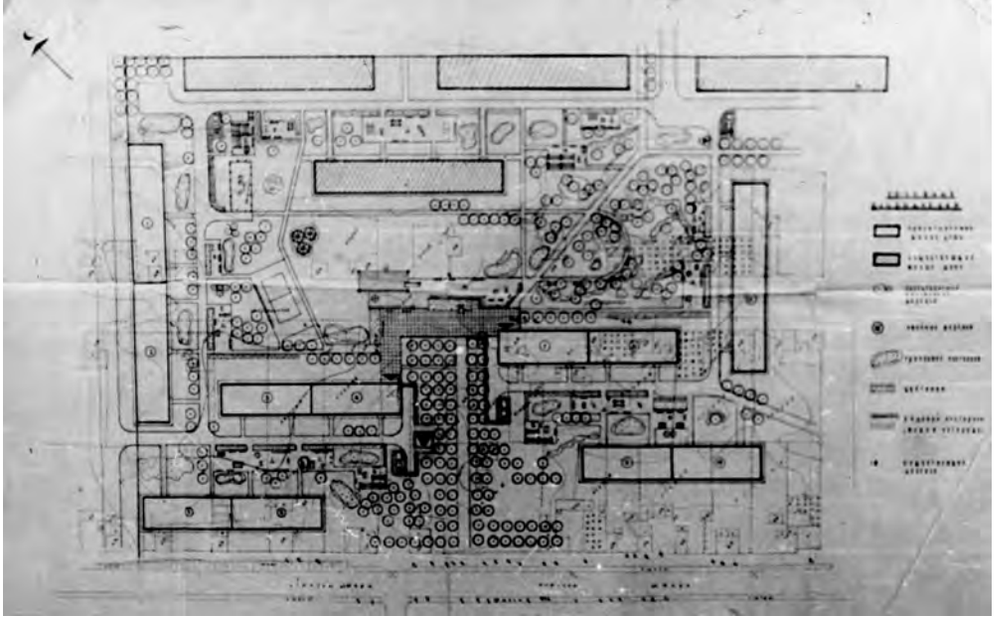
Особенно болезненна оказалась проблема с детскими учреждениями. Ближайший детский сад находился возле станции Иннокентьевка, километрах в трех. Морозными утрами, задолго до рассвета, родители начинали собираться в кучу. У каждого саночки и пищащий сверточек – закутанное чадо. Санки связывали длинным поездом. При свете ручных фонариков, тщательно охраняемый и подталкиваемый со всех сторон караван двигался в нелегкий переход.

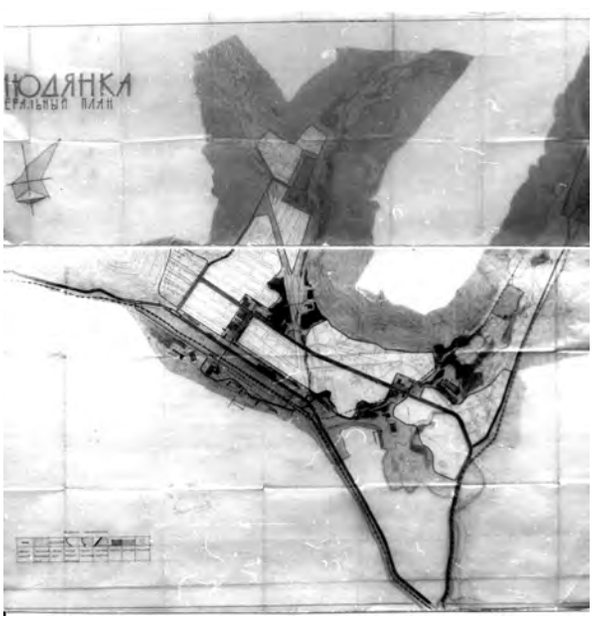
Примерно через полтора года, нарушая разные СНиПы и инструкции, всё же запроектировали и собрали из панелей серии 1-335 столь необходимое детское учреждение. Но какой там стоял запах! Бедные детишки, бедные воспитатели. Не зря нормы требуют для детских учреждений высоких потолков и просторных окон!

В размещении прочих общественных объектов я принимал участие не только как проектировщик. Жителям известно было, в какой квартире я живу. Приходили и с жалобами, и с предложениями. Вроде, «вот там – устроить еще пункт приема того-то». Путь был проторенный. Я с этим шел в УКС, вместе – выше по этажам, в отделы Исполкома, и, как правило, вопрос решался положительно и оперативно.

Городские власти относились к ново-ленинцам внимательно и заботливо. Устраивались выездные спектакли, лекции, концерты, льготные распродажи. Даже с билетами на автобус что-то удалось сделать, они были почти бесплатные. Когда через несколько лет в Москве мне опять довелось вести застройку нового жилого образования на окраине города, разница в отношении властей к новоселам показалась разительной. Возможно, это случайность, но как-то так, очень поразному получилось с включением наружного освещения. В Ново-Ленино пешеходные проходы к заселяемым домам обычно оперативно оборудовались деревянными слегами и освещались. Кто за это платил, кому – в голову не приходило интересоваться. В Москве, в 1-м микрорайоне Орехово-Борисово, вышло иначе. Поздняя осень, гололед. С темнотой люди начинают падать, калечить ноги и расквашивать носы. Но смонтированную систему наружного освещения несколько недель не включали по бюрократической причине, кто-то что-то не мог передать кому-то на баланс.

Я до сих пор ищу ответ на вопрос, правильно ли сделал Виктор Федорович Мальцев, что решил в таких условиях строить, а значит заселять Ново-Ленино? Грядущие трудности были ему заранее известны. Видимо, правильно решил? Жилье появилось, и надежда на то, чтобы обустроить его до того момента, когда нужно будет сносить по старости, достаточно реальна.





^ Благоустройство квартала в гор. Усолье-Сибирском

^ Генплан города Слюдянки

Но почему у нас всё так сурово? В конце 1965 года я серьезно заболел. Думаю, имею право сказать, что надорвался, что силы и здоровье отдавал, чтоб строились эти дома как можно удобнее и красивее. Навещая меня в больнице, Витя Чемерис принес городской «Бюллетень по обмену жилплощади», который только начал выходить. Мы посмотрели – в конце каждого объявления было написано – «согласен на любой район, кроме Ново-Ленино». Обидно. Но к сожалению, объективно.

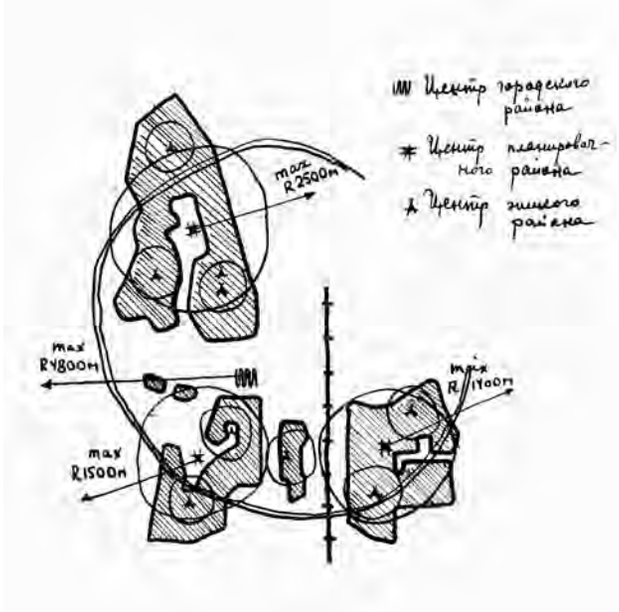
Усолье-Сибирское

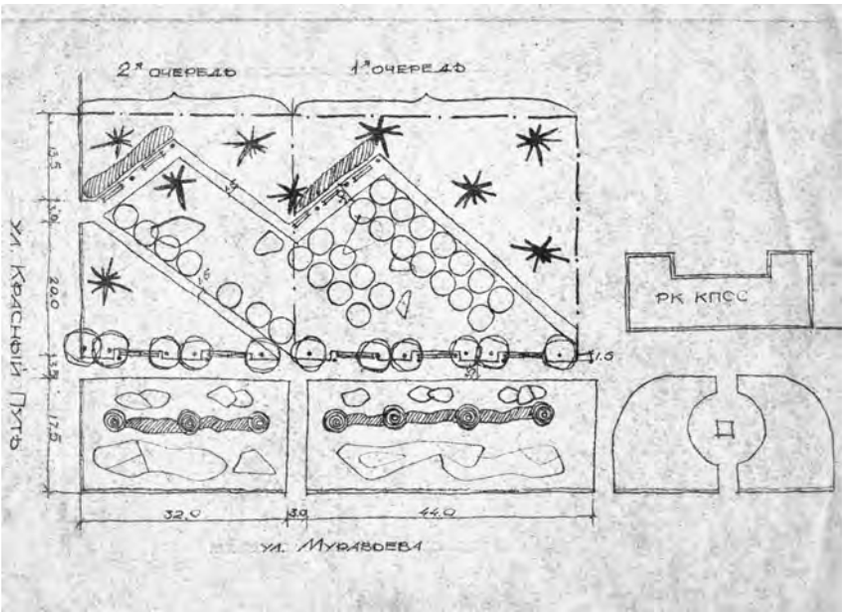
Моя иркутская история будто специально сложилась так, чтоб научить меня по очереди уважать все функциональные элементы, из которых складывается качество городской среды. Ново-Ленино: жилье очень мало стоит без транспорта и обслуживания. Усолье – и с транспортом, и с обслуживанием можно очень рано помереть, если общество не позаботится о чистоте среды. Опять проблема оказалась поставленной со всей реальной прямотой, про сохранение жизни в натуральную величину.

Для меня Усолье началось с вызова к Борису Михайловичу Кербелю. Меня решили назначить главным архитектором проекта по разработке генплана города, который являлся Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Значит, контролируется непосредственно Госстроем СССР. Такого Иркутскгражданпроект еще не делал. Так, сказав несколько слов о том, какая это ответственная и интересная тема, Борис Михайлович долго испытующе смотрел на меня своими пронзительными разноцветными глазами. Я почувствовал, что для самого Бориса Михайловича, и не только его, тоже важно, чтоб работа не провалилась, и мне стало страшновато. Так, под грузом двойной ответственности – моей обычной перед обществом, а тут и перед административным аппаратом прошли непростые два года. Они пахли хлором, были наполнены непрерывным напряженным ожиданием. Постоянно висел вопрос: почему? Почему, сколько мы ни стараемся, сколько ни находим решений, всё равно нужно что-то еще, и еще, и еще. И опять непонятно, примут или нет, и почему.

Всё срочно. Сформировали сильную бригаду. Едем на место собирать, обновлять исходные данные. В бригаде – замечательный человек, отличный специалист-теплотехник, Валерия Юльевна Соколова. У нее – астма. А во время нашего пребывания в Усолье – «газовка!». Так тут называют, когда в результате утечки отравляющего вещества (пока это сравнительно безобидный хлор, не обладающий коммулятивным действием, как будущий тэтраэтилсвинец, ненакапливающийся в организме), дышать трудно. У города опыт: когда газовка, больницу срочно разгружают – больных, кого возможно, по домам – и всё для отравившихся, привозимых и на улицах подбираемых. Ночь. Валерии Юльевне плохо. По телефону вызвать скорую не удается. Нужно бежать за машиной в больницу или поймать ее где-то. Я, как единственный мужского пола участник события, отправляюсь, обмотав лицо мокрым полотенцем.

В центре города – большой пустырь. Это место зарезервировано под прекрасный культурно-торговый центр будущего, а пока – существенная транспортная накладка. Бежал, скользя и спотыкаясь в темноте. Слушал свое сердце, и колебался: то ли быстрее, пока хватает дыхания, или спокойнее, чтоб надольше хватило? Высоко в ясном небе заморгал огоньками, зажужжал ТУ-104. Прямиком надо мной, не обращая на нас внимания. Тогда мы часто летали в Москву, и мне представился салон, укомплектованный спокойными людьми, с ремнями безопасности, изящными стюардессами, журналами и напитками. Как так! Ведь это же наша единая страна! Понимал, что нельзя из-за нашей газовки жизнь останавливать, и всё же это как то не стыковалось. Скорую остановил на краю пустыря, нашу болящую взяли, все обошлось, успокоилось. За время работы над проектом так и не удалось ознакомиться с секретными данными по медицинской статистике. Вероятно, для кого-то это газовка оказалась не просто болезненной, но роковой. И ощущение, что городу необходимо новое серьезное решение, засело накрепко.





Кроме имеющегося завода, делающего хлор из поваренной соли (построенного по личному поручению Сталина, мне показывали у горархитектора подлинник распоряжения с его подписью), мы проектировали здесь крупнейший комплекс по производству искусственного каучука и фармацевтическое предприятие. Статус у комплекса был серьезный – как уже говорил, Всесоюзная Ударная Комсомольская стройка Большой химии. И, как у нас бывает, несмотря на отсутствие утвержденного генерального плана, стройка шла полным ходом. Комсомольские бригады прибывали, бетонировали и монтировали, подогреваемые непременным соцсоревнованием.

Я обратил внимание на то, что наш СНиП не был готов для решения стратегической задачи страны – строительства комплексов химии. Там пока был лишь простой перечень различных отдельных производств с указанием соответствующих разрывов до жилых зон. Поделился своим предположением с коллегами-ребятами, что в случае комплекса фактическое распространение ядовитых вредностей будет иметь особый характер. Это как раз было время развития ЭВМ, и у меня появилась простая мысль – не принимать по СНиПу, а рассчитать на ЭВМ фактически, с учетом рельефа и ветра, суммируя все источники, где сколько будет отравы. Наверно, тогда подобные мысли возникали и у других градостроителей, но мне об этом не известно.

Посоветовались с руководителем мастерской, Сергеем Андреевичем Гусаровым. Тот связал нас с самым подходящим в данном случае человеком – с замечательным физиком-метеорологом, экологом и краеведом, Николаем Павловичем Ладейщиковым. Очень здорово, что такой ученый оказался тогда в Иркутске! Николай Павлович подробнейше с нами поработал, и «присоединил» к нашему делу профессора Иркутского Университета Николая Ильича Соколова, который со своими студентами сообразил просчитал и затем выполнил непосредственно по нашим исходным данным задуманные расчеты.

В блокноте у меня сохранилась запись, телефоны: «Н. П. Ладейщиков 36-30, 32-35; Н. И. Сергеев 45-31». С Ладейщиковым мы встречались в его рабочем кабинете, а к Сергееву были приглашены домой. Мы пошли со Славой Воронежским. Замечательно красивым, совершенно таким, как надо, оказался и просторный деревянный дом на зеленом участке, и крутое крыльцо и терраса, и интерьеры с высокими окнами и обилием книг, и живой приветливый разговор седого профессора и его супруги. Мы узнали так много нового, важного, понятного и интересного, что даже стали сами «изобретать» способы зашиты. Слава придумал: засыпать землю в полосе разрыва черной золой поверх снега, чтоб она сильнее нагревалась солнцем, грела прилегающий воздух, и заставляла его подниматься вместе с вредностями, в обход нашего жилья. Мы изобразили это в чертежах.

Объективный расчет, проведенный с учетом данных технологами концентраций вредных выбросов в конкретных точках предприятий, статистики ветров и пластики рельефа дал огорчающий результат. Оказалось, что при имеющемся размещении производств и строящегося жилья концентрации вредных веществ в воздухе жилой зоны будут примерно в 20 раз превышать предельно допустимые (ПДК)! Значит, нужно или переносить город из-под господствующих ветров (вверх к тайге, за железную дорогу), или проектировать и строить другие системы эффективной очистки. Срочно оформили краткое ТЭО, нарисовав вариант идеального нового города на новом месте, и покатили советоваться в Москву в Госстрой. Командировали троих: Буха, как главного архитектора института, меня и Воронежского. Нашу работу смотрели с интересом, хвалили за инициативу, в целом одобрили и просили скорее закончить в форме законченного генерального плана.

Приехали домой. Развернулся такой всеобщий аврал, подобного которому более я не видывал. Директор, Борис Израилевич Робей, не жалел ни средств, ни человеческого времени. По решению Володи Буха были изготовлены 10 качественных подрамников солидных размеров 2 м х 1.2 м каждый. Обтянуты полотном, ватманом, аккуратно выклеены

^ Схема обслуживания, проект планировки Ленинского (Северо-западного) района Иркутска.

^ Сквер на углу улиц Муравьева и Красный Путь

^ Иркутский пединститут, Нижняя набережная

^ У водопадика

подосновами. На вычерчивание и покраску чертежей мобилизовывались необходимые исполнители в ущерб любым другим темам. Работа шла полным ходом.

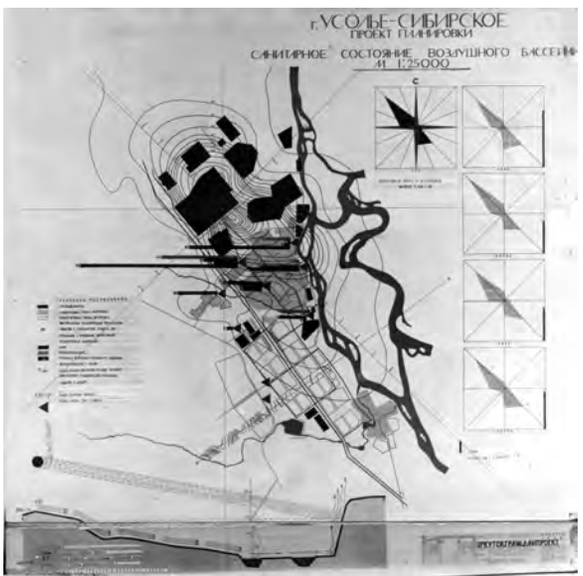
В пояснительной записке нужно было кроме основных табельных разделов изложить суть нововведения – расчета и обосновать выводы. Объем записки получился более 500 страниц, и по нормам оформления секретных материалов ее нельзя было переплетать как единый том. Пришлось спецработнику Г. Н. Щербатюк пойти на нарушение инструкции.

В срок все было готово.

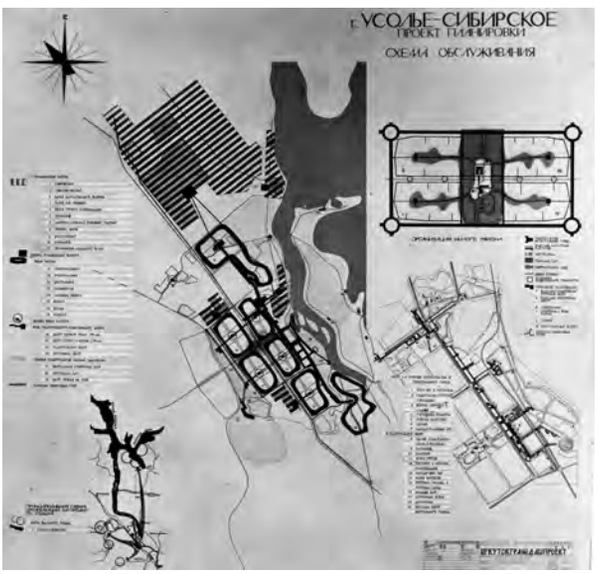
Москва. Наш выразительный материал сначала смотрели в Госстрое СССР, потом перевезли в Гипрогор. Было приятно, когда старейший и виднейший наш градостроитель, главный в Гипрогоре Николай Иванович Кузнецов посмотрел и сказал: «Вкусно сделан проект!».

Но Москва слезам не верит. Одно дело одобрить прогрессивное ТЭО, другое – принять конкретное решение по строительству. Объем ежегодного ввода по городу фактически составлял порядка 200 тыс. м^2 жилья, остро необходимого новоселам. Естественно, не могло быть речи о прекращении строительства жилья без угрозы для своевременного ввода промышленных объектов, стратегически необходимых стране. А перебазировать строительство на несколько километров на предложенные нами территории – это предварительно построить новые дороги, теплотрассу, энерготрассу, не говоря уже о сроках изысканий и проектирования. Сколько на это нужно дополнительных средств, ресурсов? Найти эти средства и ресурсы для сохранения здоровья людей в будущем? Не знаю, на каком уровне решался вопрос по существу. Мы ждали не менее десяти дней. Затем получили бумагу, в соответствии с которой наш вариант генерального плана отвергался. Предписывалось в порядке исключения, разрешить на следующий год построить еще 200 тысяч жилья рядом с существующим, в зоне вредности, и продолжить проектную работу по генплану.

У меня было желание продолжить диалог, обратиться к общественности. Как можно не остановить ход процесса, зная, что это приводит к повышению заболеваемости и смертности населения города, пусть даже некоторой его части, в 20 раз? Необходимо найти необходимые ресурсы! Но Бух и Воронежский были



> Расчет ожидаемого состояния воздушного бассейна к отвергнутому варианту проекта планировка г. Усолья-Сибирского (проф. ИГУ Н.И. Сергеев с группой студентов по разработанной специально собственной методике на ЭВМ, 1963г.).



> Схема обслуживания к отвергнутому варианту проекта планировки г. Усолья-Сибирского

уверены, что это, к сожалению, безнадежно, и мы вернулись в Иркутск. Я от дальнейшей работы с Усольем был отстранен. Через 9 лет, в 1972 году применение ЭВМ для определения зон вредности от производственных комплексов в генпланах городов было принято как обязательное нормативно.

Эпопея с Усольем оставила во мне отпечаток не менее глубокий, чем Ново-Ленино. Нервы выдерживали с трудом. Когда-то звучала фраза: «Человеческая жизнь, человеческое здоровье бесценно». Теперь, как профессионал-градостроитель, я знал, что это, к сожалению, не так в практике государств – и нашего и других.

Итог

Иркутск отпечатался на всю жизнь как светлое, полное борьбы и побед, молодое время.

Приехал в Иркутск героем, готовым горы сворачивать ради счастья людей. Был полон предвкушением счастья. Счастье должно было состояться, потому что я красиво и удобно, точно и реально, запроектирую и «построю» что-то необыкновенно нужное. К такому осуществлению мечты мы добросовестно и упорно готовились несколько лет. Но сделать удалось очень мало.

И зародился, и как оказалось, на продолжающуюся жизнь засел в сознании непреходящей больюпростой вопрос – почему? Почему у нас, когда люди вокруг такие хорошие, и такие правильные правила нашей жизни, почему так мало хорошего удается реализовать? Почему невозможно построить точно и качественно, как задумал?

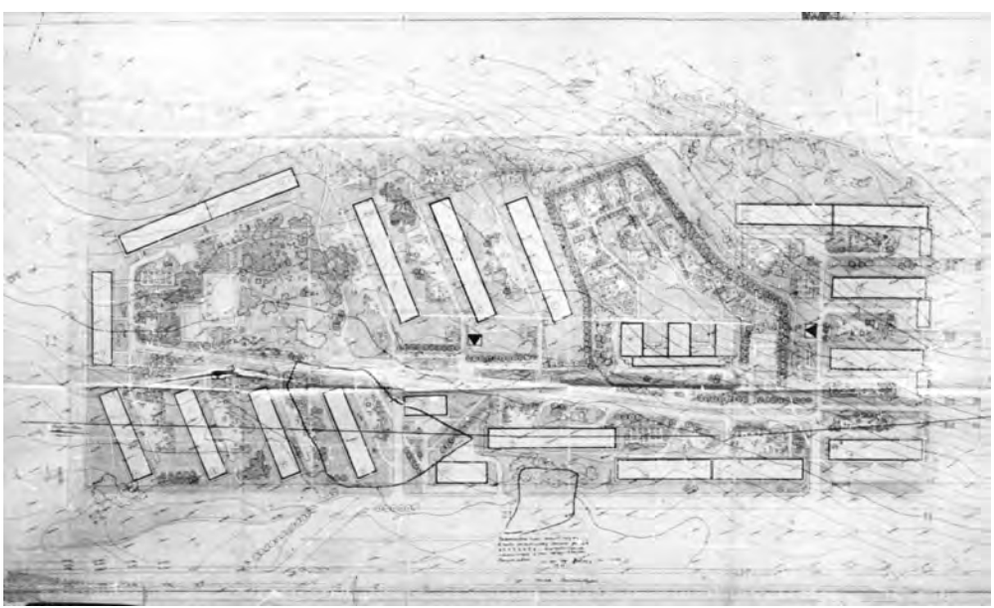
Тогда, вглядываясь в лица доверчивых, ничего не ведающих о перипетиях строительных битв новоселов, я только предчувствовал ответ. Теперь уверен, что его знаю. Беда в отсутствии обратной связи. И тогда, и сейчас расписанные в документах правила и нормы не соответствуют реальности. Мы привыкли к этой лжи, непременной суете, временных нарушениях всего из-за постоянной бедности городских бюджетов. Обходимся без стратегического планирования, без проверки истинной рациональности решений. Пока обратная связь не натянет, как струна, через весь процесс – от эскиза до заселения – четкую проверку оптимальности решения ради качества результата, не получится искусства. Произвол разрушает смысл конкурсов, и закрытость информации губит целостность городов. Восторжествует правда, это откроет путь искусству. Как практически это осуществить – тема отдельного разговора.

В Иркутске непростой воздух. Очень прозрачный, особенно в ясный зимний день. С высокого места, даже просто с тротуара или с набережной, видно далеко-далеко. Между домами и деревьями тебе открывается композиция необыкновенно мощной, крепко завязанной пространством и цветом, могучей гармоничной панорамы. Поэтому, я уверен, лицом к лицу с таким благом, люди в Иркутске меньше лгут и принимают более мужественные решения. Может быть, сейчас силы для того, чтобы повернуть нашу жизнь к лучшему, придут из Иркутска?

^ Школа на 960 учащихся, Старо-Ленино, ул. Мира.

^ Из окна, акварель

v РЧ группы «А» м-на 4 Ново-Ленино



Байкальская «кругосветка»

текст
Владимир Нечитайло

фото из личных архивов
Владимира Нечитайло и
Станислава Нечволодова

В 1967 году архитекторы института «Иркутскгражданпроект» Станислав Нечволодов, Вадим Хайкин и я, Владимир Нечитайло, обогнули Байкал по периметру за 36 дней втроем на самодельной парусной яхте.

Идея байкальской «кругосветки» принадлежала Станиславу Дмитриевичу Нечволодову, одному из членов архитектурного «десанта», который высадился в Иркутске в конце 50-х – начале 60-х годов, и с которым связано появление так называемого «иркутского ренессанса» (В. Воронежский, В. Павлов, В. Бух, Б. Халдеев , В. Немишев и др.).

Станислав (Стах), исключительно активный человек, не замыкался в рамках чисто профессиональной деятельности, а работал «параллельно» как её организатор: с 1966 года по 1970 был председателем Иркутского отделения СА СССР, входил в состав Центрального правления СА СССР. Он увлекался скульптурой, спортом – лыжи, хоккей, охота, туризм, и был инициатором разнообразных «развлекаловок», украшавших жизнь института и архитектурно-планировочной мастерской-3, которую он одновременно возглавлял.

Сама идея «кругосветки» была не только романтична, но и в значительной мере авантюрна. Дело в том, что парусный спорт в стране (а в Сибири и подавно) был основательно забыт. Он сохранился только в республиках Прибалтики и в Польше, где яхты строили и ходили на них. На Байкале же любители ходили только на примитивных моторках, которые не позволяли отдаляться от берега, а пункты заправки исчислялись единицами. При этом ветровой и волновой режим Байкала был весьма динамичен, он приравнивался к морским условиям. Каботажное (хозяйственное) плавание по Байкалу сворачивалось, туристическое ещё не начиналось.

Никакой материальной и теоретической базой мы не располагали. Лодочная станция в Ершовском заливе содержала несколько старых яхтенных бортов (типа «Дракон»), плавание которых ограничивалось акваторией Иркутского водохранилища.

Корпус Станислав «выпросил» у ректора Иркутского политехнического института Игошина (старый 6-ти вёсельный ял – морская шлюпка, очень устойчивая и надёжная), палубу сняли со старого катера, мачту и такелаж заказывали в мастерских Иркутска. Сложнее было с парусами. Хлопчатобумажный комплект (позднее лавсановый) удалось вывезти из Прибалтики. Станислав ездил в Эстонию, где обменял добротную медвежью шкуру на парусные комплекты, прихватив заодно кое-какую яхтенную литературу.

Все работы по оборудованию яхты велись на 21-м километре Байкальского тракта на территории водохранилища, которую арендовал политехнический институт в качестве зоны отдыха.

Мореходные качества судна мы опробовали в ходе нескольких «проплывов» по водохранилищу и решили, что готовы к плаванию. Конечно, мы были не одни, у нас была команда сочувствующих и понимающих, куда входили и особы женского пола.

В ходе испытаний наше судно обрело и собственное имя – за крутые носовые обводы мы нарекли её «Машкой».

Надо сказать, что наше авантюрное мероприятие мы старались оформить официально и рационально: оформили маршрутный лист (путёвку) в Иркутском областном клубе туристов, договорились с известным в то время энтузиастом туризма Валентином Брянским о пересылке ему информации для освещения в местной печати.

Сложнее было с прокладкой и расчётом маршрута. Подробными картами мы не располагали, обошлись планшетами 40х50 см М 1:300 000 (1952 г. Восточно-Сибирское бассейновое управление министерства Речного флота СССР). На планшетах были намечены основные отрезки маршрута, пункты отметок прохождения (Иркутск – Слюдянка, п. Бабушкин, Турка, Давша, Нижнеангарск, Хужир, Листвянка, Иркутск), километраж суточных проходов. Общая протяжённость маршрута оценивалась в 1 500 км.

Я не касаюсь проблем питания, организации суточных вахт и тех мелких бытовых ежедневных происшествий, которые у нас происходили на борту. Главное –

как нас встретил Байкал, как «принял» и как «отпустил». Обход озера шёл против часовой стрелки с учётом преобладающих попутных ветров. Большую часть пути пришлось идти против ветра (бейдевинд), меняя галсы (курс судна относительно ветра). В периоды безветрия мы пытались работать вёслами, но «двигать» вручную судно в 1,5 тонны – дело малоприятное и неэффективное.

Мы постоянно «ловили» ветер, стараясь не отдалятьс я от берега, но и не приближаться к нему (как-никак осадка «Машки» 120 см, под днищем висел железный киль 700 кг).

Самое большое испытание – ночные дежурства: мы шли днём и ночью, меняя вахты через каждые 6 часов.

Острые моменты, а их было несколько, растянули путешествие, но, слава Богу, не помешали выполнению главной цели – обходу озера от и до.

Первый крупный казус – посадка на мель в районе дельты Селенги. Эта река даёт колоссальный песчаный выброс, далеко выходящий за береговые контуры. С местной лоцией мы знакомы не были, ветер шёл с берега, «Машка» сразу зарылась килем, и нас стало заносить песком. Все наши манипуляции с парусами и вёслами ничего, конечно, не дали – «Машка» засела крепко.

Стах сел в нашу спасательную авиационную лодку (одноместную!) и погрёб на берег. Утром он привёл две рыбацкие фелюги, они с большим трудом сняли яхту с мели и отвели в деревню Исток, где занялись ремонтом (киль расшатался, появилась течь).

Рыбаки приняли нас очень хорошо, помогали с деревом и крепежом, потчевали отборным омулем, а мы их – водкой.

Вышли из Истока и сразу целых два приключения. Поймали попутный ветер, весь день и всю ночь шли курсом фордевинд, поставив оба грота (хлопчатобу-

мажный и лавсановый – «бабочкой»). Это был наш рекордный суточный переход, почти 150 км, и – новое кораблекрушение. На подходе к Турке мы буквально врезались в плоты, которые перегораживали входы в бухту.

Корпус был помят, пришлось с помощью береговых лебёдок вытаскивать «Машку» на берег, чинились несколько дней.

Из всех наших экстремальных ситуаций самый опасный момент нас поджидал не в сильный ветер и не в шторм, и не ночью, а в абсолютно спокойную погоду днём, вернее утром.

Выйдя из Турки, мы сделали через сутки короткую остановку для отладки такелажа в районе губы Каткова, перед Баргузинским заливом.

Утром позавтракали, подняли якорь и хотели уже ставить паруса, когда Нечволодов заметил огромную волну со стороны моря, расстояние до неё было метров 200. Мы успели повернуться к ней носом, яхта встала почти вертикально. Волн было три. Если бы мы приняли их бортом, нас бы просто затопило.

Что это было? Вероятно, подземные толчки где-то в этом районе акватории. Как говорится, отделались лёгким испугом.

Остаток пути вдоль восточного побережья прошёл без происшествий.

При переходе на западный берег пришлось обходить штилевую зону в самой северной точке Байкала, от Фролихи взяли курс на Нижнеангарск.

Короткую остановку сделали в старинном селе Байкальское. Запаслись водой, хлебом, вызвали большой переполох у местных жителей: никто не верил, что у нас нет мотора. На борт поднялась целая делегация, яхту осмотрели и решили, что … мы спрятали мотор где-то на берегу, с тем и расстались.

Север Байкала в то время был безлюден. Некоторое разнообразие внесла остановка в районе мыса Котельниковский (Горячинск), славного своими минеральными источниками, широко известными, но редко посещаемыми. Побеседовали со сторожем, приняли горячую ванну в большом деревянном корыте.

Последнее приключение нас ожидало в Малом море. От западного берега в районе Онгурён взяли курс на Хужир, пошли по Маломорской диагонали.

В Хужире стоять долго не собирались, запаслись продуктами, но нас задержала погода. Скопилось довольно много мелких судов, все ждали шторма со стороны Сарминской «щели» и советовали нам переждать. Мы, естественно, не послушались и всё-таки вышли, но ... через полчаса вынуждены были повернуть назад, не смоги контролировать парусность, пошла знаменитая Сарма.

Утром ветер утих и мы спокойно прошли Ольхонские ворота.

Последнюю короткую остановку сделали в бухте Песчаной, с трудом достали хлеба, полюбовались на «шагающие» сосны и двинулись к Слюдянке.

Надо сказать, что на последнем участке пути мы расслабились, решили, что всё позади, и старик Байкал нас отпустил с миром. А он в последний момент и показал зубы.

Когда мы огибали мыс Лиственичный и уже откупоривали последнюю бутылку водки, сильнейший шквал положил нас на бок. Такого бортового крена мы не испытывали на всём маршруте.

К счастью шквал был очень короткий, яхта быстро выпрямилась, хотя воды поднабрали. Это было бы просто смешно, обогнуть Байкал и затонуть у Шаманкамня.

Заканчивая этот небольшой очерк, хочется сказать об одном интересном, почти мистическом факте. Корпус нашей яхты (шестивёсельная морская шлюпка) имел в днище сливную пробку, герметически завинчивающуюся. Мы её не нашли и когда спускали корпус на воду просто забили в отверстие деревянную пробку и забыли об этом. Эта затычка могла выскочить в любой момент и на плаву, и после наших столкновений и посадок на мели, но она «просидела» спокойно весь маршрут. После мы ломали над этим головы: что это было – везение или, как говорят на Востоке, «кисмет» (судьба)?

Красоты Байкала я не описываю, их надо просто видеть, никакие альбомы и киносъёмки не восполняют реальное присутствие в ландшафте. Наибольшее впечатление произвёл север Байкала своей природной мощью, масштабами, тишиной и безлюдьем.

И последнее – поход всколыхнул интерес не только к Байкалу, его природе, но и к его истории, к людям, которые внесли яркие страницы в летопись Восточной Сибири. Всё это «подвигнуло» меня на гимн Байкалу, которым я и заканчиваю рассказ о нашей Байкальской эпопее.

Его разлом – как ножевая рана,
Земли сибирской древний, дикий шрам.
И память прошлого в сетях его тумана
Порой задумчиво о чём-то шепчет нам...

И оживают грозные картины
Могучих сил, уснувших до поры,
И рушатся хребты, вздымаются долины,
Бушует плоть Земли, ломая кандалы.

Обвалом тишина и смутные наплывы,
Как лики тех людей, чья доля нам близка.
Давно их с нами нет, но голоса их живы,
Живут их боль и гнев, надежда и тоска.

Илимский узник грезит и тоскует,
Сибирский наш «Колумб» опять идёт во льды,
И гневный Лунин страстно протестует,
А скольких нам ещё не ведомы следы...

Какую нам Байкал ещё подарит повесть?
Из прошлого приходят и встают у скал
Лишь чистые душой, их мысли, честь и совесть
Навеки сохранит священный наш Байкал.

текст
Виктория Астраханцева

Фото из личного архива.
Фото из книг издательства САР: Орлов Г.М., Орлова-Купецио И.Т., Ополовников А.В.

Перспектива в прошлое

Откликаясь на просьбу редактора журнала ПБ Елены Ивановны и для полноты картины 70-х годов, решаюсь на публикацию отдельных эпизодов из личного дневника «Предназначается помнить». Посвящается моим архитектрисам Инне и Алисе.

А.В.

Дороги, которые мы выбираем

Год 1974, сентябрь. Самолёт приземлился, когда наступили сумерки. Аэропорт – двухэтажное ещё новое типовое здание, как, впрочем, все дома и сооружения того периода. Мы с мужем и 4-х летней Инной погрузились в машину (остановить любую и проехать порой бесплатно в то время было нормой) и помчались по довольно узкой двухполосной дороге в интригующий, прославленный людьми и песнями Братск.

Извивающийся по холмам в ночи серпантин дороги, окружённой лесом и подсвеченной только пунктиром фар, впечатлил сразу и надолго. Это сейчас Братск может гордиться чудесной многополосной федеральной трассой «Вилюй», по которой время в пути сократилось более чем вдвое. Неожиданным для нас стало и то, что вся местность была не просто холмистой, а имела ярко выраженный рельеф.

Чуть больше, чем через час пути, перед глазами вдруг открылась ошеломляющая картина – многочисленные огни создали иллюзию большого города в ночи. Мы подъехали к гостинице «Тайга». Представшая картина напрочь перевернула все наши предположения. Морально мы готовились к худшему, ведь ехали в таёжный необжитой край, где деревянные бараки и, разве что только не стоят палатки. А здесь всё так цивильно!? Иностранцы разного статуса и «калибра» уверенно сновали по вестибюлю – улыбчивые, игривые, уверенные в себе люди, которые, предполагаю, тоже были удивлены неожиданно предоставленным комфортом.

Утро несколько рассеяло наши восторги. Вокруг 9-ти этажной протяжённой пластины гостиницы стояли панельные типовые 5-ти этажные дома. И, всё ж, это было сюрпризом. Молодой настоящий город, в котором

все строения пусть типовые, зато ещё новые. Панорама из окна! А, когда я увидела, что в магазинах с длиннющими полупустыми витринами продаются яблоки, я сказала, что жить здесь точно буду! Там, припоминаю, были сгущёнка и горошек, рыбные консервы в томатном соусе, селёдка и кое-что ещё.

Первые годы пребывания в Братске были наполнены впечатлениями от многочисленных знакомств, встреч с удивительными незаурядными людьми. Спустя годы о любом из них можно было писать книжки – про архитекторов, инженеров, художников, фотографов, артистов, съехавшихся со всех концов огромной страны и несших культуру своих мест в Сибирь. Вспоминая себя, думаю, что в основном в эти края тянуло молодых неравнодушных, готовых на эксперимент людей и ещё приглашённых на работу, опытных, очень нужных специалистов разных направлений. Мы становились частью знаковых процессов, происходивших в стране.

Встречались интересные личности и из бывших сосланных в эти края, так называемых «политических». Ничего двусмысленного мы за ними не наблюдали, да и не стремились к этому. С некоторыми мы по-настоящему дружили. Например, с Уникаускасом Олегом Ивановичем (Альфонсас Ионо) – известным в городе фотографом, у которого иногда спонтанно собиралась интереснейшая публика. О.И. привил мне любовь к чёрно-белой фотографии (как и мой папа, он умел и любил фотографировать, научился у своей тёти, моей бабушки Тигрануи – известной ереванской фотохудожницы.) Помню, как снимали с ним здание горкома. Выжидали подходящий день, рассвет, солнце, искали тучку. Я выбирала ракурс, а он делал кадр. Иногда мы это делали почти с земли. Некоторые до сих пор висят в моей мастерской.

Наш приезд сюда был в значительной степени спровоцирован рассказами об этих местах, условиях работы и жизни семьи Заславских. Ольга Артуровна – давнишняя знакомая моей мамы (встретились они в Москве в командировке, жили вместе в гостинице и почти десяток лет потом переписывались) и остальные члены её семьи были проектировщиками известного филиала московского института Гидропроект. Это они были Первостроителями ГЭС и города! Бывая в гостях, мы заслушивались историями, сопровождавшими всю легендарную стройку. О Наймушине, Гиндине, Князеве, о космонавтах, о Ф. Кастро, о членах правительства наших и разных стран, о Пахмутовой и Добронравове, о Кобзоне… Спустя годы, позже нам самим уже нашлось, кого и о чём вспомнить.

Вот так мы приехали (после ещё и атаки письмами директора – Ковалика Г.И.) на работу в филиале ИГП, с приглашением меня на ту же должность – руководителем группы архитекторов, Лео – ГИПом и начальником АПМ. И началось знакомство с коллективом, с руководством города и организаций, подрядчиками, заказчиками, поставщиками… Гипрогор, ИГП, ГОССТРОЙ СССР, ВАО Интурист, Росмонументискусств РФ, ЦК КПСС Томскгражданпроект. Это лишь малый перечень всех с кем пришлось работать.

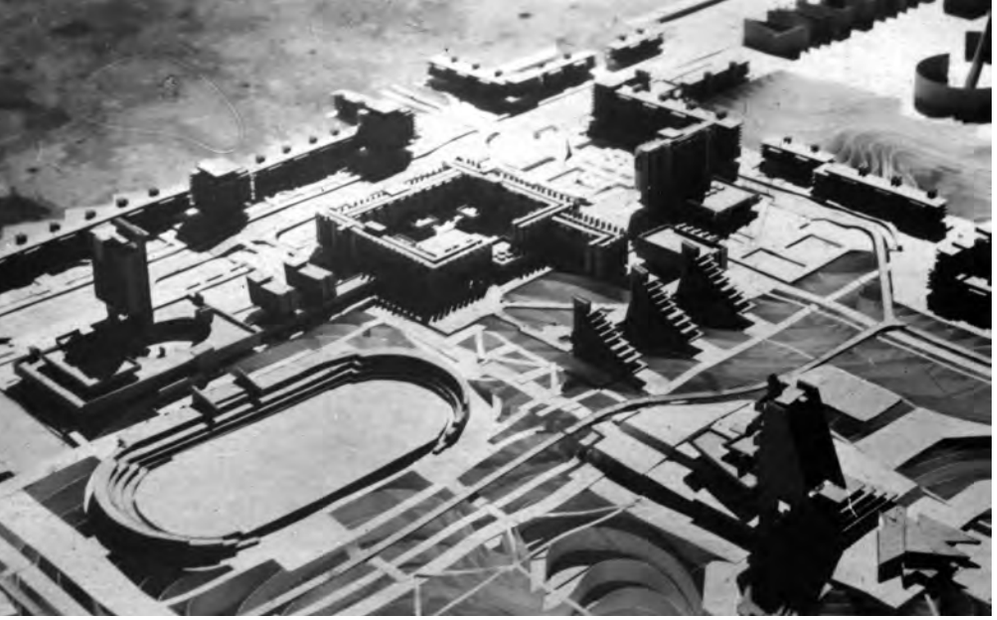
Активная, насыщенная жизнь, когда открытия случались почти каждый день.

Москвичи-«передвижники»

Первая встреча с ними состоялась на каком-то Совете по застройке центра. Я, как человек новый и независимый, ещё не попавшая под обаяние маститых коллег, высказывала своё мнение без лишних реверансов. В ответ услышала резкие аргументы, на которые тоже огрызнулась. Было не очень приятно (мне), но, как показало время, справедливо. Почему-то они пригласили именно нас с Лео вечером в гостиницу для общения.

Случалось, при знакомстве наблюдала «немой вопрос» в глазах москвичей, мол, жили в Караганде (когда-то ссылали в те края неугодных), а сейчас живут в Сибири?.. Сия чаша, насколько я знаю, моих родителей к счастью миновала, если, конечно, мы всё знаем… Смешно или грустно?

Нет, никаких обид и деловых разборок не было, было просто знакомство. Они абсолютно запросто



^ Джезказган ПДП центра. Проектирование: институт Горсельпроект, 1973 г.
Рук. С.И. Мордвинцев

^ А.В. Ополовников в Ангарской деревне

могли с чем-то согласиться и изменить своё решение, в отличие от нас, молодых максималистов, одержимых мечтой о самостоятельном проекте, о создании какого-нибудь уникального сооружения и т.д. Никакого пафоса с их стороны или надменности, они – люди разного возраста и статуса, были, как мы молоды душой. Как была права Раневская: «молодость хороша в любом возрасте».

Анекдоты, юмор, хохот, традиционное застолье с водочкой, с московским сервелатиком. Мы пришли тоже не с пустыми руками, благо, напитков в Братске всякого калибра было более чем.

Случалось, от некоторых из них слышали любопытные рассказы о том, как начинался Братск, как ходили по дну будущего моря, какой замышлялась планировка города, по какому принципу трассировалась сеть улиц. Почему так расположена селитьба, и как бесполезно было пытаться изменить планировку из-за размещенной вопреки здравому смыслу, промышленности по направлению ветра.

Было интересно слушать, как непросто они «лавировали по водоразделам», с которыми невозможно было не считаться и, что именно эти самые водоразделы диктовали структуру планировки, которая относительно сторон света была отнюдь не самой лучшей. Про лес, ягоды, рыбалку, про мошку. Расставаться с ними уже не хотелось.

Директором был тогда Виктор Сергеевич Высотский, мне казался удивительно демократичным человеком. В компании сидел, абсолютно не выделяясь от остальных. Как бы случайно бросал мысль о проекте, все ненавязчиво реагировали и без какого либо ажиотажа принимали решение.

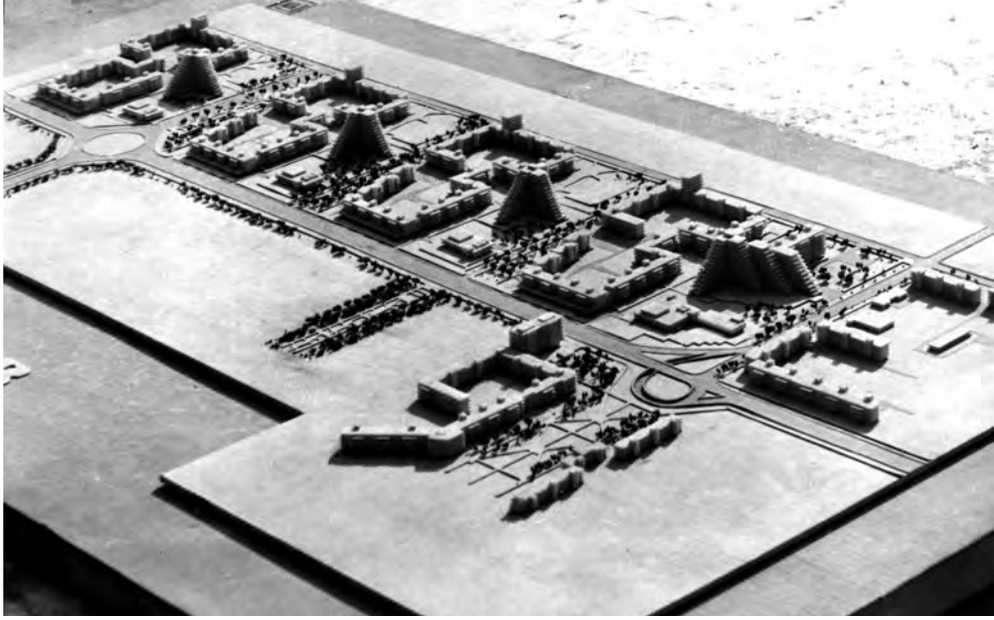
Я училась у москвичей, как они, не ломая копья, умели найти компромисс. Спокойно могли принять к сведению предложение от нетитулованного смертного. Сначала казалось, что пахнет беспринципностью, но с годами поняла – мастерство, мудрость. Есть проблема – её надо решить, а не загонять в угол.

Не знаю, многим ли в жизни, как мне, выпало такое искреннее общение с коллегами, в последующем выросшее в настоящую многолетнюю дружбу. Так было с ними, с гипрогоровцами – мы привыкли их называть именно так, потому, что это не один-два человека, а группа специалистов высокого уровня. Они создавали новый город, который детально себе представляли, заранее его любили, да и в целом – весь наш сибирский край, сибиряков. Не упускали возможности приехать сюда хоть на недельку. Конечно, и в их адрес была критика, мол, питерцы работали лучше. Возможно, но объективности ради не забудем, что камерность застройки городов была потеряна и по причине использования совсем других масштабов жилых образований, дворовых пространств и самих домов. Директивы по уплотнению застройки спускались сверху, а нам приходилось проектировать на этом противоречии. А ведь работали москвичи над генпланами многих городов на всей территории СССР, но к нам отношение было особым. Мы сами всем этим очень дорожили.

Помню наши неповторимые встречи, когда сразу с утреннего самолёта, вся компания ехала не в гостиницу, а ко мне домой к застолью. Ненавязчиво, с налёту решались проблемы по генплану, здесь было место и песням под гитару, которой мастерски владел наш всеми уважаемый Вилен Петрович Постнов. Он руководил крупнейшей мастерской, потом Гипрогором, был академиком РААСН и имел множество почётных титулов.

Тяжелей всех приходилось мне – надо бежать на работу, а здесь так здорово! На следующее утро они все в форме, В.П. безупречно защищал генплан, а весь коллектив за его спиной был уверен в результате и абсолютно невозмутим.

Наша дружба со многими длится по сей день. Но, вот общение, в связи с перестроечными преобразованиями стало эпизодическим. Тяжело переживаем трагическую потерю, когда весной 2012 г ушёл из жизни, бесконечно талантливый, умный, необыкновенно человечный дорогой наш Вилен Петрович.



^ Орлов Г.М.

^ Караганда, проект мкр. № 8, проектирование 1972, строительство 1974, рук. Мордвинцев С.И.

А город живёт!

А было это приблизительно так.

В мастерскую неожиданно почти влетел наш директор, за ним вдогонку главный инженер и ещё кто-то. Лицо директора было лицом победителя. Окинув всех нас интригующим взглядом, выдержав почти мхатовскую паузу, он – человек, заслуживающий отдельного описания, с пафосом, многозначительно произнёс: «К нам едет Орлов со свитой!». Теперь уже паузу держали мы.

Конечно, каждый из нас – архитекторов прекрасно знал, кто такой Г.М. Орлов. Первый секретарь Правления СА СССР. Но представить себе, что он может появиться здесь, у нас на этаже?! В нашем далёком сибирском, пусть даже очень перспективном и прославленном Великими стройками Братске! Это бомбочка! Да ещё в сопровождении огромной свиты своих высокопоставленных заместителей, которые все как один были личностями известными в архитектурной среде страны: президенты СА республик. В то время вообще с пиететом относились к чинам и регалиям.

Это надо было видеть! Из окон нашего четвертого этажа, да и не только, наверное, сотня глаз наблюдала картину, как милиция расчищает дорогу эскорту из нескольких чёрных волг. Вот, выходят импозантные седовласые мужчины, практически все в чёрных костюмах и галстуках. Их улыбающиеся лица отражали, как казалось, осознание радости бытия, предвкушение предстоящего праздника. Кстати, как я себе уяснила несколькими годами позже, уже-таки, действительно, завершались такие командировки добротными фуршетами, со щедрыми местными и иными деликатесами, обильно сдобренными фирменными напитками, в числе которых (на нашей, к примеру, территории) всенепременно водочка и омулёк.

В это время мы, особо тщательно отобранные для встречи, ведущие специалисты филиала, сдували последние ненужные детали с 6 м^2 пенопластового макета центральной части города и в ожидании именитых гостей явно волновались. Признаюсь, особенно в этом преуспела я, ведь именно мой вариант решения центра с двумя микрорайонами был выложен на макете.

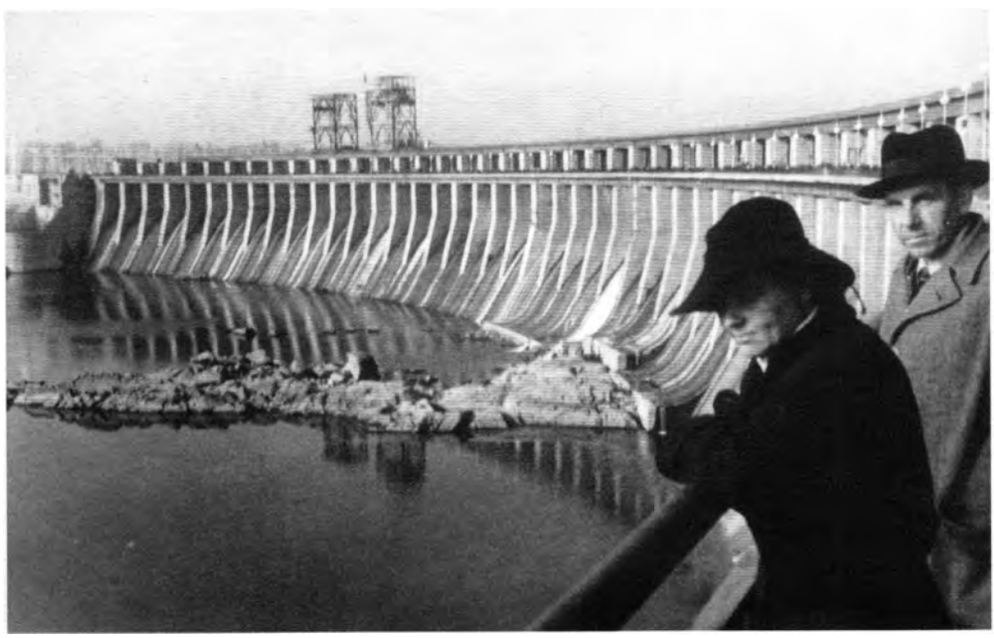
Чуть-чуть о личном

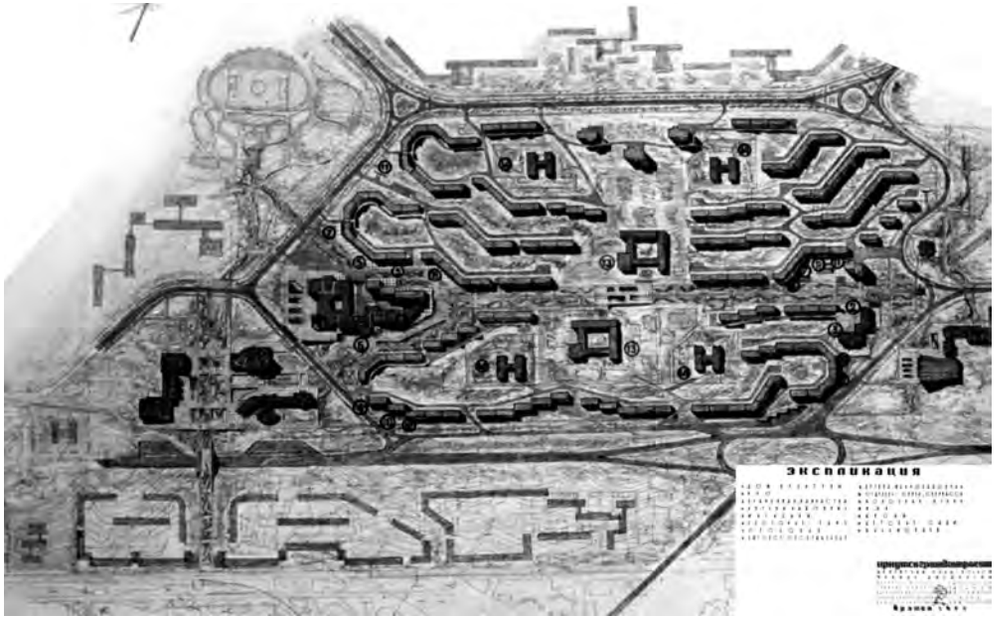
Лео, начальник архитектурной мастерской, а главное – мой муж и абсолютный единомышленник, стоял рядом и демонстрировал полное равнодушие к происходящему. Впрочем, ему это просто было свойственно. Иногда я вглядывалась в его интеллигентное с тонкими чертами лицо и размышляла, откуда это в нём? Достоинство не внешнее, а глубокое, шедшее изнутри. А ещё, что важно – фантастическое самообладание, то самое, которого напрочь не хватало мне. Оно было не наносным и не в генах, он это взрастил в себе. Считаю, такое возможно только от ума. На всё взирал, как бы чуть сверху, мол, всё суета - сует, не стоит мельтешить. А что там у него внутри? Иногда мне удавалось туда заглянуть, но даже если я чего-то не улавливала, всё же, безоговорочно верила в его правоту. Думаю, у нас это было взаимно. Но это к слову.

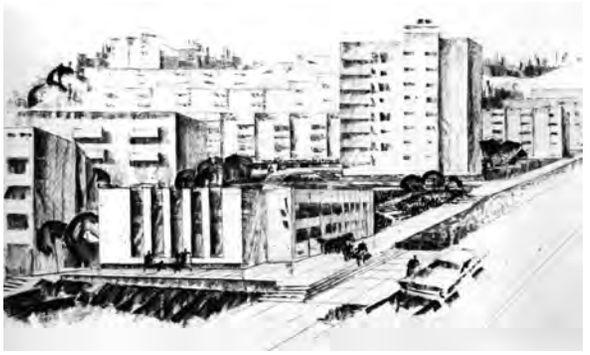
Жора

Итак, распахнулась дверь, и первым вошёл явно лидер – большой, ухоженный, чтоб не сказать холёный, приятный, с добродушной улыбкой на лице человек, за

v Г.М.Орлов и И.Т.Орлова-Купецио. г.Запорожье, Днепрострой. Ноябрь 1948 г.







^ ПДП жилого района в Усть-Куте.
ГАП, автор
В. Астраханцева

^ Усть-Кут
В. Астраханцева, В. Баум

ним остальные. Окинув взглядом собравшихся, поочерёдно пожимая руку каждому, обошёл всех. Подойдя ко мне, переспросил фамилию и торжественно громко, обращаясь, как-бы ко всем, не отпуская моей руки, сообщил: «Вы уже знаете, что мы Вас приняли в Союз архитекторов СССР? Поздравляю, мы рассмотрели Ваши документы и работы». Все зааплодировали, а я, в состоянии полного счастья и растерянности, прикрыв ладонями лицо, совершенно по-идиотски хихикнула и поблагодарила его. «Мы все Вас поздравляем!», – повторил он, выделяя как-то особо слово «поздравляем!» и продолжил обход, весь из себя значительный и вальяжный.

Подошёл к молодой архитектрисе Ольге, стоявшей вместе с мужем Сергеем. Это была эффектная чета Рябовых, пара довольно продвинутых москвичей, приехавшая в Сибирь за регалиями. Опережая мэтра, она чуть кокетливо произнесла: «Оля», он ей: «Жора». Все расхохотались. Напряжения как не бывало.

Г.М. наконец подсел к краю макета, я коротко прокомментировала представленный вариант застройки. Наступила пауза, молчание. Моё сердце стучало так, что казалось, слышно было всем. Спустя несколько минут, он произнёс слова, которые запомнила навсегда, хотя в них не было ничего особенного: «Ну что, сработано грамотно, поздравляю».

Душа торжествовала, хотя в моём мозгу пролетели варианты. Интересно, о чём он на самом деле мог сказать, если бы не был столь интеллигентен: «в целом терпимо» или «надо же, провинциалка, а соображает». Мне пришёлся бы по душе такой вариант, например: «Всё же это талантливо»...

А интрига-то...

А интрига заключалась в следующем. После глубокого анализа, заданного как основа для конкурса проекта детальной планировки района, я, уже вкусившая сполна «прелесть» специфических выбросов Братских гигантов, несколько иначе, чем предшественники – архитекторы московского института Гипрогор (генпроектировщик Братска), оценивала эти находившиеся в непосредственной близости от зоны отчуждения БЛПКа (лесопромышленного комплекса) площадки под застройку. Выбросы «тянулись» к Энергетику именно вдоль береговой зоны с воздействием в зависимости от направления ветра.

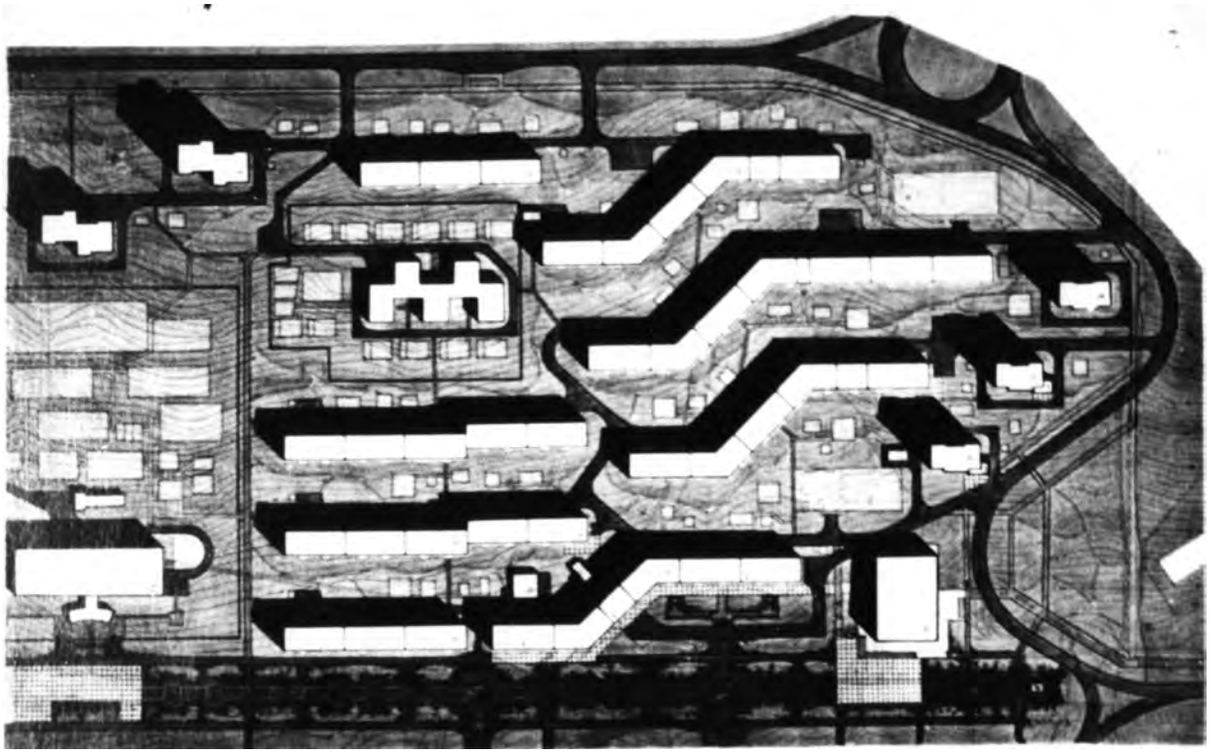
Рассудила всё же: в парк можно прийти в благоприятную погоду, а селить людей для постоянного проживания вряд ли правильно. Потому проектом (его начало было в 1976-78 гг.) предложила отказаться от одного микрорайона №19 в пользу увеличения парка с набережной вдоль водохранилища и одновременно уменьшить плотность населения именно здесь, на не вполне чистой территории. Собственно, это и стало главной причиной поиска несколько иного планировочного решения.

Площадь Тысячелетий

Хотя! Как я завидовала москвичам! В 19-мкр планировались фантастические Дома-комплексы невиданной этажности или, к примеру, площадь Тысячелетий! Одни только названия говорили о полёте идей и вере в прекрасное будущее новых городов. Ведь в то время архитекторы – даже вполне зрелые специалисты, а не юные романтики – не могли себе сполна представить такого, как сейчас, размаха строительства вредных производств и силы негативного, я бы сказала, поражающего воздействия выбросов на жителей. От проектировщиков зачастую скрывали истинные данные о вредности производств, их перспективном развитии и мощностях. Сама столкнулась с этим позже при разработке генплана г. Бирюсинска.

А этажность! Ведь при разработке генплана речь шла о 25-летней перспективе и более, в которую все мы довольно искренне верили, а не о том, что оказалось на самом деле, когда за три – пять лет строился микрорайон из только лишь типовых домов. Сроки превалировали почти над всем. А город рос быстро, как никакой другой.

Но в стране к этому времени укоренился новый блок-секционный метод застройки с целью значительного её уплотнения, и как следствие – увеличения мас-



< 10 Усть-Кут, жилой комплекс лесных причалов Росколхозстройобъединения
автор, ГАП - В.Астраханцева

штаба домов, дворовых пространств, изменения жилых структур, что и происходило в то время. Вместо уютной квартальной застройки в тираже были уже другие ценности. При этом архитектору необходимо было обеспечить качество и неповторимость архитектуры современного города.

Планировочная (ре-?) организация

В этой ситуации, принципиально важным было не ошибиться с зонированием территории, коль скоро замахнулась на своё. Поэтому, так важна была оценка гостя.

Два микрорайона вместо трех с организацией парка и набережной. К ним ведут главные городские пешеходные оси, одна в виде бульвара (с учётом зоны действия луча от существующей принимающей космической станции «Орбита») и новая – на монумент Славы (авторы Ганиев, Зимин) – редкое сооружение для Братска. Посчитала правильным включить эту видовую ось на него от высоких отметок центра жилого района.

Дворовые пространства скомпонованы домами переменной этажности, понижающейся в соответствии с падением рельефа к периферийным территориям микрорайонов. Граничат они с зелёными скверами: с юга – спортивным с комплексом зданий ДОСААФ, кортами для большого тенниса и другими спортивными площадками, с севера – мемориальным с главным городским монументом Славы.

Все четыре школьные площадки зеленью дворов «вливаются» в оба сквера, которые в свою очередь, примыкают к главному городскому парку. Этот зелёный массив окаймляет всю территорию центрального жилого района и вдоль «моря» соединяется с лесопарком.

Грани трансформации

А вот сама жилая часть застройки!

В порыве футуристических фантазий мне грезилось: по обе стороны от оси бульвара вдоль водораздела, на самых высоких отметках рельефа (для обеспечения максимальной плотности) стоят два гигантской длины пластичных дома-балки на ногах, под ними – сохранившийся лес. Они, как две реки, растекаются в разные стороны, огибая контуры микрорайонов и одновременно защищают их от ветра. В их «объятиях» дворовые образования, в виде домов-полуколец, плавающих в массивах зелени.

Высотки как восклицательные знаки фиксируют адреса каждого из них. И такое равновесие между этими «вписанными» в природу домами-скульптурами и человеком, такая органика, что отдельно друг без друга они существовать не смогут!

Как всегда, главную роль, при этом, отводилась природному окружению – в ту пору ещё почти девственному.

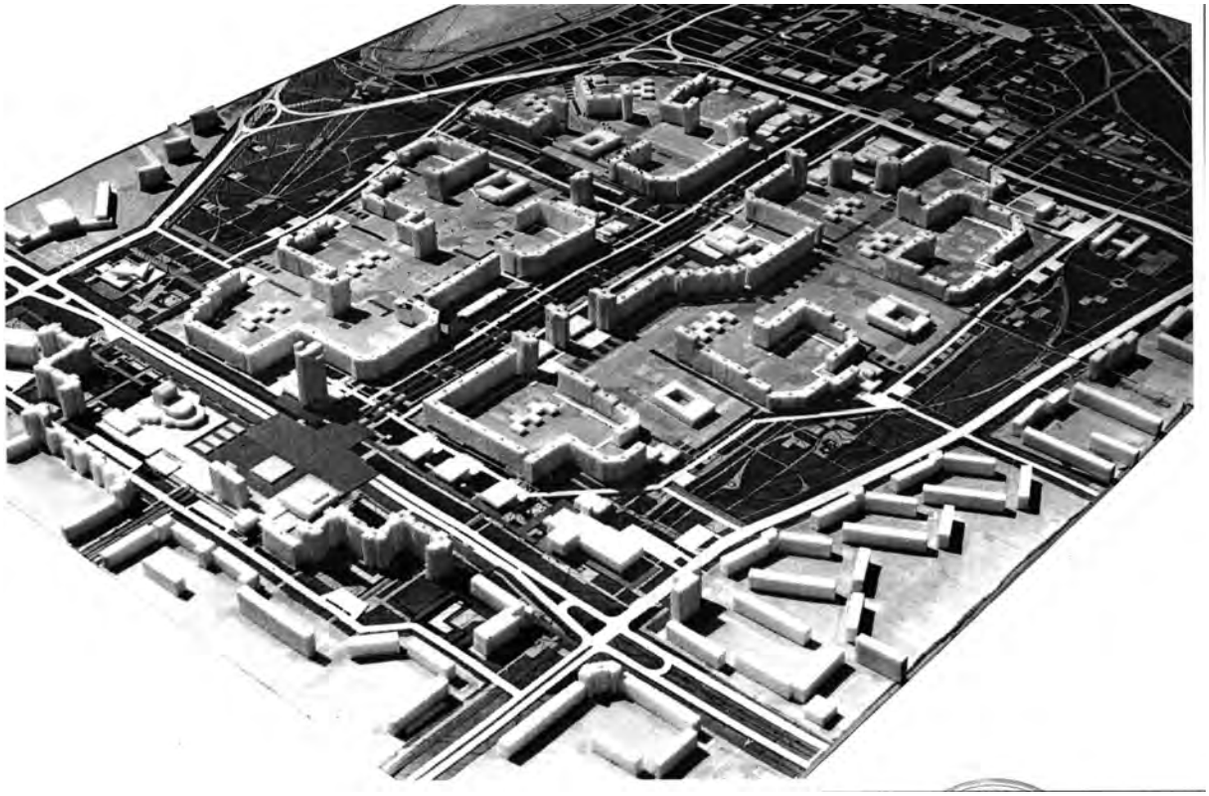
Реалити-архитектура

По большому счёту идеология планировочной структуры реализовалась. По контуру микрорайонов девятиэтажный гигантской длины жилой дом, правда, рассечённый на фрагменты (и увы, без ног). В качестве акцентов – группы четырнадцатиэтажных индивидуальных жилых домов и курдонер – планировочный «карман» для здания районного торгового центра. Как мечталось, островно расположены дворы, закрытые от ветра полукольцами поворотных блок-секций.

Внутренние пространства полностью принадлежат жителям и имеют тупиковые заезды, не допускающие сквозных транзитов через микрорайоны. Особенно вольготно должно быть детям, ведь в каждом из довольно масштабных дворовых пространств предусмотрен свой детсад и по две крупных школы на микрорайон.

Каждый из нас понимал, что столичные согласующие и инспектирующие инстанции внесут коррективы по упрощению проекта, но не до такой же степени...

Застройка изначально была предусмотрена разнообразными по этажности жилыми домами – индивидуальными шестнадцатиэтажными в качестве акцентов в периметре микрорайона. Полукольца дворов каскадом этажности спускаются по рельефу от четырнадцати, девяти и семи этажей, до пятиэтажных жилых домов. Одно- и двухэтажные общественные встроенно-при-



> Центральная часть Братска с 17, 18 мкр. (макет)
Проектирование 1976 г.
ГАП, автор, победитель конкурса В.Астраханцева

строенные объекты на завершении групп. Назовём это врастанием застройки в окружающую природу.

Но «обрезание» этажности было неприлично масштабным. Чиновникам в Госстрое, куда за разрешением на строительство домов выше пяти этажей порой не один раз в месяц приходилось летать, показалась роскошной такая палитра этажности индивидуальных домов для Братска и постепенно были «зарезаны» семи- и шестнадцатиэтажки. Жёстко лимитировано и количество четырнадцатиэтажных домов. Всего их осталось шесть штук на два микрорайона...

Признаюсь, помимо шока образовался ещё и ребус. Принципиально, застройка утверждена, но что там оставалось после такой операции, что с целостностью решения? Как вписаться в согласованные показатели?

Попытка вырваться из уже сложившихся традиций типового проектирования, хотя бы откорректировать стандартность решения оказывалась почти тщетной.

Простим тех, кому мы мешали?

Братскгэсстрой

Период жизни, в который велось проектирование застройки центрального жилого района Братска – расцвет массового строительства жилья на основе типового домостроения. Особое место в стране занимала мощнейшая база стройиндустрии – «Братскгэсстрой», созданная в 1954году, само название которой говорило о многом. В её структуру входило 40 разных организаций. Сфера её деятельности распространялась если не на всю страну, то, как минимум от её середины до Дальнего Востока и родиной её был Братск.

Здесь «пеклись» новые серийные блок-секции, в частности, 96, 97-я и 125. Городу априори предначертывалось работать с ними, в частности с последними двумя.

К слову, 125 серия, специально созданная нашим и московским им. Якушева КБ для Братска и Усть - Илимска с очень удачной планировочной структурой (большая прихожая, комнаты почти квадратные, раздельный санузел, балкон и лоджия в квартире, мусоропровод, и в 5- этажках тоже). А за разработку конвейерной линии по производству крупноразмерных многопустотных плит перекрытия разработчики получили Премию Совмина РСФСР.

С 1976 года они же разработали 135 серию, прошедшую испытания в условиях землетрясений в Кишинёве. Помню, где-то 79-80 гг., мы были в Иркутске на какомто совещании и нас пригласили на испытания пожарными домов 135-й серии. Точно не помню адрес дома, но присутствовали В.П. Шматков, В.А. Павлов, В.Ф. Бух и, кажется, Н.Н. Беляков.

Кубик Рубика?

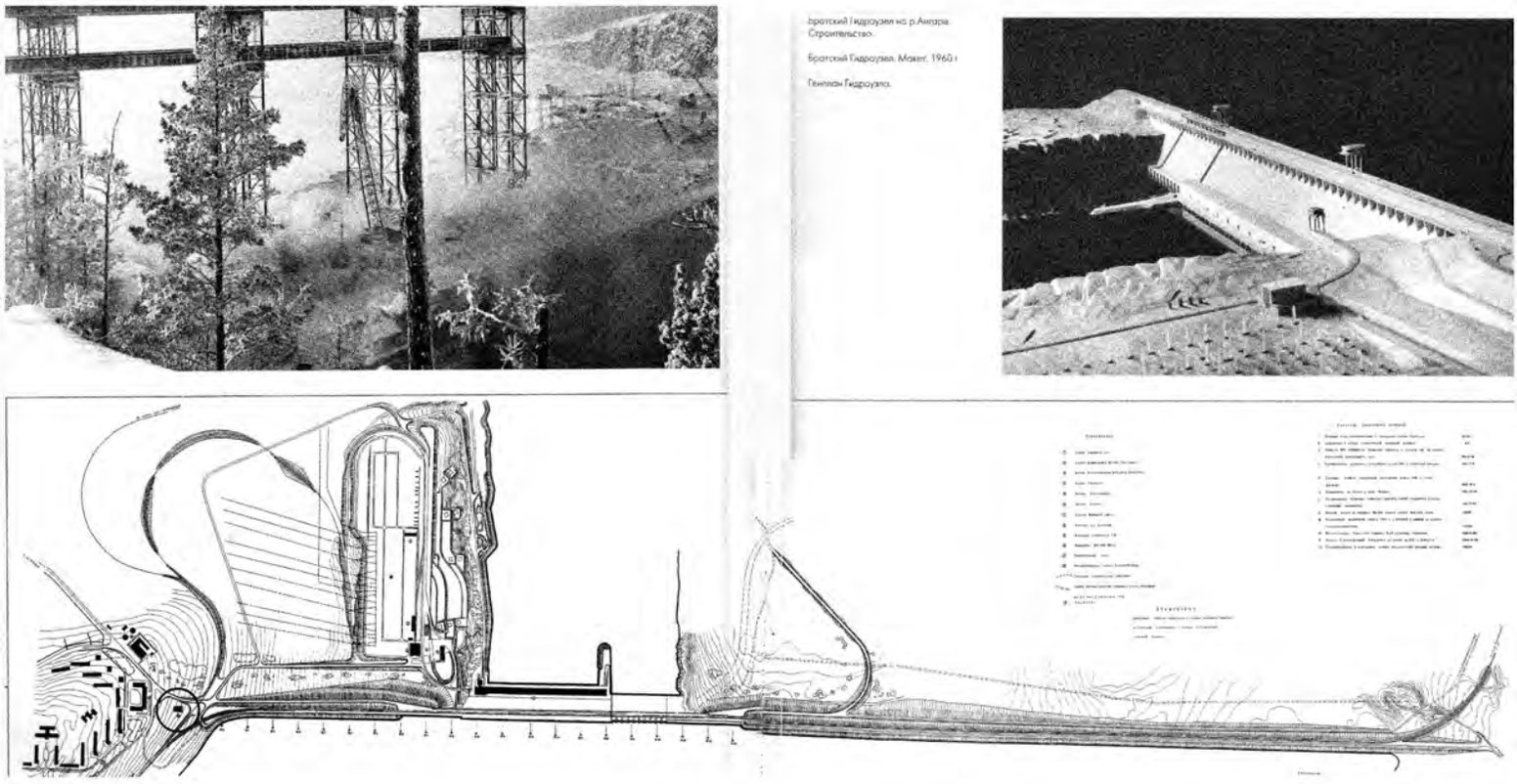
Блок-секция – это «кубик» с определённой этажностью и составом квартир, ориентацией и главное, техническими показателями. Выпускалось их несколько типов: рядовые, угловые левая и правая, две торцевые и со сквозным проездом. Они могли быть только девяти- или пятиэтажными. Самой оригинальной из всей этой номенклатуры была 125-я поворотная пятиэтажная, отдаленно напоминающая часть того самого полукольца.

К слову сказать, позже «поворотки» были сняты с производства как слишком металлоёмкие – экономичность превалировала во всём. И насколько мне известно, только в семнадцатом микрорайоне Братска эти блок-секции были построены. В Усть-Куте, в бамовском жилом районе, где я их также применила, их строительство так и не состоялось.

Так что Братск ещё раз подтвердил свой статус экспериментальной площадки на тот период. Может, это и служило поводом тому, что многие, как мы, молодые люди, ехавшие на пару лет поработать в удовольствие на Великую стройку, задерживались здесь так надолго.

Заниженная высота жилого этажа «типовушек» в 2,5 м исключала возможность размещения в их первых этажах объекты общественного назначения.Для большинства городов страны – не столичных и не миллионников, строительство отдельно стоящих объектов велось только по разрешению Госстроя.

Доходило до абсурда: например, один наш архитектор запроектировал одноэтажный магазин и соединил



^ Братский гидроузел на реке Ангаре, макет

его с домом одной только балкой, чтобы объект считался пристроенным, а не отдельно стоящим. Всё это резко ограничивало свободу проектирования авторам.

Диапазон согласований

Конечно, надо помнить, что проект должен был пройти через сито различного уровня Советов и согласований. У себя в институте, на городском совете, в Гипрогоре, затем на областном архитектурном Совете. Далее было рассмотрение в Госстрое, где утверждались все окончательные показатели по проектам (в т.ч. плотность застройки, процентное соотношение квартир с учётом демографии на данной территории, этажность домов и др.).

Особое внимание уделялось пожарным требованиям, проездам, разрывам между зданиями, инсоляции не только квартир, но и дворовых пространств, их проветриванию и одновременно, исключению излишней продуваемости площадок отдыха, ориентации и т. д.

Одним же из самых главных требований было не выйти за предел утверждённой сметы. Словом всё, что включает в себя суть – качественный по советским понятиям проект, где главенствует плюс ко всему сказанному фактор времени. Глобальной же государственной задачей было в ограниченные сроки создать в необжитом сибирском краю полнокровный промышленный центр, а для его обслуживания, отбросив пафос, построить среднестатистический город. Это неизбежно вело к перекосу – несогласованности во внимании к промышленным сооружениям и жилищно-гражданскому строительству. Впрочем, многое из сказанного происходит и сейчас.

… «Под солнцем Госстроя
Создали такое,
Что завтра придётся снести.
Строители строят,
А наш бронепоезд
Стоит на запасном пути»…
Песня ансамбля «Кохинор» шестидисятые годы
Проводы гостя.

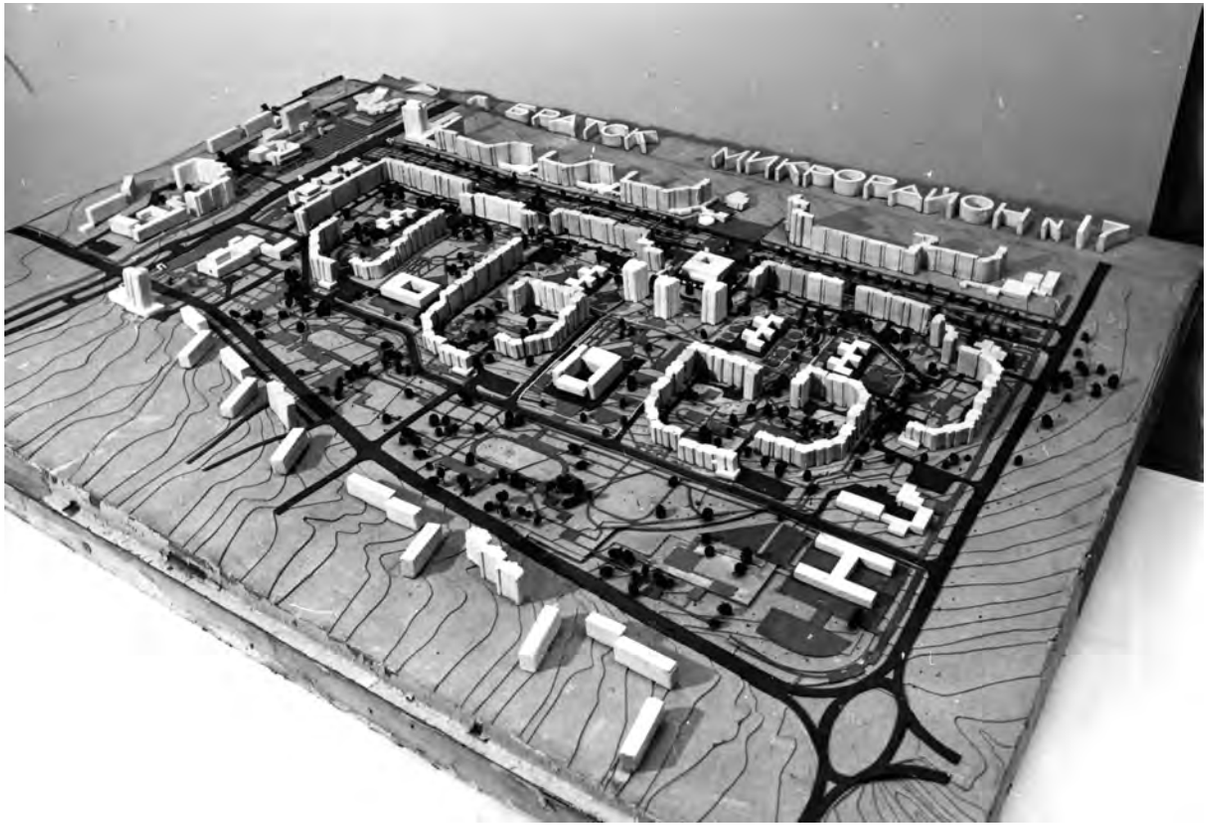
Доволен директор, довольны мы. Всё прошло на ура! Мы с Рябовыми, окрылённые и проникшиеся сентиментальностью состояния автора-архитектора наряду с какими-то ещё делами, прощавшегося со своим детищем – знаменитой на весь мир Братской ГЭС Г.М. Орловым, помчались в аэропорт, загрузившись в новёхонький люксовский жигуль-«шестёрку». Создана она была на базе Фиата, с корпусом ещё из итальянского металла. Что интересно, куплена машина была по талону. Усть-Кутским руководство вручило его ГИПу Лео Шитцу как поощрение за наши качественные проекты для БАМа.

Припоминаю, как на одном из торжественных собраний в филиале Г.И. Ковалик с гордостью огласил список о представлении нескольких проектировщиков, среди которых были и мы с Лео, к награждению Бамовской медалью. Увы, медаль героев не нашла, никого вообще из наших.

По дороге в лесу, благо он всюду, нарвали жарков – огненно-оранжевых сибирских цветов, похожих на розы и вручили их Г.М. прямо у трапа самолёта. Это надо было видеть! Он был настолько растроган, что на его глазах появились слёзы. Г.М. что-то произнёс, но это было неважно, мы сами попали в его состояние, чего никак не могли предположить, и слегка взгрустнули…

Спустя десятилетия в Москве, где мы находились на очередном собрании РААСН (Российской академии архитектуры и строительных наук) ко мне подошли очень приятной наружности молодые люди. Они – Орловы, дочь Наталья Георгиевна и внук Георгий, готовившие к выпуску книгу о своём именитом предке. Узнав, что я из Братска и о нашей встрече, они с интересом слушали мой короткий эмоциональный рассказ, восторженные воспоминания. Ими в 2004 г. мне от них на память была передана книга, изданная к 100-летию Г.М.О. и книга о его супруге – архитекторе, художнике, дизайнере Ирине Теодоровне Орловой-Купецио.

Как-то перед одним из юбилеев Братской ГЭС я попыталась напомнить её руководству об авторе-архитекторе и его потомках, мечтавших увидеть юбилейный



> Братск мкр. № 17, макет ГАП, автор В.Астраханцева

объект воочию, но организаторы (Иркутскэнерговское руководство – Иркутяне) остались безучастны. Казалось, что люди, сменившееся поколение – не знают этого имени. А жаль.

Пространства и камни, формирующие людей.
Время создания Братской ГЭС было не простым и всё ж. Архитектурный ансамбль нашей ГЭС признано считается глубоко образным сооружением, мощно и эмоционально воздействующим на человека. Убеждаешься в этом сразу, попав туда, к её подножию, когда от ледяного дождя брызг, появляется радуга, а на выступающих скалах наверху сосны кажутся вековыми. Этот природный ландшафт, кем-то Высшим так талантливо созданный, просто завораживает.

Приходилось видеть и другие плотины, с безжизненным антуражем. Мне есть с чем сравнить. А здесь вот он, уникальный пример взаимопроникновения двух сторон творчества – техники и искусства. «...Люди, пропагандировавшие примат техники в архитектуре, не любили и не понимали искусства, а те, кто пропагандировал архитектуру только, как искусство, не любили и не понимали техники» - это А.Буров. А как вам такое: «Кохинор» – это единственный ансамбль, созданный в советской архитектуре», – тоже его реплика. Но в те годы он ещё не видел Братской ГЭС!

Кстати, мне довелось реконструировать входную группу в нижний бьеф плотины, помещение пульта управления, конференцзал, отдельные интерьеры и экстерьеры здания управления, нескольких других корпусов комплекса БГЭС.

P.S.Как-то я предложила одному из директоров начать работу по внесению БГЭС в реестр памятников советской архитектуры. Для этого требовалось, чтобы сооружение простояло в исходном виде и технических параметрах 50 лет, что и состоялось. Но отклика не получила – ведь ГЭС могла сразу стать вотчиной государства и любое вмешательство нужно было бы мучительно согласовывать.

Энергетикам эта идея пока не пришлась к душе...

Областной совет
Никогда и нигде (разве что однажды в РААСН, когда выдвигалась в член-корреспонденты) я так не волновалась, как на защитах проектов в области (с 1974 г.). Уверена, вы бы меня поняли, если бы увидели этих личностей, всех вместе за длинным столом. Своим колоритом картина напоминала мне знаменитое полотно (формулировалась в «Архитектурную Вечерю»).

Один ярче и достойнее другого. Имена! Шматков Виктор Петрович – главный архитектор Области, председатель Совета, Кербель Борис Михайлович, Павлов Владимир Азариевич, Бух Владимир Фёдорович, Антипин Люциан Фёдорович, Латышев Леонид Андреевич – основной костяк Совета. Каждый из них – неповторимый, заслуживающий исторического описания его творчества и общественной деятельности.

Это люди, прошедшие особенные, яркие пути в творчестве и на административных постах (когда начальник был ответственен за всё, а не просто – хозяин), абсолютно разные и такие похожие в отношении к ценностям профессии. Слушать их всегда было необыкновенно интересно. Убеждалась неоднократно на их примерах – чем интеллигентней человек, тем меньше в его поведении демонстративного пафоса и амбиций.

Было логичным, что эти пархитекторы возглавляли профессиональный Союз.

Друзья, прекрасен наш Союз!
С 1976 г наше общение было ещё и на почве моего вступления в члены СА СССР, в Иркутскую организацию, что и состоялось вначале следующего года. Возглавлял её в тот период Люциан Фёдорович Антипин.

В СА СССР с 1963 года и далее, почти два десятка лет, первым секретарём Правления был Георгий Михайлович Орлов. Помимо множества заслуг он был известен и тем, что под руководством В. Веснина с 1929года участвовал в реализации плана ГОЭЛРО, был автором нескольких ГЭС, «венцом создания» которых, как когда-то сказал Ю.П. Гнедовский, стала Братская

ГЭС. Его считают «одним из создателей новаторских отечественных градостроительных теорий и идей 20-30 годов… реализованных на практике и вошедших в сокровищницу мировой архитектуры».

Люциан Фёдорович Антипин

Доскональный и внимательный Люциан Фёдорович методично объяснял мне, что требуется для вступления в союз, неоднократно созванивался, сам держал ситуацию под контролем. Мало кто сейчас поступает с такой же самоотдачей. Он посвящал во все нюансы процедуры оформления материалов, которые были не так просты, как сейчас, в век всеобщей компьютерной грамотности. Каждому кандидату необходимо было предоставить фото со своих объектов, заверенные печатями и подписями, подтверждающими степень авторства. А добыть эти фото из тех мест, откуда все мы давно уехали, было не просто.

С его принципиальностью я столкнулась на Совете, он мог иметь своё категорическое, отличное от других мнение, что само по себе достойно уважения. Л.Ф. и сейчас в курсе всех ключевых событий в архитектурной жизни Иркутска.

Нас одновременно вступающих было двое: Коля Беляков (позже – Николай Николаевич, известный иркутский архитектор, спустя какое-то время работавший главным архитектор Иркутска) и я. Мы испытывали (по крайней мере, я точно), волнение и трепет перед Союзом. Тогда принадлежность к нему была более значимой и почётной. Все носили значок и старались подчеркнуть свою причастность к Союзу. Не думаю, что это по причине только молодости, скорее по причине профессионального статуса.

Не забуду эпизод вступления. Опытные люди сориентировали о неформальных традициях и я прихватила коробку конфет, армянский коньяк, лимончики, маслинчики и что-то ещё не помню. Николай тоже что-то. А происходило это всё в потрясающем своей обстановкой и архитектурой особняке в центре города, на первом этаже которого размещалась областная архитектура, а вот в подвальчике – союз!

В глаза сразу бросились огромные кожаные диваны и кресла, в которых можно было утонуть, на низких журнальных столиках какие-то яства, напитки. Не ускользнули от моего взгляда роскошные серебряные блюда. Откуда-то звучала проникновенная музыка.

Во всём этом великолепии перемещались фантастические персоны, все молодые, улыбающиеся, бесконечно остроумные, незаурядные личности, притом архитекторы! Особое внимание привлекла чуть опоздавшая непередаваемо красивая чета статных и таких ещё молодых Владимира Азариевича и его модельной внешности супруги. Гены! Природа!?

Обо всех этих людях можно было смело сказать – бомонд. И именно они решали или в достаточной степени влияли на ключевые вопросы по развитию территорий в один из самых не простых периодов массового формирования городов Сибири. На необъятных просторах малоосвоенных земель без права на ошибку в невероятно короткие сроки принять единственно правильное решение о системе размещения градообразующих объектов и населённых пунктов – задача не из простых. Брали на себя ответственность, когда всё остальное, более приятное, брали на себя другие.

Виктор Петрович Шматков и Владимир Фёдорович Бух

Скованность прошла, когда внимание всех привлёк тост Виктора Петровича Шматкова – нашего по-настоящему главного архитектора области, знающего, казалось, каждый её уголок. Можно бесконечно долго описывать его деятельность, как нам полезно и необходимо было то мощное объединение архитектурного потенциала, которое он нам обеспечивал. Командировки, совещания, советы, встречи.

И всё же, особенно потрясала любовь и глубина знания этих мест…

Высокие гости

Однажды (наверное, лет 30 назад) они с Владимиром Фёдоровичем были у нас дома, тогда ещё в совсем новой квартире. Я крутилась на кухне и, как хозяйка жутко комплексовала перед такими гостями. Мужчины втроём с балкона разглядывали прекрасную панораму и новёхонький микрорайон с длинными секционными домами, выкрашенными в насыщенные цвета: сурик, глубокий ультрамарин… Увлечённо обсуждая застройку, они переходили с одной стороны квартиры на другую, обсуждая приёмы застройки, пока я не пригласила к столу.

Всё о чём говорилось за трапезой, было самым ценным. В.Ф. говорил, как всегда, мало и сдержанно, а В.П. рассказывал об уникальной природе, предлагал какие-то вылазки в экзотические неизведанные места. Но я, ссылаясь на ещё маленькую дочь отказывалась. Он не мог этого понять и говорил, что детей надо воспитывать по спартански, рассказывал о своих четерех очень самостоятельных детях. Это было моё первое знакомство с В.П. как с человеком, а не с начальником.

Постепенно заговорили о БАМе, о томичах (они проектировали тоннель в Усть-Куте), о застройке вдоль трассы на севере области, о планировочных проблемах в зоне БАМа. В.П. знал все тонкости и помнил все улицы, посёлочки с непривычными названиям.

И опять я понимала, что многие вопросы в нашем деле решаются именно в такой, непринуждённой обстановке.

…А потом заговорил Владимир Фёдорович. Улыбаясь, с азартом, ему свойственным, вовлекая всех в своё праздничное настроение, стал пояснять, что такое расколотка, сохатина и как делается строганина. Всё это мастерски демонстрировал, присыпая перчиком и солью, обращая внимание на уникальную по своей ценности бруснику, до селе мне не знакомую ягоду.

По большей степени его ненавязчивый, но незабываемый рассказ, как показалось мне, предназначался для моих ушей, ведь остальные – все свои. Бывалые. Я слушала, открыв рот, впитывая каждое слово, старалась запомнить хоть что-то из услышанного.

Казалось, что В.Ф. с некоторой иронией слегка подшучивая, боковым зрением наблюдает за моей реакцией, за мной, открывающей эти интригующие места Прибайкалья, совершенно далёкой от всего происходящего, эдакой, заезжей горожанкой-интеллигенткой.

Это уже позже много раз я видела его совсем другим, внимательно и напряжённо вслушивающегося в слова собеседника, словно пытающегося представить себе его позицию, расшифровать его мысль. Потом безоговорочно точно резюмирующего итог и поражающего своей логикой вывода.

Некоторая часть моей жизни была и проходит сейчас в ареале влияния В.Ф., о чём он вряд ли догадывается. Происходит ли это в редких эпизодах общения в делах творческих, общественных, дружеских или было в период работы и непосредственного подчинения в филиале ИГП. Понятие «подчинение» относительное, т.к. никогда не ощущала никакого давления. Хочется просто слушать, анализировать. Учусь (хоть и поздновато) по сей день. В.Ф. всегда интересен нестандартностью позиции. Вектор его мыслей особенный, провоцирует незаурядность решений, как будто протестует против откровенно ожидаемого. «Учиться и размышлять». Конфуций.

Рио-де-Жанейро.
Может быть, уместно вспомнить один эпизод из того времени, когда жизнь в проектном деле бурно кипела, программы по развитию городов и населённых пунктов расписывались на годы вперёд и отражались ещё только в проектных материалах. Приближался БАМ.

Помню, как-то (в бытность главным архитектором института ИГП и, соответственно, нашего Братского филиала) к нам в отдел генплана вошёл В.Ф. Он сделал это так, как будто не было сотен километров между нашими городами. Направился прямо к большому планшету, закреплённому на кульмане. Я было приблизилась, чтобы что-то сказать о проекте, где опять применила пресловутые поворотные блок-секции и о подаче, её пришлось сделать пастелью, т. к. в городе не было акварели (речь идёт о проекте Центрального жилого района в Усть-Куте, где под жилым массивом проходил бамовский тоннель – головная боль не из лёгких). В.Ф. взглядом остановил меня, давая понять, что ему и так всё ясно. Мы всем отделом молча ждали вердикта. Стоя у кульмана, как всегда, руки за спину он внимательно вглядывался в работу. Потом повернулся и, обратившись, словно к кому-то невидимому произнёс: «Не вижу здесь никакого Рио-де-Жанейро». Много лет хотела спросить его, что имелось в виду, но пришлось самой что-то домысливать, так как не сделала этого до сих пор…

Да, а расколотку он и сейчас делает лучше других!

Неизгладимые впечатления прекрасного периода моей жизни!

P.S. Могла ли я себе представить, что пройдёт пару месяцев и, вместо материалов о В.Ф., в журнал придётся писать некролог. Нет, я не стану править тексты на прошедшее время…

Для большинства из нас он был непререкаемым Авторитетом, Мерилом в профессии, не терпящим банальностей ни в чём. Думаю, Владимир Фёдорович не замечал, как своей позицией, словами, действиями определял и наше отношение к архитектуре, её ценностям. Шутя, улыбаясь, произносил реплику, которая могла помочь решить любую задачу, а мог и наоборот – заставить посмотреть на проблему с другого ракурса, не каждому сразу понятному. Он заставлял думать, формулировать, видеть ни цвет, а весь спектр.

Кто теперь будет этой силой, сдерживающей разгул «любительщины» в архитектуре в наше время?

«…*Мы теперь уходим понемногу*

В ту страну, где тишь и благодать…» С.Есенин.

Он всегда был рядом, среди нас, но не одним из нас – всегда выше, а теперь ещё выше…

Кербель Борис Михайлович
Следующим проектом довелось разрабатывать генплан г. Бирюсинска – того, про который песня Пахмутовой. При одном только упоминании всплывают живописные картины, увиденные с «кукурузника». Правда, из-за болтанки, я воспринимала их сквозь некоторую пелену, а четырехлетняя Инка, чем нас растрогала, старалась меня поддержать. Её не с кем было оставить дома и мы с мужем, он был ГИПом по этому объекту, взяли её с собой. Помню этот «лайнер» вообще без дверей и жуткую духоту.

Нас впечатляло всё. Город, в основном из одноэтажных домов, разных периодов строительства. Центр – его таковым назвать можно было с натяжкой, – несколько рассредоточенных по территории зданий, немного отличающихся габаритами от жилых домов. Но, что удивляло – почти все они из дерева с абсолютно разным декором. Встречались редкие уникальные примеры резьбы на фронтонах, наличниках, ставнях.

Особенно удивило огромное разнообразие деревянных колодцев, где не было ни одного повторяющегося. Пусть, если даже особой ценности в этих примерах не было, я всё же, сразу решила, что предусмотрю экспозицию под открытым небом, куда надо будет свезти все эти образцы народного творчества, понятно, до того, как город «насытится» инженерной инфраструктурой.

Это было моё первое приближение к деревянному зодчеству.

В конце 70-х в период создания «Ангарской деревни» в Братске мне выпало удовольствие коротко пообщаться с известным, замечательным учёным, архитектором, посвятившим себя делу возрождения памятников русского деревянного зодчества Ополовниковым Александром Викторовичем. К тому времени он уже был известен, как многогранная личность, как блестящий фотограф, чертёжник, живописец, охотник. О нём говорили, как о национальном достоянии страны.

Вместе с известным Братским этнографом-энтузиастом О.М. Леоновым они провели обследования селений нашего края перед затоплением при строительстве ГЭС, реконструировали крепостную башню в Братске, «Ангарскую Деревню». Помню пронумерованные брёвна «добытых» ими в экспедициях строений для музея.

В 2004 году с друзьями-коллегами побывала в Москве в гостях у дочери А.В. – Елены Александровны, не менее известной в архитектурной и научной среде единомышленнице и соавторе трудов отца. Мы говорили о Братске, об «Ангарской деревне», с которыми она была знакома не понаслышке. Напоследок, Е.А. подарила мне новую книгу об А.В.О, изданную совместно с САР со своей дарственной надписью. Храню её рядом с книгами О.А.В.

Специфика города заключалась прежде всего в чудной природе, а в противовес этому – функционирование в непосредственной близости от жилого сектора единственного градообразующего предприятия – гидролизного завода. Это производство имело отпечаток (ярко выраженный) на образе жизни горожан и даже на её продолжительности, сами понимаете…

Не могу забыть, какое впечатление получила наша дочь от поездки. Жили мы в гостинице – барак в несколько комнат. До здания администрации путь вёл по узким улочкам, а где-то, даже по скотопрогонам. Мы специально шли этой дорогой, чтобы показать городскому ребёнку всякую сельскую живность.

Цыплята вызвали у неё ожидаемое умиление, она заквохтала и дальше не хотела идти. Но надо было видеть этот ужас в глазах, когда к забору подошла коза и уставилась на ребёнка. Мы почти волокли её, когда картина повторилась и над нами зависла голова коровы. Инка остолбенела и не могла двигаться, я применила всё своё красноречие, чтобы убедить её, какие же это чудесные и безобидные создания. На следую-

^ Панорама застройки со стороны водохранилища. Фото с макета. А.Я.Ковалёв. Ангарский каскад

щий день её пришлось оставить с одним командированным на завод очень пожилым инженером, с которым любопытно общались по вечерам.

Похоже, он был из бывших ссыльных. Как-то сказал мне слова, которые запомнила навсегда: «Вот вы всё время говорите – мы сделаем, мы запроектируем, мы хотим... очему вы не говорите всё тоже, но только – Я?» Я первый раз об этом задумалась – отпечаток советского времени, всё общее, всё вместе или специфика профессии? Мы все пустились в полемику.

Работой была очень увлечена. Сложность заключалась в сокрытии руководством завода истинных данных по вредным выбросам, нужных для определения зон ограничения до селитьбы. Мы буквально выкрали некоторые показатели (спасибо инженеру). Наконец генплан представлен для предварительного рассмотрения на Совет. Я стояла в полоборота к членам Совета, лицом к планшетам, рядами развешенным на стене и молчала. Вдруг я поняла всю бессмысленность моих речей перед теми, кто знал наизусть все эти места и проблемы. Но главное, глянув со стороны, мне показалось, что за этими большими мазками акварели, отображающими жилые массивы, ничего не видно в тех ощущениях, какие переживала я. Бездушные цветные пятна не могут передать ни состояния, ни эмоций. Можно сколько угодно расписывать, что там будет всё замечательно, и люди будут довольны и т. д.

Что-то меня всё же вывело из ступора и начался диалог. Я стала излагать свою позицию, осмелилась что-то отстаивать. Рассмотрение закончилось, были предложены какие-то доработки (деталей не помню).

Когда мы уже собирали материалы, ко мне вдруг подошёл Борис Михайлович Кербель, наш почитаемый представитель архитектурного ист'еблишмента, уникальный, седовласый, как всегда, в костюме-тройке с белоснежным воротничком и бабочкой. Один только внешний вид притягивал и говорил о нём очень многое. Он произнёс: «Деточка моя, вы что, расстроены? Зря, генпланы дело непростое, без замечаний не сделаешь. Вот если бы вы уже сделали их несколько штук, вы бы меня поняли».

Наивная, я повернулась к нему и стала перечислять планировочные работы (некоторые из них сделаны были в Караганде), чтобы доказать, что я уже девушка с опытом. Оказалось, он очень хорошо знал моих прежних руководителей – не менее, кстати, известных и харизматичных архитекторов того времени. Это был СССР и такие личности находились в поле зрения друг друга (Меликов Э.Г., Мордвинцев С. И.).

А когда на вопрос, где я училась он услышал про Алма-Ату, про моих преподавателей Ухоботова Л.Л., Ратушного Ю.Г. (известных молодых питерцев, взявших под своё крыло специальность «Архитектура» в политехе) и, что практиковали мы в Казгоре у Рипинского Н.И., (помню все называли его «Дед»), фактурной личности той же формации, что и Кербель. Б.М. сразу как-то внимательнее посмотрел на меня.

В этот момент, возможно, он думал о друзьях-коллегах или анализировал мой возраст, который, случалось, меня подводил? Ещё некоторое время мы с Б.М. вспоминали какие-то эпизоды и разошлись под впечатлением от них.

^ Семья 1976 г. 1 мая

Чудесные 70-е годы возвышенных планов и надежд. Следующим был генплан Качуга, с неизгладимыми впечатлениями от увиденных в тех местах Шишкинских писаниц-петроглифов. Берут они начало от позднего неолита до 19 века и изображены на скалах, тянущихся вдоль р. Лены. Известно, что их более 3 тысяч!

Дальше – генплан Мамы с редким, незнакомым мне до того производством слюды (с 52 градусным морозом, незабываемыми вылазками на природу по Витиму – Угрюм-реке, с картинами первозданной тайги и ютящимися в ней посёлочками, с приготовлением на костре свежевыловленных огромных тайменей, фантастически вкусной белой рыбы,).

Литература:
Очерки по истории Союза архитекторов России. Москва. САР. 2004 г.

Микрорайонные структуры 1960–1970-х годов в Иркутске / Neighborhood structures of the 1960s-1970s in Irkutsk

текст
Павел Дорофеев

text
Pavel Dorofeev

В статье рассматривается микрорайонная застройка периода 1960-х – 1980-х годов. Микрорайоны анализируются как самодостаточные структуры, ценные не только в качестве примеров, наполненных комплексным концептуальным содержимым, но и в социально-культурном отношении. Раскрывается культурный потенциал каждого микрорайона сквозь призму эстетики градостроительно-планировочного решения. Иллюстрируются некоторые качественные характеристики микрорайонной среды г. Иркутска.
Ключевые слова: микрорайон, эволюция, композиционно-планировочные принципы, жилищное строительство, жилая среда.

This article is a study of neighbourhood construction during the 1960's – 1980's. These neighbourhoods are presented as self-dependant structures; this being valuable not only in terms of their complex conceptual content but also socially and culturally. The planning decisions aesthetically reveal the cultural potential of each district. This is an illustration of some qualitative characteristics of the Irkutsk micro-district spaces.
Keywords: microrayon (neighborhood, microdistrict), evolution, composition and layout principles, construction of housing, residential space.

«Микрорайон (квартал) – структурный элемент жилой застройки площадью, как правило, 10-60 га, но не более 80 га, не расчлененный магистральными улицами и дорогами, в пределах которого размещаются учреждения и предприятия повседневного пользования с радиусом обслуживания не более 500 м (кроме школ и детских дошкольных учреждений, радиус обслуживания которых определяется в соответствии с табл. 5 настоящих норм); границами, как правило, являются магистральные или жилые улицы, проезды, пешеходные пути, естественные рубежи.»

*СНиП 2.07.01-89**

Жилая среда – система, формирующая пространство, где протекает жизнь человека. Насыщенная композиционными осями и «узлами» – центрами притяжения, путями, она содержит в себе всегда определенное движение. Как и сама жизнь, независимо от рассматриваемого масштаба – микрорайон, жилая группа, придомовая территория, квартира, среда соотносится с эволюционным процессом развития человеческого общества, реагируя на все изменения трансформацией своего концептуального содержимого.

Микрорайонные структуры, являющиеся поистине интернациональным явлением, сформировали в планировке большинства городов Европы и мира собственное «годичное кольцо».

Сегодня не приходится говорить о комфортной привлекательной жилой среде этих структур, однако, важно не забывать, какие важные социальные задачи удалось решить архитектуре советского модернизма 1950-х – 1980-х годов, а именно – обеспечение граждан собственными квадратными метрами жилья.

Помимо улучшения качества жилищных условий следует отметить, что представлял Иркутск 1960-х – 1970-х годов – пространственную материю, в которую лабораторно «вживлялись» главные векторы развития интернациональной архитектурной и градостроительной мысли.

Переход на передовую технологию того времени – индустриальные принципы строительного производства осуществлялся плавно и преемственно.

Зарождение микрорайонных принципов в г. Иркутске начинается с застройки соцгородков Иркутска: при Авиазаводе, Масложиркомбинате, Иркутской ГЭС. Они отражают характерный для многих соцгородов СССР прием периметрально расположенной застройки малоэтажными блок-секционными домами в виде укрупненных кварталов.

Дальнейший рост жилых образований можно проследить на примере застройки в границах улиц Партизанская, Триллисера, Александра Невского и 4-я Советская, ставшей первым жилым образованием в городе, застроенным по принципу укрупненного квартала с применением типовых проектов 5-этажных типовых домов. Однако первые крупнопанельные дома возводятся в Ленинском районе в середине 1959 года.

«Свободная планировка» как главный планировочный принцип имел разные во времени очертания. Рассмотрим, как менялись главные градостроительные решения микрорайонных структур 1960-х –1970-х годов.

Над первыми микрорайонными жилыми образованиями после укрупненных кварталов, безусловно, довлел распространенный **принцип 1 – строчная застройка территории, расположенной сообразно горизонталям рельефа**. Наиболее полно это выразилось в застройке первых двух микрорайонов жилого района Нижняя Лисиха.

Затем с 1960 года широко начинает применяться **принцип 2 – «принцип взаимно-перпендикулярной группировки домов»**, когда торец одного дома соотносится с центром фасада перпендикулярно расположенного другого дома. Подобное решение являлось распространенным приемом не только в СССР, но и в странах Западной Европы. В Иркутске выделялось два типа этого способа застройки: первый характеризовался пологим рельефом (в застройке одного из микрорайонов Академгородка, Синюшиной горы), другой – с нарочито расположенными поперек рельефа протяженными пятиэтажными домами, как, например, в одном из микрорайонов Первомайского.

Другим планировочным приемом зарубежного происхождения является **принцип 3 – «принцип кустового расположения жилых групп»**. Изначально начавший применяться в Нидерландах в 1940-х –1950-х годах, этот принцип был выдвинут как ответ на стремление улучшить и разнообразить архитектурный облик городов в условиях индустриализации жилищного строительства путем разработки компактно расположенных жилых групп (пространственно-архитектурных комплексов), объединяющих в единое целое различные по этажности жилые дома.

Ввиду сейсмических условий в Иркутске был распространен пятиэтажный тип домов, и идея была интерпретирована в местном варианте путем физического копирования планировочного решения. Этот

принцип нашел своё отражение главным образом в застройке микрорайонов города.

Дальнейшим концептуально новым предложением для города был **принцип 4** на основе применения **«блоксекционного метода»**. Применяя это решение, архитекторы добивались «создания уютных жилых домов с перетеканием дворового пространства в общественные зоны» [8]. Впервые он был применен в 1969 году в работе над микрорайоном Приморский, где для достижения поставленных целей было разработано конструктивное новшество – вставки-«этажерки» из лоджий для объединения различных по протяженности и ориентации широтных и меридиональных домов» [8].

Последующий период начала 1970-х годов знаменует отчасти беспринципный свободный строчный тип застройки, соотносящийся с предыдущими этапами эволюции планировочных решений. Такая застройка распространена в следующих микрорайонах: Юбилейный, Синюшина гора, некторые из микрорайонов Академгородка и Ново-Ленино.

Следующая особенность в развитии микрорайонных структур в начале 1970-х годов охарактеризована конструктивным новшеством. Нашел применение новый принцип застройки – **принцип 5**, основанный на использовании **поворотной секции «Т»-образной формы**, позволивший создавать выразительные жестко-ортогональные планировочные композиции. По-новому функционально блокируемые жилые группы появились в застройке жилого района Верхний бьеф (Солнечный) и в одном из микрорайонов жилого района Первомайский.

Развитие этого принципа успешно было поддержано в застройке микрорайонов Университетского, где этот же **принцип поворотной секции «Т»-образной формы** был использован **в условиях ярко-выраженного рельефа (принцип 6)**.

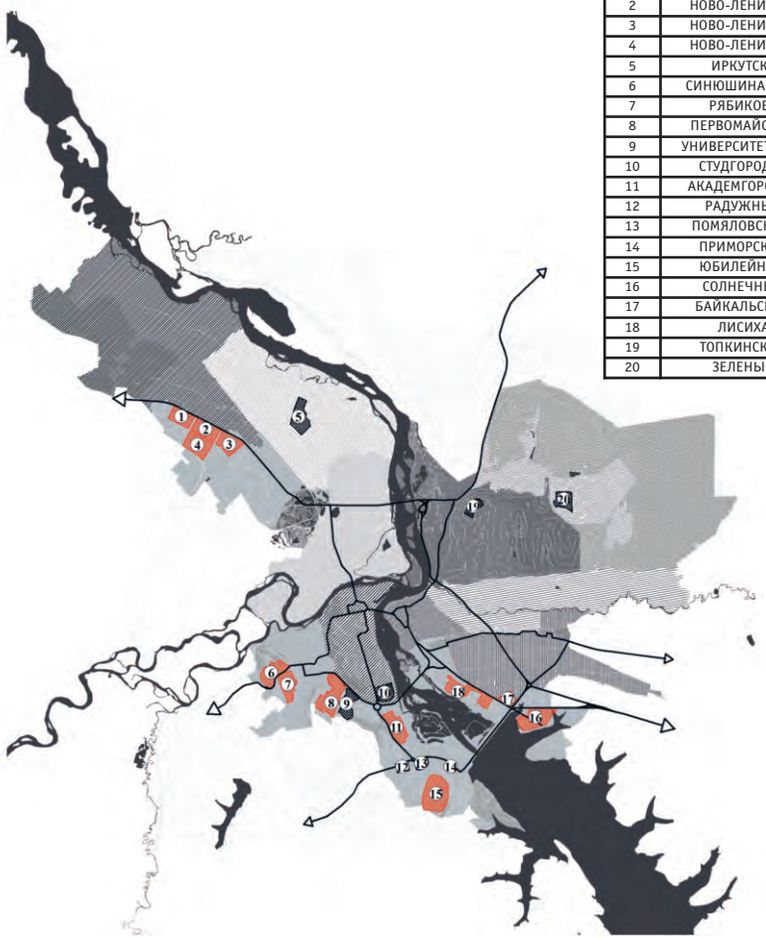
Данное техническое новшество позволило адаптировать известный в то время прием застройки в виде **принципа «непрерывных структур»**, популярный в то время в западноевропейских странах.

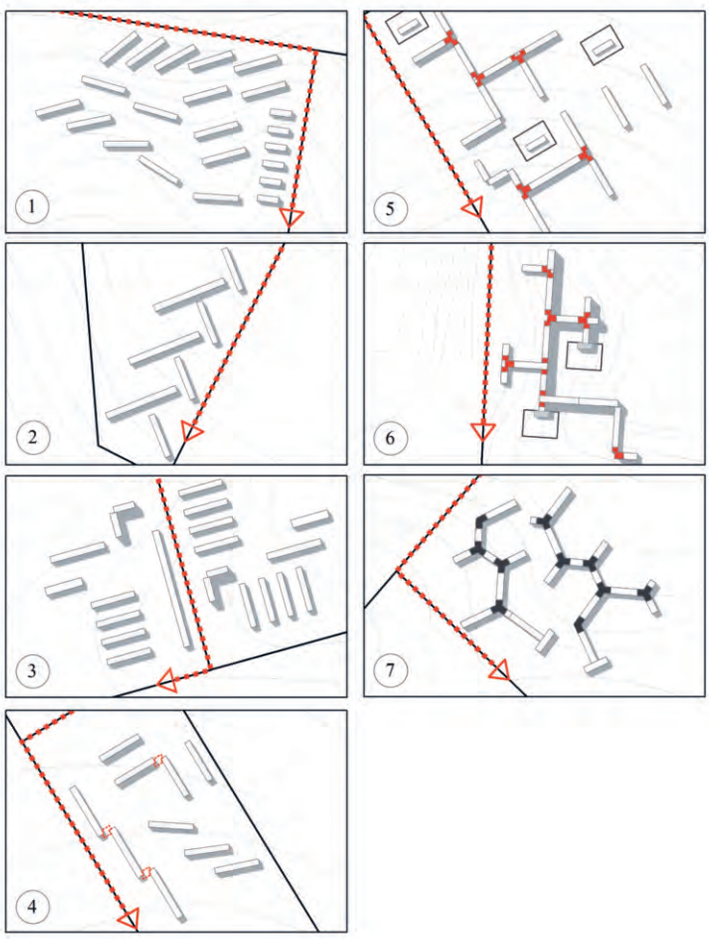
Впервые, в отличие от традиционного расположения детских садов внутри жилой группы, объекты дошкольного образования стали пристраиваться к объемам жилых групп, что подчеркивало целостный характер и неделимость этих структур.

С внедрением новых конструктивных решений в 1980-х годах был применен **принцип 7 – принцип поворотной секции «Y»-образной формы**, что позволило создавать «непрерывные структуры» более живописного очертания. Именно в генеральном плане жилого района Топкинского впервые в городе появилась застройка подобной конфигурации.

Выделяются дополнительно некоторые особенности микрорайонных структур г. Иркутска. Как правило, они не формировались по принципу башенной застройки, за исключением некоторых реализованных объектов в Ново-Ленино, а также проектного предложения в микрорайоне «С» жилого района Нижняя Лисиха. Применялся скудный по своему составу набор этажности (в основном лишь 5 и 9 этажей), поэтому они маловыразительны по своей высотности. Важно отметить тщательность работы с рельефом: силуэтная выразительность структур достигалась путем мастерства размещения объемов жилых домов на рельефе.

Номер на карте	Наименование микрорайонной структуры (красным - рассматриваемые в статье)
1	НОВО-ЛЕНИНО-1
2	НОВО-ЛЕНИНО-2
3	НОВО-ЛЕНИНО-3
4	НОВО-ЛЕНИНО-4
5	ИРКУТСК2
6	СИНЮШИНА ГОРА
7	РЯБИКОВА
8	ПЕРВОМАЙСКИЙ
9	УНИВЕРСИТЕТСКИЙ
10	СТУДГОРОДОК
11	АКАДЕМГОРОДОК
12	РАДУЖНЫЙ
13	ПОМЯЛОВСКОГО
14	ПРИМОРСКИЙ
15	ЮБИЛЕЙНЫЙ
16	СОЛНЕЧНЫЙ
17	БАЙКАЛЬСКИЙ
18	ЛИСИХА
19	ТОПКИНСКИЙ
20	ЗЕЛЕНЫЙ





Академгородок

v Проект застройки прибрежной зоны Академгородка. Макет. Архитекторы: В. Нечитайло, В. Суханов. Фото из "Архитектура СССР", февраль 1980

v Варианты застройки Академгородка. Макеты. Фото из архива В.Ф. Буха

История жилого района начинается с размещением в г. Иркутске Восточно-Сибирского филиала АН СССР в 1949 году. Раньше на месте существующей жилой застройки Академгородка располагались луга и пашни двух близлежащих деревень – Кузьмихи и Нахаловки.

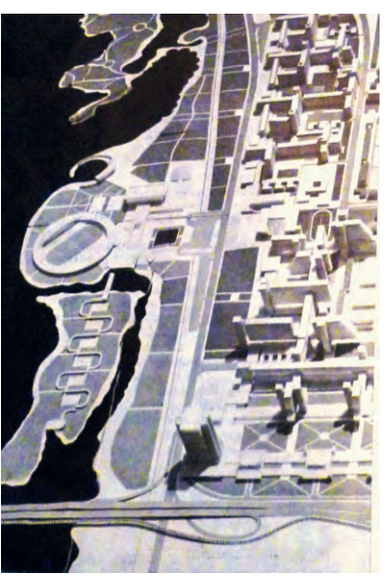
Своеобразие Иркутского Академгородка в том, что он размещается в черте города, формируя жилой район, соединяющий два соседних планировочных района – Студгородок и Майский. Территория научных институтов расположена к западу от ул. Лермонтова на возвышенности. Застройка зданий научных институтов велась в единой бруталистской стилистике 1960-х годов.

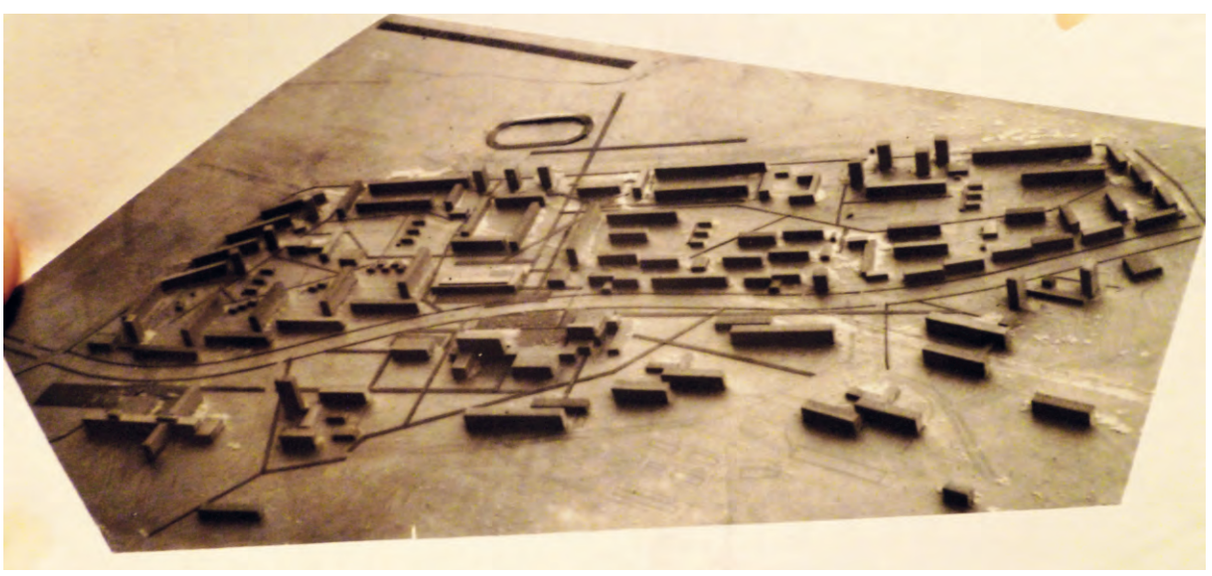
«В проектировании комплекса Академгородка принимали участие на первом этапе два института: ГипроНИИ "Сибакадемпроект" в Новосибирске и "Востсибгипрошахт" – в Иркутске. Первый генплан жилой территории разработал архитектор В.П. Шматков в начале 60-х. В 1970-е проектирование велось в институте "Иркутскгражданпроект". Авторы микрорайонов "А" и "Б" – С. Григорьев, В. Нечитайло, С. Нечволодов и В. Хайкин. Прибрежная повышенной этажности застройка проектировалась архитекторами В. Нечитайло и В. Сухановым» [1].

Академгородок представляет собой жилой район, состоящий из трех микрорайонов. Территория жилого района имеет вытянутую форму, расположена на левом берегу Ангары в непосредственной близости к Академическому мосту. В этой части севернее жилой застройки происходит формирование общественно-культурного центра районного значения. Помимо близости лесных массивов, территория жилого района имеет высокое качество микрорайонных озелененных пространств, что имело исторические предпосылки. Было предотвращено создание городского парка на месте лесов Академгородка и передачи их в видение города. Зелеными территориями жилого района занимались отдельные лица, которые вели совместную работу с населением. Благодаря этому озеленение микрорайонов и научного центра носит разнообразный и индивидуальный характер.

Несмотря на то, что проектирование жилого района велось несколько десятилетий, главные композиционные принципы планировки жилого района оставались неизменными.

Жилое образование расположено на одной из главных планировочных и транспортных осей Свердловского округа – ул. Лермонтова. Жилое про-





странство структурируется двумя пешеходными осями: одна из них общественного-делового назначения, на которой проектом предусмотрены объекты науки, образования и развлечений; другая – рекреационного назначения, озелененная граница с соседним жилым районом.

Северный микрорайон – сформированные закрытые жилые группы из 5-этажных домов, серии 1-335АС. Типично расположение детского сада: вокруг «защитные стены» домов. Постепенное понижение рельефа в сторону Ангары придает некоторую динамичность застройке одинаковой этажности.

Срединный микрорайон характеризуется «кустовым размещением» жилых групп: строчная застройка 4-этажными домами, застройка с использованием проектов кирпичных зданий 1-306с, кирпичные «профессорские» здания по индивидуальным проектам, протяженная 9-этажная застройка серии 1-305. Объединяет разнохарактерные жилые группы детский сад, расположенный в центре микрорайона и школа, занимающая угловое положение.

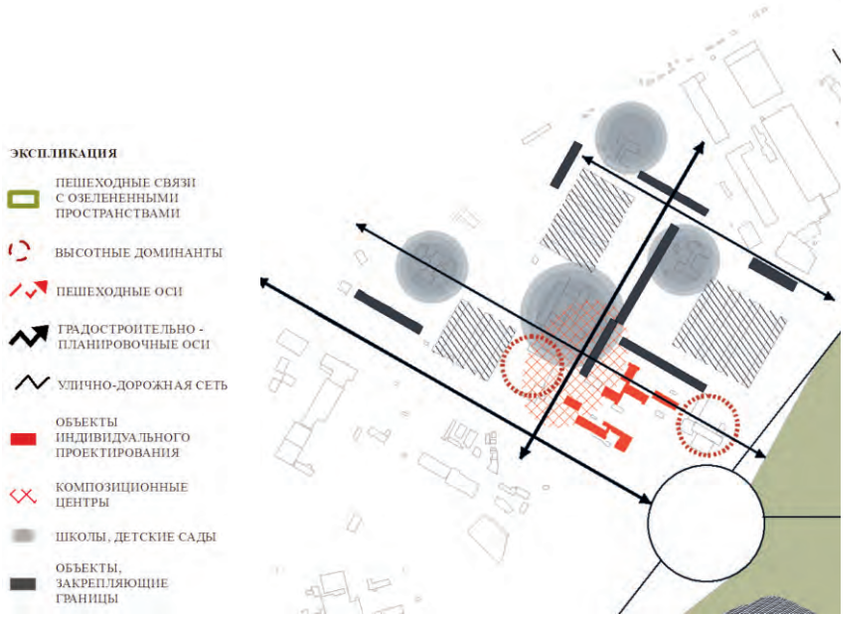
Застройка южного микрорайона в створе улиц Лермонтова и Мелентьева обладает открытостью и перетеканием жилых пространств, образованных закрытой строчной застройкой.

Менялись с годами принципы застройки и представления о выразительности водного фасада жилого района. Поскольку в начале 1950-х – 1960-х годов господствовал строчный принцип застройки, выразительность прибрежных территорий достигалась простыми средствами: контраст протяженных домов с домами более короткими по длине, а также с высотной башенной застройкой.

Позднее разработанный проект планировки выражал более бруталистскую стилистику водного фасада. Она складывалась из высотной жесткой и непрерывной структуры, которая образовывала дворы замкнутого и полузамкнутого очертания квадратной и прямоугольной, уступами возвышающейся по рельефу.

Последний вариант неутвержденного проекта планировки Академгородка, продолжает тему замкнутых дворов, образованных ритмом непрерывных структур «П»-образной формы объемами 9- и 16-этажных домов.

< Фрагмент ПДП
Академгородка, ЦНИИП
Градостроительства



Байкальский

Территория микрорайона, представляющего собой компактное жилое образование на спокойном рельефе, ранее использовалась как сельскохозяйственные поля, где долгие годы многие иркутяне выращивали картофель.

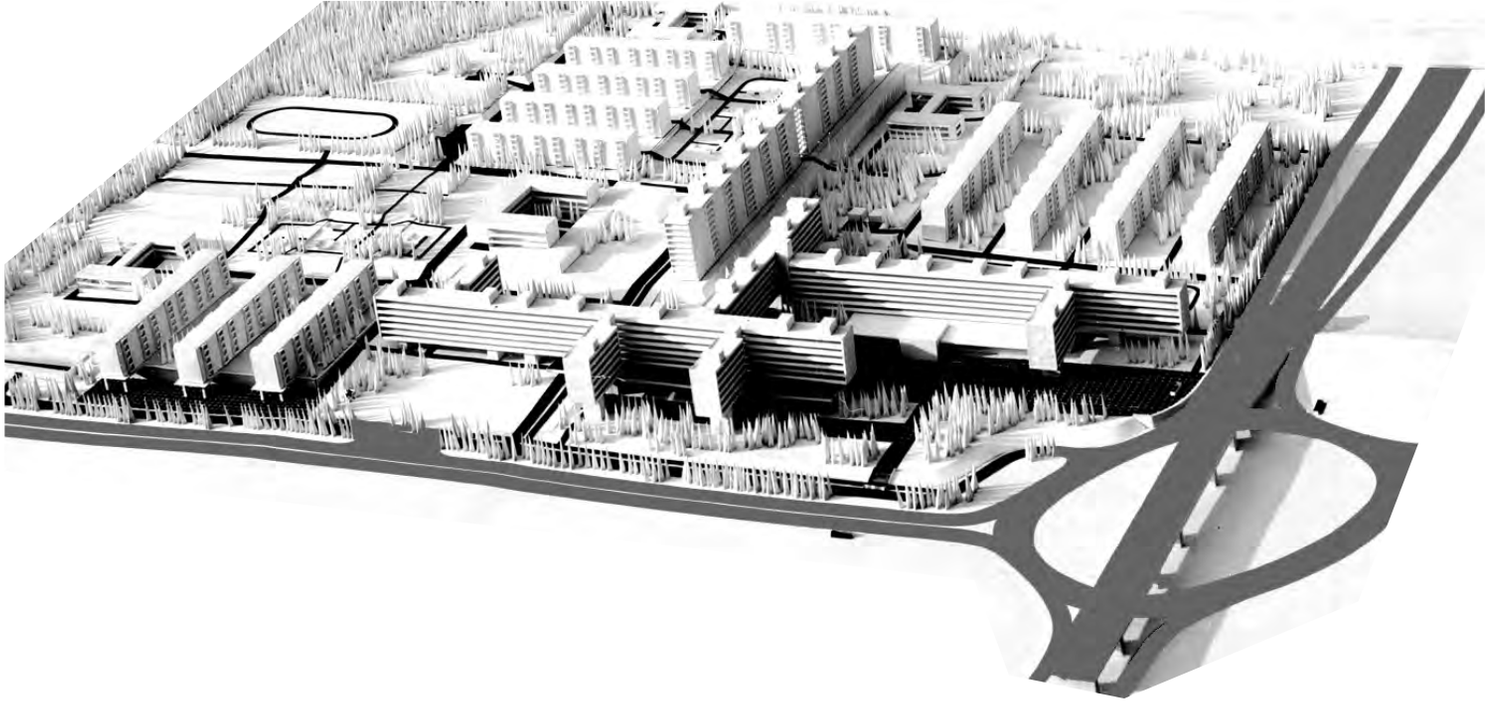
Находящийся на одной из главных планировочных осей города – ул. Байкальской, микрорайон занимает не только выгодное географическое положение, но и имеет тесную связь с историко-культурным наследием территории. Соотносится с историей развития Иркутского релейного завода, основанного еще в 1934 году на базе многочисленных ремонтно-механических мастерских. Граничит с памятником культуры советского периода – Иркутская ГЭС, а также с другим объектом культурного наследия – Амурским (Лисихинским) кладбищем, закрытым в 1960-е годы, на котором захоронено не менее 100-120 тысяч человек, включая многих руководителей города, видных писателей: С. Д. Мстиславского, А.С. Ольхона, а также декабристов: А.П. Юшневского и А.З. Муравьева.

Разрабатываемый в 1970-е годы генеральный план микрорайона имел несколько вариантов застройки. Первоначальный генплан застройки, разработанный архитекторами – В. А. Павловым и В. Ф. Бухом в 1978 году претерпел корректировку в обновленной версии авторства В. А. Павлова и С. М. Григорьева. Изначально стоящие «на ногах» горизонтальные шестиэтажные объемы были заменены более плотно расположенной комбинацией разновысотных объемов.

В композиционном отношении застройка Байкальского имеет одно из самых ясных и лаконичных планировочных решений – использованием принципа «кустового» расположения групп жилых домов.

Планировка жилого образования состоит из четырех ключевых жилых групп, три из которых образованы на основе «строчной» застройки, что создает рассредоточенные на территории «ритмы». Четвертая представ-

Фрагмент и фасад экспериментального жилого дома, ул. Байкальская, 241. Фото "Архитектура СССР", №2, 1980

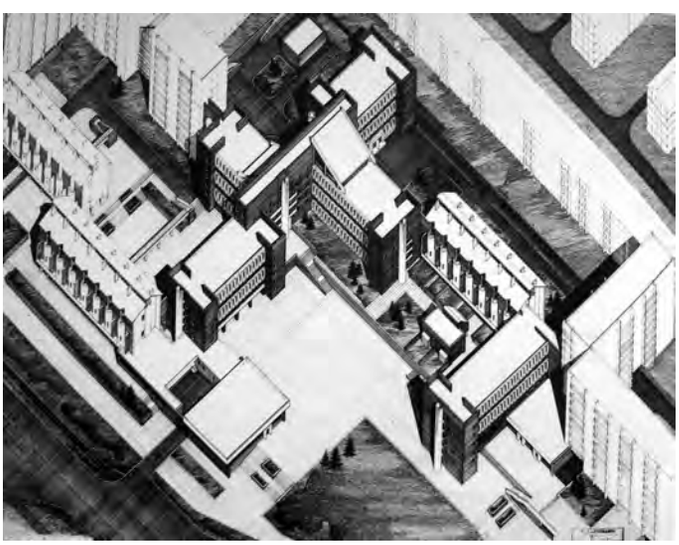


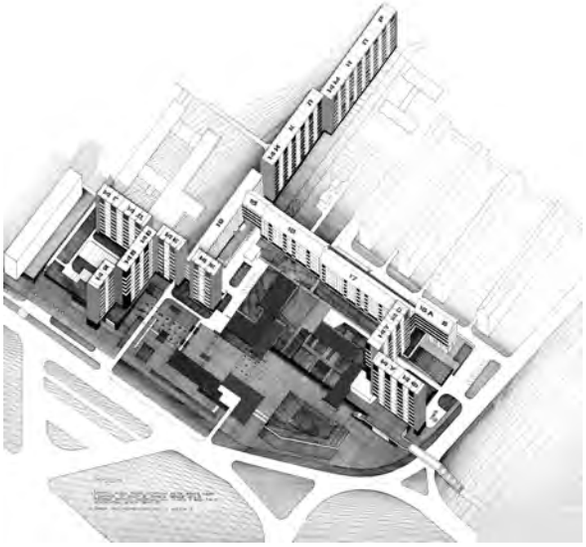
ляет собой целостный перетекающий жилой объем разных типов: жилые дома и общежитие работников релейного завода. Эти четыре жилые группы объединены двумя главными осями – пешеходного и транспортного движения. Расположенные объемы пяти протяженных домов (четыре из которых – пятиэтажные, один – девятиэтажный) формируют дополнительное зрительное закрепление границ четырех жилых подзон. Связующим элементом застройки является школа, занимающая центральное положение на территории, одинаково соотносящаяся с другими элементами композиции. При этом детские сады располагаются на озелененных периферийных территориях.

Достигается и определенный композиционный контраст сопоставления протяженных и коротких зданий, применяемых материалов – бетонные панели и кирпич, а также подходами к проектированию – типовое, серией 1-335АС и индивидуальное – жилая группа с квартирами в двух уровнях, общежитие.

Сформированное лицо микрорайона благодаря яркой архитектуре жилого дома «для заселения семьями с разным демографическим составом», расположенного на оживленной магистрали, узнаваемо не только всеми горожанами, но и было известно во всей стране. «Квартиры первых этажей – для больших семей, с отдельным входом в каждую квартиру из небольшого садика, вышерасположенные квартиры – с размещением жилых помещений в двух уровнях. Вход в вышележащие квартиры из общего коридора и отдельно вынесенной лестницы. Авторы проекта жилого комплекса В.А. Павлов, С.М. Григорьев.» Журнал «Архитектура СССР» в 1971 году опубликовал большую статью, посвященную проблемам развития городов Сибири, где был подробно освящен и опыт проектирования жилых районов и экспериментальных жилых домов иркутских архитекторов.

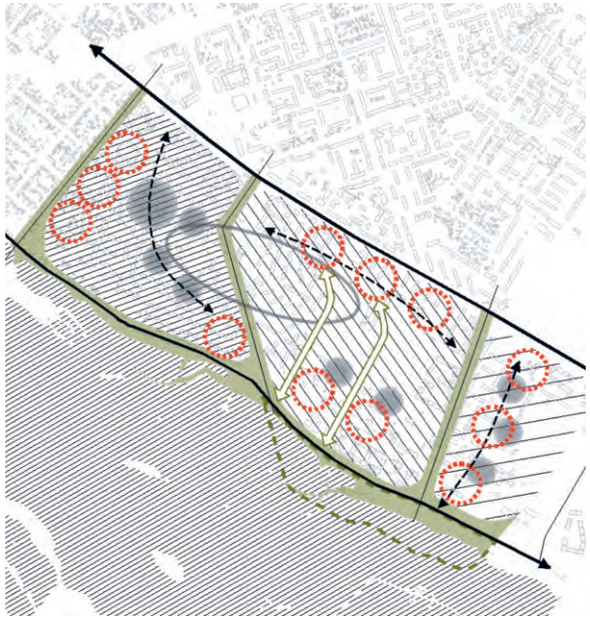
^ Варианты объемно-пространственного решения застройки микрорайона. Фото с макета, аксонометрия. Фото из "Проект Байкал", №26, 2010





< Группа объектов индивидуального проектирования. Архитекторы: Павлов В., Григорьев С., Григорьева Е.

< Варианты объемно-пространственного решения застройки микрорайона. Фото с макета, аксонометрия. Фото из "Проект Байкал", №26, 2010



Нижняя Лисиха

v ПДП Нагорной части. Фрагмент

История жилого района Нижняя Лисиха началась с небольшой деревни Лисиха, возникшей в XIX веке. Топоним района основывается на легенде о купце и охотнике Яковлеве, внезапно обнаружившем в местных лесах популяцию черно-бурых лис.

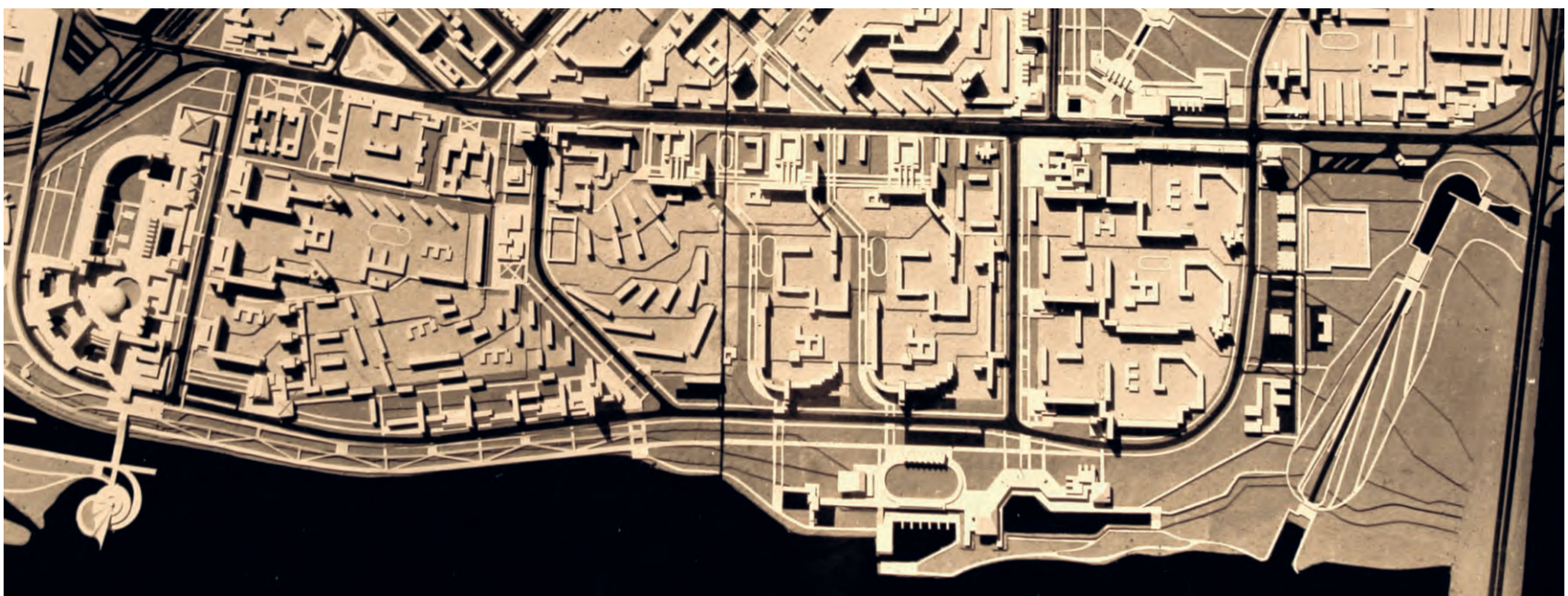
Здесь же был основан в 1880 году кирпичный завод, производивший кирпич для всех строящихся в советские годы жилых домов г. Иркутска. Добыча глины для производства кирпича велась здесь же: это обусловило существующую форму и характер нарушенного ландшафта территории. Заброшенные карьеры со временем были застроены капитальными гаражами; территория свободная от застройки поделена между собственниками. Не производились комплексные мероприятия по благоустройству территории района. Все это обусловило хаотичное существующее состояние территории.

Территория жилого района имеет ярко-выраженный рельеф и границы, ментально четко фиксируемые: антропогенного характера – улица Байкальская, являющаяся магистральной улицей общегородского значения, а также природного характера – береговая линия р. Ангары. Первая из них при этом является главной композиционной осью всего Октябрьского района.

Другой границей и выразительным ориентиром является плотина ГЭС – объект культурного наследия, памятник истории советского периода.

Этот жилой район, начавший застраиваться одним из первых в начале 1960-х годов, представлял собой место апробации новых для города планировочных принципов жилищного строительства. Застройка – три микрорайона под авторством архитекторов – В.М. Аптекман, В.Ф. Буха, В. Воронежского, С. Нечволодова, В.А. Чемериса.

Своеобразие планировочного решения первых двух микрорайонов обусловлено использованием строчной застройки, расположенной по рельефу. Структуры в основном обладают открытым характером и ориентированы на транспортные оси – ул. Байкальская, бул. Постышева, ул. Коммунистическая, ул. Сибирская.



^ Вид с противоположного берега

Также на ряд местных проездов ориентированы торцы домов, зачастую глухие.

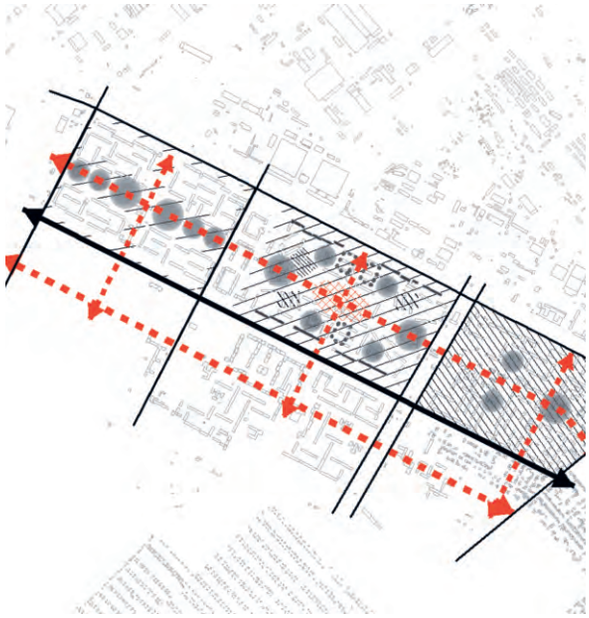
Размещение декоративного панно или мозаики на фасадах домов, построенных по типовым проектам (панельные дома серии 1-335АС и кирпичные – 1-306С) было распространенным не только в России, но и в мире средством повышения выразительности микрорайонной среды. Сюжеты на тему светлого социалистического будущего являлись массовым явлением, усиливающим образность пространства социалистического города.

Концепцией проекта были закреплены и комплексные мероприятия по созданию выразительного силуэта застройки жилого района. Планировочные оси – улицы Байкальская и 6-я Советская были подчеркнуты шестью доминантами жилых групп многоэтажных домов. Жилые группы вдоль ул. Байкальской, которые были расположены на одинаковых горизонталях с развитой системой обслуживания, уступами спускались к реке вдоль ул. 6-ой Советской, формировали более закрытый характер улицы и подчеркивали границу жилого района.

Созданию четкого характера юго-западных границ способствовало размещение высотных объемов жилых групп, размещенных в микрорайоне В, закрытых по характеру жилых групп, а также домов башенного типа на юго-востоке в микрорайоне С. Здесь же применен принцип ступенчатой композиции жилых групп, устремленных к береговой линии перпендикулярно линиям рельефа.

Глубинная территория микрорайонов А и В – застройка с этажностью до пяти этажей, выразительность которой обусловлена использованием средств рельефа, – содержит объекты образования – школы и детские сады, предусмотренные, как правило, вдоль спроектированных зеленых бульваров, идущих перпендикулярно линиям рельефа. Эти все озелененные бульвары были задуманы в комплексе с единой крупной спортивной зоной, по проекту размещаемой на берегу р. Ангары. Таким образом, была предусмотрена целостная система озелененных пространств, связывающая пространство набережной через бульвары с озеленением дворовых пространств жилых домов.

> Нижняя Лисиха. Фрагмент. Фото из архива В.Ф. Буха



Ново-Ленино

Жилой район входит в состав Ленинского округа. Исторически развивался вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали. Позднее в начале 1940-х годов и в послевоенные годы Ново-Ленино начало осваиваться комплексными проектами застройки индивидуального жилья.

В связи с постановлением 1954 года «об устранении излишеств» произошел переход к индустриальным способам жилищного строительства. В 1959 году в Ново-Ленино появился первый крупно-панельный жилой дом. Позднее в 1970-х годах начинают застраиваться микрорайонные структуры жилого района. Проектированием планировочного района занимался архитектор С.А. Гусаров, который был главным архитектором города в послевоенный период.

Жилой район лежит на одном из трех главных направлений развития города. Граничит с северной промзоной, являясь самым крупным удаленным жилым районом города.

Если Транссиб является главной планировочной осью для всего Ленинского округа, то ул. Розы Люксембург – главная композиционная ось жилого района Ново-Ленино.

Одним из проектов планировки Ленинского района являлось планировочное решение территории, сформированное простыми по форме микрорайонами, ком-

> Жилая среда. Принцип "свободной планировки". Фрагменты

^ Проект детальной планировки. Фрагмент

позиционное решение которых основывалось на развитии принципов свободной планировки.

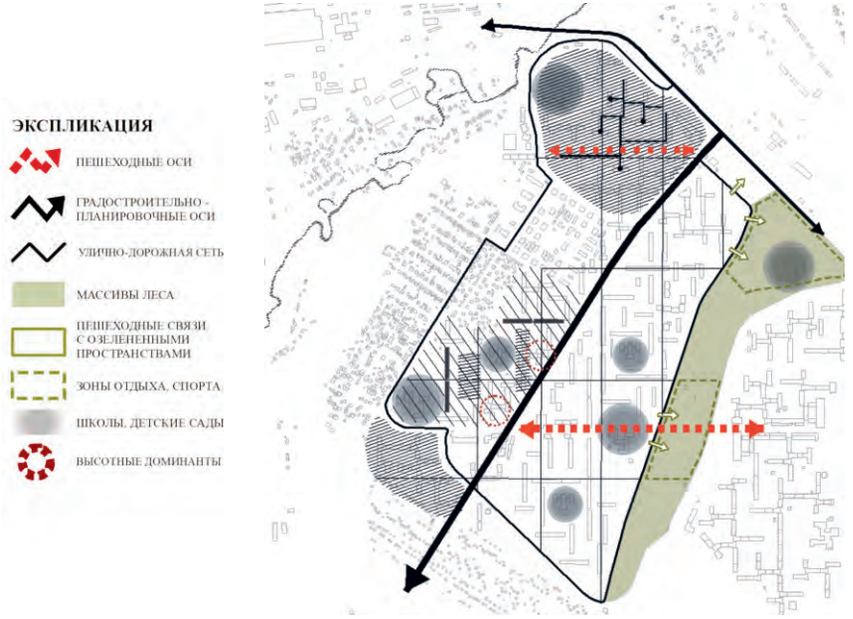
Микрорайоны с номерами 1,2,3 на обзорной карте были застроены комплексно в советское время. Имеются незначительные отклонения от решений первоначального проекта планировки. Однако выделяются следующие градостроительно-планировочные приемы, характерные для этих микрорайонов:

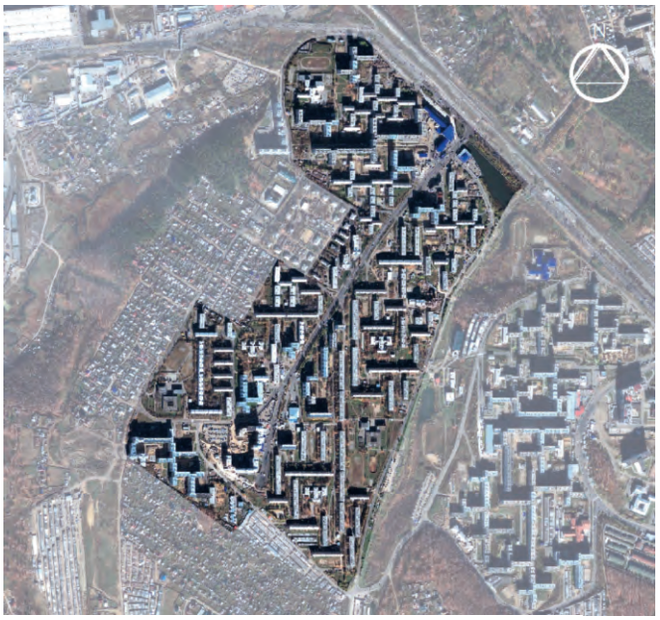
– закрытый тип строчного принципа застройки, образованный размещением домов по периметру, параллельно главным улицам жилого района;

– размещение микрорайонных пешеходных осей, на которых размещены объекты образования, параллельно главной планировочной оси всего жилого района.

Исключение составляет микрорайон 2, где характер пешеходных связей не выстраивается в одну линию, а соотнесен с центральным положением внутри микрорайонного парка и кинотеатра.

Композиционная связь реализованных микрорайонов с планировавшимися предусматривалась за счет создания ясной системы взаимно пересекаемых пешеходных осей.





Первомайский

Жилой район, носящий официальное название «Новомельниково» был разработан проектным институтом «Иркутскгражданпроект» в 1970 – 1990-х годах. Авторы проекта В. И. Немишев, В. Афанасьев, Н.В. Бух. (Пр.: среди указанных авторов отсутствуют: В. А. Павлов, В.Ф. Бух, Ф. Гильманова, «Проект-Байкал», №26).

Первомайский имеет характерные ландшафтные особенности – расположенность на возвышенной территории и одни из самых чистых родников в городе. Их появление связано с уплотнением и деформацией подземных водоносных слоев, расположенных сегодня на глубине 30-40 метров после строительства микрорайонов жилого района Университетский.

Это жилое образование особенно тем, что относится к числу жилых районов, застраивавшихся в разное время. Поэтому легко прослеживается разница объемно-планировочных решений разных его территорий.

Первоначально селитьба была представлена очень живописным в плане деревянным усадебным расселением, характеризуемым изгибами реки Каи, а также нагорная часть – с более регулярной планировочной системой. Впоследствии появился укрупненный квартал, застроенный типовой деревянной серий по типу тех, что возводились в рабочих поселках. В 1970-х годах реализуется первый проект комплексной микрорайонной застройки территории, развернувшейся в примыкании к усадебному сектору. Микрорайон связывается с объездной дорогой города главной артерией будущего жилого района. Спустя время на базе укрупненного микрорайона велась застройка близлежащего вытянутого микрорайона в западной части жилого района. Микрорайонная среда в северной и частично в южной частях Первомайского с домами серии 135 относится к периоду строительства1980-х годов.

Структура жилого района образована главной его планировочной осью – ул. Вампилова, по проекту предполагавшаяся как магистраль общегородского

v Жилая среда. Фото из архива В.Ф. Буха

v Жилая среда. Фрагменты

< Перспективная связь двух жилых районов – Университетского и Первомайского. Пешеходная ось

значения, «вектор» дальнейшего жилищного строительства, соединяющаяся с р. п. Маркова.

Первомайский соотносится с соседним жилым районом Университетский перспективными связями. Главная ось, начинающаяся открытым пассажем с развитой системой обслуживания в Университетском должна была развиться в направлении создаваемого общественного центра в Первомайском. Это направление согласно проекту преполагалось активно «насытить» объектами спорта и отдыха для двух жилых районов в пади Долгая, а также объектами обслуживания.

Микрорайонные структуры жилого района имеют единую ортогональную планировочную сеть. Первый созданный микрорайон на базе 5- и 9-этажных кирпичных и панельных блок-секций серий 1-335АС, 1-306С жестко противопоставлен усадебной застройке, что типично не только для Иркутска, но для России в целом.

Застройка этого микрорайона решена «кустовым расположением» жилых групп. Границы микрорайона закреплены акцентами протяженных блок-секций, расположенных ортогонально относительно друг друга. Детский сад занимает глубинное расположение и связывает между собой жилые группы – метрический ряд строчной застройки домов, непрерывной группы из трех домов со смещением и П-образной жилой группы кирпичных домов. Высотные доминанты 9-этажных объемов домов дополнительно фиксируют границы микрорайона.

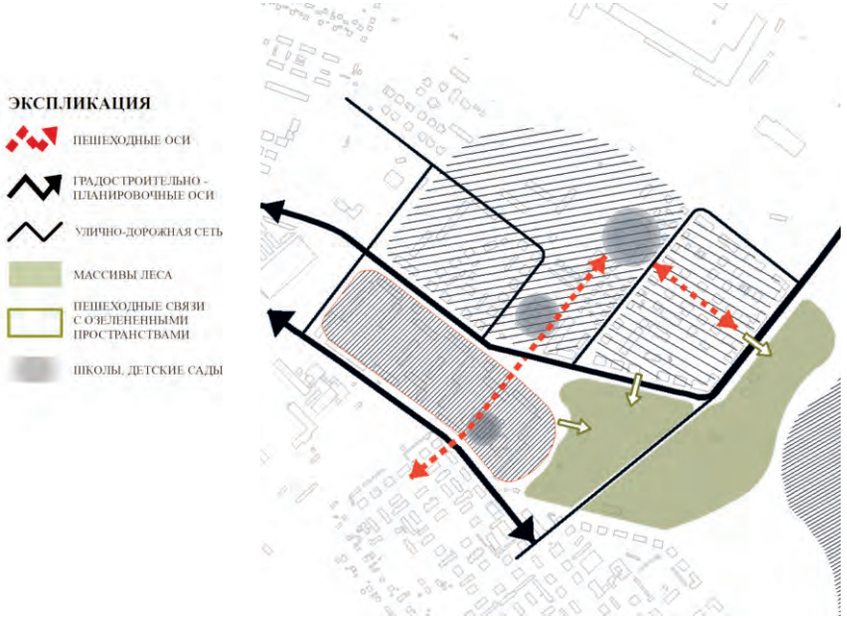
Микрорайон, образовавшийся из слияния двух микрорайонов на западе, характеризуется утилитарными приемами планировочного решения: ортогональная сетка с максимально плотной застройкой, где активно использовалось размещение 5-этажных домов перпендикулярно линиям рельефа.

Последними застроены были нижняя часть Первомайского, формирующая запоминающийся силуэт и лицо района, и частично – его южная часть. Северная часть решена как микрорайон с непрерывным характером застройки и разделена улицей Вампилова, однако не потеряла при этом целостности. Единство ансамбля сохранилось благодаря применению единых принципов планировочного решения.

Микрорайон имеет структурированную систему жилых и общественных пространств. Непрерывная застройка образует замкнутые дворовые пространства. Закреплено положение детских садов – пристрои к объемам 5-этажным домов.

Как и в жилом районе Университетском, 9-этажные дома акцентируют основное пешеходное направление – главную ось, которая начинается на въезде в жилой район и по проекту завершается жилым массивом. Несмотря на однотипность среды, условия ориентирования комфортны благодаря спланированному расположению арок-проездов.

Жилой район связан с именем известного сибирского драматурга А.В. Вампилова. По одному из предположений, действие пьесы «Старший сын» разворачивается именно в квартале с типовой застройкой деревянными двухэтажными домами, которые сегодня определены под снос...



Приморский

«17 марта, 1970 г. По поручению исполкома горсовета, разработаны проекты застройки ряда новых городских микрорайонов: ...в том числе, Приморского, на левом берегу реки Ангары, смежно с 1-ым поселком ГЭС, общей площадью 45 тыс. кв.м., на свободной территории. Автор проекта – М.Я. Ашихмина, Н.А. Муравьева» [1].

Территория микрорайона имеет вытянутую форму и связана с соцгородком гидростроителей – 1-ым поселком ГЭС. Примыкает к улице местного значения – Академической на юго-западе, соседствуя с общественно-деловыми зонами, представленными крупными торговыми и офисными центрами. Имеет тесную связь с открытыми озелененными пространствами на юго-востоке, представляющими большой рекреационный потенциал, соотносящийся с зеленым поясом на

склоне, выходящем к Иркутскому водохранилищу.

Концепция застройки базируется на взаимодействии трех структур: микрорайонной, укрупненно-квартальной и смешанной, сочетающей в себе усадебный тип застройки, застройку двухэтажными четырехквартирными домами, а также застройку панельными домами.

Эти структуры связаны между собой планировочными осями. Улица Безбокова, изначально планировавшаяся как главная улица и главная транспортная ось, однако сегодня представляющая собой второстепенную улицу. Главная пешеходная ось проходит по оси ул. Салацкого и оси ул. Бочкина, называвшейся в советский период проспектом Огни коммунизма и выходящей к иркутскому морю. На этой же пешеходной оси расположены детские сады и школа.

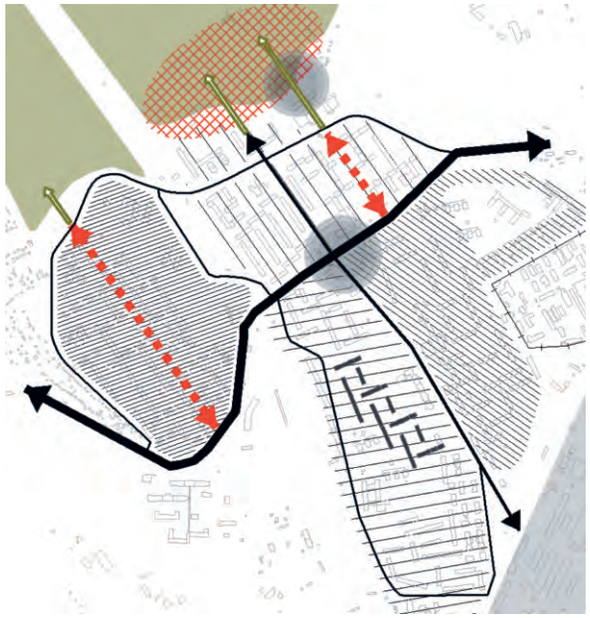
Планировочные особенности этого жилого образования тесно переплетаются здесь с историей советского градостроительства – строительство первых соцгородков в Иркутске начала 1950-х годов и применение впервые в городе практики застройки «блоксекционным методом».

Господствовавшие до этого приемы трансформации строчной застройки обрели здесь принципиально новый характер благодаря разработанному авторами архитектурно-конструктивному новшеству – лоджиям увеличенного размера, вынесенным из основного объема дома и пространственно соединяющим между собой в единый «блок» два типовых жилых объема серии 1-464АС. При этом была достигнута и новая пластика фасада. Панели «этажерки» соответствовали панелям балконов, а также предполагалось использовать цвет при работе с фасадами, выделяя композиционно характерные блоки жилых групп.

^ Раскрытие дворовых пространств на ул. Академическая

v Жилая среда соцгородка. Бульвар Огни коммунизма (ул. Бочкина). Дворовое пространство

v Связь озелененных пространств с дворовым пространством посредством «этажерок»-вставок



Синюшина гора

Жилой район Синюшина гора, начавший застраиваться в 1960-е годы, представляет собой структуру, осваивавшуюся на протяжении 25 лет, микрорайоны которой обладают характерными особенностями для каждой очереди застройки. «Проектированием застройки микрорайона Синюшина гора занимались с 1964 года в институте «Гражданпроект» (архитектор В. А.Черемис, гл. инженер А.А. Артюшков), а затем в институте «Иркутскгражданпроект» (архитектор Н.В. Бух, инженеры Ю.С. Таргащин, Р.Т. Осипова, А.С. Антипина).» [1]

Особый интерес представляет топоним района – «Синюшина гора», который имеет несколько версий своего происхождения.

По одной из версии до того, как природный ландшафт горы был преобразован в урбанизированную территорию, Синюшина гора славилась своими живописными рекреационными территориями, которые являлись популярным местом отдыха иркутян. В большом количестве «сплошным ковром» здесь цвели ирисы синего цвета. Другая версия также соотносится с местным растением – голубика (синюха).

Имеют место отличные от первых двух версии, имеющие социальный подтекст. Более ранняя – в честь банды разбойника Сенюшкина, которые грабили проходящие торговые обозы из Кяхты, более современная – в связи со строительством барачных домов для лечения «синюшных» больных.

Как правило, освоение всех микрорайонных структур велось на периферийных территориях города. Выбор именно этой площадки под застройку был определен привязкой к возводимому Масложиркомбинату, строительство которого было начато в 1954 году. Одновременно с производственными объектами строились и двухэтажные дома для рабочих.

Жилой район на юге окружен производственными территориями. Радиозавод (ПО «Восток») – в прошлом крупнейшее градообразующее предприятие, АО «Иркутскпищепром», Ново-Иркутская ТЭЦ. При этом север жилого района обладает ценным рекреационным потенциалом – городскими лесами, находящимися в границах особо-охраняемых природных территорий.

Одновременно с завершением строительства Масложиркомбината здесь активно начинает разворачиваться жилищное строительство. Структура жилого района состоит из четырех микрорайонов: два микрорайона, относящиеся к планировочному району «Синюшина гора» севернее проходящей через жилой район трассы федерального значения «Р-258 БАЙКАЛ» и два микрорайона, относящиеся к планировочному району «Рябикова».

Федеральная трасса и бульвар Рябикова являются главными композиционными осями района.

Как отмечено выше, застройка нижних микрорайонов началась с жилища для рабочих Масложиркомбината, затем стала застраиваться территория севернее (территория 1 на схеме). Эту очередь строительства, расположенную слева от бульвара Рябикова можно распознать по «принципу взаимно-перпендикулярной группировки домов». Объекты дошкольного и школьного образования образуют подцентр первой ступени обслуживания. По такому же принципу застроена и часть микрорайона 3 (на схеме).

Следующий по очередности строительства – микрорайон 2. Структура микрорайона имеет более случайный характер. Как и в микрорайоне 1, образовательная функция сосредоточена в едином подцентре (детские сады, школа, техникум). Любопытно, что он соседствует с...колонией строгого режима, ГУ ИК-6.

История колонии также вписана в историю развития жилого района. Развитие Синюшиной горы именно на этой территории города было обусловлено строительством Масложиркомбината, выбор размещения которого в свою очередь был продиктован двумя простыми условиями: близость ж/д путей и наличие дешевой рабочей силы – заключенных для возведения производственных и административных корпусов завода. Исправительная колония была построена здесь в 1950-м году.

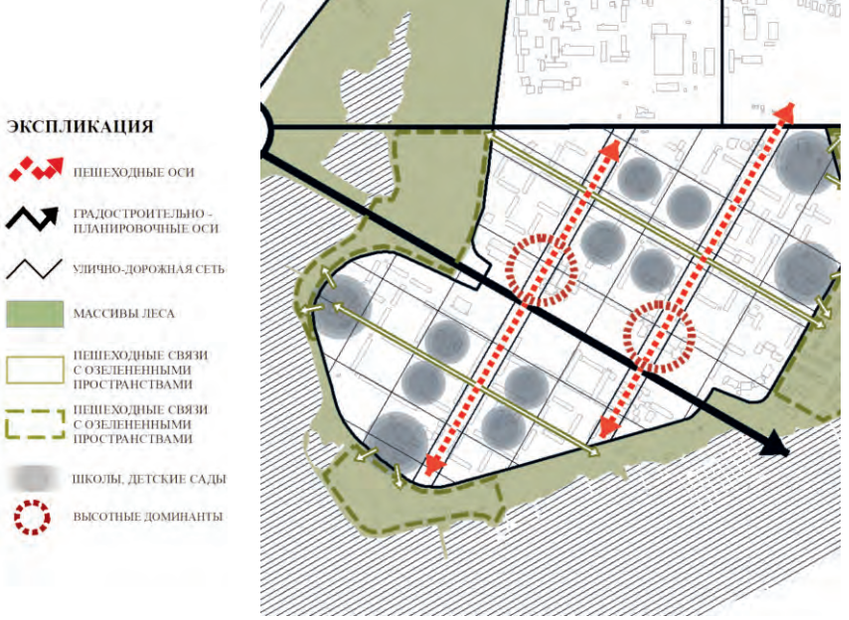
Микрорайоны 3 и 4 застраивались позднее, что характеризуется применением в застройке принципа поворотной секции «Т»-образной формы. В целом, в

застройке всех четырех микрорайонов использованы проекты серий: кирпичные – 1-306АС, 1-464С, панельные – 1-335АС, блок-секции – 135 (5- и 9-этажные) и кирпичные – 114.

Помимо главных планировочных осей жилого района для микрорайонов 3 и 4 характерно наличие еще двух осей, вокруг которых выстраивается их планировочное решение. Эта ось образует две из четырех арок-проездов одного из самых длинных домов в Иркутске по адресу ул. Маршала Конева, д. 20, возвышающегося 9-этажными объемами жилых домов по рельефу, длина его составляет 690 метров. Существует факт, что после того, как дом был возведен, здесь в течение 15 лет с 12 до 6 утра производили отключение холодной воды на ночь. Это было связано с повышением давления в трубах в ночной период, отчего происходили прорывы труб. Решением проблемы стала установка автономной насосной станции, которая помогла улучшить жилищно-коммунальные условия для жителей дома, число которых сопоставимо с количеством жителей такой территории с индивидуальной застройкой, как поселок Энергетиков.

Детские сады и школы занимают периферийное рассредоточенное положение и в микрорайоне 3, и в микрорайоне 4.

Планировочная ось – бульвар Рябикова, идущая от федеральной трассы на северо-запад, по проекту должна была завершиться пространством Дома культуры завода «Радиоприемник», где предполагалось формирование общественного центра жилого района. Этот общественный центр – шедевр творчества В. Павлова и С. Алексеева, строительство которого было приостановлено, мог быть соотнесен с существующей спортивной зоной, что позволило бы иметь взаимосвязанный культурно-спортивный центр.

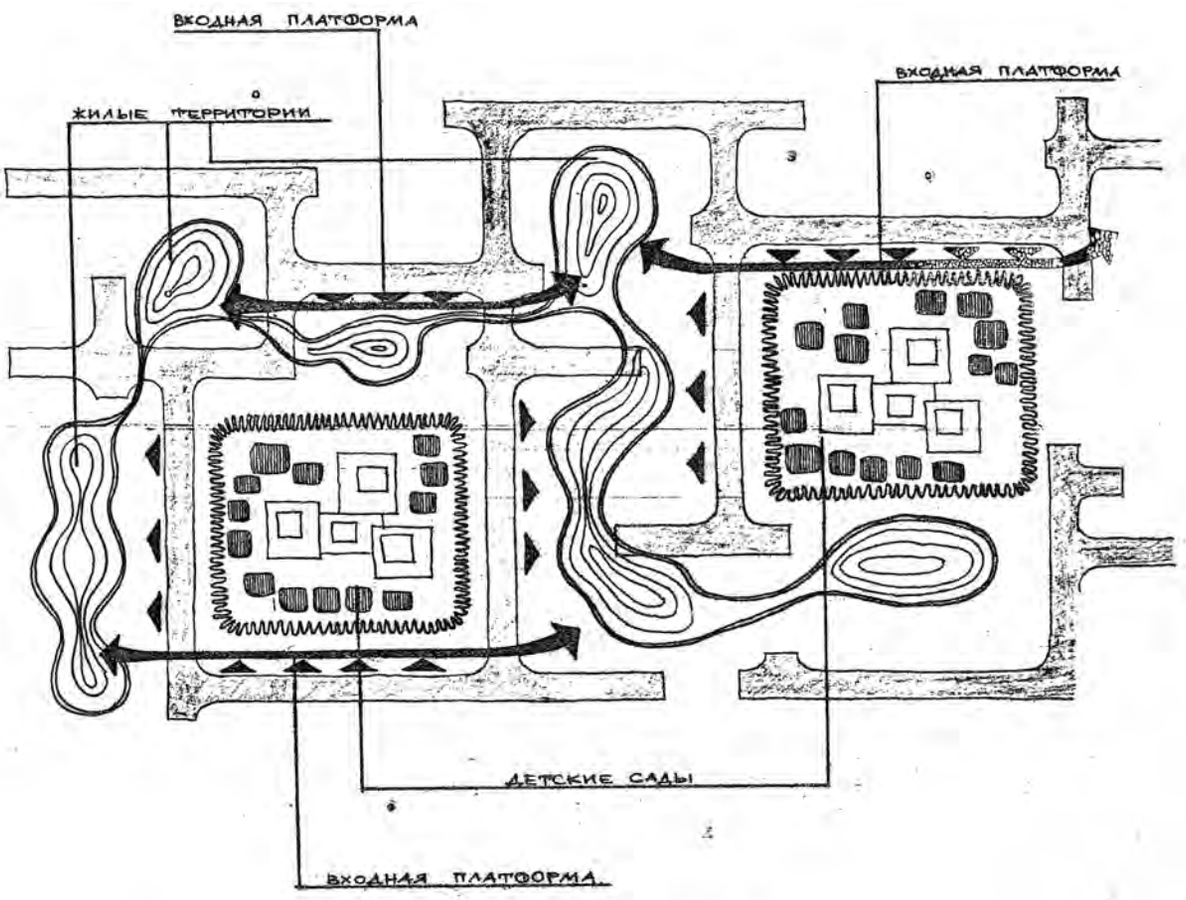


Солнечный

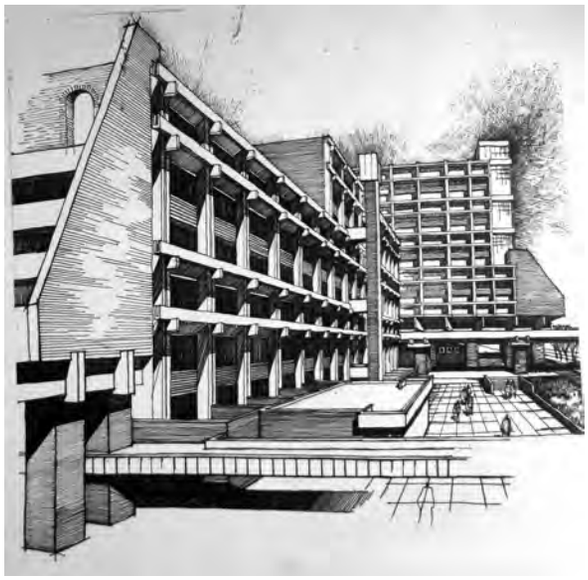
В 1950-е годы послевоенных производственных реформ, направленных на размещение стратегических региональных промзон в Сибири, руководство города хотело создать в Солнечном восточную промзону города. Важная заслуга по предотвращению размещения здесь промышленных предприятий принадлежит руководителю Союза архитекторов г. Иркутска того периода, известному архитектору Б.М. Кербелю.

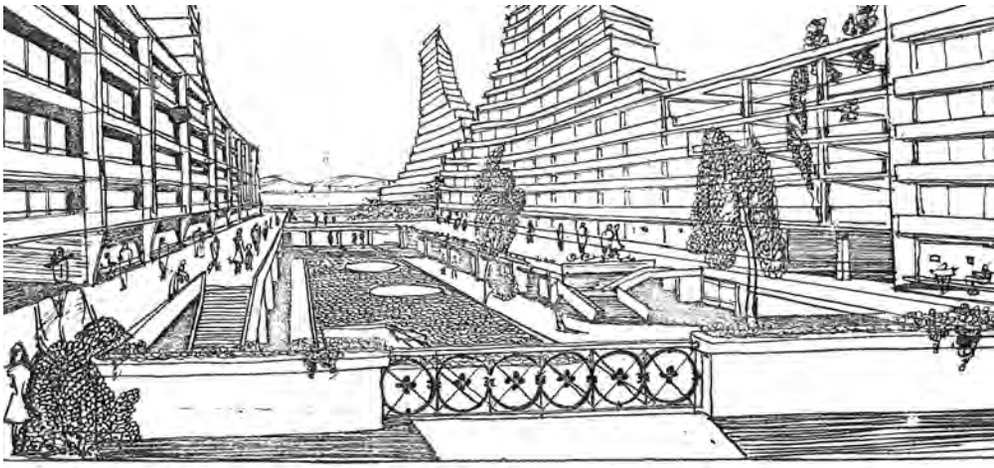
Территория жилого района состоит из двух микрорайонов – Маршала Жукова (Ракета) и Солнечный – и имеет полуостровное расположение у иркутского водохранилища, по проекту является частью жилого массива «Верхний бьеф».

Жилой район лежит на одной из важных транспортных и композиционных осей города – ул. Байкальская. Главной планировочной осью является проспект Маршала Жукова, который наряду с улицами Ленина – Седова – Байкальская – и далее магистралью в направлении оз. Байкал формирует «Байкальский луч», являющегося в те годы одним из трех планиро-



> Функциональное разграничение пространств жилой среды. Схема. ПДП Верхнього Бьефа





вочных направлений территориального развития города, наряду с северным – Ленинский район и западным – в сторону г. Шелехова.

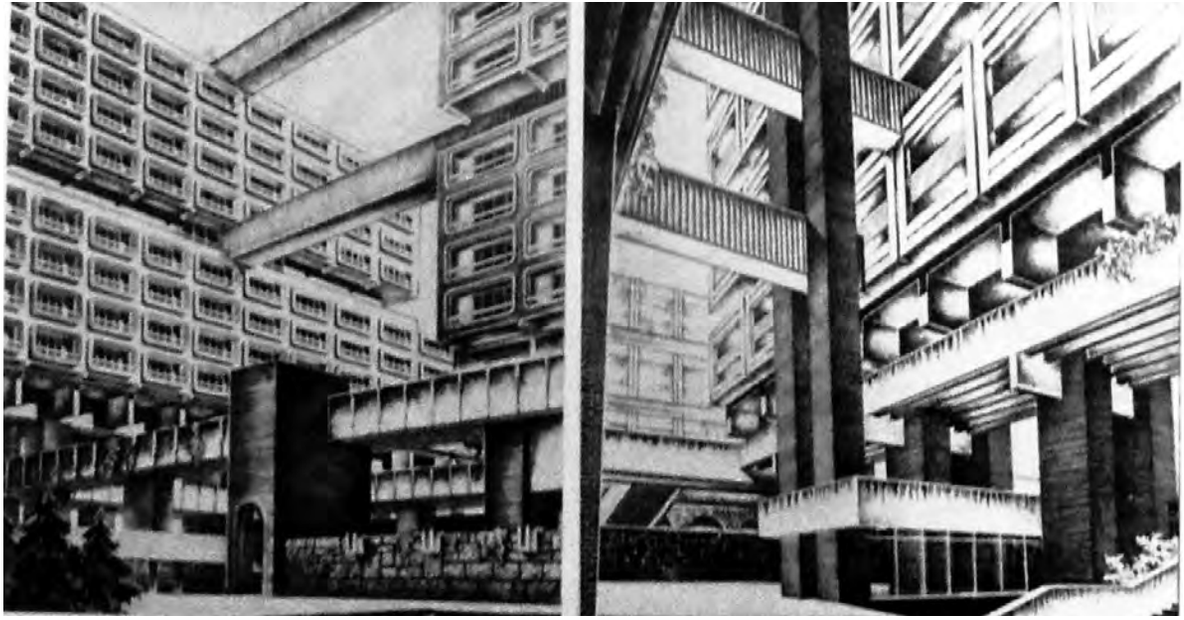
Проектирование микрорайона приходится на 1970-е годы. Авторы проекта застройки – Н.В. Бух, В.С. Воронежский, В.К. Марченко, В.М. Перфильев; авторы проектов экспериментальных домов – М.Я. Ашихмина, Н.Н. Беляков, Г.А. Вязунова, В.А. Павлов; конструкторы – Ю. А. Бержинский, Л.А. Латышев.

В проекте жилого массива «Верхний Бьеф» выражалась «концепция создания локального селитебно-планировочного района с совмещением общественного ядра и основных пассажирских транспортных коммуникаций».

Главная общая композиционная идея – создание выразительных контрастов. В проекте детальной планировки жилого массива раскрывается контраст живописных линий берегов акватории Иркутского водохранилища и простых по форме – замкнутого и полузамкнутого характера – жилых дворов. Этот контраст

^ Общественно-жилые структуры. Интерпретация идеи "мегаструктуры". Фото: "Архитектура СССР", №2, 1980, эскизы для ПДП Верхнего Бьефа

Жилая группа. Фото с макета (проект). Жилой дом, пр.-т Маршала Жукова, 1



> Эскизы общественно-жилых структур. Интерпретация идеи "мегаструктуры". Фото "Архитектура СССР", №2, 1980

v Фрагмент (проект и реализация) жилого дома, пр.-т. Маршала Жукова, 1. Фото "Архитектура СССР", №2, 1980

v Фрагмент жилой группы. Фото из архива В.Ф. Буха

можно трактовать, как и противопоставление «сурового и крупномасштабного природного окружения и дворовых пространств с уютной жилой средой».

Поскольку территории береговых полос были непригодны для строительства, проектом выделялись четкие принципы планировочной организации территории:

– создание микрорайонных садов и спортивных сооружений;

– блокирование домов в жилые группы;

– комплексное использование первых и цокольных этажей – торговля, обслуживание, хозяйственные площадки, стоянки автомобилей, хранение личных лодок, гаражи;

– использование рельефа и искусственных террас для организации удобных подходов и подъездов.

В проекте детальной планировки жилого массива впервые была четко разграничена работа с жилыми пространствами: жилые улицы, жилые дворы, набережные, парки.

В жилом районе Солнечном предполагалось создать две пешеходные оси, проходящие через микрорайоны с севера-востока на юго-запад. Эти оси должны были стать главными направлениями, на которых были раз-

мещены предприятия первичного обслуживания. Кроме того, раскрытие перспектив этих осей предусматривалось на набережную акватории водохранилища и микрорайонные сады.

По проекту на зеленые пространства береговых полос было сориентировано размещение школ и спортивных объектов. Таким образом, территории школ были расположены по периметру полуострова.

Интересна и концептуальная четкость принципа взаимодействия территорий детских садов и жилых домов. Детские сады занимали глубинное местоположение внутри жилой группы. Была заложена идея разграничения пространств пешеходов и автомобилей, дошкольного образования и двора жилой группы. Это достигалось за счет снижения количества местных проездов по периметру замкнутого жилого комплекса, во дворе которого находился детский сад, что было направленно также и на снижение воздушного загрязнения от местных проездов и стоянок. То есть выходы из жилых групп организовывались в противоположную сторону, где при помощи площадок-платформ связались с дворовыми площадками.

Архитектурная выразительность застройки жилых комплексов должна была достигаться за счет контрастного сочетания аскетичного и лаконичного облика массовой жилой застройки и выразительных высотных объемов совместно с богато детализированными, пластичными, насыщенными малыми формами первыми этажами и пешеходными платформами.

Застройка микрорайонов сформирована жесткой ортогональной планировочной сеткой, повернутой примерно на 30 градусов на основе сер. 1-464АС, сблокированной благодаря поворотным вставкам в непрерывную структуру и сер.135, а также экспериментальных проектов. Дома образуют масштабные кварталам исторического центра города планировочные квадратные и прямоугольные модули.

По проекту дома повышенной этажности, предполагавшиеся на главном проспекте района, должны были сформировать активные по массе жилые структуры на пересечении главных пешеходных осей и транспортной оси.

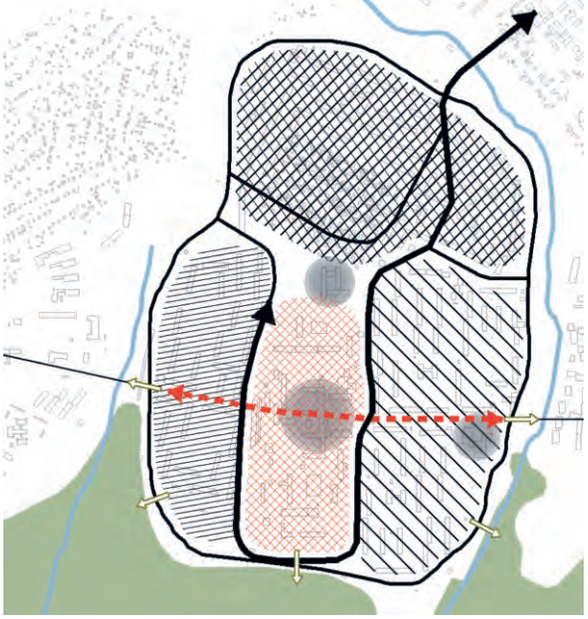
Комплексность проектного решения системы пешеходных и транспортных коммуникаций, а также взаимосвязи жилой среды и ландшафта соотносится с «принципом непрерывных структур», характерного, например, для застройки таких «новых» пригородов Парижа, как Эври и Сержи-Понтуаз.

Своеобразна архитектура некоторых реализованных экспериментальных жилых домов. Интерес представляют 8-этажный жилой дом с административными помещениями по адресу проспект Маршала Жукова, д. 1. В проекте впервые в СССР был применен новый тип планировочного решения – секционно-коридорная система. Помимо уникального для того времени планировочного решения дома, авторами была предложена и особая социальная концепция – создание «пространства для общения» внутри жилого дома. Своеобразная улица шириной 4-5 метров, подразумевалась как рекреационная зона внутри дома.

Проект был высоко отмечен на международном уровне. «За этот комплекс на Белградской триеннале мировой архитектуры 1988 года В.А. Павлов был включен в число 50 выдающихся архитекторов планеты» [5] специальным решением Международного Союза архитекторов.

^ Контраст объектов типового и индивидуального проектирования

v Фрагмент застройки. Архитектура СССР. 1981. №8.



Юбилейный

В связи с появлением в 1965 году Иркутского домостроительного комбината на базе Ленинского завода крупного панельного домостроения и IV-го управления треста «Иркутскжилстрой» возрос и объем возводимого жилого фонда. В начале 1970-х годов были разработаны генеральные планы многих микрорайонов города, в том числе и жилого района Юбилейного.

Жилой район представляет из себя группу микрорайонов – поселков ГЭС: № 4, № 5, № 6. Авторы проекта – Пятов, Шилов, Беляков.

Юбилейный расположен на возвышенности, на выраженном рельефе. Жилой район эллипсовидной формы, живописные границы которого продиктованы очертаниями ручьев и частично сохранившегося природного зеленого пояса, являющегося частью лесов Приморской дачи Приморского участкового лесничества. Жилой район имеет связь с другим планировочным элементом города – районом Ершовским. Соседствующая структура – слагаемое из:

– кварталов двухэтажных многоквартирных жилых домов, построенных в начале 50-х гг. как временное жилье для строителей и работников Иркутской ГЭС, износ которых в среднем составлял от 36 до 61% согласно проекту планировки южной части Свердловского округа. Однако согласно решению Думы г. Иркутска №005-20-390636/2 от 26.10.2012 г. весь жилищный фонд территории признан аварийным и подлежит сносу в рамках развития застроенной территории;

– застройки индивидуальными жилыми домами;

– двух современных микрорайонов – Ершовский и Зеленый Берег, представляющих собой плотную застройку блокированными и блоксекционными домами

Второй особенностью Юбилейного являются его пади и ручьи – ценный природный рекреационный ресурс, цельная система которого оказалась разрушенной после возведения гаражных кооперативов, паркингов, а также частично после строительства новых жилых и общественных зданий.

Своеобразие жилому району придает размещение в его структуре крупного учреждения обслуживания областного уровня – Иркутской областной клинической больницы, что является единственным примером в городе, когда подобный объект – главный композиционный элемент жилого района. Сдержанная и величественная архитектура медицинского комплекса, расположенного на возвышенности, формирует выразительный силуэт типичного спального микрорайона. Эта доминанта связана с другим структурным элементом – школой, подчеркивающей геометрический центр жилого района и формирующей рассредоточенные пешеходные направления.

v Общий вид. Панорама

Помимо вышеописанного центростремительного характера пешеходных путей, в структуре жилого района предусмотрена четкая пешеходная ось, связывающая жилой район с социальными и медицинскими учреждениями соседних планировочных районов – Госпитального и Ершовского. К ним относятся дом-интернат для умственно отсталых детей, детский сад для детей с нарушениями слуха, областная клиническая психиатрическая больница, клинический госпиталь ветеранов войн, санаторные детские дома. Размещенная в условиях выраженного рельефа, эта ось принимает форму лестничных маршей, площадок, рекреационных школьных пространств. Также она подчеркивает связь с открытыми озелененными пространствами в южной части жилого района Юбилейный с единым природным каркасом.

Застройка микрорайонов отражает общий характер жилищного строительства начала 1970-х годов – строилось много и быстро. Поэтому здесь преобладает исключительно простой подход к жилой застройке: максимально плотно по рельефу, без высотных акцентов (этажность 5 этажей). Застройка начала вестись с северной части жилого района, далее – юго-восточная и затем – юго-западная. Использованы типовые проекты следующих серий: 1-335с, 306-АС, 114-026с, 135.

Литература:

1. Колмаков Ю. П. Иркутская летопись. 1941-1991 гг. / сост. [науч. ред. А. Н. Гаращенко; лит. ред. Л. В. Гаращенко ; худож. А. А. Черных]. – Иркутск: НПФ «Земля Иркутская»: Оттиск, 2010. – 719 с.: ил. – Библиогр.: с. 649-652. – Имен. указ.: с. 652-718.

2. Оглы Б. И. Иркутск: О планировке и архитектуре города.– Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1982. – 112с., ил.

3. Оглы Б. И. Строительство городов Сибири.– Л.: Стройиздат. Ленинград. Отд-ние, 1980.– 272с., ил.

4. Ощепков Г. Д. Планировка и застройка жилых микрорайонов и массивов (опыт зарубежного строительства), Стройиздат, М.–1964 г.

5. Трофименков С. «Владимир Павлов. Ушел из жизни 19 марта 2010 года. [сайт «Новости Союза архитекторов России. Совместный проект САР и Архи.ру»] URL: http://www.archi.ru/uar/news_press_23839.html (дата обращения 16.05.2012).

6. Dorofeev P.A., Khokhrin E.V. Evolution of concept of «mass housing project» in the context of french ideas in housing policy of the USSR, Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012.– № 2 (3) – 180 с.

7. Материалы по обоснованию генерального плана г. Иркутска

8. сайт «IRKPEDIA.ru: Все о Приангарье» URL: http://irkipedia.ru/ (дата обращения 01.11.2013).

^ Композиционная ось. Визуальная связь с Областной больницей

< Композиционная связь с Ершовским районом

Астраханцева Виктория Вагановна – заслуженный архитектор России, председатель правления Братской организации Союза архитекторов России, советник РААСН

Афанасьева Ирина – специальный корреспондент пресс-службы НИ ИрГТУ (Иркутск)

Багина Елена – кандидат архитектуры, доцент Строительного института Уральского федерального университета им. Ельцина (Екатеринбург)

Белоголовский Владимир – основатель Нью-Йоркской компании «Межконтинентальный кураторский проект», американский корреспондент российского архитектурного журнала «TATLIN», член-корреспондент Международной академии архитектуры, отделение в Москве, Евразия (IAAM)

Волчок Юрий Павлович – зав. отделом истории архитектуры и градостроительства новейшего времени НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ) РААСН, профессор МАРХИ

Гнедовский Юрий Петрович – почетный президент Союза архитекторов России, академик РААСН, народный архитектор РФ (Москва)

Григорьева Елена Ивановна – архитектор, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, действительный член Международной академии архитектуры, отделение в Москве, Евразия (IAAM)

Дорофеев Павел Александрович – архитектор Департамента градостроительного проектирования, ОАО «Иркутскгипродорнии»

Железняк Ольга Евгеньевна – профессор, кандидат искусствоведения, зав. кафедрой дизайна факультета изобразительного искусства Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета, член Союза дизайнеров России, Союза архитекторов России, действительный член Международной академии наук о природе и обществе (отделение «Художественный и индустриальный дизайн»)

Иванов Андрей Владимирович – архитектор, урбанист, Советник Департамента планирования и развития территорий Федерального фонда содействия развитию жилищного строительства, Научный сотрудник Сектора проблем культурной среды поселений ФГНИУ Российский институт культурологии (Москва)

Казакова Ольга – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник НИИТИАГ (Москва)

Клевакин Александр Николаевич – кандидат архитектуры, доцент НГАХА (Новосибирск)

Корзун Алла Вадимовна – кандидат архитектуры, зав. кафедрой истории архитектуры и основ проектирования Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета

Коцарь Анатолий Леонидович – заслуженный экономист РФ

Кубенский Эдуард Александрович – архитектор, главный редактор издательства TATLIN (Екатеринбург)

Куртиш Анастасия – архитектор (Иркутск)

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии, доцент кафедры менеджмента Иркутского государственного университета путей сообщения

Меерович Марк Григорьевич – кандидат архитектуры, доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, профессор кафедры архитектурного проектирования Института архитектуры и строительства Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета, заслуженный архитектор России

Меляницкий Юрий Павлович – архитектор (Украина)

Михейкин Дмитрий Игоревич – архитектор, основатель проектного бюро НЛО (Москва)

Нечитайло Владимир Константинович – архитектор, доцент кафедры архитектурного проектирования НИ ИрГТУ

Пхор Евгений Борисович – архитектор, член Союза московских архитекторов

Раппапорт Александр Гербертович – кандидат архитектуры, доктор искусствоведения, член Союза московских архитекторов, член Союза дизайнеров России, обозреватель интернет-журнала «Архитектор» сайта МСА, член Международной ассоциации архитектурных критиков

Степанова Мария Владимировна – член Союза дизайнеров России (Иркутск)

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Байкальского государственного университета экономики и права, сотрудник Центра независимых социальных исследований и образования (Иркутск), член Союза журналистов России

Товмасьян Эдуард Ованесович – начальник отдела градостроительного планирования развития территорий Государственного центрального научно-исследовательского и проектного института по градостроительству России, советник РААСН, заслуженный архитектор РФ (Москва)

Хорн, Кристиан – архитектор, урбанист, директор офиса Rethink (Франция)

Энгель, Барбара – доктор технических наук, руководитель Отдела планирования центра города Дрездена (Германия)

Якобсон Анатолий Яковлевич – доктор географических наук, профессор, зав. кафедрой менеджмента Иркутского государственного университета путей сообщения

Ямова Евгения – архитектор (Иркутск)

Victoria Astrakhantseva – honoured architect of Russia, chairperson of the Board of the Bratsk Organization of the Union of Architects of Russia, advisor of the RAACS (Bratsk)

Irina Afanasieva – special correspondent of National Research Irkutsk State Technical University Media Office (Irkutsk)

Elena Bagina – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor at Institute of Civil Engineering of Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Vladimir Belogolovsky - the founder of the New York-based Intercontinental Curatorial Project, the American correspondent for the Russian architectural journal TATLIN and a corresponding member of the International Academy of Architecture, Moscow Branch, Eurasia (IAAM)

Yuri Volchok – head of the department of contemporary history of architecture and town planning of the Research Institute of the Theory and History of Architecture and Town Planning of the RAACS, professor of Moscow Architectural Institute

Yuri Gnedovsky – Honorary President of the Union of Architects of Russia, academician of the RAACS, people's architect of the Russian Federation (Moscow)

Elena Grigoryeva – architect, corresponding member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAACS), full member of the International Academy of Architecture, Moscow Branch, Eurasia (IAAM)

Pavel Dorofeev – architect of the Department of Town Planning, Irkutskgiprodornii OJSC.

Olga Zheleznyak – Professor, Ph.D. in Art History, head of the Department of Design of the Faculty of Fine Arts at National Research Irkutsk State Technical University, member of the Union of Designers of Russia, of the Union of Architects of Russia, full member of the International Academy of Nature and Society Sciences (Department of Art and Industrial Design)

Andrei Ivanov – architect, urbanist, adviser of Department of planning and territorial development of Federal fund for promotion of house-building development, research fellow of the Sector of problems of cultural environment of settlements of Russian Institute of Cultural Research (Moscow)

Olga Kazakova – Ph.D. in Art History, senior research officer of the Research Institute of the Theory and History of Architecture and Town Planning (Moscow)

Alexander Klevakin – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor at Novosibirsk State Academy of Architecture and Fine Arts (Novosibirsk)

Alla Korzun – Ph.D. in Architecture, head of the Department of History of Architecture and Fundamentals of Design at National Research Irkutsk State Technical University

Anatoly Kotsar – honoured economist of the Russian Federation

Eduard Kubensky – architect, editor-in-chief of TATLIN publishing house (Yekaterinburg)

Anastasia Kurtish – architect, Irkutsk

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology, Ass. Professor of the Department of Management at Irkutsk State University of Railway Engineering (Irkutsk)

Mark Meerovich – Doctor of Historical Sciences, Ph.D. in Architecture, corresponding member of the RAACS, Professor of the Department of Architectural Engineering at Institute of Architecture and Construction of National Research Irkutsk State Technical University, honoured architect of Russia (Irkutsk)

Yuri Melyanitsky – architect (Ukraine)

Dmitry Mikheikin – architect, founder of the design bureau NLO (Moscow)

Vladimir Nechitailo – architect, Ass. Professor of the Department of Architectural Engineering at Institute of Architecture and Construction of National Research Irkutsk State Technical University

Eugeny Pkhor – architect, member of the Union of Moscow Architects

Alexander Rappaport – Ph.D. in Architecture, Doctor of Art History, member of the Union of Moscow Architects, member of the Union of Designers of Russia, observer of the UMA Internet-magazine "Architector", member of the International Association of Architecture Critics

Maria Stepanova – member of the Union of Designers of Russia (Irkutsk)

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor of the Department of Philosophy at Baikal State University of Economics and Law, member of the Center for Independent Social Research and Education (Irkutsk), member of the Union of Journalists of Russia

Eduard Tovmasyan – head of the department of urban planning for territorial development of the State Central Research and Design Institute of Urban Planning of Russia, adviser of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, honored architect of the Russian Federation (Moscow)

Christian Horn – architect, urbanist, director of rethink office of the built environment (France)

Barbara Engel – Doctor of Engineering, Head of Planning Department Inner City, Dresden (Germany)

Anatoly Yakobson – Doctor of Geography, Professor, head of the Department of Management at Irkutsk State University of Railway Engineering (Irkutsk)

Eugenia Yamova – architect (Irkutsk)

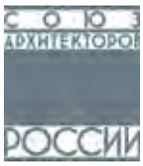
номер выпущен при поддержке
Администрации г. Иркутска, а также

ОТКРЫТОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
ИРКУТСКГРАЖДАНПРОЕКТ

СибЭкспоЦентр

БАЙКАЛЬСКОЕ
ОБЩЕСТВО
АРХИТЕКТОРОВ
ИНЖЕНЕРОВ

Восток
Сиб
Академ
Центр

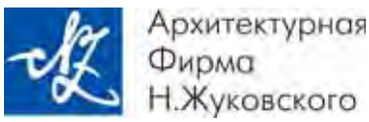


Иркутская
региональная
организация

Сибирский
Проектный Институт

ООО «Забайкальский
институт
территориального
планирования»

П Т А М
Студия 7



ПТАМ
архитектора
Стегайло

ГАБР

www.projectbaikal.com